РУССКИЕ ТАЙНЫ

С. МИНАКОВ

СТАЛИН И ЕГО МАРШАЛ

Сканировал и создал книгу - vmakhankov

С. МИНАКОВ

СТАЛИН И ЕГО МАРШАЛ

МОСКВА ▪ ЯУЗА ▪ ЭКСМО

2004

ББК 63.3(2)6-8
М 62

Оформление художника *А. Козаченко*

Минаков С.
М 62 Сталин и его маршал. — М.: Яуза, Эксмо, 2004. — 640 с., ил.

ISBN 5-699-05916-4

По сей день «дело Тухачевского» рождает вопрос: было ли оно следствием безумного и болезненного деспотического своеволия сумасшедшего диктатора, самоубийственно уничтожившего своих генералов — невинных жертв «великой чистки», или И. Сталин действительно оказался жертвой честолюбивых замыслов «красного Бонапарта», вынудившего творца СССР провести столь болезненную «хирургическую» политическую операцию — единственный возможный способ защитить страну от внутреннего врага перед лицом грядущей агрессии с Запада?

ББК 63.3(2)6-8

© С.Т. Минаков, 2003
© ООО «Издательство «Яуза», 2004
© ООО «Издательство «Эксмо», 2004

ISBN 5-699-05916-4

Даже когда я умру, я останусь для людей звездой их дерзаний, мое имя будет боевым кличем их устремлений, девизом их надежд.

Наполеон

...Из числа многих в своем роде сметливых предположений было, наконец, одно, странно даже сказать: что не есть ли Чичиков переодетый Наполеон...? ...Может быть, и выпустили его с острова Святой Елены и вот он теперь и пробирается в Россию, будто бы Чичиков, а в самом деле вовсе не Чичиков.

Н. Гоголь. Мертвые души

Мы встряхнем Россию, как грязный ковер, а затем мы встряхнем весь мир!

М. Тухачевский, 1917 г.

ВВЕДЕНИЕ

«Феномен Тухачевского» — иначе вряд ли возможно определить это знаковое явление русской революции. Впервые мир почувствовал под знаком Тухачевского демоническую ярость инфернального пожара русской революции, угрожавшего в 1920 г. поглотить Запад и взорвавшегося Варшавской катастрофой.

Вторично это имя с восхищением и опаской произносили и на Западе, и в СССР в начале 1930-х — имя создателя новой Советской армии, армии грядущей «войны моторов», имя одного из творцов индустриальной России.

В третий раз оно прозвучало в смутном по смыслу знаке — «дело Тухачевского», или «заговор Тухачевского». Это словосочетание наполняет сознание и память представлениями о массовом и таинственном по своим причинам, катастрофическом по последствиям истреблении высшего и старшего офицерского состава Красной Армии накануне большой мировой войны.

По сей день «дело Тухачевского» рождает вопрос: было ли оно следствием безумного и болезненного деспотического своеволия сумасшедшего диктатора, самоубийственно уничтожившего своих генералов, невинных жертв «великой чистки», или И. Сталин дей-

ствительно оказался жертвой честолюбивых замыслов «красного Бонапарта», вынудившего творца СССР провести столь болезненную «хирургическую» политическую операцию — единственный возможный способ защитить страну от внутреннего врага перед лицом грядущей агрессии с Запада?

Столкновения этих полярных мнений вспыхивают и ныне. «Дело Тухачевского» оказывается, пожалуй, одним из главных аргументов и индикаторов в оценках нашего сравнительно недавнего прошлого. В зависимости от трактовок его, оправдывающих или осуждающих Сталина, а значит, весь период сталинского великодержавия. Одни видят в нем искомый идеал будущего обустройства России. Другие — кошмарный призрак советского прошлого, вместе с проклятиями, посылаемыми ему, они отвергают весь великодержавный исторический и культурный путь тысячелетней России.

И вот, всматриваясь в это явление, начинаешь особенно отчетливо воспринимать мнение, что история, как и мир вообще, человек, личность — это, прежде всего, «текст». Это «текст», читаемый бесконечно многими в прошлом и настоящем и бесконечно многими же по-своему трактуемый и «переводимый» в зависимости от смыслового контекста, рождаемого масштабами и уровнями индивидуальной информированности, культуры, образованности, жизненного и политического опыта, предрассудками, характером и пр.

И возникает мысль, что «дело Тухачевского» — это, прежде всего, явление, «феномен Истории и политики», скрытый смысл которого и ныне смутен. Ведь тогда, в 1920—1930-е гг., независимо от реальной или «химерической» его природы, «заговор Тухачевского» и рожденное им «дело», увлекшее в бездну бесславия и длительного забвения имена десятков тысяч людей, воспринимались современниками как факт и фактор политики. И в таковом восприятии «дело Тухачевского» обусловило, и весьма значимо, поведение многих вершителей мировых судеб тех лет, начиная с самого И. Сталина.

«Феномен Тухачевского», подобно другим и еще более значимым «явлениям-персонам» XX в. — «Ленину», «Сталину», «Гитлеру», «Троцкому» и др. — достался в наследство нашей памяти как «фантом», «миф», «легенда» новейшего времени. Хотя для совре-

менников эти «фантомы» и «мифы» были безусловными фактами при всей своей химеричности и фантастичности. Тогда, в 20—40-е годы XX столетия, они казались воплощением мощных тектонических сил мира и Вселенной. Они казались демоническими фигурами «полубогов», возвеличенных сознанием, желанием и надеждами осиротевших масс в обезбоженном и потому обезумевшем мире. Каждый из них казался обещанным Ф. Ницше «Сверхчеловеком», «олимпийцем» и «титаном», творящим высшее земное добро, находясь «по ту сторону добра и зла».

«Заговор Тухачевского» был для современников объективной реальностью, сколь бы ускользающе-сомнительными не оказывались факты, о нем свидетельствующие нам и современным историкам. Поэтому я предлагаю читателю свои размышления, выводы, часто предположения по поводу этого события на основе самых разнообразных свидетельств, документов, имеющихся на сегодняшний день в нашем распоряжении и, возможно, не исчерпанных мной полностью.

Совокупность событий, аккумулированных в слове «Тухачевский», представляется мне детонатором катастрофы, последствия которой и ныне ощущаются в России. Именно это обстоятельство удерживает мое внимание на исследуемом явлении, которое давно вышло за пределы обозначаемой этим именем личности. Я вновь и вновь всматриваюсь в прошлое, в те его закоулки, которые и ныне погружены в сумерки недоговоренности и призрачности, а порой бесконечно глубоко запрятаны во мрак тайны, раскрыть которую до конца, быть может, не удастся никогда.

Сюжеты и события, которым я решился посвятить настоящие изыскания, чем далее по времени от них отстоит мысль и воображение исследователя, тем более обрастают легендами, преданиями, версиями. И будучи изначально явленными фрагментами полуправды-полулжи, постепенно все более четко обретают образ мифологии новейшего времени. Станут ли они для грядущих поколений именно мифом, мифологией, симулякром? Не берусь дать на это однозначный ответ, однако попытаюсь в меру осведомленности и накопленного профессионального и житейского опыта дать по возможности им объяснение.

Настоящая книга написана на материале архивных источников из фондов ГАРФа, РГВА, РГВИА, РГАСПИ, впервые вводи-

мых в научный оборот, а также уже привлекавшихся другими исследователями, на материале наблюдений, воспоминаний и свидетельств современников описываемых и исследуемых событий, военной и политической публицистики и военно-теоретических разработок 20—30-х годов, на материале советской и зарубежной прессы. Хорошим фундаментом исследования, помещенного в книге, послужили ценные наработки отечественных и зарубежных авторов — историков и публицистов. Перечисление основных источников по исследуемой проблеме и работ авторов, в разное время так или иначе соприкасавшихся с ней или изучавших отдельные ее аспекты, дается в конце книги.

...Вечером 21 июля 1942 г. в своем бункере «Вервольф» в кругу доверенных лиц во время очередного застолья А. Гитлер, рассуждая о разном, почему-то вдруг вспомнил о чистке советского генералитета в 1937 г. «Совершенно не ясно, — рассуждал фюрер, — не стали ли со временем противоречия между Сталиным, с одной стороны, и Тухачевским с его сторонниками — с другой, так сильны, что Сталин боялся своего убийства этим кругом военных?!» И, как бы отвечая на собственный же вопрос, заключил: «Миры Сталина и бывшего царского офицера Тухачевского настолько разошлись, что между ними возникла пропасть...»[1]

Как известно, последствия так называемого «дела Тухачевского» для Советских Вооруженных Сил и для самой страны были трагичны и весьма значительны. И не только для СССР. По свидетельству руководителя немецкой политической разведки В. Шелленберга, «решение Гитлера поддержать Сталина, а не Тухачевского и генералов, предрешило весь курс немецкой политики до 1941 г. и может по праву считаться одним из самых важных решений того времени»[2].

Один из творцов Великой Победы *маршал А. Василевский утверждал:* «Без тридцать седьмого года, возможно, и не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решил

---

[1] Из застольных бесед Гитлера // Новая и новейшая история. 1992. № 4. С. 199.

[2] *Шелленберг В.* Секретная служба Гитлера: Мемуары. Киев, 1991. С. 25.

начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел»[1].

И будто в подтверждение мнения советского маршала сам А. Гитлер, выступая в январе 1941 г. перед генералитетом в связи с утверждением плана «Барбаросса», заявил: «Ныне существует возможность разбить Россию... Русские вооруженные силы — это глиняный колосс и без головы». Несомненно, он опирался на выводы секретного доклада, подготовленного для него к 15 января 1941 г. разведотделом Генерального штаба сухопутных войск Германии, в котором отмечалось, в частности: *«В связи с последовавшей после расстрела летом 1937 г. Тухачевского и большой группы генералов «чисткой», жертвой которой стали 60—70% старшего начальствующего состава, имевшего частично опыт войны, у руководства «высшим военным эшелоном» (от главнокомандования до командования армией) находится совсем незначительное количество незаурядных личностей... Преобладающее большинство нынешнего высшего командного состава не обладает способностями и опытом руководства войсковыми объединениями»*[2].

А еще 24 июня 1937 г. немецкое военное издание отмечало: *«Тухачевский, бесспорно, был самым выдающимся из всех красных командиров, и его нельзя заменить. История когда-нибудь скажет нам, какую роль он играл в действительности в деле строительства этой армии... Михаила Николаевича Тухачевского следует признать единственным создателем Красной Армии в ее теперешней форме. Тем, чем она является теперь такой, Сталин обязан одному лишь Тухачевскому...»*[3]

---

[1] *Симонов К.М.* Беседы с Маршалом Советского Союза А.М. Василевским // *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 446.

[2] Цит. по: *Якушевский А.С.* Особенности подготовки вермахта к нападению на СССР // Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 74.

[3] РГВА. Ф. 33687. Оп. 3. Д. 1049. Л. 257. Документ опубликован в кн.: *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество, 1922—1933. Неизвестные документы. М., 1992. С. 349.

Глава I

«ВОЖДЬ КРАСНОЙ АРМИИ» — МИХАИЛ ТУХАЧЕВСКИЙ

...Чуть сутулясь, чтобы не задеть головой за косяк, через порог шагнул высокий молодой человек в длиннополой шинели с «разговорами», островерхом шлеме — «громоотводе» и «генеральскими» ромбами на рукаве.

— Не вы ли товарищ К.? — спросил он улыбаясь.

— Да, — услышал в ответ. — Чем могу быть полезен?

— Мне рекомендовали обратиться к вам, — сказал гость, — я хотел бы брать у вас уроки игры на скрипке... — И, протянув руку, представился: — Будем отныне знакомы — Тухачевский...[1].

Осенью 1916 г., после очередного неудачного побега из плена, он оказался в Ингольштадте — интернациональном лагере для особо беспокойных военнопленных офицеров-«бегунов». Французский лейтенант, вспоминая позже первое впечатление, которое произвел на него появившийся в Ингольштадте «новичок» — лейб-гвардии Семеновского полка подпоручик Михаил Николаевич Тухачевский, отмечал: «Это был молодой человек с несколько раскованными манерами, худой, но весьма изящный в своем потрепанном мундире. Бледность, латинские черты лица, пряди волос на лбу придавали ему заметное сходство с Бонапартом времен Итальянского похода»[2].

Кто мог тогда предполагать в нем на крутом развороте «мировой революции», вспыхнувшей вскоре в России, одного из ее «демонов»? Узел его судьбы затягивался в разломе гибнущей Российской империи и революции, победоносная участь которой многим была обязана ему, окутанному сумеречной, романтической репутацией «красного Бонапарта».

---

[1] *Хацкевич И.* Второе призвание маршала // Ключ-город. Смоленск, 1963. С. 278.

[2] *Fervacque P.* Le chef de l...armee Rouge — Mikail Toukhatchevski. Paris, 1928. P. 13.

1

М. Тухачевский — «легенда» Страны Советов 1920—1930-х гг.

...Одержав блестящую победу в Златоустовском сражении, М. Тухачевский выиграл «битву за Урал» и открыл путь Красной Армии и Революции в Сибирь. К концу 1919 г. он уже завоевал репутацию лучшего командарма, лучшего «революционного генерала». Он обобщил боевой опыт Красной Армии в Гражданской войне и в своем докладе в Академии Генерального штаба в декабре 1919 г. изложил концепцию, теорию и «доктрину революционной войны», которая уже в следующем, 1920 г. приобрела откровенно агрессивную сущность «революции извне». Его авторитет еще более возрос в 1920 г., когда ему, самому молодому 27-летнему командующему фронтом, удалось весной 1920 г. завершить разгром армий А. Деникина, а летом того же года совершить блестящий марш-бросок от Смоленска к Варшаве. Армии М. Тухачевского в августе—сентябре 1920 г. потерпели под Варшавой страшную катастрофу. Но впечатление от его летних успехов было настолько сильным, что он, как в Советской России, так и на Западе, стал воплощенным символом Красной Армии, сохранив эту репутацию до своей гибели в 1937 г.

Уже летом 1920 г. Председатель Совнаркома считает необходимым в принятии важных кадровых решений по военным вопросам советоваться не только с официальным Главным командованием Красной Армии (Главкомом С. Каменевым), но и с М. Тухачевским. «За замену Гиттиса товарищем Фрунзе (смотри мнение Главкома и Тухачевского)», — направляет свою записку В. Ленин 20 августа 1920 г.[1]

Для И. Сталина уже в феврале 1920 г. М. Тухачевский являлся «демоном гражданской войны... победителем Колчака и завоевателем Сибири»[2]. Для Л. Троцкого к лету 1921 г. — *«тов. Тухачевский — один из даровитейших наших молодых военных ра-*

---

[1] *Ленин В.И.* Полн. Собр. соч.. Т. 54. С. 430.

[2] *Никулин Л.* Тухачевский. М., 1964. С. 92; *Попов А.С.* Труд, талант, доблесть. М., 1972. С. 52.

ботников»[1]. *«Тухачевский, — рекламировал в Исполкоме Петросовета в марте 1921 г. Г. Зиновьев, — один из самых лучших командующих Республики, который победоносно воевал в Сибири и на целом ряде других фронтов...»*[2]

Авторитет М. Тухачевского к весне 1921 г. был настолько высок, что высшее партийно-политическое руководство сочло необходимым именно ему поручить взятие крепости Кронштадт и подавление восстания матросов. Именно в это время он, по сути дела, «диктует» свои условия лояльности и поддержки большевикам. Он отвергает идею расформирования регулярной Красной Армии и превращения ее в милиционную структуру («всеобщее вооружение народа»), выдвинутую и проводимую в жизнь Л. Троцким. Он требует и доказывает необходимость сохранения регулярной армии. Эти мысли он изложил в отдельной брошюре, в специальном письме, направленном в адрес В. Ленина, и получил возможность (что само по себе знаменательно) изложить на страницах газеты «Правда»[3].

«...Я считал бы желательным послать Тухачевского на подавление Тамбовского восстания, — писал заместитель Председателя РВСР Э. Склянский В. Ленину. — В последнее время там нет

---

[1] *Троцкий Л.Д.* Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство // Военная наука и революция. 1921. № 2. С. 222.

[2] Из стенографического отчета о заседании Исполнительного комитета Петроградского губернского Совета — информация Г.Е. Зиновьева о кронштадтских событиях и положении в Петрограде. 1921 г. 8 марта. Кронштадтская трагедия 1921 г. Документы. М., 1999. Т. 1. Документ № 232. С. 291.

[3] *Тухачевский М.Н.* Война и милиционная армия // Правда. 1921. 26 февраля. № 43. *Его же.* О социалистической армии // Правда. 1921. 12 марта, № 55. См. также: *Тухачевский М.Н.* Красная Армия и милиция. Смоленск, 1921; Письмо М.Н. Тухачевского В.И. Ленину об отрицательных последствиях введения милиционной системы вместо армии в связи с настроениями рабочих и строительством социализма в военной обстановке из-за постоянной внешней угрозы. 10 марта 1921 г. // Кронштадтская трагедия 1921 г. Документы. Т. 1. Документ № 303. С. 350—351. Этот вопрос настолько волновал М. Тухачевского и был для него важен, что даже в разговоре по прямому проводу с Главкомом С. Каменевым, вызывавшим его в Петроград 3 марта 1921 г., он не мог удержаться от критики милиционной системы. «Слушая, — заметил М. Тухачевский, — я думаю, что Подвойский с Петроградской милицией сел не только в лужу, но даже в помойную яму» (Кронштадтская трагедия... Т. 1. Документ № 96. С. 157).

улучшения и даже местами ухудшение. Получится несколько большой политический эффект от этого назначения. В особенности за границей. Ваше мнение?»[1] Назначение М. Тухачевского на указанную должность, по мнению Э. Склянского, могло обнаружить серьезность Тамбовского восстания для Запада и белой эмиграции, обнаружить слабость Советской власти, если последняя направляет туда самого лучшего своего генерала. В. Ленин, признавая, что «за границей» в самом деле «получится несколько больший политический эффект» от назначения М. Тухачевского, предложил назначить последнего, но «без огласки... без публикации»[2].

М. Тухачевский обрел уже к этому времени «знаковую репутацию» воплощенной идеи «революционной наступательной войны». Так, в связи с обострением отношений с Францией уже 25 июля 1921 г. в своей записке Г. Чичерину В. Ленин предлагал ему наряду с другими «устрашающими жестами» (политический блеф) «поездку Тухачевского в Минск тоже с угрозой и помпой»[3]. Г. Чичерин совершенно иначе оценивал ситуацию и отвергал предложенные В. Лениным «устрашения». Отвечая на записку, 26 июля Г. Чичерин писал: «Безусловно, не следует ни выступать с грозными интервью, ни устраивать демонстративных поездок Тухачевского в Минск. Один из лейтмотивов наших врагов — якобы в порыве отчаяния для своего спасения Советское правительство бросится на своих соседей»[4].

Преднамеренно «устрашающий характер» имело и новое возвращение М. Тухачевского на должность командующего Западным фронтом в феврале 1925 г. В мае же 1925 г. во время 7-го Всебелорусского съезда Советов приездом М. Тухачевского в Минск была осуществлена самая настоящая «демонстрация силы и угроз».

Не без скрытой гордости и политического вызова ответственный секретарь ЦК КПБ Криницкий, представляя съезду М. Тухачевского, прямо комментировал действительную и вероятную ре-

---

[1] Записка Э.М. Склянского от 26 апреля 1921 г. // В.И. Ленин. Неизвестные документы, 1891—1922. М., 1999. Документ № 286. С. 428.

[2] Там же. С. 429.

[3] Там же. С. 459.

[4] Там же. С. 160.

акцию зарубежной печати по поводу приезда в Минск командующего Западным фронтом. «...В польской печати много шумят... о приезде тов. Тухачевского в Западный округ, о приезде его в Минск, — говорил Криницкий, — и толкуют о том, что этот приезд знаменует то, что, дескать, Белоруссия или Советский Союз готовит нападение на Польшу...»[1] Он говорил, что «весь съезд воспламеняется при лозунге «даешь Варшаву» и что «мы в ближайшие же дни в польских газетах прочтем нелепейшие сообщения о том, что Советский Союз... имеет вождя, чтобы этот лозунг осуществить — товарища Тухачевского»[2].

Председатель съезда Червяков подхватил и продолжил рассуждения Криницкого: «К нам на Съезд Советов приехал командующий Западным военным округом тов. Тухачевский. Он пробыл тут всего несколько дней, а уже в берлинских, варшавских, виленских и других газетах разнеслись слухи, что тов. Тухачевский приехал в Минск, чтобы здесь разработать планы похода на Запад, на Польшу, а может быть, и дальше...»[3]

Выступавшие явно преднамеренно «оговаривались», называя М. Тухачевского не командующим округом, а «командующим Западным фронтом»[4]. Так же представлялся делегатам и сам М. Тухачевский. Это обстоятельство, имея «знаковый смысл», усиливало «агрессивное» значение присутствия М. Тухачевского в Западном округе и в Минске.

Ожидаемый и предполагаемый результат был достигнут: зарубежная пресса на приезд М. Тухачевского в Минск отреагировала так, как это нужно было Москве: «Тухачевский приехал в Минск для подготовки в ближайшее время военного вторжения на Запад»[5].

Не сомневаясь в том, что все это, равно как и выступление самого М. Тухачевского, станет вскоре известно заинтересованным лицам на Западе, «бряцание оружием» и его призыв к правитель-

---

[1] 7-й Всебелорусский Съезд Советов. Стенографический отчет. Минск, 1925. С. 18—19.

[2] Там же. С. 19.

[3] Там же. С. 34.

[4] Там же. С. 5—6.

[5] Там же. С. 34.

ству Белоруссии «поставить в повестку дня подготовку к войне» — все это было рассчитано, прежде всего, на западных политиков, журналистов и обывателей. М. Тухачевский, как и прежде, играл роль политической «страшилки» для Запада.

В военной публицистике начала 20-х годов также явственно просматривается выделение в качестве наиболее авторитетных «вождей Красной Армии» двух лиц: Л. Троцкого и М. Тухачевского. Начальник ГУВУЗ РККА Д. Петровский в программной статье, отражающей позицию высшего руководства Красной Армии, «Русская революция и строительство в Красной Армии» писал: «Переход от добровольческих отрядов, возникших по преимуществу в крупных центрах, куда входили передовые рабочие и сознательные крестьяне, к регулярным частям Красной Армии совершился с необычайной быстротой. «Первая армия», возглавляемая т. Тухачевским, представляла собой организованную, дисциплинированную вооруженную силу еще летом того же 1918 г. Конечно, переход к регулярности произошел не сразу... но нет сомнения в том, что т. Троцкий значительно легче справился с делом строительства регулярной армии революции, чем Кромвель в середине 17 века»[1]. Рядом с Л. Троцким и О. Кромвелем — М. Тухачевский. Итак, оказывается, что регулярную Красную Армию создавали два человека: в центре — Л. Троцкий, а на фронте — М. Тухачевский. Больше ни одной фамилии, ни одного из «революционных генералов» в статье упомянуто не было. Важно, что статья эта была помещена в первом номере нового, центрального военно-научного журнала «Военная наука и революция», вышедшем в августе 1921 г.

Примерно в это же время в региональном журнале «Армия и Революция» (орган Вооруженных сил Украины и Крыма) М. Тухачевский именуется «столь авторитетным нашим военным деятелем», на мнение которого ссылаются[2]. Генштабист Б. Савельевский в статье «О военно-исторических темах» оперирует несколькими фамилиями знаменитых военачальников — А. Суворова, Наполеона, кайзеровского генерала фон дер Гольца. В их число

---

[1] *Петровский Д.* Русская революция и строительство в Красной Армии // Военная наука и революция. 1921. № 1. С. 26.

[2] Армия и Революция. 1921. № 2/3. С. 224.

«представителем Красной Армии» включен М. Тухачевский[1]. В журнале «Красная Армия» (орган ВНО при Военной академии РККА) в октябре 1922 г. была помещена статья В. Драгилева «Ф. Энгельс как военный писатель»[2]. Автор статьи вслед за М. Тухачевским критиковал сторонников замены регулярной Красной Армии милиционной[3]. Теперь М. Тухачевский оказывается в одном ряду с Ф. Энгельсом и Л. Троцким. Примечателен «иконостас» «священных Учителей» Красной Армии: Л. Троцкий, М. Тухачевский в компании Ф. Энгельса, Наполеона Бонапарта, О. Кромвеля, А. Суворова, К. Клаузевица, Ф. Бернгарди, фон дер Гольца. Происходит, таким образом, по существу, прижизненная мифологизация не только Л. Троцкого, но и М. Тухачевского. Своего восхищения книгой М. Тухачевского «Война классов» не скрывает и еще один автор этого журнала, К. Соколов[4]. Рецензируя сборник статей М. Тухачевского в 1921 г., он пишет: «Наша революция вверх дном перевернула все военное дело... И тут вспыхивают новые веяния в пролетарской стратегии. Первая статья «Стратегия национальная и классовая», читанная в виде опытных лекций в Академии Генерального штаба в конце 1919 г., несомненно, блестяща. В статье каждая строка разноцветна, мысли новы и поэтому они глубоко запоминаются». Останавливаясь и далее на важнейших положениях концепции «революционной войны», выдвинутой М. Тухачевским в его статьях, и приветствуя их, автор заключает: «В общем, будущая кафедра по классовой войне, которая еще до сих пор не учреждена в нашей военной академии, выпьет много полезного и ново-яркого из этой заревной книги, ибо в ней каждая маленькая буква налита горячей и живой и красной кровью нашей большевистской стратегии. Это очень важно те-

---

[1] *Савельевский Б.В.* О военно-исторических темах // Армия и Революция. 1921. № 2/3. С. 152—153.

[2] Красная Армия. 1922. № 18/19.

[3] Там же. С. 53.

[4] Соколов-Страхов Константин Иванович (1896—1937), бывший офицер, член РСДРП(б) с 1917 г. В 1935 г. — комбриг. Последняя должность в РККА — заместитель начальника военно-исторического отдела Генштаба РККА. Был арестован 20 января 1937 г., осужден и расстрелян 22 августа 1937 г. Реабилитирован посмертно. В 1921 г. являлся слушателем Военной академии РККА (*Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА, 1937—1938. М., 1998. С. 412).

перь, когда в науке, которая изучает войну, висит новый кризис, обуславливаемый общими социальными условиями и перспективами социальных войн впереди»[1]. Что касается журнала «Революция и война», то там пропаганда взглядов М. Тухачевского и похвалы, ему адресованные, были еще более масштабны.

Пик популярности М. Тухачевского приходится на март 1923 — январь 1924 гг. В своем доносе на М. Тухачевского заместитель полномочного представителя ГПУ по Западному краю, направляя компрометирующие материалы Г. Ягоде, сетовал на то, что не имеет «права наблюдать... без разрешения центра... за такой крупной фигурой, как Тухачевский»[2].

Лишь Л. Троцкий и М. Тухачевский удостоились чести в 1923 г., раньше других «вождей и героев Красной Армии» и партийных деятелей, «увековечить» свою фамилию в названии города. Как известно, с 1923 г. Гатчина была переименована в честь «вождя Красной Армии» и стала называться «Троцком». Однако мало известно, что «на имя командующего Западным фронтом, — как сообщалось в июльском номере за 1923 г. журнала «Военный вестник», — получена следующая **телеграмма:** *«Руководителю пятой армии — освободителю Урала от белогвардейщины и Колчака — в день четвертой годовщины взятия Урала Красной Армией, — Миасский горсовет им шлет пролетарский привет; в ознаменование дня город Миасс переименовывается в город Тухачевск — вашего имени»*[3].

К 1927 г. «иконостас» «вождей» Красной Армии заметно изменился и по составу и по «происхождению»: все большее значение приобретали «номенклатурные вожди», чей рейтинг определялся уже не уровнем популярности в военных массах и в населении, а должностью и официальной пропагандой. Перечень официальных «вождей» и «героев» Красной Армии к 1927 г. очень четко и ясно определяется в справочно-биографических томах энциклопедиче-

---

[1] *Соколов К.* (Сахаров). Рецензия на книгу М. Тухачевского «Война классов» // Красная Армия. 1921. № 3/4. С. 53—54.

[2] Документ опубликован в кн.: *Парнов Е.* Заговор против маршалов. М., 1997. Кн. 2. С. 17.

[3] Военный вестник. 1923. № 25. В 1926 г. городу возвратили его прежнее название. Это весьма симптоматично для официальной политической репутации М. Тухачевского.

ского словаря «Гранат». Советской и зарубежной общественности предлагался официальный, «канонический иконостас» политических и военных «вождей» СССР. Однако фигура М. Тухачевского сохранила ведущее положение. Ему была посвящена по объему пространная статья. Судя по ее тексту, М. Тухачевский оспаривает или, лучше сказать, делит с М. Фрунзе лавры «победителя Колчака». «В период кризиса обстановки на Восточном фронте, — пишет автор этой статьи, — при организации прорыва через Уральский хребет Тухачевский применил смелый маневр, избрав не уфимско-златоустинское направление, а направив глубоким обходом главные силы армии по долине р. Юрюзань на Златоуст... Операция закончилась полной победой, открыв Красной Армии прямую дорогу в Сибирь»[1]. Перечисление последующих боевых операций, проведенных М. Тухачевским на Восточном фронте, автор статьи завершает Омской, которая «закончилась полным разгромом колчаковских войск»[2]. Итак, М. Тухачевский пока сохраняет в общественном мнении репутацию «победителя Колчака».

Далее, отмечая деятельность М. Тухачевского на Кавказском фронте, автор статьи заключает: «26 марта был взят Новороссийск, после чего армия Деникина закончила свое существование»[3]. Таким образом, М. Тухачевский — «победитель Деникина».

Весьма «мягко» изложив действия М. Тухачевского и его поражение на Западном, «польском», фронте, автор пишет: «Результатом кампании 1920 г. явилось освобождение советской Белоруссии»[4]. М. Тухачевский — «освободитель Белоруссии».

После этого автор статьи перечисляет дальнейшие «воинские подвиги» М. Тухачевского: «ликвидацию вторжения Булак-Булаковича», «ликвидацию Кронштадтского восстания». Особое внимание автор биографической статьи обращает на действия М. Тухачевского во главе войск Тамбовской губернии: «На антоновском фронте Тухачевским были применены новые методы по увязке боевой работы войск с закреплением на местах Советской власти,

---

[1] Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь «Гранат». М., 1989. С. 725.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 726.

и восстание было ликвидировано методически, по расписанию, в сорокадневний срок»[1].

Достаточно выразительно представлена «выдающаяся деятельность» М. Тухачевского и в послевоенный период. В качестве заместителя начальника Штаба РККА в 1924 г. он «работал над реорганизацией Красной Армии»[2]. Для сравнения: в статье о М. Фрунзе ничего не было сказано об аналогичной или более «выдающейся деятельности» этого военачальника в 1924—1925 гг. Автор статьи ограничился перечислением и последовательностью занимавшихся им должностей.

Наконец, в статье указывается, что М. Тухачевский «возглавляет работу по подготовке высшего комсостава Красной Армии»[3], будучи Главным руководителем по стратегии в Военной академии РККА. **Итак, М. Тухачевский — главный стратег Красной Армии, «учитель» и «вождь» всех советских «генералов».**

Таким образом, следует отметить, что и к 1927 г. М. Тухачевский официально представлен как лидер Советских Вооруженных Сил и советской военной элиты. М. Фрунзе еще не занял ведущего и «сакрального» места в официальной иерархии высшего комсостава РККА. Среди имен «героев» и «полководцев» Гражданской войны и Красной Армии пока продолжали лидировать два: М. Тухачевский и С. Буденный.

Тем не менее с 1926—1927 гг. М. Фрунзе в качестве «вождя Красной Армии» в официальной пропаганде, формирующей общественное мнение, постепенно вытесняет и Л. Троцкого, и М. Тухачевского. В своем докладе на XV съезде партии в декабре 1927 г. К. Ворошилов не назвал ни одного имени из высшего комсостава РККА, кроме покойного М. Фрунзе, что, несомненно, отражало сложившийся к этому времени официальный стереотип. Лишь в выступлении Ю. Ларина, не входившего в номенклатурную «политическую верхушку», в связи с угрозой новой войны на Западе прозвучала большая цитата из только что изданной в

---

[1] Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь «Гранат». М., 1989. С. 726.

[2] Там же.

[3] Там же.

Польше книги Ю. Пилсудского, прославлявшая М. Тухачевского[1]. Итак, на партийном съезде, на фоне высокопоставленного военного чиновника, каковым был К. Ворошилов, рядом с ним «номенклатурным» «вождем Красной Армии» упоминается реальный «вождь Красной Армии» М. Тухачевский. Однако уже в следующем году центральная, прежде всего военная, пресса и периодика начинают превращать его в «антигероя», в «антивождя».

Популярность М. Тухачевского трудно назвать народной. О нем не слагали стихов, не пели песен, не рассказывали анекдотов. Его стремительная и драматичная военная карьера в Красной Армии началась сразу же с больших командных высот. Он никогда не был командиром небольшого партизанского отряда, как С. Буденный, Г. Котовский, В. Примаков. Он не был на глазах безграмотной или полуграмотной солдатско-крестьянской, казацкой массы. Для нее он никак не был своим. Всем своим обликом, внешностью в то революционное время он вызывал у этой массы настороженность, неприязнь. Он был «чужак», «золотопогонник», «белогвардейская морда».

Он начал свою военную карьеру в Красной Армии сразу с командующего армией. И хотя летом и осенью 1918 г. в силу рыхлости самого армейского организма ему иногда и приходилось с винтовкой в руках ходить в атаку, это было редко. Солдаты «револю-

---

[1] *Пилсудский Ю.* Война 1920 года. // *Тухачевский М.* Поход за Вислу; // *Пилсудский Ю.* Война 1920 года. М., 1992. Книга Ю. Пилсудского была издана в Польше в 1924 г. Затем она была переведена на французский и издана в Париже в 1926 и переиздана в 1929 г. «Движение войск г-на Тухачевского, — цитировал Ю. Ларин, — продолжалось безостановочно... Столь длинные марши, прерываемые к тому же боями, могут служить к чести как для армии, так и для ее руководителей. Особенно же нельзя отнести к числу средних величин и посредственностей главнокомандующего, который имеет достаточно сил и энергии, воли и умения, чтобы проводить подобную военную работу. С таким маршем его будет поздравлять каждый историк, каждый исследователь. Влияние этого марша было громадным... Под впечатлением этой надвигающейся тучи шаталось государство, колебались характеры, мякли сердца солдат. Всюду вокруг себя я видел влияние этого марша. Безостановочный марш г-на Тухачевского значительно превысил своим значением и влиянием предыдущие события... Государство трещало, усилия войск раздроблялись в попытках контратак, а работа командования с каждым днем становилась морально труднее и тяжелее. Этот процесс разложения сил, этот процесс ломки нашей воли был, по моему мнению, самым большим триумфом, который я могу приписать г-ну Тухачевскому».

ционной армии» не видели его на поле боя. Тем более когда М. Тухачевский стал командующим фронтом. Он был для них «белой костью», «белоручкой», сторонящимся «черновой работы», как это не мог не заметить впоследствии и Г. Жуков.

Да, для Г. Жукова или С. Кутякова, командиров подразделений в те годы, когда М. Тухачевский командовал фронтом, он не был «отцом-командиром», «впереди на боевом коне» во главе красноармейских цепей под одними и теми же белогвардейскими или белопольскими пулями. М. Тухачевский восхищал ту часть Красной Армии, которая имела хотя бы среднеобразовательный ценз (гимназия, духовная семинария, учительская семинария, кадетский корпус, военное училище) или высшее образование. С одной стороны, они видели и воспринимали русскую революцию не только эмоционально, но и стремились «нейтрализовать» в себе ужасы и страхи, ею рожденные, интеллектуальной, образовательной рефлексией. Они стремились ее осмыслить и в конечном счете укротить. Они понимали, что судьба революции и революционной, гражданской войны решается не на данном конкретном поле боя, несмотря на его кровопролитность, ожесточенность и потери товарищей. И этот бой, и эти убитые, раненые, покалеченные, эти потери, даже, порой, проигрыш этого частного боя «местного значения» — лишь часть более масштабной, хитроумно замысленной боевой операции, таинственным, чудесным, гениальным образом зародившейся в голове этого безусого гвардейского подпоручика. «Чудо», рожденное в «тайне», создавало «авторитет» и славу полководца М. Тухачевскому в глазах не рядовых участников боев, не среди солдат непосредственно на поле сражения, а среди командиров. Это, как правило, и были люди с определенным образовательным цензом, чаще всего бывшие офицеры, в большинстве — офицеры военного времени (из разночинной интеллигенции, служащих, учащихся). Именно в этой «полуобразованной» среде и могли возникать более цельные, «книжные», однако весьма упрощенные представления о революции. Это были представления о русской революции, клишированные с Великой Французской, о которой они читали в учебниках. Если большинство рядовых солдат, красноармейцев подчас и понятия не имели об этой Великой революции, то эти их командиры знали о ней «кое-что».

Это «кое-что» часто умещалось в обрывки знаковых имен и понятий: Бастилия, якобинцы, террор, гильотина, Робеспьер, Мюрат, Наполеон. Именно в этой среде удобнее всего могла «разместиться» «наполеоновская легенда», придававшая оптимистический смысл и будущее самой революции. Именно в этой среде шел спонтанный «поиск» «русского, или красного Бонапарта». Благодаря знакомым им по учебникам и литературе «книжным иллюстрациям» или кинематографу внешние признаки легче всего и быстрее угадывались ими в М. Тухачевском. Слишком многое казалось в нем и в его поведении проявлением «наполеоновских признаков». Да и в целом, как среди «красных революционных командиров», так и среди «белых революционных командиров», оказавшихся неподготовленными для решения политических проблем, эти решения чаще всего и легче всего находились в «Наполеоне».

2

Михаил Тухачевский — «наполеоновская легенда» русского зарубежья

Ожидания и надежды на внутрироссийское, «национально-бонапартистское» перерождение Советской России и на решающую роль в этом деле советских «военспецов» и «красных командиров» характерны были в это время для значительной части «белой» военной элиты. В этом плане интересны размышления генерала А. фон Лампе. Он обращал внимание на однородные социокультурные и неформальные инфраструкутурные свойства советской и «белой» военной элиты. Склонность усматривать некое «коренное» единство «красной» и «белой» армий проявляется уже весной 1920 г. в записях А. фон Лампе. «Меня очень интересует сущность Красной Армии, — записал он в своем дневнике в апреле 1920 г. — Создана она была социалистическим бредом, но борьба с нами, введение в нее настоящих офицеров, постепенное возвращение к дореволюционным порядкам — это тоже глава в той книге, о которой я мечтаю»[1]. «По общему мнению, которое я и сам разделяю, — записал в своем дневнике 24 декабря 1923 г. А. фон

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 456.

Лампе, — у нас один путь для работы — союз с Красной Армией и террор в самой России»[1]. Эти настроения усиливались благодаря всевозможным слухам и сообщениям беглецов из Советской России.

В контексте вышесказанного М. Тухачевский уже с начала 20-х годов привлекал большое внимание в русских военно-эмигрантских кругах. «Среди военспецов и главковерхов Красной Армии почти с первых дней большевистского владычества... часто повторяется имя Тухачевского, молодого, способного офицера, которому Советская власть поручала за эти годы ряд ответственных задач...»[2] — отмечалось в газете «Руль» в октябре 1922 г. «Совершенно точно и документально установлено, — своеобразно выразил мнение русской военной эмиграции, обозначив самых авторитетных «красных генералов», представитель барона П. Врангеля в Берлине генерал А. фон Лампе 6 июня 1923 г., — ...что в Германии ни одного из представителей Красного командования (вроде Тухачевского или Буденного) или видного офицера Генерального штаба (вроде Готовского, Свечина, Бонч-Бруевича, Гутора и др.) никогда не было и нет...»[3] Представление «белогвардейской элиты» о лидирующей роли М. Тухачевского в Красной Армии просматривается и в дневниковой записи врангелевского генерала, сделанной в ноябре 1922 г.: «Врангель дискредитировал себя в глазах красных командиров производством Шатилова и др., тем, что он с собой ведет Тухачевским и иным новое начальство»[4]. Сотрудник Штаба РККА, бывший офицер белой армии генерала Е. Миллера полковник П. Дилакторский, несомненно, отражая сложившееся в высших военных кругах РККА мнение, в марте 1923 г. дополнил информацию о «рейтинге популярности» «вождей Красной Армии». «Троцкий величина большая, — сообщал он, — но его популярность не верна». Свои впечатления от разговора с П. Дилакторским генерал А. фон Лампе записал в дневнике: «...Тухачевского он расценивает низко», однако «считает его... модным» и влиятельным, поскольку «при нем старается

---

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 13. Л. 5803.

[2] Там же. Д. 9. Л. 3335.

[3] Там же. Д. 13. Л. 5817.

[4] Там же. Д. 9. Л. 3341.

сделать карьеру»[1]. Итак, в общественном мнении Советской России к марту 1923 г. М. Тухачевский считался «модным и влиятельным». Информация, поступавшая из Советской России, формировала в русском белом зарубежье мнение о популярности М. Тухачевского в «Совдепии», в Красной Армии, о его «разладе» с большевистской властью, с подозрением относившейся к «революционному генералу». 16 ноября 1922 г. А. фон Лампе записал в своем дневнике: «Некто Цветков, который служил в красной Академии и много мне рассказывал... что Тухачевского Троцкий назначил начальником академии потому, что боялся его популярности на фронте, а из академии его выкурила коммунистическая ячейка. Рассказывают, что он вел себя много лучше, чем теперешний начальник академии настоящий генерал Лебедев...»[2] По мнению его однополчанина и известного военного историка полковника А. Зайцова, «Тухачевский, бесспорно, является самым крупным советским военным специалистом из числа лиц, занимающих высшие посты в Красной Армии»[3]. Все это производило впечатление на белую эмиграцию, стимулируя оживление ее политических надежд. Для эмиграции М. Тухачевский представлял интерес, прежде всего, как умный, решительный и безжалостный генерал, способный любой ценой подавить «народное восстание». По мнению «белых радикалов», он сумел сделать то, с чем не справились ни Л. Корнилов, ни А. Колчак, ни А. Деникин, ни П. Врангель. М. Тухачевский становится блуждающим, таинственным и внушающим надежды «призраком» русского белого зарубежья. «Мифологическое» присутствие «загадочного Тухачевского» мерещилось везде, где веяло дыханием политической тайны или тянуло «революционным дымком». Фигура М. Тухачевского заняла особое место и фактически вытеснила в сознании русской эмиграции других советских военачальников. В каждом заметном и важном военно-политическом событии виделся М. Тухачевский. Он превращался, таким образом, в своеобразный синоним, символ или «знак» «революционного генерала» Красной Армии. Слухи припи-

---

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 4133.

[2] Там же. Д. 9. Л. 3340.

[3] *Зайцов А.* Шестнадцать лет РККА // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 257.

сывали М. Тухачевскому значительную часть деяний других революционных генералов. «Если верить газетам, — отмечалось в «Руле» осенью 1922 г., — ему (М. Тухачевскому) поручили действия против Приморских правителей»[1]. В «Русской правде», другой эмигрантской газете, читатели неоднократно информировались о том, что «по приказу Совнаркома на Юг послан командарм Тухачевский, чтобы подавить народное движение»[2]. «У меня есть слухи, — сообщает в своем письме от 22 октября 1922 г. А. фон Лампе, — что под фамилией Скорина в Берлине Тухачевский...»[3]

...Истоки «бонапартистской легенды» М. Тухачевского в русском зарубежье уходят в эпоху Гражданской войны. Еще в марте 1920 г., наблюдая за гибельным для белых войск генерала А. Деникина исходом битвы за Северный Кавказ, полковник А. фон Лампе высказал в своем дневнике знаковое соображение: «Какая ирония: Тухачевский бьет Деникина! Не Наполеон ли?»[4] В конфиденциальной разведсводке «Комсостав и военспецы Красной Армии» от 15 февраля 1922 г., составленной в берлинском представительстве генерала П. Врангеля, значилось: *«...Лица, близко знающие Тухачевского, указывают, что он человек выдающихся способностей и с большими административными и военными талантами. Но он не лишен честолюбия и, сознавая свою силу и авторитет, мнит себя русским Наполеоном. Даже говорят, он во всем старается подражать Наполеону и постоянно читает его жизнеописание и историю. В дружеской беседе Тухачевский, когда его укоряли в коммунизме, не раз говорил: «Разве Наполеон не был якобинцем?»... Молодому офицерству типа Тухачевского и других, примерно до 40-летнего возраста, занимающему командные должности, не чужда мысль о единой военной диктатуре»*[5].

---

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3335.

[2] Там же. Д. 14. Л. 6572.

[3] Там же. Д. 9. Л. 3463.

[4] Там же. Д. 2. Л. 422.

[5] Цит. по кн. *Щетинов Ю.А., Старкова Б.А.* Красный маршал. М., 1990. С. 6.

«Мне кажется, что монархистам придется перейти к идеям прямого бонапартизма, — склоняется к этой мысли А. фон Лампе в марте 1923 г[1]. — Я лично считаю, что царем на Руси должен быть тот, кто сумеет этого добиться...[2] Это возможно только внутри самой России!..[3] По-видимому, России придется пройти и через «красного Наполеона», должен сказать, что при всем том, что сейчас прямо иду к исповеданию бонапартизма, я не могу пойти за жидом! Не атавизм ли?![4] ...Троцкий, по-видимому, не может опереться на Красную Армию, то есть, она не в его руках — это повышает значение спецов...[5] Если бонапартизм Врангеля был не мифом, я пошел бы за ним[6]... Ну да все равно, пусть хоть Буденный или Тухачевский!»[7]

В своем письме из Берлина к В.А. Маклакову в Париж от 28 мая 1923 г., сообщая о положении в Советской России и рассуждая о возможной роли армии в антибольшевистском перевороте, Е.Д. Прокопович-Кускова особое внимание уделяла М.Н. Тухачевскому[8]. В связи с полученными от нее сведениями В.А. Маклаков писал Б.А. Бахметьеву из Парижа 7 июня 1923 г.: «...Ленина нет. Все остальные слишком слабы... Момент становится настолько острым, что они понимают, что эта толпа засосет их в болото, что это та же толпа, которая во время пожара убивает всякую надежду на спасение. Тогда и является фатальная надежда на единоличную власть, на силу военного диктатора. Вы постоянно вспоминаете о Директории; вспомните, как собирались соблазнить разных генералов еще до Бонапарта; ведь ни в одном законе не написано, чтобы военным диктатором был непременно победоносный полководец; если так и бывает, то это только случайность;

---

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 4125

[2] Там же. Д. 11. Л. 4708.

[3] Там же. Д. 10. Л. 4125.

[4] Там же. Л. 4131.

[5] Там же. Д. 14. Л. 6264.

[6] Там же. Д. 11. Л. 4708.

[7] Там же. Д. 10. Л. 4125.

[8] «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметьев — В.А. Маклаков. Переписка 1919—1951. М., 2002. Т. 3. С. 568.

на это больше шансов; но по существу нужно только иметь с собой военную силу, и если кто-либо располагает ею и не будучи победоносным полководцем, то этого достаточно. Общее желание порядка и спокойствия может быть настолько сильным, что заменит и внешнюю победу. И ведь при Директории обращались до прибытия Бонапарта к тем, за кем таких громких побед не числилось. Я не хотел бы дать Вам подумать, что я верю в неизбежность этого поворота событий; я только допускаю его возможность и даже вероятность; и думаю дальше, что, если бы это произошло и если бы какой-нибудь Тухачевский разыграл роль, скажем, даже не Бонапарта, а Муссолини, который тоже ведь не был победоносным полководцем, то этот военный диктатор, разогнавший коммунистических паразитов, был бы принужден немедленно и в упрощенном порядке сделать то, что я предчувствовал в виде медлительного процесса: передать на места, местным людям и учреждениям управление всей жизнью страны»[1].

Оживление интереса и внимания политических деятелей русской эмиграции к политическому потенциалу М. Тухачевского было обусловлено «свежей» информацией из Советской России, доставленной на «философском пароходе» осенью 1922 г. Ее источник — известный русский философ И. Ильин, который вскоре стал одним из друзей и единомышленников А. фон Лампе. Генерал познакомился с И. Ильиным вскоре после появления последнего в Берлине. Возможность для знакомства представилась в редакции газеты «Руль» благодаря ее редактору И. Гессену, с которым А. фон Лампе имел достаточно близкие приятельские отношения. А. фон Лампе принял участие во встрече с прибывшими в Германию «пассажирами» «философского парохода»[2]. «После этого, — записал он в своем дневнике 14 октября 1922 г., — я несколько часов говорил с профессором Московского университета Иваном Александровичем Ильиным, одним из 50 высланных из Совдепии»[3]. А. фон Лампе живо интересовался у И. Ильина всем,

---

[1] «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметьев — В.А. Маклаков. Переписка 1919—1951. М., 2002. Т. 3. С. 15.

[2] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3304.

[3] Там же.

что происходило в Советской России и, конечно же, Красной Армией. «...Говорил (И. Ильин) также, — записал далее А. фон Лампе, — что армия (Красная) нас не знает, кроме некоторых слоев, которые на нас надеются и ждут, и нас боится»[1].

...31 октября 1923 г. И.А. Ильин вместе с личным письмом генерала А. фон Лампе передал для барона П. Врангеля специальную записку с очерком политического положения в СССР[2]. Оценивая политическую ситуацию в СССР к концу 1922 — началу 1923 г., известный русский философ И. Ильин рассуждал о возможностях и перспективах «бонапартизма» в Советской России. Отражая сложившиеся к этому времени в общественном мнении представления о советских военно-политических лидерах, он назвал несколько фамилий и дал им краткие и емкие характеристики. «Такая фигура, — размышлял И. Ильин по поводу кандидата в «русские Наполеоны», — может попытаться «вынырнуть» из революции, поставив ее силу к своим услугам и не напрягая ее против себя. На этом покоятся, конечно, расчеты Брусилова, Зайончковского, Слащова, может быть, Троцкого (вряд ли), полковника Каменева и Буденного. Брусилова и Зайончковского я знаю: оба старчески хитры и трусливо-расчетливы. Поэтому сами ничего не сделают, если их не сделают события. Слащова — не знаю... Полковник Каменев — просто штабной спец из радикалов. Буденный будет еще служить царю. Троцкий — умен, выдержан, прекрасный актер, глубоко беспринципен, тактически большой ловкач; думаю, что он — давнишний сотрудник немцев. Тухачевский — очень честолюбив, фаталистичен, молчалив; кажется, не умен[3]; может стать центром заговора; вряд ли справится»[4].

Стилистика и фразеология «записки» позволяют считать ее ответом И. Ильина на запрос генерала П. Врангеля (вероятно ини-

---

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3307.

[2] *Ильин И.А.* Записка о политическом положении. Октябрь 1923 г. Адресована П. Врангелю // Русское прошлое. СПб., 1996. № 6.

[3] Оценка И. Ильина созвучна с мнением полковника П. Дилакторского.

[4] *Ильин И.А.* Записка о политическом положении... // Русское прошлое. № 6. С. 220.

циированный А. фон Лампе), а не собственной инициативой философа. На это указывает характер оценок «красных генералов». И. Ильин как бы отвечает по персональному списку, не им составленному. Если бы это было иначе, то вряд ли он упомянул бы в числе «генералов» Я. Слащова, которого он «не знает». Складывается впечатление, что именно из штаба П. Врангеля через А. фон Лампе был представлен список «красных генералов», которых в русском зарубежье и врангелевском руководстве рассматривали как кандидатов в «потенциальные Бонапарты». Косвенным образом это мнение подтверждается характером пометок, сделанных в тексте «записки» генералом П. Врангелем[1]. Он никак не отреагировал на указанные в ней фамилии «генералов», но лишь на определенные размышления и выводы И. Ильина. Это вполне естественно, если список «генеральских» фамилий был представлен самим П. Врангелем или с его ведома. То, что это был запрос, поступивший из штаба П. Врангеля, а не от А. фон Лампе, становится ясным хотя бы из наличия в списке фамилии А. Брусилова. Дневниковые записи А. фон Лампе свидетельствуют, что берлинский резидент П. Врангеля совершенно исключал А. Брусилова из кандидатов в «Бонапарты». Во всяком случае, этот список интересен тем, что ориентирует в представлениях врангелевцев о военно-политических лидерах Красной Армии, обладающих «бонапартистским потенциалом». Осенью 1923 г. это были: А. Брусилов, А. Зайончковский, С. Каменев, Л. Троцкий, С. Буденный и М. Тухачевский.

Философ признается, что «знает» лишь «Брусилова и Зайончковского», но наибольший интерес представляет его замечание о М. Тухачевском: «Тухачевский — очень честолюбив, фаталистичен, молчалив; кажется, не умен; может стать центром заговора; вряд ли справится»[2]. Текстуальный анализ данной фразы позволяет определить источники этой характеристики-оценки.

Отчасти она является результатом личных впечатлений от общения с «красным Бонапартом» (скорее всего, случайного): «...Молчалив. Кажется, не умен». Отчасти — сложилась на основе информации о М. Тухачевском, полученной от людей, достаточно

---

[1] Ильин И.А. Записка о политическом положении... // Русское прошлое. № 6. С. 220. По тексту.

[2] Там же.

близко и долго знавших «красного маршала»[1]: «Очень честолюбив, фаталистичен... Может стать центром заговора. Вряд ли справится».

Резонно предполагать, что по роду своих профессиональных увлечений, убеждений, возрасту философ вряд ли мог где-либо пересечься на своем жизненном пути с М. Тухачевским, кроме как у генерала А. Зайончковского, которого «он знал» и с которым в первой половине 20-х годов «красный Бонапарт» находился в достаточно близких дружеских отношениях. Близкое знакомство М. Тухачевского с А. Зайончковским могло установиться, конечно же, при посредничестве племянника генерала и близкого соратника будущего маршала полковника Генштаба Н. Какурина[2]. Сам И. Ильин, возможно, был введен в дом А. Зайончковского единственным человеком, который мог оказаться удобным и подходящим в этом деле посредником — своим однокашником по юридическому факультету Московского университета, близким товарищем М. Тухачевского подполковником И. Троицким, преподававшим в то время в Военной академии РККА.

Впрочем, еще в августе 1921 г. во время следствия по «делу Таганцева» некоторые арестованные в своих показаниях считали, что «Зайончковский и Тухачевский были бы полезны в случае переустройства государственной власти». Упоминался при этом и

---

[1] Известно, что М. Тухачевский был близко знаком с генералом А. Зайончковским, бывал у него в гостях в 1923—1924 гг. Так что информация о нем могла быть получена И. Ильиным от А. Зайончковского. Можно утверждать, вне всяких сомнений, что приятельские отношения между М. Тухачевским и А. Зайончковским установились благодаря близкому сотруднику и другу М. Тухачевского полковнику Н. Какурину. Последний был родным племянником генерала по матери. Однако Н. Какурин вернулся из Туркестана лишь летом 1922 г., когда М. Тухачевский уже вновь находился в Смоленске в должности командующего Западным фронтом (Военные архивы России. — Вып. 1. С. 109—110; Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в РККА (к 1 марта 1923 г.). М., 1923. С. 95—96).

[2] С 1918 по 1922 г. И. Ильин шесть раз подвергался арестам и дважды прошел через суд по обвинению в «антисоветской и контрреволюционной деятельности». Он не скрывал своих монархических взглядов, считал себя и считался идеологом «белого дела». Последний раз в РСФСР он подвергся аресту 6 сентября 1922 г. и прямо из заключения 22 сентября был выслан за границу. Таким образом, познакомиться с М. Тухачевским он мог только до начала сентября 1922 г., однако вряд ли раньше июля.

Н. Какурин. Известно, что И. Ильин привлекался к суду по «делу Таганцева». Таким образом, И. Ильин, скорее всего, отражал мнение и рейтинг популярности военных лидеров, сложившиеся среди «военспецов-генштабистов», служивших в Красной Армии. Таковыми в данном случае выступали Н. Какурин, И. Троицкий и близкая к ним группа других «генштабистов», занимавших высокие и ответственные посты в высшем комсоставе РККА: Н. Соллогуб, В. Готовский, А. Готовский, А. Де-Лазари, М. Баторский, Е. Шиловский, В. Берендс[1]. Это было, очевидно, отражением мнения и А. Брусилова и А. Зайончковского, которых И. Ильин, по собственному признанию, «знал». И. Ильин своим мнением корректировал список «кандидатов» и назвал лишь одного, который «может стать центром заговора», — М. Тухачевского. Но и по поводу него выразил сомнения: «кажется, не умен», «вряд ли справится». Судя по дневниковым записям А. фон Лампе в марте 1923 г., где он в связи с «бонапартизмом» в Советской России и «переходом к исповеданию бонапартизма» упоминает лишь М. Тухачевского и С. Буденного, автор дневника, видимо, сделал их уже по результатам бесед с И. Ильиным, а также других «гостей» из Советской России.

Сообщения И. Ильина могли вызвать желание у А. фон Лампе обратиться к своему однополчанину князю Ф. Касаткину-Ростовскому, который в это время жил в Берлине, за «справкой» о М. Тухачевском и с предложением опубликовать о нем воспоминания. Впрочем, конфидентом князя мог быть и вышеупоминавшийся В. Готовский, оказавшийся в Берлине в январе 1922 г. Ровесники, они были однокашниками по Пажескому корпусу. В большой публикации в газете «Руль» под названием «Главковерх

---

[1] И. Троицкий окончил юридический факультет Московского университета. Судя по возрасту и годам учебы, он должен был учиться на факультете в одно время с И. Ильиным. Впечатления о честолюбии, фаталистичности, «конспиративно-политических» настроениях М. Тухачевского вряд ли могли возникнуть у А. Зайончковского. Он знал М. Тухачевского не настолько хорошо, чтобы «выследить» эти свойства личности «красного Бонапарта». А. Зайончковский, скорее всего, сам получил эту информацию от Н. Какурина и И. Троицкого. Поэтому информацию о данных свойствах характера М. Тухачевского И. Ильин мог получить в пересказе А. Зайончковского или непосредственно от И. Троицкого. Возможно, из всех трех источников: от А. Зайончковского, И. Троицкого, Н. Какурина.

Тухачевский», появившейся в октябре 1922 г., подписанной многозначительным псевдонимом «Антар»[1], за которым скрывался князь Ф. Касаткин-Ростовский[2], содержатся следующие строчки:

---

[1] «Антар» — имя популярного средневекового арабского поэта-воина. То, что за этим псевдонимом скрывается князь Ф. Касаткин-Ростовский, обнаруживается при сопоставлении текста данной статьи и воспоминаний князя о М. Тухачевском, опубликованных в «Семеновском бюллетене», № 2 за 1935 г., а затем перепечатанных в журнале «Часовой», № 162 за 1936 г. В ряде мест прослеживается текстуальное и буквальное совпадение.

[2] Примечательно, что князь Ф. Касаткин-Ростовский оказывался фактически единственным, но неоднократным «свидетелем» поведения М. Тухачевского в полку и в 1922 г., и в 1935 г. Князь был, пожалуй, самым родовитым из всех офицеров лейб-гвардии Семеновского полка в это время. Быть может, его внимание и стремление понять поступок М. Тухачевского (переход к большевикам) было обусловлено как раз тем «аристократическим» поведением, которое всячески демонстрировал молодой подпоручик. Впрочем, скорее всего князь Ф. Касаткин-Ростовский передал в своих воспоминаниях не только собственные впечатления о М. Тухачевском. Таковые, в собственном смысле этого слова, возникли из описанного им эпизода «в воронке». Надо иметь в виду, что князь Ф. Касаткин-Ростовский (1875—1940), выпускник Пажеского корпуса, вернулся в полк из отставки. В августе 1914 г. он в чине капитана занимал в полку должность младшего штаб-офицера 4-го батальона. М. Тухачевский же тогда был младшим офицером 7-й роты во 2-м батальоне. Вряд ли первоначально он мог привлекать особое внимание старшего офицера, который был почти на двадцать лет старше его. М. Тухачевский стал известен в полку и в 1-й гвардейской дивизии только после «дела под Кржешувом», где он особенно отличился (см. об этом ниже). Скорее всего, князь Ф. Касаткин-Ростовский характеризовал подпоручика М. Тухачевского со слов капитана Ф. Веселаго (1877—1915), непосредственного начальника молодого офицера, командира 6-й роты. В эту роту М. Тухачевский был переведен из 7-й в конце августа 1914 г. Именно человек, непосредственно и постоянно наблюдавший М. Тухачевского, его соратник и боевой товарищ мог дать ему нижеследующую характеристику. «...Не могу сказать, чтобы он пользовался особенной симпатией товарищей. Первый боевой успех, конечно, вскружил ему голову и это не могло не отразиться на его отношениях с другими. Его суждения часто делались слишком авторитетными. Чуждаясь веселья и шуток, он всегда был холоден и слишком серьезен, что совсем не было свойственно его возрасту, часто с апломбом рассуждая о военных операциях и предположениях. С товарищами был вежлив, но сух, и это особенно бросалось в глаза в нашем полку, где все жили одной дружной семьей. Строевой офицер он был хороший...» Конечно, все это весьма похоже на характеристику командира, у которого М. Тухачевский был постоянно на виду. Известно, что капитан Ф. Веселаго, как и князь Ф. Касаткин-Ростовский, окончил Пажеский корпус, только годом позже князя. Однако старший брат капитана, А. Веселаго, также до 1906 г. офицер лейб-гвардии Семеновского полка, был ровесником и сокурсником князя по Пажескому корпусу. «Пажи» всегда весьма чутко проявляли чувства «землячества». Они составляли в полках своего рода мик-

«...Они играют в Наполеоны (недаром говорят, Тухачевский никогда не расстается с историей этого великого полководца)»[1]. В материалах к дневнику у А. фон Лампе имеется вырезка из газеты «Руль» с этой публикацией.

Само по себе появление в газете «Руль», издававшейся И. Гессеном, в конце октября 1922 г. большой публикации о М. Тухачевском весьма знаменательно. Знаменательны и начальные характеристики человека, который на Западе являл собой в то время воплощение Красной Армии, ее революционной сущности и идеологии экспорта революции «на штыках». В публикации М. Тухачевский именуется «молодым, способным офицером, которому Советская власть поручала за эти годы ряд ответственных задач...» Автор публикации, таким образом, с самого начала решил воздерживаться от эмоциональных, морально-этических оценок М. Тухачевского, стараясь ненавязчиво демонстрировать объективность и нейтральность. Это само по себе примечательно.

Таким образом, цель публикации — обратить внимание политически ангажированной части русской эмиграции на личность советского военачальника из императорских гвардейцев. Благодаря воспоминаниям о М. Тухачевском, поясняет автор, «удалось получить некоторые сведения о характеристике последнего, бросающие свет на неясные для нас причины поступков этого человека». В характере и свойствах личности «красного Бонапарта», следовательно, автор публикации усматривает и его политическую сущность. Иными словами, для белоэмигрантских политических кругов, как можно это констатировать, переход и нахождение М. Тухачевского, аристократа, офицера лейб-гвардии Семеновского полка, на стороне большевиков, тем более во главе Красной Армии, вызывало недоумение, порождало ощущение противоестественности его поступка и сомнения в искренней приверженности его к большевизму. Далее автор воспоминаний и давал этому объяснение, мотивируя, как было сказано выше, поступки М. Тухачевского его характером и свойствами личности. Автор старается

рокорпорацию. Очевидно, таким образом, капитан Ф. Веселаго был дружен с князем и подробно охарактеризовал ему ставшего известным и интересным подпоручика М. Тухачевского. См.: РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2595. Д. 2756. См. также: *Зайцов А.* Семеновцы в 1914 году. Гельсингфорс, 1936.

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3336.

быть объективным и воздерживается от каких-то резкостей в оценках М. Тухачевского. Он отмечает, что последний был «хорошим строевым офицером», хотя и не пользовавшимся «особой симпатией товарищей» в силу ряда его личных качеств. Впрочем, главным мотивом поведения М. Тухачевского, по мнению князя, была его «одержимость стихией войны» и чрезвычайным честолюбием. Он считал, что М. Тухачевскому не столь важен был цвет армии, сколько армия как таковая: «он говорил о возрождении армии, о реформах, им вводимых, о возрождении дисциплины...»

Продолжая приводить воспоминания о настроениях и мыслях М. Тухачевского уже во время его пребывания в Красной Армии, автор пересказывает слова последнего, которыми он, как бы оправдываясь перед своим однополчанином, и объясняет переход на сторону большевиков. «Надо было, прежде всего, покорить все, — якобы говорил М. Тухачевский в 1919 г., будучи командармом, — что противится армии, возродить ее на старых основаниях... не все ли равно кому служить, веря в непобедимость русского солдата, который остался прежним, что и раньше, только надо его дисциплинировать». Эту информацию, по словам автора публикации-воспоминаний, сообщил ему еще один однополчанин М. Тухачевского, некий «господин Х»[1].

---

[1] В публикации не называется фамилия этого офицера. Предположительно, это был капитан Казаков С.М. (1891—1919, по другим сведениям, умер в эмиграции после 1926 г.). Он был, как и М. Тухачевский, выпускником Александровского военного училища. В августе 1914 г. С. Казаков в чине подпоручика занимал должность начальника обоза 1-го разряда лейб-гвардии Семеновского полка. В октябре 1915 г. он был прикомандирован для занятий к Главному штабу. С 16 декабря 1918 г. в Добровольческой армии, помощник начальника отдела Генерального штаба Крымско-Азовской армии. В ноябре 1919 г. — младший помощник начальника общеорганизационного отдела штаба войск Новороссийской области. Князь Ф. Касаткин-Ростовский в своих воспоминаниях ссылается на некого однополчанина, приятеля М. Тухачевского, который рассказал следующий эпизод. «В 1919 году один из его бывших сослуживцев был вызван неожиданно в Козлов в ставку командующего одной из советских армий, — так излагал событие князь. — Удивленный таким приглашением, г-н Х принужден был поехать, и там, к удивлению, узнал, что командующий этой армией был Тухачевский. Обласкав г-на Х, Тухачевский стал убеждать его поступить на службу к Советам, говорил о возрождении армии, о реформах, им вводимых, о возрождении дисциплины и т. д. Видимо, опьяненный своей ролью и осуществлением своей мечты, он восторженно строил планы покорения всего, что противится новому строю, говорил, что это настоящее служение народу. По его словам, надо было, прежде всего, покорить все, что про-

Такого рода рассуждения совершенно очевидно должны были импонировать лицам, подобным А. фон Лампе. Вышеприведенные его размышления о Красной Армии в дневнике вполне созвучны с только что цитированными словами М. Тухачевского. В то же время автор воспоминаний характеризовал М. Тухачевского как «человека бесконечно самовлюбленного, не считающегося ни с чем, чтобы только дойти до своей цели, достигнуть славы и власти, не считаясь с тем, через чьи трупы она его приведет, не заботясь ни о ком, кроме себя».

В заключение воспоминаний (и публикации) читателю «Руля» представляется резюме характеристики М. Тухачевского: «Тухачевский типичный авантюрист, самовлюбленный и самонадеянный, стремящийся к одному: к карьере и к власти... Тухачевский — азартный игрок, играющий карьерой и будущностью». Обобщая и типологизируя личность М. Тухачевского, автор дает более яркую и образную оценку. «Они, — то есть лица, подобные М. Тухачевскому, — играют в Наполеоны... Будут ли они Батыя-

---

тивится армии, возродить ее на старых основаниях, он говорил, что не все ли равно кому служить, веря в непобедимость русского солдата, который, по его мнению, остался тем же, что и раньше, только надо его дисциплинировать... Дав Тухачевскому, предложившему ему в своей армии дивизию, уклончивый ответ и отправившись для устройства своих дел в отпуск, г-н Х, переодевшись кочегаром, бежал в армию генерала Деникина». Из всех оставшихся в живых к этому времени офицеров — сослуживцев М. Тухачевского, не оставшихся в Петрограде, в Москве или не перешедших уже к Юденичу или Деникину, и в то же время по своему происхождению живших сравнительно недалеко от Козлова, С. Казаков наиболее подходящая фигура. Он принадлежал к дворянам Тульской губернии и, следовательно, жил где-то в ее пределах. К тому же он являлся однокашником М. Тухачевского по военному училищу и его ровесником, тоже младшим офицером. В то же время, С. Казаков был кадровым офицером, получившим определенное академическое образование. М. Тухачевский мог рассчитывать на его честолюбие. Он умер от тифа, будучи офицером штаба генерала П. Врангеля, где собралась целая группа семеновцев-генштабистов. Князь Ф. Касаткин-Ростовский мог с ним общаться уже с февраля 1919 г., оказавшись при штабе ВСЮР после побега из Киева. М. Тухачевский в описываемое время был сначала помощником командующего Южным фронтом, штаб которого располагался в Козлове, а затем — командующим 8-й армией. В этом качестве он оставался до марта 1919 г. До указанного времени и должна была произойти эта встреча. Впрочем, С. Казакова хорошо знал сам А. фон Лампе. В это время они как раз вместе служили в штабе генерала П. Врангеля. Не исключено, что данную информацию мог передать князю Ф. Касаткину-Ростовскому сам А. фон Лампе. — См. также: РГВИА. Послужной список С.М. Казакова.

ми, Тамерланами, — не все ли равно! Они строят свое благополучие на армии, они ландскнехты по существу и служат тем, кто им платит. Они неразрывно связаны с солдатами, армия их любит, верит им, и в этом их сила». Вот она, сущность М. Тухачевского, как ее выражает автор публикации: «...Они ландскнехты по существу, армия их любит, и в этом их сила». Иными словами, М. Тухачевский представляется в оценках автора публикации как потенциальный «Цезарь» или «Бонапарт». Это и должно привлечь военно-политические круги русской белой эмиграции: М. Тухачевский — ни «белый» и ни «красный», он — «революционный генерал Бонапарт», он — бонапартист. Наконец, Ф. Касаткин-Ростовский, как бы мимоходом, ненавязчиво и пунктирно, но достаточно определенно намечает политические перспективы М. Тухачевского. В своих рассуждениях он выражает надежды на то, что М. Тухачевскому «может быть еще будет суждено сыграть в России новую роль, роль генерала Галифе, расстрелявшего для блага Франции тысячи парижских коммунаров...»[1] Впрочем, это суждение вполне могло относиться и к репрессивным мерам М. Тухачевского по отношению к мятежным матросам Кронштадта и Тамбовскому крестьянскому восстанию в 1921 г.

Так был представлен не только образ М. Тухачевского и его соблазнительные для белой эмиграции политические возможности, но и мнение о нем его однополчан-семеновцев. Это был их кандидат в российские «Наполеоны». Они, несомненно, тоже выполняли функции благоприятного для М. Тухачевского социокультурного фона. Офицеры лейб-гвардии Семеновского полка, сослуживцы «красного маршала», охотно воспринимали политическую «легенду Тухачевского», могли рассматривать как своего «семейного» кандидата, опираясь не только на слухи и чужие мнения, но и на собственные впечатления от близкого общения с М. Тухачевским, когда он был еще гвардии подпоручиком. Одним из источников формирования «бонапартистской репутации» М. Тухачевского, как это видно из ранее сказанного, был его сослуживец по лейб-гвардии Семеновскому полку генерал А. фон Лампе. Сквозь текст цитированной выше дневниковой записи А. фон

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3335—3336.

Лампе — «...Тухачевский бьет Деникина! Не Наполеон ли?» — едва заметно чувствуется даже некоторое подобие гордости: «Наш семеновец-гвардеец бьет армейца-либерала Деникина»[1]. «Наш львенок!» — испытывали затаенную гордость особенно «семеновцы» старшего поколения.

...Особое место и роль в формировании «наполеоновской легенды» в русском «берлинском» зарубежье занимал и играл военный журнал «Война и Мир» созданный в 1922 г. по инициативе Разведывательного управления Штаба РККА через частное немецкое издательство[2]. Он возник в обстановке «сменовеховских»

---

[1] Алексей Александрович фон Лампе (1885—1967), после окончания Николаевского военного инженерного училища был в 1904 г. выпущен подпоручиком в 6-й саперный батальон и в его составе вскоре оказался в Маньчжурии, на полях и сопках Русско-японской войны. Воевал он доблестно и после окончания войны, в 1908 г., был в числе особо отличившихся офицеров-фронтовиков переведен подпоручиком в лейб-гвардии Семеновский полк. В нем он оставался вплоть до 1914 г., когда был прикомандирован к штабу 18-го армейского корпуса, которым командовал генерал А. Зайончковский. С 1916 г. А. фон Лампе в чине капитана занимал должность штаб-офицера для поручений при штабе этого корпуса. В этой должности он оставался вплоть до революции 1917 г. Практически в течение всего 1918 г. капитан А. фон Лампе был занят подпольной контрреволюционной деятельностью вместе с полковником Штейфоном и В. Шульгиным. Лишь в конце 1918 г. он оказался в Добровольческой армии. С мая 1919 г. уже полковник А. фон Лампе занял должность начальника оперативного отделения штаба Кавказской армии, которой командовал генерал П. Врангель. С этого времени судьба бывшего офицера-семеновца была связана с судьбой «черного барона», в штабе которого он неизменно находился при всех перемещениях П. Врангеля. В связи с опалой и почетным изгнанием П. Врангеля после возникшего у него конфликта с Главнокомандующим ВСЮР А. Деникиным в изгнании оказался и полковник фон А. Лампе. С начала 1920 г. он был направлен в Константинополь представителем Главкома ВСЮР. Оттуда он и наблюдал за тем, как его однополчанин М. Тухачевский громил их с бароном обидчика генерала А. Деникина. Отсюда понятно и естественно некоторое чувство удовлетворения «отмщением» М. Тухачевским «обид», нанесенных «гвардейцам» П. Врангелю и А. фон Лампе со стороны либерала-армейца А. Деникина. В эмиграции полковник, затем генерал-майор А. фон Лампе с 1921 г. был военным представителем генерала П. Врангеля в Венгрии, затем Дании, а с 1922 г. в Германии. Там, в Берлине, он и остался на десятилетия начальником 2-го отдела РОВС после его образования в сентябре 1924 г.

[2] Первым главным редактором журнала был генерал-лейтенант М.И. Тимонов. Под его руководством вышли первые три номера журнала в 1922 г. Начиная с № 4 (ноябрь 1922 г.) главным редактором журнала становится генерал-лейтенант профессор А.К. Кельчевский.

настроений в русской эмиграции и издавался вплоть до лета 1925 г., выполняя роль своеобразного и неофициального посредника между Красной Армией и русской военной белой эмиграцией. Несомненно, его главной задачей было разложение остатков структур белых армий за рубежом и «перетягивание» их наиболее влиятельных представителей и лидеров на сторону Красной Армии. Идеология этих действий выстраивалась на завуалированной пропаганде смутных обещаний и надежд на «бонапартизм» советской военной элиты и грядущую «бонапартизацию» Советской России и СССР. Это был один из способов их политической нейтрализации и ликвидации указанных структур, представлявших в это время главную военно-политическую опасность для Советской России и СССР. Этот журнал от Разведуправления Штаба РККА, очевидно, курировали Б. Бортновский[1], в ведении которого находилась работа в белоэмигрантской среде, и Г. Теодори[2], официальный рецензент материалов, публиковавшихся в журнале. После внезапной смерти от инфаркта в апреле 1923 г. генерала А. Кельчевского главным редактором журнала с этого времени и до конца его существования, до лета 1925 г., был полковник В. Колоссовский[3].

---

[1] Бортновский Бронислав Брониславович («Бронковский», «Бронек», «Петровский») (1894—1937). Один из руководителей советской разведки. Из мещанской семьи. Член СДКПиЛ с 1912 г. С 1917 г. в ВЧК. Секретарь Ф. Дзержинского. С 1919 до декабря 1921 г. заместитель и начальник разведотдела штаба фронта. С декабря 1921 до конца 1924 г. один из создателей и руководителей Центра советской военной разведки в Берлине (заместитель резидента Разведуправления Штаба РККА). Отвечал за проникновение агентов ОГПУ — НКВД в круги белой эмиграции. С апреля 1925 до 1929 г. помощник начальника Разведуправления Штаба РККА и одновременно начальник 2-го (агентурного) отдела. С 1929 г. на работе в Коминтерне. Репрессирован летом 1937 г.

[2] Теодори Георгий Иванович (1890—1937), капитан Генерального штаба. С июня 1918 г. консультант Оперативного отдела Наркомвоена. С октября 1918 г. — начальник штаба Управления дел РВСР (орган разведки и контрразведки). С ноября 1918 г. — консультант Регистрационного управления Полевого штаба РВСР. 1 марта 1919 г. направлен в Прибалтику и на Северный фронт для выполнения агентурной разведки. 12 марта арестован в Двинске по подозрению в шпионаже и участии в белогвардейской организации. Содержался в Бутырской тюрьме и Особом отделе ВЧК до января 1921 г. После этого служил на различных должностях в РККА. Арестован 16 апреля 1937 г. и репрессирован.

[3] РГВИА. Послужной список 330 Колоссовского В.В.; *Колоссовский.* Германские и австрийские авиационные части (по сведениям к 25 мая 1917 г.). 1917; ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3296—3297.

Колоссовский Владимир Васильевич (1885—19??), давний приятель А. фон Лампе, однокурсник по учебе в Академии Генерального штаба. В 1915 г. штабс-капитан крепостной артиллерии, в мае 1917 г. — подполковник Генерального штаба, в составе штаба Юго-Западного фронта, в разведотделе, специалист по боевой технике, особенно по артиллерии и авиации. После Октябрьской революции В. Колоссовский остался на Украине, был направлен гетманом П. Скоропадским в Париж в качестве его военного агента В таковом качестве В. Колоссовский оставался до 1919 г. После крушения гетманского режима на Украине и прекращения, следовательно, в 1919 г. его аккредитации в качестве военного агента, В. Колоссовский, по собственному признанию в разговоре с А. фон Лампе, еще около двух лет оставался в Париже и, пользуясь хорошим знанием французского языка, жил случайными заработками, в частности работая и мойщиком автомобилей. В Берлине он оказался в 1922 г. и по приглашению своего бывшего профессора по Академии Генерального штаба А. Кельчевского, возглавившего редакцию журнала «Война и Мир», стал сотрудником и членом редколлегии указанного журнала. Видимо, приглашению способствовало благоприятное впечатление от статей, которые В. Колоссовский уже направлял в редакцию журнала. По собственному признанию, В. Колоссовский начал писать в журнал, еще находясь в Париже, «по предложению адмирала Максимова, бывшего морского министра у гетмана» П. Скоропадского. К октябрю 1922 г. «по его предложению стал помощником редактора».

Лучше всего свое отношение к В. Колоссовскому и его информации выразил в своих дневниковых записях сам А. фон Лампе. Встреча генерала с В. Колоссовским произошла в Берлине 6 октября 1922 г. неожиданно для первого и по инициативе последнего. По собственному признанию, А. фон Лампе был «этому чрезвычайно рад». В. Колоссовский был в это время уже помощником редактора упомянутого выше журнала. Генерал же был уже достаточно хорошо и достоверно осведомлен о том, что журнал «Война и Мир» под видом частного и независимого военного издания на самом деле субсидируется Разведуправлением Красной Армии. А. фон Лампе знал, что идеологически журнал близок к сменовеховской газете «Накануне». Ему было также известно, что в соста-

ве сотрудников журнала — бывших генералов и старших офицеров русской армии — имеются две группировки: те, кто, уйдя из белой армии, выполняют пропагандистские задания из Москвы, являются фактически агентурой Разведуправления РККА, и те, кто действительно занимает аполитично-профессиональные позиции[1].

А. фон Лампе принял к сведению (и записал в дневнике) признание В. Колоссовского, «что он сам против большевиков и не хочет для них работать»[2]. Подводя итоги своим впечатлениям от первой встречи с В. Колоссовским, А. фон Лампе не скрывал некоторых своих сомнений насчет своего старого приятеля, что нашло отражение и в дневнике генерала. «Очень мне неприятно с ним хитрить, — записал А. фон Лампе, — он всегда ко мне относился очень хорошо, а в Академии даже и оказал услугу, поменявшись с Одесского на Петроградский округ! Но как же быть — я не могу не быть осторожным, ведь за мною общее дело. Думаю, что он постарается возможно больше узнать от меня... Надо быть весьма осторожным и это, повторяю, меня тяготит, так как я к нему всегда хорошо относился!»[3] В последующие месяцы, приглядываясь к журналу «Война и Мир» и поведению В. Колоссовского, генерал А. фон Лампе в связи со смертью генерала, профессора А. Кельчевского 1 апреля 1923 г. отмечал: «Смерть Кельчевского считаю потерей — журнал, по-видимому, попадет в руки сменовеховцев типа Носкова или Достовалова и пойдет прямо на большевистскую дорожку! А пока он велся хорошо!»[4] Генерал положительно воспринял и назначение новым редактором журнала В. Колоссовского, как считали все ориентировавшиеся в этих вопросах, представлявшего умеренную и не большевистскую по симпатиям часть сотрудников журнала. К этому времени А. фон Лампе уже имел возможность составить о своем приятеле более определенное мнение в плане идейно-политических симпатий последнего. «Сам Колоссовский, по-моему, благодаря своему укра-

---

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3296; Д. 10. Л. 4074, 4117, 4143; Д. 11. Л. 4681, 4697, 4762.

[2] Там же. Д. 9. Л. 3296.

[3] Там же.

[4] Там же. Д. 11. Л. 4681.

инскому периоду, — записал генерал 31 марта 1923 г. в своем дневнике, — стал национально очень гибок и теперь на всякий случай готовит себе возможность ухода в чешскую армию...»[1] К концу 1923 г. А. фон Лампе уже не сомневался в том, что В. Колоссовский не работает на большевиков. В связи с этим примечательна запись в его дневнике: «...Сам В.В., видимо, страхуется на меня, и он прав, я его большевиком не считаю!»[2] Таким образом, полковник пользовался доверием у А. фон Лампе, тем более что, судя по дневниковым записям генерала, их встречи обычно происходили по инициативе В. Колоссовского. Они были не слишком частыми, и последний передавал генералу А. фон Лампе весьма интересную информацию о комсоставе Красной Армии, его настроениях, взамен ничего от своего товарища не получая.

В числе руководителей, сотрудников и авторов журнала можно определить несколько групп бывших генералов, адмиралов и офицеров русской, белой и антибольшевистских армий[3]. Особый

---

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 4143.

[2] Там же. Д. 13. Л. 5755.

[3] В разное время среди сотрудников и авторов журнала были русские офицеры и военные специалисты генерал-лейтенант Е. Достовалов, генерал-лейтенант С. Добровольский, К. Чайковский, Н.А. Талицких, А.Б. Шершевский, А. Зайончковский, адмирал Б.В. Дюшен, адмирал Максимов, генерал-лейтенант П. Залесский, генерал-майор А.А. Носков, инженер Е.В. Цитович, инженер И.С. Лавров. В журнале активно сотрудничали и германские военные специалисты. В их числе были и достаточно известные люди. Это генерал от инфантерии Франсуа, майор, полковник Генштаба Бауэр, майор К. Майер, майор Рендулич, майор Бухрукер, капитан Генштаба Риттер, капитан-лейтенант Фехтер, морской капитан Венигер, капитан Генштаба Рихтер (под псевдонимом Гаршин), инженер-капитан Ф. Хейгль, В. Кунц, профессор Фляйш. Были среди авторов журнальных статей и французские военные специалисты: морской капитан М. дю Шене, майор Блох. Генерал А. фон Лампе, имевший благодаря полковнику Генштаба В. Колоссовскому хорошие возможности составить представление о журнале «Война и Мир» и его сотрудниках, так характеризовал их состав. «Состав редакции и сотрудников, — сообщал А. фон Лампе в секретной «справке» своему начальству в Париже 2 апреля 1923 г., — резко делился на две части: умеренную, настаивавшую и проводившую аполитичную линию в направлении журнала. В ее состав входили: профессор Кельчевский (редактор), генерал Борисов, адмирал Максимов, полковник Колоссовский, германского Генерального штаба капитан Рихтер (псевдоним Гаршин). И боевую сменовеховскую, сильно клонившую в сторону большевиков: генерал Носков, только что высланный французским правительством и поселившийся в Берлине, генерал Достовалов, настаивающий на публикации его документов и го-

интерес представляет факт участия в журнале в качестве авторов представителей германской армии. Среди них в то время достаточно известным в определенных политических кругах был майор Генштаба рейхсвера Э. Бухрукер. Он являлся одним из организаторов и руководителей так называемого «черного рейхсвера». Политические настроения членов этой военной организации вполне «вписывались» в весьма размытую идеологию «левых нацистов». Сам Э. Бухрукер был близким другом лидера «левых нацистов» О. Штрассера. Следует иметь в виду, что идеологически «левые нацисты», в частности О. Штрассер, находились под сильным, в том числе и личным, влиянием известного праворадикального философа А. Меллера ван ден Брука (1876—1929). Связь «черного рейхсвера» в лице Э. Бухрукера с «левыми нацистами», с одной стороны, и с Разведуправлением Штаба РККА — с другой через журнал «Война и Мир» весьма примечательна, особенно в контексте бурно развивавшихся революционных процессов в Германии в 1923 г. В связи с этим фактом стоит вспомнить, что попытки установить своеобразный политический союз с «левыми нацистами» предпринимал в 1923 г. К. Радек. В контексте этих обстоятельств находятся и слухи о связях с «черным рейхсвером» М. Тухачевского, неоднократно приезжавшего в Германию в 1923 г.[1].

...Почти с самого начала своего существования журнал «Война и Мир» являлся пропагандистом и популяризатором М. Тухачевского и его оперативно-стратегических взглядов и действий. В журнале исподволь утверждалась правильность его оперативно-стратегических подходов во время «польской кампании» и Варшавского сражения 1920 г. Этим, по сути дела, обосновывалась концепция «революции извне» М. Тухачевского и целесообразность его стратегии на ее основе. Так, в № 2 журнала за июль 1922 г. в рубрике «Библиографический обзор французской воен-

---

товящий к печати книгу, по его словам, разоблачавшую подготовку занятия корпусом генерала Кутепова Константинополя и двуличную политику немцев и французов в Крыму; и Дюшен, так же, как и Достовалов, всецело передавшийся на сторону большевиков и подвизающийся вместе с ними в «Накануне». До сего времени побеждала первая группа, к которой для неизвестных мне целей временно примыкал и появлявшийся в Берлине генерал Сидорин». — ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 11. Л. 4763.

[1] Обо всем этом см. подробнее далее, в соответствующем разделе.

ной печати за февраль и март 1922 г.» давалась развернутая рецензия на статью французского автора, зашифрованного под инициалами «L.F.» под названием «Сражение под Варшавой»[1].

В этой рецензии автор обратил внимание на следующие положения французской статьи: «Из детального, день за днем, разбора сражения нельзя, однако, не видеть, что, несмотря на то что Красная Армия, сильно вырвавшись вперед, находилась под Варшавой в явно невыгодном положении, она тем не менее имела несколько случаев не только не дать развиться маневру поляков, но, может быть, даже вырвать из их рук победу». Разворачивая свою мысль, французский автор считал, что «вся правофланговая группа Красной Армии, состоявшая из конного казачьего корпуса и из 4-й армии, с отборными коммунистическими частями, в сущности, не принимает никакого участия в критическом бое соседней 15-й армии». «Были моменты, — отмечает французский автор, — когда появление 4-й Красной Армии на поле сражения могло сразу решить успех дела в пользу русских, и тогда охваченные паникой поляки уже не смогли бы удержаться в Варшаве». Таким образом, автор статьи прямо утверждает о возможности победоносного исхода Варшавского сражения для армий М. Тухачевского. Он объясняет поражение «красного Бонапарта» ошибочными действиями 4-й Красной Армии. Причиной этих оперативных ошибок автор считает то обстоятельство, что «по всей вероятности, правофланговая группа оторвалась окончательно от штаба Тухачевского, а ее собственные начальники не проявили должной инициативы». Автор статьи и далее оправдывает и обосновывает правильность оперативно-стратегического поведения М. Тухачевского. «Можно ли отнестись с суровой критикой к действиям Тухачевского, красного главнокомандующего? — спрашивает французский автор и отвечает: — Положение поляков под Варшавой было таково, что если бы в городе началось восстание, то Пилсудскому пришлось бы продолжить отступление и спешно в беспорядке отходить за Вислу. Восстание могло вспыхнуть ежеминутно, и перед таким соблазном — трудно было остановиться. Взятие Варшавы имело бы решительные последствия, и потрясенная вконец польская

[1] Статья «La bataille de Varsovie» была напечатана в № 8, 9 «Revue Militaire Française» за февраль и март 1922 г. (Война и Мир. Берлин, 1922. Июль, № 2.)

армия, конечно, дала бы время и возможность русским войскам исправить недочеты организации, пользуясь прикрытием Вислы»[1].

Итак, автор статьи во французском военном журнале утверждает возможность победы и целесообразность поведения М. Тухачевского как командующего фронтом, а причины поражения его войск усматривает в грубых оперативных ошибках некоторых подчиненных ему высших начальников. Именно эту статью выбрал автор рецензии и именно на этих аспектах статьи он решил задержать внимание своих, преимущественно военных, читателей.

Читателями же журнала «Война и Мир» являлись главным образом представители русской военной белой эмиграции и немецкие офицеры. Вне всякого сомнения, данная публикация в журнале носила пропагандистский характер и была направлена на популяризацию М. Тухачевского не только в СССР, но и в русских военно-эмигрантских кругах. В журнале не указывается фамилия автора рецензии. Однако имеется ряд косвенных оснований считать таковым В. Колоссовского.

В январе 1923 г. вышел № 5 этого журнала, в котором также была дана развернутая рецензия на статью еще одного французского автора, посвященную «польской кампании» М. Тухачевского, которая называлась «Красная большевистская армия». Автором ее был Морис Фурнье[2]. В этой статье и рецензии как бы продолжалось обсуждение причин поражения М. Тухачевского. Автор считал, что составленный М. Тухачевским «план операции» в июле 1920 г. «заключался в двойном охватывании левого польского крыла... Операция привела к успеху, причем главную роль здесь сыграло глубокое обходное движение конницы Тухачевского (3-й конный корпус), брошенной им на Вильну»[3].

Как отмечал рецензент, «автор считает главнейшей причиной последующих неудач то, что «высшее большевистское командование считало возможным бросить управление операциями». Две группы армий — западная и юго-западная — действовали в полной независимости друг от друга. Только в начале августа высшее

---

[1] Война и Мир. 1922. № 2. С. 92—93.

[2] Commandant Maurice Fournier, в журнале Revue Militaire Française, № 13, 14 за июнь—август 1922 г. // Война и Мир. 1923. № 5.

[3] Там же. С. 175.

командование поняло опасность этого и захотело согласовать действия обеих групп, но было уже поздно»[1]. Таким образом, читатели журнала должны были получить «объективную оценку» «польской кампании». Она утверждала, что М. Тухачевский успешно провел фронтовые операции, а потерпел поражение под Варшавой из-за просчетов Главного командования.

Думается, что этот очевидный, но научно-завуалированный настрой на популяризацию М. Тухачевского в журнале был установлен и в определенном смысле курировался еще одним человеком, причастным к журналу. Это бывший капитан Генштаба Теодори Г.И.[2]. Он являлся постоянным рецензентом журнала «Война и Мир» и публиковал свои рецензии в советском военном еженедельнике «Военный вестник». Г. Теодори являлся давним сотрудником советской военной разведки. По своим военным взглядам он был близок к М. Тухачевскому[3].

Таким образом, журнал «Война и Мир» и его редакция выполняли функции посредников между Красной Армией и русским военным зарубежьем через Разведуправление Штаба РККА. При этом советская военная разведка преследовала сразу несколько целей. Во-первых, политическую нейтрализацию русской военной эмиграции, привлечение на сторону Советской власти и использование как средства влияния на западные военные и политические круги, а также в качестве своей агентуры, в том числе и для проникновения в белогвардейские организации. Для этого, во-вторых, нужна была «легенда Тухачевского» — «красного Бонапарта».

...Популярность М. Тухачевского на Западе продолжала расти вплоть до 1928 г. Косвенным образом об этом свидетельствует появление книг, ему посвященных. Они являли собой, будучи весьма различными по идеологической направленности и отношению к нему авторов, своеобразный комментарий, рассчитанный на западную и русскую эмигрантскую общественность. Так, в 1926 г. была издана книга Ю. Пилсудского «Война 1920 года», посвященная М. Тухачевскому, его личности и оценке его полководческих действий в советско-польской войне. Согласно донесению

---

[1] Война и Мир. 1923. № 5. С. 175.

[2] См. выше биографическую справку.

[3] Красная звезда. 1924. № 196.

агента ОГПУ, встречавшегося в Париже с генералом А. Кутеповым в октябре 1926 г., «в отношении Красной Армии Кутепов интерес проявлял только в области настроений — преимущественно у командного состава... Из отдельных лиц интересовался т. Ворошиловым, Тухачевским и крупными военспецами из числа бывших полковников, генералов. Особенный интерес проявлял почему-то к т. Тухачевскому...»[1] В 1928 г. А. Кутепов считал, что в СССР *«нет человека, пользующегося в армии и у населения такой популярностью и симпатией, как Тухачевский»*[2].

В 1927 г. написал, а в январе 1928 г. издал свою книгу о М. Тухачевском в Париже П. Фервак (Р. Рур)[3]. Весьма показательно ее название: «Михаил Тухачевский — вождь Красной Армии». Не М. Фрунзе, не К. Ворошилов, но оживление всевозможных слухов вокруг фигуры М. Тухачевского и особое к ней внимание. Она по своему содержанию совершенно очевидно выполняла главную задачу — дать ответ заинтересованным политическим и военным кругам, прежде всего французским, равно как и французской общественности, на вопрос: кто такой и что такое М. Тухачевский?[4] Для написания этой книги опытным журналистом, каковым был П. Фервак, вероятно, не требовалось долгого времени. Тогда же 30 января 1928 г. в Москву поступило сообщение советского военного атташе в Польше И. Клочко. Он писал: *«29 и 30 января вся польская пресса полна самыми фантастическими сообщениями о восстании Красной Армии; говорится о восстании 4 дивизий во главе с т. Тухачевским, наступающим будто бы на Москву; за два дня сообщения польской прессы перелетели в английскую, а оттуда они вновь перепечаты-*

---

[1] Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году... // Военные архивы России. Вып. 1. С. 94–95.

[2] Там же. С. 99.

[3] *Fervacque P.* Le chef de l...armee Rouge — Mikail Toukhatchevski. Paris, 1928.

[4] Именно французской общественности и ее военно-политическим кругам, потому что книга была на французском языке, не переводилась на русский. Учитывая, что огромное множество русских эмигрантов так и не освоили достаточно хорошо французский язык, а то и просто не владели им, то для них текст этой книги оказывался «закрытым».

вались польской прессой; характерно, что основную кампанию ведет официоз «Голос правды»...»[1]

М. Тухачевский был в глазах Европы «вождем Красной Армии» в 1927—1928 гг. По мнению Генерального штаба французской армии в 1928 г., «Тухачевский ...пользуется большой популярностью среди комсостава, особенно из числа бывших офицеров»[2]. Вероятно, своеобразной справкой о М. Тухачевском и явились рукописные воспоминания о нем некоего Посторонкина, бывшего белого офицера, датированные 15 июня 1928 г.[3]. Скорее всего, это тоже был один из комментариев к личности М. Тухачевского, чья популярность вызывала интерес Председателя РОВС генерала А. Кутепова.

Изменения в перечне «вождей Красной Армии» происходят в 1928—1929 гг. Тем не менее за пределами СССР М. Тухачевский по-прежнему пользовался авторитетом. В 1931 г. во Франции был опубликован очерк о Красной Армии, в котором в качестве ведущих советских военных теоретиков были названы М. Тухачевский, А. Верховский и А. Свечин[4]. Посетивший СССР и Красную Армию с визитом в августе 1928 г. начальник штаба рейхсвера генерал В. фон Бломберг счел необходимым персонально встретиться лишь с тремя советскими военачальниками, не считая наркома К. Ворошилова: с Б. Шапошниковым, М. Тухачевским и В. Блюхером[5]. Правда, встреча с Б. Шапошниковым может рассматриваться как «протокольная»: начальник штаба одной армии встречается с начальником штаба другой. А вот встречи с М. Тухачевским и В. Блюхером, которые не занимали в это время каких-либо ключевых должностей — М. Тухачевский, «опальный», отставной начальник штаба, а В. Блюхер — заместитель Командующего военным округом, — знаменовали признание их реального военного авторитета в Красной Армии.

---

[1] Военно-исторический архив. М., 1997, Вып. 2. С. 34.

[2] Справка о проверке обвинений... // Военные архивы России. Вып. 1. С. 99.

[3] Тухачевский. По личным воспоминаниям составил Владимир Никитич Посторонкин 15 июня 1928 года в Праге Чешской // Военно-исторический журнал. 1990. № 12.

[4] Heroy A., general et Thevenin Leon. L...Armee Rouge et la guerre sociale. Paris, 1931.

[5] *Erickson J.* The Soviet High Command. L.; W.Y., 1962. 266.

Весьма красноречивое выражение получили представления западноевропейской общественности о «вождях» Красной Армии и иерархии этих «вождей» в 1930 г. в книге К. Малапарте «Техника государственного переворота»[1]. «Седьмое ноября... Москва вся расцвечена красным... В глубине площади, перед собором Василия Блаженного выстроены казаки кавалерии Буденного, пехота Тухачевского, ветераны 1918, 1919, 1921 годов, — солдаты, которых Троцкий привел к победе на всех фронтах гражданской войны...»[2] Правда, автор книги упоминает и К. Ворошилова, но по его номенклатуре — «народный комиссар обороны»[3].

В тех весьма специфических идеологических условиях, которые уже сложились в основном в СССР к началу 30-х годов, трудно было получить достаточно определенное представление о популярности тех или иных лиц, стоявших в руководстве РККА. В этом отношении сторонние наблюдатели, особенно пристально следившие за тем, что происходило в СССР, пожалуй, более чутко отражали эти моменты в общественном мнении. Еще раз обращусь к Р. Гулю, который в своих развернутых очерках, посвященных «красным маршалам», дает их перечень и, можно сказать, иерархию в соответствии с рейтингом популярности и реальной значимости.

«Революции всегда давали много блестящих карьер. Правда, почти все эти карьеры (кроме генерала Бернадотта — короля Швеции) полны глубокого трагизма, — писал бывший офицер, корниловец-первопоходник Р. Гуль. — Их вершина — генерал Бонапарт — император Франции. Их паденья — смерти у стенки — неаполитанского короля генерала Мюрата и «князя де Москова» маршала Нея. Еще более темна и страшна смерть в застенке генерала Пишегрю. Русская революция дала своих красных маршалов — Ворошилов, Каменев, Егоров, Блюхер, Буденный, Котовский, Гай, но самым талантливым красным полководцем, не знавшим поражений в гражданской войне, самым смелым военным вождем красной армии 3 Интернационала оказался Михаил

---

[1] *Малапарте К.* Техника государственного переворота. М., 1998. Книга была написана и издана впервые в 1931 г.

[2] Там же. С. 158.

[3] Там же.

Николаевич Тухачевский. Тухачевский победил белых под Симбирском, спасши Советы в момент смертельной катастрофы, когда в палатах древнего Кремля лежал тяжелораненый Ленин. На Урале он выиграл «советскую Марну» и, отчаянно форсировав Уральский хребет, разбил белые армии адмирала Колчака и чехов на равнинах Сибири. Он добил и опрокинул на французские корабли армию генерала Деникина. В войне с Польшей отчаянным маршем во главе беспримерной полуазиатской армии он пришел к степам Варшавы с криком — «Даешь Европу!». Он взял штурмом на льду Финского залива мятежный матросский Кронштадт. И той же весной, когда заколебалась власть Советов крестьянскими восстаниями, подавил, жестоко расстреляв, поволжскую мужицкую волынцу...»[1]

Итак, в перечне Р. Гуля к 1932—1933 гг. Красная Армия была представлена Западу М. Тухачевским, К. Ворошиловым, С. Каменевым, А. Егоровым, В. Блюхером, С. Буденным, Г. Котовским, Г. Гаем. М. Тухачевский был выделен специально. Книга была издана в 1932 г. в Берлине и вскоре переведена на французский, шведский и финский языки. В определенном смысле можно говорить и о том, что Р. Гуль оказался пропагандистом и идеологом созданного в Западной Европе образа Красной Армии начала 30-х годов, воплощенного в ее «вождях».

...«Наполеоновским соблазном», воплощенном в М. Тухачевском, советские спецслужбы и верхушка политической элиты практически на протяжении всех 20—30-х годов стремились «удержать» белых от антисоветского «активизма». Им внушали надежду на скорый «бонапартистский переворот», постоянно предлагая «ждать». Белую эмиграцию, таким образом, стремились использовать и как средство сдерживающего воздействия на западные страны. Политический «фантом Тухачевского — Наполеона» оказался, особенно в 20-е годы, весьма эффективным, действенным средством закулисных действий советской внешней политики. Но что же скрывалось за этим «фантомом»?

---

[1] *Гуль Р.* Красные маршалы. М., 1990. С. 433.

Глава II

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ СЕМЕНОВСКОГО ПОЛКА ПОДПОРУЧИК МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ТУХАЧЕВСКИЙ

По М. Веберу, «харизма» — это «определенное качество индивидуальной личности, на основе которого она оценивается как исключительная, и к ней относятся как к личности, наделенной сверхъестественными, сверхчеловеческими или исключительными возможностями или качествами»[1].

Одна из последовательниц М. Вебера, А. Уиллнер, считает: «Харизматическая власть не основана ни на должности, ни на статусе, а вытекает из способности конкретной личности вызывать и поддерживать веру в себя как источник легитимности»[2].

«Харизма, по всей видимости, является идеей, пронизывающей нас, — комментирует взгляды М. Вебера другой известный психолог и культуролог С. Московичи, — идеей, которую мы разделяем, без которой ничего не создается. Она может быть заумной и туманной, но тем не менее оказывать в высшей степени конкретное действие, при условии, что она остается единственной. Она абстрактна и неопределенна, а между тем полна действенности. Ее символическая, то есть воображаемая и сложная природа мешает нам отреагировать на нее логически, и мы вынуждены испытать ее влияние наподобие физической реальности. Стало быть, общественное положение человека может напрямую соотноситься с обладанием им харизмой. Считается, что власть является результатом харизмы, а в некоторых случаях она определяет престиж партии или веры»[3].

«В теологии харизма означает благодать и божьи дары, которые позволяют людям выполнить исключительную задачу. Эта

---

[1] *M. Weber.* Economy and Society. N.Y., 1968.

[2] *Willner A.R.* The Spellbinders: Charismatic Political Leadership. New Haven: Yale University Press. 1984. P. 4.

[3] *Московичи С.* Машина, творящая богов. М., 1998. С. 176.

сверхъестественная возможность дает им силу и обязывает... — объясняет истоки представлений о «харизме» С. Московичи. — По мере своего перехода на социальную территорию это понятие сохраняет точный смысл. Оно означает «благодать» одновременно в теологическом смысле божественного выбора и в психологическом смысле внутренней уверенности и магнетической притягательности для других. Имеется в виду, что некая личность господствует посредством «призвания» и обладает исключительными качествами, которые дарует ей притягательность. В результате харизма представляет собой одновременно наличие чрезвычайной силы и чрезвычайное отсутствие силы в нарождающемся обществе, где «люди себя чувствуют полноправными членами своего сообщества». Это эмоциональная жизненная сила, которая обладает возможностью в случае необходимости произвести восполнение интенсивности и жизненной силы в отношениях между людьми...»[1]

«Какую бы интерпретацию мы ей не дали, — продолжает указанный автор, — харизма представляет собой нечто дорациональное, но это дорациональность истоков, если можно так сказать, времени, когда все между людьми происходило непосредственно, в личном и субъективном плане. Точнее сказать, она проявляет себя словно в скобках религиозных и политических установлений и экономических интересов каждого. С этой точки зрения, харизма — это «власть антиэкономического типа», отказывающаяся от всякого компромисса с повседневной необходимостью и ее выгодами»[2].

По мысли М. Вебера, «харизматическая власть может быть только в исключительном случае разлома» и кризиса общества[3], хотя «кризис — это необходимое, но недостаточное условие для появления харизматического лидера»[4].

Популярные «вожди» и «герои» Красной Армии, в общественном мнении Советской России, СССР и русского зарубежья представлявшие «неноменклатурную» советскую военную элиту, вос-

---

[1] Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998. С.. 188—189.

[2] Там же.

[3] *Блондель Ж.* Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992. С. 47.

[4] Там же.

принимались как отмеченные, в той или иной мере, «харизматическими признаками». Но лишь некоторые из них претендовали на роль «харизматического лидера» или считались таковыми.

...В толкованиях поколений М. Тухачевский предстает во всей своей «незавершенной диалогичности и полифоничности» (выражение М. Бахтина)[1]: то увенчанный героическим трагизмом, то развенчанный и низринутый в бездну забвения и проклятий. Основные факты его биографии общеизвестны. **Михаил Николаевич Тухачевский родился 4 (16) февраля 1893 г. в имении Александровском Дорогобужского уезда Смоленской губернии в семье многодетного разорившегося дворянина.** Сохранился красноречивый в этом отношении документ — «Свидетельство», выданное Смоленским губернским предводителем дворянства отцу будущего маршала 20 июня 1913 г.: «Дано потомственному дворянину Николаю Николаевичу Тухачевскому в том, что он состояния крайне бедного, обременен семейством, состоящим из 9 человек детей, жены, матери и никаких имуществ, как движимых так и недвижимых или других средств существования не имеет, что удостоверяю подписью моей и приложением печати»[2].

Начав свое образование в Пензенской гимназии и перейдя с последнего класса в кадетский корпус (уже после переезда семейства в Москву в 1909 г.), **М. Тухачевский в 1912 г. поступил в Александровское военное училище. Он окончил его первым по списку с занесением фамилии на мраморную доску и правом первым по очереди выбирать полк. По старинной семейной традиции, восходящей еще к концу XVII века, он выбрал лейб-гвардии Семеновский.**

1

«Семеновская семья»

...М. Тухачевский оказался в составе «семеновской полковой семьи» 12 июля 1914 г., выпущенный из Александровского военного училища подпоручиком в лейб-гвардии Семеновский полк, и

---

[1] *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 318.

[2] РГВИА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.

оставался в ней до 19 февраля 1915 г., когда в бою под Ломжей он попал в плен. По возвращении из плена он вновь вошел в «семеновскую полковую семью» 16 октября 1917 г. и оставался в ней до конца декабря 1917 г.

Примерно 65% офицеров полка имели профессиональное военное образование. Это офицеры преимущественно в чинах от штабс-капитана и выше. Зато из 58 младших офицеров от прапорщика до поручика включительно 16 имели гражданское высшее образование и 14 не имели специального образования. Иными словами, 53% не имели профессионального военного образования. В то же время следует отметить, что около 20% офицеров с полным основанием можно отнести к дворянской интеллигенции (имели высшее гражданское образование). В их числе был даже один доктор философии и химии. К ним можно прибавить около 13% офицеров с академическим образованием, то есть представителей военной интеллигенции. Всего в состав полковой интеллектуальной элиты входили около 33% офицеров.

По своему происхождению и сословной принадлежности все офицеры являлись потомственными дворянами. Однако из них к русской «аристократии» принадлежали 22 офицера. К старинным дворянским фамилиям немецкого происхождения принадлежали 25 офицеров, в том числе 5 баронов. Впрочем, 15 из них происходили из фамилий «служилых иноземцев», появившихся в России не ранее XVIII века. К старинным и аристократическим фамилиям польско-литовского происхождения принадлежали 10 офицеров. Кроме того, 2 офицера принадлежали к выходцам из шведского дворянства, 1 — из Голландии, 2 офицера — малороссийского происхождения.

Таким образом, из 89 офицеров-семеновцев лишь 57 (в некоторых случаях с оговорками) могли считать себя принадлежащими к старинным дворянским фамилиям, к «аристократическим семействам». 22 офицера (за единичными исключениями) были выходцами из семей офицерских и генеральских.

Согласно давней армейской, и особенно гвардейской, традиции полковое офицерство делилось на «коренных» и «некоренных». К первым относились обычно те, которые свою офицерскую карьеру начинали в данном полку. Ко вторым — все остальные, независимо от чина. Все принципиальные вопросы внеслужебного

характера, но касавшиеся этики и чести поведения офицера данного полка, решались на неофициальных собраниях «коренных» офицеров полка. В их состав мог не входить даже командир полка, если он не принадлежал к «коренной» его части. Но решениям такого рода собраний обязаны были подчиняться все офицеры полка.

Существовала и еще одна старинная полковая традиция: направляемого в полк молодого офицера, окончившего училище, должна была принять «полковая семья». Она должна была удостовериться в его достойном происхождении, в христианском вероисповедании, в его принадлежности к российскому дворянству, в его монархических убеждениях, незапятнанности репутации и в принадлежности к «семеновской фамилии», к «семеновской семье». Имелось в виду, что предки этого офицера уже служили в полку. Конечно, отсутствие данного качества не обязательно являлось препятствием для его службы в полку. Однако определенные осложнения могли возникнуть, если собрание «коренных семеновцев» вдруг выразит нежелание принимать этого офицера в свою компанию. Если же вышестоящее начальство настаивало на своем, то полковые офицеры могли устроить полнейшую обструкцию «новичку», вынуждая его добровольно покинуть полк.

В августе 1914 г. в основной «семеновской семье» были только 39 офицеров из 89, то есть 44%. Правда, не все они принадлежали к «коренным семеновцам». Полковых офицеров, которым были присущи оба указанных качества, оказывается всего 28, то есть около 32%. Это, собственно говоря, и есть неформальная «элита полка», отвечающая основным, хотя и неписаным требованиям, предписанным традицией. И лишь всего 17 офицеров из 89 (свыше 19%) несли в своих фамилиях двухвековую «семеновскую» полковую традицию, и в их числе находился М. Тухачевский. Он по основным неписаным требованиям традиции входил в «элиту полка». Таким образом, «дело Тухачевского» было «делом семейным». Судьба М. Тухачевского, по идее, должна была так или иначе повлиять на судьбу «семеновской семьи».

«Строевой офицер он был хороший, — вспоминал о подпоручике М. Тухачевском его однополчанин, полковник, князь Ф. Касаткин-Ростовский, — *...хотя не могу сказать, чтобы он пользовался особенной симпатией товарищей. ...Он всегда*

был холоден и слишком серьезен... с товарищами вежлив, но сух»[1]. Впрочем, полковник-князь, кажется, несколько упрощает: в полку у молодого подпоручика М. Тухачевского было несколько достаточно близких товарищей, отношения с некоторыми из них он сохранял дружеские и даже участливые многие годы спустя.

В числе его близких приятелей в полку были подпоручик П.А. Купреянов (1888—19.2.1915), младший офицер 4-й роты; подпоручик Н.Н. Толстой-1 (1887—19. 2.1915), младший офицер 2-й роты, и его брат подпоручик И.Н. Толстой-2 (1891—1920), батальонный адъютант 2-го батальона; прапорщик барон А.А. Типольт (1885—1967?), младший офицер 6-й роты; подпоручик Б. В. Энгельгардт-1 (1889—1940), младший офицер 5-й роты; подпоручик Д.В. Комаров-1 (1885—1931), младший офицер 7-й роты. Достаточно близкие приятельские отношения были у М. Тухачевского со штабс-капитаном Р.В. Бржозовским (1885—1939), начальником пулеметной команды, и штабс-капитаном С.И. Соллогубом (1885—1939), полковым адъютантом. Уже в 1917 г., по возвращении из плена, он сдружился со штабс-капитаном Н.Н. Ганецким (1896—1976), с которым в последний раз встретился в феврале 1936 г. в Париже.

Близкие приятельские отношения между М. Тухачевским, Н.Н. Толстым-1, Р.В. Бржозовским, С.И. Соллогубом были предопределены, видимо, тем, что все они являлись выпускниками одного и того же военного училища — Александровского. Были «александронами». Н.Н. Толстой-1 познакомил М. Тухачевского с П.А. Купреяновым. С бароном А.А. Типольтом подпоручик М. Тухачевский сдружился, несмотря на некоторую разницу в возрасте, очевидно, через Д.В. Комарова, рядом с которым будущий маршал оказался в одной, 7-й роте. Ровесники Д.В. Комаров и А.А. Типольт — оба были сокурсниками, выпускниками Императорского Училища правоведения. Они оказались в полку, призванными из запаса. Б.В. Энгельгардт-1, кажется, был знаком М. Тухачевскому еще со Смоленска. Оба они принадлежали к старому смоленскому дворянству, к так называемой «смоленской шляхте».

---

[1] *«Антар»* [князь Ф. Касаткин-Ростовский]. Главковерх Тухачевский // Руль. 1922. Октябрь. ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3335.

По-разному сложилась судьба у этих офицеров. Н.Н. Толстой-1 и П. А. Купреянов погибли 19 февраля 1915 г. во время того же ночного боя, в котором М. Тухачевский попал в плен. Видимо, в душе бывшего гвардии подпоручика М. Тухачевского сохранилось что-то более эмоционально сильное, чем просто память о П. Купреянове, раз в 1927 г. с определенным риском для своей репутации он помог его сестре, А.А. Купреяновой выехать из России, оформив этот отъезд как учебу в Германии. Там ее дожидался уехавший ранее ее жених Жуков. Он увез ее сначала в Грецию, а затем в Америку. У нее было двое детей, и она скончалась в 1983 г.[1]. Помог М. Тухачевский и своему приятелю барону А.А. Типольту, служившему одно время (1921) в штабе будущего маршала в 7-й Красной Армии, когда в 1935 г., после убийства С.М. Кирова, его в числе так называемых «бывших людей», проживавших в Ленинграде, должны были депортировать в Казахстан. А. А. Типольт обратился за помощью к тогда уже весьма влиятельному М. Тухачевскому и благодаря ему был оставлен в покое в Ленинграде. И.Н. Толстой-2 тоже остался в Советской России и, как участник какой-то белогвардейской конспирации, был расстрелян в 1920 г. С Б.В. Энгельгардтом-1 встреча состоялась осенью 1918 г., когда последний прибыл в распоряжение командарма 1-й Революционной армии М. Тухачевского. Некоторое время не без успеха они служили вместе. Затем, уже из другого воинского соединения Красной Армии, Б. Энгельгардт перешел к А. Деникину[2]. Р.В. Бржозовский и С.И. Соллогуб в 1918 г. уехали в Польшу. Там второй из указанных офицеров занял достаточно высокий воинский пост. В 1939 г. оба были расстреляны НКВД после крушения Польши и присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. Д.В. Комаров-1 остался в СССР и в 1930 г. был арестован в Ленинграде по так называемому «делу семеновцев», а в мае 1931 г. — расстрелян. Н.Н. Ганецкий воевал в

---

[1] *Толстой С.Н.* Осужденный жить; Автобиографическая повесть. М., 1998. С. 573.

[2] Его судьба в последующие годы была весьма бурной. Б. Энгельгардт служил в армии Юденича, у Булак-Балаховича, прославился своими жестокими расправами как руководитель его контрразведки. В эмиграции оказался в Эстонии и в Таллине руководил одним из отделений РОВСа. Там в начале 1930-х гг. он вынужден был согласиться на сотрудничество с ОГПУ, а в 1940 г. был расстрелян НКВД.

Гражданскую войну в составе деникинской, а затем врангелевской армий, эмигрировал, и в Париже к 30-м годам стал управляющим одним из богатых отелей. Пожалуй, он оказался единственным из всей перечисленной группы офицеров-семеновцев (включая М. Тухачевского), прожившим долгую жизнь, и умер своей смертью в весьма преклонном возрасте.

Начало военной карьеры М. Тухачевского казалось благополучным и многообещающим. Однако оно не было лишено некоторых скрытых до времени противоречий. Последующая судьба «красного Бонапарта» и советского маршала предопределялась и определялась многими факторами как индивидуально-личного, так и социально-исторического характера.

2

М. Тухачевский и его окружение (друзья, приятели, соратники, женщины)

Личность формируется при органическом взаимодействии нескольких основополагающих факторов. Сюда входит и определенный генотип, наследственность, в том числе физиологического свойства. Семейная атмосфера, «дух», в которых формируются ментальные привычки, своего рода «культурный архетип». Генетически унаследованные качества, «родовая память», преломляясь в окружающей духовной обстановке семьи, дома, близких друзей и недругов, преображаются в определенный, доминантный «психокультурный» архетип поведения. Именно он в конечном счете в значительной мере предопределяет выбор личности в экстремальной, кризисной ситуации. Именно он оказывается источником нравственных, духовных сил для преодоления кризиса идентичности и свершения «поступка», позволяющего ее восстановить или обрести заново.

«Идентичность — это социализированная часть нашего «Я», — утверждают специалисты-психоаналитики. — Каждое общество представляет собой репертуар идентичностей: от идентичности ребенка, отца, матери, до профессиональных, политических и т. д. ...Мы получаем их во взаимоотношениях с другими, которые так нас обозначают и идентифицируют. Только в том

случае, если идентичность подтверждается другими, она реальна и для самого индивида...[1] Идентичность является продуктом взаимодействия самоидентификации[2] и идентификации другими — это относится и к тем идентичностям, которые произвольно создаются самим индивидом»[3].

...По мнению Э. Эриксона, мир обладает «идеологической связностью», которая подтверждает или отрицает идентичность. Каждый индивид включен в историю, в поток социальных изменений[4]. «Исследование психосоциальной идентичности зависит поэтому от трех взаимодействующих сторон... а именно: личностной связи индивида с ролевой интеграцией в его группе; направляющих его образов — с идеологиями его времени; его жизненной истории — с историческим моментом»[5]. В подобной ситуации «входящий в социальный мир молодой человек, — как считают психоаналитики, — теряется среди конфликтующих предписаний, ролей идей. Обостренно переживаемый кризис идентичности подталкивает к решению не только своих собственных, но и социально-исторических проблем»[6]. Когда «радикально меняется образ мира, традиционные идеологии пребывают в упадке, рушится социальный порядок»[7], индивиды, особенно молодые, «испытывают страх, тревогу, бессмысленность существования — необходим новый ответ на вопросы, которые ставит история. Этот ответ всегда включает в себя не только совокупность рациональных подходов к

---

[1] *Руткевич А.М.* «Психо-история» Э.Г. Эриксона // *Эриксон Э.* Молодой Лютер. М., 1997. С. 12.

[2] Самооценка, или самоидентификация, является диалогом, в который вступает внутренний мир, «дух», «личность» с индивидуумом (самим собой), природа которого социально и исторически обусловлена. Таким образом, каждая интерпретация и самоинтерпретация вполне истинна, но истинна и «сущностна» в той мере, в какой она отражает свойства данного «знака», «лика» в конкретном духовно-нравственном и социально-историческом диалоге, то есть в контексте определенного культурно-исторического поля.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 16.

[5] Там же.

[6] *Руткевич А.М.* «Психо-история» Э.Г. Эриксона // *Эриксон Э.* Молодой Лютер. С. 18.

[7] Там же. С. 17.

проблемам внешнего мира, но и экзистенциальное решение, веру, которая дает смысл жизни»[1]. Возникает устойчивая потребность в оберегании каких-либо «вечных индивидуальных ценностей». Они позволяют индивиду сохранять устойчивость собственного психокультурного состояния, самообладания, ментальную защищенность от превратностей истории.

...Многие из близко знавших М. Тухачевского в мягкой или откровенно резкой, даже неприязненной форме (в зависимости от уважения, любви или неприязни) оставили для наблюдателя и исследователя штрихи его облика, а точнее, собственные впечатления о нем. «...Я осознаю себя и становлюсь самим собою, только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого, — вскрывая диалогическую сущность личности и ее самосознания, писал М. Бахтин. — Важнейшие акты, конституирующие самосознание, определяются отношением к другому сознанию (к «ты»)... Не то, что происходит внутри, а то, что происходит на границе своего и чужого сознания, на пороге. И все внутреннее не довлеет себе, повернуто вовне, диалогизировано, каждое внутреннее переживание оказывается на границе, встречается с другим, и в этой напряженной встрече — вся сущность. Это высшая степень социальности (не внешней, не вещной, а внутренней)»[2], — завершает свои рассуждения русский мыслитель. Именно в открывавшемся разнонаправленном и разноориентированном «диалоге» М. Тухачевского с микросоциумом возникали его оценки и характеристики, настойчиво повторяемые свидетельства разных людей. Они становились той личностной оболочкой, которая оказалась единственным доставшимся во времени психокультурным отпечатком этой персоны для наблюдателя и исследователя иных времен и поколений. Поэтому я хотел бы обратить внимание на окружение, несомненно, влиявшее на него, как зеркало, в котором он получал свое отражение и, таким образом, свою идентификацию. В этом близком окружении он как бы самоопределялся в своей эпохе, в своем времени, в военно-революционном процессе. Свидетельства на этот счет весьма противоречивы. Я не буду останав-

---

[1] Руткевич А.М. «Психо-история» Э.Г. Эриксона // *Эриксон Э.* Молодой Лютер. С. 17

[2] *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. С. 311—312.

ливаться на отношениях М. Тухачевского с близкими родственниками. Об этом достаточно хорошо и определенно рассказали его сестры[1]. Одно можно отметить, что семейство это было весьма дружное. В трудные годы Гражданской войны именно М. Тухачевский «оберегал» всех своих близких. Братья находились при нем, в его штабе[2]. В его штабном поезде с ним часто жили сестры[3]. Затем, когда он стал командующим Западным фронтом, ему, очевидно, в награду за заслуги перед Республикой, фактически вернули имение в Смоленской губернии, где жили его мать с сестрами[4]. Все его близкие, в свою очередь, жестоко пострадали, когда маршал был репрессирован. В силу многих обстоятельств и причин они не могли быть объективны в передаче своих впечатлений о М. Тухачевском и в своих оценках его поведения, его поступков. Гораздо продуктивнее обратиться к «отражению» его личности в воспоминаниях и отзывах людей, находившихся за пределами семейного круга маршала.

Прежде всего, следует отметить, что он достаточно легко сближался с людьми, но, как сообщают некоторые мемуаристы, и достаточно легко мог менять свои дружеские привязанности. Это может свидетельствовать о весьма сильной и устойчивой личностной самодостаточности М. Тухачевского. Подвергаясь неизбежному воздействию среды, он в то же время легко избавлялся от ее влияния при изменении круга лиц, в котором ему приходилось вращаться в то или иное время. В его дружеских связях с его стороны никогда не замечалось большой сердечности. Его холодность и рассудочность (отмечаемые мемуаристами) в отношении с окружавшими, как говорилось выше, объяснимые аристократическим самомнением, видимо, обуславливали характер его связей с друзьями и приятелями. «По моим наблюдениям, — вспоминала Л. Норд, — он вообще чувствовал себя с женщинами лучше, чем с мужчинами, и держался куда проще. Это не означало, что он

---

[1] Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. М., 1965. С. 10—18; *Никулин Л.* Тухачевский. М., 1964.

[2] Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 79.

[3] Там же. С. 16.

[4] *Данилов И.* Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Тетрадь № 14. С. 97.

очень любил ухаживать: его самой большой приятельнице, жене начарта округа М.М. Белавинцевой, было далеко за пятьдесят лет... Мне кажется, что тут играло роль и то, что почти на всех женщин внешность Тухачевского и его обаятельность (а он мог быть таким, когда хотел) действовали неотразимо, и это льстило ему. М.М. Белавинцева обожала его так, как не всякая мать обожает своего сына. Усомниться при ней в каких-нибудь достоинствах Михаила Николаевича было нельзя. Однажды я это сделала и надолго испортила свои отношения с ней»[1]. Отвечая незримому собеседнику на возникающий в контексте приведенных рассуждений вполне банальный вопрос «были ли у него настоящие, глубокие романы?», Л. Норд, учитывая многочисленные слухи о любовных «похождениях» М. Тухачевского, отвечала: «Пожалуй, нет... Увлечения кончались у него очень быстро»[2]. Можно полагать, что женщины не оказывали сколько-нибудь заметного воздействия на его поведение и поступки, разве что усиливали от природы и по воспитанию весьма развитое эстетическое восприятие окружающего мира и людей.

Как известно, слухи и сплетни о многочисленных «амурных похождениях» М. Тухачевского имели достаточно веские основания в его жизни на протяжении всей карьеры маршала. Л. Норд приводит и те, которые активно обсуждали в «светских» и высших армейских кругах Западного фронта в 1922—1924 гг.

«По гарнизону поползли всякие слухи, — вспоминала Л. Норд. — Одни утверждали, что командарм двоеженец и это послужило поводом для разрыва[3]. Другие говорили, что его первая жена давно покончила жизнь самоубийством, и при этом добавляли, что Тухачевский даже не поехал на похороны, поручив распорядиться о них своему адъютанту. Третьи доходили до того, что рассказывали о садизме Тухачевского, который якобы бил жену тонким хлыстом до крови...»[4]

---

[1] *Норд Л.А.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском // Возрождение. Париж, 1957. Тетрадь № 63. С. 62—63.

[2] Там же. Тетрадь № 66. С. 111.

[3] С его второй женой Ликой.

[4] *Норд Л.А.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском. Возрождение. Париж, 1957. Тетрадь № 63. С. 54.

Действительно, первая жена М. Тухачевского М.В. Игнатьева, с которой он был знаком еще с гимназических лет в Пензе, застрелилась в его штабном вагоне еще в 1920 году при неясных обстоятельствах[1]. Второй его женой стала 16-летняя Лика — млад-

---

[1] *Норд Л.А.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском. Возрождение. Париж, 1957. Тетрадь № 63. С. 54. Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 55. Р. Гуль в своей книге «Тухачевский» излагает одну из версий трагической гибели первой жены М. Тухачевского, Марии Владимировны Игнатьевой, дочери пензенского машиниста, за которой он ухаживал еще с гимназических лет. Она застрелилась в 1920 г. в его штабном вагоне. В годы Гражданской войны в поезде М. Тухачевского всегда «жил» кто-то из его близких родственников. В поездках по фронтам его сопровождала жена, М. Игнатьева. В его штабе служили братья Н. Тухачевский и А. Тухачевский, в прошлом бывшие офицеры лейб-гвардии Семеновского полка, его старый приятель и учитель музыки Н. Жиляев. Р. Гуль так излагает версию гибели М. Игнатьевой, которая произошла в начале 1920 г. «И жена Михаила Тухачевского, Маруся Игнатьева, та самая хорошенькая гимназистка, гулявшая с ним под руку по пензенской Поповой горе, ездила в поезде мужа. Маруся, пустенькая, легкомысленная, хорошенькая женщина, вроде Жозефины, но помельче. Она вся в женских, обывательских интересах, поэтому и стала жертвой жестокости бредившего мировой славой мужа. У Маруси родители простые люди, отец машинист на Сызранско-Вяземской железной дороге, Маруся не голубой, как Тухачевский, крови. Может быть, Маруся никогда бы и не сделала рокового шага, но русский революционный голод во вшивой, замершей стране был страшен. А жена командарма Тухачевского может ехать к мужу экстренным поездом, ей дадут в охрану и красноармейцев и не обыщут, как мешочницу. Маруся из любви к родителям по-бабьи возила в Пензу домой мешки с мукой и консервными банками. Не то выследили враги (врагов у Тухачевского пруд-пруди) — о мешках стало известно в Реввоенсовете фронта. И наконец, командарму Тухачевскому мешки поставлены на вид. Мешки с рисом, мукой, консервными банками везет по голодной стране жена побеждающего полководца?! Я думаю, слушавшему «красную симфонию» и глядевшему не на небесные звезды, а на свою собственную, Тухачевскому от этих мешков прежде всего стало эстетически невыносимо. Мировой пожар, тактика мировой пролетарской войны — и вдруг мешки с мукой для недоедающих тестя и тещи! Какая безвкусица! Тухачевский объяснился с женой: церковного развода гражданам РСФСР не требуется, и она свободна. Маруся была простенькой женщиной, но тут она поступила уж так, чтоб не шокировать мужа: она застрелилась у него в поезде. Враги, донесшие на Тухачевского, посрамлены, а Тухачевский женился еще раз» (*Гуль Р.* Тухачевский // *Гуль Р.* Красные маршалы. М., 1995. С. 492—493). В. Александров в своей книге «Дело Тухачевского», очевидно, опираясь на слухи, циркулировавшие в эмигрантских кругах, а возможно, отталкиваясь от версии того же Р. Гуля, коротко замечает, что «первая жена Тухачевского погибла из-за него» (*Alexandrov V.* L...affaire Toukhatchevsky. Paris, 1962. С. 227). Л. Норд в своих воспоминаниях о М. Тухачевском, в которых присутствует очень много слухов, пытаясь, видимо, как-то оправдывать отношения М. Тухачевского с женщинами, с его первой же-

шая дочь лесничего (так о ней свидетельствует Л. Норд, которая, по собственным уверениям, являлась ее двоюродной сестрой). Брак был заключен по любви и по желанию новобрачной (вопреки нормам партийной этики) — в церкви (Л. Норд)[1]. Однако брачные отношения М. Тухачевского со второй женой оказались сравнительно недолгими: в 1923 г. жена Лика ушла от него. Причиной разрыва, по свидетельству Л. Норд, послужила любовная связь командующего фронтом с Татьяной Сергеевной Чернолузской (как утверждает Л. Норд, сводной сестрой А. Луначарского). Впрочем, говорили, что до этого М. Тухачевский «слегка ухаживал за ее сестрой, менее красивой, но очень изящной маленькой брюнеткой Наташей (Натальей Сергеевной Чернолузской). Говорили, что М. Тухачевский будто бы «афишировал свои встречи» с Т. Чернолузской[2]. Однако имеются указания на то, что в это время у М. Тухачевского была «женой» («одной из жен», по документам 1937 г.[3]) некая Протас, к 30-м годам уже разведенная с ним.

По штабным документам Западного фронта 1922—1923 гг. прослеживается **Амалия Яковлевна Протас**. Согласно «Списку сотрудниц женщин управлений и отделов Штазапа, Пузапа и Упвосозапа по состоянию на 1 августа 1923 г.», «Протас Амалия Яковлевна — адъютант командующего Западным фронтом (то есть М. Тухачевского), девица, образование среднее, беспартийная, место службы — вагон командующего. Убыла со службы 25 августа 1923 г.»[4]. Учитывая, что режим службы М. Тухачевского

ной, приводит один «пассаж» из разговоров с «красным Бонапартом». В нем присутствует будто бы намек на обстоятельства разрыва М. Тухачевского с женой. Разоткровенничавшись, М. Тухачевский якобы сказал Л. Норд: «...Я когда-то тоже полюбил на всю жизнь, и так же мучился, но женщина, которую я любил, не щадила моего чувства. С тех пор я перестал верить, что у женщины есть сердце» (*Норд Л.А.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском... Тетрадь № 65. С. 76).

[1] Там же. Тетрадь № 63. С. 53.

[2] Там же. С. 58.

[3] Когда в августе 1937 г. К. Ворошилов представил начальника летного отделения штаба ВВС РККА майора А.И. Ильина на должность командующего ВВС КБФ, политотдел штаба ВВС дал А.И. Ильину отрицательную партхарактеристику. Его характеризовали как человека заносчивого, поддерживающего знакомства с «врагами народа» и, в частности, «с одной из жен Тухачевского — Протас» (*Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА. 1937—1938. М., 1998. С. 72. Автор ссылается на РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 836. Л. 3.).

[4] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 29. Л. 73.

в должности командующего Западным фронтом в 1922—1924 гг. был в основном «на колесах» (постоянные разъезды по фронту, в командировки в Москву, Минск и др. города), он жил в своем служебном вагоне[1]. Там же располагался и его штаб. А. Протас с 1922 г. в силу своего служебного положения сопровождала М. Тухачевского в его постоянных разъездах. В самом Смоленске М. Тухачевский, судя по графику его служебной деятельности, бывал сравнительно мало. Учитывая все вышесказанное о режиме службы М. Тухачевского, возрасте и служебном положении А. Протас, нет необходимости пространно рассуждать о том, что Амалия Яковлевна Протас являлась его «действительной женой». Для «другой жены» в «хронотопе» жизнедеятельности М. Тухачевского просто не находилось места. Возможно, именно Амалия Протас и была той Ликой, о которой пишет в своих воспоминаниях Л. Норд. (Само имя Амалия вполне могло приобрести в отношениях между близкими людьми уменьшительно-сокращенную форму Лика.) Косвенным свидетельством в пользу такового предположения могут быть и обстоятельства разрыва М. Тухачевского с А. Протас. Судя по штабным документам, с 13 января 1923 г. ее отправляют в полуторамесячный отпуск. Затем отпуск продлевается до 21 апреля 1923 г.[2]. Однако А. Протас неожиданно возвращается из отпуска 15 марта 1923 г. и вновь сопровождает командующего в поездке по фронту (так записано в приказе по штабу фронта)[3]. 21 апреля 1923 г. А. Протас исключают из списков служащих по собственному желанию. В июне того же года она вновь оказывается адъютантом командующего и сопровождает М. Тухачевского в Москву[4]. Затем с 11 июля вновь отправляется в отпуск[5]. Наконец, с 14 августа 1923 г. считается окончательно уволенной со службы[6]. Все это напоминает импульсивные женские капризы, а не распланированный режим службы адъютанта командующего фронтом. Л. Норд, много рассуждая о взаимоотно-

---

[1] Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С...

[2] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 173. Л. 2, 40, 55.

[3] Там же. Л. 41.

[4] Там же. Л. 55, 72, 80.

[5] Там же. Л. 80.

[6] Там же. Л. 100.

шениях М. Тухачевского с «Ликой», также обращает внимание на вскоре начавшиеся между ними конфликты, ссоры, внезапные отъезды Лики и ее возвращение[1]. Наконец — окончательный разрыв. Разрывы были часто весьма болезненны для оставляемых им женщин. Татьяна Сергеевна Чернолузская, «брошенная» М. Тухачевским, по воспоминаниям, «глушила любовь (уже не разделяемую) вином и кокаином, опустилась чуть ли не до дна»[2]. Тогда же, в период командования Западным фронтом, в 1923 г. М. Тухачевский «отбил» жену у политкомиссара 4-й стрелковой дивизии Западного фронта Л. Ароштама, Нину Евгеньевну Гриневич, из старинной польской дворянской фамилии, и женился на ней (в третий раз?). Ситуация повторилась спустя пять лет: оказавшись в 1928 г. командующим Ленинградским военным округом, М. Тухачевский сблизился с женой своего друга (которого он спасал во время «кронштадтских событий» 1921 г.) Н. Кузьмина, Юлией Кузьминой. Брак не был зарегистрирован (М. Тухачевский оставался до конца дней «законным мужем» Н. Гриневич), однако, как говорится в обиходе, М. Тухачевский «жил» с ней вплоть до ее ареста в 1937 г. и воспитывал ее дочь от Н. Кузьмина. Однако, как отмечала Л. Норд, «чем ярче разгоралась звезда Тухачевского, тем больше женщин кружилось вокруг него. Тогда у Михаила Николаевича стала проявляться избалованность и даже рисовка»[3]. Среди женщин, с которыми он на какое-то время близко сходился, были жена сына А.М. Горького, Н. Пешкова, Н. Сац, А. Скоблина и др. С нескрываемой симпатией вспоминала о нем Г. Серебрякова.

Близкие к нему люди считали, что друзей среди мужского окружения, по большому счету, у него не было[4]. В определенных случаях этому способствовала и «опасность», которую он представлял для их жен. «С мужчинами Тухачевский в большинстве случаев держал себя замкнуто. Настоящих друзей среди них у него было немного...»[5] Г. Иссерсон, имевший возможность в силу служеб-

---

[1] *Норд Л.А.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском... Тетрадь № 63. С. 54—58.

[2] Там же. Тетрадь № 66. С. 112.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 62.

[5] Там же. Тетрадь № 63. С. 62—63.

ных обстоятельств наблюдать М. Тухачевского еще с весны 1923 г., оставил на этот счет такое мнение. «Тухачевский... не имел никакого своего окружения и не группировал вокруг себя так называемых «любимчиков»[1]. Считали, что «у Михаила Николаевича были особые понятия о дружбе: по его мнению, он мог располагать друзьями, как и когда хотел»[2]. А вот о его ответственности перед друзьями существуют разные мнения.

В период Гражданской войны и в 20-е годы ментально-формирующее влияние на М. Тухачевского и процесс его самоидентификации оказывал ряд наиболее близких к нему людей: друзей, приятелей и наиболее «долговременных» сотрудников. Находясь в постоянном «ментально-заинтересованном диалоге» с ними, «отражаясь» в «зеркале» их нравственных, политических, социокультурных настроений, М. Тухачевский идентифицировал себя, невольно идя навстречу их ожиданиям. Будучи личностью, «поддающейся влиянию», как отмечал в 1919 г. в своей характеристике комиссар 5-й армии И. Смирнов[3], М. Тухачевский воспринимал их воздействие и потому, что все они были старше его по возрасту и квалифицированнее по военному и общему образованию. Являясь его друзьями, приятелями, близкими сотрудниками, они оказывались фактически и его «учителями» и «воспитателями». В круг лиц, среди которых главным образом приходилось вращаться М. Тухачевскому в 20-е годы, особенно в первую их половину, оказывавших на него доминирующее влияние, входили в первую очередь Н. Какурин, И. Троицкий, А. Зайончковский, А. Готовский, В. Готовский, П. Ермолин, А. Виноградов, Н. Сollогуб, А. Де-Лазари и их приятельское окружение. В этом отношении внимания, прежде всего, заслуживает полковник Генштаба Николай Евгеньевич Какурин.

...Будучи человеком незаурядным, выдающимся офицером Генерального штаба, преподавателем Военной академии РККА и плодовитым военным ученым-историком и теоретиком, Н. Каку-

---

[1] Справка о проверке обвинений... // Военные архивы России. Вып. 1. С. 58.

[2] *Норд Л.А.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском... Тетрадь № 65. С. 71.

[3] Цит. по кн.: Наше Отечество: Опыт политической истории. М., 1991. С. 86.

рин[1] стал одним из главных создателей «образа и легенды Тухачевского». «Образ» М. Тухачевского, созданный Н. Какуриным, несомненно способствовал формированию с 1921 г. и устойчивой вплоть до 1930 г. самоидентификации советского военного лиде-

---

[1] Полковник Генштаба **Николай Евгеньевич Какурин** (1883—1936) родился в г. Орле в семье полковника (завершившего свою военную карьеру генерал-лейтенантом) Е.Н. Какурина, занимавшего тогда должность начальника штаба 36-й пехотной Орловской дивизии. Его отец, Евгений Николаевич Какурин принадлежал к старинному дворянству Орловской губернии. После окончания Житомирской гимназии, а затем Михайловского артиллерийского училища Н. Какурин с 1904 г. начал службу подпоручиком. В 1910 г. успешно завершил обучение в Академии Генерального штаба и вскоре продолжил свою военную карьеру на штабных и строевых должностях, приняв активное участие в Первой мировой войне. В Красной Армии Н. Какурин оказался не сразу. Он крайне отрицательно отнесся к захвату власти большевиками и остался в Киеве, где в конце 1917 — начале 1918 г. аккумулировалась монархически настроенная часть русского общества и армии. С 1918 по конец 1919 г. он находился в составе так называемой Галицийской армии. После ее поражения и в период отступления деникинских войск с Украины Н. Какурин, очевидно, со многими частями Галицийской армии, перешедшими на сторону «красных», оказался, как полковник Генштаба, в распоряжении начальника Всероглавштаба. Оттуда 14 июля 1920 г. он был направлен на Западный фронт в распоряжение начальника штаба 16-й армии. М. Тухачевский, оценивший выдающиеся оперативные способности Н. Какурина, назначает его в конце декабря 1920 г. своим вторым помощником. Особенно сблизились они в период подавления Тамбовского восстания, когда Н. Какурин занимал должность начальника штаба войск Тамбовской губернии, которыми командовал М. Тухачевский. В июле—сентябре 1921 г. Н. Какурин, оставаясь в подчинении М. Тухачевского, успешно руководит группой войск Витебского района (в составе Западного фронта) по ликвидации бандформирований. После сравнительно кратковременного пребывания вместе с М. Тухачевским в Военной академии РККА в должности Главного руководителя по тактике, 25 марта 1922 г. Н. Какурин назначается командующим войсками Бухарского района в составе Туркестанского фронта. 17 июня его назначают помощником командующего войсками Туркестанского фронта. Впрочем, в этой должности он пробыл недолго. В связи с тяжелым и хроническим заболеванием лихорадкой его эвакуируют в Москву. Здесь он вскоре в конце 1922 г. оказывается в должности старшего руководителя по тактике Военной академии РККА. Оставаясь им и в последующие годы, Н. Какурин получает в качестве служебного совмещения с 1923 г. должность начальника отделения (части) по истории Гражданской войны в Уставном отделе Оперативного управления Штаба РККА. Н. Какурин пережил свою драму «хождения по мукам», свою «белую гвардию». Он был и против «красных», и среди «галичийцев», и в составе Красной Армии выполнял патриотический долг в советско-польской войне, и участвовал в кровавом подавлении «крестьянской войны», и в Туркестане воевал за целостность «имперского пространства России». Очевидно, и этот фактор сыграл свою роль в решении Н. Какурина стать в 1921 г. членом РКП(б).

ра, и идентификации его в общественном мнении. В каких же «значениях» был сконструирован этот «образ»?

В 1921 г. Н. Какурин называл М. Тухачевского «одним из наших военных авторитетов, чутко откликающихся на все новые явления в области военной жизни»[1]. Работу М. Тухачевского «Стратегия национальная и классовая» Н. Какурин считал «чрезвычайно интересной и открывающей обширные горизонты... единственной в своем роде попыткой установить и ввести ряд новых понятий в... стратегию»[2]. «Варшавский поход Красной Армии» под предводительством М. Тухачевского, сопоставляемый с «походами революционных армий первой Французской республики»[3], по мнению Н. Какурина, был «одной из блестящих страниц» истории Красной Армии и «мировой военной истории». В 1924 г. Н. Какурин заявлял, что «вехи будущей пролетарской стратегии с достаточной четкостью намечены в трудах М.Н. Тухачевского»[4]. В 1928 г. Н. Какурин утверждал решающую роль в разгроме армий адмирала Колчака Златоустовского сражения. «Златоустовское сражение от начала до конца было проведено товарищем М.Н. Тухачевским»[5]. Н. Какурин писал об «искусном маневре» «товарища Тухачевского»[6]. Уже в 1927 г. Н. Какурин сформулировал развернутую оценку специфики Гражданской войны и определил в ней роль М. Тухачевского.

«Тактическая подготовка Красной Армии, — писал он, — слагалась под влиянием двух данных: с одной стороны, военной доктрины, основывающейся главным образом на опыте мировой войны и находившей свое определенное выражение в действующих уставах, а с другой стороны, под влиянием, так сказать, творчества мест, искавших научного оформления тех способов и приемов

---

[1] *Какурин Н.Е.* Стратегия пролетарского государства. М., 1921. С. 8.

[2] Там же.

[3] *Какурин Н.Е.* На пути к Варшаве // Революция и война. 1921. № 4/5. С. 120.

[4] *Какурин Н.Е.* Замысел и подготовка революционной операции // Военная мысль и революция. 1924. Ноябрь, № 7. С. 2.

[5] *Какурин Н.Е.* Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. М., 1928. С. 64—65.

[6] Там же. С. 65.

действий, которых требовала своеобразная обстановка маневренной войны на растянутых фронтах. Наиболее полное и законченное выражение эти взгляды приобрели у командующего Западным фронтом тов. Тухачевского... Эти взгляды, свидетельствующие о правильном понимании сущности и основ военного искусства, с большей или меньшей законченностью и четкостью были распространены и среди его ближайших сотрудников»[1].

К сказанному выше следует добавить штрихи характеристики М. Тухачевского, принадлежащие философу И. Ильину, так или иначе имевшие своим источником также мнение Н. Какурина: «Очень честолюбив, фаталистичен... может стать центром заговора»[2].

Таково было «отражение Тухачевского», рожденное мнением Н. Какурина как своеобразным «зеркалом», чаще всего появлявшимся перед ментальным взглядом «красного Бонапарта» в силу их близких дружеских связей. Это «отражение» способствовало самоидентификации М. Тухачевского в новом, послевоенном «контексте» его «конкретно-исторического бытия». В нем уже просматриваются «признаки» и его новой, «тухачевской», идентификации, определявшейся после Варшавской катастрофы.

...Через Н. Какурина М. Тухачевский близко познакомился с **Иваном Александровичем Троицким** (1879—1939), подполковником Генерального штаба[3]. С Н. Какуриным И. Троицкий

---

[1] *Какурин Н.Е.* Русско-польская кампания 1918—1920 гг. М., 1922, с. 14. К ним принадлежали в первую очередь Н. Захаров, А. Виноградов, П. Ермолин, сам Н. Какурин, И. Троицкий, Н. Соллогуб, А. Готовский, М. Баторский, а также С. Будкевич, Р. Эстрейхер-Егоров, С. Корф, В. Садлуцкий.

[2] Как уже отмечалось ранее, философ, не будучи близко знаком с советским «генералом», очевидно, пользовался сведениями, полученными от Н. Какурина. Вероятнее всего, только он мог с основанием делать выводы об этих качествах личности М. Тухачевского, близко и долго наблюдая последнего. Ильин И.А. Записка о политическом положении. Октябрь 1923 г. // Русское прошлое. СПб, 1996. № 6. С. 220. Подробнее об этой записке см. ниже, а также в разделе «Наполеоновская легенда» в русском зарубежье».

[3] Знакомство это, очевидно, произошло в 1921 г. во время подавления Тамбовского восстания. В то время И. Троицкий являлся начальником оперативного отдела боевого участка, входившего в состав группы войск Тамбовской губернии, которой командовал М. Тухачевский. (Список лиц с высшим общим военным образованием... С. 231.)

был знаком и дружен еще со времени учебы в Академии Генерального штаба[1]. Отношения его с М. Тухачевским стали близкими дружескими особенно с августа 1921 г., когда он также оказался на преподавательской работе в Военной академии. Впрочем, летом 1923 г. И. Троицкий был направлен военным атташе в Турцию, откуда возвратился только в 1925 г. По его собственным признаниям, «вернувшись из Турции, я восстановил связи с Тухачевским и Какуриным. У Тухачевского я сделался частым гостем. У него собирались почти каждый день...»[2]. М. Тухачевский тоже посещал квартиру И. Троицкого, был близко знаком с его матерью и сестрой[3]. «В двадцатые годы, когда мы иногда наезжали в Москву на неделю или на полторы и примащивались на это время у тетки — других возможностей не было, — вспоминал К. Симонов[4], — я видел пришедшего в гости к Ивану Александровичу (ее деверя звали Иван Александрович) высокого и красивого Тухачевского»[5].

И. Троицкий не был сугубо военным человеком, хотя и являлся кадровым офицером с академическим образованием. Прежде этого он окончил юридический факультет Московского университета. Официально к Генштабу он был причислен в 1922 г., «за особые заслуги»[6]. Это указывало на то, что он был выдающимся и интеллигентным офицером. Как и Н. Какурин, И. Троицкий до 1930 г. принадлежал к самым близким друзьям М. Тухачевского, несомненно, на него влиявшим и им восхищавшимся. «...Я являлся агитатором достоинств Тухачевского, — признавался позже

---

[1] Его мать, Мария Ивановна, урожденная Ханыкова, принадлежала к дворянам Орловской губернии. Так что вполне возможно, предпосылки этих дружеских отношений были заложены еще их родителями. С 1922 г., будучи уже преподавателем Военной академии РККА, Н. Какурин с семьей проживал в доме, где жили и другие офицеры — преподаватели академии. В их числе был и И. Троицкий. Примечания А.П. Ненарокова ко второму тому издания: *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. М., 1990. Т. 2. С. 400. См. также: Военные архивы России. Вып. 1. С. 105, 110.

[2] Военные архивы России. Вып. 1. С. 105.

[3] Там же. С. 110.

[4] Он приходился дальним родственником И. Троицкому.

[5] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М.,1988. С. 64.

[6] Список лиц с высшим общим военным образованием... С. 231.

И. Троицкий. — Восхвалял при всех удобных случаях его таланты...»[1] М. Тухачевский же, как отмечалось выше, в свою очередь, столь же несомненно невольно ориентировался на их социально-политические, нравственные и интеллектуальные настроения.

Н. Какурин весьма активно способствовал популярности «красного Бонапарта» среди «старых» и «молодых» генштабистов. Вокруг него сформировалась достаточно многочисленная и авторитетная в военно-элитарных кругах группа офицеров. Все они были его близкими приятелями и друзьями. С одними он учился в Академии Генерального штаба[2], другие служили под его началом, третьи являлись его слушателями в академии. Этому способствовало также и то обстоятельство, что Н. Какурин был родным племянником генерала А. Зайончковского по матери[3]. Он был весьма близок к своему дядюшке и даже внешне был на него очень похож, что не могло не импонировать старому генералу. М. Тухачевский познакомился с А. Зайончковским в августе 1921 г., став начальником Военной академии РККА, в которой старый генерал являлся одним из профессоров, читавших курс по стратегии.

Гвардейский генерал от инфантерии Генерального штаба **Андрей Медардович Зайончковский** (1862—1926), из дворян Орловской губернии, бывший командир лейб-гвардии Егерского полка, затем — Петровской бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии, был известен еще до 1914 г. Хотя после окончания Орловского-Бахтина кадетского корпуса, а затем Николаевского военно-инженерного училища А. Зайончковский попал в саперные части, вскоре, успешно получив высшее военное образование в

---

[1] Военные архивы России. Вып. 1. С. 105.

[2] Одновременно с Н. Какуриным учились и окончили Николаевскую Академию Генерального штаба Н. Соллогуб, Б. Шапошников, Е. Гарф, В. Барановский.

[3] Отец Н. Какурина, Евгений Николаевич Какурин, в бытность свою полковником, начальником штаба 36-й пехотной Орловской дивизии, дислоцированной в Орловской губернии, в начале 80-х гг. женился на дочери начальника Орловского телеграфа М.И. Зайончковского. Впрочем, Какурины и Зайончковские знали друг друга давно, как дворяне Орловской губернии. Отец Н. Какурина, как и А. Зайончковский, были выпускниками Орловско-Бахтина кадетского корпуса. Поэтому установленные матримониальные связи оказались не случайными. ГАОО. Ф. 220; Ф. 68. Оп. 1. Д. 67. Л.; Ф. 512. Оп. 1. Д. «Список бывших воспитанников Орловского-Бахтина кадетского корпуса, окончивших курс за время первого пятилетия. Приказ № 35».

Николаевской Академии Генерального штаба, однако оказался в войсках гвардии. Он стал начальником штаба гвардейской кавалерийской дивизии. Успешно прослужив в чине полковника командиром 85-го Выборгского пехотного полка во время Русско-японской войны, А. Зайончковский был произведен в генерал-майоры и в 1905 г. назначен командиром лейб-гвардии Егерского полка. В этом качестве он прослужил до 1908 г. Затем, после кратковременного исполнения обязанностей командира лейб-гвардии Семеновского полка, его назначили командиром 1-й гвардейской пехотной бригады (так называемой Петровской) в составе старейших полков гвардии — лейб-гвардии Преображенского и лейб-гвардии Семеновского. В этой должности он прослужил до 1912 г.[1] Зачисленный в списки лейб-гвардии Егерского полка, А. Зайончковский до конца своей службы в старой армии числился генералом по гвардейской пехоте. Монархист по убеждениям и гвардеец по службе, он был близок к императору Николаю II[2].

Учитывая перечисленные выше его должности в гвардии, следует иметь в виду, что для всех бывших офицеров лейб-гвардии Преображенского, Семеновского и Егерского полков А. Зайончковский и в Советской России оставался «старшим начальником» и «командиром». В определенной мере это, видимо, сказывалось и на поведении М. Тухачевского и отношении последнего к генералу А. Зайончковскому. Во всяком случае, это обстоятельство способствовало их личному сближению.

Генерал А. Свечин считал, что «Зайончковский по методам своего мышления представляет собой реакционера 80-х годов, восьмидесятника с ног до головы, и ни одной крупинки он не уступил ни Октябрьской революции, ни марксизму, ни всему нашему марксистскому окружению»[3]. По мнению политического руководства Военной академии РККА, А. Зайончковский весьма «топорно» приспосабливался к Советской власти и новой коммунистиче-

---

[1] РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д. 228. Послужной список А.М. Зайончковского.

[2] См.: Дневники императора Николая II. М., 1991. См. также: ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 24. Л. 11294—11297.

[3] Стенограмма выступления А. Свечина в обсуждении доклада М. Тухачевского «О характере современных войн в свете решений 6-го Конгресса Коминтерна» // Записки Коммунистической Академии. М., 1930. Т. 1. С. 52.

ской идеологии («сочувствует коммунистической партии»)[1]. Свидетели вспоминали, что после одной из первых лекций по «стратегии революционной войны», прочитанной в академии М. Тухачевским, бывший генерал отреагировал своеобразно. «Да! — покачивая головой, говорит мне Андрей Медардович Зайончковский. — Заставит меня этот Мишенька на старости лет прочитать «Капитал» вашего Маркса...»[2] Впрочем, весьма близкие дружеские отношения между двумя «генералами» с разницей в возрасте в 30 лет сложились, видимо, несколько позднее, с 1922 г., после возвращения из Туркестана Н. Какурина. По свидетельству дочери генерала, М. Тухачевский приходил в гости к А. Зайончковскому особенно часто в 1923—1924 гг.[3]

Такие отношения между М. Тухачевским и А. Зайончковским, видимо, сохранялись до самой смерти генерала в марте 1926 г. Известно, что именно М. Тухачевский написал предисловие к исследованию А. Зайончковского, посвященному истории Первой мировой войны[4]. Это было понятно и во многом объяснялось их единодушием в оперативно-стратегических взглядах. Как М. Тухачевский, так и А. Зайончковский разделяли наступательную концепцию «стратегии сокрушения»[5]. А. Зайончковский, как и его племянник Н. Какурин, поддерживали «стратегию революционной войны», выдвинутую М. Тухачевским[6].

Благодаря Н. Какурину и генералу А. Зайончковскому с М. Тухачевским познакомилась и дочь генерала — **Ольга Андреевна Зайончковская** (1892—1962?), ставшая одним из главных

---

[1] Военно-исторический журнал. 1966. № 9. С. 117—118.

[2] *Корицкий Н.Н.* В дни войны и в дни мира // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 97.

[3] Военные архивы России. Вып. 1. С. 110.

[4] В предисловии к исследованию А. Зайончковского «Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов». (М., 1926) М. Тухачевский писал: «Самое изучение империалистической войны на русском фронте без ознакомления с книгой тов. Зайончковского будет затруднительным и неполным». — Указ. изд. С. 14.

[5] *Зайончковский А.М.* Лекции по стратегии, читанные на Военно-академических курсах высшего комсостава и в Военной академии РККА в 1922—1923 гг. (машинописный текст). М., 1923. Ч. 2. С. 34—36.

[6] Там же. С. 47.

«осведомителей» ОГПУ о М. Тухачевском. Как и ее отец, с 1921 г. О. Зайончковская являлась секретным сотрудником ОГПУ. Она была замужем за бывшим полковником **Александром Николаевичем Поповым** (1884—1931?), который стал одной из фигур «легендированной» ОГПУ ВНРО в рамках очередного «Треста», получившего кодовое название «Синдикат-2». Эта операция была направлена против РОВС и А. Кутепова. А. Попов начал свою службу в лейб-гвардии Казачьем полку. В Гражданскую войну он оказался в деникинской, а затем врангелевской армии. В 1922 г. он возвратился в РСФСР и тоже стал секретным сотрудником ОГПУ, как и его жена и его тесть.

Однако личность А. Зайончковского интересна еще и тем, что создавала достаточно масштабный и весьма разнообразный социокультурный фон в военных кругах, благоприятно ориентированный на М. Тухачевского. Как бывший командир лейб-гвардии Егерского полка и командир 1-й (Петровской) бригады 1-й пехотной гвардейской дивизии генерал от инфантерии «по гвардейской пехоте», а также как один из наиболее авторитетных высших начальников старой армии, оставшихся в СССР и в РККА (наряду с А. Брусиловым), А. Зайончковский «стягивал» на себя бывших гвардейцев.

...О. Зайончковская-Попова признавалась много позже, что «сообщала (в ОГПУ. — *С.М.*) о Тухачевском со слов моего отца (А. Зайончковского), моего двоюродного брата Н. Какурина, матери и сестры Ивана Александровича Троицкого, Де-Лазари, Александра Николаевича, братьев Готовских...»[1]. Таким образом, в близких приятельских отношениях с М. Тухачевским из лиц, группировавшихся вокруг генерала А. Зайончковского, находились, кроме Н. Какурина и И. Троицкого, а также самого генерала А. Зайончковского, братья Владимир и Александр Готовские.

Старший из братьев **Владимир Николаевич Готовский** (1879—после 1934) был личностью незаурядной, о чем свидетельствует его «беспокойная» военная карьера. По окончании кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища он в 1897 г. был выпущен корнетом в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. Затем, окончив по 1-му разряду Николаевскую

[1] Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993. С. 110.

Академию Генерального штаба (1903), принял участие в Русско-японской войне. В период последующей службы в штабе войск гвардии в Петербургском военном округе В. Готовский окончил в 1913 г. Офицерскую воздухоплавательную школу, стал летчиком. Первую мировую войну в 1914 г. он начал в должности начальника штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. В декабре 1915 г. в его, можно сказать, блестящей военной карьере был срыв. Возмущенный бездарным командованием А. Кара-Георгиевичем (братом сербского короля) одной из бригад 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, В. Готовский ударил его по лицу, за что был разжалован в рядовые. Прослужив три месяца в Приморском драгунском полку, он оказался в 26-м авиационном отряде. Проявив храбрость в успешных воздушных боях, В. Готовский заслужил все четыре степени солдатского Георгия, был восстановлен в офицерском чине и за боевые отличия в мае 1916 г. произведен в полковники с возвращением всех прежних наград и назначением на должность начальника штаба Кавказской Туземной дивизии. В 1917 г. В. Готовский принял активное участие в так называемом «корниловском мятеже», являясь начальником штаба Кавказского Туземного корпуса, двигавшегося на Петроград, был арестован, но осенью 1917 г. освобожден. С конца октября 1917 г. В. Готовский выполнял обязанности помощника начальника ВВС. С этого же времени началось его сотрудничество с Советской властью. Во время ведения переговоров со шведами о покупке самолетов при пересечении Балтийского моря он был захвачен в плен финнами и оставался в плену до июня 1919 г. Вернувшись в Советскую Россию, В. Готовский преподавал в Военной академии РККА. В это время он начал близко общаться с семейством генерала А. Зайончковского, в том числе с дочерью генерала О. Зайончковской-Поповой. К концу Первой мировой войны В. Готовский был достаточно широко известен в русской армии и пользовался в высших офицерских кругах репутацией одного из лучших генштабистов русской армии. Он находился в близких дружеских отношениях с генералами А. Брусиловым и А. Снесаревым. В начале 20-х годов советское военное и политическое руководство весьма активно использовало его способности, опыт, высокие профессиональные качества в реализации сотрудничества с рейхсвером. В январе 1922 г. он побывал в Берлине в связи со смертью

своего брата С. Готовского, тоже полковника лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, что, очевидно, являлось внешним прикрытием его военно-дипломатической миссии. Ходили слухи, что В. Готовский посетил Берлин и в октябре 1922 г. вместе с М. Тухачевским[1]. По некоторым сведениям, с осени 1922 по май 1923 г. В. Готовский находился в Берлине в составе советского военного представительства (военный атташе?)[2]. Эти обстоятельства сами по себе благоприятствовали личным контактам между В. Готовским и М. Тухачевским, независимо от встреч на квартире у генерала А. Зайончковского.

Младший из братьев, **Александр Николаевич Готовский** (1888 — после 1936) был не только близким другом семьи А. Зайончковского и Н. Какурина, но и близким сослуживцем и соратником М. Тухачевского. После окончания Николаевского кавалерийского военного училища он был выпущен корнетом в лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества полк, в котором прослужил вплоть до 1914 г.[3] Окончив в 1913 г. Академию Генерального штаба, А. Готовский накануне Первой мировой войны был назначен обер-офицером при штабе 3-го армейского корпуса. Вплоть до конца 1917 г. он прослужил на различных штабных должностях. Оказавшись в РККА с лета 1918 г., А. Готовский вплоть до мая 1919 г. служил в штабах войск Петроградского военного округа. Затем с мая 1919 по январь 1920 г. он был сначала помощником начальника Высшей кавалерийской школы в Петрограде (бывшее Николаевское кавалерийское училище), а затем начальником оперативного управления штаба Южного фронта.

Его боевое сотрудничество с М. Тухачевским и, естественно, личное знакомство начались с весны 1920 г. на Западном фронте. Сначала А. Готовский был начальником Смоленских кавалерийских курсов вплоть до января 1921 г. Затем, переведенный в Тамбовскую губернию, возглавил войска Борисоглебского уезда. С назначением М. Тухачевского командующим войсками Тамбовской губернии в мае 1921 г. А. Готовский, высоко ценимый новым ко-

---

[1] ГАРФ. Ф. 5358. Оп. 1. Д. 9. Л. 3463.

[2] Там же. Д. 11. Л. 4881.

[3] РГВИА. Ф. 3547. Оп. 1. Д. 128. Список офицеров лейб-гвардии Кирасирского Е.И.В. Марии Федоровны полка по старшинству на январь 1907 г.

мандующим как кавалерийский начальник, был назначен начальником кавалерийского лагерного сбора Тамбовского района. После перевода М. Тухачевского в Военную академию РККА А. Готовский возвратился в Петроград на должность начальника 2-й Петроградской кавалерийской школы. В этом качестве он оставался до начала 1923 г. В конце мая 1923 г. по не совсем ясным причинам А. Готовский был отстранен от должности и отправлен в распоряжение Штаба РККА, где находился до конца марта 1924 г. Последующая его военная карьера была малопримечательна. С марта 1924 и до 1930 г. он находился на преподавательской работе в Высшей пограничной школе ОГПУ[1], а в 30-е годы служил в Управлении механизации и моторизации РККА при И. Халепском[2].

Как уже отмечалось выше, в Николаевской Академии Генерального штаба одновременно с Н. Какуриным обучался Н. Соллогуб. Это обстоятельство способствовало возникновению между ними близких приятельских отношений, в том числе и с семейством генерала А. Зайончковского. Примечательно также и то, что Н. Какурин после перехода из Галицийской в Красную Армию, пройдя «фильтрацию», был направлен на Западный фронт в распоряжение командующего 16-й армией, каковым тогда, в 1920 г. оказался Н. Соллогуб. В составе штаба и войск 16-й армии, то есть рядом и под начальством Н. Соллогуба, Н. Какурин оставался вплоть до октября 1920 г. После Гражданской войны прежние дружеские отношения между ними сохранялись, и Н. Соллогуб стал одним из частых гостей в доме генерала А. Зайончковского.

...**Николай Владимирович Соллогуб** (1883—1937), из старинного дворянского рода польско-литовского происхождения (был известен с XIV в.), после окончания Павловского военного училища в 1904 г. начал службу в лейб-гвардии 2-м Царскосельском стрелковом полку подпоручиком. После окончания в 1910 г. Николаевской Академии Генерального штаба он был направлен в 1913 г. в Виленский военный округ на должность помощника старшего адъютанта штаба округа. Там он познакомился с буду-

---

[1] РГВА. Послужной список № 51338 А.Н. Готовского; Список лиц с высшим общим военным образованием... С. 47.

[2] Военные архивы России. Вып. 1. С. 109.

щим Главкомом С. Каменевым. Впрочем, более длительный период его совместная с С. Каменевым служба продолжалась в штабе 1-й армии. С. Каменев почти всю войну прослужил в этом штабе, в управлении генерал-квартирмейстера. Н. Соллогуб пробыл в этом штабе в должности штаб-офицера для поручений и помощника старшего адъютанта указанного отделения до ноября 1915 г. Это обстоятельство, несомненно, сыграло свою роль в дальнейшей судьбе Н. Соллогуба, в его службе в РККА. Последующая его служба проходила в гвардейских штабах, в штабе 11-й армии и в штабе Западного фронта. Он проявил себя выдающимся офицером-генштабистом.

Генерал Б. Геруа, сам вышедший из офицеров лейб-гвардии Измайловского полка, назначенный генерал-квартирмейстером штаба войск гвардии, так характеризовал личные качества Н. Соллогуба. «Это был умный, знающий, тактичный, уравновешенный человек и превосходный организатор, — писал он. — Ловкими своими руками он быстро слепил из имевшегося материала основное отделение штаба, постепенно завоевавшее себе авторитет и всеобщий почет. Вместе с тем он объединил вокруг себя подчиненную ему молодежь Генерального штаба, сделав для них работу приятной и интересной. Благодаря Соллогубу спокойная и уверенная атмосфера водворилась сначала в круге его непосредственного влияния, а затем ею заразились и соседи. С этим выдающимся офицером мне суждено было работать, с маленьким перерывом, вплоть до фактического окончания войны, то есть до осени 1917 г.»[1].

В Красной Армии Н. Соллогуб оказался с июня 1918 г.[2]. До августа 1919 г. он успел прослужить и начальником штаба Восточного фронта, членом Высшей военной инспекции, начальником оперативного управления штаба Западного фронта. В августе 1919 г. он был назначен командующим 16-й армией Западного фронта, пробыв в этой должности вплоть до конца сентября 1920 г. В этом качестве он принял активное участие в «польском походе» М. Тухачевского, командуя главной ударной силой фронтовых войск. С начала октября и по декабрь 1920 г. Н. Соллогуб

---

[1] *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Париж, 1970. Т. 2. С. 126.

[2] Послужной список Н. Соллогуба см. в Списке лиц с высшим общим военным образованием... С. 209.

был начальником штаба Западного фронта, оказавшись, таким образом, одним из самых ближайших сотрудников М. Тухачевского. О высокой оценке его военных способностей и боевого опыта, прекрасной репутации одного из «революционных генералов» свидетельствует назначение Н. Соллогуба в декабре 1920 г. начальником штаба Вооруженных сил Украины и Крыма (ВСУК). Когда М. Тухачевский был назначен начальником Военной академии РККА, он взял туда с собой как человека с выдающимся боевым опытом Гражданской войны Н. Соллогуба. Впрочем, как и М. Тухачевский, он недолго оставался на преподавательской работе. Уже в декабре 1921 г. Н. Соллогуб вновь возвращается на должность начальника штаба ВСУК. Летом 1922 г., когда возникла «тревога» ожидания новой войны на Западном фронте, Н. Соллогуб вновь назначается под начало М. Тухачевского командиром 5-го стрелкового корпуса. С октября 1922 по ноябрь 1923 г. Н. Соллогуб был вторым помощником командующего ВСУК и Украинского военного округа.

Политическая репутация Н. Соллогуба была весьма смутная. Вряд ли даже ВЧК—ГПУ имело изначально исчерпывающую информацию о политических симпатиях и антипатиях Н. Соллогуба.

Примечательно и совершенно в духе «корниловских настроений» было поведение Н. Соллогуба сразу же после Петроградского вооруженного восстания и установления Советской власти в Петрограде. Большевистскую революцию он, как и большинство других старших офицеров и генералов, встретил враждебно и принял участие в попытках противостоять ей на фронте. Он тогда, в октябре—ноябре 1917 г., занимал должность генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта.

Характеризуя окружение М. Тухачевского, нельзя обойти стороной еще одну личность, несомненно, принадлежащую к близким сотрудникам и единомышленникам указанных лиц.

Баторский Михаил Александрович (1890—1938), выпускник Пажеского корпуса, с 1909 г. — корнет лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка. В Пажеском корпусе он учился вместе с А. Готовским, с ним и попал в указанный гвардейский полк. Их приятельские отношения сохранились, пройдя через Первую мировую и Гражданскую войны, тем более что им неоднократно приходилось быть соратниками и сослуживцами. Он оставался в полку до 1915 г. и в чине штаб-ротмистра, как окончив-

ший в 1914 г. Академию Генерального штаба, продолжил службу в штабах высших соединений русской армии. С 1916 г. он в основном служил в разных должностях в штабах войск гвардии. Там он впервые встретился с Н. Соллогубом. Там, видимо, возникли у них приятельские отношения, возобновившиеся позже во время службы в Красной Армии. Они служили вместе в штабе гвардейского корпуса и Особой армии в 1917 г. Однако близкое служебное сотрудничество между ними относится к 1919—1921 гг. Оказавшийся в Красной Армии с сентября 1918 г., М. Баторский с сентября 1919 г. занял должность начальника штаба 16-й армии, которой командовал Н. Соллогуб. Очевидно, их служебное сотрудничество было настолько плодотворно и боевое единомыслие, равно как и сложившиеся приятельские отношения, столь сильно, что когда М. Тухачевский взял к себе в качестве начальника фронта Н. Соллогуба (в октябре 1920 г.), то последний забрал с собой из штаба 16-й армии М. Баторского. Он занял должность помощника начальника штаба фронта. Здесь, в штабе фронта, успешно сотрудничали в то время и Н. Соллогуб, и М. Баторский, и П. Ермолин. С уходом Н. Соллогуба в штаб ВСУК в декабре 1920 г. и назначением начальником штаба Западного фронта П. Ермолина М. Баторский сохранил за собой свою должность.

М. Баторский, как отмечалось ранее, подобно Н. Какурину в целом разделял и взгляды М. Тухачевского на «революционную войну». После ухода из штаба фронта П. Ермолина с июня 1921 г. он занял его должность начальника фронтового штаба, оставаясь в таковой и при исполнявшем обязанности командующего фронтом И. Н. Захарове. Все это свидетельствует о единстве взглядов и сотрудничестве ближайшего окружения М. Тухачевского во время его командования Западным фронтом. С декабря 1921 по август 1924 г. М. Баторский был начальником Высшей кавалерийской школы (бывшего Николаевского кавалерийского училища) в Петрограде[1]. Для полноты характеристики М. Баторского следует об-

---

[1] В 1935 г. М.А. Баторскому было присвоено звание «комкор». 17 июля 1937 г. он был арестован в должности начальника кафедры Академии Генерального штаба. Осужден и расстрелян 7 февраля 1938 г. РГВИА. Ф. 3547. Оп. 1. Д. 139. Послужной список М.А. Баторского. См. также: Список лиц с высшим общим военным образованием... С. 22; *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА, 1937—1938. М., 1998. С. 377.

ратить внимание на одно весьма примечательное обстоятельство, существенно корректирующее его военно-политический облик. В 1918 г. М. Баторский являлся активным участником германофильской контрреволюционной организации П. Дурново в Петрограде, объединявшей преимущественно гвардейских офицеров, ожидавших прихода кайзеровских войск в Петроград[1]. Он являлся «правой рукой Дурново»[2]. Впрочем, его связь с этой организацией фактически прервалась после вступления в РККА.

К близкому окружению А. Зайончковского, Н. Какурина и М. Тухачевского следует отнести и **Дмитрия Дмитриевича Зуева** (1890—1937). Этот дворянин Псковской губернии был своим человеком в доме А. Зайончковского еще с давних дореволюционных времен. Его отец, генерал от инфантерии Д.П. Зуев, умерший в 1917 г., приятель и единомышленник А. Зайончковского в дореволюционных дискуссиях по военным вопросам[3], он передал своему сыну по наследству благорасположение и дружбу в этом доме. Выпускник Пажеского корпуса, свободно владевший немецким и французским языками, Д. Зуев начал свою военную службу подпоручиком лейб-гвардии Преображенского полка в 1909 г.[4] Несмотря на два ранения в 1915 и 1916 гг., военная карьера Д. Зуева складывалась весьма успешно. Возможно, сказывался и авторитет, связи отца-генерала. Быть может, и авторитет А. Зайончковского. Во всяком случае, в 1916 г. он был уже капитаном гвардии и командиром самой почетной, 1-й Е.И.В. («государевой») роты лейб-гвардии Преображенского полка[5]. На эту долж-

---

[1] Протокол допроса, произведенного в ПП ОГПУ в ЛВО зам. нач. ОО Чаровым, пом.нач. отдела Янинковским и оперуполномоченным Точанским обвиняемого Кованько Алексея Алексеевича 2 ноября 1930 г. (а также протокол допроса 3 ноября 1930 г.) // *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930—1931 гг. М., 2000. С. 397,398, 402,403, 406.

[2] Там же. С. 403.

[3] *Жилин П.* Дискуссии о единой военной доктрине. (Из истории развития военно-теоретической мысли.) // Военно-исторический журнал. 1961. № 5. С. 63.

[4] РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 865. Лейб-гвардии Преображенский полк. Списки офицеров по старшинству на 1914 г. Зуев Д.Д.; РГВА. Послужные списки Д.Д. Зуева № 95125 (1924 г.) и № 95126 (25.04.1925 г.).

[5] РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 866. Лейб-гвардии Преображенский полк. Списки офицеров по старшинству.

ность обычно назначались убежденные монархисты, люди с безупречной нравственной и политической репутацией, отличные строевики, лучшие гвардейские офицеры, исключительно преданные императору. К концу 1916 г. Д. Зуев стал (назначенный на должность полкового адъютанта) начальником штаба лейб-гвардии Преображенского полка[1]. В 1917 г., 26 лет от роду, он был произведен в полковники гвардии и переведен в ставку Верховного Главнокомандующего — императора Николая II[2]. Даже для человека, находящегося под высочайшим покровительством, это была блестящая карьера — гвардии полковник в 26 лет! Перевод из гвардии в армию, как правило, обеспечивал такого рода офицерам сразу же должность командира полка со скорым производством в генералы. Все это свидетельствовало не только о прекрасной карьере, но и, несомненно, о незаурядных способностях Д. Зуева. Однако все рухнуло в феврале 1917 г.

Несмотря на то что бывший гвардии полковник Д. Зуев был зачислен в состав РККА еще в январе 1918 г., первое свое назначение, при этом с правом занимать лишь административно-командные должности, он получил лишь в сентябре 1919 г. «по личному распоряжению Л. Троцкого»[3]. Примерно до середины 1921 г. Д. Зуев служил в войсках Петроградского военного округа. Затем, возможно, не без участия со стороны А. Зайончковского и Н. Какурина, в апреле 1922 г. был направлен на Туркестанский фронт, в штаб Бухарской группы войск, которой командовал Н. Какурин. Позднее опыт их службы в Туркестане найдет отражение в их совместном исследовании, посвященном боевым действиям в Туркестане[4]. Там же, видимо, между ними завязались и близкие приятельские отношения. По возвращении из Туркестана в мае 1924 г. Д. Зуев был назначен помощником начальника отдела войсковой подготовки штаба Ленинградского военного округа[5]. С ноября 1925 г. он уже занимает должность начальника общего

---

[1] РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 866. Лейб-гвардии Преображенский полк. Списки офицеров по старшинству.

[2] Там же.

[3] РГВА. Послужной список Д.Д. Зуева № 95126 (25.04.1925 г.).

[4] Там же.

[5] Там же.

отдела инспектората ЛВО с присвоением «К-11»[1]. Впрочем, в скором времени, в 1926 г., может быть, не без содействия А. Зайончковского и Н. Какурина, Д. Зуев переводится в Москву в 1-е Оперативное управление Штаба РККА под непосредственное руководство М. Тухачевского. Вполне возможно, однако, что этот перевод был осуществлен по инициативе самого М. Тухачевского, лично знавшего Д. Зуева, видимо, еще задолго до знакомства с Н. Какуриным и А. Зайончковским. Следует вспомнить, что в 1914 г. М. Тухачевский и Д. Зуев являлись младшими офицерами двух полков, входивших в одну, 1-ю гвардейскую пехотную (Петровскую) бригаду и принимали, как правило, участие в одних и тех же боях. Офицеры обоих полков находились в постоянном приятельском контакте друг с другом, особенно сверстники. Поэтому знакомство Д. Зуева и М. Тухачевского уже в августе 1914 г., вне всякого сомнения, должно было иметь место. Однако сведений о близких приятельских отношениях между ними в дореволюционные времена не имеется. Сам Д. Зуев позднее признавался, что «вообще из офицеров довоенного времени Семеновского полка был близок со следующими: Пенхержевский, сын бывшего офицера Преображенского полка, Алексей Алексеевич Якимович, товарищ по корпусу, оба убиты. Попов — бывший офицер 1-й роты... барон Унгерн-Штеремберг... Арсений Зайцов и Соллогуб (все адъютанты Семеновского полка)... Могу назвать Назимовых Якова Ивановича и Ивана Ивановича»[2].

М. Тухачевский, как правило, ставивший интересы дела выше личных связей, вряд ли даже по просьбе лучших друзей мог найти «синекуру» для «бездарного» приятеля в Оперативном управлении Штаба РККА. Д. Зуев был ему интересен не только в качестве близкого знакомого и «протеже» друзей, но как образо-

---

[1] Согласно принятой в 1924 г. должностной сетке для комсостава РККА, состоявшей из 14 категорий, «категория 11» (К-11) входила в 4-ю группу — «Высший комсостав» (категории 10—14) — и присваивалась, как правило, командирам дивизий или соответствовавшим этим должностям штабной или военно-административной службы. По нынешним воинским званиям «К-11» соответствовала примерно званию «генерал-майор» или «дивизионный генерал».

[2] Протокол допроса, произведенного в ПП ОГПУ в ЛВО, опер. уполн. Клеман обвиняемого Зуева Дмитрия Дмитриевича // *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930—1931 гг. С. 372.

ванный, дельный специалист. В условиях развивавшегося советско-германского военного сотрудничества, в котором М. Тухачевский играл не последнюю роль, ему были нужны близкие и опытные, образованные сотрудники, особенно владевшие немецким языком. Д. Зуев в этом отношении был весьма ценным работником Штаба РККА. Уже в 1927 г. он, по рекомендации М. Тухачевского, был командирован в Германию[1].

Как выпускник Пажеского корпуса он поддерживал близкие товарищеские отношения со своим одноклассником и сверстником по корпусу уже упоминавшимся выше М. Баторским, а также с еще двумя бывшими гвардейскими офицерами, занимавшими позднее весьма высокие посты в Красной Армии: М. Энденом и Г. Потаповым. Он был также достаточно близко знаком и с генералом А. Свечиным. Вообще, надо сказать, связи и знакомства у Д. Зуева были обширны и многообразны. В числе его близких приятелей из известных лиц был и генерал А. Кутепов. Последнее обстоятельство, несомненно, предопределило вовлечение Д. Зуева в «игры-легенды», организуемые ОГПУ в 20-е годы, начиная с операции «Трест».

Судьба Д. Зуева после отставки М. Тухачевского с должности начальника Штаба РККА в мае 1928 г. известна мне фрагментарно. Во всяком случае, к 1930 г. он уже являлся преподавателем заочного отделения Военной академии РККА и в начале января 1931 г. был арестован по «делу преображенцев», являвшемуся составной частью «гвардейских дел» 1930—1931 гг.[2]. Впрочем, в заключении и под следствием он оставался недолго и, в отличие от трагических судеб своих товарищей и однополчан, вскоре был освобожден после дачи весьма откровенных и обстоятельных признаний. Он был арестован и расстрелян в 1937 г. Это объяснялось одной из причин, которая, даже при наличии всех выше означенных, сыграла решающую роль в переводе Д. Зуева в Москву, в Штаб РККА, в состав ближайших сотрудников М. Тухачевского.

В результате каких-то не до конца ясных обстоятельств к 1923 г. Д. Зуев вынужден был согласиться выполнять функции нештатного «секретного сотрудника» ОГПУ, первоначально в рам-

---

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 87. Л. 125.

[2] Там же. Ф. 37605. Оп. 2. Д. 1. Л. 10—11.

ках так называемой операции «Трест»[1]. Очевидно, это было обусловлено поступившей в ОГПУ информацией о причастности Д. Зуева к конспиративным группам бывших гвардейских офицеров, так или иначе связанных с антисоветской деятельностью Б. Савинкова в 1918—1923 гг. Когда же с 1924 г. ОГПУ приступило к агентурной разработке «дела генштабистов», а с 1926 г. началось специальное агентурное наблюдение за М. Тухачевским, Д. Зуев, наряду с О. Зайончковской, был уполномочен выполнять роль секретного агента ОГПУ, наблюдающего за поведением М. Тухачевского и регулярно о нем информирующего. В этих целях, конечно же, целесообразно было определить ему место службы рядом с начальником Штаба РККА.

Подводя некоторые итоги рассмотрения лиц, группировавшихся вокруг генерала А. Зайончковского и Н. Какурина в 20-е годы, в контексте их влияния на М. Тухачевского, можно заметить, что значительную их часть составляли бывшие гвардейцы, естественно тяготевшие к генералу как к «старшему гвардейцу». Всех их объединял общий политический настрой. Его характер и направленность обозначились хотя бы тем обстоятельством, что большинство из них в той или иной форме, в те или иные годы вели антибольшевистскую борьбу, принимали участие в «контрреволюционных выступлениях» (Н. Соллогуб и В. Готовский в «корниловском мятеже»), или конспирациях (сам А. Зайончковский, М. Баторский, Д. Зуев), или в составе антибольшевистских воинских формирований (Н. Какурин). Эта политическая атмосфера не могла не влиять на настроения М. Тухачевского в первой половине 20-х годов. Более того, посещая квартиру А. Зайончковского, М. Тухачевский тем самым обнаруживал комфортность своего политического самочувствия в ее бытовой атмосфере. Ощущение собственной политико-нравственной безопасности позволяло ему быть в этом смысле несколько расслабленным, более откровенным в выражении собственного мнения. Это был круг в основном бывших гвардейских офицеров, людей аристократически воспитанных, образованных и незаурядных, в большинстве своем имевших опыт антибольшевистских конспираций.

---

[1] Военные архивы России. Вып. 1. С. 101.

Кроме офицеров, входивших в «группу Какурина — Зайончковского», в числе ближайших соратников, помощников и, в силу долговременного должностного положения конфидентов, М. Тухачевского были А.Н. Виноградов, П.И. Ермолин, И.Н. Захаров.

Подполковник Генерального штаба **Анатолий Николаевич Виноградов** (1882—19??), из семьи земского служащего, прошедший через окопы Первый мировой войны, где он был трижды ранен и контужен, похоже, познакомился с М. Тухачевским еще весной 1918 г. в штабе обороны Москвы[1]. Вновь их судьбы соединились на Западном фронте в 1920 г. А. Виноградов был назначен в распоряжение штаба Западного фронта и с этого времени и до весны 1924 г. становится бессменным ближайшим сотрудником и доверенным лицом М. Тухачевского[2]. Сначала, в июне—ноябре 1920 г., он выполнял обязанности офицера для особых поручений при начальнике Оперативного управления штаба Западного фронта. А затем состоял для особых поручений при М. Тухачевском. Часто в период «польского похода» 1920 г. А. Виноградов исполнял обязанности начальника штаба фронта. А. Виноградов был рядом с М. Тухачевским и во время подавления Кронштадтского мятежа, и в Тамбовской губернии, и в Военной академии РККА, и вновь на Западном фронте. Он неизменно сопровождал М. Тухачевского в служебных командировках в Москву и в Германию[3]. Учитывая сказанное об этом человеке и информацию штабных документов Западного фронта 1922—1924 гг., А. Виноградов был настоящей «тенью» М. Тухачевского, в определенной мере — его alter ego. В этом смысле, постоянно принимая активное участие в выработке решений командующего Западным фронтом, А. Виноградов фактически в эти годы выполнял функции реального помощника и заместителя М. Тухачевского по руководству фронтом. Это позволяет отнести А. Виноградова к числу, так сказать, «неформальных» членов советской военной элиты 1922—1924 гг.

---

[1] РГВА. Послужной список № 42179 А.Н. Виноградова; Список лиц с высшим общим военным образованием... С. 39.

[2] Список лиц с высшим общим военным образованием... С. 39.

[3] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 41, 99.

Их служебное сотрудничество прекратилось лишь в 1924 г., когда М. Тухачевский был переведен в Москву в Штаб РККА, а А. Виноградов в ноябре 1924 г. назначен помощником начальника отдела Управления по устройству войск ГУРККА[1]. А. Виноградов, пожалуй, пробыл дольше других близких сотрудников рядом с М. Тухачевским. В общей сложности — около пяти лет. Последующие их отношения проследить, к сожалению, не представляется возможным. Однако нет оснований предполагать, что они, хотя бы до 1930 г., стали невозможны. С ноября 1925 г. М. Тухачевский вновь оказался в Москве. Поэтому физических и географических препятствий для продолжения приятельских и служебных контактов между ними не было. Что касается нравственных, то слишком много общих мыслей и действий связывали их в прошлом, чтобы узы приятельства между ними можно было резко прервать без грубого воздействия извне.

Близким на всю оставшуюся жизнь человеком М. Тухачевскому стал его адъютант в пору командования Западным фронтом в 1922—1924 гг. Лев Михайлович Гейман (1897 — после 1937), русский, солдат в 1917 г., член РКП(б) с 1919 г. 18 июля 1923 г. он был назначен помощником командира 81 сп (27-й сд), с оставлением в должности для поручений при командующем Западным фронтом. Он был исключен из списка прикомандированных к штабу командующего с 31 октября 1923 г. и перешел в распоряжение начальника ПУ фронта с 15 октября 1923 (приказ № 831). Став мужем сестры М. Тухачевского, О.Н. Тухачевской, Л. Гейман вошел в большую семью Тухачевских. Он был арестован в 1937 г., осужден ОСО 1937 на пять лет ИТЛ.

К числу близких и долговременных сотрудников М. Тухаческого принадлежал еще один офицер — **Николай Иванович Захаров** (1885—1930). Капитан (по другим сведениям — подполковник), по рекомендации М. Тухачевского в 1920 г. был переведен в Генштаб. Впрочем, еще с лета 1917 г. Н. Захаров занимал штабные должности в старой Русской армии. С июня 1918 г. он почти одновременно с М. Тухачевским оказался в руководстве 1-й Революционной армией, заняв должность начальника оператив-

[1] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 41, 99. Известно, что в 1925 г. А. Виноградов оставался в этой должности. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

ного отдела штаба армии. Вскоре, с июля 1918 г. Н. Захаров стал по рекомендации М. Тухачевского начальником ее штаба. Он прослужил в штабе 1-й армии до марта 1920 г. Назначенный командующим Кавказским фронтом, М. Тухачевский 4 марта 1920 г. вновь забрал к себе Н. Захарова в качестве первого помощника командующего фронтом. На эту же должность он последовал за М. Тухачевским в апреле 1920 г., когда последний был назначен командующим Западным фронтом. О высоком доверии М. Тухачевского к Н. Захарову и высокой оценке командных и штабных качеств последнего свидетельствует и назначение его временно исполняющим дела командующего Западным фронтом — с марта по июль 1921 г., когда М. Тухачевский проводил «кронштадтскую операцию» и командовал войсками Тамбовской губернии. Назначенный начальником Военной академии РККА, М. Тухачевский вновь «взял с собой» Н. Захарова в качестве своего заместителя. В ноябре 1921 г. Н. Захаров был назначен начальником Управления по комплектованию и службе войск Штаба РККА и оставался в этой должности до марта 1924 г. После реорганизации Штаба РККА с апреля 1924 г. и до конца жизни, он умер 19 октября 1930 г., Н. Захаров занимал должность заместителя начальника Учебно-строевого управления ГУРККА.

Таким образом, Н. Захаров и А. Виноградов, учитывая все вышеотмеченное, являлись ближайшими и самыми ценимыми долговременными сотрудниками М. Тухачевского, с которыми он не расставался начиная с Гражданской войны и до конца 20-х годов.

Другой долговременный близкий сотрудник, однополчанин М. Тухачевского, **Павел Иванович Ермолин** (1884—1938) родился в семье отставного офицера и происходил из дворян Пензенской губернии[1], являясь, таким образом, земляком М. Тухачевского[2]. После окончания Симбирского кадетского корпуса П. Ермолин поступил в Александровское военное училище и был вы-

---

[1] См.: РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2756. Л. 2822. Послужной список П.И. Ермолина, а также: РГВА. Послужной список № 82387, 82388, 82389, 82390 П.И. Ермолина.

[2] Как известно, семья Тухачевских вплоть до 1909 г. жила в Пензе, а дед будущего маршала был уездным предводителем дворянства в Пензенской губернии. Скорее всего, семьи Тухачевских и Ермолиных были знакомы по Пензе.

пущен из него в 1904 г. подпоручиком в лейб-гвардии Семеновский полк[1]. Тот же путь проделал десять лет спустя и М. Тухачевский.

П. Ермолин пробыл в лейб-гвардии Семеновском полку до 1910 г. Он поступил в Академию Генерального штаба, которую окончил в 1912 г. и в декабре этого же года был произведен в штабс-капитаны. До октября 1914 г. он все еще числился по спискам своего полка. Таким образом, он должен был быть знаком с М. Тухачевским не только по Пензе, но и по полку, и по фронту. Впрочем, в октябре 1914 г. П. Ермолин уже служил в армейских частях на штабных должностях[2]. С начала 1918 г. он оказался в составе Красной Армии[3]. Здесь М. Тухачевский и П. Ермолин — два земляка, два «александрона», два «семеновца» — встретились вновь. С конца ноября 1918 г. П. Ермолин был начальником штаба 5-й армии, которой с апреля 1919 г. командовал М. Тухачевский.

При весьма смутных обстоятельствах, которые нуждаются в отдельном исследовании, 27 июля 1919 г. П. Ермолин был смещен с должности в самый разгар побед 5-й армии[4]. Однако в феврале

---

[1] РГВИА. Послужной список П.И. Ермолина

[2] С ноября 1914 г. П. Ермолин был старшим адъютантом штаба 84-й пехотной дивизии. Затем, с октября 1915 и по 11 марта 1917 г. он — на должности исполняющего дела штаб-офицера для поручений при штабе 26-го армейского корпуса. После этого в течение нескольких месяцев П. Ермолин занимал должность исполняющего дела начальника штаба 192-й и 111-й пехотных дивизий. Последняя должность в старой армии, которую занимал П. Ермолин до начала 1918 г., — начальник штаба 3-й пехотной дивизии. Он закончил службу в старой армии в чине подполковника Генерального штаба. См.: Список лиц с высшим общим военным образованием... С. 75.

[3] Согласно послужным спискам П. Ермолина, в Красной Армии он оказался добровольно с мая 1918 г. Сначала он был прикомандирован, с мая 1918 г., к штабу Петроградского укрепленного района. Затем в июне 1918 г. П. Ермолин был направлен в распоряжение Управления начальника инженеров штаба 5-й армии. В этом штабе с 20 октября 1918 г. он занимал должность начальника оперативного отдела, а с 22 ноября стал начальником штаба армии. См.: Послужной список № 82387, 82388, 82389, 82390 П.И. Ермолина.

[4] Возможно, его неожиданная отставка была связана каким-то образом с так называемым «заговором в Полевом штабе РВСР», раскрытом в начале июля 1919 г. По этому делу был арестован и отправлен в отставку Главком И. Вацетис. Это было тем более странно, что П. Ермолин был боевым офицером-генштабистом, в которых была большая нужда в Красной Армии, еще молодой (ему было всего 35 лет). Он оказывается сначала штатным руководителем практических занятий, затем заведующим обучением слушателей, одновременно включенным в состав Военно-исторической комиссии.

1920 г. по настоятельным требованиям только что назначенного командующим Кавказским фронтом М. Тухачевского П. Ермолин поступает в его распоряжение. После этого, очевидно высоко ценимый М. Тухачевским как штабной оперативный работник, старый приятель, однокашник и однополчанин, П. Ермолин следует за «красным Бонапартом» по всем ступенькам служебной лестницы. Всюду М. Тухачевский тянет за собой П. Ермолина вплоть до начала 1922 г.[1]. С апреля по декабрь 1920 г. он — помощник начальника штаба Западного фронта. С декабря 1920 по август 1921 г. — начальник штаба. С переводом М. Тухачевского начальником Военной академии РККА, как уже отмечалось выше, П. Ермолин переводится туда же «в распоряжение начальника академии». Их пути разошлись лишь в конце января 1922 г., когда М. Тухачевский получил назначение вновь командующим Западным фронтом, а П. Ермолин остался на преподавательской работе в Военной академии РККА[2].

С введением так называемых «категорий» для военнослужащих РККА П. Ермолину в 1924 г. была присвоена «категория-10» (К-10)[3]. Это примерно соответствовало будущему персональному званию «комбриг», или «бригадному генералу». В 1926 г. в соответствии с проведенной аттестацией П. Ермолин был аттестован как «соответствующий занимаемой должности и должности наштакора»[4]. Весьма примечательная ремарка в аттестации, характеризовавшая личность П. Ермолина: «Предложить обратить вни-

---

[1] См.: РГВА. Послужной список П.И. Ермолина; Список лиц с высшим общим военным образованием... С. 75.

[2] С 1 января 1922 г. П. Ермолин являлся старшим руководителем групповыми лекциями. Затем, с 1 октября 1922 г., — руководителем практических занятий по стратегии и тактике. С 1 августа 1923 г. П. Ермолин назначается штатным преподавателем по кафедре ведения операций. В 1930 г. ему присваивается звание «преподаватель высшего военного учебного заведения» и он назначается заведующим «циклом тактики». Последняя его должность в РККА — начальник кафедры Военной академии им. М.В. Фрунзе. В этой должности он был арестован 22 июля 1937 г., то есть вскоре после «процесса Тухачевского» и, возможно, в связи с ним. П. Ермолин был осужден на восьмилетнее заключение и умер в тюрьме. См.: РГВА. Послужной список П.И. Ермолина; *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА. 1937—1938 гг. С. 404.

[3] РГВА. Послужной список П.И. Ермолина.

[4] Там же.

мание на желательность усиления активности в общественной работе»[1].

П. Ермолин был, таким образом, достаточно типичный профессионал-генштабист, военный специалист, стремившийся всячески отстраняться от общественно-политической деятельности. Может быть, это было следствием «урока» 1919 года? Во всяком случае, он был профессионалом именно штабной работы. Он никогда не занимал ни одной командно-строевой должности.

...Нельзя обойти вниманием еще одного офицера-гвардейца, долгое время бывшего ближайшим сотрудником М. Тухачевского. Это **Чернавин Всеволод Владимирович** (1859—1938). Выпускник Павловского военного училища, В. Чернавин в 1877 г. стал подпоручиком лейб-гвардии 4-го Императорской фамилии стрелкового батальона и почти всю свою последующую карьеру провел в составе и во главе гвардейских стрелков и в войсках императорской гвардии. В. Чернавин, будучи «коренным» гвардейским стрелком, пройдя путь от подпоручика до полковника, командира лейб-гвардии 4-го Императорской фамилии стрелкового полка, затем командира 2-й бригады 3-й гвардейской пехотной дивизии, стал начальником этой дивизии в чине генерал-лейтенанта и, наконец, в 1917 г. — командиром 2-го гвардейского пехотного корпуса. Вместе с войсками корпуса он еще в ноябре 1917 г. перешел на сторону Советской власти.

Во время Гражданской войны В. Чернавин занимал должности командира стрелковой дивизии, 8-й армии, инспектора пехоты при Полевом штабе РВСР. С апреля 1919 г. он назначается инспектором пехоты Западного фронта. В этом качестве он оставался во время «польского похода» М. Тухачевского, а с назначением последнего вторично командующим фронтом в начале 1922 г. В. Чернавин становится помощником М. Тухачевского. Он был переведен в распоряжение РВС СССР только после смещения М. Тухачевского с должности командующего.

В числе ближайших сотрудников М. Тухачевского, которых он весьма высоко ценил, следует обязательно отметить **Семена Андреевича Пугачева** (1889—1939). Знакомство М. Тухачевского с этим человеком состоялось в феврале 1920 г., когда «побе-

---

[1] РГВА. Послужной список П.И. Ермолина.

дитель Колчака и завоеватель Сибири» по настоянию И. Сталина был назначен командующим Кавказским фронтом. В это время С. Пугачев, бывший капитан Генерального штаба, являлся начальником оперативного управления штаба фронта[1]. Он очень хорошо зарекомендовал себя у прежнего командующего фронтом В. Шорина и его начальника штаба Ф. Афанасьева. Ф. Афанасьев «лестно отзывался о его работоспособности, военных знаниях, умении отстаивать свою точку зрения перед командованием»[2]. По свидетельству тогдашних его сослуживцев, именно «по рекомендации Шорина и Афанасьева, поддержанной начальником Полевого штаба РВСР П.П. Лебедевым, новый комфронтом М.Н. Тухачевский и член РВС Г.К. Орджоникидзе дали согласие на назначение С.А. Пугачева начальником штаба фронта»[3].

Служебные отношения между М. Тухачевским и С. Пугачевым складывались хорошо и вскоре укрепились отношениями дружескими. Во всяком случае, когда в январе 1925 г. М. Фрунзе был назначен Председателем РВС СССР и наркомом по военным и морским делам, а руководство Штабом РККА и Инспекторатом РККА осуществлял С. С. Каменев, «по рекомендации М.Н. Тухачевского» С. Пугачев был приглашен на должность заместителя начальника Штаба РККА. Фактически же с февраля и по ноябрь 1925 г. он выполнял функции начальника Штаба Красной Армии. С. Каменев был занят работой в Инспекторате РККА, и вся работа по руководству Штабом лежала на С. Пугачеве. До этого С. Пугачев уже успел прослужить на очень высоких и ответственных должностях командующего Туркестанским фронтом и Отдельной Кавказской армией.

Идея привлечь С. Пугачева в центральный аппарат Управления РККА возникла у М. Тухачевского еще в 1924 г. По свидетельству В. Ладухина, который в это время, будучи близким приятелем С. Пугачева, служил под его начальством в ОКА, в 1924 г. «к нам в Тбилиси проездом на отдых прибыл Тухачевский... Он

---

[1] Список лиц с высшим общим военным образованием... С. 172.

[2] *Ладухин В.Н.* Славное имя // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 178.

[3] *Ладухин В.Н.* Верный сын Родины // Военно-исторический журнал. 1964. № 2. С. 76.

настойчиво добивался, не нуждается ли Семен Андреевич в чем-либо? Не имеет ли желания перейти на работу в центральный аппарат, где очень нужны опытные боевые командиры?»[1] М. Тухачевский и С. Пугачев часто встречались на протяжении всего 1925 г., а в ноябре, когда М. Тухачевский возглавил Штаб РККА, он «попросил С.А. Пугачева остаться его заместителем. Содержание этого разговора, — как вспоминал В. Ладухин, — мне в тот же вечер передал Семен Андреевич. Тухачевский сказал, что, близко наблюдая работу Штаба РККА в течение ряда лет, он одобряет деятельность Пугачева и будет продолжать, как он выразился, линию Фрунзе»[2].

Косвенным свидетельством тому, что М. Тухачевского связывали с С. Пугачевым и единодушие в служебной деятельности, и личные дружеские отношения, можно считать еще одно обстоятельство. Когда в мае 1928 г. М. Тухачевского сместили с должности начальника Штаба РККА, вскоре, в августе того же года, с должности заместителя начальника Штаба РККА сняли и С. Пугачева. Он был переведен в распоряжение наркома. То есть его сняли с должности без назначения. Позднее, когда начались массовые аресты среди старых генштабистов, когда были арестованы близкие друзья М. Тухачевского Н. Какурин и И. Троицкий в 1930 г., когда встал вопрос об аресте самого М. Тухачевского как «заговорщика», был арестован и С. Пугачев.

...Окружение М. Тухачевского в 20-е годы не ограничивалось бывшими офицерами-гвардейцами и генштабистами. Оно было весьма разнородным. Именно это обстоятельство и делало фигуру М. Тухачевского особой в составе советской военной элиты той поры. Именно это обстоятельство способствовало формированию его репутации неформального лидера и «вождя» Красной Армии. При этом военно-политическая и социокультурная «легенда» М. Тухачевского интерпретировалась по-разному той или иной частью его окружения. Особенно интенсивный и многозначный в социокультурном отношении характер дружеских и приятельских связей обозначился в период с осени 1925 по весну 1928 гг. В это

---

[1] *Ладухин В.Н.* Славное имя // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 179.

[2] Там же. С. 184.

время он находился в Москве и занимал должность начальника Штаба РККА.

«В 1925 году М.Н. Тухачевского перевели в Москву, — вспоминала одна из его сестер. — Он получил квартиру на Никольской улице. Здесь же поселился брат Александр. Сюда перебрались все сестры и мать. В квартире на Никольской всегда было многолюдно. Боевые товарищи Михаила и его друзья-музыканты, известные полководцы и преподаватели академии — все чувствовали себя там как дома. Дружеские беседы и импровизированные концерты затягивались далеко за полночь»[1].

Сказанное подтверждается и другими мемуаристами. По свидетельству Л.В. Гусевой, познакомившейся с М. Тухачевским еще в 1920 г. в штабе Кавказского фронта, ее мужа, командира Красной Армии, в 1924 г. перевели в Смоленск, «и мы оказались соседями с Тухачевскими по дому. Так я познакомилась, а затем на всю жизнь подружилась с женой Михаила Николаевича, умной, тактичной, располагавшей к себе молодой женщиной, Ниной Евгеньевной. Она ввела меня в свой тесный, хотя и очень обширный, семейный круг. Тут было интересно всегда. Но особую привлекательность приобрел дом Тухачевских с переводом Михаила Николаевича в Москву. Какие там встречались люди! Как часто звучала чудесная музыка, исполняемая первоклассными музыкантами!»[2]

В своих показаниях на следствии в августе—октябре 1930 г. арестованный Н. Какурин, рассказывая об этом времени — с ноября 1925 г. и до своего ареста в августе 1930 г., — сообщал: «В Москве временами собирались у Тухачевского, временами у Гая, временами у цыганки. В Ленинграде собирались у Тухачевского. Лидером всех этих собраний являлся Тухачевский, участники: я, Колесинский, Эстрейхер-Егоров, Гай, Никонов, Чусов, Ветлин, Кауфельдт»[3]. Арестованный вместе с Н. Какуриным, И. Троицкий подтверждал сказанное своим другом, уточняя:

---

[1] *Арватова-Тухачевская Е.Н., Тухачевская О.Н.* Он любил жизнь // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 17.

[2] *Гусева Л.В.* Весь для людей // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 154.

[3] Военные архивы России. Вып. 1. С. 103.

«...Вернувшись из Турции (это произошло как раз к концу 1925 г.), я восстановил связи с Тухачевским и Какуриным. У Тухачевского я сделался частым гостем. У него собирались почти каждый день»[1].

К.М. Павлова-Давыдова, знакомая с М. Тухачевским с 1918 г. во время своей работы в аппарате штаба 24-й стрелковой (Железной) дивизии Г. Гая, внесла своими воспоминаниями некоторые уточняющие детали указанных встреч. «...До конца войны я уже не виделась больше с Михаилом Николаевичем. Встречи наши возобновились только в Москве на новогодних вечерах у Г.Д. Гая. Однажды Михаил Николаевич, вспомнив, как я ревела на станции Охотничьей, стал дружески поддразнивать меня и предложил тост в честь «бабушки Железной дивизии»[2]. Мемуаристка вспоминала о своей дружбе с женой М. Тухачевского, Н.Е. Тухачевской. «С ней я тоже подружилась, — вспоминала К. Павлова-Давыдова, — и нередко бывала у них в гостях, в так называемом Чижовском подворье на Никольской улице»[3].

Таким образом, в гостях у М. Тухачевского в Москве в указанный период времени часто бывали самые разные люди: приятели-сослуживцы и соратники по Гражданской войне, старые друзья семьи музыканты Н. Жиляев и Л. Сабанеев, а также новые друзья-музыканты Д. Шостакович, Л. Оборин, Брюшков, Н. Отто; Н. Кулябко, Ф. Кон, Ярославский, Печерский. Круг общения весьма широкий. Однако интерес представляют прежде всего военные лица.

Как известно из показаний Н. Какурина, кроме него самого и И. Троицкого, о которых выше было уже сказано, в близком окружении М. Тухачевского находились также Гай, Колесинский, Эстрейхер-Егоров, Кауфельдт, Никонов, Чусов, Ветлин.

Нет необходимости слишком пространно останавливаться на фигуре **Гая Дмитриевича Гая (Бжишкян)** (1887—1937)[4]. Одаренный военачальник-самородок, за храбрость награжденный в

---

[1] Военные архивы России. Вып. 1. С. 105.

[2] *Павлова-Давыдова К.М.* Незабываемое // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 109—110.

[3] Там же.

[4] См.: *Айрапетян Г.А.* Железный Гай. М., 1980.

период Первой мировой войны Георгиевскими крестами и произведенный в офицеры (последний чин — штабс-капитан), он стал ближайшим соратником, подчиненным и близким другом М. Тухачевского еще с начала их общей военной карьеры в Красной Армии — с лета 1918 г. на Восточном фронте. Их военные судьбы пересекались и переплетались неоднократно. В 1918 г. на Восточном фронте против чехословаков Г. Гай командовал 24-й стрелковой (Железной) дивизией в составе 1-й Революционной армии М. Тухачевского. На Западном фронте в 1920 г. Г. Гай, вновь под началом М. Тухачевского, командовал 3-м кавалерийским корпусом. В 1923—1925 гг., там же, на Западном фронте и в Западном военном округе, Г. Гай снова оказался под началом М. Тухачевского. Он командовал 7-й кавалерийской дивизией, а затем 3-м конным корпусом. Это был прославленный и весьма известный в те годы «герой гражданской войны». Он поддерживал тесные связи со своими сослуживцами, соратниками, в том числе со своим приятелем и почти бессменным начальником своего штаба Э. Вилумсоном. Судя по вышецитированным фрагментам воспоминаний, некоторые сотрудники штаба 24-й стрелковой дивизии Г. Гая также входили в близкое окружение М. Тухачевского в 1925—1930 гг.

Упомянутый Н. Какуриным «Колесинский» — это **Колесинский Алексей Казимирович** (1887—...?), поляк (видимо, из обрусевших), хотя в послужном списке он назвал себя великорусом, уроженец Санкт-Петербурга, из мещан. Родившийся в семье канцелярского служащего[1], А. Колесинский получил образование в Петербургской 6-й гимназии, а затем к 1912 г. — высшее юридическое образование в Санкт-Петербургском и Дерптском университетах. Свободно владел французским и немецким языками[2]. Одним словом, это был высокообразованный и культурный человек. Будучи прапорщиком запаса с 1913 г., в период Первой мировой войны он был призван в армию и в 1917 г. был поручиком в Главном Судном управлении Военно-морского флота[3].

Как человек с высшим юридическим образованием, он перво-

---

[1] РГВА. Послужной список А.К. Колесинского.

[2] Там же.

[3] Там же.

начально, видимо, не имел намерений делать карьеру в Красной Армии. Беспартийный (каковым он оставался и в дальнейшем), в РККА он оказался лишь в марте 1919 г. по мобилизации. Уже в апреле 1919 г. он был назначен на должность младшего помощника начальника штаба 27-й стрелковой дивизии в составе 5-й армии, оказавшись на Восточном фронте, таким образом, одновременно с М. Тухачевским[1].

В штабе 27-й стрелковой дивизии А. Колесинский оставался вплоть до декабря 1923 г. В 1920 г. он стал старшим помощником начальника штаба, одновременно являясь начальником оперативной части штаба, а с сентября 1922 г. — начальником штаба дивизии. Он был, таким образом, участником победоносного «восточного похода» М. Тухачевского, «польского похода», взятия Кронштадта. Все это время А. Колесинский являлся ближайшим сотрудником начальника штаба 27-й стрелковой дивизии П. Шаранговича и ее командиров — А. Павлова и В. Путны. При весьма смутных обстоятельствах декабря 1923 г. А. Колесинский был переведен временно исполняющим дела начальника штаба 5-й дивизии (Западного фронта). Он оставался в этом качестве до марта 1925 г., когда был назначен начальником штаба 29-й стрелковой дивизии Западного военного округа. Впрочем, вскоре после перевода М. Тухачевского в Москву военная карьера А. Колесинского, можно сказать, была закончена. В 1926 г. из боевых частей его перевели на должность военного руководителя Каменец-Подольского института народного образования[2]. Точных данных о дальнейшей судьбе А. Колесинского у меня в распоряжении нет. Судя по показаниям Н. Какурина, видимо, в 1926 или 1927 гг., во всяком случае, к 1930 г. он был уже в Москве.

Учитывая то обстоятельство, что начиная с марта 1925 г. возможности для частого и близкого общения между М. Тухачевским и А. Колесинским были ограничены, их дружба завязалась и определилась до декабря 1923 г. Скорее всего, еще в 1919 г. и серьезно укрепилась особенно в период «кронштадтских событий» 1921 г. До указанного времени штаб 27-й стрелковой дивизии находился в Смоленске, там же, где и штаб Западного фронта. Отправлен-

[1] РГВА. Послужной список А.К. Колесинского.

[2] Там же.

ный возглавить штаб 5-й дивизии (он находился в Полоцке), А. Колесинский уже не имел возможности часто общаться с М. Тухачевским.

Интерес М. Тухачевского к образованным, интеллигентным людям, имевшим университетское или военно-академическое образование, был заметен. Он тяготел к ним гораздо больше, чем к военным профессионалам «до мозга костей». Этому, несомненно, способствовало и его домашнее полубогемное воспитание, и либеральный дух «александронов».

...Среди упомянутых Н. Какуриным завсегдатаев «посиделок» у М. Тухачевского или Г. Гая был еще один человек, связанный с М. Тухачевским давними узами совместной службы и, судя по всему, хорошими приятельскими отношениями. Это Эстрейхер-Егоров Р.А. Известно, что этот человек, австриец по фамилии Эстрейхер, бывший лейтенант австро-венгерской армии, в 1916 г. попавший в русский плен, вступивший в 1917 г. в РСДРП(б) и взявший себе русский псевдоним — «Егоров». Известно также, что в 1918 г. он был начальником Особого отряда, а с августа 1918 г. — начальником разведывательного отдела штаба 3-й армии. В июле 1919 г. он стал комиссаром Оперативного управления Полевого штаба РВСР, а затем — комиссаром высших штабных курсов Западного фронта[1]. В штабе Западного фронта он оставался до 1921 г., сначала комиссаром Высших объединенных курсов, а затем комиссаром Оперативного управления штаба Западного фронта[2]. Последующая военная судьба Р. Эстрейхера-Егорова мне неизвестна. Ясно, что в 1925—1930 гг. он находился в Москве и часто бывал у М. Тухачевского, поддерживая с последним, таким образом, прежние дружеские отношения.

...Хорошие служебные и приятельские отношения сложились у М. Тухачевского еще с 1919 г. с **Александром Васильевич Павловым** (1880—1937). Из белорусских крестьян, агроном, офицер военного времени, поручик (1917), А. Павлов был назначен М. Тухачевским командиром 27-й стрелковой дивизии весной 1919 г. Во главе этой дивизии он весьма отличился в составе 5-й

---

[1] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1922). Сборник документов. М., 1969. С. 835—836.

[2] РГВА. Ф. 104. Оп. 1495. Д. 195. Л. 43.

армии, которой командовал М. Тухачевский. М. Тухачевский высоко ценил боевые и полководческие способности А. Павлова. После своего «восточного похода» он постоянно тянет к себе А. Павлова: на Кавказский фронт, где последний командовал 10-й армией; на Западный фронт, где А. Павлов командовал особой сводной группой. Наконец, в 1922—1924 гг., когда М. Тухачевский вновь командовал Западным фронтом, А. Павлов был в его непосредственном подчинении в качестве командира 4-го стрелкового корпуса. Пути их близкого сотрудничества весной 1924 г. на некоторое время разошлись. М. Тухачевский уехал в Москву на должность помощника начальника Штаба РККА, а А. Павлов вскоре был назначен помощником командующего Западным военным округом. Впрочем, с февраля 1925 г. они вновь оказались близкими соратниками. В феврале 1926 г., однако, А. Павлов был переведен на ту же должность в Приволжский военный округ, что было явным понижением, а в 1931 г. переведен со строевой службы на преподавательскую работу в Военную академию РККА. Возможно, это было как-то связано с «чистками» комсостава 1930—1931 гг.

Весьма высоко ценил М. Тухачевский еще одного своего ближайшего сотрудника и подчиненного по Западному фронту. Он называл его «мой Корф», считал его «опытным военным летчиком»[1]. Это **Семен Яковлевич Корф** (1891—1970)[2]. Уроженец Екатеринослава, летчик, штабс-капитан (1917) С. Корф в 1919 г. оказался в армии адмирала Колчака, где оставался до января 1920 г.[3]. Это обстоятельство, однако, не помешало ему, зачисленному в Красную Армию, возглавить на Западном фронте сначала авиаотряд, а с августа 1920 г. стать начальником штаба ВВС Западного фронта[4]. М. Тухачевский после своего «польского похода», высоко оценивая С. Корфа как летчика и организатора авиации, брал его с собой и в Петроград для проведения «кронштадтской операции», и в Тамбовскую губернию. Вновь возглавив

---

[1] Цит. по кн.: *Краснов В., Дайнес В.* Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. М., 2000. С. 345.

[2] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1194. Л. 45.

[3] Там же.

[4] Там же.

Западный фронт, М. Тухачевский затребовал к себе в качестве начальника ВВС фронта С. Корфа, занимавшего к этому времени должность начальника ВВС Московского военного округа[1]. Их пути разошлись в конце 1923 г., когда С. Корфа отозвали в Москву, а спустя несколько лет перевели на преподавательскую работу, а затем — в Гражданскую авиацию.

Узами близкой дружбы с Н. Какуриным были связаны и некоторые молодые его соратники и ученики, которых он привел в дом к М. Тухачевскому и которые вскоре также превратились в его близких приятелей. Это Ф. Кауфельдт, Ф. Никонов, И. Чусов, Г. Ветлин.

Федор Петрович Кауфельдт (1894—19??), латыш, уроженец Лифляндской губернии, из крестьян. Его отец батрачил, сам же он сначала учился на землемера, затем, в 1913 г., сдал экстерном экзамен за курс реального училища и в 1916 г. окончил школу прапорщиков в Гатчине. Его военная карьера началась в июне 1916 г. в составе 6-го Тукумского латышского стрелкового полка. В 1917 г. он уже был штабс-капитаном и членом РСДРП(б). Фактически начав службу в Красной Гвардии, а затем и в Красной Армии с декабря 1917 г., Ф. Кауфельдт в августе 1919 г. оказался слушателем высших штабных курсов Западного фронта, когда, очевидно, близко и познакомился с вышеупомянутым Р. Эстрейхером-Егоровым. После этого, начиная с января 1920 г., он служил и в оперативном отделении штаба Западного фронта, начальником штаба 23-й стрелковой бригады 8-й стрелковой дивизии, командиром 24-й стрелковой бригады той же дивизии. Попав в августе 1920 г. в плен к полякам, Ф. Кауфельдт вернулся оттуда в ноябре и вскоре был назначен начальником штаба 10-й стрелковой дивизии[2], где и познакомился близко с Н. Какуриным[3]. Уже в январе 1921 г. он был назначен командиром 10-й стрелковой дивизии и направлен в группу войск Тамбовской губернии, которая вела боевые действия с войсками Антонова. Здесь его назначили командовать Воронежским участком. В Тамбовской и Воронежской губерниях Ф. Кауфельдт провел до

---

[1] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1194. Л. 45.

[2] РГВА. Послужной список Ф.П. Кауфельдта № 111428.

[3] *Кауфельдт Ф.П.* Светлые воспоминания // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 137.

октября 1921 г. В это время он благодаря Н. Какурину ближе и непосредственно познакомился с М. Тухачевским. Трудно сказать, бывал ли Ф. Кауфельдт и как часто у М. Тухачевского в Москве до 1928 г., однако после перевода М. Тухачевского на должность командующего Ленинградским военным округом Ф. Кауфельдт стал одним из его ближайших сотрудников с мая 1928 по январь 1929 г. Ф. Кауфельдт говорит, что в 1928 г. он был начальником штаба Ленинградского военного округа. Он не совсем точен. Официально он занимал должность заместителя начальника штаба ЛВО с 1 ноября 1926 г. и, вероятно, какое-то время замещал начальника штаба округа. Затем Ф. Кауфельдт был назначен начальником сектора ПВО г. Ленинграда. Видимо, его участие во встречах на квартире у М. Тухачевского или у Г. Гая в Москве имело место с января 1929 по январь 1930 г., когда Ф. Кауфельдт учился в КУВНАС. Общежитие этих курсов располагалось на той же Никольской улице, в том же Чижевском подворье, где находилась и квартира М. Тухачевского. В январе 1930 г. Ф. Кауфельдт уехал по назначению на запад начальником Полоцкого укрепрайона[1].

В своих показаниях 1930 г. Н. Какурин среди частых гостей М. Тухачевского назвал также **Никонова Федора Павловича** (1894—...?) бывшего подпоручика лейб-гвардии Гренадерского полка. Из крестьян. Окончивший ускоренный курс Павловского военного училища в 1916 г., он был выпущен в лейб-гвардии Гренадерский полк в мае 1916 г. Его военная карьера в Красной Армии началась с февраля 1918 г. Оставшийся беспартийным, Ф. Никонов в 1922 г. окончил Военную академию РККА и с 1925 г. занимал штабные должности в Ленинградском и Московском военном округах. В сентябре 1926 г. он был зачислен адъюнктом по истории военного искусства в Военную академию РККА. Видимо, именно с этого времени определилось его дружеское сближение с Н. Какуриным, который ввел Ф. Никонова в дом М. Тухачевского.

Иван Григорьевич Чусов (1896—...?) вошел в число ближайших сотрудников, приятелей Н. Какурина и М. Тухачевского, видимо, еще с 1921 г., когда указанные лица возглавляли Тамбовскую группу войск. И. Чусов, бывший подпоручик военного вре-

[1] РГВА. Послужной список Ф.П. Кауфельдта № 111428.

мени, младший офицер пулеметного полка (1917) с июня 1921 по сентябрь 1922 г. был ближайшим помощником Н. Какурина сначала в качестве начальника оперативного отдела штаба войск Тамбовской губернии, затем начальника оперативного управления того же штаба, а потом, очевидно, увлечен Н. Какуриным в Туркестан. Назначенный командующим Бухарской группой войск, Н. Какурин забрал с собой И. Чусова в качестве своего начальника оперативного отдела, затем — начальника штаба группы войск[1]. Оказавшийся в Москве в адъюнктуре Военной академии РККА, И. Чусов, благодаря Н. Какурину также стал постоянным гостем квартиры М. Тухачевского в 1925—1930 гг.

В подобном же положении, видимо, был и **Григорий Александрович Ветлин** (1898—1937), также оказавшийся среди приятелей М. Тухачевского благодаря дружеским отношениям с Н. Какуриным.

Среди частых гостей М. Тухачевского, которых назвал в своих показаниях Н. Какурин, не упомянуты еще несколько, которые, несомненно, также входили в число лиц, окружавших его. Прежде всего следует отметить **Арватова Юрия Игнатьевича** (1896—1937), дворянина, бывшего капитана, летчика, отличившегося в 1920 г. в боях на Южном фронте против Русской армии генерала П. Врангеля, а затем на Туркестанском фронте, где он пробыл до 1924 г.

Ю. Арватов, подобно Н. Какурину, в 1918—1919 гг. также служил в Галицийской армии и вместе с Н. Какуриным оказался в Красной Армии в 1920 г. Вряд ли будет ошибкой утверждение, что оба офицера были знакомы еще по службе в Галицийской армии. А в 1922 г. оба оказались в Туркестане, где Ю. Арватов служил сначала помощником командира 2-го авиаотряда ВВС Туркестанского фронта, затем командиром отряда 57-й авиаэскадрильи и командиром 57-й авиаэскадрильи в Московском военном округе. Возможно, что и в данном случае Н. Какурин познакомил летчика-капитана с М. Тухачевским. Вскоре Ю. Арватов стал близким родственником «красного Бонапарта», женившись на его сестре М.Н. Тухачевской.

---

[1] РГВА. Послужной список И.Г. Чусова. См. также: Список лиц с высшим общим военным образованием... С. 247.

Не вызывает сомнения, что достаточно близок к Н. Какурину и М. Тухачевскому был еще один бывший офицер, связанный с авиацией. Это — **Лавиновский Борис Яковлевич** (1896—1936). Крещеный ингуш по национальности, уроженец Владикавказа, он в 1915 г., после окончания Николаевского кавалерийского военного училища, выпущен был корнетом. Это, несомненно, был незаурядный человек. В 1917 г. Б. Лавиновский был уже ротмистром, командиром кавалерийского дивизиона. Он свободно владел, кроме родного русского языка, также немецким, французским, турецким, латышским и курдским.

Несмотря на то что Б. Лавиновский так и остался до конца своих дней беспартийным, в Красную Армию он вступил добровольно в феврале 1918 г., а по другим сведениям — даже раньше, в декабре 1917 г. В 1920 г. он служил на Западном фронте, сначала инструктором отдельного Тавлижского отряда, затем командиром 3-го кавалерийского полка и в составе войск М. Тухачевского участвовал в походе на Варшаву. Как хорошего кавалерийского начальника М. Тухачевский взял с собой Б. Лавиновского и в Тамбовскую группу войск в мае 1921 г. Там он прослужил до июля 1921 г. командиром 2-го кавалерийского полка 14-й отдельной кавалерийской бригады, а затем — помощником командира этой бригады. Ценимый не только М. Тухачевским, но и Н. Какуриным, Б. Лавиновский в 1922 г. оказался на Туркестанском фронте в составе возглавляемой Н. Какуриным Бухарской группы войск в качестве начальника боевого участка. На Туркестанском фронте он пробыл до ноября 1926 г., отличился, был награжден орденом Красного Знамени. С 1926 г. его перевели в авиацию. После окончания курсов усовершенствования школы летчиков-наблюдателей Б. Лавиновский служил в штабах авиационных частей Московского военного округа, а затем — преподавателем и начальником кафедры тактики Академии Военно-Воздушных Сил[1].

Среди лиц, окружавших М. Тухачевского, был ряд друзей и приятелей совершенно особого склада ума, настроений и полити-

---

[1] РГВА. Послужной список Б.Я. Лавиновского

ческих ориентаций. Это — революционеры, коммунисты — поляки. Один из них — **Томаш Домбаль** (1890—1938)[1].

Арестованного в 1937 г. М. Тухачевского обвиняли, в частности, и в шпионских связях с Т. Домбалем. Поэтому в следственных показаниях содержатся достаточно любопытные признания маршала о его отношениях с Т. Домбалем.

«Около 1925 г., — показывал М. Тухачевский в 1937 г., — я познакомился с Домбалем, командуя в то время Белорусским военным округом. Встречи и знакомства были короткие, если не ошибаюсь, в поезде, по пути из Минска в Смоленск. В дальнейшем, когда я был начальником штаба РККА, Домбаль возобновил свое знакомство. Во все эти встречи Домбаль постоянно возвращался к вопросам о войне между Польшей и СССР, говорил о том, что его, Домбаля, авторитет в рабочем классе Польши велик, что, помимо того, довольно значительные слои польского офицерства не сочувствуют Пилсудскому и что в этих слоях он также имеет большие связи, что он уверен в том, что в будущей войне наступающая Красная Армия встретит полную польскую пролетарскую революцию. Домбаль говорил, что он офицер-пулеметчик и всегда проявлял исключительный интерес к военному делу и к подготовке войны»[2].

Учитывая, что это были следственные показания, данные в весьма специфической обстановке и при тенденциозном отношении к нему следователей НКВД, тем не менее следует отметить, что информация, сообщенная М. Тухачевским о его отношениях с

---

[1] Т. Домбаль был польским революционером, известным деятелем международного крестьянского движения. Во время Первой мировой войны он служил в австро-венгерской армии офицером-легионером. В 1918 г. руководил крестьянским революционным движением в Средней Галиции и стоял во главе «Тарнобрекской республики». С 1921 г. стал членом коммунистической партии Польши, депутатом сейма. В том же году был приговорен к тюремному заключению за выступления в защиту СССР. В 1923 г. по обмену заключенными Т. Домбаль приехал в СССР. Он вошел в руководство МОПР, затем, с 1930 г. стал заместителем Генерального секретаря Крестинтерна и секретарем Аграрной комиссии ИККИ. Редактировал газету на польском языке «Советская трибуна». В конце 1936 г. Т. Домбаль был арестован как польский шпион и умер в заключении. Спустя двадцать с лишним лет его реабилитировали.

[2] Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года // Кровавый маршал. Михаил Тухачевский, 1893—1937. СПб., 1997. С. 82—83. См. также: Военные архивы России. Вып. 1. С. 71.

Т. Домбалем, в сущности, никакого криминала не содержит. Правда, вызывает некоторое недоумение то обстоятельство, что М. Тухачевский утверждает началом своего знакомства с Т. Домбалем 1925 г., не ранее февраля. Именно тогда он и приступил к своим обязанностям командующего Западным округом. Однако известно и вполне достоверно, что М. Тухачевский и Т. Домбаль были знакомы гораздо раньше. Гораздо раньше, по признанию самого Т. Домбаля, между ними возникла крепкая дружба. «Настоящую статью посвящаю как доказательство нашей сердечной дружбы дорогому товарищу Михаилу Николаевичу Тухачевскому», — писал Т. Домбаль, публикуя свою статью «Военная политика Польши» в № 21 журнала «Революция и война» от 1923 г.[1]. Этот военно-научный журнал издавался под редакцией М. Тухачевского, С. Меженинова, Ф. Огородникова, М. Лузгина командованием и РВС Западного фронта. В указанном номере журнала печатались статьи и другие материалы, поступившие в редакцию журнала к маю 1923 г. Следовательно, уже к маю 1923 г. М. Тухачевский и Т. Домбаль были, по выражению последнего, «сердечными друзьями», а М. Тухачевский для польского офицера и революционера был «дорогим товарищем».

Почему следователи НКВД, инспирировавшие «признательные показания» М. Тухачевского 1937 г., игнорировали этот, можно сказать, очевидно афишировавшийся факт? Почему они предпочитали, чтобы М. Тухачевский «начал дружить» с Т. Домбалем лишь с февраля 1925 г.? Сказать трудно. Во всяком случае, здесь я не буду задерживать внимание на исследовании этого вопроса. Ясно одно: М. Тухачевский и Т. Домбаль к маю 1923 г. уже были «сердечными» и «дорогими» друзьями.

Близкое сотрудничество, единодушие и солидарность в решимости вести наступательную «революционную войну», попытаться осуществить «революцию извне» связывали также М. Тухачевского с еще одним польским революционером — **Будкевичем Станиславом Ричардовичем** (1887—1937)[2].

Уроженец г. Лодзи, выпускник гимназии, во время эмиграции в Бельгии он окончил Брюссельский университет. С. Будкевич

---

[1] Революция и война. 1923. № 21.

[2] *Колпакиди А., Прохоров Д.* Империя ГРУ. М., 2000. Т. 2. С. 226—228, 322.

был с 1905 г. членом Польской партии социалистов, ее левого крыла, от которого и был избран в Петросовет в 1917 г. В 1919 г. его избрали членом Центрального исполнительного комитета польской компартии. Впрочем, в том же году, в ноябре 1919 г., он оказался в составе РККА.

Назначенный военным комиссаром управления штаба 16-й армии, до марта 1920 г. он был ближайшим сотрудником Н. Сологуба, М. Баторского, Е. Шиловского, Н. Варфоломеева. С марта 1920 по январь 1921 г. он, будучи переведенным в штаб Западного фронта, служил военным комиссаром административного управления и членом РВС Западного фронта, в июле—августе временно исполняя должность военного комиссара штаба фронта[1]. Здесь он находился в постоянном и тесном сотрудничестве с М. Тухачевским. После выполнения ответственной работы в составе Штаба РККА с января 1921 по март 1922 г. С. Будкевич вновь возвращается на Западный фронт, когда его командующим вновь был назначен М. Тухачевский. С марта 1922 по март 1923 г. С. Будкевич являлся начальником и военкомом Разведывательного управления (отдела) штаба Западного фронта под псевдонимом «М.П. Бобровский»[2]. Он был смещен с занимаемой должности в марте 1923 г. в связи с «делом Варфоломеева» и отправлен в резерв Разведуправления Штаба РККА. Это было несомненное наказание. Его сотрудничество с М. Тухачевским возобновилось в 1924 г., когда последний был назначен сначала помощником, а с июля — заместителем и исполняющим обязанности начальника Штаба РККА. В это время С. Будкевич являлся начальником 3-го, информационно-статистического отдела Разведуправления Штаба РККА, а с ноября 1924 г. — помощником начальника Разведуправления Штаба[3]. После пребывания военным атташе во Франции, в сентябре 1926 г. С. Будкевич вновь возвращается в состав ответственных сотрудников Разведуправления Штаба РККА. Он был назначен начальником только что учрежденного 4-го отдела (внешних сношений). В это время Штаб

---

[1] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). М., 1969. Т. 3. С. 76, 83—85, 91, 740; РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 195. Л. 15.

[2] Там же. Д. 168. Л. 3, 41.

[3] *Колпакиди А., Прохоров Д.* Империя ГРУ. С. 226—228.

РККА вновь возглавлял М. Тухачевский. С. Будкевич был смещен со своей должности и отправлен в распоряжение Председателя РВС СССР в августе 1928 г. вслед за отставкой М. Тухачевского. Это была очевидная «опала» и одно из проявлений «чистки» Штаба РККА от ближайших сотрудников и единомышленников М. Тухачевского. После этого С. Будкевич занял скромное место ученого секретаря Военной энциклопедии. Он был арестован 6 июня 1937 г.[1].

Больше половины вышеперечисленных лиц, группировавшихся вокруг М. Тухачевского, были «генштабистами» по дореволюционному образованию и почти все — дворянами по происхождению, в том числе и из древних родов. Большинство начинали свою службу подобно М. Тухачевскому в императорской гвардии. Н. Какурин, С. Корф, Ю. Арватов ранее служили в «антисоветских армиях», у А. Виноградова старший брат был белым генералом, А. Зайончковский, Д. Зуев, А. Готовский, Н. Соллогуб, М. Баторский так или иначе в разное время были членами подпольных «контрреволюционных групп», следовательно, им были свойственны соответствующие социокультурные привычки и установки, политические симпатии и настроения. Это, прежде всего, великодержавный национализм, традиционный монархизм, аристократизм и «служебный антисемитизм», почва для «расцвета» которого в указанные годы была очень хорошо подготовлена. Н. Какурин, М. Баторский, А. Готовский, А. Зайончковский открыто пропагандировали идеи «революционной войны» М. Тухачевского, мысля ее как «колыбель бонапартизма». Сохранившийся с дореволюционных времен пиетет перед генштабистами, официальное признание за ними и в Красной Армии статуса высшего слоя командного состава армии, «мозга армии», интеллектуальной ее элиты не могло не рождать невольного стремления к признанию своих воинских заслуг и авторитета со стороны генштабистов и у М. Тухачевского. Его активная военно-научная деятельность в первой половине 20-х годов, по крайней мере, отчасти была спровоцирована и этим стремлением. «Причисленный к Генштабу» в 1920 г. без академического образования М. Тухачевский, к чьим военно-стратегическим концепциям многие генштаб-

[1] *Колпакиди А., Прохоров Д.* Империя ГРУ. С. 322. См. также: *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА, 1937—1938. С. 415.

бисты относились весьма скептично, хотел не формального, но реального принятия в этот «орден посвященных в тайны военного знания». Поэтому отношение к нему со стороны «генштабистов» Н. Какурина, А. Зайончковского, А. Виноградова и других для него было в высшей степени важно. В равной мере просматривается и его стремление к признанию в военно-академической среде со стороны генштабистов, людей с высшим военным образованием. В 20-е годы, когда военспецы-генштабисты определяли основные ценности в Красной Армии, а военно-теоретическая деятельность (в силу экономической слабости страны и практического отсутствия настоящей армии) оказывалась основной, М. Тухачевский много пишет, теоретизирует, претендует на создание «новой военной доктрины», «доктрины революционной войны». Однако, несмотря на достаточно обширное творческое наследие, оставленное им, и наличие целого ряда военно-теоретических работ концептуального характера, он не написал ни одной военной монографии[1]. Примечательно, что еще в конце 20-х годов он сделал заявку на написание монографии «Стратегия», но, несмотря на неоднократные напоминания со стороны военного издательства, М. Тухачевский так и не выполнил свои обязательства[2]. А ведь в острых военно-теоретических спорах, особенно к концу 20-х годов, ему порой бросали упрек его оппоненты, находя, безусловно, «больное место в его самолюбии»[3]. Во всяком случае, это было, видимо, неосознаваемое «желание походить на человека, оказывающего социальное влияние», как считал Э. Аронсон, «стремление походить... на членов этой группы». Это и был способ идентификации. В 20-е годы он идентифицировал себя с «их образом и подобием», с нравственными и политическими настроениями «генштабистов». В политическом аспекте это означало идентифицировать себя по-

---

[1] По характеру своей службы, постоянной занятости практической, организационной, командной работой М. Тухачевский с трудом мог выкраивать время для военно-научной работы.

[2] РГВА. Ф. 37605. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.

[3] Так, во время полемики в Комакадемии в декабре 1929 г. «т. Меликов упрекнул т. Тухачевского в том, что он до сих пор не написал курса стратегии или хотя бы организовал монолитный коллектив, который должен исследовать и написать марксистски выдержанный научный труд». Записки Коммунистической академии. М., 1930. Т. 1. С. 30.

тенциальным «русским Бонапартом». Тем более что идея наступательной «революционной войны» пользовалась широкой поддержкой «революционных генералов» и «красных командиров», в том числе, и в особенности, в близком окружении М. Тухачевского. Однако, учитывая социокультурный контекст развития и проявления личности М. Тухачевского, его поведения и поступков, следует обратить внимание на то, что основы мировоззренческих и ментальных установок, определявшие личность М. Тухачевского и мотивацию его поступков в долговременном аспекте, обозначились уже к 1917—1918 гг.

3

М. Тухачевский и «большевистские вожди»

Специального внимания заслуживают отношения М. Тухачевского с представителями советской политической элиты. Я не буду вновь цитировать оценки, которые давали М. Тухачевскому «вожди» Советской России в 1920—1921 гг. Они свидетельствуют о равновысоком военном авторитете М. Тухачевского в восприятии и В. Ленина, и Л. Троцкого, и Г. Зиновьева, и И. Сталина. В мемуарной литературе периода реабилитации М. Тухачевского особенно подчеркивалось весьма благожелательное к нему отношение со стороны В. Ленина. В частности, Н. Кулябко в своих воспоминаниях сообщает, что «когда на Волге вспыхнул мятеж белочехов, я имел случай доложить о Тухачевском В.И. Ленину. Владимир Ильич очень заинтересовался им и попросил привести «поручика-коммуниста». Присутствовать при состоявшейся вскоре беседе Владимира Ильича с Тухачевским мне не пришлось. Но со слов самого Михаила Николаевича кое-что знаю о ней. Владимир Ильич сразу же задал ему два вопроса: при каких обстоятельствах он бежал из немецкого плена и как смотрит на строительство новой социалистической армии? Тухачевский ответил, что не мог оставаться в плену, когда в России развернулись революционные события, и затем стал подробно излагать свои мысли о том, как соединить разрозненные красногвардейские отряды в настоящую армию. Видимо, эти мысли понравились Владимиру Ильичу, и очень скоро вчерашний поручик получил назначение на пост ко-

мандующего 1-й Революционной армией Восточного фронта»[1]. О том, что М. Тухачевский оказался на Восточном фронте после встречи с В. Лениным в мае 1918 г. и по рекомендации последнего, вспоминает и близкий соратник М. Тухачевского по 1-й армии Н. Корицкий[2]. Однако он не указывает источник этой информации. С М. Тухачевским он познакомился в Пензе во второй половине июля 1918 г. Так что таковым источником мог быть сам М. Тухачевский. Однако если учесть, что Н. Кулябко говорит о встрече М. Тухачевского с В. Лениным после восстания чехословаков, это значит, что она состоялась после 25 мая 1918 г. На май месяц указывает и Н. Корицкий. В связи с этой информацией следует иметь в виду, что М. Тухачевский в конце апреля 1918 г. был направлен Военным отделом ВЦИК проинспектировать военные комиссариаты Рязанской, Тамбовской, Воронежской губерний и Области Войска Донского Донской Советской республики. Он вернулся из командировки к 18 мая 1918 г. За отлично проделанную работу М. Тухачевский был 21 мая рекомендован начальником Военного отдела ВЦИК А. Енукидзе на должность губернского военного комиссара. Однако по предложению К. Юренева, председателя Всероссийского бюро военных комиссаров, 27 мая М. Тухачевский был назначен военным комиссаром штаба Московского района отрядов Западной завесы[3]. Если, следуя свидетельству Н. Кулябко и Н. Корицкого, М. Тухачевский после встречи с В. Лениным в мае 1918 г. был рекомендован последним на должность командарма-1, то почему же эта рекомендация не была принята во внимание. На Восточный же фронт он был направлен без назначения на определенную должность только 19 июня 1918 г. В ленинской «Биохронике» за май — июнь и в целом за 1918 г. эта встреча В. Ленина с М. Тухачевским не подтверждается. Сам М. Тухачевский нигде об этом не упоминал, в том числе и в своих воспоминаниях о командовании 1-й Революю-

---

[1] *Кулябко П.Н.* Я рекомендовал его в партию // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 29.

[2] *Корицкий Н.Н.* В дни войны и в дни мира // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 56—57, 81.

[3] *Дайнес В.О.* Михаил Николаевич Тухачевский // Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 41—42.

ционной армией в 1918 г. Не вспомнил он о причастности В. Ленина к назначению его командующим этой армией и в воспоминаниях о В. Куйбышеве. Однако имеется вполне достоверная информация о том, что командующим 1-й армией он был назначен по рекомендации К. Юренева, являвшегося тогда председателем Всероссийского бюро военных комиссаров[1]. Если быть совсем точным, К. Юренев рекомендовал М. Тухачевского начальнику Оперативного отдела Наркомвоенмора С. Аралову, а последний направил гвардейского подпоручика на Восточный фронт в распоряжение командующего фронтом подполковника М. Муравьева с предписанием возложить на М. Тухачевского «наиболее важную и ответственную работу по борьбе с чехословаками». М. Муравьев же 26 июня 1918 г. назначил М. Тухачевского командующим 1-й армией[2]. Таким образом, командармом-1 М. Тухачевский стал, с учетом рекомендаций К. Юренева и С. Аралова, по распоряжению М. Муравьева. Поэтому достаточных оснований считать В. Ленина непосредственно причастным к началу военной карьеры М. Тухачевского в Красной Армии нет. С учетом всего вышесказанного, встречу М. Тухачевского с В. Лениным перед назначением командармом-1 есть основания считать «апокрифической», как и вторую их встречу. О ней вспоминал Н. Корицкий, относя ее к марту 1919 г. Н. Корицкий утверждает, что М. Тухачевский был назначен на должность командующего 5-й армией вопреки желаниям Л. Троцкого и Главкома И. Вацетиса, а также командующего Восточным фронтом С. Каменева по настоянию В. Ленина[3]. Однако и в ленинской «Биохронике» факт этой второй встречи также не находит подтверждения. Зато известно, что приказ о назначении был подписан Л. Троцким 23 марта 1919 г.

Подтверждается документально встреча М. Тухачевского с В. Лениным 19 декабря 1919 г. в Москве. В беседе речь шла о нехватке комсостава на Южном фронте, о переброске на Южный фронт 5-й армии и ее командиров. В. Ленин предложил М. Туха-

---

[1] Дайнес В.О. Михаил Николаевич Тухачевский // Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 43.

[2] Там же. С. 42.

[3] *Корицкий Н.Н.* В дни войны и в дни мира. С. 81.

чевскому подготовить доклад на имя Э. Склянского об опыте подготовки «краскомов» в 5-й армии[1]. Именно с этого времени информация об отношениях между М. Тухачевским и В. Лениным имеет уже достоверный характер. В 1920 г. авторитет М. Тухачевского как военного специалиста расценивается В. Лениным на уровне Главкома С. Каменева. М. Тухачевскому пришлось встречаться с В. Лениным в апреле 1921 г. после подавления Кронштадтского восстания. Соображения, высказанные М. Тухачевским при обсуждении вопроса о Тамбовском восстании, были заложены в основу его последующей ликвидации. Как отмечалось выше, фактически по инициативе В. Ленина он был назначен командующим войсками Тамбовской губернии в мае 1921 г. М. Тухачевский направлял В. Ленину и свои соображения против милиционной системы и за сохранение регулярной армии. В 1921 г. В. Ленин считал М. Тухачевского одним из самых лучших «генералов» Советской России, а для «Запада» — символом «революционной наступательной войны».

Отношения М. Тухачевского с Л. Троцким были неровными. Во всяком случае, М. Тухачевский не являлся «креатурой» «вождя Красной Армии». «Тухачевский никогда не был троцкистом», — вспоминал и признавался годы спустя Л. Троцкий[2]. Он признавался, что с М. Тухачевским у него «произошло несколько столкновений, впрочем, дружественных по форме»[3]. Известно, в частности, что с должности командующего 1-й армией в ноябре 1918 г. М. Тухачевский был смещен Л. Троцким из-за конфликта, возникшего между командармом и военкомом армии[4]. Л. Троцкий и Главком И. Вацетис намеревались вновь сместить М. Тухачевского с должности командарма-5 в мае 1919 г. из-за конфликта между ним и командующим Восточным фронтом А. Самойло[5]. В 1920—1922 гг. Л. Троцкий публично критиковал идеи «революции из-

---

[1] Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Ноябрь 1919 — июнь 1920 гг. М., 1977. Т. 8. С. 130.

[2] *Троцкий Л.* Обезглавление Красной Армии // Бюллетень оппозиции. 1937. № 56/57. С. 3.

[3] Там же.

[4] *Дайнес В.О.* Указ. соч. С. 44.

[5] Там же.

вне», выдвинутые М. Тухачевским. Поведение М. Тухачевского порой откровенно провоцировало его конфликты с Председателем РВСР. «Однажды, во время гражданской войны, — вспоминала Л. Норд, — на фронт к Тухачевскому приехал Троцкий. Тухачевский наносил в это время на карту план сражения. Троцкий сделал несколько замечаний. Командарм встал, положил перед ним карандаш, которым отмечал на карте, и вышел. — Куда же вы? — крикнул в окно Троцкий. — В ваш вагон, — спокойно ответил Тухачевский. — Вы, Лев Давидович, видимо, решили поменяться со мной постами. Таких стычек у Михаила Николаевича было очень много. Особенно с комиссарами. Институт комиссаров Тухачевский всегда считал ненормальным наростом на шее армии, мешающим ей шевелить головой»[1]. Это подтверждается и в некоторых статьях М. Тухачевского 1920—1921 гг.[2]. Возможно, данный случай относится к разряду слухов, но слухов весьма показательных и отражающих в общем отношения между «красным Бонапартом» и «вождем Красной Армии». В этом отношении примечательна тональность общения М. Тухачевского с Л. Троцким по прямому проводу в период «кронштадтских событий». Недовольный неудачей первого штурма Кронштадта 8 марта 1921 г., Л. Троцкий вызвал М. Тухачевского к прямому проводу.

«ТРОЦКИЙ: Михаил Николаевич, вы же гарантировали успех, а исход получился паршивый. Как это понимать?

ТУХАЧЕВСКИЙ: Товарищ предреввоенсовета, я гарантировал вам не успех, а говорил, что надеюсь на него...»[3]

Конфликтная ситуация возникла между М. Тухачевским и Л. Троцким и в конце 1923 г. Подробнее об этом будет сказано в следующей главе.

Признавая за М. Тухачевским «выдающиеся стратегические

---

[1] *Норд Л.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском // Возрождение. 1957. Тетрадь № 63. С. 51.

[2] *Тухачевский М.Н.* Нужны ли Красной Армии комиссары? // Революционный фронт. 1920.

[3] Цит. по кн.: *Краснов В., Дайнес В.* Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. М., 2000. С. 345.

таланты», видя в нем «даровитейшего из молодых наших военных работников», Л. Троцкий, как выше неоднократно уже отмечалось, в завуалированной форме считал М. Тухачевского «авантюристом» и «бонапартистом». Информация о неприязненных отношениях между М. Тухачевским и Л. Троцким и подозрениях последнего была распространена и в русском зарубежье[1]. Говорили, что «Тухачевского Троцкий назначил начальником академии (в 1921 г.) потому, что боялся его популярности на фронте»[2].

Представление об отношениях между М. Тухачевским и И. Сталиным сложились под определяющим и силыным воздействием впечатлений от трагедии 1937 г. Однако думается, эти отношения в 20-е, да и в 30-е годы не были столь однозначны и просты. Они сложились и развивались не только под влиянием драмы 1920 г. Не следует забывать, что именно И. Сталин в феврале 1920 г. настоял на назначении М. Тухачевского командующим Кавказским фронтом, лапидарно обозначив последнего «победителем Колчака и завоевателем Сибири». Несмотря на остроту военно-политической ситуации в августе 1920 г. и катастрофическое поражение М. Тухачевского под Варшавой, одним из виновников которого считался И. Сталин; несмотря на то что И. Сталин стремился переложить вину за это поражение на командование Западным фронтом и отдать его под суд, он же вплоть до 1937 г. признавал М. Тухачевского одним из наиболее авторитетных «генералов». В этом отношении весьма красноречиво замечание И. Сталина, брошенное им в письме к К. Ворошилову в марте 1930 г.: «Ты же знаешь, что я очень уважаю т. Тухачевского, как необычайно способного товарища»[3]. Из этой фразы следует, что, во-первых, К. Ворошилову и, пожалуй, вообще в высших политических кругах было известно, что И. Сталин «уважал т. Тухачевского». Во-вторых, было известно, что И. Сталин считал М. Тухачевского «необычайно способным товарищем». Примечательна еще одна ремарка И. Сталина, мимоходом брошенная им на заседании Высшего военного совета при Наркоме обороны СССР

---

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 6278.

[2] Там же. Д. 9. Л. 3340.

[3] И.В. Сталин — К.Е. Ворошилову 23 марта 1930 г. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 58. Документ опубликован: Исторический архив. 1998. № 5/6. С. 147—152; Советское руководство: Переписка 1928—1941. М., 1999. С. 113.

2 июня 1937 г., где принималось решение о предании суду М. Тухачевского и его «подельников». Останавливаясь на личности М. Тухачевского, «вождь» отметил, что «Тухачевский... играл роль благородного человека, на мелкие пакости неспособного, воспитанного человека». Учитывая, что пояснение «играл роль» естественно возникало из контекста «1937 года», можно с уверенностью полагать, что до этого И. Сталин считал М. Тухачевского *«благородным человеком, на мелкие пакости неспособного, воспитанным человеком»*.

Однако следует вспомнить и уже приводившуюся ранее оценку, которую И. Сталин дал М. Тухачевскому еще в период Гражданской войны: «демон Гражданской войны». Представляется, что она, пожалуй, содержит фундаментальное мнение, сложившееся у И. Сталина о М. Тухачевском. Он назвал «красного Бонапарта» «демоном». Учитывая, что И. Сталин имел пусть неполное, но единственно у него имевшееся профессиональное образование — семинарское, — слово «демон» в его устах и мнении имело смысл отнюдь не романтический или символистски-декадентский. Слово «демон» в сознании И. Сталина вряд ли обладало преимущественно эстетическими свойствами. Оно не было для него почти синонимом «героя», «выдающейся», «экстраординарной» личности. Воспринятое еще в детстве в контексте семинарского образования, это слово, скорее всего, в сознании И. Сталина запечатлелось в своем первоначальном религиозно-церковном смысле, как словесный знак «злого духа», «беса», носителя зла. Поэтому, называя М. Тухачевского «демоном Гражданской войны», И. Сталин в значительной мере, как мне представляется, воспринимал его как персонификацию «зла», как воплощение Гражданской войны, воспринимаемой как «зло», охватившее Россию, а не в качестве объекта эстетического созерцания для художника-баталиста или поэта-романтика, поэта-«декадента». Думается, что это одно из ранних впечатлений, которое произвела на И. Сталина личность М. Тухачевского, оставалось для него фундаментальным, основополагающим в его отношении к «красному Бонапарту».

Следует отметить и еще один штрих «образа Тухачевского» в восприятии И. Сталина. Известно, что В. Молотов представлял политическую панораму «глазами Сталина». Поэтому его оценки тех или иных политических деятелей, в частности М. Тухачевско-

го, могут рассматриваться как «сталинские». На закате своего жизненного пути, давая оценки тем или иным политическим и военным деятелям, своим современникам, рассуждая о М. Тухачевском, вновь и вновь возвращаясь к этой личности, В. Молотов давал ему, в сущности, одну и ту же оценку: «ненадежный». «Такой, как Тухачевский, — пояснял бывший глава правительства, — если бы заварилась какая-нибудь каша, неизвестно, на чьей стороне был бы. Он был довольно опасный человек. Я не уверен, что в трудный момент он целиком остался бы на нашей стороне, потому что был правым»[1]. Во время другой беседы В. Молотов вновь отметил, что «Тухачевский — человек, который неизвестно куда поведет. Мне кажется, он повел бы вправо... Куда бы повернул Тухачевский, никому не известно... То, что он был не совсем надежным, — это безусловно»[2]. Полагая, что в основе высказываний и оценок В. Молотова лежат мнения И. Сталина, можно, таким образом, к вышеприведенным «сталинским» оценкам М. Тухачевского добавить и эти. Их можно свести к одному слову — «ненадежен». Примечательно, что В. Молотов никак не связывает М. Тухачевского с Л. Троцким, но упорно утверждает, что у маршала были «правые» политические симпатии. Кажется, именно в этом и в «ненадежности» можно уловить весьма настороженное отношение И. Сталина к М. Тухачевскому как военно-политическому деятелю. В таком контексте квалификация М. Тухачевского как «изменника», озвученная официально в 1937 г., вполне понятна и в наибольшей мере соответствует мнению о его «ненадежности», то есть «изменчивости», склонности к «изменению» политической позиции, к «измене». Поэтому обвинение М. Тухачевского в «измене», звучавшее в 1937—1938 гг., можно сказать, «обнаруживало» частный случай его «изменнической» природы. В общем-то, таковое о нем мнение вполне смыкалось и с религиозно-метафизическим толкованием слова «демон», «злой дух», «дьявол», «бес» — так сказать, воплощение «обмана», «лжи», «измены» как таковой. Поэтому, думается, И. Сталину нельзя отказать в устойчивости сложившегося у него мнения о М. Тухачевском как человеке чрезвычайно способном, с благородными аристократическими ма-

---

[1] *Чуев Ф.* Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999. С. 46.

[2] Там же. С. 375, 506.

нерами и воспитанием, однако чрезвычайно опасном в силу своей «злой», «демонической», «изменнической» природы. В этом смысле, если рассматривать обвинения М. Тухачевского в «измене» в 1937 г., я бы сказал, в метафизическом контексте, И. Сталин был глубоко убежден в своей правоте, отправляя маршала «на эшафот», даже если обвинения в конкретной «измене» и не были подкреплены уликами. Даже если М. Тухачевский не совершил «измены», он мог ее совершить. Более того, с метафизической точки зрения, а И. Сталину в значительной мере было присуще воспитанное в нем с детства метафизическое, в сущности, религиозное, мировоззрение, М. Тухачевский должен был изменить, стать «изменником». Такова, по мнению И. Сталина, была его «природа».

Таким образом, несмотря на то что все три «вождя» высоко ценили военный авторитет М. Тухачевского, ни с одним из них последний не находился в близких и доверительных отношениях. Все трое относились к нему с большей или меньшей долей недоверия, настороженности, а кто-то из них — и с враждебностью. Отношение В. Ленина отличалось преимущественно свойственным ему политическим прагматизмом. Л. Троцкий воспринимал М. Тухачевского, ценя его, с некоторой ревностью. И. Сталин, не сумев превратить в свою «креатуру», — восхищенно-неприязненно, с настороженной подозрительностью.

Сравнительно близкие личные отношения, может быть, на уровне приятельских, а скорее как близкое знакомство, деловые контакты были у М. Тухачевского с Г. Орджоникидзе, В. Куйбышевым, А. Енукидзе, С. Гусевым. Л. Норд приводит множество фактов достаточно близких приятельских отношений между М. Тухачевским и В. Куйбышевым[1]. Она представляет последнего в качестве своеобразного «заступника» М. Тухачевского перед И. Сталиным. Во всяком случае, известно, что письмо с критикой Л. Троцкого в конце 1923 г. М. Тухачевский писал В. Куйбышеву, тогда одному из секретарей ЦК РКП(б). В. Куйбышев был и автором статьи в «Правде», посвященной М. Тухачевскому в связи с присвоением последнему в ноябре 1935 г. персонального звания

---

[1] *Норд Л.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском // Возрождение. Тетрадь № 63. С. 74—75.

«Маршал Советского Союза». В свою очередь, М. Тухачевский поделился своими воспоминаниями лишь о В. Куйбышеве и Г. Орджоникидзе. Г. Орджоникидзе, следует это тоже отметить, был вторым из высокопоставленных «партийцев», с которым М. Тухачевский со времен Гражданской войны находился в относительно близком знакомстве. В частности, именно кандидатуру Г. Орджоникидзе предлагал М. Тухачевский на должность Председателя РВС СССР в ноябре 1925 г. после смерти М. Фрунзе[1]. Достаточно доверительные отношения сохранялись у М. Тухачевского с А. Енукидзе.

Особого внимания заслуживают отношения М. Тухачевского и М. Фрунзе, занимавшим промежуточное место между элитой «политической» и элитой «военной». М. Тухачевский рано и весьма высоко оценил М. Фрунзе. В своем докладе, направленном в июле 1919 г. в РВСР, он писал: «Среди старых специалистов трудно найти хороших командующих. Уже пришло время заменять их коммунистами. Например, командюжгруппы Востфронта тов. Фрунзе необычайно талантливый человек и под его командой положение на фронте быстро бы изменилось»[2]. Тем не менее отношения между М. Тухачевским и М. Фрунзе не были столь просты и однозначно благодушны. Далеко не всегда мнения этих военачальников совпадали, а отношения были лишены каких-либо трений, как это можно себе представить на основании обыденного мнения, сформированного популярной апологетической литературой.

На совещании военных делегатов XI съезда РКП(б) в апреле 1922 г. М. Фрунзе считал, что для действий Красной Армии и ее командования во время Гражданской войны характерны были «решительность, смелость и широта оперативного замысла». «Это наше свойство, — утверждал М. Фрунзе, — я ставлю в связь с классовой природой ставших во главе Красной Армии пролетарских элементов»[3]. Ему тогда оппонировали по этому положению и

---

[1] *Телятников Н.А.* Вникая во все // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 170.

[2] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 4. Л. 207.

[3] *Фрунзе М.В.* Основные военные задачи момента // *Фрунзе М.В.* Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 104—105.

Л. Троцкий, и М. Тухачевский[1]. И М. Фрунзе вынужден был оговаривать и объяснять такой вывод. Впрочем, он от него полностью не отказался. Трения между М. Фрунзе и М. Тухачевским возникали и ранее, в том числе по вопросам личного свойства. Юлия Соколова, знакомая с М. Тухачевским еще в его юнкерские времена, позднее, в 1919 г. оказалась в политотделе 4-й армии, подчиненной М. Фрунзе. Как она сама вспоминала, «после гибели мужа меня стал опекать сам командующий, и настолько настойчиво, что мне пришлось подать рапорт о переводе в другую армию. И однажды, во время одной неприятной сцены между командующим и его подчиненной внезапно появился друг детства Юлии — командующий соседней армией Михаил Тухачевский — и... после крутого мужского разговора между двумя командармами Тухачевский увез Юлию с собой в свою армию»[2].

Таким образом, вряд ли М. Тухачевского и М. Фрунзе связывали отношения близкой дружбы. Скорее всего, они были обусловлены взаимным уважением к способностям и боевому опыту. Это были отношения продуктивного сотрудничества. Можно считать, что М. Тухачевский не являлся в жестком смысле «креатурой» кого-либо из «партийно-политических вождей». Отношения его с представителями «политической элиты» носили преимущественно служебный характер, а личная близость не выходила за рамки близкого знакомства. Во всяком случае, вряд ли имеются основания кого-либо из представителей «политической элиты» считать близким другом или приятелем М. Тухачевского в первой половине 20-х годов.

4

«Герой» в «зеркале» отзывов и мнений

Отзывы, сохранившиеся о М. Тухачевском, весьма противоречивы, подчас диаметрально противоположны. Прежде всего, уместно привести его официальную служебную характеристику,

---

[1] Фрунзе М.В. Основные военные задачи момента // *Фрунзе М.В.* Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 104.

[2] *Пятницкий В.* Заговор против Сталина. М., 1998. С. 38—39.

относящуюся к 1922 г., когда он занимал должность начальника Военной академии РККА. «...В высокой степени инициативен, — писалось в ней, — способен к широкому творчеству и размаху. Упорен в достижении цели. Текущую работу связывает с интенсивным самообразованием и углублением научной эрудиции. Искренне связан с революцией, отсутствие всяких внешних показных особенностей (не любит угодливого чинопочитания и т. д.). В отношении красноармейцев и комсостава прям, откровенен и доверчив, чем сильно подкупает в свою пользу. В партийно-этическом отношении безупречен. Способен вести крупную организационную работу на видных постах республики по военной линии»[1]. С ней отчасти смыкается мнение В. Примакова, отмечавшего в М. Тухачевском «остроумие, чувство собственного достоинства и неумение притворяться»[2].

На своего же однополчанина М. Тухачевский в 1919 г. произвел «впечатление человека бесконечно самовлюбленного, не считающегося ни с чем, чтобы только дойти до своей цели, достигнуть славы и власти, не считаясь с тем, через чьи трупы она его приведет, не заботясь ни о ком, кроме себя»[3]. Находившийся по роду службы рядом с М. Тухачевским, в бытность последнего командующим Западным фронтом в 1920 г., и постоянно с ним общавшийся военспец, встретив своего старого сослуживца, «очень «хвалил» Тухачевского — умный, энергичный, твердый, но подлый до последней степени — ничего святого, кроме своей непосредственной выгоды; какими средствами достигается — безразлично»[4]. По мнению П. Фервака, «у него была холодная душа, которую разогревал только жар честолюбия... В жизни его интересовала только победа, а ценой каких жертв она будет достигнута — это его не заботило. Не то чтобы он был жестоким, просто он не имел жалости»[5]. По отзывам людей, находившихся с ним вместе с плену, «карьеризм и оппортунизм Тухачевского — чудовищны». М. Тухачевский, произносивший верноподданническую

---

[1] Цит. по: *Хорев А.* Маршал Тухачевский // Красная звезда. 1988. 4 июня. С. 3.

[2] *Серебрякова Г.* Собрание сочинений. М., 1979. Т. 5. С. 478.

[3] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3336.

[4] *Савинков В.* Записки // Родина. 1999. № 7. С. 63.

[5] *Fervacque P.* Op. cit. P. 30.

речь в адрес Императора и Императрицы, вскоре, едва стало известно о Февральской революции, «был первым сорвавшим с себя погоны и нацепившим красный бант»[1]. «Тухачевский, гвардии подпоручик старой армии, чрезвычайно умен и честолюбив, — информировал руководство рейхсвера побывавший в Москве и встречавшийся с М. Тухачевским в марте 1928 г. полковник Х. фон Миттельбергер. — Это один из выдающихся талантов Красной Армии, однако известно, что он является коммунистом исключительно по соображениям карьеры. Он может переходить с одной стороны на другую, если это будет отвечать его интересам. Здесь отдают себе отчет в том, что у него хватит мужества, способности и решимости рискнуть и разорвать с коммунизмом, если в перспективе последующих событий ему это покажется целесообразным» [2]. Примечательно, что это было мнение высших военно-политических кругов СССР и уже в 1928 г. Оно осталось неизменным и в 30-е годы. Будучи в то время сотрудником абвера, генерал К. фон Шпальке в разговоре с комкором С. Урицким в 1936 г. «намекнул на то, что ...изменение мнения у Тухачевского не является неожиданностью». «Я всегда считал его переменчивым, — вспоминал много лет спустя этот офицер, — к сожалению, даже слишком лабильным». Из весьма дипломатичного ответа (комкора С. Урицкого) я «между строк» мог услышать, что моя краткая и осторожная оценка Тухачевского верна...»[3] Другой офицер рейхсвера, имевший возможность наблюдать М. Тухачевского в 1931 г., полковник Мирчински «описывал Тухачевского как чрезвычайно тщеславного и высокомерного позера, человека, на которого ни в коем случае нельзя было положиться»[4]. Правда, в штабе

---

[1] Возрождение. Париж. 1936. 13 февраля, № 3907. С. 5.

[2] Цит. по изд.: *Ахтамзян А.А.* Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920—1933 гг. // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 16.

[3] *Шпальке К.* Источники истории о Михаиле Тухачевском // Гутен Таг. 1988. № 10. С. 38.

[4] Там же. Мирчински в чине подполковника приезжал в СССР в составе группы артиллеристов в 1931 г. на две недели в 51-й артиллерийский полк, расквартированный в Одессе. В составе этой группы, кстати сказать, был и будущий гитлеровский фельдмаршал, а тогда еще майор, Модель. РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 202. Л. 124. Документ опубликован в сборнике: *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР. С. 277.

рейхсвера считали, что «на людей типа Бломберга Тухачевский произвел хорошее впечатление, потому что он, владея прекрасными специальными знаниями и светскими манерами, приятно выделялся из группы тогда еще неотесанных пролетарских коллег»[1]. Общее мнение о М. Тухачевском в руководстве рейхсвера было выражено одним полковником весьма кратко, но выразительно: *«Высоко интеллигентен, но не без изъянов в характере»*[2].

...В пензенские гимназические годы «научных интересов у Михаила Тухачевского не было; он ходил одиночкой, «диким мальчиком», не вызывавшим ни симпатий, ни дружеского расположения. В нем отсутствовала всякая грубость, но — полная оторванность от товарищей, аристократичность, замкнутость в себе и ко всем — подчеркнутая надменность»[3].

Он «был стройным юношей, весьма самонадеянным, чувствовавшим себя рожденным для великих дел»[4], — вспоминал о нем — юнкере Александровского военного училища близкий друг семьи Тухачевских известный музыкант Л. Сабанеев. «Он казался всегда несколько самоуверенным, надменным... предельная собранность и организованность, — отмечала Г. Серебрякова. — Он не убегал от встречного взгляда и отвечал собеседнику резко, прямо, как бы скрещивая с ним шпаги на бой или мир»[5]. По отзыву В. Примакова, *М. Тухачевскому свойственна была «прямота, граничащая с дерзостью»*[6].

---

[1] *Шпальке К.* Источники истории о Михаиле Тухачевском... С. 18. Посетивший с инспекцией германские объекты в СССР в августе 1928 г. полковник В. фон Бломберг встречался с М. Тухачевским в Ленинграде и назвал его «личностью, заслуживающей особого внимания». — *Erickson J.* The Soviet High Command. London; New York, 1962. P. 266.

[2] *Шпальке К.* Указ. соч. С. 17.

[3] *Гуль Р.* Тухачевский // *Гуль Р.* Красные маршалы. С. 435.

[4] Цит. по изд.: *Опишня И.* Тухачевский и Скоблин. Из истории одного предательства // Возрождение. Париж, 1955. Март, № 39. С. 110.

[5] *Серебрякова Г.* Собрание сочинений. М., 1979. Т. 5. С. 478.

[6] Там же.

«...Властный и самолюбивый, но холодный и уравновешенный Тухачевский был постоянно настороже...» — так характеризовал его сверстник, тоже юнкер[1]. «Строевой офицер он был хороший, — вспоминал о подпоручике М. Тухачевском его однополчанин, полковник князь Ф. Касаткин-Ростовский, — ...хотя не могу сказать, чтобы он пользовался особенной симпатией товарищей»[2]. Много позднее генерал А. Власов почти так же характеризовал М. Тухачевского и отношение к нему офицеров в 30-е годы: «...Он хотя и имел большое влияние в армии, но не пользовался ни всеобщим доверием, ни любовью; одни командиры ему завидовали, другие его боялись, и все вместе его не любили, как заносчивого царского гвардейца, смотревшего на всех свысока»[3]. Продолжая свои воспоминания о сослуживце, князь заметил, что «...он всегда был холоден и слишком серьезен... с товарищами вежлив, но сух»[4]. Впрочем, полковник-князь, кажется, несколько упрощает. Как отмечалось ранее, в полку у молодого подпоручика М. Тухачевского было несколько достаточно близких товарищей, отношения с некоторыми из них он сохранял дружеские и даже участливые многие годы спустя. Однако уже тогда, в 1914 г. некоторые свойства личности М. Тухачевского обращали на себя особое внимание. Отец одного из сослуживцев будущего маршала, подпоручика Н.Н. Толстого, посетивший сына на фронте осенью 1914 г., вспоминал «в числе новых друзей Коки (так домашние звали Н. Толстого. — *С.М.*) ...и фамилию Тухачевского. Он очень молод еще, но уже выделяется заметно: хладнокровен, находчив и смел, но... Непонятно, на чем все это держится? Это тип совершенно особой формации. Много в нем положительных качеств, он интересен, но в чем-то не очень понятен. И откуда берутся такие? Молодой из ранних. Ни во что не верит, нет ему ничего дорогого из того, что нам дорого; ум есть, отвага, но и ум, и отвага могут

---

[1] *Посторонкин В.* Тухачевский // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 90.

[2] *«Антар»* [князь Ф. Касаткин-Ростовский]. Главковерх Тухачевский // Руль. 1922. Октябрь. ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3335.

[3] Цит. по кн.: *Финкельштейн Ю.* Свидетели обвинения: Тухачевский, Власов и другие... — СПб.; Нью-Йорк, 2001. С. 150.

[4] *«Антар»* [князь Ф. Касаткин-Ростовский]. Главковерх Тухачевский // Руль. 1922. Октябрь. ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3335.

быть нынче направлены на одно, завтра же — на другое, если нет под ним оснований достаточно твердых; какой-то он... — гладиатор! Вот именно, да, гладиаторы, при цезарях, в языческом Риме могли быть такие. Ему бы арену да солнце и публику, побольше ее опьяняющих рукоплесканий. Тогда есть резон побеждать или гибнуть со славой... А ради чего побеждать или гибнуть за что — это дело десятое...[1]

Другой однополчанин и близкий приятель М. Тухачевского в ту пору (1914 — начало 1915 гг.) прапорщик (к 1917-му — капитан) А. Типольт также отмечал наиболее заметные свойства характера молодого подпоручика. *«Бросалась в глаза его сосредоточенность, подтянутость. В нем постоянно чувствовалось внутреннее напряжение, обостренный интерес к окружающему»*[2]. Вспоминая о встрече, уже осенью 1917 г., когда М. Туха-

---

[1] *Толстой С.Н.* Осужденный жить: Автобиографическая повесть. М., 1998. С. 177—178.

[2] *Типольт А.А.* Такое не забывается // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. М., 1965. С. 19. Типольт Александр Александрович (1885 — ок. 1967), барон, принадлежал к старинному «остзейскому» роду, восходящему еще к тевтонским рыцарям. Это обстоятельство, кстати заметить, могло способствовать сближению с ним М. Тухачевского, который, как выше я обращаю на это внимание, весьма ревниво относился к своему происхождению. А. Типольт принадлежал так же, как и М. Тухачевский, к старой «семеновской» фамилии. Его предки служили в полку и в прошлом. В силу этой традиции его, выпускника Училища Правоведения, сдавшего экзамен на офицерский чин, и направили с началом войны из запаса в лейб-гвардии Семеновский полк прапорщиком. Он был назначен младшим офицером в 6-ю роту. Сюда же, как выше отмечалось, был в конце августа 1914 г. переведен и М. Тухачевский. А. Типольт был старше своего приятеля на восемь лет, он не был кадровым офицером и принадлежал к мирной гражданской профессии. Он окончил привилегированное учебное заведение. Вообще, примечательно, что и позднее М. Тухачевский легче сближался с лицами, получившими высшее гражданское образование. Он явно тяготел к ним, тянулся к представителям интеллигенции. У него как раз возникали сложности в отношениях с гвардейскими кадровыми офицерами, военными «до мозга костей». Эти обстоятельства, очевидно, способствовали возникновению и укреплению приятельских отношений между А. Типольтом и М. Тухачевским. После октября 1917 г. капитан А. Типольт был одним из тех сравнительно немногих офицеров лейб-гвардии Семеновского полка, который служил в Красной Армии, а в 1920—1921 гг. состоял в штабе М. Тухачевского. Возможно, именно старые приятельские связи с «красным Бонапартом» сыграли свою роль в таком выборе бывшего гвардейского офицера и аристократа с высшим юридическим образованием. См. также: РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2973. Л. 32.

чевский, бежав из плена, вернулся в полк, А. Типольт, рассказывая о бурных обсуждениях политической ситуации, отметил, что *«Михаил сосредоточенно прислушивался к нашей полемике, но сам высказаться не спешил. Чувствовалось, что в нем происходит напряженная внутренняя работа»*[1].

По впечатлениям философа И. Ильина (позволю себе процитировать их еще раз), относящимся к 1922 г., «Тухачевский — очень честолюбив, фаталистичен, молчалив, кажется, не умен»[2]. Германский посол фон Дирксен, считавший его «сомнительным, авантюрного склада типом»[3], наоборот, отметил: «замкнут, умен, сдержан»[4]. Маршал Г. Жуков, ближе познакомившийся с М. Тухачевским, полагал, что *«у него был глубокий, спокойный и аналитический ум»*, однако «ему была свойственна некоторая барственность, небрежение к черновой, повседневной работе. В этом сказывалось его происхождение и воспитание... При всем своем спокойствии Тухачевский умел проявить твердость и дать отпор, когда считал необходимым... Он умел давать резкий отпор именно в таком спокойном тоне, что, конечно, не нравилось»[5]. В одной из бесед, характеризуя Н. Крестинского, В. Молотов назвал его «барином». На вопрос же собеседника: «А Тухачевский?» — сталинский соратник, — и это примечательно — с учетом его неприязни к маршалу, уточнил: «Тот больше аристократ»[6]. Об аристократических привычках, преднамеренно и дразняще им демонстриро-

---

[1] *Типольт А. А.* Такое не забывается... С. 20—21.

[2] *Ильин И.А.* Записка о политическом положении. Октябрь 1923 г. Адресована П. Врангелю // Русское прошлое. СПб, 1996. № 6. С. 220. Эти беглые впечатления И. Ильина, очевидно, подкреплялись более основательными мнениями генерала А. Зайончковского, которого философ, по собственному признанию, «хорошо знал». Можно, таким образом, приведенные оценки считать и мнением генерала, с которым М. Тухачевский в 1921—1926 гг. был в достаточно близких приятельских отношениях.

[3] *Дирксен Г. фон.* Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М., 2001. С. 192.

[4] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 70. Л. 267—269; *Дьяков Ю.Т., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР. С. 121.

[5] Маршал Жуков. Воспоминания. (По записям К. Симонова.) // Огонек. 1986. 48. С. 7.

[6] *Чуев Ф.* Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999. С. 258.

вавшихся, ходило много слухов. Рассказывали, будто во время командования Ленинградским военным округом (1928—1931) М. Тухачевский жил под Ленинградом в бывшем дворце царицы. «Тухачевский каждую субботу принимал подчиненных в своем кабинете, сидя на царском троне, — убеждал очевидец. — Перед ним на столе лежали разложенные пачками деньги, которыми он одаривал за хорошую службу, — по-барски и даже — по-царски». Возможно, это «апокриф», однако он, несомненно, отражает сложившееся в общественном мнении устойчивое впечатление, рожденное яичностью М. Тухачевского.

Один из близко наблюдавших М. Тухачевского его сослуживцев в 1919 г. вспоминал, что «одно время Тухачевский носил ярко-красную гимнастерку, но при этом всегда был в воротничке, в белоснежных манжетах и руки имел выхоленные с отточенными ногтями»[1]. Даже перед Военным трибуналом, судившем его в 1937 г., «Тухачевский старался хранить свой аристократизм и свое превосходство над другими...»[2] Указанные свойства личности обеспечили М. Тухачевскому еще в училищную пору репутацию «новоявленного князя Андрея Болконского»[3].

Итак, учитывая меру субъективизма, благожелательности или неприязни мемуаристов, можно констатировать их единодушное свидетельство о доминирующем свойстве личности и поведения М. Тухачевского: аристократизме. Оно сформировалось и сохраняло устойчивость благодаря ряду причин и обстоятельств, на которых имеет смысл задержать внимание.

...Парадигмальная длительность и устойчивость образовательных и воспитательных норм, правил, характерная для европейской культуры вплоть до второй четверти XX века, обусловили значимость и доминирующую роль «книги» в формировании личности. «Книга» предопределяла осознанный выбор поведенческой нормы для «образованного» европейца, продолжавшего верить в «сакральность» знаков, запечатленных в «книге». «Мир» внешний и внутренний воспринимается личностью сквозь призму заложенного в ней «культурного архетипа», как текст книги. Следователь-

---

[1] *Савинков В.* Записки // Родина. 1999. № 7. С. 63.

[2] Справка о проверке обвинений... // Военные архивы России. Вып. 1. С. 56.

[3] *Никулин Л.* Тухачевский. М., 1964. С. 25.

но, сохраняется соблазн «прочитать» и «расшифровать» свое «происхождение», свою тайну. Расшифровка «культурного архетипа» усложняется «густотой» «знаков» и «символов» «книжной культуры». Она обусловлена контекстом конкретно-исторического бытия личности.

«Книжность» была важнейшим условием формирования мировоззренческого «архетипа» М. Тухачевского. На это обратили свое внимание его французские приятели по плену. «В его поведении многое было навеяно литературой», — вспоминал П. Фервак. Их поражала начитанность М. Тухачевского, но начитанность весьма бессистемная, богемного характера. С определенной долей иронии в связи с этим французы переиначили его фамилию, в шутку прозвав «Тушатушским» — умеющим рассуждать «обо всем»[1].

По воспоминаниям П. Фервака, «история была одним из больших увлечений М. Тухачевского. Ему не наскучивали знаменитые личности, которые благодаря их энергии либо отсутствию посредственных качеств, либо игнорированию ими предрассудков, либо, наконец, благодаря их гениальности подавляли людей. Он восхвалял Бонапарта за то, что тот использовал в своих целях якобинцев и сумел найти защиту у Робеспьера. Он рукоплескал Екатерине II за умение удовлетворить все свои аппетиты. Желание быть великой у этой женщины, говорил он, было обусловлено ее любовными страстями: одно было функцией другого. По тем же причинам он одобрял жестокость Петра Великого»[2]. Известно также, что он увлекался «Войной и миром» Л. Толстого, с которым был знаком его отец, особенно фигурой князя Андрея Болконского. Будучи «солдатом», М. Тухачевский имел репутацию «образованного» человека, гуманитария, «книжника».

Сопоставляя его с Г. Жуковым, В. Молотов отметил: «Обоих знаю, но они разные. У Жукова твердость и, безусловно, практика. Тухачевский более образованный человек, но, конечно, менее военный...»[3] П. Фервак, обративший внимание на внешнее сходство М. Тухачевского с Наполеоном, считал, что у его русского

---

[1] *Fervacque P.* Op. cit. P. 79.

[2] Ibid. P. 33, 79.

[3] *Чуев Ф.* Молотов. Полудержавный властелин. С. 375.

приятеля «не было практицизма Бонапарта. ...Это был фантазер, который шел туда, куда его влекло собственное воображение»[1]. «Все это, батенька мой, фантазерство увлекающегося поручика», — так чаще всего оценивались многие инициативы М. Тухачевского в период Гражданской войны генералами-генштабистами.

Учитывая вышесказанное, следует особо отметить именно «книжный», несистематический характер его образованности и эрудиции, хотя и весьма обширной и разнообразной. Такого рода образованность правильнее было бы называть «начитанностью». В сущности М. Тухачевский не получил даже того, что формировало исключительно военный характер[2]. Несомненная тяга к «книге», к науке, к теоретизированию, к умозрительным схемам просматривается в его деятельности на всем протяжении его жизни. На это обратил внимание и его противник Ю. Пилсудский, причислив М. Тухачевского «к умам абстрактным»[3]. Указанные свойства ментальности, «культурного архетипа» наложили отпечаток и на поведение М. Тухачевского-полководца.

Л. Троцкий, близко наблюдавший «революционных генералов» в период Гражданской войны, вспоминал: «*...Тухачевский, несомненно, обнаружил выдающиеся стратегические таланты. Ему не хватало, однако, способности оценить военную обстановку со всех сторон. В его стратегии всегда был явственен элемент авантюризма. На этой почве у нас произошло несколько столкновений, вполне, впрочем, дружественных по форме. Мне приходилось также подвергать критике попытки Тухачевского создать «новую военную доктрину» при помощи наспех усвоенных элементарных форм марксизма. Не забудем, однако, что Тухачевский был в те годы очень молод и*

---

[1] *Fervacque P.* Op. cit. P. 126—127.

[2] Среднее образование он получил в гимназии и лишь в последнем классе перешел в кадетский корпус, в котором проучился всего год. Поэтому собственно военное образование М. Тухачевский получил в Александровском военном училище. Правда, он показал себя самым лучшим в выпуске, однако на этом его систематическое военное образование завершилось. Поступая в гвардию, он совершенно очевидно (и по собственным его признаниям), как бедный дворянин и без связей при дворе, рассчитывал продолжить ускоренную гвардейской службой карьеру в Академии Генерального штаба. Но этому не суждено было случиться.

[3] *Пилсудский Ю.* Война 1920 года. С. 143.

совершил слишком быстрый скачок из рядов гвардейского офицерства в лагерь большевизма...»[1]

Критикуя в 1921 г. «красного Бонапарта», Председатель РВСР мимоходом, но ясно и емко отметил, что «тов. Тухачевский один из даровитейших наших молодых военных работников», однако «необеспеченные наступления представляют вообще, заметим мимоходом, слабую сторону тов. Тухачевского...»[2] На это качество М. Тухачевского-военачальника указывают и другие лица, имевшие возможность дать оценку его военной деятельности. Независимо от Л. Троцкого наблюдал М. Тухачевского во главе 5-й армии в 1919 г. член ее РВС старый партиец-большевик И. Смирнов. Он так характеризовал молодого полководца: «Командарм Тухачевский — 28 лет... человек, безусловно, свой, смелый до авантюризма. Мягкий, поддающийся влиянию, с тактичным комиссаром будет в любом месте отлично командовать не только армией, но и фронтом». По мнению маршала И. Конева, несомненно, опиравшегося на устоявшиеся в высших военных кругах оценки «красного Бонапарта» (вряд ли прославленный полководец Великой Отечественной войны имел возможность долго и близко наблюдать М. Тухачевского лично), *«Тухачевский — человек даровитый, сильный, волевой, теоретически хорошо подкованный. Это его достоинства. К его недостаткам принадлежал известный налет авантюризма...»*[3]

Наряду с необходимыми положительными, «светлыми» сторонами, способствующими социальной стабильности индивида, как полагают психоаналитики, «идентичность обладает темной, негативной стороной — совокупностью тех вытесненных и отрицае-

---

[1] «...С того времени, — продолжал Л. Троцкий, — он, видимо, прилежно учился, если не марксизму (этому в СССР ныне не учится никто), то военному делу. Он научился понимать новую технику и, не без успеха, играл роль «механизатора» армии. Удалось ли ему приобрести необходимое равновесие внутренних сил, без чего нет вообще великого полководца, могла бы, пожалуй, обнаружить только новая война, в которой Тухачевскому заранее отводилась роль генералиссимуса...» (*Троцкий Л.Д.* Обезглавление Красной Армии // Бюллетень оппозиции. Париж, 1937. № 56—57. С. 4.)

[2] Там же. С. 230.

[3] Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1992. Т. 2. С. 86.; *Симонов К.М.* Беседы с Маршалом Советского Союза И.С. Коневым // *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 394—395.

мых идентификаций и фрагментов, которые нежелательны, несовместимы с идеалами и представлениями о самом себе»[1]. Это чаще всего выявляется в условиях кризиса групповой идентичности. Индивид, принадлежавший к отвергнутой или «преследуемой» социальной группе, порой придерживается идентичности, которую никто, или большинство, уже не считает действительной. Она превращается в негативную, темную идентичность. В такой ситуации «негативная идентичность предстает в качестве позитивной, становится желанной и доминирующей в идеологиях, трансформирующих чувство неполноценности в чувство превосходства над другими»[2].

«...По-видимому, он был лишен каких бы то ни было принципов, — обращал внимание уже упоминавшийся Л. Сабанеев, — тут в нем было нечто от «достоевщины», скорее от «ставрогинщины». Он, видимо, готовился в сверхчеловеки»[3]. Именно воплощенного героя «Бесов», так сказать, «выродившегося Андрея Болконского», «угадывали» в М. Тухачевском некоторые представители русской эмигрантской интеллигенции. Известный писатель русской послереволюционной эмиграции Р. Гуль, лично знавший М. Тухачевского и посвятивший последнему специальный развернутый очерк (изданный в Берлине в 1932 г.), анализируя личность советского маршала, пришел к выводу: «В русской литературе есть утверждение, что в «Бесах» Достоевский писал образ Ставрогина с Михаила Бакунина; Бакунин, конечно, не Ставрогин, но Ставрогин, конечно, Михаил Тухачевский...»[4] Я позволю себе задержать внимание на «образе Ставрогина». Он, как мне представляется, «по-книжному» определял базисные ментальные установки и ориентиры М. Тухачевского.

Поясняя образ Н. Ставрогина, сам Ф. Достоевский указывал, что «Николай Ставрогин — тоже мрачное лицо, тоже злодей. Но мне кажется, что это — лицо трагическое... По моему мнению,

---

[1] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 16.

[2] Там же.

[3] Цит. по изд.: *Опишня И.* Тухачевский и Скоблин... С. 110.

[4] *Гуль Р.* Тухачевский... С. 491.

это и русское, и типическое лицо[1]... Это целый социальный тип, в моем убеждении, наш тип, русский... Это человек, не верующий вере наших верующих и требующий веры полной совершенно иначе»[2]. По словам одного из героев «Бесов» Кириллова, «Ставрогин, если верует, то не верует, что он верует. Если же не верует, то не верует, что он не верует»[3]. Люди, подобные Н. Ставрогину, как правило, «любят повелевать другими... Это вовсе не обязательно связано со стремлением к политической власти... Но им непременно нужно, чтобы на них смотрели снизу вверх...»[4]

«Ставрогин привык первенствовать среди собутыльников, привык, что на него с обожанием смотрят женщины...», — отметил один из исследователей творчества Ф. Достоевского[5]. «Все ждут от него чего-то необыкновенного и великого»[6], — дополняет Н. Бердяев. «Николай Ставрогин, прежде всего, аристократ, аристократ духа и русский барин»[7], — считает русский мыслитель. Для П. Верховенского Н. Ставрогин — «кумир», объект «культа» и «политических надежд». Позволю себе процитировать то место из «Бесов», которое приводило М. Тухачевского в восторг.

«Я люблю красоту, — с вдохновением признавался П. Верховенский Н. Ставрогину. — Я нигилист, но люблю красоту. Разве нигилисты красоту не любят? Они только идолов не любят, ну, а я люблю идола! Вы мой идол! Вы никого не оскорбляете. И вас все ненавидят, вы смотрите всем ровней, и вас все боятся, это хорошо. К вам никто не подойдет вас потрепать по плечу. Вы ужасный аристократ. Аристократ, когда идет в демократию, обаятелен! Вам ничего не значит пожертвовать жизнью, и своею и чужою»[8].

---

[1] *Достоевский Ф.М.* Письма. М., 1928—1959. Т. 2. С. 288—289.

[2] *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений. М., 1957. Т. 7. С. 217—219.

[3] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 30 т. Л., 1972—1984. Т. 10. С. 469.

[4] *Муравьев А.Н.* Ставрогин Достоевского и Каразин М. Горького // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1985. Вып. 6. С. 161.

[5] Там же. С. 161—162.

[6] *Бердяев Н.А.* Ставрогин // *Бердяев Н.* Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 2. С. 176.

[7] Там же. С. 179.

[8] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.. Т. 7. С. 438.

Он выводит емко выраженную «формулу Ставрогина»: «Аристократ, когда он идет в демократию, обаятелен».

«Барство Ставрогина всех прельщает — аристократ в демократии обаятелен, — и никто не может ему простить его барства, — весьма проникновенно полагает Н. Бердяев. — Барство — метафизическое свойство Ставрогина, оно — ноуменально в нем. Его трагическая судьба связана с тем, что он — обреченный барин и аристократ. Барин и аристократ обаятелен, когда идет в демократию, но он ничего не может с ней сделать... Только барин и аристократ мог бы быть Иваном Царевичем и поднять за собой народ. Но он никогда этого не сделает, не захочет этого сделать и не будет иметь силы этого сделать»[1].

Все вышесказанное можно было бы употребить лишь в качестве литературного сопоставления, если бы, по свидетельству близких к М. Тухачевскому людей, он в плену не проявил столь пылкого увлечения как раз романом Ф. Достоевского «Бесы», в особенности теми его разделами, которые и вывели вышецитированную «формулу Ставрогина» — «аристократ в демократии обаятелен». Она очень нравилась молодому гвардии подпоручику. Эта формула весьма хорошо укладывается в ранее приводившиеся свидетельства о высокомерии, надменности М. Тухачевского, его подчеркнутом аристократизме, барственности, презрении к окружающим и пр. Приведенные выше свидетельства и размышления дают достаточно оснований для того, чтобы не исключать в мотивах поведения и поступков М. Тухачевского присутствие и влияние своеобразного «ставрогинского архетипа». Мнение Н. Бердяева о Н. Ставрогине, что «его трагическая судьба связана с тем, что он обреченный барин и аристократ», что «барин и аристократ обаятелен, когда он идет в демократию, но он ничего не может с ней сделать», будто бы заведомо угадывает психокультурную сущность М. Тухачевского и в значительной мере предопределяет его политическую судьбу.

М. Тухачевскому, несомненно, хотелось, чтобы его считали и

---

[1] *Бердяев Н.А.* Ставрогин... С. 183. В автобиографической книге «Самопознание» Н. Бердяев излагает весьма примечательные размышления в этом же духе (*Бердяев Н.А.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. М., 1991. С. 33).

называли «Ставрогиным»[1]. Пожалуй, даже М. Тухачевскому хотелось иметь репутацию и толкования такого «Ставрогина», каким его представлял П. Верховенский. Появление и весьма назойливое проявление «ставрогинского архетипа» на окружающих проистекало, разумеется, не только как результат «книжности», влияния Ф. Достоевского, вообще как издержки образованности и культурности. Было еще одно обстоятельство, которое способствовало некоторой гипертрофии воздействия этого комплекса.

Если следовать концепции диалогического обретения личностью себя самой через «внешние» признаки собственной индивидуальности, то в данном случае родовитому, но бедному дворянину и офицеру-гвардейцу М. Тухачевскому некоторые присущие ему свойства должны были казаться «ставрогинскими». Это приобретало особую значимость ввиду его озабоченности проблемой идентификации или самоидентификации при прочтении «текста» собственного бытия в культурно-историческом и социально-политическом контексте эпохи. «Аристократ в демократии», «Ставрогин» — один из соблазнительных образов для уподобления (облик, маска), увлекших М. Тухачевского, и эта мировоззренческая тональность, несомненно, способствовала и в известной мере предопределяла его культурно-исторический и социально-политический выбор в «русской революции», в «русской смуте». Выбор этот был предопределен, думается, не только «узнаваемостью», «угадыванием» М. Тухачевским в себе «ставрогинских» признаков, но и субъективным ощущением их острой в себе недостаточности. Это обусловлено было (отчасти) наличием в самосознании М. Тухачевского своеобразного «комплекса», рожденного особенностями происхождения.

---

[1] Соблазн «ставрогинской» самоидентификации, кажется, был характерен для аристократического поиска в прогрессирующей маргинализации России во второй половине XIX — начале XX в. Н. Бердяев признавался в «Самопознании»: «У каждого человека, кроме позитива, есть и свой негатив. — Моим негативом был Ставрогин. Меня часто в молодости называли Ставрогиным, и соблазн был в том, что это мне нравилось (например, «аристократ в революции обаятелен», слишком яркий цвет лица, слишком черные волосы, лицо, походящее на маску). Во мне было что-то ставрогинское, но я преодолел это в себе. Впоследствии я написал статью о Ставрогине, в которой отразилось мое интимное отношение к его образу». (*Бердяев Н.* Самопознание... С. 28—29.)

«Что бы ни действовало в темных подпочвах души, — писал К.Г. Юнг, — разумеется, на этот счет существуют разнообразные мнения, — несомненно, по крайней мере, одно: прежде всего, это особые аффективные содержания, так называемые *комплексы*, которые обладают определенной автономией»[1]. Как полагал К.Г. Юнг, «углубление учения о комплексах последовательно приводит нас к проблеме *возникновения комплексов*»[2]. Расшифровывая суть учения о комплексах, один из классиков психоанализа отмечал, что «комплексы всегда содержат в себе нечто вроде конфликта или, по крайней мере, являются либо его причиной, либо следствием. Во всяком случае, комплексам присущи признаки конфликта, шока, потрясения, неловкости, несовместимости. Это так называемые «больные точки»... о которых не очень-то хочется вспоминать и еще меньше хочется, чтобы о них напоминали другие, но которые зачастую самым неприятным образом напоминают о себе сами». Далее выдающийся психоаналитик дает весьма интересный комментарий к сказанному. «Очевидно, комплексы представляют собой своего рода неполноценности в самом широком смысле, — пишет он, — причем я тут же должен заметить, что комплекс или обладание комплексом не обязательно означает неполноценность. Это значит только, что существует нечто несовместимое, неассимилированное, возможно даже, какое-то препятствие, но это также и стимул к великим устремлениям и поэтому, вполне вероятно, даже новая возможность для успеха. Следовательно, комплексы являются в этом смысле прямо-таки центром или узловым пунктом душевной жизни, без них нельзя обойтись, более того, они должны присутствовать, потому что в противном случае душевная деятельность пришла бы к чреватому последствиями застою. Но они означают также и неисполненное в индивиде, область, где, по крайней мере, сейчас он терпит поражение, где нельзя что-либо преодолеть или осилить; то есть, без сомнения, это *слабое место* в любом значении этого слова»[3]. Из всего сказанного К.Г. Юнг делает весьма важный для последующих

---

[1] *Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени. М., 1996. С. 94.

[2] Там же. С. 95.

[3] Там же.

рассуждений вывод: «Комплекс становится для нас диагностически ценным симптомом индивидуальной диспозиции»[1].

Как объясняет психоаналитик, «индивидуальная диспозиция вовсе не приобретается в течение жизни, а, являясь врожденной, становится очевидной уже в детстве. Поэтому родительский комплекс есть не что иное, как проявление столкновения между действительностью и непригодным в этом смысле свойством индивида. Следовательно, первой формой комплекса должен быть родительский комплекс, потому что родители — это первая действительность, с которой ребенок может вступить в конфликт. Поэтому существование родительского комплекса как ничто другое выдает нам наличие у индивида особых свойств»[2]. Особое внимание К.Г. Юнг обращает на то, «как этот комплекс проявляется в индивиде»[3].

Как уже отмечалось выше, отец М. Тухачевского принадлежал к старинному дворянскому роду, мать же была простой крестьянкой. Это обстоятельство уже существенно не нарушало правовых норм Российской империи конца XIX века. Однако резко, как и лет двести-сто назад, оно диссонировало с неписаными нормами и традициями дворянско-аристократической культуры, особенно в узкокорпоративных микросоциальных структурах. М. Тухачевский не прошел полный курс обучения в кадетском корпусе. Это отчасти было обусловлено тем обстоятельством, что отец его, в отличие от всех предков, в силу отмеченных выше матримониальных обстоятельств, не был офицером и не служил в императорской гвардии или армии. Уже в этом таились некоторые ментальные неудобства, ощущение сословно-корпоративной неполноценности.

М. Тухачевский провел в кадетском корпусе всего один год. Поэтому на него начальное военное обучение практически не оказало заметного воздействия. Ему не были привиты столь традиционные, обычные для кадрового офицера русской армии привычки, закладывавшие основы, что называется, «военной косточки». Будучи физически сильным и гордым, богемно-интеллигентски вос-

---

[1] *Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени. М., 1996. С. 96.

[2] Там же.

[3] Там же.

питанным (подробнее об этом ниже) и к тому же «старшим кадетом», М. Тухачевский не признавал «цука»[1]. А в этом, в сущности, зарождался инстинкт иерархии и чинопочитания в ментальности кадрового офицера. Он, таким образом, не признал «закона» и потому в среде кадетов оказывался «горделивым изгоем» — «новоявленным князем Андреем Болконским». Так его с некоторой иронией называли товарищи. И вновь — корпоративно-неполноценным. Он, не получивший «нормального» образования в кадетском корпусе, не будучи сыном офицера, оказался не в столичном Павловском военном училище, из которого, как и из Пажеского корпуса, в подавляющем большинстве попадали в гвардию, а в московском Александровском. Это было обусловлено и отцовским мезальянсом, и бедностью семьи.

Александровское военное училище, считавшееся вторым по престижности после Павловского и третьим (или даже четвертым, если учитывать Николаевское кавалерийское) после Пажеского корпуса, имело репутацию либерального по духу образования[2].

---

[1] *Никулин Л.* Тухачевский. М., 1964. С. 25.

[2] Учитывая, что в кадетском корпусе М. Тухачевский проучился всего один год, а в полку пробыл несколько месяцев, да и то во фронтовой обстановке, наибольшее формирующее личность воздействие на него оказало, конечно, пребывание в Александровском военном училище. Полковые традиции вряд ли успели сильно повлиять на личность М. Тухачевского. В условиях фронта они, несомненно, сглаживались и даже нейтрализовались. Что же касается училища, то там он оказался одним из лучших. Честолюбие и тщеславие его должно было быть удовлетворено. Оно открыло ему путь в гвардию, в военную карьеру. Известно, что М. Тухачевский окончил его в 1914 г. «первым» по баллам и с отличием, с «занесением фамилии на мраморную доску». Это было первое сильное впечатление от армии, которое должен был испытать «красный Бонапарт». Как любое другое учебное заведение с устоявшимися и престижными традициями, Александровское военное училище формировало определенный стереотип поведения. «Александроны», как и «павлоны», как и «николаевцы», имели свое лицо, свой облик, свои традиции. Как вспоминал генерал А. Спиридович, «о каждом училище имелись свои подробные сведения. Александровское училище в Москве — не строгое, даже распущенное, офицеры не подтягивают, смотрят на многое сквозь пальцы, учиться не трудно, устраиваются хорошие балы. Из двух пехотных Петербургских — Константиновское много легче Павловского. Отношение офицеров хорошее, похожее на корпусное; расположено около Обуховского моста; прозвище — Обуховские институтки. Павловское училище самое строгое: муштровка сильная, дисциплина страшная, солдатчина. Требуют строй и гимнастику. Зовут — павлоны-солдафоны» (*Спиридович А.И.* При царском режиме // Архив русской революции. М., 1993. Т. 15/16. С. 97). Хотя в воспоминаниях сокурсников о М. Тухачевском со-

Впрочем, либеральная образовательная атмосфера в этом училище вполне устраивала отца будущего маршала и, скорее всего, больше соответствовала характеру и духовному настрою самого М. Тухачевского. Вероятно, выбор именно Александровского военного училища для получения военного образования был мотивирован не духовно-нравственными предпочтениями, а чрезвычайной скудостью денежных средств отца будущего маршала. Обучение М. Тухачевского в Москве было для семьи гораздо дешевле, чем в любом военном училище Петербурга. В Москве жила семья, здесь же проживали и большинство родственников Тухачевских. Однако для военной карьеры обучение в этом училище, несомненно, создавало гораздо большие сложности, особенно — для выпуска в гвардию. А это было крайне необходимо для последующего продвижения по службе, для связей в свете, во влиятельных военных и придворных кругах. Весь его путь к славе и воинским почестям, вся карьера родовитого, но бедного дворянина, с матерью-крестьянкой, без связей могли строиться исключительно на потенциале личных способностей, отличий в образовании и профессиональной подготовленности, в стремлении выделиться, чтобы заметили. Поэтому и приходилось прилагать максимум усилий и способностей для того, чтобы стать первым по баллам на выпуске, с чином фельдфебеля и получить, таким образом, право первым выбирать вакансии. Гвардейских вакансий для Александровского училища было очень мало. Все это, имеется в виду необходимое рвение в службе и учебе, не способствовало складыванию близких дружеских отношений М. Тухачевского с сокурсниками[1]. Итак,

---

хранились впечатления как о человеке исключительно требовательном, строгом, жестком и честолюбивом (см. воспоминания В. Посторонкина), он все-таки был выпускником-александровцем, «александроном». Судя по его собственным высказываниям, в его памяти и привычках сохранились самые лучшие впечатления о времени, проведенном в училище. По воспоминаниям В. Ладухина, тоже выпускника этого же училища, в 1920 г. его, назначенного в штаб М. Тухачевского, последний спросил: «Имеете военное образование?»... Я отвечал не твердо: «Бывшее Александровское училище... в военное время... ускоренный выпуск». Тухачевский сразу преобразился: «Э-э, да мы, значит, однокашники! Только я окончил это училище перед войной. И, знаете, товарищи, там совсем неплохо готовили офицеров» (*Ладухин В.И.* Славное имя // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. М., 1965. С. 177).

[1] *Посторонкин В.* Тухачевский // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 89—90.

вместо Пажеского корпуса и Павловского военного училища — Александровское. Все это по нарастающей лишь усиливало и делало все более заметным «комплекс» сословно-корпоративной «неполноценности».

Для открытия удачной военной карьеры очень важно было попасть в гвардию. Лучше — в «старую гвардию». Для карьеры и связей, для престижа, если нет средств для службы в гвардейской кавалерии, то только лейб-гвардии Преображенский полк[1]. Однако консерватизм традиций в них был особенно устойчив и весьма заметно, даже демонстративно, культивировался. Мезальянс аристократа-дворянина и простой крестьянки, давший жизнь большому потомству, в том числе и М. Тухачевскому, кажется, отразился на судьбе отца будущего маршала (такой брак закрывал возможности для службы в элитных гвардейских частях и на некоторых иных поприщах). Он, несомненно, «подпортил» родословную и М. Тухачевскому. Это обстоятельство, конечно, ограничивало диапазон выбора[2]. Второй старейший полк гвардейской

---

[1] «Я показывал невесте таблицы с пестрыми формами, — вспоминал молодой князь В.С. Трубецкой, решивший в 1912 г. поступить на военную службу, — и мы с ней вдвоем на них гадали, не зная, на чем остановиться, покуда не приехала из Лондона мама, которая сразу направила дело о выборе полка в надлежащее русло. Для нее было совершенно очевидным, что если уж быть военным, то, конечно, гвардейцем. Гвардия давала положение в свете. В смысле карьеры там были лучшие перспективы. Главное же, в гвардию принимали людей с разбором и исключительно дворян. Гвардейский офицер считался воспитанным человеком в светском смысле слова. В армии же такой гарантии не могло быть. Армейский кавалерийский шик, конечно, не нравился матери. Именно потому, что это был шик. Раз шик, то, стало быть, уже дурной тон (мать ненавидела даже само это слово). Если хотите, в гвардейских полках тоже был известный шик, но уже более утонченный и благородный, и это, конечно, тоже было не совсем хорошо. Только два полка в глазах матери были вне всякого шика и были действительно по-настоящему порядочными полками — знаменитый исторический лейб-гвардии Преображенский пехотный полк и кавалергардский. У них был сверхшик, заключавшийся во всяком отсутствии шика. Это было уже какое-то «рафинэ» джентльменства» (*Трубецкой В.С., князь.* Записки кирасира // Князья Трубецкие. Россия воспрянет. М., 1996. С. 370—371).

[2] «Отец моей матери — дедушка, князь Владимир Андреевич Оболенский, в молодости был кавалергардом. Другой мой дедушка, со стороны отца, князь Николай Петрович Трубецкой, в молодости был преображенцем. Муж сестры моей матери, графини М. Д. Апраксиной, командовал в свое время кавалергардским полком, и двоюродные братья матушки, Оболенские и Озеровы, тоже служили в

пехоты, Семеновский, формально был равноценным своему «полку-близнецу», однако по составу офицеров, по их родовитости, по их связям при дворе все-таки уступал Преображенскому. Но и прохождение М. Тухачевского как первого по баллам выпускника-александровца в лейб-гвардии Семеновский полк не могло быть обеспечено лишь уровнем успеваемости.

Вновь направленные в гвардейские полки выпускники военных училищ проходили еще фильтрацию через офицерские собрания данных полков, где весьма требовательно относились к происхождению, социальным характеристикам кандидата и его ближайшего окружения. Кандидат должен был обладать также безупречной репутацией по политическим взглядам, по мировоззрению, ничем в этом отношении быть незапятнанным. Важную роль (порой даже решающую) играла принадлежность кандидата к старой «полковой фамилии». Предки М. Тухачевского начали служить в лейб-гвардии Семеновском полку еще с первого его набора, с конца XVII в.[1]. Служили они в полку и в начале XIX в., в его составе принимали участие в Отечественной войне 1812 г.[2].

этих же полках. В оба эти полка поступал цвет высшего дворянского общества. Это были действительно исключительные аристократические полки, куда принимали офицеров с особенным разбором. Носить громкую дворянскую фамилию и обладать средствами и придворными связями было еще далеко недостаточно, чтобы поступить в один из этих рафинированных полков. Туда мог попасть только безупречно воспитанный молодой человек, о репутации и поведении которого полком собирались тщательные справки. А кавалергарды в некоторых случаях еще и копались в родословной представлявшегося в полк молодого человека и проверяли за несколько поколений назад его бабушек и прабабушек: не затесалась ли среди них какая-нибудь мадам, не подходящая по своему происхождению и тем самым портящая родословную. Ведь она могла бы передать по наследству плебейские черты своему потомству. Здесь никакие протекции не помогали. Случаи, когда сыновья министров и высших сановников при представлении в эти полки получали отказ, не были исключением» (*Трубецкой В.С., князь.* Записки кирасира. С. 371).

[1] Со слов самого М. Тухачевского, его двоюродный дед, наставляя будущего маршала, рекомендовал ему «выйти в Семеновский полк. В Семеновском служил с начала его основания при Петре наш предок Михаил Артамонович Тухачевский» (*Норд Л.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском // Возрождение. Тетрадь № 64. С. 63).

[2] С 1811 по 1820 г. в лейб-гвардии Семеновском полку служил прадед М. Тухачевского, Тухачевский Александр Николаевич. Он был «коренным» семеновцем. Начав службу в 1811 г. с подпрапорщиков, к 1812 г. был произведен в прапорщи-

В этом отношении М. Тухачевский, принадлежавший к «семеновской фамилии», оказался в полку «своим». Наконец, офицер одного из старейших полков императорской гвардии должен был иметь достаточно средств, чтобы позволить себе вести сопряженную со значительными денежными расходами жизнь столичного гвардейского офицера[1]. Этих средств, конечно, у М. Тухачевского не было. С учетом всего вышесказанного, конечно же, формальных оснований для отказа М. Тухачевскому в праве начать офицерскую карьеру в лейб-гвардии Семеновском полку не было. Однако, видимо, еще одно обстоятельство сыграло свою положительную роль в судьбе М. Тухачевского[2].

ки. В 1813 г. стал подпоручиком. В 1815 г. — поручиком; в 1817 г. — штабс-капитаном; в 1820 г. — капитаном и командиром роты. После так называемого «семеновского дела» в 1820 г. был переведен подполковником в Галицкий пехотный полк. С 1817 г. в лейб-гвардии Семеновском полку служил и его родной брат Николай Николаевич Тухачевский. Он начал службу в лейб-гвардии Кавалергардском полку, и в 1817 г. был переведен подпоручиком в лейб-гвардии Семеновский. После упомянутого выше «семеновского дела» вместе с братом был также переведен в 1821 г. в лейб-гвардии Московский полк (*Дирин П.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. С. 168). У Н. Тухачевского военная карьера сложилась более успешно. В 1831 г. он был произведен в генерал-майоры, награжден орденами: Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 3-й степени, Св. Станислава 1-й и 2-й степеней. Некоторое время, в 1846 г. был наказным атаманом Войска Донского В 1847 г. был «уволен со службы с мундиром и пенсионом полного жалованья». Он уехал в Орловскую губернию в свое имение в Дмитровском уезде, где и умер (ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 25. Л. 23—24).

[1] «Имея безупречную родословную, громкую фамилию, а равно и подходящее воспитание, я имел все то, что было нужно, дабы сделаться кавалергардом или преображенцем, — вспоминал князь В. Трубецкой, — однако от преображенцев я сам отказался наотрез, поскольку хотел служить в коннице. В отношении же кавалергардов у матери у самой возникли некоторые сомнения. Одно дело — быть холостым кавалергардом. Для этого не нужно было иметь особых средств, ибо кавалергарды вели себя скромно (без показного шика). Другое дело — быть женатому, семейному кавалергарду. Холостой мог жить у какой-нибудь тетушки или же на холостяцкой квартире. Он мог довольствоваться одним лакеем или денщиком. Женатый же должен был иметь не угол, а приличную, хорошую квартиру в столице и иметь такие средства, чтобы не отставать от требований общепринятого в полковой среде светского образа жизни, да еще вдобавок в условиях столицы. Моя мать опасалась, что не сможет дать мне таких средств. Ей не хотелось, чтобы ее сын довольствовался лишь минимумом того, что было нужно для семейного кавалергарда. По ее понятиям, он должен был иметь нечто большее» (*Трубецкой В.С., князь.* Записки кирасира. С. 371—372).

[2] *Посторонкин В.* Тухачевский. С. 89.

По свидетельству человека, знавшего его в юнкерский период, портупей-юнкер М. Тухачевский в 1913 г. во время Романовских торжеств (празднования 300-летия Дома Романовых) нес караульную службу в Кремлевском дворце. «Здесь же впервые Тухачевский был представлен Его Величеству, обратившему внимание на службу его и, особенно, на действительно редкий случай для младшего юнкера получения портупей-юнкерского звания. Государь выразил удовольствие, ознакомившись из краткого доклада ротного командира о служебной деятельности портупей-юнкера Тухачевского»[1]. Была ли затем прямая рекомендация М. Тухачевского царем в гвардию или нет, не столь существенно, если уже сложилось мнение о юнкере, отмеченном вниманием Николая II. Этот случай оказался эпизодом, но весьма характерным, хотя, очевидно, не усилившим любовь М. Тухачевского к царю.

Известны факты совершенно иного отношения будущего маршала к Николаю II. Один из приятелей М. Тухачевского по кадетскому корпусу вспоминал, как в 1912 г., во время «Бородинских торжеств» в Москве, во время парада и прохождения Николая II вдоль строя кадет М. Тухачевский шепнул своему товарищу, указывая на монарха: «Вот бы его убить!»[2] Наверное, это был юношеский эпатаж, навеянный демонической героикой эсеровских «подвигов», или очередная шалость, что было свойственно будущему маршалу, но и они показательны. К этому свидетельству примыкает еще одно, относящееся к тому же году.

Н. Кулябко, познакомившись именно тогда с семейством Тухачевских, по собственному признанию, «не без предубеждения отнесся к юнкеру Тухачевскому. «Будущая опора трона», — подумал я о нем. Однако не кто иной, как сам Михаил Николаевич, тут же заставил меня усомниться в правильности этого моего предположения. Братья сообщили Михаилу, что они готовятся к посещению Кремлевского дворца, где обязательно будут «августейшие» особы. К моему удивлению, он встретил это сообщение довольно скептически. — Что же, ты не пойдешь? — удивились братья. — Меня это не очень интересует, — пожал плечами Михаил и заторопился к себе в училище. Из дома мы вышли вместе.

---

[1] *Посторонкин В.* Тухачевский. С. 89.

[2] *Бенуа Г.* Воспоминания // Простор. 1967. № 9.

По дороге завели разговор о революции пятого года. Михаил с острым интересом расспрашивал меня, и я окончательно убедился, что мой спутник — юноша серьезный, думающий, отнюдь не разделяющий верноподданнических взглядов, характерных для большинства кадетов и юнкеров. Постепенно я все больше проникался симпатией к Михаилу Николаевичу. Наши беседы раз от разу становились все более откровенными. Михаил не скрывал своего критического отношения к самодержавию и так называемому «высшему обществу»[1].

Участие Николая II в судьбе М. Тухачевского могло лишь усилить в нем ощущение «незаконнорожденности» в обстановке сохранявших господство традиций «петербургской империи». В русле достоевско-бахтинских размышлений позволю себе назвать это ощущение «незаконнорожденности» «комплексом Смердякова».

Смердяков — четвертый, незаконнорожденный, из братьев Карамазовых — существо с внутренним, драматичным диалогом-ссорой, «войной» высокородного и низменного, «подлого», «ничтожного», ни тем, ни другим в полной мере не являющимся. Его обуревает хроническая тоска по целостности, по «воплощению». Это — призрак, стремящийся обрести лицо. Это существо — вне закона, отторгнутое культурно-исторической традицией. Это — «культурная аномалия», «болезнь Культуры» и традиции. Это — маргинал. Это — «оборотень». Это, несомненно, фигура «карнавальная» по существу. Это — шут. Это — отторжение от традиции, культурного космоса, от «Бога», от «Отца». Это — отторжение, таким образом, от «блага» и «добра». Это — дитя Хаоса и Беззакония, Войны и Смерти. Это — существо, несущее Смерть и Разрушение. «Демон», погруженный в «небытие», в «незаконность», в «произвол», во «зло».

И Смердяков, восхищаясь Иваном Карамазовым, как П. Верховенский, Н. Бердяев и М. Тухачевский восхищаются Н. Ставрогиным, идеализирует в своем кумире как раз то, что несет разрушение культурно-исторической традиции, «отчества», карамазовский рационализм-революционаризм. «Путь безбожного свое-

---

[1] *Кулябко И.Н.* Я рекомендовал его в партию // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 26—27.

волия человека, — заметил Н. Бердяев, — должен вести к отцеубийству, к отрицанию отчества. Революция всегда ведь есть отцеубийство»[1]. Смердяков, рождением своим поставленный вне закона, то есть «вне Отца», вне «отечества», устремлен к своему идеалу противоотеческому, высокомерно-рационалистическому, разрушительному аристократизму. Он устремлен к «обаятельному», завораживающему «аристократу в демократии». Думается, эта формула стала доминантной в психокультурном настрое М. Тухачевского, прямо или косвенно предопределявшей его «нравственную бесчувственность» и склонность к эстетическим приоритетам. В контексте вышесказанного становится более понятной и устойчивость ментально-мировоззренческой формулы М. Тухачевского, сквозным образом определявшей его поведенческую модель, — «аристократ в демократии обаятелен». Попранный революцией «аристократизм» допускается в качестве формулы поведения для М. Тухачевского в порядке индивидуального исключения, ибо он с лихвой компенсируется для революции его «военно-революционными услугами». Таким образом, выделяется его «индивидуальная неповторимость», его «оригинальность», его «избранность». Таким образом компенсируется его «комплекс бастарда», «комплекс Смердякова». Революция — это разрушение, война, получающая свое нравственное оправдание лишь в «светлом будущем», в грядущем «царстве справедливости», в будущем «царстве Божием на земле», «земном Рае». Если же таковой веры нет, если натура, личность, индивид «живет разрушением, войной», если индивид пребывает в духовном настрое «огневого апокалиптического экстаза и оргиазма», если «дионисийская» природа в его личности превалирует над «аполлоновской», то негативная идентичность в нем может находит проявления и в поклонении «демонам», в демонстративном кощунстве над «божественными» ценностями. Личности импонирует его причастность к «демоническому», свойственно любование собственным «демонизмом». «Демон», как уже говорилось выше, как-то назвал М. Тухачевского в

---

[1] *Бердяев Н.А.* Миросозерцание Достоевского // *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 2. С. 69. Вспоминается цитированное выше высказывание кадета М. Тухачевского в отношении царя: «Вот бы его убить!», то есть убить «царя-батюшку».

разговоре И. Сталин, пользуясь, вероятно, «семинаристским» семантическим рядом[1].

«Я — не христианин, — эпатировал 23-летний подпоручик своего собеседника, французского лейтенанта Р. Рура в плену, — больше того, я даже ненавижу нашего Владимира Святого, который крестил Русь, отдав ее во власть западной цивилизации. Мы должны были сохранить наше грубое язычество, наше варварство...»[2] «Однажды, — вспоминал П. Фервак, — я застал Михаила Тухачевского очень увлеченного конструированием из цветного картона страшного идола. Горящие глаза, вылезающие из орбит, причудливый и ужасный нос. Рот зиял черным отверстием. Подобие митры держалось наклеенным на голову с огромными ушами. Руки сжимали шар или бомбу, что именно, точно не знаю. Распухшие ноги исчезали в красном постаменте... Тухачевский пояснил: «Это — Перун. Могущественная личность. Это — бог войны и смерти»[3]. И Михаил встал перед ним на колени с комической серьезностью. Я захохотал. «Не надо смеяться, — сказал он, поднявшись с колен. — Я же вам сказал, что славянам нужна новая религия. Им дают марксизм, но в этой теологии слишком много модернизма и цивилизации. Можно скрасить эту сторону марксизма, возвратившись одновременно к нашим славянским богам, которых христианство лишило их свойств и их силы, но которые они вновь приобретут. Есть Даждь-бог — бог Солнца, Стрибог — бог Ветра, Велес — бог искусств и поэзии, наконец, Перун — бог грома и молнии. После раздумий я остановился на Перуне, поскольку марксизм, победив в России, развяжет беспощадные войны между людьми. Перуну я буду каждый день оказывать почести»[4]. Подтверждая свидетельства французского лейтенанта, офицеры-однополчане вспоминали, что в октябре 1917 г. М. Тухачевский «из плена принес с собой маленьких деревянных идольчиков. Сам их там вырезал, сам производил перед ними какие-то ритуальные молебствия, просил в чем-то их помощи. Рассказывает об этом товарищам, и непонятно: в самом деле он это серьезно или смеется.

---

[1] *Никулин Л.* Тухачевский. С. 92.

[2] *Fervacque P.* Op. cit. P. 19.

[3] Ibid. P. 73—74.

[4] Ibid. P. 74.

Над кем? Над собой, над ними?.. Впрочем, ведь он всегда утверждал, что Крещенье Руси преступлением было. Что следовало оставаться такими, как были славяне, сохраняя верность Перуну. Но все принимали это за мальчишеское оригинальничание... А тут... Кто его разберет...»[1]

По свидетельству Л. Сабанеева, «когда Тухачевский стал «персоной», членом Реввоенсовета и командармом, им был составлен проект уничтожения христианства и восстановления древнего язычества, как натуральной религии. Докладная записка о том, чтобы в РСФСР объявить язычество государственной религией, была подана Тухачевским в Совнарком». Л. Сабанеев, хорошо знавший «красного Бонапарта», считал, что «он явно издевался, но в малом Совнаркоме его проект был поставлен на повестку дня и серьезно обсуждался»[2]. Далее Л. Сабанеев вспоминал о реакции на это: «Тухачевскому только это и было нужно. Он был счастлив, как школьник, которому удалась шалость»[3].

Известно, что в бытность его командующим Западным фронтом в 1922—1924 гг. у М. Тухачевского была собака, которую он, кощунствуя и забавляясь, назвал «Христосик»[4]. Еще ранее, в плену М. Тухачевский рассказывал своему французскому приятелю: «У нас была француженка-гувернантка, которую я выводил из себя. Я и мои братья дали трем котам в доме священные имена Отца, Сына и Святого Духа. И когда мы их искали, мы издавали ужасные вопли: «Где этот черт Бог Отец?» Мама сердилась, но не очень, а гувернантка-француженка осыпала нас проклятиями»[5].

Подобного же рода была музыкальная шутка, когда с приятелем, известным музыкантом Н. Жиляевым М. Тухачевский сочинил «марксистскую файв-о-клокию». Такое откровенное издева-

---

[1] *Толстой С.Н.* Осужденный жить. Автобиографическая повесть. М., 1998. С. 212—213.

[2] Цит. по: *Опишня И.* Тухачевский и Скоблин. Из истории одного предательства // Возрождение. Париж, 1955. Тетрадь № 39. С. 110.

[3] Там же.

[4] *Соколов Б.* Михаил Тухачевский. Жизнь и смерть красного маршала. Смоленск, 1999. С.

[5] *Норд Л.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском // Возрождение. Тетрадь № ...

тельство, теперь уже над «революционной верой», шокировало даже противобольшевистски настроенных людей[1]. По воспоминаниям П. Фервака, «кощунствуя спокойно и весело, он затем галантно осведомлялся: «Я вас не шокирую? Мне было бы очень досадно...»[2] К слову замечу, что будущий маршал с гимназических времен славился своими проделками и шалостями, за которые частенько весьма сурово наказывался и дома, и в гимназии. «Скучая во время долгого окопного сидения, — рассказывали его приятели-офицеры, — Тухачевский смастерил лук-самострел и посылал в недалекие немецкие окопы записки обидного содержания. В промежутках между сражениями такими же записками договаривались о перемириях для уборки раненых или убитых, оставшихся между окопами. Об этой затейливой выдумке простодушно вспоминали и позже»[3].

В целом же все это было типичным проявлением «карнавальной культуры». Впрочем, замечу кстати, «карнавальна» по существу сама формула поведения — «аристократ в демократии». Очевидно «карнавальна» и «смердяковская личина». Напоминая его явные предпочтения эстетическим приоритетам перед моральными, хочу обратить внимание на то, что именно в этой формуле (эстетической по сути своей) уже совершенно отчетливо обнаруживается его склонность к «эстетике диссонанса». В этом же отношении мне представляется весьма любопытным и характерным диалог между М. Тухачевским, только что успешно подавившим Кронштадтское восстание, и Главкомом С. Каменевым. Примечательна стилистика и своеобразная метафоричность их переговоров по прямому проводу.

«ТУХАЧЕВСКИЙ: ...В общем, полагаю, что наша гастроль здесь закончилась. Разрешите возвратиться восвояси.

ГЛАВКОМ: Ваша гастроль блестяще закончена, в чем я и не сомневался, когда привлекал вас к сотрудничеству в этой истории...

ТУХАЧЕВСКИЙ: ...Я очень прошу меня не задерживать дольше завтрашнего дня...

---

[1] *Опишня* И. Указ. соч. С. 110.

[2] *Fervacque P.* Op. cit. P. 20.

[3] *Толстой С.Н.* Осужденный жить. С. 177—178.

ГЛАВКОМ: Приму все меры, чтобы удовлетворить ваше желание... Поздравляю вас еще раз...»[1]

Этот диалог очень напоминает разговор между заезжей «звездой сцены» и провинциальным культорганизатором. Он «премного благодарен» за «щедрые услуги», коих «столь недостойны» «убогие ценители» высокого искусства из захолустного «бомонда». Командующий же Западным фронтом М. Тухачевский представляется артистом, который, как обычно, до банальности блестяще провел свой бенефис на сцене провинциального театра или клуба и торопится на гастроли в другие места. Примечателен в этом контексте разговор по прямому проводу между Главкомом С. Каменевым и Л. Троцким, состоявшийся тогда же, 18 марта 1921 г., и реакция Л. Троцкого.

«КАМЕНЕВ: Только что по прямому проводу у меня состоялся разговор с Тухачевским. Он сказал, что его гастроль здесь окончилась, и просит разрешения убыть на Западный фронт.

ТРОЦКИЙ: Как, вы сказали, назвал Михаил Николаевич свое пребывание под Кронштадтом — гастролью?

КАМЕНЕВ: Да, так и сказал — гастроль.

ТРОЦКИЙ: Интересное сравнение, но для Тухачевского вполне объяснимое, он же увлекается игрой на скрипке, а в Кронштадте первая скрипка принадлежала ему. Передайте Михаилу Николаевичу мое поздравление и разрешение убыть к прежнему месту службы.

КАМЕНЕВ: Будет исполнено, Лев Давидович»[2].

Вышеотмеченные психокультурные свойства М. Тухачевского, равно как и серия не лишенных своеобразной поэтичности его статей о «революции извне» и «коммунистическом империализме», признанным идеологом коих он считался, были насыщены и предопределены специфической духовной атмосферой, окутывавшей М. Тухачевского с рождения.

«Вольтерьянский» настрой — «если бога нет, то его надо выду-

---

[1] Запись разговора по прямому проводу С. С. Каменева с М.Н. Тухачевским о занятии Кронштадта и об отъезде Тухачевского на Западный фронт. 18 марта 1921 г. // Кронштадтская трагедия 1921 г. Документы. М., 1999. Т. 1, документ № 491. С. 502.

[2] *Краснов В., Дайнес В.* Неизвестный Троцкий. С. 353—354.

мать» — усвоенный и унаследованный М. Тухачевским от отца[1], родственные связи семейства с французами (Делоне) и итальянцами (Липранди)[2], свободное владение французским языком создавали весьма характерный культурный фон. В семействе Тухачевских господствовал дух творческого многообразия, интеллектуальной разбросанности и в то же время изящного эстетизма, даже богемности, живым воплощением каковых были отец и бабушка[3]. Все это позволило генералу К. Шпальке отметить в М. Тухачевском, спустя десятилетия, бросавшиеся в глаза, особенно, как вспоминал генерал, на фоне «неотесанных пролетарских коллег его», прекрасные специальные знания и светские манеры[4], — производившие впечатление на немецкий и французский (аристократический по преимуществу) генералитет. И как весьма выразительно резюмировал свою характеристику М. Тухачевского генерал К. Шпальке, «всем своим типом он больше соответствовал идеалу элегантного и остроумного офицера французского генерального штаба...»[5]

Предания о «латинских предках», подкрепленные художественно-поэтической ориентацией, во многом благодаря родственным и дружеским отношениям семейства с И. Тургеневым, Л. Толстым, А. Фетом, Киреевскими[6], были «оплодотворены» всепроникающим воздействием музыкального гения А. Скрябина. Он был лично близок семейству через их бабушку, друзей композитора Л. Сабанеева и Н. Жиляева — активных пропагандистов, знатоков его музыки и музыкальных воспитателей братьев Тухачевских[7]. «Музыка — вторая моя страсть после военного дела», —

---

[1] *Никулин Л.* Тухачевский. С. 12—14, 20; *Арватова-Тухачевская Е.П., Тухачевская О.Н.* Он любил жизнь // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 12.

[2] Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 102.

[3] *Никулин Л.* Тухачевский. С. 14; Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 13.

[4] *Шпальке К.* Источники истории о Михаиле Тухачевском. С. 38.

[5] Там же.

[6] Возрождение. 1936. 13 февраля. С. 2; *Никулин Л.* Тухачевский. С. 14, 18; РГВИА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 40. Л. 3.

[7] Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 13; *Никулин Л.* Тухачевский. С. 14; *Опишня И.* Тухачевский и Скоблин. Из истории одного предательства // Возрождение. Париж, 1955. Тетрадь № 39. С. 110.

часто повторял М. Тухачевский[1]. Возможно, что на подсознательном уровне именно скрябинская музыкальная апокалиптика, преображая «демона войны», овладевшего М. Тухачевским, рождала и первую его страсть.

«Для меня война — все! Или погибнуть, или отличиться, сделать себе карьеру, достигнуть сразу того, что в мирное время невозможно! Вы пришли сюда за идею помощи России. Я, чтобы выдвинуться, достичь той цели, которую себе наметил. В войне мое будущее, моя карьера, моя цель жизни!» — откровенничал гвардии подпоручик М. Тухачевский осенью 1914 г.[2]. Полемизируя с однополчанином капитаном князем Ф. Касаткиным-Ростовским, подпоручик М. Тухачевский обозначил свой идеал. «...Помните ландскнехтов? — с увлечением рассуждал он. — Дрались они, где и когда возможно за тех, кто их нанимает и главное не для каких-то высоких идей, которые вами руководят, а для себя, чтобы взять от войны все, что она может дать! Для меня это главное!»[3]. Так в сознании М. Тухачевского действовала еще одна поведенческая ориентация — «ландскнехт», «наемник». Однако эта поведенческая ориентация все-таки была производной от «комплекса Смердякова». Другим его как бы «оборотным» проявлением и поведенческим ориентиром был повышенный интерес к родословной по отцу.

5

Родословная Тухачевских

...Специфическое социальное окружение, особенно в лейб-гвардии Семеновском полку, уязвляло самолюбие бедного, без связей подпоручика М. Тухачевского, к тому же «худородного» по матери, и это ощущение собственной «незаконнорожденности» ес-

---

[1] *Ладухин В.Н.* Славное имя // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и товарищей. С. 185.

[2] *«Антар».* Главковерх Тухачевский... ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3335. См. также: Семеновский бюллетень. 1935. № 15; Часовой. 1936. 15 января, № 162. С. 12.

[3] *Касаткин-Ростовский Ф.* Воспоминания о Тухачевском // Семеновский бюллетень. 1935. № 15; Часовой. 1936. № 162. С. 12.

тественно могло компенсироваться повышенным вниманием к родословной по отцу, аристократической асоциальностью и обостренным честолюбием. Все это отражалось на его поведении и на его отношениях с окружавшими. По свидетельству лиц, знавших М. Тухачевского еще в гимназические годы в Пензе, «заносчивый, необщительный, холодный, пренебрежительный Тухачевский держался от всех «на дистанции», не смешиваясь с массой товарищей. У него был лишь свой «дворянский кружок», где велись разговоры о родословных древах, древности родов, гербах и геральдике»[1].

Согласно старинным, признанными достоверными и официальными, родословцам Тухачевские происходили (как и Толстые, Дурново, Молчановы, Молоствовы, Васильчиковы, Даниловы, Пещуровы и Федцовы) от некого графа Индриса, выехавшего с сыновьями «из цесарской земли»[2]. В семейном кругу Тухачевских бытовало весьма устойчивое предание, пользовавшееся репутацией вполне достоверного, что граф Индрис был сыном графа Фландрии Балдуина (Бодуэна) IX (1171—1205?), из рода французских королей, участника 4-го крестового похода, одного из создателей Латинской империи, возникшей на месте поверженной Византийской империи[3]. В силу своего происхождения и принадлежности к королевскому роду Балдуин IX был в 1205 г. избран первым императором Латинской империи. Во время сражения с болгарским царем Калояном он попал к нему в плен и там погиб при весьма темных обстоятельствах. Согласно семейным преданиям, его сын граф Индрис с сыновьями и вассалами в середине XIV в. попадает на службу к Черниговскому князю[4]. Оттуда примерно в середине XIV в. его потомки перемещаются в Московское княжество. Во всяком случае, по семейной поколенной росписи, Богдан Григорьевич Тухачевский уже получил от великого князя Московского Василия II Темного вотчины как «выезжий» боярин, в том числе Тухачев и Тухачевскую волость[5].

---

[1] *Гуль Р.* Тухачевский // *Гуль Р.* Красные маршалы. М., 1995. С. 435.

[2] РГВИА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 3. Л. 1—46.

[3] *Ikonnikov N.* La noblesse de Russie. Paris, 1962; *Butson G.* The Tsar...s lieutenant the soviet marshal. N.Y., 1984. P. 7—8.

[4] Ibid.

[5] *Дайнес В.О.* Михаил Николаевич Тухачевский // Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 38—39.

По одной версии, их родоначальник, Индрис, был литовским воином, жившим в XIV в. По другой — он был воином немецким, тоже жившим в XIV в. Однако третья версия, принимавшаяся в качестве официальной, указывала на более древние и более благородные корни этого рода.

Согласно 5-й и 6-й частям родословных книг Московской, Рязанской, Орловской, Калужской и Казанской губерний, в соответствии с информацией из старинных родословцев, Толстые происходят «от мужа честна Индриса, выехавшего из немец, из Цесарской земли в Чернигов» в 1353 г. с двумя сыновьями и дружиною из трех тысяч человек. При крещении Индрис получил имя Леонтия и был родоначальником нескольких дворянских фамилий. Его правнук Андрей Харитонович, переселившийся из Чернигова в Москву и получивший от Великого князя Василия Темного прозвище Толстого, был родоначальником Толстых[1].

Согласно официально признанной родословной Тухачевских, сохранившейся в архивных документах, а также в 6-й части Дворянской родословной книги дворян Московской губернии, род Тухачевских происходил от графа Индриса, «приписанного в Чернигове в княжестве великого князя Мстислава Владимировича, из цесарской семьи. Там (Индрис) крестился, приняв имя Константина. У Константина сын Харитон. Внуки Индриса: Андреян, Осип, Иван, Карп. Андреян и Карп приехали в Москву. От Андреяна и Карпа пошли роды»[2]. В 6-й части родословной книги Московской губернии уточняется, что потомки Индриса переселились из Чернигова в Москву в XV в.[3]. В «поколенной росписи», хранившейся в семействе Тухачевских, граф Идрис (или Индрис) был выходцем из Священной Римской империи и поступил на службу к великому князю киевскому Мстиславу Владимировичу в 1251 г. В седьмом поколении потомок Индриса Богдан Григорьевич был пожалован великим князем Московским Василием II Темным (1425—1462) селами Скорино и Тухачевым Серпейского уезда, а

---

[1] Толстые // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1901. Т. 33. С. 461.

[2] РГВИА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

[3] Тухачевские // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902. Т. 34. С. 256.

также волостью Тухачевской (станом) с деревнями в Московском уезде и прозван Тухачевским[1]. Впрочем, прибытие графа Индриса в Чернигов в 1251 г. вызывает сомнение в силу того, что в это время на Руси не было великого князя Мстислава Владимировича. Единственный князь с такими именем и отчеством правил Русью в 1125—1132 гг. Ни великого князя, ни черниговского князя с именем Мстислав (если допустить путаницу с отчеством) в 1251 г. не было. Последний великий князь Мстислав (Романович) погиб в битве на р. Калке в 1224 г. Поэтому Индрис мог прибыть на Русь, в Чернигов, либо до 1224 г. (что возможно), либо между 1125 и 1132 гг. (эту версию я рассмотрю ниже), либо в 1251 г., но тогда при каком-то ином князе. Вообще говоря, прибытие Индриса в Чернигов вскоре после прокатившегося по Северским землям монголо-татарского нашествия, в 1251 г., маловероятно.

Граф Индрис был связан узами родства не только с графами Фландрии, но также с королевскими домами Франции и Англии — с Капетингами и Плантагенетами. Он по матери приходился правнуком французскому королю Людовику VII Младшему, который правил Францией с 1137 по 1180 г., и его первой жене, знаменитой Альеноре, герцогине Аквитанской, которая была матерью еще более знаменитого английского короля Ричарда I Львиное Сердце (1157—1199), который правил Англией с 1189 по 1199 г. и являлся одним из вождей 3-го крестового похода. Таким образом, он приходился этому герою-королю внучатым племянником. Такие родственные отношения в глубокой древности и в Европе, несомненно, должны были импонировать всем потомкам Индриса в России.

Я не буду углубляться в историю рода Тухачевских. В контексте мировоззрения М. Тухачевского важно было не то, насколько предания соответствовали реальным историческим фактам, а то, что и семья, и сам М. Тухачевский были вполне убеждены в их достоверности. Более того, он очень хотел верить в их достоверность. Убежденность, что он, М. Тухачевский, является потомком известного крестоносного вождя, графа Фландрского, первого императора Латинской империи в Византии, отпрыска королевской

---

[1] Информация дается по статье: *Дайнес В.О.* Михаил Николаевич Тухачевский // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 38.

династии Капетингов, компенсировало ощущение ущербности происхождения по матери. Все это, несомненно, влияло на его отношения с окружающими. Видимо, в данном случае срабатывал психокультурный феномен, сходный с тем, который время от времени проявлялся в семействе Плантагенетов. Легендарными семейными преданиями о «демоническом» происхождении своего рода короли-Плантагенеты снимали с себя индивидуально-личностную ответственность за собственные поступки (и преступления), мотивируя все своим происхождением, своей «природой» и «породой»[1].

Впрочем, в 20—30-е годы, особенно за рубежом, в частности в Германии, было распространено мнение, что Тухачевский принадлежал к польской аристократии[2]. Это, видимо, было обусловлено звучанием его фамилии. С другой стороны, известно, что в начале XVII в. Тухачевских иногда числили в составе так называемой «смоленской шляхты»[3]. Смоленск и его округа в XV—XVII вв. были объектом постоянных споров и войн между Россией и Польшей, переходя в состав то одного, то другого государства. Эти обстоятельства, несомненно, послужили основанием для причисления Тухачевских к «смоленской» или шире — к «польской шляхте». Выше я достаточно подробно изложил официальную версию происхождения и родословной М. Тухачевского. Мнение же о его принадлежности к «польской аристократии» интересно и важно, прежде всего, в том смысле, что обеспечило ему несомненные симпатии со стороны «соплеменников». Вокруг него группировались бывшие офицеры, генштабисты, красные командиры, среди которых было много поляков или представителей полонизированных литовско-белорусских фамилий. Легенда о «польском» происхождении М. Тухачевского, несомненно, поощрялась и даже распространялась советскими спецслужбами. В ее контексте, видимо, следует понимать и один из мотивов назначения М. Туха-

---

[1] *Добиаш-Рождественская О.* Ричард Львиное Сердце. *Кесслер У.* Ричард I Львиное Сердце. М., 1997. С. 159, 189; *Гарднер Дж.* Жизнь и время Чосера. М., 1986. С. 139.

[2] *Шпальке К.* Источники истории о Михаиле Тухачевском // Гутен Таг. 1988. № 8. С. 38.

[3] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1990. Книга 5, т. 9—10. С. 101.

чевского командующим Западным фронтом в 1920 г. Для «польских» поляков и польской армии М. Тухачевский и многие другие красные командиры в подчинении должны были восприниматься как «свои», а не «москали».

6

«Наполеоновский комплекс»?

...«Личностный кризис идентичности отягощается... — напомню мнение психоаналитиков, — во время кризиса исторического». Для М. Тухачевского он выразился в войне и революции. Учитывая весь вышеочерченный его психокультурный архетип, положительное для него разрешение этого кризиса социальной идентичности могло воплотиться в «книжном» по своему происхождению мифе — в «Наполеоне».

...Осенью 1916 г., после очередного неудачного побега из плена, он оказался в Ингольштадте — интернациональном лагере для особо беспокойных военнопленных офицеров-«бегунов» из армий Антанты. Французский лейтенант, вспоминая позже первое впечатление, которое произвел на него появившийся в замке «новичок», лейб-гвардии Семеновского полка подпоручик Михаил Тухачевский, отмечал: «Это был молодой человек, аристократически-раскованный, худой, но весьма изящный в своей потрепанной форме. Бледность, латинские черты лица, прядь волос, свисавшая на лоб, — придавали ему заметное сходство с Бонапартом времен Итальянского похода»[1]. Известный исследователь русской дворянской культуры XVIII—XIX вв. Ю. Лотман в связи с подобными явлениями писал: «...Интересны случаи, когда именно природой данная внешность истолковывается человеком как знак, т. е. когда человек подходит к себе самому, как к некоторому сообщению, смысл которого ему самому предстоит расшифровать (т. е. понять по своей внешности свое предназначение в истории, судьбе человечества и прочее)»[2]. Ю. Лотман приводит пример аналогич-

---

[1] *Fervacque P.* Op. cit. P. 13.

[2] *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX вв.). СПб, 1994. С. 382.

ной с «казусом Тухачевского» функциональной зависимости поведения и внешности: «казус Пестеля»[1]. Это, как считают психоаналитики, особенно характерно для молодых людей. «Подросток может долгое время проводить перед зеркалом, разговаривать с самим собой вслух, ведет дневник — он как бы осваивает себя, заново с собой знакомится»[2]. Это обстоятельство, конечно же, не могло быть не замеченным самим М. Тухачевским. Он мог «находить» сходство с «корсиканцем» и в своем происхождении: как и у Бонапарта, у него отец тоже принадлежал к старинному дворянскому роду, а мать была простой женщиной. Еще в юности, по воспоминаниям Л. Сабанеева, «он снимался в позах Наполеона, усваивал себе надменное выражение лица»[3]. Развитие своеобразного романтического «наполеонизма» в мировоззренческих установках русских офицеров подкреплялось неофициальным «культом Наполеона» в курсах по военной истории в кадетских корпусах и военных училищах. Это обстоятельство, наряду с другими мотивами, вероятно, также стимулировало интерес молодого М. Тухачевского к жизнеописаниям Наполеона. Иными словами, образом для уподобления, для самоидентификации М. Тухачевскому служил, прежде всего, несомненно, «книжный Наполеон». По свидетельству П. Фервака, в плену он с увлечением читал «Мемориал Святой Елены» Лас-Каза[4]. Одной из его любимых книг была «Война и мир» Л. Толстого, а литературным героем — весьма «соблазнительный» образ для подражания — князя Андрея Бол-

---

[1] «Вот запись священника Мысловского, познакомившегося с Пестелем в крепости: «Имел от роду более 33 лет, среднего роста, лица белого и приятного, с значительными чертами и физиономию; быстр, решителен, красноречив в высшей степени; математик глубокий, тактик военный превосходный; увертками, телодвижением, ростом, даже лицом очень походил на Наполеона. И сие-то самое сходство с великим человеком, всеми знавшими Пестеля единогласно утвержденное, было причиною всех сумасбродств и самых преступлений». Аналогичные суждения окружавших вызывало поведение другого декабриста — С. Муравьева-Апостола. «Сергей Муравьев-Апостол... имел к тому же еще необычайное сходство с Наполеоном I, — вспоминала В. Оленина, — что, наверное, немало разыгрывало его воображение». (*Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. С. 382.)

[2] *Эриксон Э.Г.* Молодой Лютер. С. 15.

[3] *Опишня И.* Тухачевский и Скоблин... С. 110.

[4] *Fervacqe P.* Le chef de l...armee Rouge Mikail Toukatchewski. P. 33.

конского[1]. «Соблазнительность» его заключалась и в том, что его «аристократизм» романтически «просветлял» в нем Наполеона.

Князь Ф. Касаткин-Ростовский ссылается в своих воспоминаниях на то, что «говорят, Тухачевский никогда не расстается с историей этого великого полководца»[2]. В одной из разведсводок зарубежного белогвардейского центра в 1922 г. значилось, что М. Тухачевский «мнит себя русским Наполеоном. Даже говорят, он во всем старается подражать Наполеону и постоянно читает его жизнеописания и историю». Стилистика приказов М. Тухачевского в период Гражданской войны свидетельствует о несомненном «наполеоновском» на них влиянии.

Однако не только фактор «книги» играл роль в возникновении «наполеоновского» варианта социальной идентификации и самоидентификации М. Тухачевского в обстановке исторического кризиса, но и фактор близкого окружения. Если не все, то многие близкие ему люди, внушавшие ему, пусть даже скрытый, авторитет, собственным мнением влияли на формирование его «самомнения». Л. Норд свидетельствовала об одном, в этом смысле, весьма примечательном разговоре с М. Тухачевским.

«Слушай! — как-то признался он. — Военным делом я стал интересоваться очень рано. Этим я заразился от двоюродного деда, который был до мозга костей военным человеком. Он был генералом. Я всегда смотрел на него с восторгом и с увлечением слушал его рассказы о сражениях. Дед это заметил и раз, посадив меня на колени к себе, мне было тогда лет семь—восемь, он спросил: «Ну, Мишук, а кем ты хочешь быть?» «Генералом», — не задумываясь, ответил я. «Ишь ты! — рассмеялся он. — Да ты у нас прямо Бонапарт — сразу в генералы метишь». И с тех пор дед, когда приезжал к нам, спрашивал: «Ну, Бонапарт, как дела?» С легкой руки моего деда меня дома и прозвали «Бонапартом»[3]. Над «наполеоновскими» замашками и «полководческим апломбом» не по чину иронизировали его товарищи по лейб-гвардии Семеновскому полку в 1914 г. После своего первого, но весьма прославившего

---

[1] *Никулин Л.* Тухачевский. С. 18.

[2] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3336.

[3] *Норд Л.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском // Возрождение. Париж, 1957. Тетрадь № 64. С. 63.

его боевого успеха под Кржешовом, по свидетельству князя Ф. Касаткина-Ростовского, «о Тухачевском начали говорить и интересоваться им... Первый боевой успех, конечно, вскружил ему голову и это не могло не отразиться на его отношениях с другими. Его суждения часто делались слишком авторитетными: чуждаясь веселья и шуток, он всегда был холоден и слишком серьезен; часто с апломбом рассуждал о военных операциях и предположениях...»[1]

Встретивший поздней осенью М. Тухачевского В. Посторонкин вспоминал в связи с вышесказанным, что М. Тухачевский «особенно восторженно говорил о своих боевых действиях, о том, что он известен уже в целой дивизии»[2]. Надо полагать, что уже тогда, видимо, полковые приятели с иронией стали называть его «Наполеоном». Таким образом, «зеркало» мнений многих близких людей, в которое в разное время с доверием «вглядывался» М. Тухачевский, стремясь «узнать» и «прочитать» себя, отражало «Наполеона». Однако напомню уже вышесказанное: «личностный кризис идентичности отягощается... во время кризиса исторического». Обостренно переживаемый кризис идентичности подталкивает к решению не только своих собственных, но и социально-исторических проблем. Катастрофа под Варшавой в августе 1920 г., знаменитое «Чудо на Висле» было событием трагическим и роковым для М. Тухачевского, глубоко травмировавшим его самосознание, мировоззрение, его психокультурный архетип, его «наполеоновскую» идентификацию. Памятуя беглую реплику П. Фервака об отсутствии у Тухачевского «натуры Наполеона», следует иметь в виду: Наполеон вырос из рационализма Просвещения, а М. Тухачевский — из «русского декаданса» начала 20-го столетия.

...Важнейшим событием всемирно-исторического масштаба и в то же время судьбы и личностной идентификации М. Тухачевского, как только что отмечено, была Варшавская битва. «Польский», или «Варшавский» поход М. Тухачевского был самым блестящим и самым катастрофичным воплощением советского военного искусства периода «революционной» Гражданской войны со

---

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3336.

[2] *Посторонкин В.П.* Тухачевский. С. 90.

всеми его достижениями и недостатками. Это была полнейшая катастрофа «красного Бонапарта», это было крушение Мировой революции, это было «Чудо на Висле».

Возможность и вероятность выигрыша Варшавской битвы М. Тухачевским не могла быть исключена полностью, однако катастрофическое поражение его войск под Варшавой было необратимо. Его поведение после 1920 г. и «на всю оставшуюся жизнь», несомненно, сохраняло отпечаток этого «душевного ранения», «шрама», нанесенного его психике. По собственным признаниям М. Тухачевского, открывшаяся перед ним во время Варшавской битвы грозная опасность для его левого фланга ужаснула его, и он «...несколько часов оставался в глубоком раздумье[1]. ...Когда Тухачевскому стала ясна картина уже разразившейся катастрофы и когда он уже ничего не мог сделать, он заперся в своем штабном вагоне и весь день никому не показывался на глаза... Долгие годы спустя, в частной беседе он сказал только, что за этот день постарел на десять лет»[2]. Примечательно, что указания на его «молчаливость» как свойство, бросающееся в глаза, относятся уже ко времени после 1920 г. Усилилась, несомненно, и его осторожность. «Чудо на Висле», конечно же, поселило в нем назойливую устремленность к реваншу, к новой войне на Западе. После этого события, развернувшего его «наполеоновскую судьбу» в каком-то неведомом направлении, затуманенном завесой тайны, он должен был все явственнее ощущать, что он не «Наполеон», а *«Тухачевский русской революции» — особый «знак» особого события*. В «мире», поглощаемом им «извне», осмысленном через «книгу» и сконструированном им «в себе», начала смутно прорисовываться пугающая, несопоставимая ни с чем «исторически-одинокая», новая, «его» идентификация — «Тухачевский». Впрочем, когда в его чрезвычайно драматичной судьбе произошло много рожденного его собственной, *«тухачевской»*, природой, «наполеоновские настроения» и ориентиры все-таки остались, правда, скорее всего, на уровне «ментальных привычек».

Итак, вышеизложенные наблюдения позволяют констатировать обусловленность поведения и поступков М. Тухачевского к

---

[1] *Иссерсон Г.* Судьба полководца // Дружба народов. 1988. № 5. С. 184.

[2] Там же. С. 187.

1917 г. несколькими доминирующими психоментальными установками или «индивидуально-культурными архетипами». Это: «Ставрогин» («аристократ в демократии»), «Смердяков», «Наполеон», «наемник-ландскнехт». При более пристальном рассмотрении это разные выражения, в зависимости от ситуации, в сущности, одной модели поведения. Наиболее емким из всех указанных выше «культурных архетипов» поведения М. Тухачевского, «втягивавшим» все остальные, все-таки является *«Ставрогин» — «Аристократ в демократии»*. Именно им, в конечном счете, в значительной мере предопределялся его выбор в моменты экзистенциальных кризисов, рожденных кризисами историческими. Впрочем, спроецированный в революционно-политическую ситуацию, он проявлялся как *«аристократически» интерпретированный «наполеоновский архетип»*.

7

Переход на сторону большевиков. Рождение легенды о «красном Бонапарте»

Один из важнейших моментов в биографии М. Тухачевского, в значительной мере предопределивших его последующую судьбу, конечно же, был переход его на сторону большевиков. Для многих людей, окружавших М. Тухачевского до революции, в Александровском военном училище, в полку, особенно тех, кто оказался в рядах белой армии и в эмиграции, его политический выбор до конца его дней оставался загадкой. Многие пытались обнаружить мотивы такого выбора и давали объяснения ему, подчас исключавшие друг друга. Действительно, несмотря на устоявшиеся официальные факты, период, в который он совершил свой выбор, остается достаточно смутным. Необходимо остановить на нем более пристальное внимание. Это тем более необходимо, что переход М. Тухачевского к большевикам и мотивация этого «поступка» не только, как было сказано выше, предопределял его судьбу, но и был обусловлен свойствами его личности. Впрочем, немаловажную роль в этом событии играло и взаимодействие М. Тухачевского с лицами, его окружавшими. Это момент того самого «бахтинского» диалогического обретения собственной идентификации в

момент социального кризиса, пропущенного «сквозь призму» личности.

Определенные предпосылки переходу М. Тухачевского, аристократа, офицера императорской гвардии, монархиста, на сторону большевиков и Советской власти некоторые мемуаристы и биографы его «нащупывают» задолго до 1917 г. Они полагают, что необходимые для такого поступка настроения в сознании М. Тухачевского складывались постепенно. Несомненно, следует учитывать и бедность гвардейского поручика из старинной дворянской семьи. Это обстоятельство с несомненно присутствовавшим в его психокультурном архетипе «комплексом бастарда», нарастающем ощущении собственной «маргинальности», как бы «пунктирно» намечало один из возможных путей его судьбы, конечно, при определенных обстоятельствах. Однако следует отметить и некоторые более конкретные факты, действовавшие на сознание и лишь подкреплявшиеся подсознанием, ментальностью.

Некоторые биографы считали обстоятельства боя под Кржешовом и его последствия, назовем так, «первым сигналом», вызвавшим неприязнь к режиму и посеявшим сомнения в его справедливости в сознании подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка. «...Под Кржешовом — первое дело, где выявилась безоглядная храбрость Тухачевского, — писал в своем очерке, ему посвященном, Р. Гуль. — Кржешов приказано было взять. Фронтальный бой семеновцев с австрийцами был горяч, упорен, безрезультатен. Командир приказал второму батальону, в шестой роте которого был Тухачевский, идти в обход австрийскому флангу. Батальон обход сделал быстро, незаметно, глубоко, и в решительный момент боя неожиданно появился во фланге австрийцев. Австрийцы смялись, кинулись в отступление, стараясь только взорвать мосты через Сан. Но один из деревянных, приготовленных к взрыву мостов стал «лодийским мостом» Михаила Тухачевского. С 6-й ротой Тухачевский бросился на горящий мост; по горящему мосту пробежала пехота, преследуя смявшихся австрийцев, и пошла в атаку на том берегу. Были взяты пленные и трофеи. В бригаде, в дивизии, в корпусе оценили дело под Кржешовом. О юном подпоручике заговорили однополчане. Но первое дело не только не удовлетворило, а озлобило Тухачевского. Командир полка вызвал капитана Веселаго и подпоручика Тухачевского, пожимая

руки, сообщил, что представляет к наградам: командира роты к Георгиевскому кресту, младшего офицера к Владимиру 4 степени с мечами. Безусый, молчаливый, красивый подпоручик не понравился командиру. Тухачевский счел себя явно обойденным. Захват горящего моста приписывал только себе и этого не скрыл на отдыхе за обедом в офицерском собрании»[1]. Именно Р. Гуль сделал из данного события многозначное умозаключение: «Очень может быть, что даже дорого обошелся старой России этот Владимир с мечами. Он стал первым недовольством Тухачевского старой армией, замершей в иерархии и бюрократизме, не оценивающей «гениальных способностей» будущего красного Бонапарта»[2].

Совершенно очевидно, что одним из главных источников информации по этому событию из биографии М. Тухачевского был его однополчанин полковник князь Ф. Касаткин-Ростовский. Вот как он описывал это событие в своих воспоминаниях о М. Тухачевском в 1922 г. «Первый раз заговорили о Тухачевском, — вспоминал князь, — при взятии нами города Кржешова. Второй батальон, в 6-й роте которого находился Тухачевский, сделав большой обход, неожиданно появился с правого фланга австрийцев, ведших с остальными нашими батальонами фронтальный бой, и принудил их поспешно отступить. Обход был сделан так глубоко и незаметно, что австрийцы растерялись и так поспешно отошли на другой берег реки Сан, что не успели взорвать приготовленный к взрыву деревянный высоководный мост через реку. По этому горящему мосту, преследуя убегающего неприятеля, вбежала на другой берег 6-я рота со своим ротным командиром капитаном Веселаго и Тухачевским. Мост затушили, перерезали провода, подошли другие роты, переправа была закреплена, причем были взяты трофеи и пленные. За этот бой командир роты капитан Веселаго получил Георгиевский крест, Тухачевский — Владимира 4 степени с мечами, чем явно был недоволен, считая, что Георгия заслужил он. С этих пор о Тухачевском начали говорить и интересоваться им»[3].

---

[1] *Гуль Р.* Тухачевский // *Гуль Р.* Красные маршалы. С. 440—441.

[2] Там же. С. 441.

[3] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3335.

Попытку дать объективное изложение и оценку боя под Кржешовом 2 сентября 1914 г. сделал другой однополчанин М. Тухачевского. Полковник А. Зайцов, известный в эмиграции русский военный историк и ученый, так излагал события. «Взять в лоб Кржешовский тет-де-пон, однако, несмотря на потери и доблестное фронтальное наступление наших батальонов, было нам не по силам. Слава Кржешовского боя, разделенная всеми его участниками, все же в особенности принадлежит нашему 2-му батальону, командир которого полковник Вешняков решил, по собственному почину, обойти Кржешовский тет-де-пон и атаковать его с юго-востока, прорываясь вдоль Сана к переправе. Командир 6-й роты капитан Веселаго, во главе своей роты, бросился на горящий мост и, перейдя по нему р. Сан, овладел переправой. Кржешов пал, и Семеновцы перешли через р. Сан, захватывая пленных, пулеметы и трофеи. Смелый почин нашего 2-го батальона и удар 6-й роты дали нам Кржешовский тет-де-пон и сломили фронт сопротивления австрийцев по Сану»[1]. Как результат этой частной победы, этого тактического успеха — «на следующий день, 3 сентября, 1-я австрийская армия оставила фронт р. Сана и начала свой отход на подступы к Кракову, за реку Дунаец (в западной Галиции)»[2].

А. Зайцов не упоминает даже имени подпоручика М. Тухачевского. Возможно, казалось неэтичным вспоминать об «изменнике». Однако из его изложения становится ясным, что инициатива захватить мост возникла на месте, в конкретно сложившейся ситуации, на страх и риск командования 6-й роты. Полковник князь Ф. Касаткин-Ростовский, однокашник и сверстник капитана Ф. Веселаго по Пажескому корпусу, потому и знал хорошо М. Тухачевского, что мог получить о нем информацию от командира роты. Этим, кстати замечу, видимо, и объясняется, почему именно он оказался главным мемуаристом М. Тухачевского в пору службы его в лейб-гвардии Семеновском полку. Потому он и столь подробно описал сам бой. Это было, собственно говоря, описание самого капитана Ф. Веселаго. Надо полагать, что оба офицера — капитан Ф. Веселаго и подпоручик М. Тухачевский бежали по горящему мосту во главе своих солдат. Более того, скорее всего,

---

[1] *Зайцов А.А.* Семеновцы в 1914 году. С. 32—33.

[2] Там же. С. 34.

зная характер М. Тухачевского, можно с изрядной долей уверенности утверждать, что именно молодой, честолюбивый и еще не очень осторожный подпоручик и был инициатором этого боевого решения. Он же и пошел первым со своим взводом или рядом с капитаном. Потому и считал себя незаслуженно обойденным. Незаслуженно не потому, что капитан Ф. Веселаго был награжден Георгием, а потому, что эту высокую награду получил командир батальона. Высказанные соображения находят почти прямое подтверждение в одном из сентябрьских номеров газеты «Русское слово». В газете, пусть с неточностями, но изложено было «свежее» впечатление о событии и главных действующих лицах. Еще не было ни плена, ни Революции, ни Гражданской войны. Гвардейский подпоручик М. Тухачевский был еще одним из тысяч русских офицеров, воевавших на фронте. Так вот, в газете «Русское слово» было напечатано: «Подпоручик Тухачевский и поручик Веселаго взорвали мост в тылу у неприятеля, судьба героев неизвестна»[1]. Следует обратить внимание на примечательный штрих в тексте заметки: первым из «героев» упомянут офицер, младший по чину, подпоручик М. Тухачевский. Это значит, что корреспонденту газеты было сообщено, или в донесении излагался подлинный, первоначальный «рельеф» события, не отредактированный сознанием мемуаристов и военных историков под влиянием идейно-политических установок и личных симпатий и антипатий. У М. Тухачевского, видимо, имелись определенные мотивы выражать недовольство в распределении наград «героям» события. Полковник Вешняков приказ о взятии моста не отдавал и тем более в его взятии участия не принимал. Несомненно, с подпоручиком М. Тухачевским обошлись несправедливо. Несомненно, отсюда могла возникнуть очень сильная обида на непосредственное командование и на порядки, господствовавшие в армии. Несомненно, это событие могло стать сильным толчком, ставшим одной из моральных мотиваций для М. Тухачевского в решении уйти к большевикам. Но лишь одной, не самостоятельной и не решающей. Все-таки это решение он принимал не осенью 1914 г., а осенью 1917 — весной 1918 гг.

---

[1] Цит. по кн.: *Никулина Л.* Тухачевский. С. 30.

Князь Ф. Касаткин-Ростовский так описывает судьбу М. Тухачевского, начиная с Ломжинского боя 19 февраля 1915 г. «Тухачевский, как передавали случайно вырвавшиеся из немецкого кольца люди, в минуту окружения, по-видимому, спал в бурке, в окопе. Когда началась стрельба, видели, как он выхватил шашку и, стреляя из револьвера, отбивался от немцев. Потом стало известно, что он был взят в плен, откуда три раза пытался бежать, но неудачно. После Брест-Литовского мира он вернулся в Россию и, по-видимому, очень скоро предложил свои услуги Советской власти»[1]. Для сравнения процитирую еще две версии пленения М. Тухачевского. Каждая из версий (в том числе и только что процитированная и принадлежащая князю Ф. Касаткину-Ростовскому) обнаруживает отношение рассказчика к М. Тухачевскому.

По воспоминаниям бывшего офицера из гвардейских стрелков Г. Бенуа (он, в свою очередь, вероятно, воспользовался рассказом своего брата, офицера-преображенца А. Бенуа), «в 1915 году, в феврале под городком Ломжей, после упорных и тяжелых боев его полк (Семеновский), имея далеко впереди себя 6-ю роту, окопался и занял оборону. Ночью, перед рассветом, поднялся густой туман. Пользуясь им как дымовой завесой, батальон немцев обрушился без выстрела с гранатами на передовую роту. Силы были неравны. Ротный командир был убит, многие солдаты геройски погибли и только человек сорок успели, отстреливаясь, отойти к своим. Человек тридцать попали в плен, вместе с ними получивший удар прикладом по голове подпоручик М. Тухачевский, которого подобрали в бессознательном состоянии»[2].

Первоисточником сведений о том, как М. Тухачевский попал в плен (полученных и князем Ф. Касаткиным-Ростовским, и Г. Бенуа), мог быть лишь один офицер той же 6-й роты, которому удалось прорваться к своим: подпоручик Г.К. Эссен-2. После гибели в бою 25 августа 1914 г. младшего офицера 6-й роты подпоручика О.А. Тигерстедта в 6-ю роту младшим офицером был переведен подпоручик М. Тухачевский. В октябре 1914 г. из 6-й роты был переведен в пулеметную команду полка прапорщик барон

---

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3336.

[2] *Бенуа Г.* Воспоминания // Простор. 1967. № 9.

А.А. Типольт. Поэтому в 6-й роте к 19 февраля 1915 г. (к бою под Ломжей) оставались всего три офицера: командир роты капитан Ф.А. Веселаго и младшие офицеры Г.К. Эссен-2 и М.Н. Тухачевский. Таким образом, после гибели в Ломжинском бою капитана Ф.А. Веселаго и пропавшего без вести подпоручика М.Н. Тухачевского с остатками роты спасся лишь подпоручик Г.К. Эссен-2. Он-то и был, скорее всего, единственным человеком, который мог сообщить какие-то детали боя и некоторые подробности о судьбе М. Тухачевского. Именно он один мог знать, что М. Тухачевский кутался в «неуставную» бурку, хотя, вполне естественно, не мог точно знать, спал или бодрствовал подпоручик. Время было ночное и, скорее всего, он спал. Особый интерес к судьбе будущего маршала должны были проявить его близкие приятели. Таковыми к этому времени были: прапорщик А. Типольт, подпоручик Н.Н. Толстой-1 (младший офицер 2-й роты), его брат подпоручик И.Н. Толстой-2 (батальонный адъютант 2-го батальона, до августа 1914 г. служивший в 6-й роте), подпоручик П.А. Купреянов (младший офицер 4-й роты), подпоручик Б.В. Энгельгардт-1 (младший офицер 5-й роты). Однако двое из указанных выше офицеров — Н. Толстой-1 и П. Купреянов — были убиты в том же бою. Подпоручик Б. Энгельгардт был тяжело ранен. Оставался лишь один офицер, заинтересованный в подробностях поведения и судьбы М. Тухачевского в Ломжинском бою, который в то же время был близким товарищем Г. Эссена-2 по совместной службе в 6-й роте, — подпоручик И.Н. Толстой-2. Именно этот офицер и мог стать главным первоисточником для князя Ф. Касаткина-Ростовского, который был в весьма близких дружеских отношениях с братьями Н.Н. и И.Н. Толстыми. Напомню, что князь был, к тому же, уже достаточно знаком с М. Тухачевским (встреча и разговор в воронке от взрыва артиллерийского снаряда). В своем рассказе князь Ф. Касаткин-Ростовский прямо ссылается на очевидцев поведения М. Тухачевского в этом бою. Однако он не знает (и этого не мог знать подпоручик Г. Эссен-2), как будущий маршал попал в плен. Он не знает, что М. Тухачевского ударили прикладом по голове и в бессознательном состоянии взяли в плен. В полку, да и родные будущего маршала вплоть до 1917 г. точно не знали о его судьбе. Официально в полковых документах он считался

пропавшим без вести. Поэтому, похоже, что сведения об ударе прикладом по голове появились уже после возвращения М. Тухачевского из плена и, возможно, исходили от него самого. Князь Ф. Касаткин-Ростовский подтверждает, что «потом стало известно, что он попал в плен, три раза пытался бежать, но неудачно». Из контекста пояснения князя следует, что «потом» — означает после того, как М. Тухачевский возвратился из плена (иначе кто же, кроме него, мог рассказать, что он неоднократно пытался бежать из плена). Таким образом, Г. Бенуа не знает подробностей того, как сопротивлялся М. Тухачевский в бою под Ломжей. Тот, кто ему рассказал о М. Тухачевском, этого не видел, во всяком случае, в его памяти не запечатлелся образ подпоручика, размахивавшего шашкой и отстреливавшегося из револьвера. Еще раз отмечу, что обстоятельства, в которых М. Тухачевский попал в плен (удар прикладом по голове), а также его неоднократные побеги из плена стали известны сослуживцам будущего маршала из его собственных рассказов в октябре 1917 г. Известно, что в середине октября 1917 г. М. Тухачевский несколько дней провел в гвардейском Семеновском полку на Украине (под Киевом), где общался со своими сослуживцами. Затем во второй половине октября—декабре 1917 г. он находился в Петрограде в запасном гвардейском Семеновском полку. Здесь он тесно общался и с офицерами-семеновцами, и с офицерами-преображенцами в одной компании. Скорее всего, именно в это время капитан лейб-гвардии Преображенского полка А.Л. Бенуа (1893—1919) мог узнать об обстоятельствах пленения М. Тухачевского, о чем позже рассказать своему родному брату Г.Л. Бенуа, офицеру из гвардейских стрелков.

Другой мемуарист, человек так же хорошо знавший М. Тухачевского, правда еще по Александровскому военному училищу, событие описывает несколько иначе. «В Ломжинских боях, — рассказывал В. Посторонкин, — в ночь с 20 на 21 февраля 1915 года Тухачевский при невыясненных обстоятельствах попадает в плен... Немцы окружили с тыла 6-ю роту семеновцев, положение коей усугублялось поднявшейся метелью, ветром и ночной порой. При внезапном появлении противника, что называется, «на носу» и с тыла, постепенно и решительно окружавшего железным кольцом указанную роту, люди вначале достаточно растерялись от неожиданности, но потом оправились и вступили в отчаянную

схватку, упорно отбиваясь штыковым боем от численно превосходивших их немцев. Командир роты, капитан на ходу вступает в командование группами людей и в страшном штыковом бою пал смертью героя: он был убит, на его теле, найденном нами впоследствии и опознанном по тому лишь признаку, что на трупе был нетронутым Георгиевский крест, было обнаружено более 20 пулевых и штыковых ран, что указывает на упорную личную борьбу капитана Веселаго. Подпоручик Тухачевский лежал в легком наносном окопчике и спал, завернувшись в свою черную бурку, по-видимому, в ужасный момент появления врага он спал или дремал. Пробужденный шумом, он с частью людей принял участие в штыковом бою, но, не будучи раненным и, вероятно, не использовав всех средств для ведения боя, был захвачен в плен...»[1]

Р. Гуль так рассказывает о пленении М. Тухачевского. «Из блиндажа 6-й роты выскочившего командира капитана Веселаго четверо немецких солдат закололи штыками; на теле, найденном впоследствии, остался нетронутым Георгиевский крест и было более двадцати штыковых ран. Мало кто из семеновцев в эту ночь вырвался из немецкого кольца. Вырвавшиеся рассказывали, что Тухачевский в минуту окружения, завернувшись в бурку, спал в окопе... Но когда началась стрельба, паника, немецкие крики, Тухачевский вскочил, выхватил револьвер, бросился, стреляя направо и налево, отбиваться от окружавших немцев. Но ворвавшимися немецкими гренадерами был сбит с ног и вместе с другими взят в плен»[2].

Последнее из цитированных описаний пленения М. Тухачевского совершенно очевидно представляет собой пересказ свидетельства князя Ф. Касаткина-Ростовского. Поэтому нет необходимости на нем специально задерживать внимание. В. Посторонкин в своем описании в целом также следовал за князем, но явно стремился указать на отсутствие у М. Тухачевского главных достоинств бойца и офицера: храбрости и чести. «...Не будучи раненным и, вероятно, не использовав всех средств для ведения боя, был захвачен в плен...» Так рисует автор мемуаров поведение М. Тухачевского. Попросту подпоручик испугался и сдался в

[1] *Посторонкин В.Н.* Тухачевский. С. 90.

[2] *Гуль Р.* Тухачевский // *Гуль. Р.* Красные маршалы. С. 445.

плен. М. Тухачевский — предатель и трус. Такова оценка его согласно свидетельствам В. Посторонкина. Однако В. Посторонкин не был свидетелем. Он не служил в 1-й гвардейской пехотной дивизии. Его суждения: «...вероятно, не использовав всех средств для ведения боя...» В этом отношении наиболее точен князь Ф. Касаткин-Ростовский. Он был офицером лейб-гвардии Семеновского полка. Он рассказывает со слов очевидцев («...как передавали случайно вырвавшиеся из немецкого кольца люди...»), а точнее, как выше отмечалось, со слов подпоручика И.Н. Толстого-2, получившего информацию от участника боя 6-й роты — Г.К. Эссена-2. Он, в отличие от В. Посторонкина и Р. Гуля (оба пользовались воспоминаниями князя), лишь предполагает, что М. Тухачевский, «по-видимому, спал в бурке, в окопе», однако точно не знает, как все началось. Зато он знает точно, со слов очевидцев («...видели как...»), что «когда началась стрельба... он выхватил шашку и, стреляя из револьвера, отбивался от немцев». Таким образом, князь Ф. Касаткин-Ростовский фактически опровергает В. Посторонкина, предполагавшего, что М. Тухачевский «не использовал всех средств для ведения боя». Князь не знает точно, как его приятель оказался в плену. «Потом стало известно, что он был взят в плен», — писал он. Это действительно так. В полковых документах, по крайней мере вплоть до 1917 г., М. Тухачевский считался (подобно некоторым другим офицерам-семеновцам) «пропавшим без вести». Полагали даже, что он погиб. Г. Бенуа в своих воспоминаниях утверждает, что Тухачевский попал в плен «в бессознательном состоянии» как «получивший удар прикладом по голове». Выше я уже отмечал, что информация у Г. Бенуа была более достоверная, чем у В. Посторонкина. Она могла идти от его брата офицера-преображенца. Лейб-гвардии Преображенский полк действовал в непосредственной близости от лейб-гвардии Семеновского, как полки одной Петровской бригады. Нет оснований подозревать М. Тухачевского в трусости, объясняя этим его плен.

Уход М. Тухачевского к большевикам был подготовлен и сложившимися представлениями о России и революции, порожденными, главным образом, «книжными» впечатлениями. Они закрепились в нем долговременной рефлексией, обусловленной вынуж-

денным длительным бездействием его деятельной натуры в условиях плена.

Однажды, рассуждая в плену, в кругу приятелей-французов о революции в России, подпоручик М. Тухачевский заявил, что «наша революция, я думаю, слишком отлична от вашей. И Достоевский хорошо предвидел... У нас западная цивилизация поверхностна и от нее ничего не останется после потрясения. Мы можем более легко менять богов»[1]. В сформировавшемся мировоззрении «аристократа-ландскнехта» Тухачевского русская революция была пропущена сквозь призму «Бесов» Ф. Достоевского. Суть происходивших в России событий М. Тухачевский видел в «смене богов», смене идей, кумиров, то есть в смене некой внешней оболочки, в самом формальном принципе изменчивости.

Как уже отмечалось, русская революция привела мировоззрение подпоручика М. Тухачевского в условиях интернационального плена в состояние катастрофической напряженности, обостряя и обнажая наиболее чувствительные его грани. Ситуация «диалога культур», в которой невольно оказался подпоручик М. Тухачевский, как нельзя лучше провоцировала его на высказывания, так или иначе касавшиеся сопоставления или противостояния разных, но преимущественно русской и «западной» культур. Поводом, вынуждавшим остро реагировать на экстремальное состояние России, ввергнутой в революцию, естественно, служили события «новой смуты». М. Тухачевский, с пафосом воодушевления и надежд созерцавший издалека события и перспективы русской революции, мотивировал свое к ней отношение собственной трактовкой, собственным пониманием. В русской революции, как свидетельствовал П. Фервак (Р. Рур), М. Тухачевский усматривал, как уже отмечалось выше, прежде всего, смену идей, «смену богов», внешнего обряда. Она была для него, по большому счету, эстетическим феноменом, явлением культуры и духовности. Он это красноречиво комментировал в ответе на обращенный к нему вопрос:

«Месье Мишель, а скажите, вы верите в бога?»

«В бога? — Тухачевский выразил удивление... — Я не заду-

[1] *Fervacque P.* Op. cit. P. 83.

мывался над богом... Большинство русских вообще атеисты. Все наше богослужение — это только официальный обряд... Да, я атеист. И поверьте мне, большинство русских — тоже. Обедня для нас всего лишь официальная церемония, нечто вроде дипломатического раута. Не забывайте, что Император — обладатель короны и тиары. Он — папа. У нас религиозная война немыслима. У нас есть секты, но нет ересей. Ваши муки религиозной совести нам неизвестны. Заметьте, что мы презираем попов, они для нас — всего лишь самые худшие из чиновников. «Попович» — это оскорбление. Однако все мы верующие, но именно потому, что у нас нет веры»[1].

Уместно вспомнить, что известный русский военный деятель и ученый генерал Н. Головин, анализируя глубинные причины разложения русской армии и революции, также отмечал, что отношение русских людей (солдат) к церкви и религии преимущественно языческое. Это отношение к таинственному, непонятному, но сакральному обряду. Это восприятие литургии — как магического действия, своего рода колдовства[2].

«...Я хочу сказать, — продолжал М. Тухачевский свой диалог с французским лейтенантом, — что мы, русские, все религиозны, но именно потому, что у нас нет религии».

Однажды, как-то вновь возвращаясь к этим проблемам веры и неверия, религии и атеизма, М. Тухачевский сказал своему французскому приятелю: «...Мы — народ поэтов. Это правда, так как поэты — бесы; слово это вы переводите как «одержимые бесом». Демон или бог, кто-то из них вдохновляет нашу расу. Мы пьянствуем потому, что еще не можем упоить мир. Но это будет. Достоевский — само воплощение России — всю жизнь сражался с этим богом, который живет в нас. Он хотел изгнать его из своего тела и также со своей Родины. Однако он в то же время знал, что как только этот бог уйдет, то его гений и гений его расы тоже перестанет существовать. Вот тайна его творчества... Эта потребность в покаянии, которым мы одержимы и которую вы не понимаете, считая ее за проявление религиозности, это — особая форма на-

---

[1] *Fervacque P.* Op. cit. P. 18—19.

[2] Стоит вспомнить и мнение О. Шпенглера, относившего русско-византийскую культурную традицию к «магическому типу» культурной системы.

шей гордыни. Когда мы смиренно каемся в наших грехах, то хорошо знаем, что эти грехи и это смирение — условия нашего величия. Мы хотим загладить наши грехи, но мы не хотели бы их не совершать. Заметили вы, как Достоевский любит своих «бесов»? Он их обожает: Ставрогина, которого он наделил многими своими свойствами; Верховенского, который является его демоном, его демиургом. Верховенский хотел бы преобразить своего хозяина, заново крестить Россию, пусть даже кровавым образом; Шигалева, Кириллова и Шатова-жертву, и даже — Федьку-каторжника. Все они — частицы большой России. Надо любой ценой найти вновь сказочного Ивана-царевича. Иван — это наша душа, она пока темна, но воссияет однажды»[1].

Вряд ли стоит доверять рассуждениям о внезапно возникших в сознании М. Тухачевского революционно-коммунистических симпатиях, побудивших его уже 5 апреля 1918 г. оформить членство в большевистской партии. Однако вернемся к рассуждениям М. Тухачевского в плену. Именно в них можно уловить господствующую культурно-цивилизационную парадигму, предопределявшую в сознании и взглядах подпоручика-маршала М. Тухачевского его отношение к России и внешнему миру. Подлинная Русь, русский дух в его воображении коренился в дохристианском языческом варварстве. Сущность «западного мира» и «западной цивилизации» — в христианстве. Весьма вероятно, что эти взгляды формировались в представлениях М. Тухачевского под влиянием Ф. Ницше[2]. По некоторым свидетельствам, М. Тухачевский в духе времени и присущей эпохе литературной моды был увлечен прозой К. Гамсуна[3], творчество которого, как известно, также формировалось под сильным влиянием Ф. Ницше. Таковая установка в представлениях М. Тухачевского определяла и достаточно

---

[1] *Fervacque P.* Op. cit. P. 68—69. Примечательно, что однополчанин М. Тухачевского генерал А. фон Лампе, рассуждая о перспективах монархизма в России через ее «бонапартизацию», отметил в своем дневнике в августе 1924 г.: «...Царем, по-моему, все же будет тот, кто сумеет им стать!» (ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 7360.)

[2] В статьях советского военачальника спустя десять лет проскальзывали ницшеанские цитаты без кавычек. Впрочем, кто не читал в России Ф. Ницше в начале века?

[3] *Раковский Л.* Михаил Тухачевский. Л., 1977. С. 32.

стройную и логичную, хотя и субъективно-прихотливую ретроспективу, образ русской истории и ее основных ценностей. В Петре Великом М. Тухачевский усматривал не столько «вестернизатора» России, сколько «грандиозного варвара, и именно русского».

Что примечательно: в условиях развернувшейся русской революции М. Тухачевский, симпатизировавший присущей, как он полагал, и необходимой России самодержавной монархии, монархии деспотического типа, считал, что России нужен «именно такой», как Петр Великий, деспот-реформатор. Именно реформатор, ибо далее М. Тухачевский как бы поясняет и мотивирует свои симпатии к Петру Великому:

«Что же вы думаете, он хотел сделать из Петербурга Версаль и навязать нашему народу вашу культуру? Нет! Он только взял у Запада секрет его силы, но именно для того, чтобы укрепить наше варварство...»[1]

Несомненно, нет нужды особенно напрягать воображение и вызывать ассоциации, чтобы не заметить связь между симпатиями М. Тухачевского к Петру Великому и его самоотверженной службой В. Ленину, И. Сталину, большевикам. В двух названных вождях он, несомненно, пытался разглядеть черты «деспотического» облика Петра Великого — варвара-преобразователя. Отталкиваясь от подобного рода рассуждений, вызванных размышлениями о судьбе России и русской революции, М. Тухачевский пытается расшифровать себе и своим приятелям-французам сущность и генетические корни «западной цивилизации», причины своего неприятия ее. Выразив свою ненависть по отношению к христианству, М. Тухачевский далее заявляет: «Евреи принесли в мир христианство. Этого достаточно, чтобы я их ненавидел... Это именно евреи сеют везде своих опасных блох, стараясь привить нам заразу цивилизации, навязывая всем свою мораль денег — мораль капитала... Все великие социалисты — евреи, и социалистическая доктрина, собственно говоря, — ветвь всемирного христианства. Мне же мало интересно, как будет поделена земля между крестьянами и как будут работать рабочие на фабриках. Царство справедливости не для меня. Мои предки-варвары жили общиной, но у них были ведшие их вожди. Если хотите — вот философская кон-

[1] *Fervacque P.* Op. cit. P. 19.

цепция... Нам нужны отчаянная богатырская сила, восточная хитрость и варварское дыхание Петра Великого. Поэтому нам больше подходит одеяние деспотизма»[1].

Даже поверхностно осмысливая только что процитированное высказывание М. Тухачевского, весьма ясно определенное им самим как его собственная «философская концепция», первое, что можно отметить, так это несомненное созвучие социально-политических и социокультурных симпатий М. Тухачевского с представлениями «евразийцев». Несомненно и другое — явное воздействие на формирование социокультурных взглядов М. Тухачевского художественного и публицистического творчества, оценок Ф. Достоевского, в частности, в отношении социализма, евреев, да и христианства, если иметь в виду высказывания русского писателя о западном, католическом христианстве. Впрочем, столь декларативно выраженный антисемитизм молодого гвардейского подпоручика отчасти, вероятно, отражает традиционные взгляды гвардейского офицерства, отчасти — является эпатажем. Во всяком случае, он носит преимущественно морально-этический характер. Вряд ли этот фактор мировоззрения М. Тухачевского был одним из определяющих. Известно, что среди его приятелей были евреи — И. Якир, Б. Фельдман. Но истины ради следует заметить, что близость М. Тухачевского к этим людям сложилась в весьма специфических обстоятельствах и уже в 30-е годы.

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что цепочка — «евреи — христианство — социализм» — постольку беспокоила сознание М. Тухачевского, поскольку в его понимании она разрушала исконные, «коренные» ценности России, спасительно концентрировавшиеся в формуле деспотического самодержавия. И именно это триединое разрушительное начало (евреи, христианство, социализм) и представлялось ему сущностью «западной цивилизации», зиждившейся, по мнению, весьма расхожему в то время, на деньгах, то есть на материальной основе бытия, на капитале. Иными словами, сутью противоречий между Россией, как цивилизацией, и Западом для М. Тухачевского являлась разность фундаментальных цивилизационно-культурных основ: для России — дух, язычески воплощавшийся миллионами религиозно за-

[1] *Fervacque P.* Op. cit. P. 24—25.

ряженных воль в харизматической личности — «земном боге», в «человекобоге», или, по Ницше, — в «Сверхчеловеке» (в «Антихристе», если мыслить по-христиански); для «Западной цивилизации» — в материальных ценностях, в теле, воплотившемся в деньгах и носителях этой идеи — евреях, христианах (западных), социалистах (большевиков М. Тухачевский, видимо, социалистами не считал).

В последующих беседах с П. Ферваком (Р. Руром) М. Тухачевский рассуждал и о частных явлениях западной культуры. «Латинская и греческая культура, — провоцировал полемику будущий «красный Бонапарт», — какая это гадость! Я считаю Ренессанс, наравне с христианством, одним из несчастий человечества... Гармонию и меру — вот что нужно уничтожить прежде всего!.. В России, у себя в литературе я любил только футуризм. У нас есть поэт Маяковский. У вас бы я был, вероятно, дадаистом...»[1] Следует заметить, что и позднее М. Тухачевский, и это вполне согласуется с экстравертно-интуитивными свойствами его психики, оказался поборником всего нового: «мировой революции», Д. Шостаковича, радикальной технической модернизации армии и пр. Вышеприведенные свидетельства, касающиеся мировосприятия М. Тухачевского, структурировавшегося на основе непримиримых полярных оппозиций — «мир духа» (Россия) и «мир тела» (Запад), — получают своеобразное завершение. Оно подводит определенный итог, создающий некую целостность мировосприятия подпоручика гвардии. Разрешение этого «цивилизационно-культурного» противоречия — Россия — Запад — в ряде нижеследующих рассуждений и перспектив, просматривавшихся М. Тухачевским. Они весьма существенны для понимания его поступков и позиций во время революции и в последующие годы. П. Ферваk вспоминал: «Однажды мы вместе, на откосе форта читали, я не помню, какое место из Достоевского... Михаил Тухачевский с воодушевлением, вспыхнув, как костер, в котором ворошат угли, произнес следующие знаменательные слова: «Не важно, как мы реализуем наш идеал: пропагандой или оружием! Если Ленин будет способен освободить Россию от хлама старых предрассудков, разъевропеизировать ее, я за ним последую. Но нужно, чтобы он

[1] *Fervacque P.* Op. cit. P. 65.

превратил ее в «tabula rasa», и мы свободно устремимся в варварство. Какой чистый источник: с марксистскими формулами, перемешанными перепевами демократии, которые смогут возмутить мир. Права народов находятся в их распоряжении! Вот он, магический ключ, который откроет России ворота Востока и закроет их для англичан... Так, и только так мы сможем овладеть Константинополем. Но новая религия нам необходима. Между марксизмом и христианством я выбираю марксизм. Под знаменем марксизма мы скорее, чем с нашим крестом, войдем в Византию и вновь освятим Святую Софию»[1]. Прервав тираду подпоручика, П. Фервак напомнил ему, что таковые геополитические устремления «лишают вас Польши, Финляндии, а может быть, и еще чего-нибудь». На это М. Тухачевский ответил: «Вот тут-то и пригодятся марксистские формулы. Революционная Россия, проповедница борьбы классов, распространяет свои границы далеко за пределы, очерченные договорами... Что касается меня, то я бы сделал все, что будет в моих силах, чтобы Варшава осталась русской, хотя бы под Красным знаменем...»[2] Вся вышеприведенная геополитическая семантика в принципе не несет чего-либо нового: Великобритания на протяжении почти всего XIX в., да и позже, рассматривалась в качестве главного соперника России в контексте геополитических и геостратегических проблем. Достаточно вспомнить хотя бы высказывания и геополитические расчеты М. Скобелева, чьим большим поклонником с детства являлся М. Тухачевский. То же можно сказать и о традиционном великодержавном настрое большей части российского офицерства. Важно другое: столь обширное вышецитированное высказывание М. Тухачевского как бы предвосхищает его политические и военно-политические позиции в отношении к «внешнему миру» в 20—30-е годы, хотя и фразеологически, и идеологически эти мысли и настроения обретали в соответствии с духом новой эпохи новое звучание и иную социокультурную семантику. Что же касается его высказываний о марксизме — новой религии, то отношение к этому М. Тухачевского можно было бы назвать двойственным: он, может быть, грубовато считал марксизм ценным именно как новую религию, что-то вроде

[1] *Fervacque P.* Op. cit. P. 57—59.

[2] Ibid. P. 52.

«нового язычества»; в то же время, и это логично, весьма иронично относился к фанатикам марксизма. В этом смысле весьма красноречиво вышеупоминавшееся свидетельство Л. Сабанеева о сочинении М. Тухачевским и Н. Жиляевым «большевистской мессы», какого-то марксистского служения, названного им «марксистская файв-о-клокия»[1]. Таким образом, в рассуждениях о новой религии, марксизме-религии, о возрождении языческой религии со стороны М. Тухачевского было много очевидно игрового, мальчишеские шалости. Однако и в них просматривается нечто глубинно-серьезное для его духовной и душевной направленности. Апокалиптический пафос разрушения и войны, о чем уже приходилось упоминать, пожалуй, был глубинной, уходящей в подсознание, интенцией, находившей в сознании М. Тухачевского мотивацию межцивилизационных и геополитических споров России и Запада. Во всяком случае, настроения, которые совершенно очевидно охватывали поэтическим вдохновением всю натуру и личность М. Тухачевского, не вызывают сомнения.

«Мы встряхнем Россию, как грязный ковер, а затем мы встряхнем весь мир... Мы войдем в хаос и выйдем из него, только полностью разрушив цивилизацию»[2]. Это слова М. Тухачевского. Их своеобразным продолжением можно назвать похожий на поэму-заклинание приказ командующего Западным фронтом М. Тухачевского, составленный и подписанный им 2 июля 1920 г. Достаточно вспомнить хотя бы следующие его строки, чтобы почувствовать их генетическую связь с вышецитированными: «Путь мирового пожара пройдет через труп белой Польши...»[3] Огненные, «апокалиптические» метафоры в высказываниях М. Тухачевского позволяют думать, что глубинный смысл его неприятия Запада, словесные вызовы Англии, «западной цивилизации», третирование античной и ренессансной меры и гармонии — в войне, разрушении, апокалиптическом мироощущении. Это похоже на духовный, творческий экстаз, вдохновение, которое может охва-

---

[1] *Опшиня И.* Тухачевский и Скоблин... С. 110.

[2] *Fervacque P.* Op. cit. P. 75, 90.

[3] Полностью приказ был опубликован в приложении к ст.: *Дадиани Г.Л.* Советско-польская война 1919—1920 гг. // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 30—31.

тить художника, поэта, творца. Само апокалиптическое «горение» в боготворческом «огне преображения тварного мира», его «обожение» вызывает ощущение высочайшей осмысленности собственного бытия. Все вышеприведенные размышления, кажется, позволяют отметить и применительно к личности М. Тухачевского скрытый в его жизненной установке, в его отношении к миру, «апокалиптический пафос» «мирового пожара», «войны священной». «Мы тяжелы на подъем, но разрушители по природе», — как-то бросил фразу подпоручик М. Тухачевский[1], невольно выдавая скрытые за своей оценкой натуры русского народа собственные глубинные настроения. Быть может, во всем вышесказанном и всех вышеприведенных свидетельствах, размышлениях и заключается возможность для понимания всей последующей деятельности М. Тухачевского.

По мнению П. Фервака, М. Тухачевский, будучи еще пленным гвардии подпоручиком, «совершенно игнорировал социалистическое учение. Вопросы о собственности, состоянии, земле занимали его мало. Презрение к деньгам было полное. Он охотно выкладывал содержимое своего кошелька на стол, а если у него не было денег, то он, совершенно не смущаясь, пользовался деньгами своих товарищей. В революции, я уверен, он никогда не видел социального аспекта. И еще меньше видел сторону человеческую или лучше сказать — нечеловеческую. В жизни его интересовала только победа, а ценой каких жертв она будет достигнута — это его не заботило. Не то чтобы он был жестоким, просто он не имел жалости»[2]. В одном из разговоров с близкими людьми он как-то признался: «Я не большевик... но сейчас мне по пути с большевиками». Примечательно, что осенью 1918 г. бывший капитан лейб-гвардии Семеновского полка Б. Энгельгардт, близкий приятель-однополчанин и земляк-смолянин М. Тухачевского, информировал генерала А. Деникина о настроениях командования 1-й Революционной армии, из которой он «ушел» и которой командовал М. Тухачевский. У Б. Энгельгардта были вполне доверительные отношения с командующим. «Мы убежденные монархисты, — не-

[1] *Fervacque P.* Op. cit. P. 22.

[2] *Там же P.* Op. cit. P. 24—25.

редавал признания М. Тухачевского и его штабных офицеров «семеновец», — но не восстанем и не будем восставать против Советской власти потому, что раз она держится, значит, народ еще недостаточно хочет царя. Социалистов, кричащих об Учредительном собрании, мы ненавидим не меньше, чем их ненавидят большевики. Мы не можем их бить самостоятельно, мы будем их уничтожать, помогая большевикам. А там, если судьбе будет угодно, мы и с большевиками рассчитаемся»[1]. В этом отношении любопытен и заслуживает внимания фрагмент воспоминаний Н. Корицкого. Целесообразно процитировать его полностью.

«Перед самым началом этой (Сызрано-Самарской) операции Тухачевский представил мне в своем салон-вагоне человека средних лет, небритого, в каком-то поношенном френче, небрежно развалившегося в кожаном кресле.

— Энгельгардт.

...Энгельгардт, представленный мне Михаилом Николаевичем, тоже был смолянином, земляком Тухачевского и, кроме того, его сослуживцем по Семеновскому гвардейскому полку. К нам он прибыл с предписанием Всеросглавштаба.

Свои клятвенные заверения честно служить Советской власти Энгельгардт подкреплял ссылкой на былые дружеские связи с командармом:

— Неужели, Миша, ты думаешь, что я могу быть подлецом и подвести тебя?!

И однако же подвел, оказался истинным подлецом. Во время Сызрано-Самарской операции Михаил Николаевич объединил в руках Энгельгардта командование Пензенской и Вольской дивизиями, а также двумя полками Самарской. Энгельгардт выехал в Кузнецк. В ходе операции он часто терял связь со штабом, его донесения противоречили донесениям из частей и в конце концов мы вынуждены были связаться напрямую со штабами дивизий и осуществлять руководство ими, минуя Энгельгардта. А когда закончилась операция и штарм перебазировался в Сызрань, Энгельгардт незаметно исчез и объявился потом у Деникина»[2].

---

[1] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1992. № 11/12. С. 121, 123.

[2] Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 75—76.

Надо сказать, прежде всего, что воспоминания дают не совсем верную характеристику Б.В. Энгельгардту. Во-первых, он никак не мог быть человеком средних лет, поскольку от роду в 1918 г. ему шел 29-й год. Разве что небритое лицо делало его немного старше. Но главное заключается в другом.

Судя по воспоминаниям самого М. Тухачевского о боевых действиях 1-й Революционной армии в 1918 г., опубликованным в 1921 г., сам командарм весьма положительно оценивал руководство Б. Энгельгардтом вверенными ему соединениями, называя своего однополчанина «тов. Энгельгардт»[1]. Скорее всего, М. Тухачевский еще не знал о том, что капитан Энгельгардт еще в ноябре 1918 г. перешел в Добровольческую армию генерала А. Деникина. Поэтому «идеологическая предвзятость» не довлела над оценками командарма и редакцией в оценке деятельности Б. Энгельгардта. Это обстоятельство, в то же время, доказывает, что Б. Энгельгардт и в самом деле не подвел своего друга М. Тухачевского. Он хорошо выполнил порученное ему боевое дело, ведь он дрался с Поволжскими «демократами, сгубившими Россию». Он перешел к Деникину после того, как покинул 1-ю Революционную армию М. Тухачевского. Обращает на себя внимание, однако, тот короткий диалог между Б. Энгельгардтом и М. Тухачевским, который приводит Н. Корицкий. Этот диалог содержит скрытый от мемуариста подтекст. Заверяя своего друга-командарма, что он, Б. Энгельгардт, не подведет, офицер-семеновец говорил это М. Тухачевскому, который прекрасно знал антибольшевистские политические настроения и монархические убеждения своего однополчанина и земляка. Капитан-семеновец остался честным по отношению к своему приятелю. Они знали и уважали друг друга, верные полковым традициям, и понимали в поведении друг друга то, о чем не могли догадываться посторонние. Весь этот эпизод при такой расшифровке может рассматриваться как косвенное подтверждение доверительных отношений между М. Тухачевским и Б. Энгельгардтом в 1918 г. Это и позволило последнему проин-

[1] *Тухачевский М.Н.* Первая армия в 1918 году // Этапы большого пути. Сборник воспоминаний. М., 1962. С. 52, 54.

формировать штаб Добровольческой армии о настроениях командования 1-й Революционной армии[1].

Незадолго до этого, находясь в плену, в беседах со своими французскими приятелями, откровенничая, быть может, по-юношески эпатируя окружающих, М. Тухачевский, в частности, выражал неприятие социализма, который в его представлении был в соответствии со взглядами и суждениями Ф. Достоевского и Ф. Ницше (оба автора были им активно читаемы) «ветвью христианства», а христианство — сущностью западной цивилизации. Он мечтал сбросить ее с России, выпустив на волю, по его мнению, подлинную натуру русского народа, его варварскую первозданность. Как это напоминает ницшеанский пафос «белокурой бестии». Рассуждая о характере будущей российской государственности после революции, М. Тухачевский заявлял: «Я думаю, что конституционный режим будет означать конец России. Нам нужен деспот!.. Мы — варвары! Вы можете представить себе всеобщее избирательное право у наших мужиков?» — и засмеялся...»[2]

В плену «Тухачевский называл себя убежденным монархистом», — подтверждали позднее его товарищи по плену из русских офицеров, эмигрировавших после революции и Гражданской войны в Париж[3]. Они вспоминали эпизод, когда, «получив подарки от

---

[1] Приведенный пример поведения Б. Энгельгардта несколько противоречит той характеристике, которую ему дал, правда, уже в 1949 г., его дядя, бывший депутат Государственной думы полковник Б.А. Энгельгардт, вернувшийся в СССР после Великой Отечественной войны. «Мой племянник, — сказал он о приятеле М. Тухачевского, — подлец, червонный валет, родную мать продаст...» Вероятно, не только пребывание в СССР способствовало столь нелестной характеристике. После службы в Добровольческой армии, а затем в белой армии Юденича и в войсках Булак-Балаховича, где уже полковник Б. Энгельгардт, как глава контрразведки, прославился своими расправами над большевиками и террором среди подвластного населения, он с 1924 г. становится во главе отделения 2-го отдела РОВС (генерал А. фон Лампе) в Таллине. Здесь контрразведке ОГПУ в начале 30-х годов удалось обманом дискредитировать Б. Энгельгардта в глазах белой эмиграции и чинов РОВС как якобы «большевистского агента». В 1940 г. он, по некоторым данным, был расстрелян НКВД после советизации Эстонии. Видимо, эта репутация Б. Энгальгардта и повлияла на мнение его дяди.

[2] *Fervacque P.* Op. cit. P. 21—22.

[3] Возрождение. 1936. 13 февраля. С. 5.

Красного Креста, Тухачевский от имени всех произнес верноподданническую речь и зачитал благодарственный адрес. Речь его отличалась исключительной льстивостью по отношению к Государыне и Государю»[1].

Подводя некоторые итоги отмеченным выше особенностям ментально-мировоззренческой ориентации подпоручика М. Тухачевского, прежде всего, его политическим оценкам и настроениям, можно сказать, что они вряд ли могут быть расценены как исключительно оригинальные. Ментально-мировоззренческая ориентация М. Тухачевского в обстановке поражений России в Первой мировой войне и разгоравшейся российской революции была вполне созвучна настроениям его сверстников, тоже молодых офицеров, в 20—30-е годы сыгравших достаточно заметную роль в германской политике. Я имею в виду стоявших у истоков национал-социализма так называемых «левых нацистов», пропагандистов и деятелей «национальной», или «консервативной революции» братьев **Г. Штрассера** (1892—1934) и **О. Штрассера** (1897—1974), участников Первой мировой войны, капитанов кайзеровской армии, их друзей — майора Генштаба Э. Бухруккера и капитана В. Стеннеса, создателей «черного рейхсвера» и штурмовых отрядов НСДАП (СА), лейтенанта кайзеровской армии, затем писателя и философа Э. Юнгера (р. 1895). Они, подобно М. Тухачевскому, вынесли из Первой мировой войны и «мировой революции» пафос национально-революционного возрождения, «очарование войной», надежды на спасающую роль милитаризма, «революционного империализма» и «пролетарско-социалистического деспотизма» с первобытным культом «вождя». Все они, оказавшись у истоков «революционного национал-социализма» вместе с А. Гитлером, увлеченные идеей «национально-революционной освободительной войны» в 20-е годы, в начале 30-х либо стали лидерами «левого» оппозиционного крыла НСДАП и, выражая протест против «измены» А. Гитлера чистоте идей и принципов первоначального национал-социализма, погибли в «ночь длинных ножей». Либо вынуждены были эмигрировать, отойдя от политической деятельности. Либо оказаться почти в полном забвении,

[1] Возрождение. 1936. 13 февраля. С. 5.

фактически отойдя от сколько-нибудь заметной общественной деятельности.

...Нет точной даты принятия М. Тухачевским решения о переходе к большевикам. Известно, что, совершив наконец успешный, пятый по счету, побег, подпоручик М. Тухачевский в сентябре 1917 г. оказался в Швейцарии, а затем во Франции, в Париже. Здесь при содействии русского военного агента генерала А. Игнатьева он переправился сначала в Англию, а затем в Россию. В Петроград М. Тухачевский прибыл 16 октября 1917 г.

По прибытии отправился в запасной гвардейский Семеновский полк. Спустя два дня, то есть 18 или 19 октября, он выехал из Петрограда в Киев и оттуда в Подволочиск, рядом с которым в деревне Тарноруды был расквартирован основной гвардейский Семеновский полк. Известно, что через два дня после его отъезда в Петрограде произошло большевистское восстание, или Октябрьская революция. Там в это время проходили службу два его брата-прапорщика: старший, **Николай Тухачевский** (1890—1937) и младший, **Александр Тухачевский** (1895—1937). Возможно, это обстоятельство и подтолкнуло его к поездке из Петрограда в Киев и Подволочиск. Тем более что официально М. Тухачевский числился в кадрах основного полка. Здесь он пробыл, очевидно, до 4—5 ноября. Точной даты его отъезда из полка нет. Однако известно, что до 20 ноября, когда М. Тухачевский возвратился в Петроград, но, уже побывав дома, в имении Вражеское Пензенской губернии, он успел вернуться в Петроград с Украины, а из Петрограда вновь отправиться домой, во Вражеское. По свидетельству сестер, во время этого первого после бегства из плена и прибытия в Петроград приезда домой он пробыл в имении всего трое суток. «Через трое суток, — вспоминали сестры, — Михаил опять покинул нас и отправился в полк»[1]. Учитывая имеющиеся факты, можно ориентировочно считать, что во Вражеском он был в этот первый раз с 14 по 16 или 17 ноября (если на дорогу из Петрограда во Вражеское Пензенской губернии определить 2—3 суток). Однако надо учесть, что из Петрограда в Пензенскую губернию он, естественно, ехал через Москву, где задержался и провел несколько дней. Учитывая это, можно предполагать, что он

[1] Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 15.

отправился из Петрограда в Пензенскую губернию ориентировочно 8—9 ноября, а из Подволочиска в Петроград (чтобы оказаться там к этому сроку) он должен был выехать (с учетом «революционного времени») 4—5 ноября. Таким образом, по моим весьма приблизительным подсчетам, М. Тухачевский провел в полку, в деревне Тарноруды, время с 22—23 октября по 4—5 ноября. Это представляется близким к действительности. Его близкий в то время полковой товарищ капитан барон А. Типольт вспоминал в связи с вышесказанным: «Мы встретились с М.Н. Тухачевским лишь поздней осенью 1917 года, после его счастливого побега из плена. Стали видеться почти ежедневно. Нам было что вспомнить, о чем поговорить. Случилось так, что моя комната превратилась в своего рода полковой клуб. Сюда набивались офицеры, унтер-офицеры, солдаты. Шум, споры, облака табачного дыма. Впечатление такое, будто все проснулись после многолетней спячки и каждый сейчас же, немедленно должен получить ответы на вопросы, терзавшие всех нас в последние месяцы. Михаил сосредоточенно прислушивался к нашей полемике, но сам высказаться не спешил. Чувствовалось, что в нем происходит напряженная внутренняя работа»[1].

Свидетельства капитана А. Типольта подтверждают факт его пребывания в основном полку и именно в указанное время. Во-первых, потому, что капитан А. Типольт находился именно там, на фронтовых позициях рядом с Подволочиском в должности командира пулеметной команды. На это указывают полковые документы. Во-вторых, он датирует свою встречу с М. Тухачевским поздней осенью 1917 г. Это не противоречит моим расчетам.

Итак, после кратковременного пребывания дома, во Вражеском, М. Тухачевский 20 ноября вернулся в Петроград. На этот раз он был зачислен в состав запасного гвардейского Семеновского полка и в декабре 1917 г. был избран командиром 7-й роты. Согласно сложившимся за революционные месяцы традициям и правилам, он был «избран» на эту должность с согласия полкового комитета. Он провел в полку время до декабря. Во всяком случае, его сестры вспоминали, что «он вернулся к нам зимой, примерно в

[1] *Типольт А.А.* Такое не забывается // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 20.

декабре»[1]. Затем, опять же по свидетельству сестер, «в январе 1918 года Миша опять оставил нас — уехал в Москву». Надо полагать, что он не надолго задержался в Москве. Просто-напросто в Москве ему в это время было нечего делать. Очевидно, из Москвы он вновь отправился в Петроград, в полк. Как известно, запасной гвардейский Семеновский полк фактически не расформировывался. Во-первых, потому, что это была самая боеспособная часть в Петрограде. Во-вторых, она была боеспособной частью именно потому, что в наименьшей степени подверглась революционному разложению. Офицеры и солдаты, в отличие от большинства других полков, представляли действительно настоящую «полковую семью». Это было достигнуто, не в последнюю очередь, очевидно, и благодаря достаточно большому числу младших офицеров из числа бывших фельдфебелей и унтер-офицеров полка. В то же время в запасной гвардии Семеновский полк было зачислено много кадровых фронтовых офицеров из основного гвардейского Семеновского полка, расформированного в конце декабря 1917 г.[2].

...Сразу же по прибытии в октябре 1917 г. (то есть примерно с 20 по 31 октября) в Петроград М. Тухачевский был представлен командиром резервного гвардейского Семеновского полка полковником Р. Бржозовским к производству в «капитаны»[3]. Как указывалось в его послужном списке, «для уравнения в чинах со сверстниками»[4]. В связи с этим фактом уместно обратить внимание на существующее практически во всей имеющейся справочной лите-

---

[1] *Типольт А.А.* Такое не забывается // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 15.

[2] Не следует забывать и еще одно обстоятельство: Семеновский полк и до революции считался одним из самых верноподданнически настроенных. Ведь именно он подавил декабрьское восстание в Москве в 1905 г. Многие офицеры, принимавшие в этом участие, еще продолжали служить в полку.

[3] РГВИА. Послужной список М.Н. Тухачевского.

[4] Там же. Все его товарищи, которые начинали войну вместе с ним в чинах подпоручиков и даже прапорщиков, уже были капитанами. Однако М. Тухачевский был кадровым офицером, прославившим полк еще осенью 1914 г. подвигом на кженовском мосту. Просто было неприлично и нецелесообразно его, кадрового, «настоящего» офицера, ставить под начало прибывшим из запаса, вчерашним сугубо штатским и «скороспелым» штабс-капитанам. Есть информация, что он был произведен в поручики и в штабс-капитаны, и после этого представлен в капитаны.

ратуре указание, что последний чин М. Тухачевского в старой армии — подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка. Обращая на это внимание, следует отметить, что, как правило, бывшие офицеры, добровольно вступавшие в Красную Армию и надеявшиеся сделать в ней «наполеоновскую карьеру», учитывая нравственно-ментальную атмосферу в «рабоче-крестьянской армии», старались, по возможности, занизить свой офицерский чин. При этом часто называли свой последний чин по службе в царской армии, не принимая всерьез повышение в чинах после Февральской революции. В период правления Временного правительства вполне обычным было продвижение в чинах от прапорщика до штабс-капитана в течение нескольких месяцев. Что касается подпоручика М. Тухачевского, то представление его к чину поручика, видимо, было сделано еще в конце 1914 — начале 1915 г., учитывая большие потери в офицерском составе и его отличия в боях. Похоже на то, что по возвращении из плена в полк М. Тухачевский уже был поручиком и вскоре произведен в штабс-капитаны, тем более что он был избран командиром роты. Думается, что представленный в октябре в капитаны, М. Тухачевский получил этот чин в ноябре 1917 г. Аппарат чинопроизводства старой армии продолжал, отчасти по инерции, действовать до конца 1917 г. Известно, что будущий маршал А. Егоров был произведен в полковники (без академического образования) в ноябре 1917 г. Учитывая все вышесказанное, можно полагать, что М. Тухачевский, вступая в Красную Армию, также старался представиться поближе к «демократии» своим «малым» офицерским чином «подпоручика», а не «капитаном».

Характеризуя общие настроения офицеров «Петровской бригады», полковник-преображенец Д. Зуев вспоминал: «Развал монархии чувствовался офицерством, особенно офицерами военного времени, хотя и подобранными по классовому признаку, но близко связанными с политикой. Личный авторитет Николая был ничтожен и зимой 1916—1917 гг. Гвардейский корпус втягивался в заговор о дворцовом перевороте. Активно февральской революции офицерство не сопротивлялось, не было ни сил, ни желания. Керенщина и демократизация армии с угрозой земельному владению выявили резкое недовольство офицерства: началось «уплывание» с фронта либо для накапливания сил (актив контрреволю-

ции), либо из обывательских соображений «отсидеться». Отношение гвардейского офицерства к последующим событиям Д. Зуев обрисовывает кратко, но весьма определенно. Его информация тем более интересна, что касается Преображенского полка, «братского» Семеновскому, ситуация в котором была примерно такая же. «Октябрь прошел в полку буднично, — вспоминал гвардии полковник, — небольшой борьбой эсеровской и социал-демократической (имеются в виду меньшевики. — *С.М.*) головки Полкового комитета с местными большевиками и принятия резолюции «Поддержки Петроградского гарнизона». В декабре на выборах Кутепов был смещен в писаря, это был сигнал к «свободе выбора», масса офицерства в 2—3 недели растаяла. Небольшая группа с Кутеповым — прямо на Дон, многие к Родзянко, задержались и в большинстве погибли в Киеве, в ожидании Скоропадского, большинство вернулось «домой» в Петроград. 12 декабря 1917 года в деревне Лука-Мале я последний раз виделся с Кутеповым. Он мне предложил: «Едем на Дон, или, если хочешь, доверши демобилизацию, езжай в Петроград, береги полковое добро и, когда немцы займут город, обереги вдов, жен и всех, кого надо». Я принял второе и остался до конца января демобилизовывать полк»[1]. Характеризуя настроения личного, в том числе офицерского, состава в полку, полковник Д. Зуев вспоминал: «Гвардии Преображенский резервный полк к этому времени представлял разлагающийся кусок Петроградского гарнизона, без крепкого большевистского ядра, с большим процентом керенского офицерства из старых сверхсрочных, кулацкой верхушки, преимущественно украинского крестьянства. В полку было два основных настроения: а) «рваческое», особенно у верхушки хозяйственников и б) «нейтральное» при всех конфликтах. Но в полку были и хорошо замаскированные реакционные и контрреволюционные элементы»[2].

В гвардейском Семеновском полку настроения были такие же, хотя полковник Д. Зуев полагал, что «в Семеновском полку дело, видимо, было поставлено умнее, с точки зрения контрреволюции.

---

[1] Показания полковника Преображенского полка Д.Д. Зуева от 8 января 1931 г. Цит. по публикации в кн.: *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930—1931 годы. М., 2000. С. 343—344.

[2] Там же. С. 344.

Сохранилось много кадрового офицерства, наружно перекрасившегося, очевидно, была крепкая социал-демократическая или эсеровская организация. Полк с фронта привез множество пулеметов, гранат, патрон и т. п. Полк открыто выступает на Советской платформе, но находит себе удобный выход: оберегать революционный порядок и охранять Госбанк. Развитие этой политики привело к тому, что после полной ликвидации остатков гвардии Семеновский полк под наименованием — полк охраны им. т. Урицкого существовал до весны 1919 года, когда перешел около деревни Выра на сторону Юденича. Видимо, имея в виду сохраниться на будущее, представители Семеновского полка были очень сдержанны, а из офицеров никто никогда не был и переговоры со штабом Шульгина (контрреволюционная организация савинковской ориентации, возглавлявшаяся полковником-преображенцем Б.В. Шульгиным. — *С.М.*) не вел»[1]. Подпоручик М. Тухачевский был кадровым офицером-фронтовиком, как отмечал капитан А. Типольт, больше слушавшим, чем говорившим, в политическом отношении ничем себя не скомпрометировавшим перед солдатами. Эти особенности его личности, видимо, способствовали тому, что солдаты избрали его командиром роты. Впрочем, подобная сдержанность была характерна для большинства семеновских офицеров. Реальные же офицерские настроения, притаившиеся за внешней сдержанностью и лояльностью, были иными. «Что касается, как офицерство встретило Октябрьскую революцию, — отвечал на вопрос следователя арестованный в 1930 г. бывший прапорщик Семеновского полка Е. Кудрявцев, — то нужно сказать, что встретило поневоле «хочешь не хочешь, но встречай». Никто из офицеров, в том числе и я, в стойкость Советской власти не верили. На октябрьский переворот мы все смотрели, как на авантюризм, затеянный большевиками. Ленина и других вождей рабочего класса считали агентами и шпионами Германии. В массе своей, офицерство полка перешло к Юденичу»[2]. По воспоминаниям другого офицера-семеновца, бывшего полковника

---

[1] *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930—1931 годы. М., 2000. С. 348—349.

[2] Показания прапорщика Семеновского полка Е.И. Кудрявцева от 18 декабря 1930 г. // Там же. С. 390.

Л. Дренякина, также арестованного в 1930 г., «во время встреч с 1918 по 1919 г. с офицерами Семеновского полка — Зайцевым Всеволодом, Орловым, Энгельгардтом, Гилышером, Поповым, Эссеном, Поливановым и Бремером, они говорили: «Дальнейшее пребывание в Советской России становится невозможным. Власть, взятая большевиками, ведет к гибели родины. Чтобы не допустить этого, необходимо принять меры к тому, чтобы свергнуть Совласть. Одним из практических методов для свержения Советской власти является непосредственная помощь белым. Оказание помощи белым надеялись осуществить через переход на сторону белых: к Деникину на юг, в Финляндию и т. д.»[1]. В контексте всего вышесказанного можно представить действительные тогдашние настроения и политические симпатии М. Тухачевского. Однако имеются и прямые на этот счет свидетельства.

В. Савинков в своих записках излагал рассказ поручика Леонова. «Последний, — пояснял автор записок, — вместе с Тухачевским служил в запасном батальоне лейб-гвардии Преображенского полка. Как-то вскоре после Февральской революции, за каким-то праздничным обедом или ужином, в офицерском собрании, офицеры жаловались на то, что солдаты распущенны, что с ними ничего поделать невозможно, что служить стало невозможно и т. п. Тухачевский долго молчал, а потом сказал, что сами офицеры во всем виноваты, что это офицеры позволяют командовать сволочи, а что он, Тухачевский, готов пари держать, что через два года он будет командовать этой сволочью и что она будет ходить туда, куда он ее погонит, как ходила при царе»[2]. Таковое отноше-

---

[1] Показания бывшего полковника Семеновского полка Л.В. Дренякина от 29 ноября 1930 года // Там же. С. 393.

[2] В пересказанном со слов поручика Леонова есть ряд явных несоответствий тогдашней реальности. Во-первых, разговор не мог состояться после Февральской революции, потому что М. Тухачевский, как об этом выше детально рассуждалось, прибыл в Петроград из плена только 16 октября 1917 г. Во-вторых, М. Тухачевский служил с ноября 1917 г. в запасном Семеновском, а не Преображенском полку (до февраля 1917 г. это были запасные батальоны). Впрочем, поскольку информация В. Савинкова дана им в пересказе, то такого рода искажения вполне допустимы. Важна суть рассуждений М. Тухачевского, о которых поведал поручик-преображенец Леонов. Несколько замечаний по поводу этого поручика Леонова. В списках лейб-гвардии Преображенского полка есть Леонов Сергей Митрофанович (1883—1938), дворянин Екатеринославской губернии. После окончания ка-

ние М. Тухачевского к сложившейся революционной ситуации подтверждается и другим свидетелем. Вспоминая «кстати, о приезде Тухачевского в Париж», Р.Б. Гуль рассказывал, что «в Париже, как эмигрант, жил его друг-однополчанин по гвардии Семеновскому полку Сергей (Николай. — *С.М.*) Ганецкий[1]. Ганецкий был материально хорошо устроен, он был директором хорошего отеля «Коммодор». И зная его, Тухачевский встретился с ним. Мо-

---

детского корпуса, а затем Павловского военного училища он был выпущен в лейб-гвардии Преображенский полк подпоручиком в 1904 г. Известно также, что он умер в Париже 24 апреля 1938 г. и похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа в чине полковника. Не исключено, что он был из тех кадровых офицеров, которые возвратились в полк из отставки во время войны, а полковником он стал уже к концу Гражданской войны. Впрочем, возможно, В. Савинков мог перепутать чин этого офицера, как спутал время эпизода с М. Тухачевским. Это, конечно, мог быть и другой Леонов, брат или однофамилец вышеотмеченного, офицер военного времени, призванный из запаса (как братья того же М. Тухачевского). Преображенский полк понес очень большие потери в офицерском составе в 1914—1917 гг. Впрочем, в воспоминаниях В. Савинкова могла быть искажена фамилия офицера-преображенца. Среди офицеров-преображенцев военного времени в полку были два брата с фамилией, похожей на «Леонов»: Леонтьев Сергей Михайлович и Леонтьев Николай Михайлович, оба прапорщики (возможно, произведенные в поручики при Временном правительстве). Оба Леонтьевых к концу 20-х жили в Ленинграде. С.М. Леонтьев работал завхозом дома отдела Начсостава, а Н.М. Леонтьев служил делопроизводителем Военно-технической академии. Оба были репрессированы весной 1931 г. по «делу о ленинградской организации», как члены организации бывших преображенцев. См.: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 865. Списки офицеров лейб-гвардии Преображенского полка по старшинству на 1 января 1914 г.; Российская Императорская гвардия на кладбище Сен-Женевьев де Буа // Русское прошлое. СПб., 1993. № 4. С. 346. См. также: *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930—1931 годы. С. 302.

[1] Ганецкий (или Гонецкий) Николай Николаевич (1896—22.06.1976, Ницца). Дворянин, СПб., сын полковника. Училище правоведения 1917-й (не окончил, 3-й класс). Пажеский корпус 1914-й. Подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка с 30. 07. 1915. Эвакуирован в тыл для лечения ран 15. 09. 1915. На февраль 1917 в составе запасного батальона лейб-гвардии Семеновского полка, штабс-капитан. Капитан лейб-гвардии Семеновского полка. Во ВСЮР и русской армии; секретарь начальника управления финансов. Эвакуирован до осени 1920 из Севастополя. В эмиграции во Франции (Париж). К февралю 1936 — директор отеля «Коммодор» в Париже. Член полкового объединения, на ноябрь 1951 казначей объединения лейб-гвардии Семеновского полка. Председатель отдела Союза инвалидов в Ницце. Близкий приятель М. Тухачевского. В феврале 1936 г. М. Тухачевский встречался с ним в Париже. Р.Б. Гуль спутал имя Ганецкого. Его звали Николай. Другого офицера-семеновца с именем Сергей в 1914—1917 гг. в лейб-гвардии Семеновском полку не было.

жет быть, один. А может быть, в сопровождении военного атташе (энкэведиста) Венцова, как тень везде бывавшего с Тухачевским. Этот Сергей Ганецкий раньше рассказывал друзьям интересную деталь биографии Тухачевского. Когда в Советской России после побега из немецкого плена Тухачевский пошел в формировавшуюся Красную Армию, Ганецкий с удивлением спросил его: «Как ты можешь идти туда?» На что Тухачевский ответил: «Я ставлю на сволочь...»[1] Данный эпизод свидетельствует не только об отношении к революции, но и о созревшем уже в его сознании решении пойти на службу в «революционную армию». В связи с приведенным выше свидетельством вспоминается еще один разговор, который имел место в плену, в 1917 г. между М. Тухачевским и его французскими приятелями. По смыслу он несколько перекликается с предшествующим. «Если Вы сейчас вернетесь в Россию, Вы, дворянин, Вы будете расстреляны, — говорили ему, чтобы удержать от очередного побега, французские офицеры. — Расстрелян? — засмеялся он, отвечая им. — Я стану в двадцать пять лет генералом...»[2] Эти рассуждения молодого подпоручика гвардии позволяют сделать вывод: если у него и были какие-либо определенные взгляды или симпатии к той или иной форме политического устройства, то, скорее всего, к вульгарно выраженному деспотическому самодержавному монархизму. И вполне банальна для кадрового офицера «наполеоновская» формула его политического выбора в революции[3].

О характере взаимоотношений М. Тухачевского со своими офицерами-однополчанами в контексте его настроений свидетельствуют воспоминания жены вышеупомянутого полковника Р. Бржозовского. Напомню, что князь Ф. Касаткин-Ростовский,

---

[1] «И Тухачевский оказался исторически прав, — рассказывал далее писатель, — сволочь победила (не без помощи «нашего Бонапарта», как иронически называл Тухачевского Ленин). Но Тухачевский просчитался в одном — в том, что сволочь убьет и его. И убьет подло и зверски. А за ним убьет и его старуху мать, замечательную русскую женщину, простую крестьянку из Смоленщины, которая, несмотря на все «допросы» и пытки, отказалась признать своего Мишу «врагом народа». В то время как другие родственники «признали». Страха ради иудейска» (*Гуль Р.* Я унес Россию. Том II. Россия во Франции. М., 2001. С. 228).

[2] *Lacouture J.* De Gaulle. 1969. P. 30.

[3] Ранее уже отмечалось: когда друзья «его укоряли в коммунизме, Тухачевский не раз говорил: «Разве Наполеон не был якобинцем?»

передавая отзыв о подпоручике М. Тухачевском его ротного командира капитана Ф. Веселаго, отмечал: «Он всегда был холоден и слишком серьезен... с товарищами был вежлив, но сух... Не могу сказать, чтобы он пользовался особенной симпатией товарищей». Однако воспоминания г-жи Бржозовской вносят в эту оценку существенные коррективы.

«В 1917 году Тухачевский завтракал у нас, во флигеле Семеновского полка... — вспоминала эта женщина много лет спустя, находясь в эмиграции. — Тухачевский произвел на меня самое отрадное и неизгладимое впечатление. Красивые лучистые глаза, чарующая улыбка, большая скромность и сдержанность. За завтраком муж шутил и пил за здоровье «Наполеона», на что Тухачевский только улыбался. Сам он мало пил. После завтрака мой муж, я и еще несколько наших офицеров[1] уехали провожать его на вокзал, так как он уезжал в Москву. Одет он был в черное штатское пальто и высокую каракулевую шапку, увеличивавшую его рост. После предыдущих разговоров я была полна энтузиазма и мне почему-то казалось, что он способен стать «Героем». Во всяком слу-

[1] На завтраке у полковника Р. Бржозовского перед проводами М. Тухачевского, скорее всего, находились «старшие», кадровые офицеры полка, с которыми М. Тухачевский служил в 1914—1915 гг., в основном его сверстники, и которые либо не сразу ушли к белым, либо остались в Советской России — СССР. 1. Командир полка — полковник Бржозовский Р.В. (1885—1939), в 1914 г. штабс-капитан (пулеметная команда). 2. Пом. командира полка — капитан Зайцев-2 В.А. (1890—1978), в 1914 г. подпоручик (1-я рота). 3. Полковой адъютант — штабс-капитан Венцкевич С.В. (1887—после 1938), в 1914 г. подпоручик. 4. Начальник хозяйственной части — полковник Дренякин Л.В. (1884—1931), в 1914 г. штабс-капитан. 5. Председатель полкового суда — полковник Тавилдаров Н.Н. (1880—до 1928), в 1914 г. штабс-капитан (5 рота). 6. Командир 1-го батальона — штабс-капитан Георгиевский А.М. (1888—1920), в 1914 г. прапорщик. 7. Командир 2-го батальона — капитан Орлов А.А. (1890—после 1938) в 1914 г. подпоручик (3-я рота). 8. Командир 3-го батальона — капитан Лялин Н.К. (1889—1925), в 1914 г. подпоручик, бат. Адъютант (3 бат.). 9. Командир 4-го батальона — капитан Фадеев А.А. (1880—после 1938), в 1914 г. штабс-капитан. 10. Капитан Бремер-1 Г.А. (1890—1935), в 1914 г. подпоручик (пулеметная команда). Скорее всего, именно эти офицеры могли сидеть за завтраком во флигеле Семеновского полка в Петрограде у полковника Р. Бржозовского и его жены вместе с М. Тухачевским. Вероятнее всего, на вокзал поехали провожать М. Тухачевского, кроме Р. Бржозовского и его жены, «сверстники» провожаемого, бывшие «подпоручики 1914 г.»: капитаны А. Орлов, Н. Лялин, Г. Бремер и штабс-капитан А. Георгиевский.

час, он был выше толпы. Я редко ошибаюсь в людях, и мне было особенно тяжело, когда впоследствии я узнала, что он будто бы вполне искренне стал большевиком. Все же в душе оставалось сомнение, что это не так. После второго звонка, в отделении второго класса, я сказала ему, когда мы расставались: «Прощайте! Благословляю Вас на Великие Дела!» Поцеловала его в лоб и, три раза, мелко перекрестила. Он поцеловал мне руку, посмотрел на меня искренним серьезным взглядом и сказал: «Постараюсь». Поезд тронулся после третьего звонка. Тухачевский стоял у окна и смотрел серьезно и грустно на нас... Больше я его никогда не видела. В Петербург он не возвращался»[1]. Все свидетельствует о том, что настроения М. Тухачевского вполне вписывались в настроения большинства офицеров полка. Его приняли как «своего».

Приведенные воспоминания интересны в нескольких аспектах. Прежде всего, вопреки некоторым другим (полковника князя Ф. Касаткина-Ростовского, В. Посторонкина) настоящие свидетельства указывают на дружественные отношения М. Тухачевского с полковыми офицерами. Командир полка полковник Р. Бржозовский поехал провожать его с несколькими офицерами. Данные воспоминания, кроме того, указывают на имевшие место достаточно откровенные разговоры, обмен мнениями среди указанных лиц. Причем М. Тухачевский, очевидно, высказывал такие политические суждения, которые дали, пусть даже в шутку, основания полковнику Р. Бржозовскому называть его «Наполеоном». Примечательно сомнение г-жи Бржозовской в том, «что он (М. Тухачевский) будто бы вполне искренне стал большевиком». В них содержится намек на то, что М. Тухачевский признавался о своих намерениях перейти к большевикам не по мотивам искренней веры в их идеалы, а чтобы подчинить себе всю эту «сволочь» и заставить ее «ходить туда, куда он ее погонит, как ходила при царе».

Два момента в этих фрагментах воспоминаний привлекают внимание. Во-первых, это констатация дружеских отношений М. Тухачевского с полковником Р. Бржозовским и еще несколькими офицерами полка. В 1914 г. Р. Бржозовский, польский аристократ и католик, был штабс-капитаном лейб-гвардии Семеновского полка. В октябре 1917 г. он был командиром резервного

[1] *Wieczorkiewicz P.P.* Sprawa Tuchaczewskiego. Warszawa, 1994.

Тухачевский М.Н. 1921 г.

Начальник штаба Красной Армии Тухачевский М.Н. 1927 г.

Подпоручик лейб-гвардии
Семеновского полка
Купреянов П.А. 1912 г.

Подпоручик лейб-гвардии
Семеновского полка
Толстой Н.Н. 1913 г.

Подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка Толстой И.Н. 1914 г.

Командир Корниловской дивизии генерал-майор Скоблин Н.В. 1920 г.

Скоблин Н.В. 1936 г.

Плакат 1935 г. Советские военачальники:
Гамарник Я.Б., Тухачевский М.Н., Егоров А.И., Халепский И.А., Орлов В.М., Якир И.Э., Каменев С.С., Орджоникидзе Г.К., Буденный С.М., Алкснис Я.И., Муклевич Р.А., Эйдеман Р.П., Уборевич И.П.

Буденный С.М. и Шапошников Б.М. 1928 г.

Буденный С.М. и Егоров А.И. 1928 г.

М.Н. Тухачевский. 1921 г.

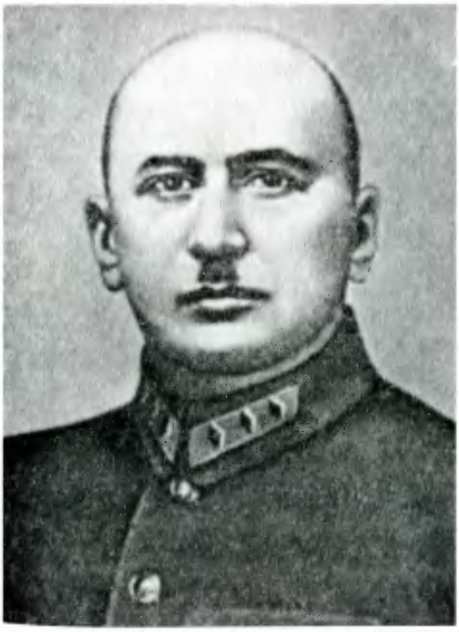
М.Н. Тухачевский. Париж, 1936 г.

Баторский М.А. Поручик лейб-гвардии Кирасирского Ее Императорского Величества полка. 1913 г.

Командарм 1-го ранга
Якир И.Э. 1935 г.

Свечин А.А.

Маршал Советского Союза Тухачевский М.Н. 1936 г.

Президент Германской республики фельдмаршал Гинденбург П. приветствует советскую военную делегацию на маневрах рейхсвера осенью 1932 г. (Среди советских военачальников второй слева Тухачевский М.Н., третий – Фельдман Б.М., четвертый – Седякин А.И.)

Советские военачальники на первомайском параде на Красной площади. 1927 г. (В первом ряду справа налево: третий – Егоров А.И., далее Тухачевский М.Н., Уншлихт И.С., Бубнов А.С., Ворошилов К.Е., Муклевич Р.А.)

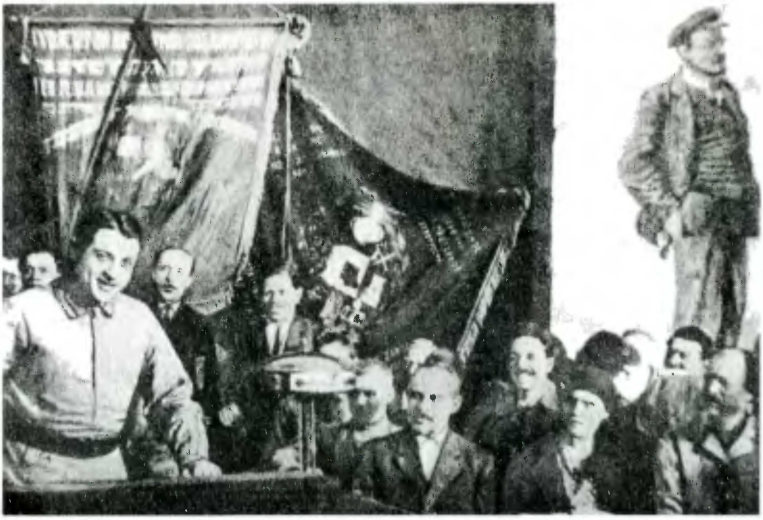
Троцкий Л.Д. Рисунок с натуры Ф.Малютина.

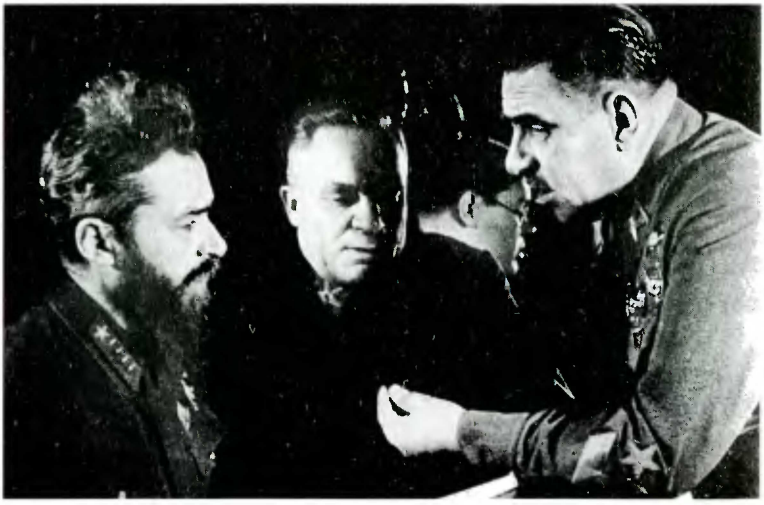
VIII Чрезвычайный съезд Советов СССР. 1936 г.

Парад на Красной площади. 1930 г. (Слева направо: Буденный С.М., Уборевич И.П., Ворошилов К.Е., Гамарник Я.Б.)

Командующий Западным военным округом Тухачевский Н.М. выступает на 7-м Всебелорусском съезде Советов. Май, 1925 г.

Слева направо: Гамарник Я.Б., Егоров А.И., Блюхер В.К. 1936 г.

Маршал Советского Союза Тухачевский М.Н. 1935 г.

Командарм Корк А.И.
1920 г.

Маршал Советского
Союза Блюхер В.К.
1935 г.

гвардейского Семеновского полка. Хотя он был на 8 лет старше М. Тухачевского, их могли сближать несколько общих «признаков». И Р. Бржозовский, и М. Тухачевский оба окончили Александровское военное училище, то есть оба были «александронами», аккумулировавшими особый, сравнительно «либеральный» дух воспитателей этого училища. Тем более что «александроны» в полку были в меньшинстве. Это не «пажи», из которых, прежде всего и главным образом, комплектовался гвардейский офицерский корпус. Они не были «павлонами», которые, как правило, заполняли лакуны в гвардейском офицерстве, оставленные «пажами». «Александроны» считались отражением «пореформенного либерализма» в армии и гвардии. Они сами по себе были некоторой «фрондой» в офицерском корпусе гвардии.

Кроме того, вне всякого сомнения, Р. Брожозовский и другие офицеры полка польско-литовского происхождения считали М. Тухачевского «своим шляхтичем»[1]. Слухи о принадлежности М. Тухачевского к польской аристократии были распространены на Западе[2]. Это произошло явно не без участия его старых приятелей. Кстати говоря, и советская пропаганда также очевидно активно поддерживала эти слухи ввиду бывшей и будущей войны с Польшей. Выше я останавливал внимание на «польско-литовской» части офицеров-семеновцев. Они были в меньшинстве и естественно консолидировались. Во-вторых, в контексте «польско-литовской» ментальности пребывает и «наполеоновская легенда».

Собственно говоря, ведь «наполеоновская легенда», насыщенная «мессианскими настроениями», зародилась именно в Польше. Именно в Польше она стала органической частью польской национальной культуры, пронизывавшей различные слои польского населения, чего никак нельзя было сказать о России. Если в России и был «культ Наполеона», то скорее как эстетическая игра верхнего слоя интеллектуалов. Р. Бржозовский называет М. Тухачевского «Наполео-

---

[1] Следует помнить, что Смоленская земля, где располагались к началу XVII в. поместья Тухачевских, была в то время спорной территорией между Москвой и Речью Посполитой. Тогда даже в документах числили Тухачевских «смоленской шляхтой». Определенный налет «полонизации» западнорусских помещиков и дворян, несомненно, коснулся и Тухачевских. В Польше эта фамилия была известна.

[2] *Шпальке К.* Источники истории о Михаиле Тухачевском // Гутен Таг. 1988. С. 38.

ном», которому это приятно, хотя он и понимает это как шутку. Это полушутливое прозвание М. Тухачевского возникло среди полковых офицеров, конечно, не в 1917 г., а еще в 1914-м. На это косвенно указывают и князь Ф. Касаткин-Ростовский, и В. Посторонкин.

Таким образом, с большой долей основательности можно предполагать, что в «Наполеоны» М. Тухачевского «произвели» еще в 1914 г. его полковые товарищи. В частности, тот же Р. Бржозовский. Судя по всему, отношения М. Тухачевского с Р. Бржозовским и предполагаемой группой офицеров-семеновцев, фронтовых приятелей подпоручика, были дружескими. Эта ситуация диссонирует с информацией, исходившей от Б. Колчигина. «Ходили слухи, — рассказывал Б. Колчигин, — что по возвращении из плена М.Н. Тухачевский поссорился с обществом офицеров на политической основе»[1]. Это как-то не вяжется с ходатайством полкового начальства произвести подпоручика М. Тухачевского сразу в чин капитана, назначением его командиром роты. Близкие приятельские отношения были у М. Тухачевского и с полковником С. Соллогубом[2]. Один из близких соратников М. Тухачевского по 1-й Революционной армии также вспоминал эпизод, касавшийся отчасти старых полковых дружеских отношений командарма. Он относится к августу—сентябрю 1918 г. Тогда предписанием Всероглавштаба в 1-ю армию к М. Тухачевскому был направлен еще один его бывший однополчанин, капитан лейб-гвардии Семеновского полка Б.В. Энгельгардт. Со слов Б. Энгельгардта мемуарист отмечает «былые дружеские связи» М. Тухачевского с бывшим семеновским капитаном[3], который

---

[1] *Пикулин Л.* Тухачевский. М., 1964. С. 38.

[2] *Типольт А.А.* Такое не забывается // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и товарищей. С. 21. Полковник Соллогуб Сергей Иванович (1885—1939), в 1914 г. был штабс-капитаном и полковым адъютантом. Ровесник Р. Бржозовского, он вместе с ним учился тоже в Александровском военном училище. Он также принадлежал к старинному польско-литовскому роду. В 1918 г. С. Соллогуб, как и Р. Бржозовский, уехал в Польшу. Там у него были высокопоставленные родственники. Разумеется, в 1920 г. его отношения с М. Тухачевским были во многом обусловлены принадлежностью к враждебным армиям, но в 1914 и в 1917 гг. они могли быть вполне дружескими.

[3] *Корицкий Н.Н.* В дни войны и в дни мира // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и товарищей. С. 75.

был ему представлен М. Тухачевским как «смолянин», «земляк Тухачевского и, кроме того, как его сослуживец по Семеновскому гвардейскому полку»[1].

Б. Энгельгардт покинул Красную Армию в ноябре 1918 г. Оказавшись у А. Деникина, он дал любопытную информацию, характеризующую не только политические настроения в штабе 1-й армии, но и большую, можно сказать, дружескую степень доверительности между М. Тухачевским и Б. Энгельгардтом. Информируя А. Деникина о настроениях М. Тухачевского и его ближайшего окружения, капитан Б. Энгельгардт пересказывал «доверительные» признания командарма-1. Процитирую их еще раз. «Мы убежденные монархисты, — признавался М. Тухачевский, — но не восстанем и не будем восставать против Советской власти потому, что раз она держится, значит, народ еще недостаточно хочет царя. Социалистов, кричащих об Учредительном собрании, мы ненавидим не меньше, чем их ненавидят большевики. Мы не можем их бить самостоятельно, мы будем их уничтожать, помогая большевикам. А там, если судьбе будет угодно, мы и с большевиками рассчитаемся»[2]. Примечательно, что М. Тухачевский в своих воспоминаниях о боевом пути 1-й армии в 1918 г., опубликованных в 1921 г., весьма высоко оценивал действия Б. Энгельгардта в качестве своего помощника, называя последнего «товарищ Энгельгардт»[3].

Все приведенные выше сведения указывают на то, что у М. Тухачевского были вполне доверительные и близкие дружеские отношения по крайне мере с частью товарищей по полку в 1914—1915 гг., и они сохранялись таковыми, во всяком случае, в 1917—1918 гг. Уже в 1914 г. в полку за М. Тухачевским закрепилась несколько ироничная репутация «Наполеона». В октябре 1917 г. в нем она явно начала обретать более серьезный смысл. Так или иначе, но можно констатировать, что вопрос, поставленный А. фон Лампе в дневнике в марте 1920 г., «Тухачевский... Не

---

[1] *Корицкий Н.Н.* В дни войны и в дни мира // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и товарищей. С. 75.

[2] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1992. № 11/12. С. 121, 123.

[3] *Тухачевский М.Н.* Первая армия в 1918 году // Этапы большого пути. Сборник воспоминаний. М., 1961, с. 54.

Наполеон ли?» — не был случайным «угадыванием». Он опирался на уже бытовавшее в полковой среде семеновских офицеров прозвище М. Тухачевского — «Наполеон». В белом военном зарубежье некоторые бывшие офицеры-семеновцы могли не только воспринять настроения А. фон Лампе с его ожиданиями «Наполеона» в М. Тухачевском, но и активно их подпитывать. Это публично, хотя и под псевдонимом, сделал князь Ф. Касаткин-Ростовский в октябре 1922 г. Это непубличпо могли делать бывшие семеновцы в рамках «Семеновского полкового объединения» за рубежом[1].

Все вышеприведенные свидетельства, и прямые, и косвенные, вполне достаточны для представления о настроениях М. Тухачевского после возвращения из плена. Они явно были не в пользу Советской большевистской власти. Поэтому высказывания М. Тухачевского в плену, в которых он заявлял о своей готовности последовать за В. Лениным и под знаменем новой «марксистской религии», еще не означали, что его выбор был уже тогда предопределен. Из всего вышесказанного ясно, что в октябре—декабре 1917 г. М. Тухачевский оставался среди своего круга лиц, среди офицеров Петровской гвардейской бригады, среди семеновцев и преображенцев. Более того, он был в весьма хороших дружеских с ними отношениях. Его называли «Наполеоном», его представили в капитаны, его избрали командиром роты. Он в это время был «своим» для них. Он разделял господствовавшие среди них взгляды на политическую ситуацию и их к ней отношение. В контексте всего вышесказанного вполне достоверным представляются воспоминания приятеля М. Тухачевского капитана Д. Голум-бека. По его свидетельству, в 1917 г. М. Тухачевский присоединился к бывшим офицерам царской армии, которые организовывали белогвардейские части для борьбы с большевиками. Капитану Д. Голум-беку М. Тухачевский по секрету сообщил о своем решении порвать с белыми. «Я спросил его, — рассказывал впоследствии капитан, — что же он намерен делать». На это М. Тухачевский ответил: «Откровенно говоря, я перехожу к большевикам. Белая армия ничего не способна сделать. У нас нет вождя». Несколько минут он ходил по комнате, потом остановился и воскликнул: «Не

[1] Одним из активных семеновских офицеров, стремившихся объединять их за рубежом, был А. фон Лампе.

подражай мне, если не хочешь, но я думаю, что поступаю правильно. Россия будет теперь совсем другая»[1]. Когда это могло иметь место?

Есть лишь первая в этом направлении дата — 5 апреля 1918 г., когда он становится членом большевистской партии, и 5 апреля 1918 г. — начало его службы в Красной Армии. Дата 5 апреля вполне могла первоначально быть проставлена по «старому стилю», то есть спустя пять дней после гибели генерала Л. Корнилова. Тогда мотивация перехода М. Тухачевского к большевикам, как он ее определил в разговоре со своим приятелем, вполне логична. Хотя совсем не обязательно связывать решение М. Тухачевского перейти к большевикам с гибелью генерала Л. Корнилова. Следует иметь в виду, что «демократ и республиканец», «генерал Февраля» Л. Корнилов вовсе не был «вождем и кумиром» большинства, особенно кадрового гвардейского офицерства. Тем более «коренных гвардейцев» Петровской бригады. Они вообще без особой охоты шли в «белые армии», защищать «идеалы Февраля», «февральскую демократию», «керенщину» в разнообразных ее проявлениях, хотя, несомненно, сочувствовали антибольшевистской борьбе.

«Гвардейское офицерство — кисляк. Чистят снег и пропадают... на базаре...», — так оценивал в начале 1918 г. своих товарищей преображенский полковник Б. Шульгин[2]. Если же они и решались отправиться в ряды «белой армии», то лишь сравнительно немногие из «Петровской бригады» последовали в конце 1917 — начале 1918 гг. за А. Кутеповым в Добровольческую армию. Следует помнить, что А. Кутепов не был «коренным преображенцем», не принадлежал к старинному дворянству, к аристократии. А. Кутепов был «демократ» по происхождению и своей военной карьере. Именно «Февраль» поставил его во главе «первого полка» русской гвардии и армии. Вряд ли при царе такое могло случиться. Если офицеры-гвардейцы и решались отправиться к «белым», то, скорее, в Киев к Скоропадскому, или ждали прихода кайзеров-

---

[1] *Сейерс, Кан.* Тайная война против Советской России. М., 1947.

[2] Показания полковника Преображенского полка Д.Д. Зуева от 8 января 1931 г. // *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР... С. 345.

ских войск в Петроград. Поэтому, когда М. Тухачевский объяснял свое решение перейти к большевикам отсутствием у «белых» «вождя», он, пожалуй, не считал генерала Л. Корнилова возможным «своим вождем», вождем настоящего «белого дела».

Старый дореволюционный товарищ М. Тухачевского, который считал себя своего рода «крестным отцом» будущего маршала в его службе Советской власти, Н. Кулябко вспоминал: «Мы встретились вновь лишь в марте 1918 года. Он уже успел поработать в Военном отделе ВЦИКа, а меня 4-й Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов избрал членом ВЦИК. После переезда правительства в Москву я был назначен военным комиссаром штаба обороны Москвы, потом стал заместителем председателя Всероссийского бюро военных комиссаров. В эти дни как раз и возобновились наши дружеские связи с Михаилом Николаевичем»[1]. Учитывая хронологию политических событий того времени и возникновения всякого рода «революционных» учреждений, в том числе Всероссийского бюро военных комиссаров, «эти дни» могли иметь место лишь в апреле 1918 г. Поэтому «дружеские связи» Н. Кулябко с М. Тухачевским «возобновились» не в марте, а в апреле 1918 г.

Возможно, известная дата вступления М. Тухачевского в Красную Армию и в партию — 5 апреля 1918 г. — и является датой начала его работы в Военном отделе ВЦИК. А несколько позднее, возможно, тоже в апреле, по рекомендации Н. Кулябко и А. Енукидзе М. Тухачевский и вступил в РКП(б). Есть и иные свидетельства, объясняющие причины и обстоятельства перехода М. Тухачевского на сторону большевиков. Л. Норд утверждает, ссылаясь на самого М. Тухачевского, что решающую роль в этом его поступке сыграл не Н. Кулябко, а братья Куйбышевы.

Известно, что М. Тухачевский и младший из братьев, Николай Владимирович Куйбышев, будучи одногодками, в одно и то же время учились и окончили Александровское военное училище. Правда, на протяжении всех лет службы в Красной Армии трудно было заметить между ними особенно дружественные отношения. Однако Л. Норд свидетельствует об ином.

---

[1] *Кулябко Н.Н.* Я рекомендовал его в партию // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 28.

«...Судьба столкнула Тухачевского с Николаем Владимировичем Куйбышевым в 1918 г. на вокзале в Москве, — вспоминала Л. Норд. — И эта случайная встреча определила дальнейшую судьбу маршала. Н.В. Куйбышев затащил его к себе и познакомил с братом. Старший Куйбышев, угадав и оценив незаурядную натуру Тухачевского, три дня уговаривал его примкнуть к большевикам. Он свел его со старшими офицерами, уже перешедшими к красным и, когда Тухачевский был завербован, В.В. Куйбышев использовал все свое влияние в партии, чтобы выдвинуть молодого поручика на ответственный военный пост. Он сам поручился за Тухачевского и нашел для него еще других поручителей»[1].

Несомненно, сам факт встречи с однокашником и определенные положительные эмоции, этим событием вызываемые, могли иметь место в то время. Однако, во-первых, Н.В. Куйбышев вряд ли мог присутствовать в конце марта — начале апреля 1918 г. в Москве. Во-вторых, другой из братьев Куйбышевых, Валериан Владимирович, с конца 1917 г. находился в Самаре, где он устанавливал Советскую власть и затем стал секретарем губкома РКП(б). Он приезжал в Москву лишь на короткое время 4-го Съезда Советов 14—16 марта 1918 г. и сразу же по его окончании вернулся в Самару. В тогдашней обстановке у него просто не могло быть времени на то, чтобы три дня уговаривать гвардейского поручика, а затем устраивать его судьбу в Военном отделе ВЦИК. Наконец, в-третьих, самое главное. М. Тухачевскому ничего не было известно о роли В. Куйбышева в собственной судьбе. Он обязательно бы указал этот факт в своих воспоминаниях о В. Куйбышеве, связанных со смертью последнего. «Благословение» одного из тогдашних «вождей» страны было бы для него далеко не лишним. Таким образом, информация Л. Норд о решающей роли братьев Куйбышевых в судьбе М. Тухачевского была, скорее всего, рождена слухами. Впрочем, вполне возможно, что Н. Куйбышев мог проинформировать своего брата о М. Тухачевском перед их совместной службой в 1-й Революционной армии, в которую, как выше отмечалось, В. Куйбышев был в июле 1918 г. назначен военным комиссаром к будущему маршалу.

---

[1] *Норд Л.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском // Возрождение. Париж, 1957. Тетрадь № 63. С. 75.

Кроме Н. Кулябко, в начальной военной карьере М. Тухачевского важную роль сыграли еще два человека. Это А. Енукидзе, в те весенние и летние месяцы 1918 г. заведовавший Военным отделом ВЦИК и давший одну из двух рекомендаций М. Тухачевскому для вступления в РКП(б). Другой человек — К. Юренев. В те месяцы он являлся членом коллегии Наркомвоена, членом коллегии по формированию Красной Армии и председателем Всероссийского бюро военных комиссаров. Именно ему подчинялся с мая 1918 г. М. Тухачевский как военный комиссар Московского района Западных отрядов Завесы. Именно К. Юренев рекомендовал М. Тухачевского на должность командующего 1-й Революционной армией[1]. Он и позднее называл бывшего гвардейского подпоручика своим «крестником», а тот, в свою очередь, это с благодарностью признавал[2].

Итак, М. Тухачевский, несомненно, не являлся тем «образом», который сформировался и в кругах русской военной эмиграции, и у его ближайшего окружения. Он не был «Наполеоном». Он был «Ставрогиным» со «смердяковским отпечатком» на психокультурной установке, «аристократом в демократии». Он был «оборотнем» и «наемником-ландскнехтом». Его отношение к различным «идеологемам», «революционным ценностям» носило преимущественно «игровой», «карнавальный» характер, хотя и не было лишено определенной, порой весьма сильной, «романтической» увлеченности и воображения. Аристократическая ирония, исходившая из его существа, пронизывала все окружавшие его «ценности», делая их «призрачными», неустойчивыми. Он тяготел к динамически неустойчивому миру, а не к мировой статике. Он, быть может, способен был осуществить, при определенных обстоятельствах «18 Брюмера», но, кажется, не испытывал большой потребности в его властных результатах. Смыслообразующим его устремлением была «война» — это, пожалуй, наиболее впечатляющее проявление мировой динамики. И если ему могла понадобиться власть и если он при определенной конъюнктуре ее захватил или получил бы, то именно для «войны». М. Тухачевский был воплощенной «войной».

---

[1] *Дайнес В.О.* Михаил Николаевич Тухачевский. С. 42.

[2] Там же. С. 43.

Долголетняя военно-политическая устойчивость М. Тухачевского была обусловлена, прежде всего, окончательно сложившейся к 1922 г. устойчивой, семантически двуединой политической «легендой»: М. Тухачевский — это «красный Бонапарт», а «Бонапарт» — это «революционная наступательная война». Его имя прямо и косвенно использовалось властью, блефовавшей перед зарубежьем, будучи экономически и политически немощной и социально неустойчивой. В зависимости от внешнеполитических обстоятельств М. Тухачевского «выставляли» либо в качестве «пугала революции извне», либо в качестве вождя близкого «бонапартистского переворота». В первом случае власть стремилась напугать Запад новым «революционным вторжением», во втором — пыталась удержать Запад от интервенции, намекая на близкую свою «бонапартизацию».

Глава III

«ОРГАНИЗАЦИЯ ТУХАЧЕВСКОГО» И «ДЕЛО ВАРФОЛОМЕЕВА»

1

Слухи об «организации и заговоре Тухачевского»

Молва об антисоветской организации в РККА и «заговоре» появляется в Берлине уже с весны 1923 г. Особенно чутко на них реагировавший А. фон Лампе 2 апреля 1923 г. в своем дневнике отметил «слухи о заговоре в Кавказской армии»[1]. Упоминались имена командующего и начальника штаба этой армии — А. Егорова и С. Пугачева. А. фон Лампе в связи с этим отметил в дневнике, что в советское полпредство в Берлине поступило «опровержение Наркомвоена». В разъяснении Наркомвоена говорилось о том, что «заговор был, но среди младшего комсостава из донских и кубанских казаков». Говорилось о «вспышках в Туапсе, Сочи, Майкопе»[2].

25 июля 1923 г. А. фон Лампе получил информацию о том, что «венгр Бела Кун и латыш Гиттис... составили против советского правительства заговор с целью поставить во главе России 12 интернационалистов-коммунистов, так как де современная Советская власть слишком националистична»[3]. Эта информация, как пояснял А. фон Лампе, поступила к нему из прессы. Однако со ссылкой на «Петроградскую правду» А. фон Лампе добавлял, что командующий Петроградским военным округом «Гиттис находился в тесном контакте с белогвардейскими организациями, арестован и предан суду за контрреволюционную деятельность»[4]. Свое-

---

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 11. Л. 4881.

[2] Там же.

[3] Там же. Д. 12. Л. 5140.

[4] Там же.

образным добавлением к этой информации можно считать еще одну запись в дневнике А. фон Лампе 19 августа 1923 г. Со ссылкой на «перебежчика из Советской России» автор дневника отмечает, что «...В. Гиттис не латыш, но в котором-то поколении происходит от жидов...»; «что Гиттис стал совершенным карьеристом»[1]. Надо сказать, что слухи о причастности командующего Петроградским военным округом В. Гиттиса к «антисоветскому заговору» весьма настойчиво циркулировали и в СССР, в Петрограде. «Весной 1925 года, — рассказывал один из «беглецов» из СССР некий А. Клингер, — в Петрограде возникло громкое дело бывших воспитанников Александровского лицея... Незадолго до того (надо думать, в 1924 г. — *С.М.*) ГПУ было осведомлено о существовании в Красной Армии обширного антисоветского заговора. Несмотря на тщательные поиски, раскрыть заговор не удалось (пострадал лишь Гиттис, смещенный со своего поста)»[2]. Тот же автор в другом месте, рассказывая о мятеже Соловецкого полка, упоминает о подчинении этой части командующему Петроградским военным округом, «известному Гиттису, недавно смещенному за «контрреволюцию» и противодействие ГПУ»[3]. Официально В. Гиттис был действительно смещен с должности в октябре 1925 г. Это было сделано не в связи с перемещением его на другую должность, а фактически, как отставка и наказание. Его перевели в распоряжение наркома по военным и морским делам. Это было равноценно временной отставке человека, попавшего под политическое подозрение. В связи с вышеприведенной информацией, представленной преимущественно слухами, догадками и домыслами, имеется и вполне достоверная, о которой в «белом» Берлине либо вообще не знали, либо были информированы в чрезвычайно «преображенном» виде.

16 февраля 1924 г. газета «Руль» поместила заметку под заголовком: «Тухачевский и Советская власть». В ней сообщалось следующее: «Выступление Троцкого против «тройки» заставило ее

---

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 11. Л. 5163.

[2] *Клингер А.* Советская каторга // Архив русской революции. М., 1993. Т. 19/20. С. 197.

[3] Там же. С. 161.

насторожиться против тех военных начальников, которые особенно близки к председателю реввоенсовета. Среди них видное место занимает Тухачевский, командующий Западным фронтом и имеющий пребывание в Смоленске. Тухачевскому был предложен перевод в Москву, чтобы держать его под непосредственным надзором. Хотя перевод был сопряжен с повышением, но и от позолоченной пилюли Тухачевский отказался. Тогда ему предложение было повторено в ультимативной форме, а Тухачевский вновь категорически отказался. Тройка кипит негодованием, но ничего сделать не может. Не идти же походом на Смоленск!»[1] Информация о политической позиции М. Тухачевского, помещенная в «Руле», была, очевидно, получена И. Гессеном от А. Гучкова, с которым он поддерживал личные и политические отношения, сложившиеся еще до революции. Это подтверждается текстом протокола заседания Русского национального комитета 29 февраля 1924 г. в Париже[2]. Кстати сказать, на этом заседании присутствовал приехавший специально по этому поводу в Париж генерал А. фон Лампе[3]. В протоколе заседания приводилось «сообщение А.И. Гучкова об информации из России» о том, что там «раскол велик и непоправим, вне насильственного переворота выхода нет. Переворот возможен только военный, либо дворцовый, либо в более широком масштабе. Сама власть так слаба, что свержение ее неизбежно. На ее место водворится красная диктатура. Типичной фигурой является Тухачевский, сидящий в Смоленске. По сведениям одного осведомленного немца, он пользуется большим обаянием в массах. Некоторое время назад он был взят под подозрение, вызван в Москву. Предполагалось дать ему почетный, но невлиятельный пост. Он отказался выехать по вызову. В Смоленске погромные настроения против коммунистов и евреев... В оценке немцами положения в России за последнее время произошли перемены. Раньше они верили в эволюцию. Теперь они считают, если и не неизбежным, то вероятным военный переворот. Указыва-

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 6292.

[2] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1295. Л. 1—2, копия; *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992. С. 57.

[3] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 6327.

ют также на Тухачевского... Подозрительные элементы в армии уничтожают»[1].

Из контекста сообщения «Руля» следует, что «Тухачевскому был предложен перевод в Москву, чтобы держать его под непосредственным надзором», после «выступления Троцкого против «тройки». Это выступление, как известно, началось 8 октября 1923 г. письмом Л. Троцкого[2]. Автор заметки в «Руле» считал, что именно это обстоятельство «заставило насторожиться против тех военных начальников, которые особенно близки к председателю реввоенсовета. Среди них видное место занимает Тухачевский...» Вслед за этими фразами и шла речь о попытках «выманить» «красного Бонапарта» в Москву. Автор заметки, таким образом, представляет дело так, что вслед за началом конфликта и было сделано соответствующее предложение М. Тухачевскому. Иными словами, с конца августа и по октябрь включительно. Но М. Тухачевского можно было соблазнить лишь «переводом с повышением», предложить ему «позолоченную пилюлю», как это называет «Руль». «Но от позолоченной пилюли Тухачевский отказался». Да и мог ли он пойти на это в ожидании своего «звездного часа», близкого реванша за варшавскую неудачу?

В стенограмме сообщения А. Гучкова от 29 февраля 1924 г. обстоятельства с попытками «выманить» М. Тухачевского в Москву описываются с весьма примечательными штрихами. «По сведениям одного осведомленного немца, — сообщал А. Гучков, — он (М. Тухачевский) пользуется большим обаянием в массах. Некоторое время назад он был взят под подозрение, вызван в Москву. Предполагалось дать ему почетный, но невлиятельный пост. Он отказался выехать по вызову»[3]. «Одним осведомленным немцем» мог быть Е. Беренс.

Е. Беренс предложил свои услуги еще в начале июня 1923 г., в разгар англо-русского конфликта направив письмо в Политбюро ЦК. Письмо Е. Беренса дважды обсуждалось на заседании Полит-

---

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1295. Л. 1—2; *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч... С. 57.

[2] Письмо Л.Д. Троцкого членам ЦК и ЦКК РКП(б) 8 октября 1923 г. // Известия ЦК КПСС. М., 1990. № 5. С. 165—175.

[3] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1295. Л. 1—2; *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч... С. 57.

бюро ЦК: 9 июня и 13 августа 1923 г. Однако воспользоваться услугами Е. Беренса решено было, по предложению Л. Троцкого, только на заседании Политбюро ЦК 21 сентября 1923 г. Следовательно, сама поездка Е. Беренса состоялась после 21 сентября, а возвратился он обратно до 30 ноября 1923 г.[1].

«Адмирал» **Е. Беренс** (1876—1928) был немцем по национальности и германофилом по убеждениям[2]. Таким образом, в конце сентября 1923 г. он был направлен Л. Троцким в Берлин для встречи А. Гучковым. С последним посланец Председателя РВС СССР был в весьма доверительных отношениях в период работы во Временном правительстве. А. Гучков рассказал И. Гессену о своей встрече с Е. Беренсом. Правда, много позже. В своей записной книжке И. Гессен записал 30 ноября 1923 г.: «Гучков сам рассказывал мне, что к нему приезжал один из его наиболее видных и ответственных сотрудников по военному министерству (Временного правительства) для переговоров о возвращении на Родину. Вслед за этим пришлось видеть письмо Троцкого к упомянутому сановнику, письмо, в котором Троцкий предлагал ему вернуться в Россию, оборвав переговоры с эмиграцией»[3].

Однако «адмирал» вел речь не только о возвращении А. Гучкова в Россию. Е. Беренс вел переговоры с бывшим военным министром Временного правительства как с руководителем так называемого «кружка Гучкова». Так условно именовалась группа военно-политических экспертов из числа российских эмигрантов с весьма разветвленной агентурой и личными связями в европейских военно-политических кругах. Речь шла о возможности бес-

---

[1] *Пятницкий В.* Заговор против Сталина. М., 1998. С. 326—327.

[2] На заседании Чрезвычайной следственной комиссии 27 января 1920 г. адмирал А. Колчак, хорошо знавший Е. Беренса, так характеризовал взгляды последнего: «Беренс всегда был убежденным германофилом. Он всегда был убежден в необходимости связи с Германией и считал величайшей ошибкой наше участие в войне против нее. Это было его глубокое убеждение, и с этой точки зрения он рассматривал все происходившие события. Поэтому я понимал точку зрения Беренса — она могла быть объективно оправданна, так как Германия во время войны обнаружила необычайно высокую постановку дела во флоте» (Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака: Стенографический отчет.) // Арестант пятой камеры. М., 1990. С. 342.

[3] *Гессен И.* Годы изгнания. Жизненный отчет // Русская идея. М., 1994. Т. 1. С. 345.

препятственного прохода частей Красной Армии через территорию Польши[1]. Однако активизация Антанты, эмигрантских военных формирований на западных границах СССР, возможное их выступление на Дальнем Востоке, провал советско-польских переговоров по Германии и неудача «немецкого Октября» сделали эти переговоры бесполезными.

Л. Троцкий отправил Е. Беренсу шифровку, в которой предлагал представить эти переговоры как частную инициативу самого Е. Беренса[2]. Примечательно, что советский посланец показал А. Гучкову текст этой шифровки, как об этом свидетельствует И. Гессен. Это говорит о весьма доверительном общении старых соратников. Надо полагать, что А. Гучков был любопытен, а Е. Беренс — откровенен. Информацией по военным и военно-политическим вопросам внутри СССР Е. Беренс, очевидно, обладал обширной и вполне достоверной. Возможно, именно после этой встречи А. Гучков в письме П. Врангелю от 28 октября 1923 г. советовал сместить доминанту политической борьбы в СССР. Он предлагал перейти к активной деятельности в России, где «возможности для революционной работы... и, в частности, для организации террора имеются налицо». Он был убежден, что «власть большевиков над Россией держится маленькой бандой кремлевских владык», а «сама власть окружена таким морем ненависти», что при первых же «серьезных трещинах в фундаменте кремлевской стены общая картина может быстро измениться — рухнет престиж, распадется дисциплина, исчезнет покорность»[3]. Именно такую обстановку в СССР А. Гучков обрисовал и в своем выступлении 29 февраля 1924 г. В конце ноября 1923 г. А. Гучков рассказал И. Гессену о своей встрече с Е. Беренсом. К 16 февраля 1924 г. он сообщил ему некоторые подробности о политической позиции М. Тухачевского. Учитывая все вышесказанное о «миссии Е. Беренса», можно полагать, что слухи о возможном «военном перевороте Тухачевского», об отказе М. Тухачевского покинуть должность командующего Западным фронтом возникли до отъезда Е. Беренса в Берлин, до последней декады сентября 1923 г.

---

[1] *Пятницкий В.* Заговор против Сталина. С. 327.

[2] Там же.

[3] Цит. по: *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. СПб., 1996. С. 34—35.

Политическая ситуация в СССР находилась в состоянии выбора. В русском зарубежье возник вопрос о властных перспективах в России после смерти В. Ленина. «Красный Бонапарт — Тухачевский» воспринимался как один из вариантов. Не было смысла скрывать имевшуюся информацию. В ближайшие дни А. Гучков все равно должен был поведать об этом достаточно широкому кругу политиков русского зарубежья на заседании Русского национального комитета.

28 января 1924 г. генерал-майор А. фон Лампе записал в своем дневнике: «Был Колоссовский, по его словам, основанным на словах проезжего коммуниста Грачева Арсения — в Смоленске, вокруг Тухачевского группируется часть спецов и недовольных наличием жидов в армии — группа эта естественно идет против Троцкого! Это интересно: по-видимому, в этой группе и Вацетис! Он уехал из Берлина обратно в Россию!»[1] А спустя два дня, 30 января 1924 г. А. фон Лампе направил в парижскую штаб-квартиру РОВС Е. Миллеру и П. Кусонскому официальную и совершенно секретную справку по поводу вышецитированной информации. «По заслуживающим доверия сведениям, проехавший недавно через Берлин в Париж коммунист Арсений Грачев, ранее игравший крупную роль в Туркестане[2], сообщил, что в толще Красной Ар-

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 6278.

[2] С полной уверенностью идентифицировать «Арсения Грачева» не представляется возможным. Коммуниста с таким именем и фамилией, «игравшим крупную роль в Туркестане», до 1924 г. не было. Совершенно понятно, что это псевдоним. Наиболее вероятно, личностью, скрывавшейся под этим именем и фамилией, был Борис Николаевич Иванов (Красославский, Голощекин) (1884—1938). Это был видный сотрудник военной разведки. Русский, из дворян, бывший офицер. До революции он был сначала меньшевиком, затем, с 1918 до 1919 г. — член эсеровской партии. Арестованный в 1906 г., он тогда же сумел эмигрировать и до 1913 г. жил во Франции, в Париже. Там он в 1913 г. окончил Парижский университет. Таким образом, это был человек, свободно владевший французским, имевший политические связи в Париже. Понятно, что именно такого человека целесообразно было направить во Францию, в Париж «для ознакомления там с настроениями русской эмиграции». Б. Иванов под фамилией Голощекина с июля 1918 по июнь 1919 г. находился в Туркестане. Там он был сначала командующим войсками Закаспийского, Ашхабадского, Красноводского фронтов Туркестана. Затем с мая по июнь 1919 г. являлся начальником Главного штаба войск Туркестанской республики. Так что действительно «играл крупную роль в Туркестане». Он принимал активное участие в подавлении Кронштадтского мятежа в 1921 г., находясь при

командующем Южной группой и начальником Полевого штаба Кронштадтской группы. Таким образом, являлся близким соратником М. Тухачевского в этой операции. В силу должностного положения он имел тесные контакты с работниками штаба 27-й стрелковой дивизии, находившейся в составе Южной группы. В их числе, а следовательно, в числе лиц, с которыми тесно и активно сотрудничал Б. Иванов во время «кронштадтских событий», был и А. Колесинский. Как выше отмечалось, А. Колесинский был близким приятелем М. Тухачевского и помощником начальника штаба 27-й стрелковой дивизии. Он вполне мог стать для Б. Иванова — «Арсения Грачева» источником информации о «группе-организации Тухачевского» в конце 1923 г. или в самом начале 1924 г. во время его проезда через Смоленск. Впрочем, можно лишь гадать или предполагать, откуда мог получить информацию о «группе-организации Тухачевского» «Арсений Грачев». После этого Б. Иванов находился в распоряжении Разведывательного управления Штаба РККА. У него был богатый опыт работы среди комсостава белой армии. В 1921—1923 гг. он являлся резидентом военной разведки в Болгарии, где проводил работу по репатриации офицерского и высшего комсостава Русской армии П. Врангеля в Советскую Россию. Следует отметить, что ему удалось добиться больших успехов в этом деле. Именно после Болгарии он и был направлен во Францию. Не исключено, что решено было использовать его способности и опыт в «переманивании» бывших генералов и офицеров белой армии на сторону Советской России в Германии и во Франции, среди той части русской военной эмиграции, которая оказалась в Берлине и в Париже. Следует также отметить, что позднее, в 1927 г. Б. Иванов оказался в Научно-уставном отделе Штаба РККА, когда последний возглавлялся М. Тухачевским. Ко всему сказанному следует добавить, что с 1903 по 1919 г. Б. Иванов трижды менял политические симпатии и ориентации. С 1903 по 1906 г. он был меньшевиком. Арестованный в 1906 г., он в том же году оказался в эмиграции, во Франции и вышел из партии. С 1909 по 1918 г. — он эсер. В 1918 г. вышел из партии эсеров, очевидно в связи с «левоэсеровским мятежом». А с мая 1919 г. он уже член РКП(б). Таким образом, его политические «привязанности», как видно, не были устойчивыми и вряд ли основывались на глубоких идейных убеждениях. Его политический выбор, видимо, был весьма конъюнктурным. Кроме того, вряд ли он был доволен, когда с высокой должности начальника Главного штаба войск Туркестанской республики его, до этого занимавшего должность командующего фронтом, отправили военным атташе в Афганистан. Карьера «революционного генерала» была сорвана. Б. Иванов оказался весьма искусным в агитации высших чинов белой Русской армии генерала П. Врангеля перейти к «красным» в 1921—1923 гг. Очевидно, он мог находить с ними общий язык и быть среди них «своим». Такой человек в определенной ситуации вполне мог присоединиться к «военным заговорщикам», а при ее изменении — «предать их». Так что его откровенность с редактором «Войны и Мира», с В. Колоссовским, в свете всего вышесказанного вряд ли может вызвать удивление и выглядеть неожиданной и необычной. Если даже когда-то к революционному движению он примкнул по идейным или эмоциональным причинам, то в РКП(б) оказался уже явно по соображениям конъюнктурным, а к 1923 г. в этом отношении был совершенно деморализован и «беспринципен». Идейная и нравственная эволюция революционных активистов, можно сказать, была типична для определенной их части. Достаточно вспомнить судьбу И. Дзевалтовского-Гинтовта или В. Нестеровича (Ярославского), их гибель в 1925 г. Такой человек, даже будучи «коммунистом Арсением Грачевым», вполне мог сам являться членом «группы-организации Тухачевского»..

мии имеется значительная организация, поставившая себе целью производство переворота в стране и в самой армии. Группа эта основой своей противоправительственной пропаганды ставит выступление против еврейского засилья и в силу одного этого не примыкает к оппозиции, возглавляемой Троцким, и действует не только независимо, но и против него. Возглавляется группа командующим Западным фронтом, бывшим подпоручиком лейб-гвардии Семеновского полка Тухачевским, находящимся с Троцким лично в неприязненных отношениях. Находится вся организация в Смоленске, где расположен штаб Западного фронта. Грачев после пребывания в Париже и ознакомления там с настроениями русской эмиграции предполагает вернуться в Россию через Берлин. Есть основания предполагать, что к упоминаемой выше группе принадлежит и уезжавший недавно из Германии обратно в Советскую Россию бывший главнокомандующий Красной Армией Вацетис»[1]. О «существовании в Красной Армии обширного антисоветского заговора» в 1924 г. говорил и уже цитированный А. Клингер, другой свидетель из «Совдепии», из Петрограда. Этот факт усиливает достоверность информации «Арсения Грачева».

Наконец, последнее сообщение об «организации Тухачевского» содержится в дневниковой записи А. фон Лампе, датированной 16 марта 1924 г.

И дневниковая запись от 28 января, и подробности о «группе-организации» и «заговоре Тухачевского», изложенные в «справке», исходили от одного человека — от В. Колоссовского. Ссылка же полковника на «Арсения Грачева» предполагает их получение непосредственно от этого «проезжего коммуниста». Однако обращают на себя внимание несколько обстоятельств, связанных с информацией «Арсения Грачева». Прежде всего, задержка с передачей этой информации генералом А. фон Лампе вышестоящему начальству: 28 января он ее получил от В. Колоссовского, а официальную «справку» отправил лишь через сутки — 30 января. Ведь информацию барона Абеле генерал передал в форме «справки» на следующий день, почти без задержки. Сопоставление текстов и смысла дневниковой записи с текстом «справки» обнаруживает определенные, отчасти существенные расхождения.

---

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 6477.

В дневниковой записи говорится лишь о том, что «вокруг Тухачевского группируется часть спецов и недовольных наличием жидов в армии», а в «справке» сообщается о «значительной организации» «в толще Красной Армии», которая поставила «себе целью производство переворота в стране и в самой армии». В первом случае, таким образом, это просто «группа недовольных», во втором же — это организация, готовящая государственный переворот. Правда, генерал в другом месте «справки» именует эту «организацию» «группой», однако сообщает, что «возглавляется группа... Тухачевским». Иными словами, если в дневнике А. фон Лампе представляет М. Тухачевского как «пассивный центр», притягивающий «недовольных», то в «справке» он уже «возглавляет» эту «группу», то есть фигура «активная». В дневниковой записи автор делает лишь умозаключение — «группа эта естественно идет против Троцкого». В «справке» генерал дает новую информацию о М. Тухачевском, «находящемся с Троцким лично в неприязненных отношениях». Наконец, в «справке» генерал представляет некоторую информацию о личности «Арсения Грачева». Таким образом, сведения о «недовольных» спецах, группирующихся в Смоленске вокруг М. Тухачевского, отмеченные А. фон Лампе в дневнике 28 января, превращаются в «справке» от 30 января в информацию о разветвленной «организации заговорщиков в Красной Армии, возглавляемой Тухачевским, готовящей государственный переворот». Напрашивается вывод: в течение двух суток генерал А. фон Лампе уточнял информацию, полученную от В. Колоссовского. Где и у кого генерал мог получить сведения, изложенные в «справке»?

Исходя из текста и контекста всех приведенных выше сведений об «организации Тухачевского», содержащихся в дневнике А. фон Лампе, В. Колоссовский, скорее всего, лично с «коммунистом Арсением Грачевым» не встречался. Информацию об «организации Тухачевского» он получил у Веры Гладыш. Ее хорошо знал А. фон Лампе, называющий ее в дневнике просто «Вера». К ней же информация о «проезжем коммунисте Арсении Грачеве» поступила, скорее всего, не из военных кругов «Войны и Мира», а из советской резидентуры или из советского посольства. Очень вероятно, что через В. Орлова. Однако в своих воспоминаниях

В. Орлов ни одним словом не обмолвился о столь важной информации. Вряд ли это было бы возможно, если бы он ею обладал.

«Арсений Грачев» мог располагать этой информацией либо как участник «организации Тухачевского», либо как «дезинформатор», преднамеренно «легендирующий» некий «трест», либо как человек, получивший о ней сведения уже после ее раскрытия. В первом случае все могло иметь смысл, если бы он кого-то хотел привлечь в состав «организации». Однако, судя по всему, «организация Тухачевского» была «антикоммунистическая». Он сообщал о ней людям, которым доверял и которые о ней ничего не знали. Кто эти люди? Наконец, следует обратить внимание еще на один штрих, заметный в данной информации. А. фон Лампе в своей «справке» отметил: «проехавший недавно через Берлин в Париж коммунист Арсений Грачев». Это значит, что «Арсений Грачев» сообщил информацию об «организации Тухачевского» не около 28 января 1924 г., а раньше. В той же «справке» генерал сказал о И. Вацетисе, что он тоже «недавно» уехал из Берлина в СССР. Известно, что это «недавно» было не позднее ноября 1923 г. Сведения об отставке С. Буденного, переданные генералом в «справке» от 9 апреля 1924 г., содержат информацию о факте, относящемся к октябрю 1923 г. Поэтому можно полагать, что и сведения об «организации Тухачевского» также относятся не к январю 1924 г., а к 1923 г. Чтобы уточнить время и состав событий, означенных как «организация и заговор Тухачевского», обращаю внимание на некоторые обстоятельства и факты, действительно имевшие место на Западном фронте в 1923 г.

Совокупность сведений об «организации и заговоре Тухачевского» в начале 1924 г. в той или иной мере указывает на двуединую идеологическую основу антигосударственных настроений М. Тухачевского и группировавшихся вокруг него «спецов и недовольных», готовых решиться на «военный переворот»: национализм и антисемитизм.

Информация о «группе-организации Тухачевского», полученная генералом А. фон Лампе, была не беспочвенной. Секретные сведения ГПУ о настроениях в Красной Армии в целом и в войсках Западного фронта в указанное время смыкались с сообщением В. Колоссовского и А. Гучкова.

В «справке за» сентябрь—октябрь 1923 г. сообщалось о том, что «...сильное недовольство наблюдается среди комсостава дивизий Запфронта, которые после маневров были переведены в другие уезды. Комсостав открыто заявляет о своем стремлении демобилизоваться при первой возможности. ...Комсостав в своей среде сохранил старые привычки и замашки и третирует краскомов как лишний для армии элемент. Подобное явление наблюдается в частях 4 армкорпуса на Запфронте. В 27 дивизии создались две группировки — офицерская и краскомовская; среди краскомов была даже тенденция убить одного из старых офицеров; атмосфера была разряжена после переброски части комсостава в другие места. В бронебригаде Запфронта офицерский состав всячески выживает младший комсостав, краскомов и членов РКП(б). Случаи проявления грубости комсостава в обращении с красноармейцами, эксплуатация красноармейцев, использование их в качестве денщиков довольно распространены. ...На Запфронте в частях 4 и 5 армкорпусов отмечается оторванность комсостава от красноармейской массы и грубое обращение. Грубость комсостава в 3 пехотной запасной школе вызвала сильное возбуждение курсантов, и только благодаря умелому подходу политсостава удалось избежать эксцессов. В продбазе ВХУ Запфронта начбазы и военком требуют от красноармейцев и служащих стоять навытяжку и отвечать: «так точно» и «никак нет». В бронебригаде Запфронта красноармейцы одного дивизиона объявили голодовку вследствие грубости комсостава. ...Отмечено много случаев использования красноармейцев в качестве денщиков, нянек, поломоек и т. п. Подобные явления отмечены в 5 понтонном батальоне и Смоленской хлебопекарне ЗапВО. Пьянство комсостава по-прежнему сильно распространено. В частях Запфронта пьянство также сильно распространено. В 16 армкорпусе пьянство сопровождается азартной картежной игрой, что влияет разлагающе на красноармейцев. В 37 дивизии Запфронта имел место случай, когда пьяный начштаба одного из полков, обнажив шашку, кричал: «Бей жидов, спасай Россию». Массовое пьянство комсостава и картежная игра развиты и в других округах. ...В казармах эскадрона Белорусской дивизии отмечено распространение прокламации «Союза защиты родины и свободы». Антисоветские группировки комсостава отме-

чены на Запфронте — одна монархическая в частях 4 армкорпуса и анархо-интеллигентская в 37 дивизии»[1].

В «справке» ГПУ за ноябрь—декабрь 1923 г. отмечалось «значительное ухудшение по сравнению с прошлыми месяцами в настроении Красной Армии, главным образом, вследствие острого недостатка обмундирования и задержки демобилизации. ...В частях Запфронта демобилизационное настроение особенно сильно среди старослужащих кавчастей и связи. В 6 кавдивизии отмечается резкое отрицательное отношение к коммунистам, в 32 полку раздавались заявления: «В случае войны будем бить коммунистов». В частях связи имели место заявления, что в случае войны красноармейцы разбегутся или перейдут к белым. В 6 кавдивизии, 37 дивизии наблюдается рост антисемитизма. ...Во взаимоотношениях комсостава, а нередко и политсостава, с красноармейцами характерным является грубость, проявление старых офицерских замашек и даже денщичество. ...В 6 Чонгарской дивизии и 33 полку Запфронта отмечены случаи отказа красноармейцев от исполнения распоряжений комсостава и падения дисциплины[2]. Подобная же обстановка наблюдалась и в войсках других военных округов. Информация ГПУ дополняется и конкретизируется и сведениями другого рода, из иных источников.

К концу Гражданской войны острота «красно-белого» противостояния в значительной мере притупилась. Причиной тому было слишком много обстоятельств, в частности и возрождение патриотических настроений в обстановке советско-польской войны среди «красных командиров», включение в комсостав РККА многих бывших офицеров и командиров «белых армий». Среди командиров Западного фронта на разных уровнях также встречались лица, ранее служившие в «белых армиях». Даже на самом высоком уровне начальник ВВС фронта С. Корф до начала 1920 г. служил в армии адмирала А. Колчака. Отдельные командиры имели родных братьев, служивших в «белых армиях» и оказавшихся в эмиграции (братья А. Виноградова, В. Дьякова, Ю. Навроцкого и

---

[1] Обзор политико-экономического состояния СССР за период с 15 сентября до 1 ноября 1923 г. // Лубянка — Сталину... М. С. 942—943.

[2] Обзор политико-экономического состояния СССР за ноябрь—декабрь 1923 г. Январь 1924 г. // Там же. С. 965, 967. 968—969.

др.). Бывший полковник старой армии и командир дивизии в Красной Армии В.И. Солодухин на вопрос об отношении комсостава РККА к возвращению офицеров из эмиграции в Россию дал весьма примечательный ответ: «Новый коммунистический состав отнесся бы хорошо, но старый офицерский состав — явно враждебно»[1]. Он объяснял это тем, «что оценивая эмиграцию высоко с точки зрения умственной и зная, что в Красной Армии даже бывший белогвардеец может хорошо пойти, боялись бы его ранее всего как конкурента, а кроме того, будучи в душе контрреволюционерами и все еще надеясь на помощь эмиграции, в каждом переходящем они видели бы прямого предателя...»[2] Скрытое уважение к более высоким профессиональным качествам «белого» командного состава проявляли и «вожди Красной Армии» М. Тухачевский и С. Буденный. В одной из своих статей начала 20-х годов, как бы мимоходом и «кстати», М. Тухачевский выразил свое, не лишенное некоторого скрытого восхищения, отношение к белому офицерству: «Белогвардейщина предполагает людей энергичных, предприимчивых, мужественных... Они были у Деникина, Колчака, а теперь у Врангеля»[3]. Приехавшие из Советской России в 1922 г. сообщали о «заявлении Буденного, который познакомился со Слащевым, а остальных белых вождей не ругает, а считает себе равными»[4]. С. Буденный говорил, что «мы не получили бы Крыма, если бы его не продали»[5]. Все это порождало весьма примечательное впечатление от командиров Красной Армии. «Красная Армия — что редиска: снаружи она красная, а внутри — белая», иронизировали с надеждой в белом русском зарубежье.

Ясно обозначившаяся «слабость» мобилизационных возможностей идеи «мировой революции» способствовала стихийному возрождению дореволюционных армейских традиций в офицерском быту. Революционная ликвидация всех дореволюционных персональных чинов, званий, знаков различий и отличий и отсут-

---

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 4143.

[2] Там же.

[3] *Тухачевский М.Н.* Инвалидное дело // *Тухачевский М.Н.* Война классов: статьи 1919—1920 гг. Смоленск, 1921. № 1. С. 134—137.

[4] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3287.

[5] Там же.

ствие таковых, рожденных революцией, привела к возникновению вакуума на месте привычной и традиционно-необходимой внутриармейской иерархической инфраструктуры. Она создавала предпосылки для возрождения той неофициальной воинской иерархии, которая не была формально упразднена. Испытывая потребность в иерархическом дифференцировании и внутрикорпоративном различении, что было обусловлено профессионально-ментальным настроем и социокультурными привычками, бывшие офицеры в Красной Армии группировались по принадлежности к генштабистам, выпускникам дореволюционных военных училищ, к гвардейским и армейским полкам и пр.

По оценкам ответственных работников Политуправления Западного фронта, «командный состав в полках, штабах бригад и дивизий в большинстве своем политически малограмотен, несмотря на интеллигентность»[1]. Речь идет о старшем и высшем командном составе и работниках штабов, то есть бывших офицерах и часто с академическим образованием. В качестве примера указывалось, что «в штабе одной из бригад нашего фронта был опрошен весь комсостав, и выяснилось, что ни один из них не читал конституции РСФСР. Все они были с законченным средним образованием, один — с высшим, все служащие в Красной Армии с 1918 г. В их числе были комбриг и начштабриг. В трех полках той же бригады почти все комбаты имели очень смутное представление о сущности Советской власти»[2]. Указанный политработник обратил внимание на полнейшее политическое равнодушие и безразличие командиров. «Нашелся комроты (бывший офицер, до службы учащийся), прослуживший в свое время у Колчака. На вопрос о разнице между белой и Красной Армией ответил, что белые носят погоны, а красные — нарукавные знаки. Дальнейшие расспросы в этой области показали, что указанный комроты действительно не подозревал иной разницы»[3]. Представитель Политуправления фронта возмущался тем, что «в политических беседах политруков с красноармейцами эта группа комсостава почти никогда не быва-

---

[1] *Литке С. Р.* Нужны ли сейчас Красной армии военные комиссары // Революция и война. 1922. № 14/15. С. 48.

[2] Там же.

[3] Там же.

ет, в политпросветработе участия не принимает. В лучшем случае можно видеть их участвующими в постановке спектакля»[1]. Вся атмосфера повседневности, военного быта была пронизана равнодушием к политике, идеологической пропаганде. Подобная профессиональная аполитичность характерна была и для многих кадровых офицеров, оказавшихся добровольно или по мобилизации в составе РККА. Командовавший в 1922—1924 гг. 3-м стрелковым корпусом, до Октября 1917 г. «подполковник Грушецкий считался в полку отличным стрелком и хорошим гимнастом. До войны неоднократно получал призы за меткую стрельбу, — вспоминал А. Черепанов. — Он был вежлив с солдатами, и те относились к нему неплохо. В то же время Грушецкий мало интересовался делами батальона и большую часть времени проводил за карточным столом»[2]. Это характеризовало не только беспартийных командиров. «Партийные комполки, комбриги и начдивы немногим выделяются в лучшую сторону от беспартийных, — с горечью и тревогой констатировал неравнодушный политработник. — Пренебрежение к политработе, незнание ее, специфический военный дух свойственны всему комсоставу»[3].

На Западном фронте было много командиров, исключенных из партии. Среди них даже один прославленный герой Гражданской войны, командир 4-го стрелкового корпуса А. Павлов. Представитель Политуправления с сожалением наблюдал за постепенным возрождением дореволюционных военно-бытовых привычек и традиций. «Очень часто, — обращал он внимание на некоторые факты такого рода, — можно слышать с удовольствием рассказываемые истории о «цуке» в военных училищах, о разных дикостях царской армии. Бывают разговоры о неправильных чинопроизводствах и о том, как можно было бы быть уже поручиком, если бы не помешала революция. Многие командиры Красной Армии упорно делят себя на «павлонов», «александронов», «алексеевцев» и т. д., смотря по училищу, какое пришлось кончить. Даже канты гвардейских полков нашиваются еще на гимнастерки...»[4] Факти-

---

[1] *Литке С.Р.* Нужны ли сейчас Красной армии военные комиссары // Революция и война. 1922. № 14/15. С. 49.

[2] *Черепанов А.И.* Поле ратное мое. М., 1984. С. 8.

[3] Там же. С. 50—51.

[4] Там же. С. 49.

чески уже с 1922—1923 гг. восстанавливаются и действуют училищные и «полковые землячества», группировавшиеся вокруг «полковых музеев», в которых главной реликвией являлись сохраненные полковые знамена полков дореволюционной русской армии.

Штабные документы Западного фронта 1922—1923 гг. свидетельствуют также о бытовом и «служебном» антисемитизме в командном и политическом составе фронтовых управлений, среди членов партии[1]. «В Смоленске погромные настроения против коммунистов и евреев...» — сообщал информацию из Советской России А. Гучков[2]. «В Смоленске вокруг Тухачевского группируется часть спецов и недовольных наличием жидов в армии...» — записал в своем дневнике А. фон Лампе сведения, дошедшие до него из «Совдепии»[3].

О широком распространении антисемитизма в эти годы во всех слоях общества и в разных регионах, в том числе в Смоленской губернии, в Белоруссии, поступала информация в ОГПУ через его агентуру[4]. Сообщалось, в частности, об антисемитском «инциденте в пивной» в конце 1923 г. С. Есенина и трех других писателей — Орешина, Клычкова и Ганина[5]. Сообщалось также о причастности Ганина к организации «Ордена русских фашистов», ликвидированной в октябре 1923 г.[6] Поступала информация о «контрреволюционной организации» «белогвардейской интеллигенции» из числа воспитанников 1-го Московского кадетского корпуса. «Почти все 12 обвиняемых, проходивших по данному делу, — зафиксировано в справке ИНФО ОГПУ, — сами заявляют, что они видят засилье евреев и признают, что государственная

---

[1] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 19. Л. 81, 83.

[2] Там же. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1295.

[3] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 6278.

[4] ГАРФ. Ф. 374. Оп. 27. Д. 1096. Л. 72—95. Опубликовано под общим заголовком «Монархия погибла, а антисемитизм остался». (Документы Информационного отдела ОГПУ 1920-х гг.) // Неизвестная Россия 20 век: Сборник документов. М., 1993. Т. 3. С. 327—356.

[5] ГАРФ. Ф. 374. Оп. 27. Д. 1096. Л. 65—71. См.: Монархия погибла, а антисемитизм остался // Неизвестная Россия 20 век. Т. 3. С. 349.

[6] Неизвестная Россия. Т. 3. С. 349—350.

власть находится в руках последних. С целью борьбы с еврейским засильем они и пытались создать организацию»[1]. Обращая внимание на «Орден русских фашистов» и группировку выпускников 1-го Московского кадетского корпуса, в ИНФО ОГПУ подытоживали: «Последние два факта говорят за то, что антисемитское настроение не только широко прививается другим, но и выливается в определенную форму контрреволюционных организаций и группировок»[2]. Антиеврейские настроения в этот период стали характерной особенностью социокультурных обыденных настроений. «Евреи всюду, — пишет своем дневнике Г.А. Князев. — Неужели эта диктатура пролетариата превратилась в диктатуру евреев... Среди самих коммунистов зреет страшное недовольство. Некоторые и вышли бы из партии, если бы это было возможно... Все высшие должностные лица — евреи, все низшие — русские»[3]. Спустя два года, в 1922 г. те же эмоции вновь выплескиваются на страницы дневника: «Все бы ничего. Со многим можно примириться, — говорил сегодня мне один знакомый, — но евреи нами правят, вот что нестерпимо обидно. Всюду евреи. И действительно, везде и всюду евреи»[4]. И вновь возвращение к тому же вопросу: «Ненависть к евреям у русских людей перешла всякие границы. Только «страх возмездия» и удерживает от самых крайних действий. Многие мечтают о «ВЕП» (Всероссийском еврейском погроме). Даже Горький не выдержал и предупреждал еврейского писателя о том, какие последствия могут быть для евреев от такого вмешательства в русскую жизнь. Действительно, у нас, у многих такое чувство, что мы под властью завоевателя. Подчиняемся, но до поры до времени. Унижаемся, но в кармане кулаки от злости сжимаем...[5] Интересно, что головные уборы (шляпы) красноармейцев зовут в просторечьи «синагогами»[6].

М. Тухачевскому, как командующему фронтом, «ставили на

---

[1] Неизвестная Россия. Т. 3. С. 350.

[2] Там же.

[3] *Князев Г.А.* Из записной книжки русского интеллигента (1919—1922 гг.) // Русское прошлое. СПб., 1994. № 5. С. 186.

[4] Там же. С. 220.

[5] Там же. С. 223.

[6] Там же. С. 222.

вид» в приказе, что на Западном фронте «процветает самый отвратительный пережиток офицерщины — дуэли»[1]. Особенно это характерно было для Западного фронта, Петрограда, Москвы[2]. По некоторым сведениям, даже в 1925 г. произошло 90 дуэлей и 60 из них со смертельным исходом, несмотря на введенное наказание — до 6 лет лишения свободы[3].

Поддерживались и иные, вековечные, скажем так, своеобразные офицерские «традиции». Одна из них — пьянство. Распространенная и среди белых, и среди красных командиров, эта «традиция», несмотря на то что это считалось весьма серьезным нарушением норм нравственности и партийной этики и за это сурово наказывали, даже известных «революционных генералов» — членов партии — вплоть до исключения из ее рядов, продолжала процветать и в 20-е годы. Пьянство было бичом и комсостава Западного фронта. В ЦКК поступала в связи с этим информация о М. Тухачевском, командирах корпусов А. Павлове, П. Дыбенко[4]. Л. Норд вспоминала: «...Тухачевский... в тот день часто чокался с любившим выпить Фрунзе...»[5] Бывший офицер старой армии В. Довбор, занимавший в 1923 г. должность помощника начальника информационного отделения Разведывательной части штаба Западного фронта, был исключен из партии, в которой он состоял с 1918 г., в июле 1920 г. за пьянство: направленный на переговоры с поляками в качестве делегата комиссии от штаба 16-й армии, он явился на них в пьяном виде.

«Ностальгия» по дореволюционному офицерскому быту нахо-

---

[1] *Норд Л.А.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском // Возрождение. Париж, 1957. Тетрадь № 63. С. 55.

[2] Там же; ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 24. Л. 11501.

[3] Там же.

[4] «Выпивка, хотя бы по случаю Нового года, да еще грубость... рассматривались как очень серьезные проступки, — вспоминал один из начдивов тех лет. — Коммунисты видели в этом склонность к излишествам, особенно недопустимую в тяжелое время». Если же такое случалось с членом партийного бюро, особенно известным человеком, то, по необходимости, можно было «обвинить всю парторганизацию в попустительстве и других самых смертных грехах». См.: *Софронов Г.П.* Неподвластное времени. М., 1976. С. 312—313.

[5] *Норд Л.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском // Возрождение. Париж, 1957. Тетрадь № 63. С. 63.

дила свое выражение в стремлении к «буржуазным» ценностям жизни. Показательно в этом отношении «персональное дело» того же самого В. Довбора. Исключенный из партии за пьянство, В. Довбор неоднократно и в 1922, и в 1923 гг. подавал заявления о повторном принятии его в РКП(б), но получал отказ. Одна из мотивировок отказа была весьма примечательна: склонность к «буржуазному», «интеллигентскому» образу жизни. Это выражалось в том, что он якобы после службы с удовольствием переодевался в штатский модный костюм, надевал шляпу, брал тросточку и шел гулять и развлекаться[1]. Высшие начальники в этом отношении действовали более масштабно. Командующий Западным фронтом М. Тухачевский возвратил себе бывшее отцовское имение в Смоленской губернии, где поселил свою родню (мать с сестрами).

«Амурными подвигами» на «женском фронте» прославился не один М. Тухачевский, но и его подчиненные. При этом «красные командиры», как правило, в этом деле утрачивали «классовое чутье» и обычно не руководствовались «классовыми принципами» в выборе объекта ухаживания. «Сексуальная близость» далеко не всегда определялась «социальной близостью». В связи с этим можно привести, как образец, характерную реакцию полковой партоорганизации. В 1924 г. «ячейка одного кавполка вынесла следующее постановление: «Заслушав доклад о коммунистической этике и классовой морали, постановили считать необходимым для каждого коммуниста жениться исключительно на коммунистке, все остальные связи признать неэтичными... Воздержаться всем членам ячейки от половых сношений в течение двух лет для того, чтобы показать пример не на словах, а на деле беспартийным массам»[2].

Взяточничество и воровство были распространенными должностными пороками в частях и соединениях Западного фронта. Особенно эти случаи были часты в 4-м стрелковом корпусе, 2-й, 5-й, 8-й стрелковых дивизиях, в 7-й кавалерийской дивизии[3]. Несмотря на строгость наказаний, подобные преступления совершa-

[1] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л. 17.

[2] Красная звезда. 1924. № 188.

[3] Там же.

лись и старшими командирами. Начальник дивизионной школы 5-й стрелковой дивизии С. Эбергардт был предан суду Революционного военного трибунала за то, что дал за корову быка меньшего веса[1]. Впрочем, спустя месяц он был освобожден и получил назначение временно исполняющим дела помощника командира 15-го стрелкового полка.

Известно, что по обвинению в хищении казенного имущества было заведено «дело» на командира 7-й кавалерийской дивизии прославленного Г. Гая. Однако вмешался командующий фронтом М. Тухачевский, и «дело» было закрыто[2]. «За преступление по службе» 18 января 1922 г. был арестован ЧК Белоруссии начальник воздушной эскадрильи-2 Е. Пятосин. Это был кадровый офицер, капитан, летчик с 1913 г., воевавший в 1919—1921 гг. в составе войск Западного фронта. Осужденный на два с половиной года, он, однако, был вскоре амнистирован, а 13 сентября 1922 г. назначен начальником штаба ВВС фронта[3].

Польско-литовско-белорусская этнокультурная ментальная ориентация, социокультурная однородность, принадлежность большинства комсостава к младшим офицерам военного времени — все эти факторы в совокупности определяли ментальный настрой комсостава дивизии на «революционную войну», на «реванш» за варшавское поражение 1920 г. Все они, несомненно, могли связывать грядущую «вспышку» своей военной карьеры с «советизацией» Западной Белоруссии, Польши и Литвы. В этом смысле они, и вместе с ними вся дивизия, представляли собой весьма благодатный военно-политический и социокультурный материал для новой «революции извне». В этом смысле они были естественной и вполне независимой военной опорой М. Тухачевского. Но в силу высказанных соображений они вызывали опасение и у центральной московской власти.

Впрочем, более или менее полная расшифровка и проверка на основе разнообразных архивных данных, в том числе архивных материалов советских спецслужб, информации об «организации и

---

[1] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192. Л. 138.

[2] Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 169.

[3] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1194. Л. 47.

заговоре Тухачевского», поступавшей из белого зарубежья, — задача будущих исследований и исследователей. Однако имеющиеся в моем распоряжении документальные сведения уже позволяют утверждать, хотя бы частично, ее достоверность.

2

«Дело Варфоломеева»

В штабе Западного фронта 13 декабря 1922 г. произошло чрезвычайное событие — сотрудниками особого отдела ГПУ были арестованы первый помощник начальника штаба фронта Н.Е. Варфоломеев[1] и начальник Мобилизационного отдела штаба фронта И.Т. Алексеев[2]. Вскоре, 25 декабря 1922 г. был отстранен от должности командира 27-й стрелковой дивизии В. Мозолевский[3], а 28 декабря 1922 г. ветеран 27-й стрелковой дивизии Р.И. Сокк, отстраненный от должности командира 15-го стрелкового полка (5-й стрелковой дивизии), был взят под следствие[4]. Начальник штаба 79-го стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии А. Аленкин (24 января 1923 г.) и временный командир 79-го стрелкового полка С. Анников (28 апреля) также были смещены со своих должностей[5]. 28 декабря 1922 г. был переведен («понижен») на должность помощника командира 15-го стрелкового полка начальник оперативно-строевой части штаба 4-го стрелко-

---

[1] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 174. Л. 20.

[2] Там же. Оп. 3. Д. 168. Л. 3—4, 112; Алексеев Иосиф Терентьевич (1882—19??), из крестьян. Русский, беспартийный, капитан Генштаба (1917). В РККА с августа 1918 г. С 1919 г. — в штабах 9-й и 11-й армий. Начальник Мобилизационного отдела штаба Западного фронта (20.05.1922—12.01.1923). В резерве Штаба РККА с 21.1.1923 г. Затем — инспектор вневойсковой подготовки комсостава. См.: Послужной список И.Т. Алексеева 12 января 1923 г. и 1 февраля отправлен в резерв Штаба РККА; Список лиц с высшим общим военным образованием... М., 1923. С. 12.

[3] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192. Л. 72.

[4] Там же. Л. 110.

[5] Там же. Л. 2, 3, 72. До августа 1922 г. в течение долгого времени 79-м полком командовал ветеран дивизии, взятый с 28.12.1922 г. Р. Сокк. Скорее всего, перемещение указанных командиров, его старых сослуживцев и ближайших сотрудников было обусловлено его арестом.

вого корпуса, а затем арестован П.Г. Лаппо[1]. Н. Варфоломеев, уже находясь под арестом, оставался в прежней должности[2]. Только 9 февраля 1923 г., согласно записи в его послужном списке, он покинул свою должность и был «прикомандирован к штабу Западного фронта для работы в РВС фронта»[3].

Штабс-капитан Генштаба **Николай Ефимович Варфоломеев** (1890—1939) был одним из ближайших сотрудников и сослуживцев М. Тухачевского по штабу Западного фронта в 1919—1922 гг. Начав службу в Красной Армии с марта 1918 г.[4], Н. Варфоломеев с октября 1919 г. являлся помощником начальника оперативного отделения штаба 16-й армии, которой командовал Н. Соллогуб, находясь в непосредственном подчинении начальника оперативного управления штаба 16-й армии Е. Шиловского. Сотрудничество Н. Варфоломеева с Е. Шиловским и Н. Соллогубом было достаточно долгим, что способствовало установлению между ними добрых дружеских отношений. Свои обязанности он исполнял хорошо, поэтому с ноября 1919 г. уже возглавил оперативное отделение штаба армии, а с июня 1920 и по ноябрь 1920 г. был начальником оперативного управления штаба армии. С июня 1921 г. Н. Варфоломеев был уже помощником начальника оперативного управления штаба Западного фронта, находясь в непосредственном штабном окружении М. Тухачевского. Назначенный в ноябре 1921 г. первым помощником начальника штаба Западного фронта, Н. Варфоломеев оставался таковым вплоть до декабря 1922 г., до момента своего ареста. Следует отметить, что Н. Варфоломеев был единомышленником Е. Шиловского и М. Тухачевского в разработке теории «последовательных операций». Трое упомянутых лиц в 1926 г. даже издали совместный труд, посвященный разработке указанной теории. Кроме того, немаловажно, что М. Тухачевский, ставший с августа 1924 г. Главным

---

[1] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192. Л. 65. П.П. Лаппо 01.01. 1923 г. был переведен на должность помощника командира 15-го стрелкового полка. Вскоре был освобожден от должности и арестован. 02.09.1923 г. он был уволен из РККА.

[2] РГВА. Послужной список Н.Е. Варфоломеева.

[3] Там же.

[4] См.: РГВА. Послужной список Н.Е. Варфоломеева. См. также: Список лиц с высшим общим военным образованием... С. 33.

руководителем по стратегии всех академий РККА, привлек в качестве заместителя именно Н. Варфоломеева с начала 1925 г. И в дальнейшем, в 30-е годы Н. Варфоломеев в целом разделял оперативно-стратегические взгляды своего бывшего начальника. Нельзя не отметить также давнее знакомство и совместную службу Н. Варфоломеева с капитаном Генштаба С. Межениновым (1890—1937). Им довелось вместе учиться в Казанском юнкерском военном училище. В 1921—1922 гг., в силу старых приятельских отношений и, несомненно, ценя профессиональные качества Н. Варфоломеева, С. Меженинов, будучи начальником штаба Западного фронта, взял его к себе первым помощником.

Итак, Н. Варфоломеева формально сместили с занимаемой должности только в первой декаде февраля. Видимо, в это время он начал называть фамилии офицеров, прямо или косвенно «скомпрометированных» отношениями с ним, выходящими за рамки служебных, и политически лояльных. Скорее всего, именно в связи с указанными выше обстоятельствами 1 февраля 1923 г. отстраняется от должности начальник оперативного отдела штаба фронта В. Шестун[1] и переводится на должность преподавателя курсов временного комсостава Западного фронта[2]. В тот же день, 1 февраля 1923 г. со своей должности начальника информационного отделения разведотдела штаба фронта был смещен Г. Эрман. Был смещен со своей должности помощник начальника Управления второго помощника начальника штаба фронта Б.А. Нигель. Он отвечал непосредственно за работу Мобилизационного отдела и его начальника, арестованного И. Алексеева. Через несколько дней, 6 февраля 1923 г., был освобожден от занимаемой должности, а затем арестован вышеупомянутый П. Лаппо. 8 февраля

---

[1] *Шестун Василий Викторович* (1878—19??), украинец, из мещан. Окончил в 1900 г. Елизаветградское кавалерийское училище, а в 1908 г. Николаевскую Академию Генерального штаба. В 1917 г. подполковник Генштаба. В РККА — добровольно с апреля 1918 г. С 1918 г. на штабных должностях в соединениях Западного фронта. В октябре 1919 — апреле 1921 г. в штабе Южного фронта. С мая 1921 г. вновь в штабе Западного фронта. Последняя должность — начальник оперативного отдела Управления первого помощника начальник штаба фронта с 15 декабря 1922 г. Позднее, с 22 мая 1923 г. — преподаватель тактики Борисоглебской Ленинградской кавалерийской школы. РГВА. Послужной список В.В. Шестуна.

[2] Там же.

1923 г. с должности члена РВС фронта был отозван И. Перепечко[1]. На его место был временно назначен В. Касаткин, начальник ПУ фронта, повышенный в ранге до «помощника командующего по политической части»[2].

С 27 февраля по 4 марта 1923 г. в Москве по «делу Варфоломеева» давали показания начальник штаба фронта С. Меженинов, военком штаба фронта С. Клюсек и состоявший для особых поручений при начальнике штаба фронта Б. Бострем[3]. После этого со своих должностей были сняты упомянутый военком штаба С. Клюсек, военком 1-го управления штаба фронта Б. Толпыго, секретарь военкома штаба фронта А. Куликов и адъютант начальника штаба фронта Н. Егоров[4].

Состав шифровального отделения был почти полностью обновлен: со своих должностей к марту 1923 г. были смещены (и, возможно, арестованы) начальник отделения М. Филиппов, его помощник В. Буш и старший шифровальщик И. Шохин[5].

21 марта 1923 г. был смещен со своей должности начальник Разведывательного отдела Управления первого помощника начальника штаба фронта и отправлен в резерв Разведывательного управления Штаба РККА С.Р. Будкевич[6]. Вместе с ним получил отставку состоявший для поручений по войсковой разведке адъютант М.П. Горанский.

Наконец, 15 марта 1923 г. от должности командующего Западным фронтом был отстранен М. Тухачевский. Он был восстановлен в этой должности 29 марта[7]. Этой кратковременной, но весьма знаменательной, отставке М. Тухачевского предшествова-

---

[1] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 3; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). М., 1978. С. 530.

[2] Там же; РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л. 14.

[3] Там же. Оп. 3. Д. 168. Л. 23.

[4] Там же. Л. 3, 23, 112.

[5] Там же.

[6] С.Р. Будкевич в это время проходил по штабным документам фронта под псевдонимом «Бобровский М.П.». РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 41.

[7] Там же. Л. 32, 41. Подробнее обстоятельства отстранения и восстановления М. Тухачевского в должности командующего Западным фронтом см.: *Минаков С.Т.* Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000. С. 299—301.

ла уже начавшаяся «чистка» в его ближайшем служебном окружении, в секретариате командования фронтом. 6 января 1923 г. была отправлена в длительный отпуск, а затем, 21 апреля 1923 г., «по собственному желанию» уволена адъютант М. Тухачевского А. Протас[1]. Уже в марте 1923 г. к штабу фронта был прикомандирован для исполнения обязанностей адъютанта (вместо А. Протас) командир роты 15-го стрелкового полка 5-й стрелковой дивизии М. Михайлов-Морозов[2]. Со своих должностей были смещены входившие в состав секретариата командующего: старший делопроизводитель М. Напольский (март 1923 г.), состоящий для поручений при РВС фронта П. Кулик (март 1923 г.)[3]. Следует заметить, что Л. Гейман, состоявший для поручений при командующем фронтом, также фактически перестает исполнять свои обязанности уже с апреля 1923 г. Таким образом, из восьми членов секретариата командующего к апрелю 1923 г. пятеро были так или иначе отстранены от своих должностей и заменены другими лицами.

Вместо отстраненного от должности М. Тухачевского с 16 марта 1923 г. временно исполняющим обязанности командующего фронтом был назначен С. Меженинов[4]. Однако в конце марта 1923 г. С. Меженинова вновь вызвали в Москву в качестве свидетеля по «делу Варфоломеева»[5]. Вскоре после этого его отправили в отпуск, из которого он возвратился только в начале мая[6]. Но прослужив не более полутора месяцев, 18 июня 1923 г. С. Меженинов фактически был отстранен от занимаемой должности[7], а 6 июля это отстранение было оформлено приказом[8]. «Мягкие» репрессии ожидали и А. Кеппена, до 18 мая 1923 г. временно занимавшего должность первого помощника начальника штаба фрон-

---

[1] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 2, 40, 41.

[2] Там же. Л. 41.

[3] Там же. Д. 173. Л. 3, 85, 127.

[4] Там же. Д. 168. Л. 32.

[5] Там же. Л. 34.

[6] Там же. Л. 54.

[7] Там же. Л. 68.

[8] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. 4. С. 530.

та. Затем был возвращен на свою старую должность начальника оперативного отдела, а 27 июня 1923 г. его «убрали» из штаба фронта, назначив помощником начальника штаба 4-го стрелкового корпуса[1]. Эта должность была вакантна с апреля. Это было очевидным понижением. Возможно, отставка С. Меженинова состоялась бы и раньше. На вакантную должность первого помощника начальника штаба фронта московские власти не хотели назначать А. Кеппена, как «скомпрометированного» «делом Варфоломеева», его непосредственного начальника. На нее был назначен С.Г. Бежанов-Сакварелидзе. Он прибыл в Смоленск лишь в середине мая 1923 г. Введение его в дела штаба малознакомого ему фронта требовало определенного времени. Поэтому с отставкой С. Меженинова пришлось немного подождать.

В ходе следствия по «делу Варфоломеева», которое продолжалось до мая 1923 г., 6 апреля 1923 г. был арестован помощник начальника штаба 4-го стрелкового корпуса В.Д. Залесский и временно исполнявший обязанности начальника оперативно-строевой части штаба корпуса И.М. Мерклинг (16 апреля 1923 г.)[2]. Командир 4-го стрелкового корпуса А. Павлов позднее был исключен из партии, хотя и сохранил за собой должность командира корпуса.

Оставляя в стороне факты смещения со своих должностей военных комиссаров разных уровней, поскольку они выполняли функции политического надзора и контроля и, следовательно, со своими обязанностями не справились, хочу обратить внимание на собственно «военных специалистов».

Аресту подверглись, прежде всего, высшие офицеры фронтового штаба, отвечавшие за оперативное и мобилизационное планирование: Н. Варфоломеев, И. Алексеев. После закрытия «дела» они уже не были допущены к штабной работе в войсках и были

---

[1] РГВА. Послужной список А.Г. Кеппена № 112849.

[2] Там же. Л. 45, 76. В.Д. Залесский по окончании следствия был отправлен 18 сентября 1923 г. в резерв РККА, а И. М. Мерклинг 28 августа 1923 г. уволен из РККА. Мерклинг Иван Михайлович (1879—19??), из дворян, полковник, участник Русско-японской и Первой мировой войны, беспартийный. В РККА с декабря 1917 г. В штабе 4-го стрелкового корпуса с 1922 г. После освобождения из-под ареста — начальник административно-хозяйственной части инженерного полигона ВТУ РККА с 1923 г. См.: РГВА. Послужной список И.М. Мерклинга.

переведены на преподавательскую. Это могло означать, что преднамеренного преступного действия с их стороны допущено не было (следствие, видимо, не обнаружило таковых фактов). В противном случае они могли быть преданы суду (этого не произошло) или по крайней мере уволены из армии.

Обращает на себя внимание «полная очистка» шифровального отделения, непосредственно подчиненного начальнику штаба фронта. Кроме того, со своих должностей оказались смещенными начальник разведывательного отдела С. Будкевич (М. Бобровский), его помощник по войсковой разведке М. Горанский и начальник информационного отделения Г. Эрман. Это могло означать, что разведывательная информация по войсковым вопросам каким-то образом вышла за пределы Управления первого помощника начальника штаба фронта. Н. Варфоломеев оказался тем ответственным лицом, к которому должны были стекаться сведения по войсковой разведке (М. Горанский), по всякого рода разведывательной информации (Г. Эрман), оперативное планирование (А. Кеппен, В. Шестун, А. Бредов). Кроме Н. Варфоломеева доступ к этой информации имели начальник штаба фронта С. Меженинов и, конечно, командующий фронтом М. Тухачевский. Таким образом, «дело Варфоломеева» можно было бы квалифицировать как разновидность «шпионского дела». Однако следует иметь в виду, что в ОГПУ часто прибегали к «прикрытию» «шпионским делом», «утечкой секретной информации» ареста военнослужащего по политическим причинам.

На протяжении марта—сентября 1923 г. продолжались достаточно интенсивные «чистки» высшего и старшего комсостава Западного фронта, являвшиеся прямо или косвенно следствием «дела Варфоломеева». В высшем комсоставе фронта появились девять новых «генералов», занявших места «отставленных». Это составило свыше 33 %. В общем, это почти столько же, сколько и в военной элите РККА.

Примечательно, что почти одновременно с началом «дела Варфоломеева» в 1922 г. по обвинению в утечке секретной информации был арестован помощник начальника оперативной части штаба Киевского района Иванов, а вместе с ним несколько сотрудников штаба района. В начале 1923 г. Киевский военный район был упразднен, а его начальник штаба, давний сотрудник М. Фрунзе

подполковник И. Паука был в «мягкой» форме смещен со своей должности и назначен начальником штаба 14-го стрелкового корпуса. Это была завуалированная форма понижения в должности. В связи с вышесказанным следует отметить, что на заседании Политбюро ЦК 25 января 1923 г. по постановлению Оргбюро от 18 января рассматривали вопрос «о работе Овсянникова и Андерса»[1]. Второй из названных — Александр Карлович Андерс, полковник Генштаба, который с августа 1922 г., будучи давним и близким соратником М. Фрунзе, являлся начальником штаба Украинского военного округа. В апреле 1923 г. был смещен с должности первого помощника начальника штаба Украинского военного округа бывший генерал-майор Н.С. Махров. Сам А.К. Андерс был снят с должности начальника штаба округа 17 августа 1923 г. Почти одновременно с ним 16 августа 1923 г. лишился своей должности командира 6-го стрелкового корпуса, входившего в состав войск УВО, бывший подполковник Г.К. Восканов. Несколько позже был отставлен от должности начальник штаба этого корпуса полковник И. И. Бартельс. Наконец, 25 ноября 1923 г. был смещен со своей должности и переведен на преподавательскую работу второй заместитель командующего Украинским военным округом и Вооруженных сил Украины и Крыма, бывший полковник Генштаба Н.В. Соллогуб. Причины этой «чистки» высшего комсостава ВСУК и УВО слегка просматриваются в показаниях генерал-майора Г.А. Армадерова, арестованного в 1941 г. В числе прочих предъявленных обвинений ему «припомнили», что еще «в 1922 году вместе со своим сослуживцем по старой армии Н.В. Соллогубом он был вовлечен в офицерскую заговорщическую организацию для поддержки Троцкого»[2]. Говорилось также, что он якобы продолжал в ней состоять до 1926 г.

Георгий Александрович Армадеров (1888—1941) был человеком незнатного происхождения. Его отец, офицер, отмеченный императором Александром II. Это обстоятельство обеспечило ему не только хорошее образование в Павловском военном училище, но и выход в 1909 г. подпоручиком в лейб-гвардии 2-й стрелковый Царскосельский полк, где он познакомился и стал сослу-

[1] Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. С. 203.

[2] Военно-исторический журнал. 1992. № 12. С. 13.

живцем Н. Соллогуба. Участник Первой мировой войны, он был приобщен к штабной работе в 1917 г. Оказавшись в составе Красной Армии с августа 1918 г., Г. Армадеров занимал весьма высокие штабные и командные должности. Свою службу он начал в Ярославском военном округе, состоял для поручений при Ярославском окружном военкоме, каковым в то время был М. Фрунзе. Под руководством последнего Г. Армадеров служил и в 1919 г., оказавшись в распоряжении командующего Южной группой Восточного фронта, а затем в декабре того же года был назначен помощником начальника штаба Туркестанского фронта. В этой должности он оставался до конца января 1920 г. Вплоть до января 1922 г. Г. Армадеров занимал различные высокие должности в Красной Армии: руководил штабом ВОХР, был начальником штаба 2-й конной армии, 10-й Терско-Дагестанской армии, помощником начальника ВОСО Туркестанского фронта. 29 января 1922 г. его назначили помощником начальника ВОСО Киевского военного округа. Судя по его карьере в период Гражданской войны, у Г. Армадерова в эти годы не сложилось каких-либо более или менее устойчивых связей с видными советскими военачальниками. Можно лишь отметить его сравнительно долгую службу под руководством М. Фрунзе, хотя вряд ли можно считать Г. Армадерова «человеком Фрунзе», судя по последующим его служебным перемещениям.

Совместное участие Г. Армадерова и Н. Соллогуба в «офицерской организации» в 1922 г. могло иметь место во время их службы в Украинском военном округе. Н. Соллогуб несколько раз оказывался в составе высшего руководства Украинского военного округа. Первый раз это имело место с 6 декабря 1920 по 5 августа 1921 г., когда он был назначен начальником штаба Южного фронта и Вооруженных сил Украины и Крыма. Второй раз — с декабря 1921 по 5 августа 1922 г. вновь в должности начальника штаба Вооруженных сил Украины и Крыма. После кратковременного пребывания в качестве командира 5-го стрелкового корпуса на Западном фронте (август—октябрь 1922 г.) он возвратился на Украину на должность второго помощника командующего ВСУК и УВО с 3 ноября 1922 г. и до осени 1923 г. Одновременная служба Н. Соллогуба и Г. Армадерова в УВО началась (с перерывами) с января 1922 г. Как уже отмечалось выше, в это время

Н. Соллогуб был начальником штаба ВСУК и УВО, а Г. Армадеров — помощником начальника ВОСО КВО. В контексте вышеизложенного достаточно загадочно воспринимается реплика Л. Троцкого в выступлении 26 октября 1923 г. на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК. Отметая обвинения в «протежировании» с его стороны начальнику ВОСО РККА М. Аржанову, Л. Троцкий заметил: «...Аржанов. Он так же близок мне, как Сологуб или Аренс...»[1] Смысл реплики Л. Троцкого как бы предполагает информированность участников Пленума о его непричастности к «казусу Соллогуба и Андерса», который сам по себе хорошо известен присутствующим. Л. Троцкому приходится доказывать отсутствие его близости к М. Аржанову, что же касается Н. Соллогуба и А. Андерса, то всем как бы известно, сколь чужд он этим «генералам».

Михаил Михайлович Аржанов (1873—1941), выпускник военно-инженерного училища (1892) и электротехнического офицерского класса (1893), бывший поручик, с февраля 1919 по август 1922 г. был начальником Центрального управления военных сообщений РВСР и одновременно (до апреля 1921 г.) главным инспектором путей сообщения Наркомата путей сообщений. В этом двойном качестве он являлся ближайшим сотрудником Л. Троцкого. В августе 1922 г. он был, как отмечалось выше, смещен со своей высокой должности. Примечательно, что упомянутый выше Г. Армадеров с февраля 1921 г. был помощником начальника военных сообщений (ВОСО) Туркфронта, а с января 1922 г. был переведен на ту же должность в Киевский военный округ. Здесь в июне 1922 г. он был повышен в должности и назначен инспектором военных сообщений (то есть начальником ВОСО) при Киевском военном районе (бывший КВО). Однако уже с 1 сентября 1922 г. он потерял эту должность и был переведен на другую: представителем Наркомвоена в межведомственной

---

[1] Черновая запись заключительных речей Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК РКП(б) 26 октября 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 184. Цитата приводится с подлинной орфографией записи. Фамилия «Аренс», видимо, приведена с явной ошибкой в стенограмме. Судя по контексту, «Сологуб» — это Н. Соллогуб, помощник командующего Вооруженными силами Украины и Крыма. «Аренс», упомянутый рядом с «Сологубом», — А. Андерс, начальник штаба Вооруженных сил Украины и Крыма.

комиссии при Киевском отделении сборов Наркомпути. 27 ноября 1922 г. его назначили врид начальника штаба 1-го конного корпуса (В. Примакова). Это было несомненное понижение. Смещение Г. Армадерова с должности начальника ВОСО Киевского военного района, очевидно, было связано с отставкой М. Аржанова. Упоминание «в одной связке» М. Аржанова, Н. Соллогуба и А. Андерса в октябре 1923 г. позволяет предполагать связь между «офицерской организацией», в которую были вовлечены в 1922 г. Г. Армадеров и Н. Соллогуб А. Андерсом и М. Аржановым. Само же это «вовлечение» Г. Армадерова и Н. Соллогуба в «офицерскую организацию» могло иметь место между январем и августом 1922 г.

Учитывая более высокое должностное положение Н. Соллогуба в руководстве УВО инициативной стороной в самом «вовлечении в заговор» являлся, скорее всего, именно он. На это указывает и то обстоятельство, что у Г. Армадерова никаких более или менее устойчивых и долговременных связей с представителями высшего комсостава УВО не было. Он вообще появился на Украине, судя по изложенным выше фактам его служебной карьеры, лишь в начале 1922 г. Что же касается Н. Соллогуба, то, как ранее приходилось уже характеризовать его служебную деятельность в Красной Армии, он еще в декабре 1920 г. неоднократно занимал должность начальника штаба УВО и ВСУК, а с октября 1922 г. был вторым помощником командующего. Выше отмечалось, что Н. Соллогуб был связан достаточно близкими и долгими служебными отношениями еще с 1914 г. с С. Каменевым. Однако, учитывая личные свойства Главкома, в частности, его политическую «робость» и индифферентность, вряд ли он мог быть инициатором в организации «заговора». На Украине же равновеликим Н. Соллогубу по должностному положению был лишь начальник штаба ВСУК и УВО А. Андерс, который с декабря 1920 и с небольшим перерывом до августа 1922 г. занимал при Н. Соллогубе, в бытность последнего начальником штаба округа, должность помощника. Таким образом, А. Андерс являлся наиболее близким ему по службе человеком, которому он мог довериться или который мог довериться ему. Судя по смыслу выражения «были вовлечены в офицерский заговор», Н. Соллогуб был объектом «вовлечения», а не инициатором. Поэтому в стремлении хотя бы гипотети-

чески реконструировать эту «офицерскую организацию» следует проанализировать военно-политическое положение и микросоциальные связи именно А. Андерса. В конце концов, когда «мягкие репрессии» накрыли значительную часть военной элиты в конце 1923 — начале 1924 г., то, как будет видно далее, А. Андерс сначала был «сослан в Сибирь» (помощником командующего 5-й отдельной армии и Восточно-Сибирского военного округа), а затем, в 1924 г. уволен из РККА. Что касается Н. Соллогуба, то его лишь переместили в Москву на должность начальника Военной академии ВВС РККА. Это могло означать большую «причастность» А.К. Андерса к «заговору». Вряд ли бывшие офицеры-генштабисты могли составлять «заговор в поддержку Троцкого» и тем более в 1922 г. Тогда Л. Троцкий вовсе не нуждался еще в таком крайне радикальном рычаге в борьбе за власть, каковым являлась Красная Армия. Зато причастность этих лиц к «делу Варфоломеева», скорее всего, и представлявшего собой часть «организации и заговора Тухачевского», о которых писал в своем дневнике генерал А. фон Лампе, весьма вероятна. Ведь генерал писал о «значительной организации, поставившей себе целью производство переворота в стране и в самой армии», о том, что она «в толще Красной Армии» и что возглавляется она Тухачевским.

Судя по тому, что в начале 1924 г. в отставку были отправлены начальник Штаба РККА П. Лебедев, начальник Управления по начальствующему составу Штаба РККА С. Шах-Тахтинский, Г. Хвощинский для поручений при начальнике Штаба РККА, то есть высшие штабные чины Красной Армии, высшие штабные офицеры окружных и фронтовых штабов, скорее всего, были связаны с кем-то из названных лиц. Вряд ли П. Лебедев, учитывая его политическую осторожность, самолично мог проводить какую-либо «конспиративную работу», пусть даже в ведомственных границах. А вот его ближайший конфидент и давний помощник генерал Г. Хвощинский, в марте 1924 г. арестованный и уволенный из РККА, а в 1928 г. застрелившийся при невыясненных обстоятельствах, вполне подходил на роль инициатора и организатора такого рода работы. В силу того, что П. Лебедев в течение долгого времени работал в непосредственном подчинении Председателя РВСР Л. Троцкого, видимо, «офицерская организация» и была, «постфактум», квалифицирована как «протроцкистская».

Вряд ли, как отмечено выше, «офицерская организация», в которую в 1922 г. оказался вовлеченным Н. Соллогуб, была создана для поддержки Л. Троцкого, тем более что в 1922 г. Председатель РВСР не нуждался в этом. Для него эта проблема обозначилась лишь к августу 1923 г. Косвенным образом на связь «казуса Соллогуба — Андерса» и участия Н. Соллогуба в «офицерской организации» в УВО с «делом Варфоломеева» может указывать прежнее близкое и долгое фронтовое сотрудничество Н. Соллогуба и Н. Варфоломеева и приятельские между ними отношения. «Чистка» высшего комсостава УВО, в том числе штаба округа, оказалась синхронна с аналогичной «чисткой» штаба Западного фронта, порожденной «делом Варфоломеева». Все это дает основания считать упомянутые факты и события взаимосвязанными.

В контексте «дела Варфоломеева» уместно обратить также внимание и на некоторые косвенные факты, указывающие на возможную с ним связь слухов о «заговоре Гиттиса в Петроградском военном округе», информация о котором в дневнике А. фон Лампе (датируемая июнем 1923 г.) уже приводилась выше. В частности, определенную настороженность вызывает тот факт, что бывший гвардейский офицер и близкий к М. Тухачевскому А. Готовский, являвшийся с 1921 г. начальником 2-й Петроградской кавалерийской школы, согласно записи в его послужном списке, сходной по стилю с имевшейся в послужном списке Н. Варфоломеева, с 29 мая 1923 г. значится «состоящим в распоряжении Штаба РККА», а затем, с 22 марта 1924 г. — «штатным преподавателем Высшей пограничной школы ОГПУ». Такой зигзаг карьеры полковника-генштабиста, занимавшего с 1918 по 1923 г. «генеральские» должности в Красной Армии, мог быть объясним лишь чрезвычайными обстоятельствами. Перевод А. Готовского, бывшего близкого соратника М. Тухачевского, простым преподавателем, в сущности, «под надзор» ОГПУ, можно расценить как «мягкую» форму наказания: отставки и «репрессий».

Те же размышления возникают и при движении карьеры другого гвардейца, бывшего однополчанина А. Готовского по лейб-гвардии Кирасирскому полку, близкого сотрудника М. Тухачевского, полковника Генштаба М. Баторского, являвшегося к 1923 г. начальником 1-й Петроградской кавалерийской школы

(бывшее Николаевское кавалерийское военное училище). Подобно А. Готовскому, он в 1924 г. также был понижен в должности.

Уместно обратить внимание также и на карьеру бывшего полковника лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады Платона Николаевича Алексеева (1882—19??), с сентября 1921 г. являвшегося начальником Оперативного управления (отдела) штаба Петроградского военного округа, к 1924 г. переведенного начальником штаба в 48-ю стрелковую дивизию, дислоцированную в Московском военном округе. Эта фигура оказывается уже совсем близко от командующего Петроградским военным округом В. Гиттиса. Впрочем, еще больше вопросов оставляет без надежного ответа служебная карьера начальника штаба этого округа М. Эндена.

Михаил Михайлович Энден (1887—1937), дворянин, немец, бывший офицер лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады (как и П. Алексеев), капитан Генштаба, с 1922 г. являлся начальником штаба Петроградского военного округа. М. Энден однажды уже подвергался аресту во время Кронштадтского мятежа по подозрению в сочувствии восставшим матросам. Однако тогда его пребывание под арестом было кратковременным. М. Энден, по официальным документам, был смещен со своей должности и переведен рядовым преподавателем в Военно-политическую академию им. Толмачева в 1925 г. Однако похоже на то, что его, как командующего Ленинградским военным округом В. Гиттиса, отстранили от руководства штабом округа еще в 1924, если не в 1923 г. Во всяком случае, слухи об отставке В. Гиттиса, как об этом говорилось выше, просочились за рубеж еще в июне 1923 г. А в Петрограде его отставка не вызывала сомнений уже в 1924-м г. М. Энден был достаточно близко знаком еще во время службы в лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригаде, обслуживавшей 1-ю Гвардейскую пехотную дивизию, с полковником лейб-гвардии Преображенского полка Д. Зуевым. Они продолжали поддерживать тесные служебные отношения и в 1921—1926 гг. в штабе Петроградского военного округа. Брат М. Эндена, лейтенант флота Б. Энден в 1918 г. был причастен к германофильски настроенной конспиративной контрреволюционной организации в Петрограде, одним из руководителей которой тогда был упомянутый выше М. Баторский. Скорее всего, М. Энден должен был с ним познакомиться еще тогда и определенно знать его по служебной

деятельности в Петроградском военном округе в 1921—1924 гг. Не исключено, что еще в 1914—1915 гг. младший офицер лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады М. Энден был знаком с младшим офицером лейб-гвардии Семеновского полка М. Тухачевским (тоже 1-я Гвардейская пехотная дивизия). Все вышесказанное позволяет отчасти вскрыть истоки слухов о «военном заговоре» в Петроградском военном округе. В силу указанных выше служебных и личных связей между многими из упомянутых выше лиц, преимущественно бывших гвардейских офицеров, и М. Тухачевским, есть основания подозревать причастность руководства штаба Петроградского военного округа и отдельных войсковых частей, дислоцированных в Петрограде, к «делу Варфоломеева» и, таким образом, к смутной роли в этом «деле» самого М. Тухачевского.

Об «организации генштабистов», якобы существовавшей в РККА с 1923 г., давал показания А. Свечин, арестованный в начале 1931 г. А. Свечин признавал себя «участником офицерской антисоветской организации»[1]. Объясняя смысл и цели «организации генштабистов», он говорил: «Основная цель этой организации — объединение и сплочение посредством пропаганды бывшего офицерства, которое могло бы в критические моменты послужить своей Родине... В нашей организации я играл только роль одного из идеологов и никакой практической работы не вел, за исключением агитационной работы... В моей научной литературной деятельности я проводил свои политические взгляды, находив-

[1] Генерал и профессор А. Свечин, арестованный 20 декабря 1937 г., обвинялся в «участии в офицерско-монархической организации и военно-фашистском заговоре». А. Свечин не признал себя виновным. Однако его ответ на предъявленные ему обвинения весьма примечателен. На вопрос: «За что вы арестовывались органами ОГПУ в 1931 году?» — А. Свечин дал такой ответ: «В 1931 г. я был арестован как участник офицерской антисоветской организации, свою виновность признал и был осужден в концлагерь сроком на 5 лет. После 1931 г. я в антисоветской организации не состоял». Если считать, что все обвинения, предъявлявшиеся советским «генералам» в 30-е годы, были результатом фальсификаций, подтасовок, силового и психологического давления на обвиняемых со стороны следствия, то позиция А. Свечина представляется несколько странной. Почему он, отказываясь признать себя виновным в 1938 г., считает себя таковым в 1931 г.? А. Свечина арестовали 20 февраля 1931 г. по делу о контрреволюционной монархической организации «Весна». Цит. по кн.: Постижение военного искусства. Идейное наследие А. Свечина. М., 1999. С. 652.

шиеся в части оппозиции и противоречившие установкам компартии и коммунистического Интернационала...»[1]

Впрочем, в ходе следственных показаний А. Свечин «проговаривается», вскрывая смысл понятия «организация генштабистов». В частности, он объяснял, что в Военной академии вокруг него группировались(!) лица, «жившие надеждой на эволюцию Советской власти вправо и на уменьшение обострения классовой борьбы в СССР»[2]. А. Свечин признавался: «В этом я от них не слишком отделялся. Политические убеждения большинства этих людей были республиканско-демократические, хотя некоторые из них были ближе к монархии...»[3] Таким образом, собственно говоря, никакой «организации» не было. Были люди примерно одного образовательного уровня, происхождения, возраста, профессиональных навыков, привычек и убеждений, которые, что вполне естественно, «тянулись» друг к другу и группировались вокруг наиболее авторитетных своих товарищей. Таковым был генерал А. Свечин.

«...Советскую власть я встретил враждебно, — признавался профессор в своих следственных показаниях, — и никогда полностью ее не воспринял. Мы, бывшие офицеры старого Генерального штаба, терявшие те привилегии, то положение и те перспективы, которые сулило нам прошлое, очутившись в условиях Советской власти, в течение всего периода ее существования переплели свое враждебное отношение к ней с надеждой на перерождение Советской власти в буржуазно-демократическую республику, которая открыла бы для нас большой простор и большую свободу...»[4] Если стилистика признаний А. Свечина была обусловлена его положением подследственного, обвиняемого в антисоветской контрреволюционной деятельности, то сущность переданных им настроений бывших генштабистов старой армии не могла быть иной.

Что касается отношений между А. Свечиным и М. Тухачевским, то в литературе они представлены несколько упрощенно и

---

[1] Цит. по кн.: Постижение военного искусства. Идейное наследие А. Свечина. М., 1999. С. 652.

[2] Показания на допросе 24 февраля 1931 г. // Там же. С. 649.

[3] Там же.

[4] Допрос 1 марта 1931 г. // Там же.

однозначно, а в последние годы чуть ли не прямо утверждается, что М. Тухачевский был одним из организаторов репрессий против генерала и профессора. Все гораздо сложнее хотя бы потому, что оба «генерала» были людьми весьма незаурядными и отношения между ними, пронизанные духом скрытого и открытого соперничества, часто выходившего далеко за рамки споров и дискуссий по военно-теоретическим вопросам в сферу политики и идеологии, не могли быть простыми.

Трения между М. Тухачевским и А. Свечиным ясно обозначились с 1926 г. и приобрели явный политический привкус в 1930—1931 гг. Сам А. Свечин был убежден, что главной причиной его ареста были разногласия с М. Тухачевским, чему нет никаких подтверждений[1]. Выступления же будущего маршала против бывшего генерала в 1930—1931 гг. не лишены были признаков «покаянной индульгенции», ибо имели место в тревожной политической коньюнктуре, когда военно-политическое положение самого М. Тухачевского оказалось весьма неустойчивым и над ним самим, в свою очередь, нависла угроза ареста по обвинению в «организации заговора».

Отношение М. Тухачевского к А. Свечину отнюдь не всегда было таковым. В 1921 г. в качестве начальника Военной академии РККА М. Тухачевский аттестовал профессора как выдающегося ученого с тонко развитым оперативным мышлением. И это вполне объяснимо, ибо в 1921—1924 гг. М. Тухачевский и А. Свечин отстаивали единые позиции по ряду вопросов. В этом нет ничего необычного: оба «генерала» отталкивались от К. Клаузевица, будучи почитателями его «классики». Оба отрицательно относились к «милиционной системе», которую намерен был ввести Л. Троцкий[2], следовательно, выступали против Председателя РВСР. Оба отстаивали сохранение постоянной регулярной армии. Оба «генерала» придерживались «континентальной» концепции и в рассмотрении «геостратегической доктрины» Красной Армии и СССР. Они придерживались одинаковых взглядов и на примене-

---

[1] *Черушев Н.С.* Тридцать седьмой год: НКВД и Красная Армия // Военно-исторический архив. 2000. Вып. 10. С. 202.

[2] *Свечин А.А.* Милиция как идеал. (Критика тезисов Л. Троцкого) // Постижение военного искусства. Идейное наследие А. Свечина. — С. 178—181.

ние артиллерии[1]. Сходными были у них и представления о Генеральном штабе и его роли в Красной Армии[2].

Анализируя критически боевые действия войск Западного фронта в Варшавском сражении 1920 г., в феврале 1924 г. А. Свечин, и это при всех особенностях его личности, не склонной заискивать перед «авторитетами», сделал в адрес М. Тухачевского и Н. Какурина заметные комплименты. Он писал о «лучших кадрах пехоты, коими когда-либо располагала Красная Армия, — победоносные кадры, блестящим броском перекинувшейся с берегов Двины и Березины на Вислу»[3]. Иными словами «варшавский поход» М. Тухачевского он назвал «блестящим броском». А. Свечин весьма изящно, мимоходом, но определенно назвал единомышленника и друга «красного Бонапарта» Н. Какурина «одним из лучших начдивов в Красной Армии»[4]. Косвенным указанием на весьма лояльные отношения между М. Тухачевским и А. Свечиным может служить назначение последнего заместителем к первому как Главному руководителю по стратегии всех академий РККА в начале 1925 г. В некоторых работах 1924—1926 гг. А. Свечин порой делал критические замечания по поводу боевых действий командования Западного фронта в 1920 г., однако полемика между «генералами» не обрела еще конфликтной остроты. Во всяком случае, в военно-политических вопросах в 1922—1923 гг. М. Тухачевский и А. Свечин, в сущности, являлись единомышленниками.

В контексте рассматриваемого нами вопроса существенно признание А. Свечина, что «в организацию бывших офицеров Генерального штаба, создавшуюся на почве указанных выше настроений, я был введен А.Е. Снесаревым в 1923 г.»

---

[1] 21 декабря 1923 г. М. Тухачевский на заседании ВНО Военной академии РККА сделал доклад «О новой артиллерии». Как отмечалось в информации по этому поводу, напечатанной в «Военном вестнике», «положение т. Тухачевского о принятии для дивизионной артиллерии гаубицы встретило полную поддержку выступавшего в прениях профессора Свечина, который указал на настоятельную необходимость создания хорошей гаубицы и сильных групп гаубичной артиллерии». Военный вестник. 1924. № 2. С. 67.

[2] *Свечин А.А.* Задача Генерального штаба // Русский инвалид. 1909. № 268.

[3] *Свечин А.А.* Безмолвный фронт // Военный вестник. 1924. № 6. С. 17—18.

[4] Там же. С. 17.

Что же собой представляла эта «организация генштабистов», о которой на следствии в 1931 г. сообщал А. Свечин? Известно, что 22 ноября 1922 г. в день праздника Св. Георгия Победоносца на квартире у отъезжавшего в Эстонию бывшего генерала Д.К. Лебедева собрались бывшие генералы, преподаватели Военной академии РККА А. Снесарев, А. Свечин, А. Незнамой, А. Верховский и ряд других. Так, по инициативе генерала А. Снесарева было положено начало так называемым «георгиевским вечерам», которые продолжались еще в течение нескольких лет (примерно до 1926—1927 гг.). Кроме упомянутых выше лиц, в 1923—1924 гг. на этих вечерах присутствовали и другие близкие А. Снесареву генералы — георгиевские кавалеры: Д. Надежный, А. Новиков, Я. Сиверс, А. Лигнау, В. Готовский, а также полковники Н. Капустин, В. Сухов, Е. Голубинцев. Особенностью этих вечеров было то, что на них присутствовали и на них приглашались лишь лица, награжденные орденом Св. Георгия, то есть «георгиевские кавалеры». Примечательно, что вечера эти были обставлены своеобразным ритуалом: к столу подавался обычно крендель в форме «георгиевского креста». Все приходили в штатском, но обязательно с орденами Св. Георгия. Эти собрания демонстративно подчеркивали единство присутствующих в преданности традициям старой русской армии и игнорирование армии Красной. Поэтому советские награды, у кого они имелись, не надевались. Примечательно, что когда генерал Д. Надежный, считавшийся вполне лояльным Советской власти, явился с орденом Красного Знамени, ему заметили, что это знак Сатаны. После этого генерал больше никогда, приходя на вечера, орден не надевал.

Примечательно, однако, что явный несоветский дух этих вечеров усиливался почти программными декларациями, которые вполне можно было расценить как «контрреволюционные» и «антисоветские». Впервые это имело место, по свидетельству Д. Надежного, в 1923 г., когда на квартире А. Снесарева приглашенный им в качестве почетного гостя генерал А. Брусилов выступил с призывом «к единению бывших георгиевских кавалеров, служивших в Красной Армии с тем, чтобы, при возможном изменении политической обстановки, применить свои силы для блага Родины... Выступление Брусилова можно считать началом организа-

ции бывших георгиевских офицеров»[1]. Мысль А. Брусилова, что, «несмотря на то что мы волею судеб сейчас служим в Красной Армии, мы все же не забываем традиций русского офицерства», была поддержана А. Снесаревым, призвавшим «в дальнейшем не терять друг друга из виду и праздновать наши старые войсковые праздники»[2]. Даже принимая во внимание «следственные преувеличения», указанные «георгиевские вечера», несомненно, обладали пусть весьма «бледными», но все-таки признаками «антисоветской организации бывших офицеров». Правда, после того как в 1925 г. А. Брусилов из-за болезни уже не смог принять участия в очередном «георгиевском вечере», а весной следующего года умер, А. Снесарев охладел к дальнейшему их проведению. Несомненно, А. Снесарев связывал какие-то надежды с именем А. Брусилова, конечно, видя в нем прежде всего «знамя». Вряд ли сам А. Брусилов и по возрасту, и по состоянию зоровья, и по свойствам личности решился бы инициировать и возглавить какое-либо антисоветское военное выступление. Хорошо знакомый с ним И. Ильин недаром сделал характерную ремарку по поводу А. Брусилова и его приятеля А. Зайончковского в записке к П. Врангелю в 1923 г.: «Брусилова и Зайончковского я знаю: оба старчески хитры и трусливо расчетливы. Поэтому сами ничего не сделают, если их не сделают события».

Прямых указаний на групповую связь М. Тухачевского с А. Снесаревым, по крайней мере, в те годы, не имеется, однако двое из вышеупомянутых завсегдатаев снесаревских застолий в 1923—1924 гг. были близкими приятелями М. Тухачевского, с которыми ему приходилось встречаться в доме генерала А. Зайончковского и активно сотрудничать по служебным делам. Это В. Готовский и А. Де-Лазари. Это обстоятельство дает основание полагать, что военно-политические настроения М. Тухачевского, известные указанным офицерам, импонирующие им, разделяемые и во многом формируемые ими, были созвучны взглядам их друзей — генерала А. Снесарева и генерала А. Брусилова.

Свидетельств о близких отношениях А. Брусилова и М. Туха-

---

[1] Цит. по кн.: *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930—1931 годы. М., 2000. С. 131—132.

[2] Там же. С. 132.

чевского не имеется, за исключением одного. П. Ферваk сообщает, что, прежде чем перейти на сторону Советской власти, гвардии подпоручик (капитан?) М. Тухачевский «встретился с Брусиловым и посоветовался со старым генералом: почему Брусилов решил пойти на службу к Советам? «Распространяя идею Интернационала, — ответил ему Брусилов, — Советское правительство укрепляет национальное самосознание русских и возбуждает их дух патриотизма»[1]. Сообщаемые П. Ферваком сведения об отношениях М. Тухачевского с А. Брусиловым практически непроверяемы, однако о приятельских отношениях М. Тухачевского с А. Зайончковским информация имеется (подробнее см. ниже). Через последнего, близкого друга А. Брусилова, у М. Тухачевского вполне были вероятны и контакты со старым генералом — «героем германской войны». В равной мере косвенным образом М. Тухачевский был связан с А. Брусиловым и через В. Готовского, также входившего в близкое окружение генерала. Кроме того, не следует забывать, что А. Брусилов, как и А. Зайончковский, как и М. Тухачевский, был приверженцем наступательной «стратегии сокрушения».

Что касается отношений М. Тухачевского с С. Буденным, то хрестоматийно известным является мнение об их взаимной неприязни, зародившейся еще с 1920 г. Впрочем, в начале 20-х годов в этом плане далеко не все было столь однозначно. Достаточно обратить внимание хотя бы на мнение, выраженное М. Тухачевским в то время о С. Буденном как военачальнике. «В оперативном отношении Буденный, кроме Уборевича, — самый способный командарм и самый дисциплинированный, — так характеризовал «красного Мюрата» его непосредственный начальник весной 1920 г. М. Тухачевский. — Если он и отклонялся иногда от буквы приказов, то после оказывалось, что по обстановке так и было нужно. Лично Буденный также дисциплинирован... Конечно, простоват как унтер-офицер. Вот мое мнение о Буденном»[2]. Возможно, и отношение С. Буденного к М. Тухачевскому в те годы тоже не было столь упрощенным, как мнение, сложившееся об этом много позднее.

---

[1] *Fervacque P.* Op. cit. P. 112.

[2] РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 128. Л. 65.

Начальник КРО ОГПУ А. Артузов в отчете за ноябрь 1924 г. отмечал: «Зарегистрированы почти во всех крупных центрах СССР террористические ячейки. По преимуществу это молодые безработные офицеры и исключенные студенты вузов. Ячейки небольшие, обособленные, что весьма затрудняет разработку и требует большой агентуры... Примером организации кастовых групп с террористическими настроениями служат: группа офицеров гвардии в Ленинграде и в Москве (группа преображенцев, семеновцев, измайловцев)...»[1]

Группа «семеновцев» возникла в Петрограде еще в январе 1918 г., когда два офицера-семеновца И. Толстой и Д. Комаров тайком привезли и спрятали в алтаре бывшей полковой церкви знамя своего лейб-гвардии Семеновского полка, расформированного в декабре 1917 г. Примерно в то же время была создана нелегальная, так называемая «Семеновская управа» во главе с генерал-майором Л. фон Тимротом (бывшим полковником-семеновцем), в 3-м Советском стрелковом полку (бывший резервный гвардейский Семеновский полк), в которую вошли почти все бывшие офицеры-семеновцы, оставшиеся в Советской России. Видимо, указанная выше «Семеновская управа» и была той «белогвардейской организацией», в которой какое-то время (по крайней мере, до марта 1918 г.) состоял М. Тухачевский до перехода к большевикам. Настроения большинства оставшихся в Советской России «семеновских офицеров» были антибольшевистскими, во всяком случае, не отличались симпатиями к Советской власти. Как известно, весной 1919 г. во время наступления войск генерала Юденича на Петроград, отправленный на фронт 3-й Советский стрелковый полк почти в полном составе перешел на сторону белых. Однако в Петрограде, по различным соображениям, в том числе и конспиративным, осталось еще много бывших офицеров полка. Это «семеновское полковое объединение», можно сказать, лейб-гвардии Семеновский полк, «в кадре» как бы продолжал свое нелегальное существование, поскольку сохранилось знамя полка вплоть до 1930 г. Известно, что 12 бывших офицеров лейб-гвардии Семеновского полка служили в Красной Армии. Девять из них были так или иначе связаны с М. Тухачевским.

---

[1] Источник. 1995. № 4. С.75.

Первые более или менее регулярные встречи бывших семеновцев зафиксированы были в 1923 г. Примерно с этого времени бывшие офицеры-семеновцы В. Шильдер, Б. Пронин и А. Рихтер «устраивали вечера, относящиеся к воспоминаниям и чествованию Семеновского полка»[1]. Как вспоминал в своих показаниях на следствии в 1930 г. полковник лейб-гвардии Семеновского полка Л. Дренякин, он поддерживал «наиболее близкую связь... с Шелеховым Дмитрием и Сиверсом Яковом Яковлевичем. Связь между мной и указанными лицами выражалась во взаимном посещении квартир того и другого. Квартиры Сиверса и Шелехова посещал до 1925 года. Во время посещения квартиры Сиверса, из разговоров с ним и его женой узнал об устраиваемых лицеистами сборищах, а впоследствии и об их аресте. В сборищах участвовали: Шильдер, Лялин, Рихтер и Пронин. Какие вопросы они обсуждали на устраиваемых сборищах — я не знаю и мне никто не говорил. При этих разговорах с Сиверсом узнал, что он посещает Шильдера, где присутствуют: Пронин, Рихтер, Лялин. На устраиваемых вечерах в разговоре одного с другим касались службы полка, делились воспоминаниями о прошлом полка, разбирали текущие политические события, под углом недовольства к проводимым мероприятиям Соввласти. В этих же беседах выражали надежды на падение Советской власти и реставрацию монархического правопорядка»[2]. Продолжая давать показания, Л. Дренякин добавил: «С указанными офицерами Семеновского полка встречался с 1922 по начало 1924 г. на панихидах, устраиваемых по убитым офицерам Семеновского полка, в Введенском соборе»[3]. Таким образом, все сводилось к застольным разговорам, воспоминаниям, посещениям бывшего «полкового собора», проявлению недовольства своим положением и надеждам на его улучшение в результате падения Советской власти. Впрочем, согласно старой военной традиции — пока не потеряно знамя, существует полк — сохранение знамени лейб-гвардии Семеновского полка и других полковых реликвий, несомненно, было признаком нелегального

[1] Показания Я.Я. Сиверса от 24 ноября 1930 г. // *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930—1931 годы. С. 380.

[2] Показания Л.В. Дренякина от 29 ноября 1930 г. // Там же. С. 393—394.

[3] Там же.

(в силу этого «антисоветского», антигосударственного, «контрреволюционного») существования полка как военной организации. Так же можно было квалифицировать и фактическое сохранение церковно-полковой организации при бывшей полковой церкви лейб-гвардии Семеновского полка.

Вполне понятно, что подпоручик М. Тухачевский, будучи знакомым со всеми офицерами лейб-гвардии Семеновского полка, со всей «полковой семьей», в наиболее близких приятельских отношениях, естественно, находился с офицерами 7-й и 6-й рот. В 7-ю роту он был первоначально определен, а в 6-ю был несколько позже переведен. В 7-й роте его окружали: командир роты капитан П. Брок, поручик А. Иванов-Дивов-2[1] и подпоручик Д. Комаров-1.

Дмитрий Виссарионович Комаров (1885—1931), дворянин, был сыном весьма близкого к Николаю II генерал-лейтенанта В.А. Комарова, командира лейб-гвардии Сводного полка, а затем с 1914 г. начальника Петроградского дворцового управления. Д. Комаров окончил Императорское Училище правоведения. В 1908 г. он сдал экзамен на чин прапорщика запаса армейской пехоты, а спустя два года по личному указанию императора был переведен подпоручиком в лейб-гвардии Семеновский полк. Личное указание понадобилось, поскольку Д. Комаров очень плохо сдал экзамены. В августе 1914 г. Д. Комаров был подпоручиком и, подобно М. Тухачевскому, младшим офицером 7-й роты. В конце 1917 г. он был уже капитаном, а в январе 1918 г., после расформирования полка, именно он вместе с другим офицером, капитаном И. Толстым тайно привез в Петроград знамя полка и спрятал его в полковой церкви. Это обстоятельство впоследствии и послужило одной из главных причин его ареста по так называемому «семеновскому делу» в октябре 1930 г. и гибели в апреле 1931 г. Весьма вероятно, что Д. Комаров ближе познакомил М. Тухачевского с А. Типольтом, который учился в Императорском Училище правоведения вместе с Д. Комаровым. Приятельские отношения между М. Тухачевским и А. фон Типольтом укрепились еще более, когда в конце августа 1914 г. подпоручика М. Тухачевского перевели младшим офицером из 7-й в 6-ю роту. Командиром ее был капитан Ф. Веселаго, а кроме А. Типольта и

[1] А. Иванов-Дивов-2 эмигрировал за границу после 1917 г.

М. Тухачевского, третьим младшим офицером был подпоручик Г. фон Эссен-2. И Ф. Веселаго, и Г. фон Эссен погибли в 1915 г. Из старых ротных товарищей у М. Тухачевского к 1917 г. остался один А. фон Типольт[1].

Следует иметь в виду, что большинство из вышеперечисленных офицеров проживали в Петрограде (Ленинграде). Это в определенной мере обусловило поддержание между ними отношений прежней «полковой дружбы». В то же время они, возможно, были так или иначе связаны с семеновцами, оказавшимися в близком окружении М. Тухачевского, поддерживавшими с ним приятельские, а не только служебные отношения (А. Типольт, П. Ермолин, С. Анников, М. Мейендорф). В частности, полковник Л. Дренякин также окончил Александровское военное училище, в котором обучался вместе с П. Ермолиным (будучи его сверстником), долговременным сотрудником М. Тухачевского в 1919—1922 гг. Наличие в Красной Армии столь влиятельной и авторитетной фигуры, как М. Тухачевский, несомненно, вселяло в них чувство «социальной защищенности» («свой семеновец всегда сумеет защитить») и, не исключено — какие-то политические мечты и надежды («Тухачевский-Бонапарт»). Во всяком случае, в 1930—1931 гг., когда в Ленинграде были проведены аресты бывших чинов лейб-гвардии Семеновского полка, то некоторые из родственников арестованных обращались к М. Тухачевскому (в то время командующему ЛВО) с ходатайствами о защите арестованных. Однако М. Тухачевский отказался выступить в качестве защитника. Отчасти его поведение объяснимо: в это время ему самому угрожал арест, поскольку арестованные Н. Какурин и И. Троицкий указали на него как на вдохновителя и организатора антиправительственного заговора.

Таков был в 1922—1923 гг. военно-политический фон настроений представителей советской военной элиты, на котором возникло «дело Варфоломеева», политически компрометировавшее М. Тухачевского. Разумеется, далеко не у всех бывших генералов и генштабистов этот «выскочка — гвардейский поручик» вызывал слишком большое профессиональное уважение, не гово-

[1] РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2973. Л. 32. Послужной список А.А. Типольта. См. также: *Зайцов А.* Семеновцы в 1914 г. С. 11.

ря уже о личных симпатиях, однако, как выразился полковник А. Дилакторский, отражая настроения военспецов-генштабистов, именно в это время: «Тухачевский моден» и при нем можно «сделать карьеру». Он казался наиболее подходящей фигурой для роли их военно-политического лидера. Во всяком случае, вряд ли можно рассматривать как случайное совпадение по времени появление в мартовских дневниковых записях 1923 г. генерала А. фон Лампе выражений надежд на близкую «бонапартизацию» Советской России под предводительством М. Тухачевского. Не исключено, что эта информация, «слухи о военном заговоре» и причастности к нему М. Тухачевского, могла пройти в берлинский центр русского военного зарубежья через полковника А. Дилакторского, сообщавшего о «политической моде» на М. Тухачевского в военных и общественно-политических кругах Советской России, или В. Готовского. Уместно еще раз вспомнить анализ военно-политической ситуации в Советской России — СССР к осени 1922 г., переданный И. Ильиным в записке, адресованной П. Врангелю с точки зрения «бонапартистской перспективы», в котором философ, перебирая фамилии наиболее авторитетных военачальников и руководителей РККА, лишь о М. Тухачевском сказал: «может стать центром заговора».

В целом, подводя определенный итог всему сказанному выше о политических настроениях в высшем комсоставе Красной Армии, вполне можно констатировать наличие определенных оснований для информации, зафиксированной в дневнике А. фон Лампе 30 января 1924 г., о том, что «в толще Красной Армии имеется значительная организация, поставившая себе целью производство переворота в стране и в самой армии» и что «возглавляется она командующим Западным фронтом, бывшим подпоручиком лейб-гвардии Семеновского полка Тухачевским». Но, учитывая свойства личности самого М. Тухачевского, сомнительно было бы соблазниться предположением, что сам будущий маршал являлся организатором «офицерского заговора» против Советской власти. Он мог позволять себе в узком кругу бывших офицеров — своих сотрудников высказывания, воспринимаемые слушателями как его моральную готовность возглавить такой «заговор». Быть может, он даже проигрывал подобные «конспиративно-политические модели». Однако — именно «проигрывал», «играл». Ему импонировало это двусмыслен-

ное военно-политическое восприятие его личности окружавшими его офицерами. Он, несомненно, давал им повод считать его, М. Тухачевского, готовым возглавить «заговор». Но, думается, с его стороны это было непреднамеренное провоцирование конспиративных настроений бывших офицеров, которые, скорее всего, дальше разговоров, выражавших надежды на «бонапартизм» М. Тухачевского и даже уверенность в этом, пойти не успели.

Итак, попытка отпять в марте 1923 г. фронтовое командование у М. Тухачевского окончилась неудачей. В начале апреля 1923 г. М. Тухачевский вновь был командующим Западным фронтом, хотя вынужден был примириться с «чисткой» своего окружения и штаба[1]. Аналогичной была ситуация с «чисткой» штаба М. Фрунзе в УВО. Такой ход событий, развернувшихся после ареста Н. Варфоломеева, очевидно, был связан не только с мощным авторитетом и большой популярностью М. Тухачевского. Это не было также лишь следствием сильной для него военно-политической опоры в лице друзей, ветеранов-соратников в соединениях и частях Западного фронта. Следует обратить внимание и еще на некоторые обстоятельства, которые, видимо, способствовали восстановлению М. Тухачевского в должности командующего фронтом и стабилизации его военно-политического положения.

Обозначенная с 15 по 22 марта 1923 г. в штабных приказах поездка М. Тухачевского «по фронту» на самом деле была прикрытием его кратковременного визита в Германию, в Берлин. Об этом свидетельствует генерал А. фон Лампе[2]. В этой поездке М. Тухачевского сопровождали А. Виноградов, А. Протас, бывший белый полковник П. Дилакторский, В. Солодухин[3]. Цель этой поездки — подготовка к совместному русско-германскому вооруженному выступлению в случае начала военных действий против французских и польских войск. Таким образом, «дело Вар-

---

[1] Впрочем, следует отметить, что его адъютант и «жена» А. Протас, как и состоящий при нем для поручений Л. Гейман, к лету 1923 г. также возвратились к исполнению своих обязанностей. Они были вторично, уже окончательно смещены позже: А. Протас была уволена 14 августа 1923 г. РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 173. Л. 100; Д. 29. Л. 73. Л. Гейман переведен в распоряжение ПУ фронта 15 октября 1923 г. РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 173. Л. 127.

[2] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 4133.

[3] Они упоминаются там же. Л. 4133, 4143.

фоломеева» не смогло стать достаточным основанием для смещения М. Тухачевского с должности командующего Западным фронтом[1]. Однако, как мне представляется, именно оно послужило толчком для крупномасштабной «чистки» высшего комсостава РККА летом — осенью 1923 г. и основанием распространившихся в русском белом зарубежье слухов о «группе-организации и военном заговоре Тухачевского».

Сразу же по завершении «дела Варфоломеева» (к середине мая 1923 г.), 2 июня 1923 г. Пленум ЦКК РКП(б) принял постановление об обследовании военного ведомства. Председателем комиссии был назначен В. Куйбышев, сменивший в сентябре С. Гусевым. Обследованию должны были подвергнуться Западный фронт, Украинский военный округ, Московский военный округ и Северо-Кавказский военный округ. В результате деятельности этой комиссии весьма масштабной «чистке» подвергся высший комсостав не только указанных округов. В результате обследования, проведенного комиссией ЦКК, были фактически «вычище-

[1] Из числа упоминавшихся ранее арестованных командиров и штабных работников, прямо или косвенно связанных с «делом Варфоломеева», бывший подполковник И. Мерклинг, бывший полковник П. Лаппо и бывший офицер лейб-гвардии Семеновского полка С. Анников были уволены из РККА. Но это все были командиры среднего звена. Что касается высших сотрудников штаба Западного фронта, то начальник оперативного отделения В. Шестун был в начале февраля 1923 г. переведен преподавателем курсов временного комсостава Западного фронта, а затем уволен из РККА. Впрочем, в 1925 г. он вновь числился на преподавательской работе в военных учебных заведениях (по крайней мере, до 1926 г.). И. Алексеев был освобожден из-под ареста в 1923 г. и назначен инспектором вневойсковой подготовки комсостава. В. Залесский в сентябре 1923 г. был освобожден из-под ареста, отправлен в резерв Штаба РККА, но вскоре, 1 октября 1923 г. был назначен помощником командира 28-й стрелковой Горской дивизии (то есть «сослан» на Кавказ). Он продолжал служить в основном на штабных должностях в боевых частях вплоть до апреля 1929 г. Наконец, Н. Варфоломеев из-под ареста был освобожден 7 мая 1923 г. и переведен в распоряжение Штаба РККА. Уже 22 мая его назначили руководителем, а в начале июня 1924 г. старшим руководителем практических занятий в Военной академии РККА. 1 июня 1925 г. по инициативе М. Тухачевского он становится заместителем Главного руководителя по стратегии всех военных академий РККА. (Главным руководителем с августа 1924 г. был сам М. Тухачевский.) — РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192. Л. 2, 65, 76; Послужной список В.В. Шестуна; Послужной список И.Т. Алексеева; Список лиц с высшим общим военным образованием... С. 5.; РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192. Л. 45; Послужной список В.Д. Залесского № 899 000, 899 001, 899 002, 899 003.; Послужной список Н.Е. Варфоломеева.

ны»: командное ядро Западного фронта, Украинского военного округа, 5-й Отдельной армии, 1-й Конной армии, командование ВВС РККА, а также командование стрелковых корпусов МВО (полностью) и УВО (частично). Примечательно, что в сентябре 1923 г. помощником начальника штаба УВО (вместо отставленного Н. Махрова) назначался Р. Лонгва, до этого возглавлявший Разведотдел штаба округа и являвшийся членом коллегии ГПУ Украины. В конце 1923 г. Р. Лонгва назначается уже и.о. начальника штаба округа. Таким образом, в «сердцевину» управления округом был введен представитель ГПУ. Это очень знаменательно: штаб округа был фактически поставлен под контроль ГПУ.

Московское политическое и военное руководство в августе 1923 г. предприняло еще одну попытку удалить с Западного фронта М. Тухачевского, отправив его в Берлин для формирования «германской Красной Армии» ввиду грядущего «германского Октября» и предлагая высокую (но «почетную») должность в центральном аппарате РККА (возможно, ввести его в состав РВС СССР). Однако М. Тухачевский отказался сдать командование Западным фронтом. Таким образом, центральная власть не сумела решить, в сущности, главный вопрос: проблема политической благонадежности военной элиты и армии в целом. Все эти обстоятельства и породили слухи о «мятежных настроениях» М. Тухачевского, особенно за рубежом, и стали толчком к раскручиванию «дела Тухачевского» 1923—1924 гг. в обстоятельствах еще одного внешнеполитического фактора. Он сыграл важную роль в осложнении военно-политической обстановки на Западном фронте, в целом в военной элите Красной Армии на рубеже 1923—1924 гг. Это так называемый «германский Октябрь».

3

М. Тухачевский, «германский Октябрь» и политическая борьба 1923—1924 гг.

Так называемый «Рурский кризис», разразившийся в Германии в январе 1923 г., давший толчок новому подъему революционного движения и становлению революционной ситуации, возродил надежды на близкую «мировую революцию». Советско-гер-

манские отношения в контексте политических процессов, начавшихся после франко-бельгийской оккупации Рура в январе 1923 г., можно поделить на два основных периода. Первый, с января по август 1923 г., был обусловлен опасениями советского руководства «нового похода Антанты» против СССР. Политические руководители Советского Союза опасались, что, оккупировав Германию, Франция вплотную приблизится к советским границам. Поэтому в этот период основной упор в своей германской политике советское политическое и военное руководство делало на получении эффективной помощи со стороны Германии в вооружении РККА и в достижении определенных советско-германских договоренностей по совместным боевым действиям рейхсвера и Красной Армии в случае франко-германской и германо-польской войны. В этом вопросе у германского руководства был повышенный интерес[1]. Активными проводниками курса на тесные военно-политические отношения с СССР и Красной Армией ввиду угрозы войны и готовности ее вести являлись канцлер В. Куно, его друг главнокомандующий рейхсвером генерал-полковник Г. фон Сект и германский посол в СССР граф У. фон Брокдорф-Ранцау. Однако под влиянием обострявшейся внутриполитической ситуации в Германии, вызванной политикой «пассивного сопротивления» Франции, проводимой кабинетом В. Куно, угрозой всеобщей забастовки, канцлер подал в отставку. Новый канцлер Германии Г. Штреземан 13 августа 1923 г. «сформировал правительство большой коалиции с участием СДПГ и взял курс на изменение внешней политики — отказ от односторонней «восточной ориентации» и поиск «модуса вивенди» с Францией»[2]. Уже в 15 сентября 1923 г. высшее германское политическое руководство в лице президента Эберта и канцлера Г. Штреземана вопреки настроениям рейхсвера и его командования потребовало от германского посла в СССР графа У. фон Брокдорф-Ранцау прекратить переговоры с советской стороной по «активному» военно-политическому сотрудничеству и направить их в сугубо экономическое русло[3]. В сложившей-

---

[1] *Горлов С.* Совершенно секретно. Альянс Москва — Берлин 1920—1933 гг. Военно-политические отношения СССР — Германия. М., 2001. С. 85.

[2] Там же.

[3] Там же.

ся ситуации, когда кабинет Штреземана провозгласил отказ от политики кабинета Куно, в Москве, учитывая сохранившуюся и продолжавшую возрастать угрозу со стороны Антанты (в чем было, во всяком случае, убеждено советское политическое руководство) и кризисное внутриполитическое состояние, «стали искать другой путь, а именно — стимулирование революции в Германии»[1]. Учитывая все вышесказанное, следует, однако, иметь в виду, что от «революции в Германии» советское руководство не отказывалось и до августа 1923 г. Разница была, по существу, в способах ее «стимулирования». До августа 1923 г. таким способом могла быть «революционная война» с Францией (и, вероятно, с Польшей), а с августа — доминирующую роль приобретал расчет на внутригерманский «революционный взрыв», на «германский Октябрь».

К. Радек, «главный специалист» по Германии, претендовавший на фактическое «лидерство» в грядущей германской революции, считал, что «необходимо выставить лозунги, могущие привлечь под знамена революции возможно большее количество мелкой буржуазии. Одним из таких лозунгов должна быть революционная война с Францией»[2]. По его мнению, «благодаря такому лозунгу можно будет добиться на определенный промежуток времени сотрудничества с националистическими кругами, группирующимися вокруг графа Ревентлова. Основная задача — удар по социал-демократии и по левым буржуазным группировкам»[3].

«Лучшие представители левых и правых, — вспоминал один из лидеров «левых национал-социалистов» О. Штрассер об обстановке летом и осенью 1923 г., — могли бы составить прекрасный союз. В попытках прийти к взаимному согласию не было недостатка, но все они оказались иллюзорными и безрезультатными. Последняя подобная попытка, предпринятая по инициативе Гитлера, провалилась, как и все остальные. Я хорошо помню неудачное сближение между Гитлером и Третьим интернационалом. Оно произошло вскоре после казни Шлагетера в Руре. Депутат-нацио-

---

[1] *Горлов С.* Совершенно секретно. Альянс Москва — Берлин 1920—1933 гг. Военно-политические отношения СССР — Германия. М., 2001. С. 85.

[2] *Беседовский Г.* На путях к Термидору. М., 1997. С. 90.

[3] Там же.

налист граф фон Ревентлов, который вскоре стал ярым поклонником Гитлера, выпускал тогда правую газету «Reichswacht» («Рейхсвахт»), а Радек из Третьего интернационала издавал газету «Rote Fahne» («Роте Фане»). При активном посредничестве нацистской партии эти двое нашли общий язык и договорились о сотрудничестве. В результате изумленные читатели «Reichswacht» обнаружили на страницах газеты написанную Радеком статью о Шлагетере, где он назывался «пилигримом на пути в никуда»[1]. По свидетельству В. Кривицкого, «казнь Шлагетера осталась бы не замеченной никем за пределами узкого круга его единомышленников, если бы Карл Радек, самый умелый пропагандист Коминтерна, не довел этот факт до сознания немецкого народа»[2]. Даже лозунги были доведены до максимального смыслового единства. Лозунгом Коминтерна был: «Война Штреземану и Пуанкаре!», а лозунгом нацистов и националистов — «Война Пуанкаре и Штреземану!»[3] Тот же В. Кривицкий объясняет, что переговоры К. Радека с представителями национал-социалистов и националистов, к которым принадлежал граф фон Ревентлов, обусловлены были тем фактом, «что единственным шансом на успех для националистической партии было заключение союза с большевиками против Франции и Великобритании»[4]. Активисты и «боевики» коммунистической партии Германии уже действовали во время манифестаций совместно с националистами и в Рейнланде, и в Рурском бассейне. К. Радек встречался и с одним из идеологов «консервативной революции» и идейных вдохновителей «национальной революции» (Г. Штрассера, О. Штрассера, Э. Бухрукера и др.) Меллером ван ден Бруком[5]. В контексте сказанного следует помнить, что у К. Радека еще с 1918 г. (если не ранее) были доверительные отношения с генералами из близкого окружения фельдмаршала Э. фон Людендорфа. Последний, как известно, в 1923 г. считался одним из лидеров молодой НСДАП, наряду с А. Гитлером и Шойбнер-Рихтером, активно настроенным на «революционную

---

[1] *Штрассер О.* Гитлер и я. Ростов н/Дону, 1999. С. 40—41.

[2] *Кривицкий В.* Я был агентом Сталина. М., 1996. С. 49.

[3] Там же. С. 50.

[4] Там же. С. 49.

[5] *Пленков О.Ю.* Мифы нации против мифов демократии. СПб., 1997. С. 365.

войну» против Франции[1]. Эти близкие политические и личные контакты отчасти объяснял и сам фактический лидер «германской революции» К. Радек. Он считал, что «немецкая социал-демократия гораздо опаснее для нас, чем националисты. Она отнимает у нас рабочие массы, без которых мы не можем раскачать революционного движения в Германии. Националисты сыграют положительную роль. Они мобилизуют большие массы и бросят их на Рейн против «французского империализма» вместе с первыми красногвардейскими отрядами немецкого пролетариата. В процессе этой революционной войны неизбежно полевение немецкой мелкой буржуазии, большая часть которой перейдет окончательно на нашу сторону, а меньшая часть создаст германскую Вандею»[2].

В сложившейся нравственной и политической обстановке, в ожидании надвигающейся волны новых «революционных войн» М. Тухачевского приглашают в Москву для чтения курса по истории его «польского похода». Как главный идеолог и практик «революции извне» М. Тухачевский 3 февраля 1923 г. отправился в столицу и там до 20 февраля прочитал серию лекций для слушателей дополнительного курса в Военной академии РККА, которые были в том же году опубликованы под названием «Поход за Вислу». В рамках этого лекционного курса М. Тухачевский одну из лекций назвал «Революция извне». ...Идея «революционной наступательной войны» не была чем-то новым и необычным в мировоззрении лидеров и членов большевистской партии, хотя и относились они к ней по-разному. Хорошо известно, с каким упорством отстаивали этот тезис «левые коммунисты» в 1918 г. Н. Бухарин и в 1920 г., обосновывая правомочность и целесообразность «красного империализма» во внешнеполитической практике Советской России, писал: «Мы живем на переломе, на границе между пролетарской обороной и пролетарским наступлением на твердыни капитализма. Решить этот вопрос мы должны будем не сегодня, так завтра»[3]. Другой известный «левый коммунист» Е. Преображенский писал в 1922 г.: «Если революция на Западе за-

---

[1] *Фишер Л.* Жизнь Ленина. М., 1997. Т. 1. С. 464—465.

[2] *Беседовский Г.* На путях к Термидору. С. 90.

[3] Цит. по: *Радек К.Б.* Комментарии к Третьему Конгрессу Коммунистического интернационала // Красная Новь. 1921. № 1. С. 266.

ставит себя слишком долго ждать, такое положение могло бы привести к агрессивной социалистической войне России с капиталистическим западом при поддержке европейского пролетариата»[1]. Однако создание и разработка теории или «доктрины» так называемой «революционной (или классовой, гражданской) войны» было делом революционных военачальников Красной Армии, и в первую очередь М. Тухачевского. В его статьях 1920—1923 гг. и были выражены основные положения теории «революции извне» — наиболее радикально-агрессивного варианта идеологии «революционной войны».

Еще летом 1919 г. в сборнике статей сотрудников штаба 5-й армии, которой в то время, как известно, командовал М. Тухачевский, была помещена его статья «Стратегия национальная и классовая». Позднее, по рекомендации В. Ленина, она была прочитана в форме лекции командармом-5 профессорско-преподавательскому составу Академии Генерального штаба. В этой статье, в частности, говорилось, что «гражданская война по самому своему существу требует решительных, смелых, наступательных действий...»[2]. Несколько позже, в январе 1920 г. в статье «Политика и стратегия в гражданской войне» М. Тухачевский писал: «Пролетарское государство становится островом среди моря прочих — буржуазных государств. Социалистический остров в таком море невозможен, буржуазия не может допустить его существования. Он или должен погибнуть под ударами буржуазии, или должен распространить социалистическую революцию путем гражданской войны во всем мире... Диктатура пролетариата, хотя бы из чувства самозащиты, должна поставить целью для своей армии свержение власти буржуазии во всем мире»[3]. Впрочем, главные положения своей доктрины «революции извне» М. Тухачевский изложил в «Письме к товарищу Зиновьеву», написанном в июле 1920 г. в са-

---

[1] *Преображенский Е.* Крах капитализма в Европе // Красная Новь. 1922. № 3 (7). С. 152.

[2] *Тухачевский М.Н.* Стратегия национальная и классовая: Лекция, читанная в Академии Красного Генерального штаба 24 декабря 1919 года. Ростов н/Дону. 1920. С. 4.

[3] *Тухачевский М.Н.* Политика и стратегия в гражданской войне // Революционный фронт, 1920. № 2. С. 14.

мый разгар побед на Западном фронте, его стремительного продвижения к Варшаве, и в статье «Революция извне».

«Главными положениями стратегии классовой, т. е. гражданской войны, на которой приходится строить все расчеты, — писал М. Тухачевский, — будут таковы: 1) война может быть окончена лишь с завоеванием всемирной диктатуры пролетариата, так как социалистическому острову мировая буржуазия не даст существовать спокойно... Социалистический остров никогда не будет иметь с буржуазными государствами мирных границ. Это всегда будет фронт, хотя бы в скрытом виде»[1]. Продолжая свои рассуждения, он разъяснял: «В общем, захват государственной власти в буржуазной стране может идти двумя путями: во-первых, путем революционного восстания рабочего класса данной страны и, во-вторых, путем вооруженного действия со стороны соседнего пролетарского государства. Оба эти случая имеют одинаковую задачу — произвести социалистическую революцию, а потому, естественно, должны быть равноценны для рабочих всех стран»[2]. Сознавая возможную неготовность рабочего класса соседней страны к революционным действиям, отсутствие в ней революционной ситуации, М. Тухачевский убеждал в легком преодолении указанного препятствия. По его мнению, следовало готовить пролетариат соседней страны к принятию «революции извне». «Эта подготовка, — писал «красный Бонапарт», — должна выразиться в коммунистической работе. Она должна воспитать рабочий класс в духе взаимной выручки, развивая международный пролетарский прием «движения на выстрелы»[3]. При этом М. Тухачевский отмечал и подчеркивал, что только «общее революционное потрясение, зажигающее ярким огнем революционного духа, создает неудержимое по стремительности и мужеству наступательное движение, необходимое для разрушения старого и созидания нового строя»[4]. Таким образом, по М. Тухачевскому, революционная ситуация в любой стра-

---

[1] *Тухачевский М.Н.* Письмо к товарищу Зиновьеву // *Тухачевский М.Н.* Война классов. Смоленск, 1921. С. 138—139.

[2] *Тухачевский М.Н.* Революция извне // Революция и война. 1921. № 3. С. 46.

[3] Там же. С.52.

[4] Там же. С.47.

не могла быть искусственно создана распространением «революционного духа» (!) в пролетарских массах, что оказывалось решающим фактором успеха «революции извне». В сущности, социальная революция оказывалась следствием идейной революции, «революции в духе» смены одной идеологической системы другой, чему должен был способствовать классовый инстинкт пролетариата. Вспомним трактовку подпоручиком М. Тухачевским русской революции как «смены богов», «смены религии». Все это перекликается с мыслями Ж. Сореля, считавшего распространение политических идей и «мифов» в массах решающим средством активизации их политической энергии.

Ранее уже представлялась возможность подробнейшим образом останавливаться на формировании основ будущих «революционных» взглядов М. Тухачевского под влиянием Ф. Достоевского, отчасти Наполеона. К этим именам следует добавить и других «духовных учителей» М. Тухачевского, ссылки на которых встречаются в его статьях и выступлениях. Это — К. Клаузевиц, Ф. Бернгарди и, вероятно, вышецитированный Ж. Сорель — один из идеологов анархо-синдикализма. Его поклонником и проводником его идей был неоднократно упоминавшийся французский приятель М. Тухачевского по плену лейтенант Р. Рур (П. Фервак). Все упомянутые авторы в той или иной мере пропагандировали мысли, которые четче и определеннее всего звучали у Ж. Сореля, утверждавшего, что «движущей силой отныне станут доступные массам демагогические мифы: басни, химеры, которые вообще не нуждаются в правде, разуме, науке». В целом, характеризуя «революционное мировоззрение» вчерашнего подпоручика императорской гвардии, ярого сторонника самодержавного деспотизма, можно повторить сказанное о Ж. Сореле: «Революционный миф для него — плод воображения и воли, который имеет те же корни, что и любая религия, поддерживающая моральный тонус и жизнестойкость масс».

Как бы резюмируя основные высказанные М. Тухачевским идеи «революции извне», уместно процитировать сказанное им в его очерке «Милиционная армия», появившемся в январе 1921 г. Полемизируя со сторонниками «милиционного» устройства Красной Армии и будучи безусловным адептом регулярной и профессиональной армии, М. Тухачевский писал: «Мне пришлось слы-

шать, как ярые проповедники милиционной системы очень уверенно считают себя сторонниками вооруженного могущества РСФСР и даже не без гордости говорят о «коммунистическом империализме». Что за смешная мысль! Я бы лично не стал возражать против милиционной системы, если бы она действительно означала «коммунистический империализм»[1].

Итак, суть доктрины «революции извне» — «коммунистический империализм», «движение на выстрелы». Это вооруженное движение туда, откуда эти «выстрелы» слышатся. Весь «внешний», окружающий Советскую Россию мир является потенциально враждебным в стремлении ее уничтожить и, следовательно, служит потенциальным полем «классовой войны» и коммунистической экспансии. Если при этом вспомнить высказывания подпоручика М. Тухачевского, то это значило непримиримый конфликт между двумя в корне противоположными цивилизациями и культурами: русской и «западной».

Перспективы разворачивавшегося в Германии нового революционного кризиса, несомненно, вдохновляли автора лекций «Поход за Вислу», который, вспоминая о лете 1920 г., когда его армии подходили к Варшаве, утверждал: «...Рабочий класс Западной Европы от одного наступления нашей Красной Армии пришел в революционное движение. ...Нет никакого сомнения в том, что если бы на Висле мы одержали победу, то революция охватила бы огненным пламенем весь Европейский материк... Революция извне была возможна. Капиталистическая Европа была потрясена до основания, и если бы не наши стратегические ошибки, не наш военный проигрыш, то, быть может, польская кампания явилась бы связующим звеном между революцией Октябрьской и революцией западноевропейской. ...И если когда-либо европейская буржуазия вызовет нас на новую схватку, то Красная Армия сумеет ее разгромить и революцию в Европе поддержит и распространит»[2]. «Красный Бонапарт», таким образом, успех европейской революции ставит в зависимость от военных побед «революционной армии». Он был убежден в этом в 1920 г., сохранил это убеждение и

---

[1] *Тухачевский М.Н.* Красная Армия и милиция. Смоленск. 1921. С. 7.

[2] *Тухачевский М.Н.* Поход за Вислу // *Пилсудский Ю.* Война 1920 года. М., 1992. С. 88.

в 1923 г. Более того, вышеприведенные им факты и доводы свидетельствуют о том, что он готов исправить военные ошибки 1920 г. Он желает их исправить. Он, по сути дела, призывает это сделать в 1923 г.

Концепция «революции извне», сформулированная М. Тухачевским и упрямо им утверждаемая, имела не только пропагандистский и сугубо стратегический и внешнеполитический смысл. Она таила в себе, и М. Тухачевский делал это вполне осознанно, существенные внутриполитические положения и основания. Отстаивая идею «революции извне», «революционной войны», М. Тухачевский утверждал, как это видно из цитировавшихся выше фрагментов его статей, «перманентность» состояния «революционной войны», в котором оказалась Социалистическая Россия — СССР. В крайнем случае, это могла быть временная пауза между «революционными войнами», во время которой страна, окончив одну, напряженно готовилась к следующей «революционной войне». Это социально-политическое и геополитическое состояние вполне естественно, как считал и утверждал М. Тухачевский, обуславливало необходимость сохранения кадровой, постоянной профессиональной армии и психоментальную, психокультурную ориентацию на войну. При этом напомню откровение М. Тухачевского в экстремальной ситуации: «Война для меня все!» Оно знаменательно как устойчивая мотивация политического поведения и политических поступков М. Тухачевского.

В обыденно-образованном военном сознании в России к 1917 г. аксиоматичным было представление о Наполеоне — воплощении «революционной войны». Поэтому и для М. Тухачевского, и для других офицеров, оказавшихся в Красной Армии, и в целом для политически ангажированной и мало-мальски образованной общественности были понятны и доходчивы емкие «марксистские» формулировки Л. Троцкого. Они были авторитетны как постулаты «вождя».

Еще в 1921 г. в полемике, развернувшейся на страницах журнала «Военная наука и революция», критикуя концепцию «революционной войны» М. Тухачевского, Л. Троцкий отталкивался в своей слегка завуалированной политической оценке от К. Маркса. «Наполеон был олицетворением последнего акта борьбы революционного терроризма против провозглашенного той же революци-

ей буржуазного общества и его политики, — писал К. Маркс в своей работе «Святое семейство». — Он завершил терроризм, поставив на место перманентной революции перманентную войну». Из «революционной войны», «революции извне» М. Тухачевского Л. Троцкий сделал вполне определенный политический вывод: «бонапартизм вырос из революционной войны». Пожалуй, это была самая ранняя официальная (хотя и не откровенно прямая) квалификация политической позиции и политических настроений М. Тухачевского со стороны человека, наряду с В. Лениным воплощавшего высший авторитет новой власти. М. Тухачевский, выдвинувший и отстаивавший идею «революции извне», «революционной войны», был, таким образом, квалифицирован как «бонапартист».

По свидетельству ближайшего соратника, сотрудника, единомышленника и друга М. Тухачевского, бывшего полковника Генерального штаба Н. Какурина, «эти взгляды с большей или меньшей законченностью и четкостью были распространены и среди ближайших сотрудников М. Тухачевского»[1]. В числе этих ближайших сотрудников М. Тухачевского, как уже отмечалось выше, были А. Виноградов, Н. Захаров, П. Ермолин, Н. Соллогуб, Н. Шварц, М. Баторский, С. Пугачев. Все они в разное время занимали должность начальника штаба при М. Тухачевском или были его помощниками по фронтовому командованию. Наиболее же последовательным сторонником этих взглядов, разрабатывавшим «доктрину Тухачевского», был сам Н. Какурин. В 1921 г. он опубликовал свой развернутый очерк «Стратегия пролетарского государства», в котором разработал вышеизложенные взгляды и идеи М. Тухачевского. Он писал, в частности: «Под войной классовой мы разумеем войну, не преследующую никаких своекорыстных целей, служащую целям освобождения эксплуатируемых всего мира, целям всего человечества»[2]. И делал из этого положения вывод: «По своему роду и характеру эта война должна быть чисто наступательной и явиться показателем готовности пролетариата приступить к решению возложенных на него историей задач в об-

---

[1] *Какурин Н.Е.* Русско-польская война. М., 1927. С. 48.

[2] *Какурин Н.Е.* Стратегия пролетарского государства. М., 1921. С. 10.

щемировом масштабе»[1]. И далее: «...Цели эти будут преследовать освобождение родственного класса трудящихся от власти эксплуататоров. Следовательно, цель стратегии, которая будет поставлена политикой, будет заключаться не в завоевании территории, а в освобождении ее от враждебной нам власти и влияния. Если империалистическое государство внешне будет достаточно крепко, а таков именно и будет рассматриваемый нами случай, ибо, в случае противного, трудящиеся данной страны сами свергли бы эксплуатирующую их власть, не прибегая к помощи извне, то для достижения этой цели стратегии придется использовать способ нападения...»[2]

«Доктрина Тухачевского» поддерживалась и другими соратниками и сотрудниками будущего маршала. Начальник повторительных курсов при штабе Западного фронта, бывший генерал Ф. Огородников в своей рецензии на работу М. Тухачевского «Стратегия национальная и классовая» писал: «Исследования М.Н. Тухачевского... в кратких и общих чертах намечают как бы вехи, по которым следовало бы пойти в путь исследования того «нового» в стратегии, которое родилось, несомненно, в колоссальной борьбе классов, свидетелями которой мы являемся»[3]. Ярый сторонник «стратегии сокрушения» (в чем он был единодушен с М. Тухачевским), аналогичную позицию занимал в отношении к «революции извне» и бывший генерал от инфантерии, один из ведущих профессоров Академии Генерального штаба А. Зайончковский. В курсе лекций по стратегии, читавшихся им в Военной академии РККА в 1922—1923 гг., он утверждал, что «стратегия обороняющаяся, нерешительная, не соответствует идее классовых войн»[4].

Что усматривали генералы и полковники старой армии во взглядах и действиях М. Тухачевского, выражавших содержание

---

[1] *Какурин Н.Е.* Русско-польская война. М., 1927. С. 48.

[2] Там же. С. 14.

[3] *Огородников Ф.Е.* Рецензия на работу М. Н. Тухачевского «Стратегия национальная и классовая» // Революция и война. Июль 1920. Сб. 1. С 104.

[4] *Зайончковский А.М.* Лекции по стратегии, читанные на военно-академических курсах высшего комсостава и в Военной академии РККА в 1922—1923 гг. М., 1923. Ч. 2. С. 47.

и смысл «революционной войны», пожалуй, достаточно откровенно выразил Н. Какурин в статье «На пути к Варшаве» (1921), где он, в частности, выражая восхищение блестящим «блиц-маршем» «красного Бонапарта», писал: «Варшавский поход Красной Армии является одной из блестящих страниц не только ее истории, но и вообще мировой военной истории... Только походы Революционных армий первой Французской Республики, и то в значительно меньшем размере, напоминают собой нечто подобное. Русская революция постепенно превращалась в мировую, уже теперь значительно превысила и своим размахом, и масштабами совершающихся событий некогда величайшую из революций — первую Французскую Революцию...»[1] Начальник же штаба Западного фронта, полковник Генерального штаба М. Баторский совершенно определенно утверждал: «Чем объяснить победы Наполеона, как не революционным духом!.. Время лишь меняет лозунги и стимулы самой борьбы...»[2] «Будем учиться у Наполеона искусству вести «революционную войну», — призывал другой офицер-генштабист старой армии[3]. Генерал А. Свечин утверждал, что «многие историки видят в бонапартизме необходимое, заключительное звено всякой глубоко всколыхнувшей народные массы революции»[4]. Таким образом, можно считать, что для бывших кадровых офицеров-генштабистов, генералов, активно сотрудничавших с Советской властью и большевиками в составе РККА, взгляды и способы действий, слава М. Тухачевского, выросшие из «революционной наступательной войны», воспринимались как своеобразное рождение в России «наполеоновской традиции». Наполеон Бонапарт считался духовным и идейным наставником сторонников «революционной войны». Поэтому, когда Л. Троцкий, критически относясь к стратегическим взглядам М. Тухачевского и его едино-

---

[1] *Какурин Н.Е.* На пути к Варшаве // Революция и война. 1921. № 4/5. С. 120—121.

[2] *Баторский М.А.* Несколько мыслей о факторах, влияющих на формы будущих войн // Революция и война. 1921. № 13. С. 68.

[3] *Савельевский Б.В.* О военно-исторических темах // Армия и революция. 1921. № 2/3. С. 154.

[4] *Свечин А.А.* Культурно-классовые типы армий // *Свечин А.А.* Постижение военного искусства. Идейное наследие А. Свечина. М., 1999. С. 186.

мышленников, утверждал, что «бонапартизм вырос из революционной войны»[1], он не только присоединялся к мнению старых генштабистов. Хотя его и их отношение к «бонапартизму» были диаметрально противоположны, в своих суждениях они, как и Л. Троцкий, фактически отталкивались от марксовой оценки и характеристики Наполеона Бонапарта.

Таким образом, часть «военспецов», как это видно, весьма активно поддерживала М. Тухачевского. Они восхищались им и ожидали увидеть «русского Бонапарта», который рано или поздно при благоприятных условиях станет душеприказчиком и наследником большевистской революции. Доктрина М. Тухачевского «революции извне» или «коммунистического империализма» формулировалась в редко произносимом, но постоянно мыслимом понятии «бонапартизм», со всеми вытекающими отсюда представлениями и отношениями к «внешнему миру» как объекту военной экспансии, исходя из геополитических интересов России.

Взгляды М. Тухачевского на «революционную войну» и его отношение к «внешнему (значит, буржуазному и враждебному) миру» нашли горячий эмоциональный отклик у молодых «краскомов-генштабистов». Вскоре после появления книги М. Тухачевского «Война классов» (1921) в «Вестнике военно-научного общества при Военной Академии» была напечатана восторженная рецензия на эту книгу слушателя академии, руководителя группы слушателей К. Соколова. В ней говорилось: «Будущая кафедра по классовой войне, которая еще до сих пор не учреждена в нашей военной академии, выпьет много полезного и ново-яркого из этой заревной книги, ибо в ней каждая маленькая буква налита горячей, живой и красной кровью нашей большевистской стратегии. Это очень важно теперь, когда в науке, которая изучает войну, висит новый кризис, обуславливаемый общими социальными условиями и перспективами социальных войн впереди»[2].

Самая ранняя по времени информация о поездке М. Тухачевского с секретной миссией в Германию содержится в дневнике генерала А. фон Лампе, который отметил 22 октября 1922 г.: «У ме-

---

[1] *Троцкий Л.* Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство // Военная наука и революция. 1921. № 2. С. 223.

[2] Военный вестник. 1921. № 6. С. 22.

ня есть слухи, что под фамилией Скорина в Берлине Тухачевский — не могу пока проверить и использовать»[1]. Вполне возможно, что М. Тухачевский действительно ездил в Германию в это время в составе советской военной миссии во главе с начальником ГУВУЗ РККА Д. Петровским для осмотра германских общевойсковых школ[2].

С 15 по 29 марта 1923 г. М. Тухачевский в сопровождении А. Виноградова, П. Дилакторского и В. Солодухина вновь находился с секретной миссией в Берлине[3]. В обстановке развернувшегося с января 1923 г. Рурского кризиса поездка М. Тухачевского была организована Штабом РККА, очевидно, в ответ на визит большой группы представителей рейхсвера в Москву во главе с начальником Генштаба рейхсвера генералом О. Хассе, ведшей 22—28 февраля 1923 г. переговоры с высшим руководством Красной Армии (Э. Склянский, П. Лебедев, Б. Шапошников, Г. Чичерин, А. Розенгольц и др.)[4]. На этих переговорах обсуждались, в сущности, два основных вопроса:

1) о поставках вооружения немецкой стороной для Красной Армии, в чем, прежде всего, было заинтересовано руководство РККА;

2) о совместных боевых операциях рейхсвера и Красной Армии против Польши, в чем наибольший интерес проявляла германская сторона.

Переговоры не достигли ожидаемых результатов. Как выразился Г. Чичерин: «Гора родила мышь»[5]. Однако вопрос о военной помощи Германии со стороны СССР в форме вооруженного содействия со стороны Красной Армии в это время весьма волновал германское руководство. Ранцау в начале марта 1923 г. вновь поставил вопрос перед Г. Чичериным: поможет ли Советская Россия

---

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3463.

[2] *Горлов С.* Совершенно секретно. Альянс Москва — Берлин 1920—1933 гг. Военно-политические отношения СССР — Германия. М., 2001. С. 66.

[3] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 4131, 4143; РГВА. Ф.104. Оп. 3. Д. 173. Л. 41.

[4] *Горлов С.* Совершенно секретно. Альянс Москва — Берлин 1920—1933 гг. С. 79.

[5] Там же. С. 80.

Германии в ее борьбе против Франции, если Польша не предпримет против Германии никаких активных действий. Г. Чичерин заверил лишь в том, что Россия не будет договариваться с Францией за счет Германии. Камнем преткновения оказывался вопрос о поставках со стороны Германии вооружения в РККА[1]. Очевидно, именно этой ситуацией и было обусловлено направление «группы Тухачевского» в Берлин 15—29 марта 1923 г.

Судя по тому, что группу возглавлял командующий Западным фронтом М. Тухачевский, то есть «генерал», который в случае военного конфликта должен был непосредственно руководить боевыми операциями, вряд ли речь на берлинских переговорах шла о поставках вооружений. Скорее всего, главным вопросом были все-таки возможные предстоящие совместные боевые операции рейхсвера и Красной Армии против Польши. Этот вопрос должен был обсуждаться между М. Тухачевским и генералом О. Хассе. Для этого, как свидетельствовал А. фон Лампе, М. Тухачевский «вел какие-то переговоры с немцами»[2].

В контексте имеющейся смутной информации пребывание М. Тухачевского в Берлине в 1923 г. связано было также с проблемами «черного рейхсвера». Эта «миссия Тухачевского», видимо, возникала из контекста его деятельности в составе «русско-германской военной комиссии» по реализации договоренностей между Красной Армией и «черным рейхсвером», принятым еще в 1922 г.[3] В Бранденбурге в целом и в Берлине, в частности, «черный рейхсвер» возглавлял майор Генштаба Э. Бухрукер. Все политические вопросы, связанные с «черным рейхсвером» и его отношениями с рейхсвером, относились к компетенции «особого отдела» (Т-1—111) министерства рейхсвера, который возглавлял майор К. фон Шлейхер[4]. После окупации французскими войска-

---

[1] *Горлов С.* Совершенно секретно. Альянс Москва — Берлин 1920—1933 гг. С. 80.

[2] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 4131. Это не были переговоры с главнокомандующим рейхсвера генерал-полковником Г. фон Сектом, с которым М. Тухачевский познакомился лишь осенью 1925 г.

[3] *Alexandrov V.* L...affaire Toukhatchevsky. Paris, 1962. P. 147—148.

[4] *Мюллер В.* Я нашел подлинную родину: Записки немецкого генерала. М., 1974. С. 107, 160—168; *Benoist-Mechin.* Histoire de l...armee Allemagne. Paris, 1964. T. 2. P. 270.

ми Рурской области в начале 1923 г. между министерством рейхсвера и руководством «черного рейхсвера» майором Э. Бухрукером возникли разногласия[1]. Э. Бухрукер и «черный рейхсвер» готовились к войне против Франции. А руководство рейхсвера занимало более сдержанную позицию.

Известно, что майор Э. Бухрукер являлся одним авторов, печатавшихся в журнале «Война и Мир»[2]. Иными словами, он находился в тесных контактах с редакцией этого журнала, то есть с полковником В. Колоссовским и, возможно, с одним из сотрудников Раведывательного управления Штаба РККА капитаном Генштаба Г. Теодори (в области военно-оперативных установок поддерживавшим М. Тухачевского). Следовательно, он не мог не знать (если об этом знали все), что, вступая в контакт с редакцией «Войны и Мира», он устанавливал связь со Штабом РККА, с его Разведуправлением.

В связи с рассмотрением данного вопроса необходимо заметить, что в 20-е годы, в частности во время революционного кризиса 1923 г., в Германии возникло особое радикально-политическое течение, которое в литературе квалифицируют как «национал-революционное», или «национал-большевизм». Именно к этому течению, в идеологии которого сочетались антикапиталистические, антиимпериалистические, социалистические идеи, относится идея геополитического союза с Советской Россией и СССР и идеология национализма. К этому течению принадлежали уже упомянутые Г. Штрассер, О. Штрассер, В. Стеннес, Э. Бухрукер, Э. Никиш, мыслители и теоретики «консервативной революции» А. Меллер ван ден Брук, Э. Юнгер, а также отчасти национал-милитаристские союзы, примыкавшие к «черному рейхсверу»: «Викинг», «Вервольф», «Оберланд» и даже «Стальной шлем»[3]. Братья Г. и О. Штрассеры, В. Стеннес, Э. Бухрукер и А. Меллер ван ден Брук были связаны к тому же узами близкой дружбы. Первые четверо принадлежали к поколению «молодых лейтенантов»-ветеранов Первой мировой войны. Кстати, нельзя не обратить внимания

---

[1] Ibid. P. 272.

[2] Война и Мир. Берлин, 1923. № 8; Военный вестник. 1924. № 3, с. 53.

[3] *Пленков О.Ю.* Мифы нации против мифов демократии. С. 443.

на тот факт, что Э. Юнгер, также лейтенант кайзеровской армии, еще в молодости был в близких приятельских отношениях с будущим прославленным гитлеровским фельдмаршалом Э. Роммелем, который под влиянием идей своего давнего товарища присоединился к антигитлеровскому генеральскому заговору 27 июля 1944 г. Впрочем, в 1923 г. и А. Гитлер, во всяком случае, в своих речах и лозунгах, в действиях, также являлся «национал-революционером», находившимся под влиянием А. Меллера ван ден Брука и во главу угла своих действий ставившим войну против Франции и идеи немецкого социализма[1].

Еще одно замечание, весьма важное для рассмотрения вопроса о политических связях «левых» и «правых», коммунистов и «нацистов» в 1923 г. В это время А. Гитлер находился под сильным идейным и духовным воздействием «русского немца», эмигранта из Прибалтики М.Э. фон Шойбнера-Рихтера. М.Э. фон Шойбнер-Рихтер был воодушевлен идеей русско-германского национального единения и совместной борьбы с французским империализмом. У него были тесные, в том числе личные, отношения с генералом В. Бискупским, вместе с которым они организовали русско-германское монархическое общество «Ауфбау» — «Возрождение». В свою очередь, В. Бискупский, как, впрочем, и М.Э. фон Шойбнер-Рихтер, находился в контакте с генералом А. фон Лампе. В контексте вышесказанного примечательна запись, сделанная А. фон Лампе в дневнике 21 ноября 1923 г.: «...Шойбнер всегда держался взгляда, что русским пора отплатить за гостеприимство и... идти против Франции! Он был глава Ауфбау и один из инициаторов Рейхенгалля... Он смотрел на Россию при помощи г-на Бискупского»[2].

Забегая вперед, можем ли мы полагать, что «путч майора Бух-

---

[1] *Штрассер О.* Гитлер и я. С. 25.

[2] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 13. Л. 5879. Замечу в качестве соображения для специального исследования: не исключено, что назначение полковника В. Колоссовского, бывшего сотрудника гетмана П. Скоропадского, редактором журнала «Война и Мир» могло иметь смысл ввиду как раз ориентации на генерала В. Бискупского (тоже близкого к П. Скоропадскому и немцам человека), Шойбнера-Рихтера, руководимого им А. Гитлера и «национал-революционеров» из НСДАП и «черного рейхсвера». Не исключено, что контакты между В. Колоссовским и майором Бухрукером могли возникнуть на вышеуказанной почве.

рукера», назначенный на 29—30 сентября 1923 г.[1], мог иметь какую-то связь с маневрами Западного фронта, которые проводил М. Тухачевский с 16 сентября по 3 октября 1923 г.? Не было ли между ними договоренности о «провоцировании» войны с Францией и Польшей? Последние умозаключения не более чем определение сюжетов для специального исследования.

К сказанному следует сделать еще некоторые дополнения. После провала «путча Бухрукера» все руководство «черного рейхсвера» (В. Стеннес, Э. Бухрукер, О. Штрассер) ушло к А. Гитлеру, в НСДАП и СА[2]. Они так и остались «левыми нацистами-революционерами», и в 1930 г., после отказа принять новый политический курс А. Гитлера, были исключены из его партии[3].

Другой целью «миссии Тухачевского», надо полагать, учитывая состав сопровождавших его лиц, было налаживание контактов с берлинскими кругами русской военной эмиграции в расчете на привлечение их в качестве военных специалистов по организации «германской Красной Армиею» и руководству в случае революции в Германии и войны с Францией и Польшей.

П. Дилакторский, в белой армии генерала Е. Миллера являвшийся ближайшим сотрудником генерала Марушевского, вполне подходил для решения такой задачи, как, впрочем, и В. Солодухин. Генерал Марушевский в это время являлся одним из ближайших сотрудников П. Врангеля в Париже. Он имел многообразные связи в военных и политических кругах Франции и других стран, предпринимая поездки в том числе в Германию. Восстановление контактов П. Дилакторского с Марушевским должно было способствовать успеху «миссии». Кроме того, П. Дилакторский и В. Солодухин вступили в тесные контакты с руководством журнала «Война и Мир» и представителями русской военной эмиграции в Берлине. В доверительном общении оба полковника информировали своих старых приятелей о ситуации в Советской России в аспектах, привлекательных для белых офицеров, внушающих им надежды: Россия и Красная Армия нуждаются в «патриотах» и во-

---

[1] *Мюллер В.* Я нашел подлинную родину. С. 90; *Benoist-Mechin.* Histoire de l...armee Allemagne. T. 2. P. 272.

[2] Ibid.

[3] *Штрассер О.* Гитлер и я. С. 157—158.

енных специалистах; белых офицеров высоко ценят как специалистов; «красные командиры» готовы их принять; они могут сделать карьеру в Красной Армии ...при М. Тухачевском, который соперничает с Л. Троцким за «лидерство». Во всяком случае, эта информация с доверием была принята генералом А. фон Лампе и укрепляла его во мнении, выраженном им тогда же, что «монархистам придется перейти к идеям прямого бонапартизма...»; что, «по-видимому, России придется пройти через Красного Наполеона... Все равно, пусть хоть Буденный или Тухачевский!»[1]

Возвращаясь вновь к «миссии Тухачевского» в марте 1923 г., следует отметить, что она, видимо, была успешной. Косвенно на это указывает письмо генерала О. Хассе А. Розенгольцу от 25 марта 1923 г., «в котором он обещал РККА помощь военным снаряжением и вновь упоминал о предстоящей «освободительной войне»[2].

В июне 1923 г. в польский Генштаб поступила информация о том, что «Фрунзе и Тухачевский находятся в данное время в Штеттине»[3]. Вполне вероятно, что это так и было. Согласно приказам Западного фронта, с 17 мая по 12 июня 1923 г. М. Тухачевский находился в полевой поездке[4]. Вновь за этой формулой мог скрываться выезд в Германию.

...В июле—августе 1923 г. социально-политическая обстановка в Германии резко обострилась. В связи с приездом в Москву делегации компартии Германии было созвано экстренное заседание Политбюро ЦК 21 августа 1923 г. На этом заседании, оценивая перспективы развития революционной ситуации в Германии и опираясь на выводы специалистов, Л. Троцкий выразил мнение, что германскую коммунистическую партию «характеризует ее военное бессилие»[5]. Опираясь на информацию военного специали-

---

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 4131.

[2] *Горлов С.А.* Совершенно секретно. Альянс Москва — Берлин 1920—1933 гг. С. 81.

[3] Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене Родине, терроре и военном заговоре // Военные архивы России. М., 1993. Вып. 1. С. 89.

[4] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 173. Л. 63.

[5] Запись обсуждения вопроса «О международном положении» на заседании Политбюро ЦК РКП(б) от 21 августа 1923 г. С. 123.

ста при Брандлере, Л. Троцкий заявил, что его «доклад прямо говорит о возможности военного поражения». «В общем, — продолжал Л. Троцкий, — доклады военного спеца, о которых я говорю, проникнуты тем, что мы будем не готовы к революции. Тот же доклад с чисто военным чутьем говорит о том (и это верно), что революция — дело ближайших месяцев или даже ближайших недель».

К. Радек также «отозвался с большими сомнениями о пригодности германской коммунистической партии к роли гегемона». Он опасался и непригодности «будущих членов германского совнаркома, импортированных из Москвы». Он боялся, что «московские товарищи, склонные направлять каждую революцию по образцу российской, не смогут дать пригодных для германской обстановки директив»[1]. По мнению К. Радека, «первый вопрос, в оценке которого мы, может быть, расходимся, тот, что, по-моему, занятие Германии союзниками угрожает не созданием контрреволюционного тыла, а национальной войной. Второе. Я боюсь, что в Германии сейчас не коммунизм придет после фашизма, а фашизм после коммунизма. Мы удержать массы не можем». К. Радек вновь указывал на то, что «огромное значение там будет иметь, зато, мелкая буржуазия (главным образом, как фашисты)» . К. Радек считал, что «не только не надо входить в столкновения с фашистами, но надо всячески избегать их, пока экономическая обстановка не разложит фашизм». Наконец, К. Радек прямо заявлял: «Мы должны выступать как партия защиты Германии».

Примечательно его отношение к господствовавшему мнению, что революция в Германии будет означать новую советско-польскую войну. Ссылаясь на кулуарные разговоры с высокопоставленными и ответственными представителями Польши, К. Радек пересказал откровения Кнолля: «Единственная реальная политическая цель Польши — присоединение Восточной Пруссии». К. Радек передал удивление Кнолля «укрепившемуся в России мнению, что мобилизация в Польше неизбежно должна вызвать мобилизацию в России. Что война исторически неизбежна — это совершенно ясно, но возможна и передышка в несколько месяцев после революции»[2]. Иными словами, внимание следует акценти-

---

[1] Запись обсуждения вопроса «О международном положении» на заседании Политбюро ЦК РКП(б) от 21 августа 1923 г. С 124.

[2] Там же. С. 122.

ровать не на военные действия войск Западного фронта против Польши и не на ожидание военного натиска поляков на границы СССР, а на организацию вооруженного сопротивления французской агрессии в самой Германии. Речь, таким образом, велась о «революционной войне» против Франции. Итак, установка на вооруженное вмешательство Красной Армии в германской революции была принята в Политбюро ЦК. Решался вопрос: как это осуществить, не испортив войной отношения с Польшей. Председатель РВСР Л. Троцкий уже в конце августа 1923 г. требовал от политического руководства занять определенную позицию по отношению к Польше, заключив договор о невмешательстве в дела Германии. Он требовал принять все необходимые меры к тому, чтобы не допустить войны с Польшей. Эту позицию он подтвердил и в письме к членам ЦК и ЦКК от 23 октября 1923 г., считая, что «политика в отношении Польши» должна вестись «в плоскости переговоров о транзите и военном невмешательстве»[1].

Уже 6 сентября 1923 г. на заседании Политбюро ЦК обсуждался вопрос о карельской бригаде, о территориальных дивизиях, которые необходимо было развернуть ввиду предстоящих военных событий[2]. Видимо, речь шла и о 2-й стрелковой дивизии Западного фронта. Вновь к этим же вопросам обращались на Пленуме ЦК 24 сентября и на заседании Политбюро ЦК 27 сентября[3]. В связи с этими намерениями в сентябре—ноябре 1923 г. на Западный фронт перебрасывались вновь сформированный 16-й стрелковый корпус под командованием И. Блажевича из Приволжского военного округа и 6-я кавалерийская дивизия О. Городовикова из состава расформированной 1-й Конной армии. «Большой кавалерийский «кулак» (очевидно, 7-я кавалерийская дивизия Г. Гая и 4-я кавалерийская бригада) концентрировался на том участке советско-польской границы, где Советский Союз тонкой полоской польской территории отделяется от Литвы и, следовательно, от Восточной Пруссии». Примечательны в этом плане и соображения, высказанные на заседании Политбюро ЦК 21 августа 1923 г. И. Сталиным. «...Надо усилить нашу силу в лимитроф-

[1] Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 177.

[2] Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. С. 240.

[3] Там же. С. 244.

ных государствах, — предлагал он. — Надо собрать и бросить туда коммунистов этих национальностей. Для нас очень важен и нужен общий кусочек границы с Германией. Нужно постараться сорвать одно из буржуазных лимитрофных государств и создать коридор к Германии. К моменту революции это нужно подготовить»[1]. В контексте этих соображений можно рассматривать и предпочтения, отданные кандидатурам на должности помощника командующего Западным фронтом литовца И. Уборевича и на должность начальника штаба фронта эстонца А. Кука. На заседании Политбюро ЦК 1 ноября 1923 г. Л. Троцкий предложил схему командующих фронтами, начальников штабов и командармов на случай военных мероприятий[2]. Очевидно, в рамках этой схемы уже проговаривался вопрос о замене М. Тухачевского в должности командующего Западным фронтом И. Уборевичем, спустя десять дней назначенным помощником командующего Западным фронтом. По свидетельству Г. Беседовского, в силу его должностных возможностей прекрасно ориентировавшегося в этих обстоятельствах, «в Москве было твердо решено, что добровольно или силой, но Польша должна будет уступить... Для того, чтобы польское правительство оказалось более податливым, решено было действовать двумя способами — кнутом и пряником. Вопрос о прянике еще не был окончательно решен, что касается кнута, то, помимо придвинутых к границе корпусов Красной Армии, было отдано распоряжение польской коммунистической партии усилить деятельность, а военно-диверсионная организация получила приказ расширить работу...»[3]

Учитывая все вышесказанное о военно-политической линии, принятой Политбюро ЦК в отношении Польши, ввиду грядущего «германского Октября», можно считать, что советское политическое руководство стремилось избежать войны с Польшей, ограничив советское вооруженное вмешательство в германские дела «мирной» проводкой нескольких воинских частей и соединений через польскую территорию (при официальном или неофициальном согласии ее правительства). Либо предпринять попытку уста-

---

[1] Запись обсуждения вопроса «О международном положении...» С. 124.

[2] Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. С. 250.

[3] Там же. С. 84.

новить «коридор» в Германию силой, «явочным порядком» по территории одного из лимитрофных государств (это могла быть, скорее всего, Литва). В обстановке надвигавшейся германской революции и в целях предотвращения войны между СССР и Польшей, «в связи с необходимостью разрешить вопрос о транзите через Польшу в Германию польско-советские отношения приобрели специальное значение»[1].

Предложения Г. Чичерина, М. Литвинова и В. Коппа по вопросам советско-польских отношений в обстановке назревающей «германской революции» обсуждались на заседаниях 3, 11 и 18 октября 1923 г.[2]. На основании принятых решений специальный советский представитель В. Копп, во второй половине октября 1923 г. отправившийся на переговоры с поляками, пытался «уговорить» польское правительство «предоставить свободный транзит по польским железным дорогам из Советской России в Германию»[3]. Польскому руководству намекали и на то, что «возможен проход нескольких советских кавалерийских бригад в Германию через узкую полосу так называемого Виленского коридора, но что это отнюдь не явится враждебным по отношению к Польше актом»[4]. Г. Беседовский пояснял, что с советской стороны было оговорено: «...убытки населению будут немедленно покрыты, а вся операция продлится не дольше трех дней. Формально поход будет самочинным актом, и ни советское, ни польское правительства не будут нести за него никакой ответственности»[5]. В обмен на согласие польской стороне обещали «свободу рук» в Восточной Пруссии. Иными словами, готовы были согласиться на оккупацию Восточной Пруссии польскими войсками[6]. Как отмечалось выше, выступая на заседании Политбюро ЦК 21 августа 1923 г., К. Радек сказал, ссылаясь на Кюлля, «что единственная реальная политическая цель Польши — присоединение Восточной Пруссии...»[7]

---

[1] *Беседовский Г.* На путях к Термидору. М., 1997. С. 83—84.

[2] Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседений. С.246.

[3] Беседовский Г. На путях к Термидору. С. 94.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 94—95.

[7] Запись обсуждения вопроса «О международном положении...» С. 122.

Но, несмотря на предпринятые усилия, миссия В. Коппа не увенчалась успехом. Вернувшись из Польши уже 10 ноября 1923 г., В. Копп докладывал о результатах своей поездки на заседании Политбюро ЦК[1]. Следовательно, ставился вопрос о том, где целесообразнее использовать М. Тухачевского: на Западном фронте против Польши или в Германии, на «Западном фронте» против Франции.

Во всяком случае, представляется возможным, что могла иметь место предумышленная «утечка информации» об «организации Тухачевского» и националистически-антисемитских настроениях в комсоставе Красной Армии (в частности, и соответствующие «откровения» И. Вацетиса В. Колоссовскому) и в «группе Тухачевского». И рассчитана она была на «национал-социалистские» настроения и политические группировки в Германии. Ранний национал-социализм характеризовало гораздо большее соответствие между его действительным политическим содержанием и названием самой партии. Тогда, в 1923 г. в лозунгах этого движения доминировали идеи революции, национального социализма, антикапитализма и войны против Франции.

Об участии М. Тухачевского в подготовке «германского Октября» 1923 г. существует много слухов. В своей книге «Дело Тухачевского» В. Александров, со ссылкой на Э. Волленберга[2], писал по этому поводу: «...Тухачевский многократно бывал в Германии с официальными миссиями до прихода нацистов к власти. В 1923 г., в частности, он был в составе «специальной группы», составленной из 6 членов под руководством Пятакова, который

---

[1] Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1 С. 252.

[2] Эрих Волленберг (1892—19??), бывший в 1923—1924 гг. оргсекретарем партийного комитета КПГ Рурской области и руководителем военно-политического отдела Юго-Западной области Германии, знал, несомненно, много о событиях «германского Октября». Оказавшись с 1924 г. в СССР, в РККА, он был близко знаком с М. Тухачевским и другими «красными маршалами». Вернувшись в 1931 г. в Германию, он в 1933 г. вышел из КПГ и руководства «Союза Красных фронтовиков». В период массовых репрессий в СССР, в том числе в Красной Армии, Э. Волленберг написал целый ряд статей, посвященных Красной Армии и ее погибшим «вождям». В них достаточно много интересной информации, однако она далеко не всегда отличается точностью и достоверностью. Поэтому то, что было написано В. Александровым об участии М. Тухачевского в «германском Октябре», нуждается в проверке и уточнении.

должен был, в случае победы революции в Германии, взять на себя командование германской Красной Армией. Эта группа расположилась на Унтер ден Линден, 7, в меблированных комнатах посольства СССР. В конце ноября (1923), когда стало очевидным, что немецкая революция провалилась, Пятаков и пять потенциальных инструкторов германской Красной Армии покинули Берлин. Тухачевский остался там и был представлен советским послом Крестинским как «агент для связи» между верховным командованием Красной Армии (Реввоенсоветом) при рейхсвере, уполномоченным подготовить советско-германские военные соглашения. Однако Тухачевский не нашел взаимопонимания с Крестинским и к концу второго месяца (пребывания) потребовал своего отзыва в Советский Союз»[1].

Действительно, постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 4 октября 1923 г. начало «германского Октября» было определено на 9 ноября указанного года, а для подготовки и руководства восстанием в Германию направлялась группа в составе Г. Пятакова, К. Радека, Я. Рудзутака и В. Куйбышева[2]. Позднее вместо двух последних в состав группы были включены В. Шмидт и Н. Крестинский. Таким образом, в нее, во всяком случае, официально, не был включен М. Тухачевский. Эта группа выехала в Германию 19—20 октября. К. Радек, как главный знаток германских дел и фактический руководитель группы и будущего восстания, утверждал, что прибыл в Берлин 22 октября[3]. М. Тухачевского вместе с ними в составе группы не было. В это время, согласно штабным приказам фронта, с 15 октября по 2 ноября 1923 г. М. Тухачевский в сопровождении своих адъютантов А. Виноградова и М. Михайлова-Морозова находился в полевой поездке по фронту[4], которую ему пришлось прервать по требованию ЦКК и 28 октября срочно выехать в Москву на заседание Партколлегии ЦКК[5].

---

[1] *Alexandrov V.* L...affaire Toukhatchevsky. Paris, 1962. P. 147—148.

[2] Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «Вопросы комиссии Политбюро по международным делам» от 4 октября 1923 г. // Источник. 1995. № 5. С. 138.

[3] *Радек К.Б.* (Автобиография) // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь «Гранат». М., 1989. С. 609.

[4] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 173. Л. 127, 139.

[5] Там же. Л. 139.

Тем не менее в Москве, как вспоминал Г. Беседовский, «намечались будущие члены правительства советской Германии. Из числа русских советских деятелей отбиралась крепкая группа, которая должна была служить ядром будущего германского совнаркома. Эта группа состояла из самых разнообразных работников. Здесь были хозяйственники как Пятаков и Ларин; военные в лице Уншлихта, Берзина и Тухачевского...»[1].

Известно, что И. Уншлихт, «вчерашний» первый заместитель Председателя ОГПУ, являлся куратором советской военной разведки. Под его руководством в Берлине и других городах Германии действовали сотрудники советской военной разведки. В частности, в Берлине это были А. Сташевский, Б. Бортновский, В. Скоблевский-Горев (В. Розе), С. Пупко-Фирин, С. Жбиковский. Они выполняли функции по организации воинских подразделений и частей КПГ, так называемых «красных сотен» и органов будущей «госбезопасности» — германской «ЧК». В частности, С. Жбиковский под псевдонимом «Алоис» являлся руководителем Военного аппарата КПГ; С. Пупко-Фирин руководил подготовкой вооруженного восстания; В. Скоблевский-Горев (В. Розе) организовывал германскую «ЧК». Военным специалистом КПГ являлся бывший капитан Генштаба австро-венгерской армии О. Штейнбрюкк. Б. Бортновский, возглавляя Берлинский разведывательный центр (резидентуру в Берлине), координировал деятельность всех указанных лиц и непосредственно курировал агентурную работу в среде русской военной эмиграции в Берлине. Я. Берзин в это время уже был заместителем начальника Разведывательного управления Штаба РККА и в силу своего должностного положения непосредственно должен был руководить всеми своими подчиненными, всей работой по организации «германской Красной Армии».

Ранее упоминавшийся В. Орлов, весьма хорошо осведомленный о российских делах и событиях накануне «германского Октября» в Германии, вспоминал, что летом 1923 г. «в Берлин прибыл Вацетис. Он был одним из высших командиров Красной Армии и известным специалистом по Гражданской войне в России. Туда же под фамилией Полянин приехал Тухачевский, молодой

[1] *Беседовский Г.* На путях к Термидору. С. 82.

человек крупного телосложения, с непроницаемым выражением лица и крючковатым носом, очаровавшим всю Фридрихштрассе своими размерами»[1]. О пребывании И. Вацетиса в Берлине, как отмечалось выше, сообщал в своем дневнике А. фон Лампе[2]. Это подтверждается и официальными сведениями[3].

Несмотря на отставку, неуживчивый нрав, политическую «неуравновешенность и неустойчивость», И. Вацетис не только в первой половине 20-х годов сохранял репутацию весьма ценного военного специалиста, хорошего организатора вооруженных сил, но и во второй половине 20-х годов, и в 30-е годы. Поэтому неудивительно, что именно его кандидатура оказалась наиболее подходящей для организации и последующего руководства создаваемой «германской Красной Армией». Тем более что его настроения и военная судьба могли в достаточной мере импонировать русским офицерам в белом зарубежье. Их ведь намеревались привлечь к активному участию в создании Красной Армии в Германии.

Что касается М. Тухачевского, то штабные документы Западного фронта свидетельствуют о его отсутствии в Смоленске с 6 по 14 августа и с 20 августа по 3 сентября 1923 г.[4]. В указанные сроки он находился в командировках в Москве. Время это примечательно. Дело в том, что на 21 августа было назначено выше достаточно подробно освещавшееся экстренное заседание Политбюро ЦК. Если следовать свидетельствам Г. Беседовского, это решение о формировании «германского совнаркома» и включение в его состав М. Тухачевского было принято в конце августа или в начале сентября 1923 г. Это значит, что высшие советские партийно-правительственные круги, Политбюро ЦК, стремившиеся избежать войны с Польшей, решили отправить М. Тухачевского в Германию, считая использование его опыта в Берлине более целесообразным, чем оставлять его в Смоленске. Военно-политические настроения самого М. Тухачевского в это время явно не совпадали с позицией политического руководства. Эти настроения достаточно

---

[1] *Орлов В.* Двойной агент. М., 1998. С. 113.

[2] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 12. Л. 5186; Д. 13. Л. 5755.

[3] *Орлов В.* Двойной агент. С. 330.

[4] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 173. Л. 93, 99, 104, 110.

определенно, хотя и в общей форме, М. Тухачевский выразил в статье «Красная Армия на 6-м году Революции», опубликованной в октябре 1923 г. в массовом военном журнале «Красная присяга». Он писал: «Итак, к концу шестого года Советской власти назревает новый взрыв социалистической революции, по меньшей мере, в европейском масштабе. В этой революции, в сопровождающей ее гражданской войне в процессе самой борьбы, так же, как и прежде, у нас создается могучая, но уже международная Красная Армия. А наша армия, как старшая ее сестра, должна будет вынести на себе главные удары капиталистических вооружений. К этому она должна быть готова и отсюда вытекают ее текущие задачи. ...Она должна быть готова к нападению мирового фашизма и должна быть готова, в свою очередь, нанести ему смертельный удар разрушением основ Версальского мира и установлением Всеевропейского Союза Советских Социалистических Республик»[1].

Суть цитированного выше фрагмента выступления М. Тухачевского, таким образом, заключается в следующем: «мировой фашизм» — это «Версальский мир», то есть страны Антанты и прежде всего Франция. Красная Армия «должна быть готова к нападению мирового фашизма», то есть к нападению Франции. Красная Армия «должна быть готова нанести смертельный удар» основам Версальского мира, то есть по Франции и ее союзникам. В этой новой «социалистической революции» «европейского масштаба» именно Красная Армия должна будет «вынести на себе главные удары капиталистических вооружений».

Таким образом, М. Тухачевский выражал позицию, согласно которой решающей силой «германской революции» должна была стать Красная Армия, а не ее «филиалы» в Европе, не «германские коммунисты» и не германские националисты. Это — завуалированная формула «революции извне», экспорта «революции на штыках» Красной Армии. Таким образом, само удаление М. Тухачевского с Западного фронта должно было послужить красноречивым и выразительным «знаком» миролюбия СССР в отношении Польши.

Однако уже 28 августа 1923 г. М. Тухачевский возвратился

---

[1] *Тухачевский М.Н.* Красная Армия на 6-м году Революции // Красная присяга. 1923. № 18. С. 22—23.

из Германии в Смоленск[1]. Таким образом, он заявлял о своей особой позиции относительно перспектив «германской революции», вернувшись в Смоленск, в руководство Западным фронтом, командование которым он, таким образом, отказался сдать. Далее в Москву поехал А. Виноградов[2], состоящий для особых поручений и являвшийся его ближайшим доверенным лицом. Он также сопровождал командующего в Берлин. Очевидно, А. Виноградов должен был отвезти информацию и отчет о поездке. 3 сентября он уже вернулся. М. Тухачевский сам не поехал в Москву. Видимо, также через А. Виноградова командующий фронтом добивался скорейшего назначения к нему нового начальника штаба фронта на вакантную с середины июня должность. Ввиду обозначенных выше воинственных настроений М. Тухачевского эту должность должен был занять человек, хорошо знакомый с возможным театром военных действий. По некоторым свидетельствам, М. Тухачевский просил направить к нему в качестве такового давно ему известного и высоко ценимого как специалиста А. Кука[3]. Это был отличный генштабист, старый соратник М. Тухачевского со времен «польского похода». Впрочем, назначение А. Кука на должность начальника штаба Западного фронта было обусловлено и тем, что он лучше других кандидатов в начальники фронтового штаба ориентировался в том, что происходило в Германии, а также в Польше и Прибалтике. Известно, что с 21.05.1921 по 12.09.1923 г. А. Кук являлся помощником (заместителем) начальника Разведывательного управления Штаба РККА. Известно также, что многие бывшие руководители разведки Западного фронта и его соединений в 1920 г. ныне находились в Германии и активно участвовали в подготовке «германского Октября». Все они, в том числе и А. Кук, равно как и начальник Разведывательного отдела штаба ВСУК и УВО Р. Лонгва, действовали, как и в

---

[1] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 173. Л. 104.

[2] Там же. Л. 110.

[3] *Горелик Я.М.* Красный командарм // Вопросы истории. 1987. № 7. С. 180. М. Тухачевский и А. Кук были в весьма доверительных отношениях. М. Тухачевский несколько позднее, когда А. Кук подал заявление о вступлении в РКП(б), дал ему рекомендацию. В ней, в частности, говорилось: «А.И. Кук — товарищ образцовой честности и долга перед Советской страной, работает над развитием своего политического кругозора и имеет большие заслуги в гражданской войне». Там же.

1920 г., под руководством И. Уншлихта, заместителя Председателя ОГПУ. Именно он вплоть до 1930 г. курировал советскую военную разведку.

Назначение А. Кука на должность начальника штаба фронта являлось, таким образом, одной из мер, причем не только фронтового командования, по подготовке к военным действиям. Однако следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, А. Кук во время советско-польской войны 1920 г. имел, главным образом, опыт руководства штабом 15-й армии Западного фронта, которая действовала на правом, северном фланге фронта, оперируя вблизи границ Восточной Пруссии и Прибалтийских государств. Иными словами, как раз в том оперативном направлении, которое, согласно планам советского военно-политического руководства, предполагалось превратить в советско-германский «коридор», по которому должны были пройти кавалерийские бригады из СССР в Германию. Во-вторых, А. Кук был эстонцем, поэтому не исключено, что его назначение было обусловлено также намерениями, высказанными И. Сталиным, «взорвать одно из балтийских государств». Таким образом, возможно, что назначение А. Кука, человека, проверенного ОГПУ и советской разведкой, предусматривало использование его, скорее, в интересах реализации военно-политических и оперативных планов политического руководства, а не ввиду антипольских воинственных настроений М. Тухачевского. Косвенным образом указанные предположения подтверждаются тем, что А. Кук остался начальником штаба фронта, как политически вполне надежный и «послушный» человек, и после того, как М. Тухачевский был удален из Смоленска.

Он был назначен на указанную должность 13 сентября, и уже 15 сентября прибыл в Смоленск и приступил к исполнению своих обязанностей[1]. Очевидно, его прибытия ждал М. Тухачевский, чтобы на следующий день, 16 сентября, начать большие двусторонние маневры войск Западного фронта. Они продолжались до 3 октября включительно. То есть почти двадцать дней[2]. Маневры

---

[1] РГВА. Послужной список № 141792 А.И. Кука; Там же. Ф. 104. Оп. 3. Д. 173. Л. 109.

[2] Столь длительных маневров в Красной Армии не проводили ни до, ни после этого (до 1937 г. включительно, по крайней мере). Обычно войсковые маневры в Западном или Белорусском, в Украинском или Киевском округах продолжались от

Западного фронта осенью 1923 г. очень были похожи на «пролог» к началу военных действий на западной границе. В ходе этих маневров прекрасно показал себя командир 4-го стрелкового корпуса А. Павлов[1]. Ему в предстоящих военных действиях, видимо, отводилась важная роль. Под прикрытием маневров можно было осуществить достаточно легко необходимую для предстоящих боевых действий передислокацию войсковых частей и соединений. Развернувшиеся на Западном фронте маневры должны были пугать. Судя по решающей роли 4-го стрелкового корпуса А. Павлова на маневрах, как определил это сам М. Тухачевский, оперативные направления, обозначенные командующим Западным фронтом, принципиально расходились с очерченными выше военно-политическими установками и соответствующими оперативными планами советского политического и военного руководства. На это указывает дислокация соединений и частей Западного фронта. Штаб 4-го стрелкового корпуса располагался в Витебске; 5-я стрелковая дивизия этого корпуса была дислоцирована в Полоцке и Витебске; 27-я стрелковая дивизия — в районе Орши; 2-я стрелковая дивизия, а также 7-я кавалерийская дивизия — в районе Минска. Такое исходное расположение соединений и частей 4-го стрелкового корпуса предполагало нанесение главного удара в оперативном направлении Минск — Брест — Варшава. В свою очередь, дислокация соединений и частей 5-го стрелкового корпуса в районе Бобруйска предполагала нанесение его силами вспомогательного удара также в направлении Варшавы. В связи с военно-политической обстановкой, сложившейся на западных границах СССР осенью 1923 г., уместно обратить внимание на малоизвестные воспоминания А.И. Боярчикова.

---

5 до 10 суток. Даже большие Одесские маневры 1927 г. продолжались всего 12 дней, а знаменитые большие маневры Киевского военного округа в 1935 г. продолжались всего 6 суток.

[1] «...С особым блеском и силой А.В. Павлов проявил воинский талант на больших белорусских маневрах осенью 1923 г., — писали его биографы. — ...А.В. Павлов командовал «красной стороной». Маневры, как известно, закончились тем, что противная сторона была наголову разбита. Еще несколько лет после маневров среди командиров Белорусского военного округа были живы воспоминания о них и о смелом, неожиданном решении А.В. Павлова» (*Герасимов М.Н., Санович Г.* Комдив А.В. Павлов // Военно-исторический журнал. 1966. № 10. С. 113.

«По роду моей службы в Штабе РККА и Реввоенсовете Республики, — вспоминал их автор, — мне часто приходилось работать двадцать четыре часа в сутки. Однажды в полночь мне позвонил секретарь Троцкого Глазман и сказал: «Вас вызывает к себе председатель Реввоенсовета Республики». Нас, шифровальщиков, часто вызывали к себе Троцкий, Склянский, Каменев С. С., Лебедев. Я догадался, что меня ждет ночная работа.

В секретариате РВС Республики меня встретил Глазман, сообщивший, что Троцкий пишет Тухачевскому очень важный приказ.

Приказ на имя Тухачевского я получил из его рук. Вручая его мне, Троцкий озабоченно спросил: сколько времени пройдет, пока приказ дойдет до Тухачевского? Он командовал Западным военным округом. Я ответил, что два часа. Мой ответ удовлетворил его.

Тревожное содержание приказа вызвало у меня чувство высокой ответственности. Я шифровал его внимательно и быстро, а потом отнес шифровку на военный телеграф и не уходил, пока аппарат Морзе не отстучал последнюю цифру. Стрелки на часах показывали два часа ночи. Я позвонил Глазману и сказал ему об отправке приказа Тухачевскому в Смоленск. Троцкого в Реввоенсовете уже не было. Он уехал в Кремль.

После этого прошло не более часа, как опять раздался телефонный звонок. Меня вызвал к себе заместитель Троцкого Склянский. Он сказал мне, что свой ночной приказ Троцкий отменил. Нужно было немедленно связаться по прямому проводу со Смоленском и приостановить действие приказа. Я бросился на телеграф и вызвал к аппарату ночного шифровальщика Штаба Запво. От него я узнал, что приказ расшифрован только наполовину и что в Штабе о нем никто ничего не знает. Я передал ему распоряжение Склянского о сожжении шифровки приказа и о составлении акта сожжения. После этого я позвонил Склянскому и рассказал ему о принятых мною мерах. ...На этом закончилась эта история с ночным приказом Троцкого.

Сущность эпизода с ночным приказом состояла в следующем. По агентурным данным, на нашей западной границе происходило скопление войск враждебного России соседнего государства (Польши). Эти данные были дважды проверены и подтвердились. Ночной приказ Троцкого предлагал немедленно привести в боевую готовность вооруженные силы на западной границе. Однако

через два часа после этого сообщения пришло новое сообщение с западной границы, в котором говорилось о том, что эти войска вернулись в исходное положение от границы.

Наш враждебный сосед играл на наших нервах. Он инсценировал сосредоточение своих войск на границе с целью нападения на нас. Разгадав ложные намерения противника, наше командование отменило приказ № 1 о приведении в боевую готовность вооруженных сил»[1].

В сложившейся политической ситуации вокруг «германской революции» и советско-польских отношений эти противоречия в оперативных планах военно-политического руководства СССР и командующего Западным фронтом М. Тухачевского приобретали весьма серьезный политический характер. В сущности, именно Красная Армия, именно та ее часть, которая дислоцирована на Западном фронте, именно его командующий, М. Тухачевский в сложившейся обстановке военного бессилия «германского Октября» претендовали, как опасалось партийно-политическое руководство СССР, на роль главной и решающей силы грядущей «мировой революции». Не исключено, что опасались и самовольного выступления «красного Бонапарта». Беспокоил и рост, так сказать, рейтинга его популярности. Как один из признаков этого, появление в июле 1923 г. в популярном военном еженедельнике «Военный вестник» примечательной заметки. «На имя командующего Западным фронтом получена следующая телеграмма, — было напечатано в № 25. — «Руководителю пятой армии — освободителю Урала от белогвардейщины и Колчака — в день четвертой годовщины взятия Урала Красной Армией, — Миасский горсовет им шлет пролетарский привет; в ознаменование дня, город Миасс переименовывается в город Тухачевск — вашего имени»[2].

Итак, политическое руководство решило и отправило М. Тухачевского в Германию, стремясь избежать военного столкновения с Польшей, а М. Тухачевский отказался оставаться в Германии, вернулся на Западный фронт и на фронтовых маневрах начал «бряцать оружием». Следовало торопиться, пока власть не оказалась поставленной перед фактом войны, развязанной попу-

---

[1] *Боярчиков А.И.* Воспоминания. М., 2003. С. 121—124.

[2] Военный вестник. 1923. № 25.

лярным генералом. Сохранение за М. Тухачевским командования Западным фронтом, вызывая у соседей страх перед новой «революцией извне», провоцировало нагнетание «военной тревоги» и обострение внешнеполитических проблем для СССР.

В складывающейся военно-политической обстановке, стремясь нейтрализовать возможную неконтролируемую активность и инициативность популярных «генералов», как уже отмечалось ранее, 28 августа Оргбюро ЦК наметило ввести в состав РВС СССР большую группу членов ЦК, в основном из числа сторонников И. Сталина, Г. Зиновьева, а также С. Буденного. Этот человек внушал власти не меньше опасений, чем М. Тухачевский[1]. Таким образом, вроде бы повысив в ранге — введя в состав РВС СССР (!) — его удалось оторвать от 1-й Конной армии. Сама же 1-я Конная была расформирована. Скорее всего, именно эту же модель рассчитывали использовать и для военно-политической нейтрализации М. Тухачевского, вернувшегося из Германии с настроениями, неразделявшимися политическим руководством. «Позолоченной пилюлей», от которой «Тухачевский отказался», очевидно, тоже должен был стать пост члена РВС СССР в обмен на сдачу должности командующего Западным фронтом. Однако он, судя по смутной информации, отказался обменять «жезл» командующего Западным фронтом на «высокое», но практически маловлиятельное членство в РВС СССР. Пожалуй, именно эти обстоятельства и стали основанием для информации, переданной Е. Беренсом А. Гучкову в конце сентября или начале октября 1923 г. Тогда было решено «удалить» М. Тухачевского с Западного фронта с помощью «компромата».

4

М. Тухачевский и политический кризис 1923—1924 гг.

2 сентября 1923 г. заместитель полномочного представителя ГПУ по Западному краю направил «служебную записку» заместителю начальника ОГПУ и начальнику Особого отдела ОГПУ

[1] Эти опасения высказал еще 1 февраля 1923 г. К. Ворошилов в письме И. Сталину. Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 408—409.

Г. Ягоде. «Глубокоуважаемый Генрих Григорьевич!» — обращался региональный ответственный сотрудник ГПУ, излагая всевозможные сведения, компрометировавшие командующего Западным фронтом М. Тухачевского[1]. Сообщалось, что М. Тухачевского «помимо воли могут склонить к шпионажу». «У нас есть сведения, — сообщал сотрудник ОГПУ, — что в Польше интересуются его романами». Говорилось, что М. Тухачевский связан с «разного рода женщинами не нашего класса», что он оставляет «секретные документы в комнате стенографистки-полюбовницы», что «ходит масса анекдотов о его подвигах на пьяном и женском фронтах», что «каждый месяц возит семью в бронированном вагоне спецназначения», что «прилетал на аэроплане в свое имение...» и пр. Автор докладной записки ссылался на рекомендацию начальника Политуправления Западного фронта В. Касаткина, предлагавшего «дать все имеющиеся материалы и установить наблюдение». В заключение докладчик просил санкции для «слежки» за М. Тухачевским, мотивируя свою просьбу тем, что «мы не имеем права наблюдать за коммунистами без разрешения центра, тем более за такой крупной фигурой, как Тухачевский»[2].

Судя по содержанию этой служебной записки, основные проступки М. Тухачевского сводились к его аморальному поведению. Насколько же информация, в ней содержавшаяся, соответствовала действительности?

Итак, на основе приведенной выше компрометирующей М. Тухачевского информации выстраивается достаточно вульгарная, но вполне определенная и по тем временам убедительно-настораживающая власти схема. Исходный элемент этой схемы: связь с «разного рода женщинами не нашего класса». Эту информацию трудно опровергнуть. Амалия Протас («Лика») из среды мелкого дворянства, с гимназическим образованием, адъютант командующего фронтом; Татьяна Сергеевна Чернолузская, Наталья Сергеевна Чернолузская — родственницы А. Луначарского; наконец, будущая жена М. Тухачевского Нина Евгеньевная Гриневич из старинного польского дворянского рода, «отнятая» им у

---

[1] Документ частично опубликован в кн.: *Парнов Е.* Заговор против маршалов... С. 17.

[2] *Парнов Е.* Заговор против маршалов... С. 17.

Аронштама. Все они действительно являлись «разного рода женщинами не нашего класса». Отсюда, по информации ответственного сотрудника ОГПУ, и «масса анекдотов о подвигах» М. Тухачевского «на пьяном и женском фронтах». С этими обстоятельствами информатор ОГПУ прямо связывает «забытые» или «оставленные» М. Тухачевским «секретные документы в комнате стенографистки-полюбовницы».

В штате секретариата командующего Западным фронтом в 1923 г. было всего две женщины: Амалия Яковлевна Протас, «жена» и адъютант командующего, и Эйшинская Софья Ильинична, «член РКП(б), девица, образование 4 класса». А. Протас окончательно увольняется и исключается из списков служащих Западного фронта 14 августа 1923 г. Возможно, именно ее имел в виду сотрудник ОГПУ, говоря о «стенографистке-полюбовнице». Учитывая изложенные ранее обстоятельства ее службы и перерывы в ней, эпизод с «секретными документами» мог иметь место, видимо, между 27 июня и 14 августа 1923 г.

Однако, судя по контексту обстоятельств, в которых появилось «донесение» заместителя полпреда ОГПУ по Западному краю Г. Ягоде, источником данной информации являлся начальник ПУ Западного фронта В. Касаткин. Он же мог получить эту информацию от человека, находившегося в ближайшем окружении М. Тухачевского. Из этого ближайшего окружения М. Тухачевского в его секретариате непосредственное отношение к «секретным документам» мог иметь старший делопроизводитель или секретарь командующего. Бессменным секретарем командующего фронтом с 1922 и по 1924 г., которому он, судя по всему, вполне доверял и после обсуждения своего «персонального дела» в ЦКК, был и оставался Смиренский Николай Михайлович (1893—19??), статистик по образованию, бывший офицер. Если бы информатором В. Касаткина был этот человек, то после октябрьского обсуждения свой «персоны» в ЦКК, где указанные выше сведения фигурировали в качестве компрометировавших М. Тухачевского, последний вряд ли потерпел бы рядом с собой секретного осведомителя. Н. Смиренский же, как сказано было выше, остался при нем вплоть до перевода М. Тухачевского в Москву. Поэтому остается лишь один человек, который и мог сообщить о «секретных документах», оставленных М. Тухачевским «в комнате стенографист-

ки-полюбовницы». Это старший делопроизводитель секретариата Западного фронта с марта 1923 г. Эйшинская Софья Ильинична, «девица», которая вполне подходила на роль указанной «стенографистки-полюбовницы», к тому же польского происхождения. Косвенным указанием именно на нее как осведомителя В. Касаткина является факт смещения ее с указанной выше должности 1 июля 1923 г. и направления в распоряжение Политуправления Западного фронта. Здесь же начальник ПУ фронта В. Касаткин не счел ее человеком «провинившимся». Это обозначилось еще одним показательным фактом: С. Эйшинская была в июле же 1923 г. назначена секретарем помощника командующего Западным фронтом, то есть того же В. Касаткина, который с марта 1923 г. являлся еще одним помощником командующего фронтом и временно исполняющим обязанности члена РВС фронта. Следовательно, В. Касаткин вполне доверял С. Эйшинской, в отличие от М. Тухачевского.

Из связей М. Тухачевского с «женщинами не нашего класса» сотрудник полпредства ОГПУ по Западному краю проводил линию к «сведениям, что в Польше интересуются его романами». Тоже все оказывается вполне логичным. «Романы» М. Тухачевского «с женщинами не нашего класса», с польскими фамилиями (следовательно, польского происхождения) открывают «канал» для «вербовки» М. Тухачевского польской разведкой. Отсюда и вывод «доносителя»: М. Тухачевского «помимо воли могут склонить к шпионажу». Иными словами, уже можно было считать М. Тухачевского «почти изменником».

Такой вывод выходил за рамки обвинений в «бытовом разложении». Дело, таким образом, приобретало «политический» характер. Естественно, у власти должен был возникнуть вопрос о политическом доверии М. Тухачевскому, то есть о его политической благонадежности, о возможности продолжения его службы в должности командующего Западным фронтом. На это указывает предельно емкая и выразительная резолюция М. Фрунзе в конце марта 1924 г., наложенная им на эту информацию и опровергающая подозрения, ею порожденные: «Партия верила, верит и будет верить т. Тухачевскому»[1].

---

[1] *Викторов Б.* «Заговор» в Красной Армии: Записки военного прокурора // Правда. 1988. 29 апреля, № 120. С. 3.

Хорошо было известно также и то, что М. Тухачевский владел усадьбой в Смоленской губернии, до революции принадлежавшей его отцу и проданной еще в 1908 г. Уехавший в 1922 г. за рубеж генерал И. Данилов свидетельствовал: «Милость большевиков к нему (то есть М. Тухачевскому) за его «подвиги» столь неограниченна, что ему возвращено даже, вопреки идеям большевизма, его имение... где хозяйничают его сестры»[1]. Поэтому возбуждение вопроса о владении усадьбой, о чем все давно знали, именно осенью 1923 г. представлялось также не случайным.

Из контекста приведенной выше информации становится ясным, что, во-первых, до составления этой «докладной записки» агентурного наблюдения за М. Тухачевским не велось. Во-вторых, инициатором составления и направления Г. Ягоде данной «докладной записки» были не структуры ГПУ Белоруссии по Западному краю или по Западному фронту, а начальник ПУ фронта В. Касаткин. В-третьих, примечательно, что В. Касаткин начал проявлять активность в этом направлении именно в августе 1923 г. Именно в это время В. Касаткин получил указание свыше о направлении «компромата» на М. Тухачевского через ГПУ в Москву. Он должен был получить такое распоряжение от своего непосредственного руководства в ПУ РККА, то есть от В. Антонова-Овсеенко, хотя сомнительно, что последний являлся инициатором данной «операции». Впрочем, такое распоряжение В. Касаткин мог получить и как временно исполняющий дела члена РВС фронта, и как помощник командующего. Во всяком случае, вряд ли он, не имея за собой высокого «соизволения», решился бы на столь грубое нарушение установленного порядка.

Примечательно, что отправленная 2 сентября «записка» полпреда ОГПУ по Западному краю «молчала» вплоть до 20 сентября 1923 г. Но едва 16 сентября 1923 г. начались маневры Западного фронта под руководством М. Тухачевского, как 18 сентября на заседании Политбюро ЦК заслушивается сообщение В. Молотова «о Красной Армии». На следующем заседании Политбюро ЦК 20 сентября было поставлено на обсуждение «предложение Троцкого о передаче материалов о Тухачевском в ЦКК и немедленном

---

[1] *Данилов И.* Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 97.

назначении авторитетного РВС Запфронта»[1]. Примечательно и другое: за подписью И. Сталина Политбюро по этому вопросу решило «принять» предложение Л. Троцкого, «поручив Оргбюро наметить срочно состав РВС Западного фронта и внести на утверждение Политбюро»[2]. Это означало передачу «дела Тухачевского» в «высший партийный суд» и фактическое предрешение его смещения с должности командующего Западным фронтом.

Приняты были и иные меры воздействия на «генералитет» Западного фронта. Командир 4-го стрелкового корпуса А. Павлов, давний приятель и соратник М. Тухачевского, был исключен из партии «за пьянство». Партийным взысканием за пьянство грозили и командиру 5-го стрелкового корпуса П. Дыбенко. Мерами воздействия в этом же направлении следует расценивать удаление в октябре 1923 г. в Москву «на учебу» начальника штаба 16-го стрелкового корпуса П. Шаранговича, командира 2-й стрелковой дивизии Я. Фабрициуса, командира 27-й стрелковой дивизии Г. Хаханьяна; смещение с должности помощника (в то время врид) командира 27-й стрелковой дивизии Ф. Ольшевского, переведенного в ноябре 1923 г. в Приволжский военный округ; перемещения командного состава полков, входивших в соединения Западного фронта.

Обращает на себя внимание и следующее обстоятельство. Едва «дело Тухачевского» поступило в Парткомиссию ЦКК, по его поводу был сделан запрос заместителю Председателя РВС СССР Э. Склянскому: «Парткомиссия ЦКК просит Вас срочно прислать ей все имеющиеся у Вас материалы на Тухачевского»[3]. Однако все «дело» оказалось сведенным к «провозке семьи» в вагоне специазначения, полетах на аэроплане в усадьбу и в наличии самой усадьбы, которая когда-то принадлежала Тухачевским[4]. М. Тухачевскому было направлено приглашение: «ЦКК просит Вас прибыть к члену ЦКК тов. Сахаровой 24 октября 1923 г. к 12 часам дня...»[5] и резолюция: «По распоряжению т. Сахаровой дело сдать

---

[1] Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. Кн. 2. С. 242, 243.

[2] Цит. по: *Парнов Е.* Заговор против маршалов... Кн. 2. С. 19.

[3] *Парнов Е.* Заговор против маршалов... Кн. 2. С. 16.

[4] Там же. С. 17—18.

[5] Там же. С. 16.

в архив по заслушанию личных объяснений Тухачевского»[1]. Примечательно, что вопреки решительному и жесткому тону резолюции Политбюро ЦК, руководство ЦКК решило (или получило распоряжение) не придавать «делу Тухачевского» большого значения. Оно было передано на рассмотрение рядовому члену ЦКК, никому неизвестной т. Сахаровой, которая, видимо, по распоряжению руководства ЦКК после соблюдения формальностей должна была фактически закрыть «дело». М. Тухачевский, вероятно, поставленный в известность о таком отношении к его «делу», ограничился краткими письменными объяснениями и не явился в «высший партийный суд» в ЦКК. Да и сам стиль этих объяснений обнаруживает едва заметное пренебрежение командующего Западным фронтом к члену ЦКК т. Сахаровой. «По поводу заявления сообщаю следующее: 1. Провозки семьи действительно имели место. 2. На аэроплане никогда не прилетал. 3. Усадьба, где живет моя мать, действительно принадлежала моему отцу до 1908 г., потом он ее продал. Поселилась мать с сестрами во время революции»[2]. Его ответ можно было бы квалифицировать по тону как «вызывающий: «Да, делал, ну и что?»

Эти письменные объяснения М. Тухачевский отправил в Москву, в ЦКК, скорее всего, вместе с А. Виноградовым и своим новым адъютантом М. Михайловым-Морозовым, которые находились в командировке в Москве с 3 по 11 октября 1923 г.[3]. Сам М. Тухачевский с 8 сентября и по 29 октября 1923 г. в Москве не был[4]. В эти дни он находился сначала в «полевой поездке» по фронту[5]. Возможно, он намеревался в обстановке «оперативно-стратегической игры» со своими «генералами» заодно проверить их настроения и отношение к себе в связи с конфликтом с партийным центром. Однако, хотя эта «полевая поездка» была рассчита-

---

[1] Парнов Е. Заговор против маршалов... Кн. 2. С. 16.

[2] Там же. С. 17—18.

[3] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 127.

[4] Там же. Д. 173. Л. 120.

[5] Судя по штабным документам, вышеуказанная «полевая поездка» М. Тухачевского была прервана как раз к 25 октября 1923 г. его болезнью. РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 29. Л. 147.

на до 2 ноября[1], уже 23 октября М. Тухачевский вместе с сопровождавшим его в поездке А. Виноградовым вернулся в Смоленск из-за «болезни»[2]. Трудно сказать, была ли эта болезнь действительная или она носила «дипломатический» характер. Быть может, настроения его «генералов» оказались недостаточно «решительными» для того, чтобы он мог занять более «жесткую» позицию в отношении Москвы. Возможно, он выбрал «мягкую», завуалированную форму неподчинения Центру, сохраняя за собой «путь к отступлению». На всякий случай у него «в запасе» оставалась извиняющая его поведение причина — «болезнь». Однако, так или иначе, он «отказался выехать по вызову», как сообщал А. Гучков, то есть он отказался подчиниться распоряжению из Москвы.

Весьма вероятно, что столь «мягкая» реакция ЦКК на «дело Тухачевского» объяснялась новой попыткой «оторвать» М. Тухачевского от Западного фронта, дать ему «почетное назначение» и отправить в Берлин с группой Г. Пятакова. Ему демонстрировали «готовность» высших партийных органов забыть о его «прегрешениях» в обмен на «покорность», на «мирный» отказ от должности командующего Западным фронтом. Ему как бы обещали не отдавать «под высший партийный суд», не наказывать, если он «сдастся». В ответ на его отказ подчиниться и принять предложенный ему вариант закрытия его «дела» ЦКК решила действовать более жестко.

28 октября 1923 г., подчиняясь уже настойчивым, «ультимативным», как писалось в «Руле», требованиям Партколлегии ЦКК, М. Тухачевский «сдался» и в сопровождении своего адъютанта и врача амбулатории штаба фронта Можайского (видимо, для доказательства подлинности своей болезни, извиняющей его отсутствие на приеме у П. Сахаровой) выехал в Москву. 29 октября 1923 г. он присутствовал на заседании Партколлегии ЦКК, где слушалось его «дело»[3]. Доклад, в котором были изложены обвине-

---

[1] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 127, 139.

[2] Там же. Л. 139.

[3] Там же. Д. 173. Л. 143. Таким образом, М. Тухачевский прервал свою «полевую поездку» и с 28 октября по 3 ноября 1923 г. находился в командировке в Москве. Выехав из Смоленска 28 октября, он должен был успеть присутствовать на заседании Партколлегии ЦКК 29 октября.

ния М. Тухачевского в «попойках, кутежах, разлагающем влиянии на подчиненных», делал Я. Петерс, член Партколлегии ЦКК, старый высокопоставленный работник ВЧК — ГПУ, являвшийся и в 1923 г. членом коллегии ОГПУ. Это означало фактически передачу «дела Тухачевского» в распоряжение ОГПУ. Суров был и «приговор»: «строгий выговор за некоммунистические поступки»[1]. В заключение по «делу Тухачевского» Партколлегия ЦКК напомнила об исключении из партии комкора-4 А. Павлова (вроде бы за «аморальное поведение»). «А тов. Дыбенко тоже пьянствует, — указывается в документе, — и это переносится на низший состав»[2]. Все это означало, что высший комсостав Западного фронта ведет себя «не по-коммунистически» и морально-политически разлагает подчиненных.

Судя по последующим распоряжениям и решениям высших партийно-политических органов и высшего военного руководства в лице Л. Троцкого, фактически было принято решение о замене М. Тухачевского на посту командующего Западным фронтом И. Уборевичем, ибо уже 1 ноября 1923 г. Л. Троцкий предложил Политбюро ЦК обсудить предложенную им «схему командующих фронтами, начальников штабов и командармов»[3]. 12 ноября 1923 г., после обсуждения на Оргбюро ЦК и утверждения на Политбюро ЦК приказом РВС СССР помощником командующего Западным фронтом был назначен И. Уборевич. В это время, вплоть до 15—17 декабря 1923 г., М. Тухачевский находился вне Смоленска[4], он был направлен в Германию в качестве «офицера связи между Красной Армией и «черным рейхсвером». Таким образом, И. Уборевич фактически превратился в командующего Западным фронтом.

29 ноября 1923 г. Л. Троцкий вновь поставил на обсуждение Политбюро ЦК вопрос о составе РВС Западного фронта, а 6 декабря по предложению В. Молотова было принято решение об удалении В. Касаткина из состава РВС фронта и назначении но-

---

[1] Цит. по кн.: *Парнов Е.* Заговор против маршалов... Кн. 2. С. 18.

[2] Там же.

[3] Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. С. 250.

[4] Подробнее об этом см.: *Минаков С.Т.* Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000. С. 350.

вым членом РВС, начальником Политуправления и помощником командующего Западным фронтом В. Володина[1].

...Но во второй половине декабря 1923 г. М. Тухачевский поссорился с полпредом Н. Крестинским и самовольно покинул Берлин.[2] Поскольку в тогдашнем «политическом пасьянсе» Н. Крестинский поддерживал Л. Троцкого, М. Тухачевский оказывался в ряду противников Председателя РВС СССР. Неожиданно и самовольно возвратившийся в Смоленск М. Тухачевский фактически вновь вступил в командование фронтом. Вместе с комсоставом новых соединений (развернутых в составе фронта) и учетом кадровых перемещений, проведенных в ноябре—декабре 1923 г., к началу января 1924 г. 16 высших командиров обновили состав «фронтового генералитета» (на 41%). В целом же с августа по декабрь 1923 г. были введены в их состав или перемещены внутри него 24 «генерала» (61,5%). В их числе к январю 1924 г. были лишь 16 «генералов» (41%), на чью несомненную поддержку мог рассчитывать М. Тухачевский (А. Виноградов, А. Кук, И. Глудин, В. Садлуцкий, В. Дьяков, А. Павлов, Э. Вилумсон, П. Дыбенко, К. Ляпунов, И. Блажевич, В. Климовских, К. Нейман, А. Колесинский, Б. Майстрах, А. Киреев, Г. Гай). Из этих «генералов» три командира стрелковых корпусов и три командира дивизии. Таким образом, несмотря на то что «генералы», готовые оказать поддержку М. Тухачевскому, составляли меньше половины всего высшего комсостава фронта, они занимали ключевые войсковые должности, командовали самыми боеспособными соединениями. Особое место среди них, несомненно, в военно-политическом отношении занимала 7-я кавалерийская дивизия Г. Гая. Во-первых, ею командовал старый соратник и близкий друг М. Тухачевского. Во-вторых, все ее полки были сконцентрированы в одном месте — в районе Минска. Сама по себе «перетасовка» высшего комсостава фронта по сути дела парализовала возможности М. Тухачевского как командующего манипулировать находившимися в его распоряжении войсками по «собственному усмотрению», если бы он вдруг проявил самостоятельную политическую активность и амбициозность.

---

[1] Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. С. 258, 259.

[2] *Alexandrov V.* Op. cit. P. 147—148.

Ряд весьма существенных с военно-политической точки зрения перемещений был осуществлен как раз в отсутствие М. Тухачевского — 13—14 декабря 1923 г. Они касались руководства войсковых соединений, на которые мог в первую очередь и главным образом опираться М. Тухачевский. Это 5-я и 27-я стрелковые дивизии 4-го стрелкового корпуса. В частности, после удаления из 27-й дивизии «на учебу» ее командира и ветерана Г. Хаханьяна (в то время находившегося в особенно близких дружеских отношениях с М. Тухачевским), а затем и ее временного командира П. Шарангoвича, тоже ветерана дивизии, ее временным командиром был назначен человек «новый» и для дивизии, и для фронта — Б. Майстрах.

Другой близкий приятель М. Тухачевского, тоже ветеран дивизии и ее давнишний начальник штаба А. Колесинский был перемещен на должность начальника штаба 5-й стрелковой дивизии[1]. Начальник оперативной части штаба 27-й стрелковой дивизии А. Иванов также был удален из дивизии, а весной 1924 г. вообще уволен из РККА[2]. На его место «временно» был назначен «чужак» — А. Киреев, переведенный с должности командира 11-го стрелкового полка из 4-й стрелковой дивизии[3]. Таким образом, фактически была осуществлена полная замена руководства 27-й стрелковой дивизии, одного из самых «надежных» соединений М. Тухачевского, его «гвардии».

Не менее интересно с процедурной точки зрения и назначение на должность «временно исполняющего должность начальника штаба 16-го стрелкового корпуса» В. Климовских[4]. Он был удален из 5-й стрелковой дивизии, где с 1921 г. занимал должность начальника дивизионного штаба. В свою очередь, от руководства штаба 16-го стрелкового корпуса был отстранен в связи с отъездом «на учебу в Москву» П. Шарангович. Начальником штаба 5-й стрелковой дивизии, как было отмечено выше, назначался ветеран 27-й дивизии А. Колесинский. В результате этих перемещений, проведенных в отсутствие М. Тухачевского, указанные со-

---

[1] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192. Л. 53.

[2] Там же. Л. 48.

[3] Там же. Л. 52.

[4] Там же. Л. 49, 121.

единения, а в сущности, 4-й стрелковый корпус А. Павлова, являвшиеся наиболее преданными М. Тухачевскому войсками фронта, были фактически парализованы как военно-политическая сила. Следует, однако, отметить, что вышеуказанные лица, перемещенные на новые штабные должности, фактически вступили в новые должности лишь 4 января 1924 г. Этот факт можно рассматривать как результат «задержки» исполнения приказа самим М. Тухачевским, вернувшимся в руководство фронтом. В целом же, если до 13—14 декабря 1923 г. в случае военно-политических осложнений М. Тухачевский мог рассчитывать на безусловную преданность 4-го стрелкового корпуса (5-я и 27-я стрелковые дивизии), 16-го стрелкового корпуса и 7-й кавалерийской дивизии Г. Гая, контролируя таким образом положение в Минске, Витебске, Полоцке, Бобруйске, Орше, Брянске, Смоленске, то теперь в его распоряжении оставалась лишь 7-я кавалерийская дивизия, дислоцированная в Минске.

Что касается отношений между М. Тухачевским и И. Уборевичем (его помощником), то 21 декабря, когда М. Тухачевский, находясь в Москве, делал доклад «О новой артиллерии» в ВНО при Военной академии РККА в присутствии многих высших командиров РККА и преподавателей Военной академии, И. Уборевич весьма жестко ему оппонировал[1]. Разногласия, возникшие между ними по вопросу о месте, роли, типе артиллерии в Красной Армии, носили принципиальный характер. Однако их разделяли не только вопросы применения артиллерии, но и разность подходов к опыту Гражданской войны и различия взглядов по оператив-

[1] В их числе находились С. Меженинов и И. Уборевич. Оба выступили с резкой критикой взглядов М. Тухачевского. Это обстоятельство само по себе уже создавало предпосылки для усложнения отношений между М. Тухачевским и И. Уборевичем в случае их будущей совместной работы в командовании фронтом. В информационной заметке, помещенной в связи с этим событием в «Военном вестнике», сообщалось следующее: «...Спорных вопросов было много, и в прениях все наши артиллерийские авторитеты (тт. Шейдеман, Смысловский и др.) и ряд артиллеристов (тт. Меженинов, Уборевич) обрушились на докладчика «целой фалангой», как в заключительном слове выразился т. Тухачевский... Положение т. Тухачевского о принятии для дивизионной артиллерии гаубицы встретило полную поддержку выступавшего в прениях профессора Свечина, который указал на настоятельную необходимость создания хорошей гаубицы и сильных групп гаубичной артиллерии...» (Военный вестник. 1924. Январь, № 2. С. 67—68.)

но-стратегическим проблемам. В это время И. Уборевич был сторонником оперативно-стратегических представлений Н. Петина, тогда как М. Тухачевский являлся их беспощадным критиком. Даже без учета особенностей их личных взаимоотношений в той военно-политической ситуации такое положение вещей было несовместимым с сохранением их в «одной команде».

И. Уборевич считался «креатурой» И. Сталина. И это было так, хотя И. Сталин, «вполне ему доверявший», называл И. Уборевича «плохим коммунистом». В качестве командующего 5-й Отдельной армией на Дальнем Востоке в силу своего характера и должностного положения в критической ситуации он вполне мог проявить «самостийность». В связи с этими опасениями и «волной недоверия и подозрительности» в отношении старых генштабистов у И. Уборевича «отобрали» его начальника штаба подполковника Генштаба К. Артемьева. Его заменили опытным капитаном Генштаба А. Перемытовым. Однако было известно, что А. Перемытов, долгое время являвшийся начальником штаба Северо-Кавказского военного округа у К. Ворошилова, был «его» человеком, а не «человеком Уборевича». Этими действиями было разрушено и парализовано управленческое ядро командования 5-й Отдельной армии. Удаление с Дальнего Востока самого И. Уборевича позволяло полностью устранить возможное военно-политическое влияние на происходившие события политической борьбы со стороны одного из самостоятельных, честолюбивых и авторитетных «генералов». Направление же И. Уборевича на Западный фронт позволяло, таким образом, «убить двух зайцев»: нейтрализовать и М. Тухачевского, и И. Уборевича. Человек честолюбивый и строптивый, вряд ли он мог удовлетвориться перемещением с должности командующего 5-й Отдельной армией (то есть командующего фронтом) на должность помощника командующего фронтом. Это было «понижение». Ему нужно было дать понять, что данное назначение является фактической передачей ему функций командующего фронтом с последующим официальным утверждением в этой должности. Иными словами, назначение И. Уборевича являлось «подталкиванием» М. Тухачевского к отставке и началом «изъятия» у него командования Западным фронтом. Командное ядро Западного фронта к этому времени фактически уже было разрушено. В феврале 1923 г. был отставлен Н. Варфоломеев, в

июле с фронта убрали начальника штаба С. Меженинова. Теперь присылали нового помощника командующего. Фактически старой, «сыгранной команды», всецело подчиненного М. Тухачевскому командного аппарата на Западном фронте уже не было. Вхождение в должность И. Уборевича должно было окончательно политически парализовать М. Тухачевского. В те годы И. Уборевич, как отмечалось выше, принадлежал к «генералам», группировавшимся вокруг своего бывшего командующего Юго-Западным фронтом А. Егорова. Уже это обстоятельство не могло не настораживать М. Тухачевского. И. Уборевич в силу своего положения в военной элите, своего происхождения, партийности и честолюбия являлся очевидным соперником М. Тухачевского.

13 декабря 1923 г. в качестве еще одного помощника командующего на Западный фронт был направлен А. Корк. Появление еще одного, третьего по счету, «помощника командующего Западным фронтом» было явным «перебором», никаким штатным расписанием не предусмотренным. Такое большое число помощников у М. Тухачевского не было мотивировано оперативно-стратегической обстановкой: военные действия с Польшей и другими соседями уже не ожидались, «германский Октябрь» не состоялся. Следовательно, все эти перемещения носили политический характер. Они предусматривали не только ограничение властных возможностей М. Тухачевского на случай проявления им политической нелояльности, какого-либо сопротивления Москве с опорой на войсковые части фронта, но и И. Уборевича.

И. Сталин не любил А. Корка и не очень ему доверял, считая его «бонапартистом». М. Тухачевский не оставил прямых суждений об А. Корке, однако известно, что, например, в августе 1920 г. А. Корк, как и ряд других командующих армиями, не разделял намерений командующего фронтом продолжать безостановочное наступление на Варшаву. В последующих дискуссиях по частным вопросам «польской кампании» в начале 20-х годов. М. Тухачевский в споре между В. Путной и А. Корком поддержал первого. А. Корк скептически относился к «революции извне», к «революционной геополитике» и «стратегии гражданской войны» М. Тухачевского. Однако А. Корк был не только земляком и «соплеменником», и, в силу этого, другом и боевым соратником А. Кука, начальника штаба Западного фронта. Выше отмечалось, что А. Кук

был назначен на эту должность с учетом и пожеланий М. Тухачевского. М. Тухачевский же позднее давал А. Куку и рекомендацию в партию. Эти обстоятельства косвенным образом указывают на то, что, во всяком случае, в личном плане М. Тухачевский предпочел бы иметь рядом с собой в качестве помощника командующего А. Корка, а не И. Уборевича.

А. Корк — беспартийный генштабист — в качестве соперника М. Тухачевского и претендента на его должность вряд ли мог восприниматься. И у него самого, занимавшего до этого времени должности не выше помощника командующего УВО, у беспартийного «золотопогонника», вряд ли имелись расчеты на должность командующего фронтом. Разве что на должность помощника командующего. И все-таки следует помнить, что А. Корк был боевым соратником «красного Бонапарта» и одним из лучших его командармов в 1920 г. Во всяком случае, А. Корк входил в круг «генералов», близких к С. Каменеву и М. Тухачевскому. Учитывая все сказанное выше об А. Корке, можно считать, что последний не являлся «креатурой» И. Сталина и был фигурой, присутствие которой для И. Уборевича (в случае принятия им командования фронтом) в качестве его помощника на Западном фронте было нежелательным. Отношения между И. Уборевичем и А. Корком вряд ли можно было бы назвать приятельскими. Скорее они были сдержанно-недоброжелательными. Его назначение должно было создавать досадные неудобства для И. Уборевича, ограничивая его властные амбиции даже в большей мере, чем у М. Тухачевского. Там, где в силу своего характера, воспитания и профессионального образования А. Корк безусловно выполнил бы приказ командующего, И. Уборевич мог воспротивиться. В этом смысле А. Корк был удобен и для московских властей.

Следует также обратить внимание и на обстоятельства назначения А. Корка помощником командующего фронтом. В приказе по штабу Западного фронта за № 224 от 31 декабря 1923 г. было записано: «Прибывший из Главного управления РК Красного Воздушного Флота СССР Корк Август Иванович назначен помощником командующего фронтом с 15 сего декабря. Основание: приказ по войскам Западного фронта № 1016 от 30 декабря 1923 г.»[1].

---

[1] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 177. РГВА. Послужной список А.И. Корка № 127872.

Если следовать тексту приказа, то выходит, что А. Корк был просто направлен указанным управлением по ВВФ в распоряжение командующего фронтом без конкретного назначения. Основанием для назначения А. Корка помощником командующего фронтом являлся приказ М. Тухачевского, а не РВС СССР. Следуя тексту штабного приказа Западного фронта, А. Корк прибыл в Смоленск еще 15 декабря, а утвержден в качестве помощника командующего фронтом только 30 декабря[1].

Учитывая, что, кроме И. Уборевича и А. Корка, у М. Тухачевского оставались в качестве помощников еще два человека — В. Чернавин и В. Володин (по политической части), при этом И. Уборевич рассматривался московской властью и им самим как замена М. Тухачевскому, на Западном фронте фактически сложилась весьма неустойчивая и неопределенная ситуация в вопросе: кто же все-таки является реальным командующим фронтом? Формально таковым оставался М. Тухачевский, однако его властные возможности оказались резко ограничены перетасовкой среднего и высшего комсостава фронта и наличием двух новых помощников командующего, которые пользовались гораздо большим доверием и поддержкой центральной политической власти, чем сам командующий. В этой ситуации в конце декабря 1923 — январе 1924 г. и разворачиваются события и ныне далеко не во всем ясные.

М. Тухачевский, оказавшись самостоятельной политической силой, сохранял лидирующее положение в военной элите. Противоборствующие политические группировки стремились перетянуть М. Тухачевского и «генералитет» на свою сторону в обострившейся внутрипартийной борьбе. Смутные сведения об этом просматриваются в воспоминаниях Ф. Раскольникова и некоторых иных свидетелей политической обстановки в Москве на рубеже 1923 и 1924 гг.

---

[1] В послужном списке А. Корка указано, что он был назначен на эту должность 13 декабря 1923 г. Однако следует иметь в виду, что послужные списки часто составлялись или переписывались позже проведенных перемещений по службе. Датой, с которой начиналось отправление новой должности, оказывалась та, которая указывала на прекращение исполнения им прежней должности. Так обеспечивалась более «гладкая анкета». Поэтому, будучи в определенной мере конъюнктурными, послужные списки не всегда отражали реальные процессы служебной карьеры. РГВА. Послужной список А.И. Корка № 127872.

Вспоминая о политической обстановке в Москве в начале 1924 г., Г. Беседовский писал: «Москва переживала критические минуты. В течение двух недель мы все ждали переворота. Троцкий мог, как Пилсудский, буквально в несколько минут овладеть властью. Письмо Антонова-Овсеенко в Политбюро с предупреждением, что «если тронут Троцкого, то вся Красная Армия встанет на защиту советского Карно», напрягло нервы сталинцев до крайности. С минуты на минуту могла совершиться катастрофа. Но Троцкий смалодушествовал. Сталин тем временем вызвал из Харькова Фрунзе, быстро все переделавшего, заменившего командный состав своими людьми с Украины. Через короткое время опасность переворота была устранена, а струсивший Троцкий безнадежно скомпрометирован»[1]. В сущности, о том же, но с весьма примечательными деталями вспоминал Ф. Раскольников со слов К. Радека[2]. Слегка реконструированный диалог был приблизительно следующим:

«СТАЛИН: «...Ты, конечно, помнишь письмо Владимира Александровича Антонова-Овсеенко, угрожавшего нам сопротивлением армии, чтобы протестовать против того, что он назвал «гнусным отозванием советского Карно»?

РАДЕК: «Но ведь эта борьба велась против Зиновьева, а не против тебя».

СТАЛИН: «Нет, все-таки речь шла о том, что следовало бы арестовать все Политбюро, чтобы созвать Чрезвычайный съезд и чтобы на мое место выбрать нового Генерального секретаря, Троцкого, не так ли?»

РАДЕК: «Сколько было слухов».

СТАЛИН: «Ты хочешь, чтобы я освежил тебе память? Согласно некоторым планам, молодой командарм Михаил Тухачевский без назначения должен был получить полномочия осуществить переворот по согласованию с Троцким».

РАДЕК: «Сколько было слухов. Что ты ворошишь прошлое?»

---

[1] *Беседовский Г.* На путях к Термидору. С. 300—301.

[2] Последний рассказал Ф. Раскольникову о беседе с И. Сталиным в 1936 г. Этот диалог был приведен В. Александровым в книге «Дело Тухачевского» по устному свидетельству Ф. Раскольникова. *Alexandrov V.* L...affaire Toukhatchevsky. Paris, 1962. P. 43—44.

СТАЛИН: «В 1924 году ты был секретарем подпольной группы Московского округа? На тебя возложил Троцкий решение задачи наладить связь с Тухачевским и его (сторонниками)»[1]. В числе «сторонников» М. Тухачевского Ф. Раскольников (со слов К. Радека) назвал А. Корка и В. Путну[2].

Анализируя приведенную выше информацию, следует отметить, что 27 декабря 1923 г. В. Антонов-Овсеенко действительно написал в Политбюро ЦК письмо, в котором в скрытой форме была услышана угроза со стороны Красной Армии «призвать к порядку зарвавшихся вождей»[3]. В письме звучали слова в защиту Л. Троцкого[4]. Несомненно, что направление В. Антоновым-Овсеенко в адрес Политбюро ЦК письма, столь жесткого, решительного и угрожающего вмешательством армии в политическую борьбу, опиралось на уже известную ему позицию «генералитета». Имелась информация о неофициальных совещаниях «генералов» в конце 1923 — начале 1924 г., на которых звучали, возможно, предложения арестовать все Политбюро[5]. В то же время в письме

---

[1] Ibid. P. 44

[2] Ibid. P. 92.

[3] В.А. Антонов-Овсеенко — в Президиум ЦКК и Политбюро ЦК РКП(б), 27 декабря 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 208.

[4] Там же. С. 207. Известно также, что в связи с этим письмом и так называемым «циркуляром ПУРа № 200» о созыве конференции партячеек военных учебных заведений В. Антонова-Овсеенко вызвали 12 января 1924 г. на заседание Оргбюро. Здесь было вынесено решение о смещении его с должности начальника ПУР. Примечательно, что специальная комиссия ЦКК, обследуя ПУР, ничего криминального в действиях В. Антонова-Овсеенко не нашла. Последний, не соглашаясь с решением Оргбюро, апеллировал к Пленуму ЦК, открывшемуся 15 января 1924 г. На Пленуме В. Антонов-Овсеенко прямо обвинил И. Сталина в стремлении без всяких на то оснований расправиться с ним, Антоновым-Овсеенко, как с человеком, занявшим независимую, внефракционную позицию. Несмотря на выступление К. Радека, заступившегося за начальника ПУР, решение Оргбюро ЦК постановлением Пленума было оставлено в силе. Официально это партийное решение датируется 17 января 1924 г. Фактическое же отстранение В. Антонова-Овсеенко от должности произошло 23 января — 5 февраля 1924 г. 23 января его место в кабинете начальника ПУР занял А. Бубнов, а 5 февраля В. Антонова-Овсеенко вывели из состава РВС СССР. О месте, роли и причастности к указанным событиям М. Тухачевского можно судить лишь по косвенным данным (не считая вышеприведенной мемуарной информации).

[5] *Alexandrov V.* Op. cit. P. 43—44.

В. Антонова-Овсеенко 27 декабря 1923 г. проскользнула фраза: «Среди военных коммунистов уже ходят разговоры о том, что нужно поддержать всем, как один. Т. Троцкого»[1].

К. Ворошилов в своем выступлении на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 г., вспоминая обстановку 1923—1924 гг., дал некоторую расшифровку словам В. Антонова-Овсеенко. «К 1923—1924 гг., — говорил К. Ворошилов, — троцкисты имели, как вы помните, ...за собой почти всю Москву и Военную академию целиком, за исключением единиц, которая была за троцкистов. И здешняя школа ЦИК, и отдельные школы — пехотная, артиллерийская и другие части гарнизона Москвы — все были за Троцкого»[2]. Я. Гамарник добавил: «И штаб Московского округа, где сидел Муралов, был за Троцкого»[3]. Позицию Л. Троцкого поддержали партячейки Главного управления РК Красного Военно-Воздушного флота СССР, Штаба РККА, Главного управления Военных учебных заведений РККА, частей ЧОН. Персонально это были начальники указанных войсковых объединений и управлений: Н. Муралов, А. Розенгольц, Д. Петровский, В. Путна. Разумеется, за ними следовали беспартийные военные специалисты соответствующих структур. Примечательно, что имя М. Тухачевского в связи с этими событиями не упоминалось. Кроме того, ни в показаниях М. Тухачевского от 1 июня 1937 г., ни на самом «генеральском» процессе нет ни одного упоминания о связях М. Тухачевского с Л. Троцким в контексте событий 1923—1924 гг. Будто бы (а это так и было) по чьему-то настоянию «дело Тухачевского» начиналось с конца 1925 г. События же политической борьбы 1923—1924 гг. из него были вообще «изъяты». Если М. Тухачевский как-то был связан с Л. Троцким в это время, а И. Сталин об этом знал, то почему же он не использовал их для подкрепления обвинения маршала в «троцкизме»? Похоже, что оснований для этого ни у И. Сталина, ни у следствия не было.

М. Тухачевский, по собственному признанию, принимал участие в обсуждении ситуации вместе с К. Радеком, Г. Пятаковым,

---

[1] Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 207.

[2] Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 5.

[3] Там же.

В. Антоновым-Овсеенко, однако он вел «свою игру». В пересказе одного из «мемуаристов», в разговоре с М. Тухачевским, относящемся уже к 1937 г., Б. Фельдман вспомнил о переговорах маршала с Г. Пятаковым и К. Радеком в декабре 1923 г. М. Тухачевский так отреагировал на это: «Переговоры! Это громко сказано. Мы обсуждали ситуацию, вот и все. Кроме того, я выражал не свое собственное мнение. Я был полностью прикрыт Антоновым-Овсеенко. В конце концов, он представлял Центральный Комитет партии. В конце концов, он был начальником ПУРа»[1].

Если следовать тексту «разъяснений» М. Тухачевского, то имело место совещание, в котором принимали участие Г. Пятаков, К. Радек, начальник ПУ РККА В. Антонов-Овсеенко и командующий Западным фронтом М. Тухачевский. Начальник ПУ РККА предложил Г. Пятакову и К. Радеку обсудить с Л. Троцким вопрос об осуществлении «кремлевского переворота» под руководством М. Тухачевского как один из вариантов выхода из сложившейся политической ситуации. Особая «антизиновьевская направленность» («Ведь эта борьба была направлена не против тебя, а против Зиновьева», — напоминал К. Радек в разговоре с И. Сталиным) вопросов, обсуждавшихся на этом совещании, вероятно, была обусловлена в определенной мере «казусом Дворжеца». Дело в том, что одной из причин появления упоминавшегося выше письма В. Антонова-Овсеенко от 27 декабря 1923 г. был конфликт, возникший между начальником ПУРа и Г. Зиновьевым во время дискуссии в военной Школе ВЦИК 21 декабря 1923 г. Как известно, там с весьма резкой критикой против Г. Зиновьева выступил один из близких сотрудников В. Антонова-Овсеенко, некий Дворжец. Ему жестко, с угрозами оппонировал сам Г. Зиновьев, сравнивший позицию, занятую Дворжецом, с политическими взглядами «прапорщика выпуска Керенского». Эту метафору можно было расшифровать лишь как «контрреволюционер». Сомнительно, чтобы столь смелое выступление против одного из «вождей» партии, сделанное «не по чину» малоизвестным сотрудником начальника ПУ РККА, было случайным импульсивным экспромтом. Думается, это была «боевая провокация», санкционированная В. Антоновым-Овсеенко, уверенного в своих си-

[1] *Alexandrov V.* Op. cit. P. 62.

лах, в армейской поддержке. Выше уже говорилось о заседании ВНО Военной академии РККА 21 декабря 1923 г., на котором делал доклад М. Тухачевский и в котором принимали участие весьма авторитетные военные деятели И. Уборевич, С. Меженинов, А. Свечин, Ю. Шейдеман и др. Было ли простым совпадением, что в тот же день В. Антонов-Овсеенко отправил в ЦК заявление по поводу дискуссионного собрания в Школе ВЦИК? Было ли совпадением, что в тот же день, 21 декабря 1923 г., без ведома ЦК, В. Антонов-Овсеенко разослал циркуляр о назначении на 1 февраля 1924 г. конференции ячеек РКП(б) военных академий, высших школ ГУВУЗА и Главвоздухфлота? Мне думается, что нет. Такого рода действия, направленные на подчинение политорганов соответствующим армейским парторганизациям, были им продолжены рассылкой 24 декабря 1923 г. циркуляра № 200. Наконец, «письмо от 27 декабря 1923 г.». Предпринимая указанные действия, В. Антонов-Овсеенко был, очевидно, уверен в поддержке собственных политических позиций со стороны армии.

Пребывание в Москве М. Тухачевского, И. Уборевича и других видных «генералов» в связи с заседанием ВНО было удобно и для переговоров В. Антонова-Овсеенко с М. Тухачевским, и для зондирования позиции И. Уборевича и других «генералов». В частности, одним из них мог быть командующий ОКА А. Егоров. Видимо, неспроста в белом зарубежье в 1923 г. муссировали слухи о «заговоре в Кавказской армии», возглавленном А. Егоровым и его начальником штаба С. Пугачевым, о чем ранее уже говорилось. Неспроста именно Ф. Дзержинский (ОГПУ) докладывал о нем на заседании Политбюро 24 января 1924 г.[1].

24 декабря 1923 г. Ф. Дзержинский выступил с сообщением о выступлении Дворжеца на заседании Политбюро ЦК. Было решено передать «дело Дворжеца» в ЦКК. Адъютант сообщил об этом и грозящем Дворжецу аресте В. Антонову-Овсеенко, поскольку «дело» оказалось в руках ОГПУ[2]. В ответ на это, по свидетельству мемуаристов, В. Антонов-Овсеенко написал и направил указанное выше письмо от 27 декабря 1923 г. в адрес ЦК РКП(б) с угрозой

---

[1] Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. С. 266.

[2] *Ракитин А.В.* В.А. Антонов-Овсеенко. Л., 1989. С. 292. Вскоре Дворжец был арестован и осужден на 5 лет ссылки.

обратиться за поддержкой к «крестьянским массам, одетым в красноармейские шинели, и призвать к порядку зарвавшихся вождей». И хотя в своем письме В. Антонов-Овсеенко неоднократно и открыто защищает Л. Троцкого, все-таки сущность его позиции заключалась в следующих выражениях: «**Существо разногласий** внутри ЦК совершенно **не ясно** ни для партийных, ни для внепартийных масс, взвесить серьезность этих разногласий и свободно **их разрешить партия не в состоянии**». Итак, по мнению В. Антонова-Овсеенко, «партия не в состоянии» ни «взвесить», ни «разрешить» возникшие серьезные политические проблемы. Кто же в состоянии? — «Красноармейские шинели», армия. Вот существо политической позиции В. Антонова-Овсеенко. Он заявляет, что «выражает возмущение тех, кто всей своей жизнью доказал свою преданность интересам партии в целом, интересам коммунистической революции». Иными словами, речь шла об интересах самостоятельной политической силы, заявившей о себе в этой политической борьбе, — интересах армии, а не отдельных «партийных вождей». В общем-то, что ни говори, это можно было расшифровать не иначе, как угрозу «военного переворота». Если это так, а скорее всего, это так и было, то совещание В. Антонова-Овсеенко, М. Тухачевского, Г. Пятакова и К. Радека должно было иметь место 25 или 26 декабря 1923 г., после обсуждения «дела Дворжеца» на заседании Политбюро ЦК 24 декабря и передачи его рассмотрения в ЦКК. Решение Политбюро по Дворжецу и репрессии в его отношении «с подачи» ОГПУ (докладчик Ф. Дзержинский) означали нанесение удара по самому В. Антонову-Овсеенко. Это обстоятельство и стало поводом для серьезной обеспокоенности начальника ПУ РККА, побудившей его «искать защиты» у М. Тухачевского и его «больших батальонов». Но дело было не только в «больших батальонах», но и в авторитете и значимости самого имени М. Тухачевского для советской военной элиты и всей Красной Армии.

Оставаясь в Москве, М. Тухачевский 28 декабря отправил в Смоленск А. Виноградова (возвратившегося в столицу уже 30 декабря), возможно, с распоряжением утвердить А. Корка помощником командующего Западным фронтом (согласно штабным приказам фронта это было сделано 29—30 декабря) и передачей ему каких-то указаний. Недаром в информации К. Радека —

Ф. Раскольникова в числе вовлеченных в «заговор Антонова-Овсеенко — Тухачевского» фигурирует и А. Корк. 3 января 1924 г. М. Тухачевский в сопровождении А. Виноградова и М. Михайлова-Морозова возвратился в Смоленск и в тот же день по его поручению М. Михайлов-Морозов выехал в Петроград с мотивировкой, вызывающей сомнения в ее соответствии истинным целям поездки: «в отдел библиотеки Штаба РККА для выполнения поручений командзапа»[1]. Ездил ли он в Петроград по поручению М. Тухачевского для согласования позиций с командующим Петроградским военным округом В. Гиттисом? Напомню, что устойчивые слухи об организации «антисоветского заговора» в 1924 г. как за рубежом, так и в СССР касались лишь четырех «революционных генералов» — М. Тухачевского, В. Гиттиса, А. Егорова и С. Пугачева. М. Михайлов-Морозов вернулся лишь 11 января, а спустя два дня, 14 января 1924 г., вновь отправляется в Москву «для выполнения поручений командзапа с 14 по 24 сего января. К этому времени, 10 января 1924 г. М. Тухачевский выезжает в Москву вместе с А. Виноградовым. Туда же 10 января «в кратковременный отпуск» (до 15 января) выехал и секретарь М. Тухачевского Н. Смиренский[2]. Иными словами, М. Тухачевский забрал с собой в Москву все свое самое «близкое окружение», самых доверенных лиц.

Примечательно, что в этот же день в «Красной Звезде» появилась статья В. Антонова-Овсеенко с весьма красноречивым и в известной мере вызывающим заголовком: «На прежних позициях». Надо полагать, на позициях, определенных в письме от 27 декабря 1923 г. Однако уже 12 января В. Антонова-Овсеенко вызвали на заседание Оргбюро ЦК. Его обвинили во фракционной деятельности, которая выражалась якобы в попытках без ведома ЦК созвать конференцию партячеек военных учебных заведений и в рассылке циркуляра № 200 без согласования с ЦК. Обвинений в «заговоре» не звучало, хотя было начато следствие в ПУРе. Таким образом, можно сказать, что уже 12 января высшее партийное руководство во главе с И. Сталиным считало свою политическую позицию достаточно сильной, чтобы начать процедуру отстранения

[1] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 174. Л. 7.

[2] Там же. Л. 4.

В. Антонова-Овсеенко от должности. Можно считать, что 12 января 1924 г. В. Антонов-Овсеенко уже проиграл «бой».

Г. Беседовский, чья информация вполне проверяема и оказывается, как правило, достоверной, писал, процитирую еще раз: «В течение двух недель мы все ждали переворота... Письмо Антонова-Овсеенко в Политбюро... напрягло нервы сталинцев до крайности». Если наблюдать события в последовательности, предлагаемой Г. Беседовским, то период времени «в течение двух недель» можно датировать 28 декабря 1923 г. — 12 января 1924 г. Это вполне согласуется с хронологией вышеизложенных событий: от появления «письма» до заседания Оргбюро ЦК.

Г. Беседовский в связи с указанными обстоятельствами писал, что «Троцкий мог, как Пилсудский, буквально в несколько минут овладеть властью... Но Троцкий смалодушествовал». Косвенным образом на скрытую, но заглавную роль Л. Троцкого указывал и Ф. Раскольников. Во всяком случае, вся имеющаяся, весьма скудная по этому вопросу информация позволяет лишь предположительно реконструировать возможную модель «переворота».

Опираясь на поддержку военных учебных заведений, расположенных в Москве, в том числе и на Школу ВЦИК, находившуюся в Кремле; на преданность командующего Московским военным округом Н. Муралова и подчиненных ему войск; на Части особого назначения (ЧОН), наконец, на выступавший в его поддержку кремлевский гарнизон; действуя через Г. Пятакова и К. Радека на В. Антонова-Овсеенко; Л. Троцкий мог отдать приказ об аресте Политбюро ЦК, то есть о «дворцовом перевороте», рассчитывая на М. Тухачевского, имевшего за собой войска Западного фронта. Но, судя по всему, М. Тухачевский отказался поддержать Л. Троцкого и взять на себя роль его «шпаги», реализующей «дворцовый переворот». В контексте приведенных выше рассуждений следует вспомнить, что «заговор группы Тухачевского», судя по информации генерала А. фон Лампе, да и А. Гучкова, мотивировался «антисемитскими» и персонально «антитроцкистскими» настроениями. Эти настроения, несомненно, усугублялись действиями Л. Троцкого в сентябре—ноябре 1923 г., направленными против М. Тухачевского. Иными словами, М. Тухачевский готовил «антитроцкистский переворот», а ему предлагали возглавить «переворот протроцкистский». М. Тухачевский в это время

считался одной из решающих «антитроцкистских» сил. «Я всегда во всех случаях выступал против Троцкого, когда бывала дискуссия... — заявлял он на судебном процессе 11 июня 1937 г. — Что касается моего выступления против Троцкого в 1923 году, то мною лично был написан доклад по этому поводу и послан в ЦК»[1]. Этот факт подтвердил Г. Орджоникидзе на Пленуме ЦК РКП(б) 31 января — 3 февраля 1924 г. «Тухачевский никогда не был троцкистом», — свидетельствовал, в свою очередь, сам Л. Троцкий[2]. Включение в следственные материалы 1937 г. обстоятельств внутриполитической борьбы 1923—1924 гг. и роли в них М. Тухачевского могло полностью разрушить схему следствия и сценарий «генеральского процесса». Таким образом, нет оснований рассуждать о «протроцкистских» настроениях или действиях М. Тухачевского в 1923—1924 гг. В распоряжении И. Сталина такой информации не было. Планы использования М. Тухачевского в качестве орудия переворота, очевидно, могли иметь место в разговорах или на совещаниях сторонников Л. Троцкого. Но исходили не от М. Тухачевского.

В качестве одной, если не главной, причины «политической пассивности» обычно энергичного Председателя РВСР, его «малодушия» называют болезнь. Действительно, в это время Л. Троцкий очень тяжело болел, и болезнь могла бы служить вполне «извиняющим» и объясняющим комментарием к его поведению. Серьезно простудившись на охоте еще в октябре 1923 г., в течение ноября Л. Троцкий порой еще находил возможность принимать участие в заседаниях Политбюро, после которых с высокой температурой оказывался на несколько дней прикованным к постели. Однако обострение болезни приводит к тому, что на Политбюро 14 декабря 1923 г. было принято решение предоставить Л. Троцкому отпуск для лечения[3]. Ухудшение состояния здоровья «вождя Красной Армии» закончилось 31 декабря проведением нового врачебного консилиума, который пришел к выводу о тяжелом состоянии больного. Было принято решение, рекомендованное Полит-

[1] Военные архивы России. Вып. 1. С. 61.

[2] *Троцкий Л.* Обезглавление Красной Армии // Бюллетень оппозиции. Париж, 1937. № 56—57. С. 4.

[3] Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. С. 260.

бюро: «вождь Красной Армии нуждается в отпуске продолжительностью не менее двух месяцев с полным освобождением от всяких обязанностей для специального климатического лечения»[1]. Л. Троцкий был отправлен в санаторий в 30 км от Москвы. 5 января 1924 г., по информации Н. Семашко, на заседании Политбюро ЦК было принято решение о предоставлении Л. Троцкому отпуска с выездом на лечение в Сухуми[2], куда он отправился 16 или 17 января. Болезнь, являясь, несомненно, важнейшей, если не главной, причиной «странного» политического поведения Л. Троцкого, оказывалась в то же время «внешним прикрытием», извиняющим его нерешительность. Последнее свойство в известной мере и ранее проявлялось в поведении Л. Троцкого.

Имеются и иные мотивировки его «малодушия», скорее всего, «апокрифического» происхождения. Рассказывали в то время, что в 1923 г. к Л. Троцкому пришел командующий Московским военным округом Н. Муралов и предложил свои услуги: «Владимир Ильич указывает, что Сталин набирает необъятную власть. Я — военный человек. Мне нужен приказ. Прикажите, и я наведу порядок в партии». На это Л. Троцкий якобы ответил: «Красная Армия состоит из крестьян. Нельзя крестьянскими руками исправлять ошибки пролетарской революции»[3]. Ответ, идеологически и стилистически характерный для Л. Троцкого и достаточно эффектный для демонстрации облика настоящего «большевика-революционера». Л. Троцкий вполне мог произнести эту фразу. Он, несомненно, любил «фразу», он был оратором и знал толк в риторике. Он был оратором и, следовательно, актером. В его высказывании отражаются и характерные для Л. Троцкого опасения за судьбу пролетарской революции перед мелкобуржуазной крестьянской стихией. Однако все это лежит в плоскости концептуально-политической, а не конкретно-политической. Ведь ситуация внутрипартийной борьбы провоцировала не крестьянское восстание, не бунт Красной Армии, а прежде всего «кремлевский переворот» с привлечением элитных частей и командиров.

---

[1] *Тополянский В.* Вожди в законе: Очерки физиологии власти. М., 1996. С. 233—234.

[2] Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. С. 263.

[3] *Лиходеев Л.* Поле брани. М., 1990. С. 129.

Представляется, что одна из причин, утверждавших Л. Троцкого в нерешительности и «малодушии», заставившая его отказаться от плана «кремлевского переворота» под руководством М. Тухачевского, — это «антитроцкистская», «националистическая» ориентация и политическая позиция так называемой «группы-организации Тухачевского». Л. Троцкий, видимо, знал и о письме М. Тухачевского в ЦК с критикой в его адрес. Кроме того, по своим личным качествам, будучи весьма осторожным человеком, М. Тухачевский прозондировал настроения других командующих и отказался поддержать Л. Троцкого.

Таким образом, одной из главных причин «падения» Л. Троцкого и его отказа от борьбы, от использования в ней такого мощного орудия, находившегося в его распоряжении, как Красная Армия, думается, была позиция, занятая военной элитой, командующими главными военными округами и прежде всего командующим Западным фронтом М. Тухачевским. Напомню, что еще в марте 1923 г. полковник П. Дилакторский говорил о широко распространенных ложных представлениях, касавшихся высокого авторитета и сильного влияния Л. Троцкого в Красной Армии и, наоборот, — «моде» на М. Тухачевского. В сочетании со сведениями об «антисемитских» и «антитроцкистских» настроениях «группы Тухачевского», возглавлявшего широкомасштабный «заговор в Красной Армии»; о причастности к «заговору» командующих Петроградским военным округом, Отдельной Кавказской армией В. Гиттиса, А. Егорова; о позиции И. Уборевича и общеизвестной неприязни между Л. Троцким и командующим Украинским военным округом М. Фрунзе, можно сделать вывод о действительно имевшем место «заговоре генералов». Позиция, занятая упомянутыми выше «революционными генералами», фактически лишила Л. Троцкого возможности использовать Красную Армию в качестве орудия политической борьбы. Так, можно сказать, М. Тухачевскому, по сути дела, удалось успешно реализовать политические цели своей «группы» и «заговора в Красной Армии» — свергнуть Л. Троцкого. Сам же «вождь Красной Армии» в сложившейся военно-политической ситуации, сумев оценить проигрышность своей позиции, предпочел воспользоваться собственным, действительно болезненным состоянием и «уйти с поля боя».

Вечером 21 января 1924 г. умирает В. Ленин. 23 января его тело перевозят в Москву и устанавливают в Колонном зале Дома Союзов для прощания. На 26 января были назначены главные траурные действия — похороны В. Ленина в Мавзолее. Неожиданный отъезд М. Тухачевского в Смоленск 24 января 1924 г., в военном отношении ничем не мотивированный, делал его отказ от участия в похоронах В. Ленина в политическом отношении грубонекорректным, а в этическом — оскорбительным. Для такого поведения М. Тухачевскому, конечно же, нужны были слишком веские основания. Мне представляется, что отъезд М. Тухачевского в Смоленск был обусловлен не страхом его перед «репрессиями» за «конспирации» с В. Антоновым-Овсеенко, а результатом политической «сделки» между ним и новым руководством страны. Напомню: М. Тухачевский по своей природе «оборотень» и «ландскнехт». В Смоленск он отправился для того, чтобы стабилизировать «батальонами» Западного фронта весьма зыбкую и неустойчивую ситуацию, порожденную смертью В. Ленина и поддержкой, которую оказал Л. Троцкому Московский гарнизон, и тем самым обеспечить политическую устойчивость новой власти. Косвенным образом на это указывает рассмотрение на заседании Политбюро ЦК 24 января 1924 г. вопроса о возвращении И. Уборевича с Западного фронта на Дальний Восток[1]. Это означало официальное подтверждение «новой властью» (И. Сталиным, Г. Зиновьевым и др.) «легитимности» М. Тухачевского в качестве командующего Западным фронтом. Вот почему, рассматривая очередное заявление по М. Тухачевскому в ЦКК 29 января 1924 г. по поводу невыплаты им налогов за «имение», секретарь ЦКК вынес резолюцию: «Установить факт не удалось, так как не выгодно поднимать шум»[2]. Возможно, договоренность с М. Тухачевским была достигнута сразу же после смерти В. Ленина. Этот факт мог сыграть свою роль в назначении 23 января 1924 г. нового начальника ПУ РККА А. Бубнова.

Возвращение И. Уборевича на должность командующего 5-й Отдельной армией также было обусловлено его письмом в адрес Г. Орджоникидзе с критикой «троцкистского» центрального воен-

---

[1] Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б)... Т. 1. С. 265.

[2] Цит. по кн.: *Парнов Е.* Заговор против маршалов. М., 1997. Кн. 2. С. 18.

ного аппарата. Окончательное решение о возвращении И. Уборевича на должность командующего 5-й Отдельной армией было принято Оргбюро ЦК 31 января и утверждено на заседании Политбюро ЦК 2 февраля 1924 г.[1]. Тогда же был решен вопрос и о назначении А. Седякина командующим Приволжским военным округом (введением его в состав военной элиты) после смещения С. Мрачковского, одного из самых ярых сторонников Троцкого (еще 14 января 1924 г.)[2].

Вероятно, сходную политическую технологию применили «новые вожди» и «перетягивая» на свою сторону командующего ОКА А. Егорова. На том же заседании Политбюро ЦК 24 января 1924 г. Ф. Дзержинский делал сообщение по А. Егорову. Сам факт, что докладчиком выступал председатель ОГПУ, говорит за себя: на командующего ОКА был «компромат» (слухи о «заговоре в Кавказской армии»). Вопрос был оставлен открытым до заседания Политбюро ЦК 4 февраля 1924 г. Видимо, считали необходимым проверить «лояльность» командарма на предстоящем Пленуме ЦК по военным вопросам, где планировалось принятие решений по «чистке» центрального военного аппарата от «троцкистов». Судя по его последующей военной карьере, А. Егорову за поддержку «нового руководства» пообещали должность командующего Украинским военным округом, которая должна была освободиться с переводом М. Фрунзе в центральное руководство.

В контексте указанных договоренностей с «вождями» армии в январе 1924 г. 14 «красных генералов», в числе которых и достаточно известные в войсках, популярные — С. Вострецов, Г. Гай, И. Грязнов, П. Дыбенко, Н. Каширин, Я. Лацис, К. Нейман, Я. Фабрициус, И. Федько, И. Якир, С. Урицкий, — направили в ЦК РКП(б) докладную записку: «Об итогах строительства Красной Армии к 6-й годовщине ее существования»[3]. Они требовали немедленно упразднить в Красной Армии институт военных комиссаров и ввести единоначалие. Они мотивировали свое требование тем, что в Красной Армии уже достаточно подготовленных командиров-коммунистов, надзор за политической лояльностью ко-

---

[1] Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б)... Т. 1. С. 267.

[2] Там же. С. 264.

[3] РГВА. Ф. 9. Оп. 7. Д. 94. Л. 70—82.

торых не нужен, излишен и вреден. «Генералы», таким образом, требовали «политической автономии». Они желали превратиться из послушного и «подозреваемого» «объекта» в «субъект» политической системы. Среди перечисленных мы встречаем: командира 5-го стрелкового корпуса П. Дыбенко; командира 2-й стрелковой дивизии 4-го стрелкового корпуса Я. Фабрициуса; бывшего командира 4-й стрелковой дивизии 5-го стрелкового корпуса Я. Лациса; командира 5-й стрелковой дивизии 4-го стрелкового корпуса К. Неймана; командира 7-й кавалерийской дивизии Г. Гая; ветерана 27-й стрелковой дивизии С. Вострецова. Это представители высшего комсостава Западного фронта. Это была весьма эффективная форма поддержки своего командующего. Таким образом, по существу на Западном фронте к январю 1924 г. солидарно выступили с требованиями к политическому руководству (в обмен на лояльность и поддержку) командующий Западным фронтом М. Тухачевский, командиры 4, 5, 16-го стрелковых корпусов А. Павлов, П. Дыбенко, И. Блажевич и наиболее авторитетные командиры дивизий фронта — Г. Гай, Я. Лацис, К. Нейман, Я. Фабрициус.

5

«Тихий переворот». Падение М. Тухачевского

Обеспечив себе поддержку наиболее авторитетных «вождей» Красной Армии, «новое руководство» сумело провести Пленум ЦК 31 января — 3 февраля 1924 г., посвященный отчету комиссии ЦК и ЦКК по обследованию армии и ее реформе, и добиться своей главной цели — вырвать руководство армией из рук Л. Троцкого. Председатель комиссии С. Гусев в своем отчете, заявляя о тяжелом положении армии, объяснял это «крайне неудовлетворительным состоянием общего руководства вооруженными силами страны». С. Гусев прямо заявлял, что «Реввоенсовета СССР как руководящего коллективного органа фактически не существует... Троцкий ничего не делает в Реввоенсовете. Руководство вооруженными силами фактически целиком находится в руках заместителя Председателя РВС Э.М. Склянского и нач. Штаба РККА П.П. Лебедева, которые не обеспечили квалифицированно-

го руководства Вооруженными Силами страны»[1]. Подкрепляя свое мнение, С. Гусев процитировал письмо, направленное в комиссию И. Уборевичем с резкой критикой центрального руководства Красной Армии. «От этого руководства, — писал И. Уборевич, — веет мертвящим духом старых царских спецов... Дух старой канцелярщины (сухомлиновщины) витает над приказами РВСР... нет системы, а нажим авторитетов (или просто рвачество)»[2]. Г. Орджоникидзе в своем выступлении, упоминая о письме И. Уборевича, заявил, что «Уборевич не одинок в оценке руководства центрального военного управления... В том же духе написано письмо тов. Тухачевского на имя секретаря ЦК, в том же духе говорил со мною тов. Егоров. А эти тт. нашу армию и ее нужды безусловно знают»[3].

Уже в ходе работы Пленума из состава РВС СССР были выведены начальник Штаба РККА П. Лебедев, военный комиссар Штаба РККА С. Данилов и ряд других лиц. Спустя три дня, 5 февраля 1924 г., из состава РВС СССР был выведен В. Антонов-Овсеенко. Решался вопрос о новом руководстве Вооруженных Сил.

Видимо, не вполне доверяя новому руководству, перед поездкой в Москву, 13 февраля М. Тухачевский выехал в Минск[4]. Там дислоцировалась 7-я кавалерийская дивизия его друга и старого соратника Г. Гая. М. Тухачевский решил заручиться поддержкой своих войск. Он пробыл в Минске 14—15 февраля, а 16 февраля выехал в Москву[5].

3 марта на уровне Политбюро ЦК было принято решение о назначении на должность заместителя Председателя РВС СССР и наркома по военным и морским делам М. Фрунзе. Думается, что расхожее мнение, прямо выраженное Г. Беседовским, о М. Фрунзе — ставленнике И. Сталина — несколько упрощенно толкует тогдашнюю военно-политическую ситуацию. Насколько известно, М. Фрунзе не являлся «сталинистом». В политических симпатиях

---

[1] *Берхин И.Б.* Военная реформа в СССР (1924—1925). М., 1958. С. 60.

[2] Там же. С. 62.

[3] Там же. С. 64.

[4] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 174. Л. 13.

[5] Там же. Л. 15.

он был достаточно свободен, а в 1923—1924 гг. скорее тяготел к Г. Зиновьеву, чем к И. Сталину[1]. Более того, летом 1923 г. М. Фрунзе склонялся, как и ряд других высших политических деятелей, к мнению о целесообразности смещения И. Сталина с поста Генерального секретаря ЦК[2]. Известно также, что у И. Сталина были свои кандидатуры на должность руководителя военного ведомства: К. Ворошилов, Г. Орджоникидзе. Правда, соперничать с М. Фрунзе им было трудно. Г. Зиновьев также имел более приемлемую для него кандидатуру — М. Лашевича. Впрочем, намереваясь «сдвинуть» И. Сталина с явно ключевого поста в политической системе, с поста Генерального секретаря ЦК, Г. Зиновьев рассчитывал назначить его руководителем военного ведомства[3]. Не следует преувеличивать прочность и силу собственных военно-политических позиций М. Фрунзе. Выше уже отмечалось, что высшее командование Украинского военного округа подверглось самой большой «чистке» во второй половине 1923 г. «Вычищены» были и генштабисты, прямо или опосредованно близкие к М. Фрунзе. Это косвенно политически компрометировало и самого командующего. И. Сталин намерен был передать М. Фрунзе должность начальника ПУ РККА (однажды, в 1921 г., была уже предпринята безуспешная попытка в этом направлении), однако М. Фрунзе отказался, опираясь на поддержку М. Тухачевского. Утверждение Г. Беседовского, что М. Фрунзе привез с Украины «своих людей» и совершил переворот, нуждается, по меньшей мере, в пространных комментариях и оговорках. Для М. Тухачевского, командующего самым сильным и влиятельным Западным фронтом, Главкома С. Каменева и командующего Петроградским военным округом В. Гиттиса М. Фрунзе являлся более приемлемой кандидатурой, чем М. Лашевич. Именно эти «генералы» должны были оказаться заинтересованными в «победе» М. Фрунзе. М. Фрунзе, в конце концов, как отмечалось выше, вполне устраивал и Г. Зиновьева. В сложившейся ситуации М. Фрунзе оказался для И. Сталина наименее нежелательной фигурой, вполне

---

[1] Г.Е. Зиновьев — Л.Б. Каменеву, 30 июля 1923 г. Кисловодск // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 198.

[2] Там же.

[3] *Souvarine B.* Staline. Aperçu historique du bolchevisme. Paris, 1935. P. 360.

подходящей для политического компромисса с «товарищами» по руководству и «красными маршалами». Все-таки М. Фрунзе был ангажирован в партийные структуры, вполне управляемый партией и имел безупречную партийную репутацию. В тот момент М. Фрунзе, видимо, и ему показался предпочтительнее и гораздо авторитетнее и «чище» других. Итак, 3 марта 1924 г. Политбюро ЦК утвердило М. Фрунзе заместителем Председателя РВС СССР и наркома, а 11 марта 1924 г. был официально им назначен. Э. Склянский был отправлен в отставку.

Давать объективную оценку и характеристику **Михаилу Васильевичу Фрунзе** (1885—1925) весьма трудно. Эта фигура сразу же после своей скоропостижной и загадочной, обросшей криминальными слухами смерти усилиями партийной пропаганды была превращена в официальную «икону». Эта «икона» была «табуирована» от какой-либо критики. Такое отношение к М. Фрунзе со временем стало социокультурной и ментальной привычкой.

В силу этого все воспоминания и отзывы людей, знавших М. Фрунзе, жестко редактировались и подвергались цензуре, в подавляющем большинстве своем они появились вскоре после смерти М. Фрунзе и, как правило, несли на себе отпечаток официального некролога: de mortuis aut bene aut nihil (о мертвых следует говорить или хорошо, или ничего). Поэтому ныне воссоздать адекватное представление об этой личности крайне сложно. Объективная информация для таких оценок крайне скудна. Часто приходится обращаться к фрагментам воспоминаний, к беглым, мимолетным штрихам, косвенным данным. Отсюда особую ценность представляют те воспоминания и тех лиц, которые по разным причинам оказались свободны от вышеозначенных недостатков, хотя и они были не свободны от субъективизма оценок. М. Фрунзе еще не был популярен в Красной Армии, как М. Тухачевский, С. Буденный или С. Каменев, однако лица, служившие с ним, весьма высоко оценивали его природные дарования и боевые заслуги.

М. Тухачевский достаточно рано и весьма высоко оценил М. Фрунзе. «Командюжгруппы Востфронта тов. Фрунзе необычайно талантливый человек», — писал он в своем докладе летом 1919 г.[1] Тем не менее отношения между М. Тухачевским и

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 4. Л. 207.

М. Фрунзе не были столь просты и однозначны. Далеко не всегда мнения этих военачальников совпадали, а отношения были лишены каких-либо трений, о чем выше уже говорилось.

Впрочем, до 1924 г. по своему влиянию и авторитету М. Фрунзе уступал и Л. Троцкому, и М. Тухачевскому. Это было хорошо заметно в период дискуссии о «военной доктрине» Красной Армии в 1921—1922 гг. по тексту полемических статей и публикаций. «Склоняя» М. Фрунзе, военные публицисты критиковали его взгляды, однако от критики М. Тухачевского не только воздерживались (за исключением Л. Троцкого и его ближайшего единомышленника Д. Петровского), но, в определенном смысле, опирались на него как на один из признанных высших «авторитетов» Красной Армии[1]. Это лишний раз указывает на социоментальную ситуацию в военных кругах в первой половине 20-х годов, заметно отличающуюся от той, которая начала складываться после 1924 г., возвышая авторитет М. Фрунзе с одновременным и заметным снижением авторитета не только Л. Троцкого, но и М. Тухачевского.

Представление о М. Фрунзе как о «сильном» политическом деятеле в военной элите вполне сформировалось к осени 1925 г. Косвенно оно обнаруживается и в слухах о его внезапной и криминально-загадочной смерти. Выразительным свидетельством такого рода может служить фрагмент из письма Б. Николаевского Б. Суварину. «Между прочим, — сообщал Б. Николаевский, — встретил человека, — профессор Военной академии Фрунзе, — который рассказал, что Тухачевский (они были товарищами по Михайловскому училищу) ему в 1925 г. говорил, что «операция» у Фрунзе была убийством, совершенным с согласия самого Фрунзе, чтобы избежать разоблачения, так как раскрылись-де его связи с Охранкой... Рассказчик заслуживает полного доверия. Не хвастун, действительно хорошо знал Тухачевского»[2].

---

[1] *Троцкий Л.* Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство // Военная наука и революция. 1921. № 2; *Петровский Д.* Единая военная доктрина: Рецензия на статью М. Фрунзе // Военный вестник. 1921. № 4; *Огородников Ф.Е.* Единая военная доктрина и Красная Армия // Революция и война. 1921. № 9/10; *Огородников Ф.Е.* От доктрины к делу // Революция и война. 1922. № 14/15.

[2] Письмо опубликовано в журн.: Вопросы истории. 1998. № 10. С. 117.

Приведенная информация в данном случае интересна не как повод для соблазнительных рассуждений о «таинственной смерти командарма Гаврилова»[1], но как свидетельство о слухах, муссировавшихся в военных верхах. Именно тогда представителям военной элиты, таким, как М. Тухачевский, было, вероятно, не совсем понятно, почему такой, казавшийся политически «сильным», независимым и весьма самостоятельным, деятель, как М. Фрунзе, «покорно» лег на операционный стол без особой на то необходимости, зная о возможности смертельного исхода операции.

Кем-то пущенный слух о его связях с охранкой должен был, очевидно, дать его непонятному для «генералов» поведению, не свойственному натуре и политической репутации М. Фрунзе, более или менее логичное объяснение. Однако, не ставя перед собой задачу «расследования» источников данного слуха, думаю уместным высказать предположение, что, учитывая и несомненное влияние свойств личности и характера М. Фрунзе, его поведение в политически и военно-политически ответственных ситуациях могло быть обусловленным и прямым давлением на него с использованием, быть может, и каких-то компрометировавших его репутацию документов или фактов биографии.

М. Фрунзе, назначенный заместителем Председателя РВС СССР и наркома по военным и морским делам 11 марта 1924 г., приступил к исполнению этих обязанностей только 14 марта, сохраняя за собой вплоть до 20 марта и командование Украинским военным округом, и Вооруженными силами Украины и Крыма. Лишь 20 марта он передал во временное командование Украинский военный округ своему первому помощнику по округу Р. Эйдеману. Это значит, что принимать официальные решения и подписывать приказы о кадровых перемещениях М. Фрунзе более или менее спокойно решился лишь после 20 марта. Это значит, что в промежутке между 11 и 20 марта новое руководство РККА чувствовало себя еще крайне неустойчиво.

Как бы в ответ на готовящийся «переворот» 9 марта М. Туха-

[1] «Командарм Гаврилов» — главный герой скандально известной «Повести о непогашенной луне» Б. Пильняка, появившейся в печати в 1926 г. вскоре после смерти М. Фрунзе. Считали (не без оснований), что под именем «командарма Гаврилова» писатель вывел М. Фрунзе.

чевский выехал в Смоленск, а оттуда, 10 марта — в Минск, вновь к своему другу Г. Гаю и в его 7-ю кавалерийскую дивизию[1]. Известно, что с 13 по 16 марта 1924 г. в Минске проходил 6-й Чрезвычайный Съезд Советов Белоруссии[2]. Это обстоятельство могло служить удобным мотивом выезда командующего фронтом в Минск, хотя он появился там уже 11 марта, в штабе 7-й кавалерийской дивизии. М. Тухачевский принимал участие в работе этого съезда, тем более что в Минск на съезд приехал и М. Калинин. Съезд открылся 13 марта во второй половине дня. Отношение к нему совершенно очевидно не отличалось «политической теплотой». Эта непривычная настороженность ощущается даже при чтении стенограммы съезда. В этот день было одно, вечернее заседание, на котором и выступил М. Тухачевский. Делегатами съезда М. Тухачевский был принят, судя по их реакции, отраженной в стенограмме, весьма «прохладно». Это было заметно, учитывая популярность, которой, согласно различным свидетельствам, он пользовался, особенно на территории дислокации войск Западного фронта[3]. Хотя М. Тухачевский, согласно принятому «советскому» ритуалу и порядку, был избран в Президиум съезда, ему было предоставлено слово лишь седьмым в «очереди» выступающих[4]. В этом вопросе важно обратить внимание на то, что первым выступавшим был, что вполне логично, М. Калинин; вторым — Ф. Кон; третьим — секретарь временного Белорусского Бюро ЦК РКП(б) Асаткин; четвертым — член Президиума, заместитель Генерального секретаря и политический секретарь Международного Крестьянского Совета Т. Домбаль. Предоставление этим лицам первых четырех выступлений можно объяснить логикой политического содержания самого события. Однако пятым по счету оратором оказался Председатель Центрального Бюро профсою-

---

[1] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 174. Л. 22.

[2] На нем решался вопрос о передаче союзной республики Белоруссии некоторых районов Смоленской губернии в связи с вхождением Белоруссии в СССР.

[3] Это было совершенно очевидно хотя бы из сравнения стенограмм заседания 6-го и 7-го Съездов Советов Белоруссии. На последнем, проходившем в мае 1925 г., М. Тухачевскому была устроена овация. На 6-м же съезде он был принят весьма спокойно и даже, можно сказать, холодно.

[4] 6-й Всебелорусский Чрезвычайный Съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов: Стенографический отчет. Минск, 1924. С. 17—18.

зов Белоруссии Ходош, а шестым — ответственный секретарь ЦК Союза молодежи Белоруссии Орехова. Лишь седьмым дали слово М. Тухачевскому. После него было еще трое выступавших в этот день — лица второстепенные и малоизвестные[1]. Вне всякого сомнения, особенно в политическом контексте тех лет и с учетом известности, должностной значимости и популярности, М. Тухачевский вполне мог рассчитывать на второе, по крайней мере, на пятое место в списке выступавших. Во всяком случае, он был более значащей в политическом отношении фигурой, чем руководитель белорусских профсоюзов Ходош или комсомольский вожак Орехова.

Как уже отмечалось выше, реакция съезда на его выступление была неадекватна военно-политической значимости его фигуры. Вряд ли это может свидетельствовать о его «проправительственной репутации» в то время. М. Тухачевского опасались. Напомню и тот факт, что М. Фрунзе, приступив к исполнению обязанностей заместителя Председателя РВС СССР, сохранял командование Украинским военным округом. И в этом тоже прослеживаются «опасения» и «настороженность». Можно полагать, что отъезд М. Тухачевского из Москвы перед «сменой власти» в армии, его поездка в Минск, в 7-ю кавалерийскую дивизию Г. Гая, возможно, воспринимались политическим руководством в Москве как «демонстрация угрозы».

Трудно проследить по съездовским документам участие М. Тухачевского в работе съезда в последующие дни. Во всяком случае, он больше не выступал. На следующий день, 14 марта, на утреннем заседании с приветствием выступил командир 7-й кавалерийской дивизии Г. Гай, а на вечернем заседании 14 марта выступил командир 5-го стрелкового корпуса П. Дыбенко. В своем выступлении он сослался на предшествующую речь М. Тухачевского[2]. Больше участие М. Тухачевского в работе съезда ничем внешним обозначено не было.

...Именно в эти дни, едва вернувшись из Парижа, А. фон Лампе 16 марта записал в дневнике весьма важную и тревожную для него новость: «Сразу поразило меня сообщение В.В. Колоссов-

---

[1] 6-й Всебелорусский Чрезвычайный Съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов: Стенографический отчет. Минск, 1924. С. 17—18..

[2] Там же. С. 7.

ского, бывшего у Веры[1], что в Совдепии раскрыта организация Тухачевского, что он сам и многие из участников заговора арестованы[2] и все пропало! Это меня очень угнетает, так как на них я возлагал большие надежды...»[3] 8 апреля он получил подтверждение этому удручающему и печальному для него известию. «Абеле[4]

---

[1] Уже к январю 1922 г. Иностранный отдел ВЧК был достаточно хорошо информирован о деятельности берлинского разведцентра «Общего дела» Веры Гладыш (урожденной Манусевич-Мануйловой). Он получал информацию о событиях в Советской России, а затем и из СССР из центра разведки, находившегося в Берлине под руководством действительного статского советника Орлова. С 1921 г. он официально считался руководителем контрразведки при канцелярии военного агента генерала Врангеля в Берлине, то есть у генерала А. фон Лампе (с 1922 г.). Однако фактически, не получая никаких средств от П. Врангеля, В. Орлов опирался главным образом на финансовые средства, получаемые из Франции от В. Бурцева, возглавлявшего «Общее дело». В Иностранном отделе ВЧК — ОГПУ уже с 1921 г. на основании донесений агентуры сложилось весьма устойчивое мнение, что «в кругах, приближенных к Орлову, ...по-видимому, хорошо и подробно осведомлены о всем, что делается в России». Агенты ВЧК — ГПУ, оценивая белоэмигрантскую разведку, выделяли В. Орлова. Уровень его информированности о советских делах считался в ИНО ОГПУ очень высоким, а сообщаемые им сведения в основном достоверными. «Я, зная отлично Орлова, — сообщал один из них, — нахожу, что это один из самых работоспособных, находчивых, подвижных и опытных работников противного лагеря. В Берлине Орлов учредил обширный разведывательный аппарат, который располагает даже органами наружного наблюдения... Средства для своей настоящей деятельности Орлов получает из французских источников через известную представительницу Бурцева — госпожу Гладыш. Располагая такими большими деньгами, Орлову легко удалось завязать сношения со многими немецкими и русскими организациями и получать на них известное влияние. При этом установлено, что он не прекратил своих связей с советскими агентами». С Верой же Гладыш, как это можно узнать из текста дневника генерала А. фон Лампе непосредственно старался не общаться, предпочитая делать это через В. Колоссовского. Последний, таким образом, выполнял по сути дела функции связного между А. фон Лампе и берлинским центром «Общего дела». Однако, судя по контексту дневника, А. фон Лампе достаточно хорошо был знаком с Верой Гладыш. Он называет ее в дневнике просто «Вера».

[2] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 6331; *Брусилов А.А.* Мои воспоминания // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 39. Из контекста послужного списка С.Г. Шах-Тахтинского можно предположить, что и он был тоже арестован. РГВА. Послужной список С.Г. Шахт-Тахтинского № 304623.

[3] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 6331.

[4] Барон Абеле, венгерский военный агент в Берлине. Он находился с А. фон Лампе в близких дружеских отношениях. Их дружба завязалась еще в пору пребывания генерала в Будапеште в качестве представителя барона П. Врангеля. Барон Абеле являлся одним из надежных информаторов А. фон Лампе.

звонил мне, — записал генерал в своем дневнике, — ...Тухачевский и Буденный вызваны в Москву и отправлены в Реввоенсовет, то есть кончены. Бывший генерал Лебедев сменен на посту всероссийского начальника штаба бывшим студентом Фрунзе, который сейчас вынес свою кандидатуру на советского Наполеона!..»[1] В «справке», составленной им по этому поводу, на следующий день отправленной в Париж, генерал подвел итог событиям, связанным с «организацией и заговором Тухачевского». «По заслуживающим доверия сведениям, — сообщал А. фон Лампе в Париж, — Тухачевского правительству, наконец, удалось заполучить в Москву, где он смещен со своей должности командующего Западным фронтом в Смоленске и назначен на более наблюдаемое властью место в Реввоенсовете. Туда же смещен и Буденный»[2]. Учитывая время прохождения информации из СССР в Берлин, «арест Тухачевского» должен был произойти 14—15 марта 1924 г.

Косвенными подтверждениями указанных событий можно считать кадровые перестановки в руководстве полпредства ОГПУ по Западному краю. Примечательно, что именно 14 марта 1924 г. на должность помощника начальника Особого отдела Западного фронта (помощника полномочного представителя ОГПУ по Западному краю)[3] и одновременно (по совместительству) на должность заместителя начальника Смоленского губернского отдела ГПУ и начальника Секретно-оперативной части назначается Я. Зирнис. Такая концентрация власти по линии военной контрразведки не могла быть случайной. С должности полномочного представителя ОГПУ по Западному краю был смещен занимавший ее с января 1922 г. И.А. Апетер[4]. Вместо него на эту долж-

---

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 13—14 (в данном случае нумерация листов дается в порядке, определенном для «дела № 15»).

[2] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 137.

[3] Приказом ГПУ № 77 от 17 мая 1922 г. самостоятельные Особые отделы военных округов ликвидировались, предписывалось слить их с аппаратами соответствующих Полномочных представителей ГПУ. Полпред ГПУ или начальник губернского отдела ГПУ, как правило, являлся по совместительству и начальником Особого отдела военного округа, штаб которого дислоцировался в том же населенном пункте (Кто руководил НКВД, 1934—1941: Справочник. М., 1999. С. 43).

[4] Апетер Иван Андреевич (1890—1938) — уроженец Венденского уезда Курляндской губернии. С 1906 г. — член социал-демократической партии

ность и одновременно председателем ГПУ БССР 7 апреля 1924 г. официально был назначен возвращенный из Москвы Ф. Медведь. Фактически же Ф. Медведь получил таковые полномочия с декабря 1923 г.[1]

И **Я. Зирнис** (1894—1939), и **Ф. Медведь** (1889—1937) были старыми работниками Особого отдела Западного фронта, еще с 1919 г. Я. Зирнис, в частности, в 1920—1922 гг. находился в руководстве или руководящем звене особых отделов 15-й, 16-й армий и 27-й стрелковой дивизии. До 14 марта 1922 г. Я. Зирнис являлся заместителем начальника Витебского губернского отдела ГПУ и начальником Секретно-оперативной части. Новое назначение с «повышением» по должности и объединением в руках Я. Зирниса должностных прав помощника начальника Особого отдела Западного фронта, заместителя начальника Смоленского губернского отдела ГПУ и начальника Секретно-оперативной части этого отдела и сохранением должностных прав начальника Ви-

---

Литвы. С 1917 г. — член РСДРП(б). В 1919 г. — начальник Особого отдела 12-й армии, затем — особого отдела Западного фронта. С декабря 1920 по июль 1921 г. — начальник Административно-организационного управления ВЧК, член коллегии ВЧК. С января 1922 по апрель 1924 г. — полномочный представитель ГПУ—ОГПУ по Западному краю, затем — помощник начальника Иностранного отдела ОГПУ. С июня 1924 г. — заместитель начальника Экономического управления (ЭКУ) ОГПУ. С декабря 1924 г. — полномочный представитель ОГПУ по Уралу и председатель ГПУ Уральской области. С ноября 1926 по апрель 1928 г. — полномочный представитель ОГПУ по Крыму и председатель ГПУ Крыма. С июня 1928 г. — полномочный представитель ОГПУ по Центрально-Черноземной области. С февраля 1930 г. — заместитель полномочного представителя ОГПУ по Московской области. С января 1931 г. — заместитель наркома юстиции РСФСР и начальник Главного управления мест заключения НКЮ РСФСР. В 1931—1934 гг. — начальник конвойных войск СССР. С 1934 по февраль 1937 г. — начальник санаторно-курортного отдела Административно-хозяйственного управления НКВД СССР. С июня 1937 г. — начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР. Арестован 11 декабря 1937 г. По приговору ВК ВС СССР от 22 августа 1938 г. осужден к ВМН. Не реабилитирован.

[1] В его послужном списке значится, что до 24 декабря 1923 г. он совмещал должности начальника Особого отдела МВО и начальника Московского губернского отдела ГПУ. А вот на период с 24 декабря 1923 г. по 7 апреля 1924 г. в его послужном списке лакуна. Есть достаточно оснований, особенно ввиду его дальнейшей карьеры, полагать, что 24 декабря 1923 г. Ф. Медведь негласно уже получил полномочия полпреда ОГПУ по Западному краю и начальника Особого отдела Западного фронта, официально объявленные с 7 апреля 1924 г. (Кто руководил НКВД, 1934—1941. С. 295).

тебского губернского отдела ГПУ именно 14 марта 1924 г. вряд ли можно считать случайным. Скорее, это была мера «чрезвычайная» в соответствии с «чрезвычайностью» ситуации. Таким образом, Я. Зирнис контролировал действия ГПУ как по всему Западному фронту, так и непосредственно в Смоленске, где находился штаб фронта. Такого рода назначение и такого рода сотрудника ОГПУ вполне соответствовало поставленной «чрезвычайной» задаче: арестовать командующего Западным фронтом М. Тухачевского, его ближайших сотрудников и единомышленников, не допустив «волнений» в войсках.

Есть еще одно косвенное свидетельство. Согласно штабным документам Западного фронта, М. Тухачевский отправлялся в Минск на срок с 10 до 17 марта, то есть до конца работы съезда. Однако возвращение М. Тухачевского в Смоленск 17 марта, как это значилось в командировочных предписаниях, в штабных документах фронта не нашло отражения. Его появление в Смоленске вновь отмечено в штабных приказах лишь 27 марта, в связи с отъездом в Москву[1]. Не исключено, что вплоть до 27 (или даже до 31) марта М. Тухачевский вместе со своими «адъютантами» находился под арестом. Вывезенный 25—26 марта из Минска в Смоленск, он был отправлен в Москву 27—31 марта. Как записал в дневнике и сообщал в своей «справке» от 9 апреля 1924 г. А. фон Лампе, «Тухачевского правительству, наконец, удалось заполучить в Москву», «Тухачевский отправлен в Реввоенсовет, то есть кончен». Официально с должности командующего фронтом М. Тухачевский был смещен 26 марта 1924 г.[2].

Следует иметь в виду еще одно обстоятельство. Приказ о назначении М. Тухачевского на новую должность помощника начальника Штаба РККА был подписан 1 апреля 1924 г., то есть спустя почти неделю после его официального смещения с должности командующего фронтом. Оно не было обусловлено переводом на другую должность, но являлось именно отстранением без назначения, то есть чрезвычайной мерой. Лишь спустя две недели, 8 апреля 1924 г., наконец официально был назначен новый ко-

[1] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 174. Л. 27.

[2] Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. 4. С. 530.

мандующий уже не фронтом, а Западным военным округом А. Корк[1]. Фронтовое командование было упразднено. Это была отставка, а не перевод М. Тухачевского на новую должность.

Еще одним признаком «опалы» и «наказания» М. Тухачевского может служить полученная им 1 апреля 1924 г. новая должность «помощника начальника Штаба РККА». В соответствии со старой структурой руководства Штаба РККА у его начальника были два помощника: первый — по оперативному планированию, второй — по организационно-административным вопросам. Должность первого помощника начальника Штаба РККА занимал с февраля 1921 г. Б. Шапошников, второго — Е. Гарф. 1 апреля 1924 г. Б. Шапошников по-прежнему оставался в своей должности. Вакантной оставалась должность второго помощника. На нее-то и назначили М. Тухачевского, хотя официально деления на первого и второго помощников теперь не было. Все это означало, что, во-первых, М. Тухачевский получал должность, по существу, вдвое ниже той, которую занимал. Во-вторых, ему были поручены функции, совершенно не свойственные его натуре и профессиональным навыкам, — административно-штабные. В-третьих, он был полностью оторван от войск, от привычной ему командной работы. Таким образом, это назначение являлось одной из форм «почетной отставки». На такой поворот своей служебной карьеры М. Тухачевский вряд ли мог согласиться по доброй воле. Совершить его власти могли, только используя арест и предъявление М. Тухачевскому каких-то политически компрометирующих его «обоснований». Последние должны были парализовать его волю к сопротивлению и сделать «покорным». Именно об этом свидетельствует один из работников Политуправления Западного фронта.

«Хорошо известно, — вспоминал И. Телятников, — какая нездоровая обстановка создалась вокруг Тухачевского в начале 1924 г., незадолго до назначения его помощником начальника Штаба РККА. Поползли грязные сплетни. Исходили они, как мне казалось, от начальника Политуправления В.Н. Касаткина, человека властолюбивого и, безусловно, склонного к интригам. Небла-

---

[1] Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. 4. С. 530. В Послужном списке А.И. Корка, однако, дается другая дата его назначения — 6 апреля 1924 г. РГВА. Послужной список А.И. Корка № 127872.

говидную роль играл в этом и секретарь партийной организации Васильев. Его стараниями в склочное дело было вовлечено почти все партийное бюро. В результате Тухачевский выехал к новому месту службы с очень нелестной характеристикой»[1]. Итак, «нездоровая обстановка создалась вокруг Тухачевского» до его нового назначения, до его отъезда в Москву, до его смещения с должности командующего фронтом, до его снятия с партучета в штабе фронта, то есть до 26 марта 1924 г.

На протяжении всего 1923 г., если судить по протоколам и иным документам партбюро штаба фронта, нет ни единого, в котором хотя бы косвенным образом как-то компрометировалась фамилия М. Тухачевского. Следовательно, хотя В. Касаткин интриговал против командующего еще с августа 1923 г., на работе партбюро это внешне никак не отражалось. Никто в партбюро не осмеливался открыто поставить на обсуждение «персональное дело М. Тухачевского». Как отмечалось выше в докладной ответственного сотрудника ГПУ по Западному краю, М. Тухачевский был слишком «крупной фигурой». Такое становилось возможным только в том случае, если на это свыше в той или иной форме давались санкции, а командующий утратил свою былую власть. Примечателен в связи с этим штрих в воспоминаниях И. Телятникова: «На заседании партбюро, когда обсуждалась эта характеристика, Михаил Николаевич держался с завидной выдержкой и достоинством. Но у меня создалось впечатление, что защищать себя он не умеет»[2].

Итак, М. Тухачевский молчал и не сопротивлялся. Возможно, ввиду обнаруженных властью фактов его поведения, компрометирующих его «политическую безупречность». Угроза предания их огласке, исходившая от власти, видимо, и отдавала его полностью в распоряжение этого не очень-то авторитетного для него суда. Характеристику М. Тухачевского можно было «бесстрашно» обсуждать и утверждать, причем утверждать отрицательную характеристику, не рекомендующую М. Тухачевского для занятия руководящей должности в РККА. Речь ведь шла, если следовать воспоминаниям И. Телятникова, об обсуждении характеристики

---

[1] *Телятников И.А.* Вникая во все // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 164—165.

[2] Там же.

М. Тухачевского до назначения его помощником начальника Штаба РККА, ибо он уехал из Смоленска в Москву без назначения. В характеристике говорилось о «неправильном отношении» М. Тухачевского «к коммунистам, подчиненным и даже об аморальном поведении». Иными словами, согласно решению партбюро (партячейки) штаба Западного фронта, М. Тухачевский не соответствовал уставным требованиям, предъявляемым к члену РКП(б), и считался, таким образом, «политически непригодным» для руководящей должности в РККА. По тем временам это было весьма серьезным и опасным мнением о человеке, претендовавшем на руководящую должность в армии. Судя по всему, участь М. Тухачевского, как командующего фронтом, была решена за несколько дней до 26 марта. На это указывают и новые назначения командиров соединений, входивших в состав Западного фронта.

Приказом РВС СССР от 20 марта 1924 г. на должность исполняющего обязанности командира 5-й стрелковой дивизии был переведен П. Пшенников; командиром 33-й стрелковой дивизии был утвержден М. Герасимов; временным командиром 4-й стрелковой дивизии был назначен В. Тимофеев-Наумов; начальником штаба — с 26 марта А. Редькин-Романовский[1]. Еще 8 марта 1924 г. приказом РВС СССР на должность командира 8-й стрелковой дивизии был назначен К. Степной-Спижарный. В штабных документах Западного фронта имеются данные об увольнении или аресте некоторых командиров, в частности: в апреле 1924 г. был «уволен в резерв РККА» командир 29-й стрелковой дивизии 16-го стрелкового корпуса С. Спильниченко[2]; тогда же был «демобилизован в аттестационном порядке» С. Анников, командир штрафного батальона при штабе 16-го стрелкового корпуса[3]; тогда же был «исключен из списков как осужденный Военным трибуналом 4-го стрелкового корпуса» О. Конюхов, бывший помощник командира 87-го стрелкового полка 29-й стрелковой дивизии, прикомандированный к 27-й стрелковой дивизии[4]; был «отправлен в бессрочный отпуск» бывший начальник оперативно-строевой части штаба 27-й

---

[1] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192. Л. 26, 90, 100, 121.

[2] Там же. Л. 114.

[3] Там же. Л. 2.

[4] Там же. Л. 58.

стрелковой дивизии, командир батальона 29-й стрелковой дивизии А. Иванов[1].

В связи с вышесказанным, как мне представляется, находится и свидетельство А. Брусилова. «В 1924 году я очень болел, — вспоминал генерал. — Мне дали, наконец, отставку и назначили пенсию. Волокита была ужасная, опубликовали о назначении пенсии в 30 червонцев в марте, а начали выдавать, кажется, в июне или июле. Одновременно дали отставку и назначили такую же пенсию Павлу Ивановичу Лебедеву... Для того чтобы решиться уволить от дел такого человека, как Лебедев, нужны были серьезные причины. Одновременно с ним был уволен, а затем и арестован его правая рука Георгий Николаевич Хвощинский...»[2] Известно, что А. Брусилов был уволен на пенсию 15 марта 1924 г. Он упоминает о времени своей отставки и в собственных воспоминаниях, что цитировались выше. П. Лебедев, таким образом, был уволен на пенсию также 15 марта. Надо полагать, что увольнение и арест Г. Хвощинского имели место примерно 15 марта. С должности Главкома был смещен С. Каменев, а сама должность упразднена. 14 марта был смещен с должности помощника начальника Управления делами РВС СССР Н. Пневский. Со своей должности был смещен второй помощник начальника Штаба РККА Е. Гарф; был назначен новый начальник Разведывательного управления Штаба РККА и в аппарате Штаба РККА была проведена широкомасштабная «чистка». Согласно послужному списку, С. Шах-Тахтинского, ведавшего отделом кадров Штаба РККА, 1 апреля 1924 г. отправили «в резерв комсостава Штаба РККА»[3]. Такая военно-канцелярская формулировка тех лет означала увольнение из армии. Эта мера в отношении весьма ценного работника Штаба РККА могла быть вызвана чрезвычайными обстоятельствами. Видимо, он тоже был арестован. Из рядов Красной Армии был уволен, как ранее уже отмечалось, и бывший начальник штаба Украинского военного округа, а затем помощник командующего 5-й Отдельной армией А. Андерс. Не исключено,

---

[1] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192. Л. 48.

[2] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания // Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 39.

[3] РГВА. Послужной список С.Г. Шах-Тахтинского № 304623.

что ко всем названным лицам и кадровым «метаморфозам» и относилась фраза из сообщения В. Колоссовского: «...раскрыта организация Тухачевского... он сам и многие из участников заговора арестованы...»[1]

Таким образом, 14—15 марта 1924 г. по распоряжению из Москвы силами ОГПУ под руководством Ф. Медведя и Я. Зирниса на Западном фронте был произведен «переворот»: был «свергнут» со своей должности командующий Западным фронтом М. Тухачевский. Его «самостийность» была ликвидирована. «Заговор» в Красной Армии был парализован и «военный переворот» предотвращен. Однако вряд ли содержание и смысл всех этих «криминально-политических» понятий мог быть тогда детально расшифрован и документально подтвержден в ОГПУ. Это пока были, в основном, настораживающие подозрения, слухи, обрывочные сведения — объект для грядущего агентурного наблюдения и расследования.

---

[1] Следует, кстати, отметить, что один из названных командиров, Сергей Михайлович Анников, дворянин из старинного рода, в 1916—1917 гг. был офицером лейб-гвардии Семеновского полка и сослуживцем М. Тухачевского. РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Алфавитный список лиц, баллотировавшихся на общем собрании для принятия в лейб-гвардии Семеновский полк офицерами 3.01.1915—28.08.1917 гг.

Глава IV

М. ТУХАЧЕВСКИЙ И МОДЕРНИЗАЦИЯ АРМИИ

1

Начальник Штаба Красной Армии

Несмотря на противоречивость и смутность политической ситуации, в которой оказался М. Тухачевский, подготавливаемый им «антитроцкистский» военно-политический переворот состоялся. Однако низвержение почти независимого и честолюбивого военно-политического «вождя» Л. Троцкого другой политической фигурой, но вполне партийно-управляемой, М. Фрунзе, не смогло гарантировать «красным маршалам» роль независимого субъекта политического действия. Это обстоятельство в значительной мере способствовало продолжению и расширению «чистки» и «обновлению» военной элиты, ее растущему подчинению элите партийно-политической.

Можно считать, что, независимо от последующих военно-политических процессов, «падение Тухачевского» состоялось именно в 1924—1925 гг. Сохраняя внешне свое лидирующее положение в военной элите и Красной Армии, он, по существу, начиная с весны 1924 г., постепенно терял свое реальное влияние на военно-политическую ситуацию. В его лице это влияние теряла советская военная элита, сложившаяся по итогам Гражданской войны. Несостоявшийся «рецидив» революционной войны в связи с «германским Октябрем» фактически завершил эпоху «революционных, наполеоновских войн» в России. Это обстоятельство, в конечном счете, предопределило крушение перспектив советской военной элиты и ее лидера на самостоятельную политическую роль и их «вымывание» из военно-элитарного слоя «красных генералов».

Новая структурная основа военной власти, обозначившаяся весной 1924 г., персонифицировалась в Л. Троцком (Председатель РВС СССР и нарком) и М. Фрунзе (заместитель Председате-

ля РВС СССР и наркома), обнаруживала отказ, хотя бы временный, от «революционной войны» и от «фронтовых» настроений. В свое время К. Маркс, стремясь понять социально-политическую сущность деятельности Наполеона, писал о том, что «он завершил терроризм, поставив на место перманентной революции перманентную войну». В сложившейся ситуации в Советской России — СССР, кажется, начиналось движение в противоположном направлении: отказ от «перманентной революционной войны» при далеко не исчерпанном революционном социальном потенциале, неизбежно вел к «перманентной революции» внутри страны и к возобновлению «терроризма». Наполеон избавил Францию от революционного террора, перенеся его на соседние страны и народы в форме «наполеоновских войн». Отказ революционной России от собственной перспективы «наполеоновских войн» возвращал или оставлял революционный террор внутри страны. В этом, как мне представляется, «знаковый» смысл ликвидации Западного фронта, «падения» М. Тухачевского и начала масштабной ротации советской военной элиты.

В поисках причин очевидной, хотя и «молчаливой» конфронтации между высшим партийно-политическим руководством и М. Тухачевским, обозначившейся в марте 1924 г., следует обратить внимание не на замену Э. Склянского на М. Фрунзе, а на намеченный политическим руководством указанный выше «государственный переворот». Он должен был найти свое содержательное выражение в намечаемой радикальной реформе РККА.

В ходе проведения военной реформы высшим политическим руководством предусматривалось решение главной задачи: сократить численность Красной Армии, превратив ее в боеспособную и дешевую. Задача, несомненно, очень трудная. Уже к середине 1924 г. обозначилось несколько составляющих этой задачи: вопрос о территориально-милиционных формированиях; вопрос о введении единоначалия; вопрос о Штабе Красной Армии; вопрос о численности армии; вопрос об организации стрелковых частей; вопрос о стратегической доктрине РККА, который предполагал решение вопроса военно-политического курса СССР. Трудно было найти в Красной Армии крупных военачальников, которые бы были против сокращения ее для мирного времени с одновременным улучшением качества, повышением ее боеспособности. Всем было

ясно, что в еще не оправившейся от разрухи стране следует изыскивать возможности более рационального использования военного бюджета. Сам же он, конечно же, должен быть сокращен из-за общей скудости бюджетных средств и бедности страны. Взгляды М. Тухачевского на то, какой должна быть Красная Армия, были давно известны военной общественности и руководству РККА.

Он еще с 1921 г. утверждал, что Красная Армия должна быть постоянной, высокопрофессиональной и в мирное время — небольшой. По мнению М. Тухачевского, эту армию целесообразно комплектовать «классово-однородным» контингентом, всецело преданным делу социализма. В России, с преобладающим крестьянским населением, армия, укомплектованная крестьянством, политически неблагонадежна. Это и был один из аргументов в пользу небольшой, хорошо вооруженной профессиональной армии. Такая армия в случае наступательной «революционной войны» может быть быстро увеличена за счет представителей так называемых «родственных классов» страны, куда вторглись «революционные войска».

М. Тухачевский был категорическим противником «милиционной армии», пропагандистом введения которой в 1921 г. являлся Л. Троцкий. «Мне пришлось слышать, как ярые проповедники милиционной системы очень уверенно считают себя сторонниками вооруженного могущества РСФСР, — писал М. Тухачевский в январе 1921 г., — и даже не без гордости говорят о «коммунистическом империализме». Что за смешная мысль! Я бы лично не стал возражать против милиционной системы, если бы она действительно означала «коммунистический империализм». Вся беда в том, что эта система повлечет за собой «коммунистическое пораженчество». Провести у нас милиционную систему — это значит распять Советскую республику»[1]. Отрицательное отношение к «милиционной системе» сохранилось у М. Тухачевского и к 1926 г. В завуалированной форме он выражает свое критическое отношение к проведенной реформе РККА с переводом ее на смешанную, кадрово-милиционно-территориальную систему. «Территориальная система имеет отношение к всеобщему военному обучению, — писал М. Тухачевский в январе 1926 г., вскоре после смерти М. Фрунзе и своего вступления в должность начальника

[1] *Тухачевский М.Н.* Красная Армия и милиция. Смоленск, 1921, с. 7.

Штаба РККА. — Однако применяя методы казарменного и внеказарменного воспитания, можно было бы достигнуть тех же самых результатов и без территориальной системы»[1]. Таким образом, М. Тухачевский в период военной реформы оставался противником перевода армии на смешанную кадрово-территориальную систему. Он по-прежнему оставался ярым сторонником «революционной экспансии» силами Красной Армии.

М. Тухачевский еще в 1920 г. достаточно решительно и резко выразил свое отрицательное отношение к институту военных комиссаров и революционных военных советов в войсках. «Ревсоветы — это бельмо на глазу нашей стратегии, сами себя изживают в доказательство того, что существование их противоречит сути дела», — писал он в январе 1920 г.[2]. Эту позицию он сохранял и после Гражданской войны, и в 1927 г.[3]. Таким образом, М. Тухачевский был за введение единоначалия, и как можно скорее. Однако в период проведения военной реформы М. Тухачевский в силу своего служебного положения занимался особенно близко и непосредственно двумя вопросами реформы: реорганизацией Штаба РККА и повышением боеспособности стрелковых частей, так называемой «реальной пехотой». Эти две проблемы, в его видении органично взаимосвязанные, — структура высшего руководства армией и боевая подготовка (боеспособность) — сквозной линией проходят во всей его деятельности вплоть до 1937 г.

Еще в августе 1921 г. в своей статье «Новые силы», посвященной первому выпуску «красных генштабистов» из Академии Генерального штаба, М. Тухачевский выступал против «многоначалия в Красной Армии» и за «объединение разрозненных функций в одном, вполне авторитетном учреждении, построенном на вполне авторитетном в революционном отношении составе работников Генерального штаба»[4]. М. Тухачевский считал условиями, опти-

---

[1] *Тухачевский М.Н.* Ленинское в терсистеме // Красная звезда. 1926. 21 января, № 17. См. также: *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. М., 1964. С. 271.

[2] *Тухачевский М.Н.* Политика и стратегия в гражданской войне // Революционный фронт. 1920. 18 января, № 2, с. 16.

[3] *Петров Ю.* Тщетные потуги идеологов империализма // Военно-исторический журнал. 1969. № 1. С. 49.

[4] *Тухачевский М.Н.* Новые силы // Красная Армия. 1921. Авг., № 3/4. С. 5.

мальными для управления Красной Армией, ликвидацию РВСР, ПУР и прочих учреждений и создание вместо них Генерального штаба, который должен вобрать в себя все их функции. Он считал, что эффективность управления и политическая благонадежность Генерального штаба достигаются укомплектованием его «молодыми генштабистами» «революционного происхождения»[1]. Так, по его мнению, можно будет ликвидировать главное зло Красной Армии — многоначалие. Многоначалие это находило свое выражение, по мнению М. Тухачевского, выраженному в других его статьях, в господстве комиссарского контроля над командирами, в том числе над работниками Генерального штаба. Он отстаивал идею единого Генерального штаба, в который бы на правах одного из управлений или отделов входил ПУР и отдельные функции РВСР[2]. Иными словами, уже тогда было ясно, что М. Тухачевский (учитывая взгляды по различным вопросам организации управления РККА) считал, что вся полнота управления армией должна быть сосредоточена в Генеральном штабе, а ПУР и РВС следует упразднить.

Таким образом, противоречия между М. Тухачевским и политическим руководством носили не столько персональный, сколько концептуально-принципиальный, можно сказать, «военно-доктринальный» характер. Не продвижение на должность заместителя Председателя РВС СССР М. Фрунзе и отставка Э. Склянского были причиной противостояния. Арест М. Тухачевского происходил по инициативе других лиц, а не М. Фрунзе, и направлен он был, в частности, и на ослабление политических позиций нового заместителя наркома. Свое отношение к «делу Тухачевского» М. Фрунзе выразил решительно и предельно ясной резолюцией: «Партия верила тов. Тухачевскому, верит и будет верить»[3].

Можно сказать, что в результате произведенного «государственного переворота» в Красной Армии в социально-политическом отношении военная элита стала более «благонадежной», однако за счет резкого снижения уровня профессиональной подготовки и

---

[1] Там же. С. 5—6.

[2] *Тухачевский М.Н.* Новые силы. С. 5—6.

[3] *Викторов Б.* «Заговор» в Красной Армии: Записки военного прокурора // Правда. 1988. 29 апреля. С. 3.

образованности. Впрочем, начатые в январе—апреле 1924 г. кадровые «метаморфозы» и армейские реформы лишь открыли новый, «переходный» период политической и военно-политической нестабильности.

17 апреля 1924 г. в Москву из длительного отпуска возвратился Л. Троцкий, Председатель РВС СССР и Наркомвоенмор, а 7 мая он выступил в Военной академии РККА с докладом «Наши военные задачи», в котором он много говорил об «уставе гражданской войны» и реорганизации армии. В частности, рассуждая об организации и реорганизации армии, Л. Троцкий сослался на опыт М. Тухачевского в 1918 г. при организации и боевой подготовке 1-й революционной армии, признавая его правильным и положительным[1]. В устах «вождя Красной Армии» упоминание М. Тухачевского в таком контексте, несомненно, имело политическое звучание: М. Тухачевский как организатор вооруженной силы, с которого следует брать пример. М. Тухаческий — это образец. Примечательным было в этом докладе и обращение к проблеме «устава гражданской войны». Напомню, что в 20-е годы бесспорным для всей армейской общественности было признание М. Тухачевского главным теоретиком «революционной», «классовой», «гражданской» войны. Он был автором «доктрины гражданской войны». Он, можно сказать, был «живым военным классиком» для революционной Красной Армии. Известно также и то, сколь активно, достаточно резко, хотя и вполне корректно, Л. Троцкий и его сторонники в военном ведомстве в 1921—1922 гг. критиковали взгляды М. Тухачевского и его единомышленников по вопросу как раз «революционной войны». Тогда Л. Троцкий даже бросил слегка завуалированный анонимный намек, однако явно ориентировавший читателя и слушателя на М. Тухачевского, что из «революционной войны» вырос «бонапартизм»[2]. Иными словами, именно Л. Троцкий, таким образом, квалифицировал М. Тухачевского и его единомышленников как «бонапартистов». Теперь же сам Л. Троцкий заявил о принятии теории «революци-

---

[1] *Троцкий Л.* Наши военные задачи (основные мысли доклада т. Троцкого в Академии РККА 7 мая 1924 г.) // Красная звезда. 1924. № 103.

[2] *Троцкий Л.* Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство // Военная наука и революция. 1921. № 2. С. 223.

онной», «гражданской войны», «бонапартизма» М. Тухачевского и заявил о необходимости разработки соответствующего «Устава». Это, вне всякого сомнения, был реверанс в сторону М. Тухачевского и его «любимого детища».

29 июля 1924 г. на заседании правления ВНО при Военной академии РККА Л. Троцкий выступил с большим докладом на тему: «Вопросы гражданской войны»[1]. Не буду останавливаться на детальном анализе содержания этой речи и ее идеологии, однако считаю необходимым обратить внимание на некоторые существенные и знаменательные ее положения.

Рассуждая о необходимости разработки «Устава гражданской войны», Л. Троцкий возвращается к революционным событиям в Германии в 1923 г. Нет нужды пояснять, что этот экскурс понадобился Л. Троцкому в связи с обострением внутрипартийной борьбы между ним и «тройкой» в лице И. Сталина, Г. Зиновьева и Л. Каменева. Выступая на заседании ВНО при Военной академии РККА, Л. Троцкий, таким образом, обращался к «революционным генералам». «Наш устав, — прямо говорил Л. Троцкий, — должен быть в первую голову предназначен для руководящих кадров, для командного состава революции»[2]. Он объяснял причины неудачи «германского Октября» — «великого поражения», по его выражению — и указывал виновников этой неудачи. Л. Троцкий утверждал, что «в Германии политика партии толкнула шар в сторону поражения»[3]. Себя же он относил к той части высшего политического руководства, которая с «пораженческими настроениями» (И. Сталина, Г. Зиновьева) была несогласная. «Исключительная и беспримерная революционная ситуация сошла на нет, — объяснял он, — ...потому, что политика не получила в необходимый момент необходимого продолжения другими, т. е. вооруженными, средствами»[4]. И в качестве своеобразного вывода из неудачного опыта «германского Октября» Л. Троцкий делал совершенно конкретный в военно-политическом смысле вывод: «Мы должны уметь сочетать навязанную нам оборонительную войну

---

[1] Красная звезда. 1924. 21 августа, № 188.

[2] Там же. № 189.

[3] Там же. № 190.

[4] Там же. № 191.

Красной Армии с гражданской войной в стане наших врагов. В этом смысле устав гражданской войны должен стать одним из необходимых элементов военно-революционной учебы высшего типа»[1]. Этот вывод был вполне созвучен многим положениям концепции «революционной войны» и «революции извне» М. Тухачевского 1920—1923 гг.

Вскоре после выступления Л. Троцкого на заседании правления ВНО, 13 августа 1924 г., приказом РВС СССР М. Тухачевский назначается Главным руководителем всех военных академий РККА по стратегии. Иными словами, отныне именно «стратегическая доктрина Тухачевского» и становится, по сути дела, официальной для Красной Армии. Реакция М. Тухачевского на выступление Л. Троцкого и на свое новое назначение нашла выражение в «Красной звезде» в его заметке «Съезд ВНО».

«В 1922 году мы имели в ВНО новую большую дискуссию о применении марксизма к военному делу, — писал М. Тухачевский, — но ряды на этот раз перепутались, а самая дискуссия заглохла, не будучи доведенной до конца. Тов. Троцкий выступил, между прочим, с критикой легкомысленного применения марксизма к основам военного дела. Надо сказать, что это здоровое начинание имело и печальные последствия: дискуссия, не будучи доведенной до конца, создала впечатление, что теория марксизма вообще неуместна в военно-научных вопросах. Сейчас новые работы ВНО, начатые по инициативе тов. Троцкого, кладут конец этим сомнениям»[2]. Примечательна очевидная многим «деликатность», с которой М. Тухачевский не сказал прямо, что именно Л. Троцкий тогда отвергал идею применения марксизма к военному делу. На этом выстраивал свою теорию М. Тухачевский. В то же время теперь он представил Л. Троцкого, тоже нарочито, как «предводителя» сторонников «революционной войны» (применения марксизма к военному делу). В этих обстоятельствах 25 августа 1924 г. Л. Троцкий при поддержке М. Тухачевского принял решение о созыве 1-го съезда ВНО 15 ноября 1924 г. Главным предметом обсуждения на этом съезде был вопрос об «Уставе гражданской войны». Иными словами, Л. Троцкий, явно стремясь

---

[1] Красная звезда. 1924. 21 августа, № 191.

[2] *Тухачевский М.* Съезд ВНО // Красная звезда. 1924. 17 августа, № 185.

опереться на поддержку М. Тухачевского, известного апологета «революционной войны», полагал возможным развернуть политическую критику И. Сталина и Г. Зиновьева, как главных виновников поражения «германского Октября» из-за неумения организовать «революцию». Именно этот вопрос и являлся основой «устава гражданской войны». Характерен подбор основных докладчиков на предстоящем съезде ВНО: Л. Троцкий, М. Тухачевский, Н. Муралов[1].

Едва заметный реверанс в сторону Л. Троцкого в связи с вопросом о так называемом «уставе гражданской войны» сделал и командующий Вооруженными силами Украины и Крыма А. Егоров. В одной из бесед с корреспондентом «Красной звезды» в октябре 1924 г. А. Егоров положительно высказался о намеченном съезде ВНО. Рассуждая о реорганизации Красной Армии, он обращал внимание на «вопросы боевой подготовки и особенно выработки новых уставов». А. Егоров заявил, что эта проблема должна быть «включена в повестку дня съезда. В частности, следовало бы обсудить вопросы об уставе гражданской войны»[2]. В связи с вышесказанным следует обратить внимание еще на ряд очень важных фактов, уже организационного характера.

18 июля 1924 г. М. Тухачевский назначается заместителем начальника Штаба РККА и в тот же день — исполняющим обязанности начальника Штаба РККА. И это не было связано с отъездом М. Фрунзе. Изъятие руководства Штаба РККА у М. Фрунзе и передача его М. Тухачевскому не были мотивированы текущими обстоятельствами. Это, как мне представляется, было очевидным признаком политического «заигрывания» Л. Троцкого с М. Тухачевским в стремлении перетянуть последнего на свою сторону в последней попытке выиграть «бой» за Красную Армию. Похоже на то, что ряд кадровых перемещений, в частности в Западном военном округе, преследовал ту же цель и являлся одним из средств сближения Л. Троцкого с М. Тухачевским. Имеется в виду назначение А. Павлова помощником командующего Западным военным округом (5.6.1924), назначение П. Шаранговича помощником начальника штаба Западного военного округа (7.7.1924), на-

[1] Красная звезда. 1924. 27 октября, № 245.

[2] Там же. 23 октября, № 242.

значение Э. Вилумсона помощником начальника снабжения Западного военного округа, назначение К. Неймана командиром 4-го стрелкового корпуса (5.6.1924), назначение С. Вострецова командиром 27-й стрелковой дивизии (10.7.1924), развертывание 7-й кавалерийской дивизии Г. Гая в 3-й кавалерийский корпус под его же командованием и с назначением в качестве начальника штаба С. Верховского. В контексте этой же военной политики, очевидно, следует рассматривать временную «отставку» И. Уборевича в июне 1924 г. как «сталинской креатуры» и назначение новых командующих ВВС: в МВО — И. Павлова (7.1924), в УВО — Ф. Ингауниса (9.1924). Все это означало укрепление Западного военного округа бывшими близкими соратниками М. Тухачевского, «ветеранами» 27-й дивизии, 5-й армии и Западного фронта. Это было очевидное укрепление позиций М. Тухачевского.

Совет по подготовке РККА, определенный в июле 1924 г., красноречиво свидетельствует о том, кто персонально оказался в составе неформальной военной элиты. Не считая Л. Троцкого, это были:

1. **М. Фрунзе** (председатель) — заместитель Председателя РВС СССР и наркома.
2. **С. Каменев** — Инспектор РККА.
3. **П. Лебедев** — бывший начальник Штаба РККА.
4. **А. Бубнов** — начальник ПУР.
5. **Н. Петин** — начальник Управления РККА.
6. **М. Тухачевский** — заместитель и и.о. начальника Штаба РККА.
7. **Б. Шапошников** — помощник начальника Штаба РККА.
8. **Р. Муклевич** — военный комиссар Военной академии РККА.
9. **И. Якир** — начальник УВУЗ РККА.
10. **А. Розенгольц** — начальник Управления ВВС РККА.
11. **С. Меженинов** — начальник штаба Управления ВВС РККА.
12. **Э. Панцержанский** — начальник ВМС РККА.
13. **В. Зоф** — военный комиссар ВМС РККА.

14. **В. Путна** — начальник Управления войсковой подготовкой при Инспекторе РККА.

15. **В. Селицкий** — от инспектора кавалерии РККА.

16. **С. Венцов-Кранц** — начальник 2-го (Организационно-мобилизационного) правления Штаба РККА.

17. **А. Вольпе** — ответственный секретарь[1].

18. **Воронин**, член РВС ЛВО — введен в состав Совета в августе 1924 г.

Примечательно, что на третьем месте по-прежнему оставался «опальный» П. Лебедев, официально считавшийся на пенсии и в отставке, а на 6-м — «опальный» М. Тухачевский. Примечательно также и то, что ответственным за подготовку кавалерии был выдвинут не инспектор этого рода войск С. Буденный, а военспец В. Селицкий. Обращает на себя внимание и включение в состав Совета (элиты) В. Путны и С. Венцова-Кранца. По номенклатуре должностей это были лица «второго ряда».

С учетом указанных кадровых перестановок и определенной «радикализации» военно-политических ориентиров, очевидно, была предпринята в начале сентября 1924 г. поездка М. Тухачевского «по делам службы в Западный военный округ»[2]. В это же время в Минск выехал и С. Буденный[3]. Похоже, что эти поездки М. Тухачевского и С. Буденного проходили в контексте не только вышеочерченной «новой» военной политики Л. Троцкого, но и событий, смутное и отчасти «апокрифическое» отражение которых обнаруживается в воспоминаниях Г. Беседовского.

Находясь в центре «дипломатической кухни», он вспоминал о том, что в 1924 г., в условиях ущемления национально-культурных прав украинского и белорусского населения в той части Украины и Белоруссии, которые находились в составе Польши, было заметно нарастающее социальное возбуждение, чреватое открытым восстанием. Оно в значительной мере подготавливалось и работниками Коминтерна, Разведупра Штаба РККА, ИНО ОГПУ.

«...Кое-кто из руководителей советской политики мечтал о

---

[1] Военный вестник. 1924. № 27.

[2] Красная звезда. 1924. 25 сентября, № 218.

[3] Там же. 2 сентября, № 199.

том, — писал Г. Беседовский, — чтобы использовать такое восстание на манер знаменитой инсценировки Орджоникидзе, захватившего демократическую Грузию. Высказывались соображения (их особенно поддерживал покойный Фрунзе, игравший, не в пример ничтожному Ворошилову, большую роль в Политбюро), что под шумок такого восстания можно нанести Польше короткий военный удар, дойдя до линии Буга и закрепившись на ней, то есть восстановить линию Керзона. Главная работа с этой целью производилась органами Разведупра, создавшими вдоль польско-советской границы ряд специальных пунктов. Эти пункты, во главе которых одно время стоял талантливый красный генерал Семенов (это был одессит по фамилии Шалит), создали на польской Волыни большую боевую организацию, включавшую в свои ряды около десяти тысяч человек. Организация эта была создана по военному образцу: она делилась на полки, батальоны и роты, которые должны были служить кадрами развернутых повстанческих частей после первых успехов восстания. Всю работу по созданию этой организации провел Разведупр с согласия и под руководством Фрунзе, причем, как во всех, впрочем, странах, советское военное министерство и не подумало согласовывать этого вопроса с Комиссариатом иностранных дел»[1].

Эта ситуация в то же время внушала оптимизм в плане своего «военного решения» и соответствующими антипольскими настроениями в Германии и в германских правительственных кругах. Официальные дипломатические представители Германии зондировали «почву» среди советского руководства на предмет совместного с Германией «оттеснения Польши в этнографические границы»[2] путем вооруженного вмешательства. В такой обстановке важным подспорьем оказывался так называемый «виленский вопрос». Он служил причиной хронически нестабильных и враждебных отношений между Польшей и Литвой, толкавших последнюю на сторону Германии и СССР. Напряженная ситуация сохранялась в сентябре и в октябре 1924 г. М. Тухачевский оставался в Западном военном округе до конца октября 1924 г.[3]. В октябре на

[1] *Беседовский Г.* На путях к Термидору. С. 123—124.

[2] *Ахтамзян А.* Рапалльская политика. М., 1974. С. 132—133.

[3] Красная звезда. 1924. 11 октября, № 232.

юго-западную границу выехал и М. Фрунзе[1]. Сложившаяся ситуация вынуждала перенести открытие съезда ВНО с 15 ноября на середину декабря 1924 г. из-за отсутствия председателя организационной комиссии по созыву этого съезда М. Тухачевского[2]. В связи с вышеотмеченными военно-политическими и внешнеполитическими обстоятельствами были осуществлены новые кадровые перестановки в высшем руководстве РККА.

Проведенные кадровые перестановки почти не изменили персональный состав номенклатурной военной элиты. Они свидетельствуют о попытках вновь вернуться к парадигме «революционной войны» в военно-политических вопросах, что само собой должно было вновь сместить доминанту в постановке и решениях политических проблем от «политиков» к «генералам». Косвенным образом на это указывает фактическое возвращение М. Тухачевского на Западный фронт, назначение его Главным руководителем по стратегии всех академий РККА при сохранении за ним должности помощника начальника Штаба РККА. На это же указывает и проведенное несколько ранее назначение А. Павлова на должность помощника командующего Западным военным округом.

Однако нанесение «короткого удара» по Польше, с тем чтобы «оттеснить Польшу в ее этнографические границы», натолкнулось, как и прежде, на неготовность Красной Армии к такому «предприятию». Военно-реваншистские настроения советского генералитета приходилось сдерживать: на ноябрьско-декабрьском пленуме РВС СССР 1924 г. М. Фрунзе успокаивал своих коллег: «Нужно подождать, нужно иметь передышку... Если бы встала задача выступления на поле сражения, мы должны сказать, что это нам сейчас не под силу... И надо надеяться, что в текущем году будут более крупные достижения»[3]. Это обстоятельство вновь переместило доминанту споров и дискуссий в руководящее звено РККА. Вновь острому обсуждению подверглись вопросы о методах и способах решения проблемы боевой подготовки Красной Армии.

В соответствии с реорганизацией от 23 марта 1924 г. компе-

---

[1] Красная звезда. 1924. 14 октября, № 234.

[2] Там же. 11 октября, № 232; 27 октября, № 245.

[3] *Фрунзе М.В.* Доклад «Об итогах реорганизации Красной Армии» // Военно-исторический журнал. 1966. № 8. С. 68.

тенция Штаба РККА была значительно урезана. Напомню, что Штаб РККА был разделен на три части: собственно Штаб РККА, функции которого были ограничены исключительно оперативно-плановыми вопросами, Управление РККА, ведавшее всей текущей жизнью армии, и Инспекторат РККА, обеспечивавший подготовку войск. Штаб РККА фактически был лишен функций исполнительного аппарата НКВМ и Главкома. По сути дела, исполнительный аппарат НКВМ теперь был разделен на три ведомства. То, что такая реорганизация носила умозрительный, бюрократический характер и руководствовалась в первую очередь соображениями политическими, было ясно хотя бы из того, что на практике оказывалось весьма трудно определить функции этих трех управляющих ведомств. Это обстоятельство разжигало трения между ними, усугублявшиеся личными амбициями. Последние приобретали политический оттенок в условиях острой политической борьбы в партийно-политических верхах.

М. Тухачевский, являясь сторонником единого Генерального штаба, стремился, если не в полной мере, то хотя бы частично ликвидировать «штабное многовластие». Он считал, что в интересах дела и более эффективной подготовки войск необходимо присоединить Инспекторат к Штабу РККА. Он был поддержан бывшим Главкомом С. Каменевым. Собственно, ключевым аспектом данной проблемы был вопрос о том, кто будет руководить боевой подготовкой войск — Штаб РККА или самостоятельная структура — Инспекторат. Проблема, в общем, так и не была разрешена до конца: 31 октября 1924 г. было решено ввести Инспекторат в состав Штаба РККА, однако в войсках, в округах, инспекция, включая боевую подготовку, оказалась подчиненной командующему округом, а не начальнику штаба.

Главным оппонентом М. Тухачевского и С. Каменева выступал командующий Вооруженными силами Украины и Крыма А. Егоров. Основная и весьма острая полемика между М. Тухачевским и А. Егоровым по проблеме боевой подготовки Красной Армии и функциональному отношению к ее решению Штаба РККА развернулась на расширенном Пленуме РВС СССР 24 ноября — 1 декабря 1924 г.

Считая, что функции боевой подготовки армии должны находиться в Штабе РККА, а это означало интегрирование Инспекто-

рата в структуру Штаба РККА, М. Тухачевский полагал реализацию этого принципа не только в центре, но и в военных округах. «Я утверждаю, — говорил М. Тухачевский, — что командующий всегда будет сидеть в штабе, если у него будет 10 подчиненных инспекторов, и будет перегружен этими делами, а войсковой работой некогда будет заниматься». По мысли М. Тухачевского, «командующий должен заниматься войсковой работой и строевой». В этом его основные функциональные и должностные обязанности. М. Тухачевский считал, что общее руководство боевой подготовкой войск и в округах должен осуществлять штаб военного округа, подчиняющийся как командующему, так и Штабу РККА. «Когда говорят, что для этого есть помощник (командующего округом), то тем же самым противоречат себе, — рассуждал М. Тухачевский. — Какая же инстанция лучше — помощник или начальник штаба? Конечно, начальник штаба. В том виде, как мы сейчас хотим его изобразить, мы превращаем его во вредную фигуру, который ничего не будет знать, какие у него войска, на что он может рассчитывать». М. Тухачевский достаточно четко определил структуру подготовки войск: «Управление ведет повседневную работу, штаб готовит оперативные планы, но на основании конкретной известной обстановки и проводит подготовку войск»[1].

Оппонировавший М. Тухачевскому командующий ВСУК и УВО А. Егоров считал, что «предложение тов. Тухачевского сведет дело к тому, что, в конце концов, начальник штаба будет ведать всем, и оперативной обстановкой, опирающейся на знание войск, и разработкой планов. По-моему, все принадлежит командующему войсками, а начальник штаба разрабатывает оперативные планы». Делая выводы из своего выступления, А. Егоров утверждал: «Командующий войсками отвечает за оперативную часть, а не начальник штаба. Линию боевой подготовки в округах не включать в штаб, а... оставить под непосредственной опекой и вниманием» командующего округом[2].

М. Фрунзе несколько колебался, но потом присоединился к большинству мнений, которые склонялись в сторону А. Егоро-

---

[1] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 60. Л. 317.

[2] Там же. Л. 318.

ва[1]. Это решение было принято на ноябрьско-декабрьском пленуме РВС СССР 1924 г. Победила точка зрения А. Егорова. В декабре 1924 г. был проведен ряд кадровых перестановок, укрепивших положение не только М. Фрунзе, но и А. Егорова, выразившихся в нижеследующих персональных назначениях:

1. **Баранов П.И.** — начальник ВВС РККА (с 12.1924).

2. **Зоф В.И.** — начальник Морских сил РККА (с 12.1924).

3. **Уборевич И.П.** — помощник командующего и начальник штаба ВСУК и УВО (с 12.1924).

Однако, планируя окончательное отстранение Л. Троцкого от руководства вооруженными силами, стремясь предотвратить сближение с ним М. Тухачевского, а также учитывая практическую целесообразность предложений последнего, в идеологию и структуру центрального армейского аппарата к январю и в январе 1925 г. был внесен ряд изменений. Во-первых, открытие съезда было перенесено на декабрь 1924 г. Во-вторых, принято предложение М. Тухачевского об объединении Штаба РККА и Инспектората (вместе с боевой подготовкой). В-третьих, в начале декабря 1924 г. М. Фрунзе подтвердил назначение М. Тухачевского Главным руководителем по стратегии всех академий РККА. В-четвертых, было принято предложение М. Тухачевского о создании в составе Штаба РККА Управления по исследованию и использованию опыта войн. Наконец, М. Тухачевскому было обещано вернуть командование Западным военным округом, а это означало возвращение к активной военной политике на Западе, и ввести его в состав РВС СССР, что действительно было осуществлено в начале февраля 1925 г. Кроме того, на должность начальника объединенных Штаба РККА и Инспектората назначили его сторонника С. Каменева, а заместителем к последнему — «протеже» М. Тухачевского С. Пугачева. Уступки М. Тухачевскому были сделаны и в весьма важном вопросе: подготовке к ближайшей наступательной «революционной войне» из Белоруссии. Об этом громогласно под бурные аплодисменты и крики одобрения М. Тухачевский, как командующий Западным военным округом, заявил на 7-м Всебелорусском съезде Советов в Минске в мае 1925 г., призвав правительство Белоруссии «по-

[1] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 60. Л. 319.

ставить в порядок своего дня вопрос о войне»[1]. Это были ключевые аспекты военно-политической позиции М. Тухачевского. Принятие их политическим и военным руководством позволяло «отсечь» М. Тухачевского от Л. Троцкого и лишить последнего сколько-нибудь существенной поддержки в военной элите. Смещение Л. Троцкого с должности Председателя РВС СССР и Наркома по военным и морским делам 25 января 1925 г. было наконец осуществлено. 27 января и 5 февраля 1925 г. на заседаниях Политбюро ЦК по представлению М. Фрунзе, уже назначенного Наркомом по военным и морским делам и Председателем РВС СССР, было принято решение о масштабных кадровых перестановках в высшем руководстве РККА.

Военная реформа в Красной Армии, проводившаяся под руководством М. Фрунзе в 1924—1925 гг. и связанная с его именем, исследована достаточно полно и квалифицированно. Поэтому я не вижу необходимости обращаться к этому вопросу. Впрочем, он и не является предметом моего исследования. Ее результаты неоднозначно оценивались современниками и потомками. В основном реформирование Красной Армии, проведенное за короткое время руководства М. Фрунзе, заслужило исключительно положительную оценку. Чтобы отвлечься от штампов советского времени, которые в контесте апологии покойного М. Фрунзе, превратив его в «икону» Красной Армии, «канонизировали» и проведенную им реформу, обращусь к автору вполне авторитетному и в то же время независимому, критически настроенному. Это бывший сослуживец М. Тухачевского по лейб-гвардии Семеновского полка, известный в русском зарубежье военный ученый А. Зайцов. Он так оценивал личность М. Фрунзе как руководителя РККА и проведенную им военную реформу:

«По отзывам всех соприкасавшихся с ним лиц, Фрунзе обладал большим здравым смыслом и способностью уловить существо дела в военных вопросах, несмотря на полное отсутствие военно-теоретической подготовки, — писал А. Зайцов. — По-видимому, он прислушивался к советам всегда окружавших его военных специалистов из бывших специалистов Генерального штаба старой

[1] 7 Всебелорусский Съезд Советов. Стенографический отчет. Минск, 1925. С. 231.

русской армии... Ни до, ни после него Красная Армия не имела столь выдающегося руководителя»[1].

А. Зайцов не без оснований считал, что «главными данными, содействовавшими» успеху М. Фрунзе в проведении военной реформы, «были, наряду с его природными качествами и образованием, желание считаться с мнением специалистов, с одной стороны, и его большой удельный партийный вес — с другой. Во всяком случае, он сумел найти какую-то равнодействующую между стремлениями партии и интересами военного дела. Поэтому его реформы, в сущности, и положили основание современной Красной Армии. Все, что было сделано после него, как раз лишено этого равновесия»[2]. Достаточно детально для статьи, посвященной не только и не специально военной реформе М. Фрунзе, анализируя основные аспекты проведенных им военных преобразований, А. Зайцов акцентировал внимание на принципиальных основах реформы. «...Реформой Фрунзе была реорганизация Красной Армии на основании опыта Мировой войны... — писал А. Зайцов. — Победа красных в гражданскую войну, в глазах выдвинутого ею командного состава, оправдала применявшиеся в ней приемы, и многие из них, не видавшие настоящей войны или участвовавшие в ней на самых низших постах, поверили, что именно в них-то и лежит истина. Упоение победой заставляло их считать, что именно ими найдено последнее слово. Опыт же гражданской войны совершенно исказил истинное представление о современной армии... Изжить все эти заблуждения и перейти на современные рельсы было совсем не легко. И тем не менее Фрунзе удалось более или менее вывести Красную Армию из этого сумбура. Принятая Фрунзе и затем, после него, лишь совершенствовавшаяся организация Красной Армии поэтому является компромиссом между опытом гражданской войны и принципами устройства современных армий»[3].

Нет необходимости втягиваться в спор о том, насколько А. Зайцов верно судил о существе «современной армии» (в 1934 г).

---

[1] *Зайцов А.* Шестнадцать лет РККА // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 230.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 232.

Боевые действия Второй мировой войны внесли слишком существенные и драматические коррективы в такого рода суждения. Автор, по сути дела, «современной» считал такую армию для России — СССР, которая возвращалась к организационным и оперативно-стратегическим, оперативно-тактическим нормам подготовки, каковой была дореволюционная русская армия. События Второй мировой войны показали, что это было не так. Критическая оценка оперативно-тактического и организационного опыта Гражданской войны в России со стороны А. Зайцова была в значительной мере обусловлена и победой «красных», которые сумели найти адекватные формы и методы организации и подготовки своей армии и выиграли войну. Она была обусловлена и стремлением «реабилитировать» русский дореволюционный «Генштаб», оказавшийся не в состоянии, несмотря на «военную образованность» и опыт «мировой войны», противопоставить «красным» соответствующую вооруженную силу. Критика А. Зайцова была направлена и против «доктрины» М. Тухачевского, главного идеолога «революционной войны», хотя, надо отдать должное автору, он достаточно высоко оценивал военно-организаторские способности своего старого полкового приятеля[1].

Не отвлекаясь на все аспекты военной реформы М. Фрунзе, замечу лишь, что принципы подготовки кадров и, самое главное, методы кадровой политики в формировании высшего комсостава и военной элиты Красной Армии, заложенные в 1924—1925 гг., не бесспорны. Трудно сказать, какую бы политику в этом направлении проводил М. Фрунзе, если бы его жизнь и военная карьера не прервались осенью 1925 г., однако то, что делал его преемник под патронажем «сталинского руководства», вызывает серьезные сомнения. А. Зайцов справедливо и верно заметил, что М. Фрунзе был, возможно, в силу своего характера и прошлого жизненного, революционно-партийного опыта человеком компромисса. Во время именно своего руководства РККА М. Фрунзе, в частности, попытался соединить концептуально-стратегические подходы двух идеологов-антиподов: М. Тухачевского с его «стратегией сокрушения» и А. Свечина, имевшего репутацию сторонника «стратегии

[1] *Зайцов А.* Шестнадцать лет РККА // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 257.

измора». Первый, назначенный еще в 1924 г. Главным руководителем по стратегии всех академий РККА, в 1925 г. получил в качестве одного из своих заместителей в этой должности А. Свечина. Сама его реформа организации и системы комплектования Красной Армии, равно как и система управления ею, обнаруживала повсеместный компромисс. Выше мне приходилось останавливать внимание на острой дискуссии по проблеме Штаба РККА, места и роли Инспектората, между М. Тухачевским и А. Егоровым, на проблеме «реальной пехоты», когда многие «генералы» оппонировали тому же М. Тухачевскому. М. Фрунзе в этих ситуациях занимал позицию посредника, ориентируясь на «перевес» того или иного мнения. Был ли такой, компромиссный подход М. Фрунзе к важным вопросам устройства вооруженных сил обусловлен текущей, вынуждающей ситуацией, или это являлось отпечатком его личности? Смог бы он в ситуации, когда требовалась действительно жесткая решимость, проявить ее или нет? Определенный ответ на поставленные вопросы, исходя из наблюдения предшествовавшей деятельности М. Фрунзе в качестве руководителя РККА, дать трудно. И этот вопрос — соотношения реалий в формировании и эволюции советской военной элиты после 1925 г. и намерений М. Фрунзе в этом отношении — нуждается в рассмотрении.

В контексте указанного вопроса следует иметь в виду принятие в период руководства М. Фрунзе одного из самых важных решений, оказавшего существенное влияние на последующую ротацию советской военной элиты и на ее персональный состав. На основании решений ЦК РКП(б), принятых, несомненно, под давлением высшего комсостава РККА, РВС СССР издает 2 марта 1925 г. приказ о введении единоначалия в Красной Армии. Это еще не было актом полного упразднения военных комиссаров, но уже началом курса на полное их отстранение от командования частями и соединениями РККА. Именно в условиях настойчивой реализации этого курса и доведения его до логического завершения происходили кадровые изменения в составе номенклатурной советской военной элиты сразу же после неожиданной смерти Председателя РВС СССР и Наркомвоенмора М. Фрунзе 31 октября 1925 г.

М. Тухачевский был назначен начальником Штаба РККА еще до 6 ноября 1925 г., когда ЦК РКП(б) и ЦИК приняли решение о назначении К. Ворошилова. Ответственный сотрудник Полит-

управления Западного военного округа И. Телятников в связи с обстановкой, сложившейся вскоре после смерти М. Фрунзе, вспоминал: «Я входил в состав небольшой делегации Западного военного округа, прибывшей на похороны Михаила Васильевича Фрунзе. М.Н. Тухачевский тогда уже служил в Москве, но в почетном карауле у гроба М.В. Фрунзе он стоял вместе с нами. А вечером Михаил Николаевич пришел к нам в вагон...»[1] Именно во время этого «вагонного разговора» М. Тухачевский и выразил свое мнение по поводу кандидатуры Г. Орджоникидзе на должность Председателя РВС СССР и Наркомвоенмора[2]. Он как бы подсказывал своим бывшим сослуживцам, кого нужно выдвигать в наркомы. Как известно, похороны М. Фрунзе состоялись 3 ноября 1925 г. К этому времени М. Тухачевский уже служил в Москве, будучи по рекомендации М. Фрунзе назначенным начальником Штаба РККА. Скорее всего, негласно М. Тухачевский был назначен начальником Штаба РККА еще в октябре (если не во второй половине сентября) 1925 г., после возвращения из Германии, где он находился на маневрах рейхсвера с 27 августа и по 20-е числа сентября 1925 г. Кадровые перестановки в руководстве Штабом РККА начались с конца августа 1925 г. В. Триандофиллов был назначен начальником 1-го Оперативного управления Штаба РККА официально, с 1 сентября 1925 г., решение было принято еще 10 августа.

Учитывая приведенные выше обстоятельства, можно полагать, что назначенный 6 ноября 1925 г. Председателем РВС СССР и наркомом К. Ворошилов был поставлен перед уже сложившейся ситуацией: М. Тухачевский уже был начальником Штаба РККА. Таким образом, он не был выдвинут на эту должность новым наркомом. Он был «креатурой» покойного М. Фрунзе. Поэтому все последующие действия высшего политического руководства и действовавших с его ведома ОГПУ и наркомата в отношении М. Тухачевского оказываются вполне логичными. Они шли, как мне представляется, в нескольких направлениях.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что смерть

---

[1] *Телятников И.А.* Вникая во все // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 169.

[2] Там же. С. 170.

М. Фрунзе снимала своеобразный «мораторий» на агентурную разработку слухов о «заговоре в Красной Армии». Первым, как мне думается, результатом этого было вышеотмеченное смещение В. Гиттиса с должности командующего ЛВО. Вторым — агентурное наблюдение за М. Тухачевским. Уже в декабре 1925 г. секретный агент ОГПУ Овсянников информировал руководство о том, что «в настоящее время среди кадрового офицерства и генералитета наиболее выявилось 2 течения: монархическое... и бонапартистское, концентрация которого происходит вокруг М.Н. Тухачевского»[1]. Вскоре тот же агент уже называл ряд командиров РККА из бывших офицеров, «которые якобы входили в кружок Тухачевского», который стали называть «бонапартистским»[2]. С 1926 г. было выделено специальное наблюдательное «дело Тухачевского» для агентурного наблюдения «кружка бонапартистов»[3]. В связи с его разработкой начали привлекаться к негласному сотрудничеству с ОГПУ некоторые сослуживцы М. Тухачевского в качестве секретных агентов[4]. Очевидно, учитывая и эти соображения, в 1926 г. из Управления Ленинградского военного округа в Оперативное управление Штаба РККА был переведен Д. Зуев, уже являвшийся секретным сотрудником ОГПУ. Вероятно, сам М. Тухачевский способствовал этому переводу, поскольку, как ранее отмечалось, Д. Зуев, будучи весьма образованным специалистом и способным человеком, находился в близких приятельских отношениях с А. Зайончковским и Н. Какуриным, а через них, к этому времени, и с самим М. Тухачевским. Д. Зуев стал одним из активных «секретных сотрудников», приставленных к М. Тухачевскому и поставлявших информацию о начальнике Штаба РККА[5].

В составе так называемого «бонапартистского кружка» М. Тухачевского с этого времени встречаются фамилии А. Виноградова, Н. Какурина, И. Троицкого, А. Зайончковского, А. Готовского, В. Готовского, Н. Соллогуба, Д. Зуева, А. Де-Лазари. Н. Какурин

---

[1] Справка о проверке обвинений... // Военные архивы России. Вып. 1. С. 100.

[2] Там же. С. 100—101.

[3] Там же. С. 101.

[4] Там же.

[5] Там же.

добавляет: «Колесинский, Эстрейхер-Егоров, Гай, Никонов, Чусов, Ветлин, Кауфельдт»[1]. ...Вернувшийся из Турции в 1925 г. И. Троицкий вспоминал, касаясь так называемого «бонапартистского кружка» М. Тухачевского: «...Я восстановил связи с Тухачевским и Какуриным. У Тухачевского я сделался частым гостем. У него собирались почти каждый день... За период 1926—1930 гг. я являлся агитатором достоинств Тухачевского. Восхвалял при всех удобных случаях его таланты...»[2] Сообщая о деятельности этого «кружка», Н. Какурин, в свою очередь, пояснял: «В Москве временами собирались у Тухачевского, временами у Гая, временами у цыганки. В Ленинграде собирались у Тухачевского. Лидером всех собраний являлся Тухачевский...»[3] Рассказывая, в сущности, о том же, К. Павлова-Давыдова, хорошо знавшая М. Тухачевского и Г. Гая еще с 1918 г., вспоминала: «Наши встречи возобновились только в Москве, на новогодних вечерах у Г.Д. Гая»[4]. Дополняя ее, делилась своими воспоминаниями и Л. Гусева: «...Михаил Николаевич и Нина Евгеньевна умели создать обстановку непринужденности. У них каждый чувствовал себя легко, свободно, мог откровенно высказать свои мысли, не боясь, что его прервут или обидят»[5]. Отвергая подозрения в конспиративных антигосударственных замыслах участников встреч, арестованный в 1930 г. И. Троицкий заявлял: «О какой-либо политической группировке не было и речи, но все члены компании молча соглашались друг с другом, что центром объединения является Тухачевский и его политическое будущее»[6].

Несомненно, однако, что «застольный» характер дружеских общений располагал к «раскованности» и словесным вольностям. Весьма характерно в этом отношении «признание» одного из друзей М. Тухачевского и завсегдатаев застолий Г. Гая. Обращаясь к Г. Ягоде, он каялся, что «совершил весьма тяжелое, ужасное пре-

---

[1] Справка о проверке обвинений... // Военные архивы России. Вып. 1. С. 103.

[2] Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 105.

[3] Там же. С. 103.

[4] *Павлова-Давыдова К.М.* Незабываемое // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 109.

[5] *Гусева Л.В.* Весь для людей // Там же. С. 154—155.

[6] Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 105.

ступление перед партией — тов. Сталиным, будучи выпивши, в частном разговоре с беспартийным сказал, что «надо убрать Сталина, все равно его уберут»... Перебороть окончательно влияние товарищей, влияние шушукающей среды, я не мог. И вот вырвало все это по адресу вождя партии, по адресу тов. Сталина, в такой гнусной форме и словах... Осознав всю глубину совершенного мною преступления, я хочу окончательно и бесповоротно порвать с товарищами и средой, которые оказывали на меня влияние...»[1] Трудно сказать с определенностью, кого конкретно имел в виду Г. Гай под «товарищами» и «средой», однако совсем недавно в числе таковых были М. Тухачевский, Н. Какурин, И. Троицкий, А. Колесинский, Ф. Кауфельд и другие частые посетители квартиры М. Тухачевского, Н. Какурина или самого Г. Гая. И хотя вышецитированные строчки из письма Г. Гая относятся к ноябрю 1935 г. и написаны им вскоре после ареста, его пьяные рассуждения, возможно отчасти, отражают содержание бесед у М. Тухачевского. «...Михаил Николаевич говорил... — сообщал Н. Какурин на допросе в начале октября 1930 г., — что рука фанатика для развязывания правого уклона не остановится и перед покушением на жизнь самого тов. Сталина...» По мнению Н. Какурина, «говоря в качестве прогноза о фанатике, стреляющем в Сталина, Тухачевский просто вуалировал ту перспективу, над которой он сам размышлял в действительности»[2]. Так это было или нет, но застольные и обычные приятельские разговоры, особенно в обстановке обострения военных и политических проблем страны в 20-е годы, среди лиц, окружавших М. Тухачевского, бывали порой достаточно откровенны и политически заинтересованными. Сам М. Тухачевский в кругу близких людей порой нарочито откровенно демонстрировал свое отношение к политической ситуации, кадровым перестановкам в военном руководстве, выражал свое мнение.

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 82. Л. 77—79. Документ опубликован в сб.: Генрих Ягода. Нарком внутренних дел, Генеральный комиссар госбезопасности: Сборник документов. Казань, 1997. С. 452.

[2] Там же. С. 104. Известно, что А. Енукидзе был связан узами личной дружбы с М. Томским. Они были к тому же соседями по квартирам в Кремле. Возможно, именно от А. Енукидзе узнал М. Тухачевский о стычке между М. Томским и И. Сталиным еще в 1928 г., когда в пылу ссоры М. Томский пригрозил И. Сталину, что застрелит его.

Впрочем, наблюдение за поведением М. Тухачевского осуществлялось и вполне легально. В 1926 г. происходит ряд кадровых перестановок среди ответственных сотрудников М. Тухачевского по Штабу РККА. Видимо, те из них, которые фактически не выполнили своих функций секретных сотрудников ОГПУ и не дали никаких сведений о своем начальнике, были заменены на более «удобных» в этом отношении и «полезных»[1]. 16 декабря 1926 г. начальник 2-го (Организационно-мобилизационного) управления Штаба РККА С. Венцов-Кранц[2] был смещен со своей должности без назначения, «для особых поручений при Председателе РВС СССР». Эта формулировка часто скрывала «опальное» состояние офицера и генерала. Вместо него на освободившуюся должность был назначен Н. Ефимов[3]. Предшествующая служба Н. Ефимова весьма красноречиво свидетельствует о его служебных функциях не только в качестве начальника 2-го Управления Штаба РККА. Н. Ефимов с лета 1921 г. и до января 1924 г. служил в войсках ВЧК—ГПУ на ответственных должностях второго помощника начальника Управления войск ВЧК и начальника штаба войск ГПУ. Последнюю должность он исполнял под непосредственным начальством Г. Ягоды. Именно то обстоятельство, что че-

---

[1] Как говорится в «Справке о проверке обвинений...», «органы НКВД привлекли к негласному сотрудничеству некоторых сослуживцев Тухачевского и направили их на разработку этого кружка, называя его «бонапартистским». Однако никто из них, в том числе Овсянников, не сообщал о какой-либо антисоветской деятельности Тухачевского» (Военные архивы России. Вып. 1. С. 101).

[2] Венцов-Кранц Семен Иванович (1897—1937). Еврей, прапорщик 1917 г. Член РКП(б). В РККА с 1919 г. Служил сначала военным комиссаром. В 1921 г. принимал участие в подавлении Тамбовского восстания в качестве начальника штаба у И. Уборевича, с которым в той же должности воевал в Белоруссии. В 1922 г. окончил Академию Генерального штаба.

[3] Ефимов Николай Алексеевич (1897—1937), русский, подпоручик военного времени, член РКП(б). В РККА с 1918 г. Активный участник Гражданской войны. Служил в основном начальником штабов бригад и дивизий. В 1921 г. — второй помощник начальника управления войск ВЧК. В 1922—1923 гг. — на стажировке в войсках ГПУ. С 1923 по январь 1924 г. — начальник штаба войск ГПУ. С января 1924 по 16 декабря 1926 г. — начальник командного управления ГУРККА. С 1926 по 1929 г. — начальник 2-го (Организационного) Управления Штаба РККА. В 1929—1930 гг. — заместитель начальника вооружений РККА, а с 1930 г. и до конца службы — начальник Главного артиллерийского управления РККА.

ловек этот был не только опытным и способным работником, но также «проверенный» и «преданный», видимо, сыграло важную роль в его назначении на должность начальника Командного управления Штаба, а затем ГУРККА в январе 1924 г. Как раз в наиболее острый период политической борьбы и начавшейся «чистки» советской военной элиты. Назначение Н. Ефимова (можно сказать «человека Ягоды») на должность начальника 2-го Управления Штаба РККА в конце 1926 г. означало совершенно «легально» приставить к М. Тухачевскому «наблюдателя из ОГПУ». Не исключено, что аналогичные соображения играли роль и при замене в должности начальника Научно-уставного отдела Штаба РККА с 1 ноября 1925 г. «ветерана» 5-й армии и «креатуры» М. Тухачевского А. Лапина[1] на В. Меликова[2].

Во-вторых, по существу, сразу же после назначения К. Ворошилова новым Председателем РВС СССР и наркомом должностные обязанности М. Тухачевского как начальника Штаба РККА начали постепенно, но неуклонно сужаться. В компетенции начальника Штаба РККА оставалось все меньше и меньше сфер контроля, управления армейскими процессами и меньше рычагов влияния на них. Одновременно 13 ноября 1925 г. из структуры

---

[1] Лапин Альберт Янович (1899—1937), латыш, из рабочих, член РКП(б) с 1917 г. Красногвардеец. В РККА с 1918 г. Служил сначала военным комиссаром, затем на командных должностях, в 5-й армии М. Тухачевского. Ветеран 26-й и 27-й стрелковых дивизий 5-й армии. По рекомендации М. Тухачевского был выдвинут на должность командира сначала стрелковой бригады, затем — 30-й стрелковой дивизии в конце 1919 г. В 1921—1922 гг. служил на высших командных должностях на Дальнем Востоке, был командующим Забайкальским военным округом. Окончил Военную академию РККА в 1925 г. В 1925—1926 гг. — военный советник в Китае. С 10 февраля 1925 по 1 ноября 1925 г. — начальник Управления по исследованию и использованию опыта войн Штаба РККА. В последующие годы на высших штабных и командных должностях, в том числе — в ВВС РККА.

[2] Меликов Владимир Арсеньевич (1897—1946), русский, член РКП(б) с 1921 г. Красногвардеец. В Красной Армии с 1918 г. Служил в комиссариате Всероглавштаба, затем на командных должностях. В 1919—1920 гг. — помощник начальника оперативной части Полевого штаба РВСР. В июне—августе 1920 г. — заместитель командующего 4-й армией Западного фронта, затем начальник 13-й стрелковой дивизии. В 1924 г. окончил Военную академию РККА. С начала 1925 г. заместитель начальника Управления по исследованию и использованию опыта войн Штаба РККА. Спустя два с половиной года В. Меликов будет в весьма грубой форме дискредитировать М. Тухачевского как полководца.

Штаба РККА были выведены Инспекторат и Управление Боевой подготовки. Именно те структурные элементы, за включение которых в состав Штаба РККА М. Тухачевский вел острые дискуссии в 1924 г. с оппонентами, особенно с А. Егоровым. Вскоре после назначения на должность М. Тухачевский обнаружил и фактическое изъятие из-под его подчинения 4-го (Разведывательного) Управления Штаба РККА. 31 января 1926 г. в докладе наркому М. Тухачевский выражал свое возмущение этим фактом.

«Я уже докладывал Вам словесно о том, что Штаб РККА работает в таких ненормальных условиях, которые делают невозможной продуктивную работу, а также не позволяют Штабу РККА нести ту ответственность, которая на него возлагается положением, — писал он в своем докладе. — Основными моментами, дезорганизующими работу Штаба, являются:

а) фактическая неподчиненность Штабу РККА Разведупра и

б) проведение (оперативно-стратегических и организационных) мероприятий за восточными границами помимо Штаба РККА через секретариаты Реввоенсовета.

Такая организация, может быть, имела смысл при прежнем составе Штаба, когда ряд вопросов особо секретных ему нельзя было доверять»[1].

Выражая резкое недоумение по поводу недоверия новому составу Штаба РККА, его начальник М. Тухачевский заявлял: «Штаб РККА не может вести разработки планов войны, не имея возможности углубиться в разведку возможных противников и изучить их подготовку к войне по первоисточникам. В этих условиях Штаб и в первую очередь его начальник, ведя нашу подготовку к войне, не может отвечать за соответствие ее предстоящим задачам... Если, например, Штаб РККА подготовит наше стратегическое развертывание ошибочно, если все преимущества перейдут на сторону противника, то мы рискуем величайшими пораже-

[1] «В настоящее время, когда новый состав Штаба в его основных секретных отделах доведен почти до 100% коммунистов, считаю такой подход к нему совершенно неправильным. Иначе не было бы смысла перетряхивать весь старый Штаб и потом не доверять новому», — писал М. Тухачевский. РГВА. Маршал М.Н. Тухачевский (1893—1937) (Комплект документов из фондов РГВА). Доклад начальника Штаба РККА М. Тухачевского Председателю РВС СССР тов. Ворошилову от 31 января 1926 г., л. 1.

ниями... Естественно, всех собак будут вешать на Штаб РККА, но по существу, при настоящих условиях, он не может нести за это полной ответственности»[1].

М. Тухачевский выражал возмущение и категорически заявлял в связи с вышеизложенным: «...В нынешних условиях я считаю свое положение ложным и организацией изучения противника не занимаюсь и при всем желании не могу заниматься».

Особое внимание наркома М. Тухачевский обратил на вредную практику проведения «оперативных мероприятий помимо Оперупра и Штаба РККА».

«Здесь положение еще хуже, — указывал начальник Штаба. — Если Разведупр дает Штабу РККА хотя бы сухие выводы (которые не всегда удовлетворяют Штаб), то благодаря вышеуказанной работе, проводимой тайно от Штаба РККА, руководящий состав последнего, в силу объективного хода вещей, постоянно вводится в заблуждение. Ибо, если Разведупр говорит о том, что делается у противников, секретариаты, ведущие зарубежную работу, скрывают это»[2]. В доказательство порочности и опасности такого рода практики М. Тухачевский обратил внимание К. Ворошилова на конкретный и весьма симптоматичный факт.

«В ночь с 22-го на 23-е января сего года, по Вашему личному приказанию, Зам. Нач. Штаба РККА тов. Пугачев сделал ряд распоряжений по производству демонстрации к Маньчжурской границе. Штаб к этому не был подготовлен. В курсе происходящих событий он не был. Тов. Уншлихт запрашивал меня, что можно было бы сделать для демонстрации, но лишь в предварительном порядке, не посвящая в подробности обстановки. Никаких указаний Штаб не получал, а сам вести подготовки не мог, ибо полностью оттерт от такого рода работы. В результате получилась запоздалая демонстрация. Если бы Штаб РККА действительно выполнял работу, которую он должен выполнять, то еще 17—19 января он сделал бы необходимые приготовления, не вызывая со стороны войск каких-либо подозрений. Те замечания, которые Вы сделали т. Пугачеву, по существу более всего касаются той организацион-

[1] РГВА. Маршал Тухачевский... Комплект документов из фондов РГВА. Л. 1—2.

[2] Там же. Л. 2.

ной неразберихи, которая установлена, а в частности и Вашего секретариата (по части Китая)»[1].

Таким образом, проблема уже выходила из рамок организационно-функциональных трений и становилась проблемой боевой практики. Причины пока еще небольших провалов в ней уже начали сваливать на Штаб РККА, на его руководство, в том числе и в первую очередь — на М. Тухачевского. В этом же докладе М. Тухачевский в достаточно решительной, жесткой и категоричной форме излагал свои требования и условия.

«...Прошу установить подчинение Разведупра по вопросам агентуры Штабу РККА и РВС СССР на следующих основаниях:

1. В пределах поставленных Штабом РККА задач — начальник Разведупра непосредственно подчиняется начальнику Штаба РККА как по вопросам сети агентуры, так и по личному составу.

2. В объеме заданий РВС СССР Начальник Разведупра непосредственно подчиняется Заместителю председателя Реввоенсовета, коим, сверх того, контролируется вся агентурная работа, в частности и работа по заданиям Штаба РККА.

Вполне понятно, что непосредственные, тесные отношения РВС с Разведупром должны сохраниться, но Штаб в области своих заданий должен действительно иметь в своем распоряжении Разведупр»[2].

В контексте вышеизложенных требований М. Тухачевский считал необходимым «включение секретариата Лонгвы (Бортновского)[3] в Оперупр Штаба РККА. Конечно, это не исключает возможности непосредственных сношений РВС с соответствующими

---

[1] РГВА. Маршал Тухачевский... Комплект документов из фондов РГВА. Л. 2.

[2] Там же.

[3] Лонгва Роман Войцехович (1891—1938), поляк, член ППС с 1910 г.; член РСДРП (меньшевиков), с 1918 г. — большевик. Штабс-капитан военного времени. В Красной Армии с 1918 г. В 1920 г. на Западном фронте командовал 1-й польской Красной Армией. С конца 1920 г. служил в Разведуправлении Штаба РККА. В 1921—1923 гг. — начальник Разведуправления Штаба Войск Украины и Крыма, член коллегии ГПУ УССР. С осени 1923 г. помощник начальника штаба ВСУК, а с февраля 1924 г. — и.о. начальника штаба ВСУК и УВО. С апреля 1924 г. в ГУРККА, затем в секретариате И. Уншлихта, а с мая 1926 г. — военный атташе в Китае. В последующие годы в руководстве войсками связи РККА. О Б. Бортновском см. в начальных разделах книги.

лицами в Оперупре и необходимости ведения особого контроля РВС по всем этим вопросам»[1].

В случае неприятия указанных требований и условий М. Тухачевский видел один выход:

«1) назначение более авторитетного начальника Штаба РККА, которому сочтено будет возможным подчинить Разведупр; 2) 3) организационное изъятие Разведупра из состава Штаба РККА и непосредственное его подчинение РВС. Штаб будет ограничиваться выработкой заданий; 4) 5) подбор более авторитетного состава Штаба РККА; 6) 7) изъятие из ведения Штаба РККА подготовки войны на восточных фронтах и полное сосредоточение всех этих вопросов в Вашем секретариате»[2]. 8) В заключении своего доклада М. Тухачевский писал: «После тщательного изучения затронутых выше вопросов я должен с полным убеждением доложить о решительной невозможности продолжать работу в вышеочерченных условиях. Мы не подготовляем аппарата руководства войной, а систематически атрофируем его созданием кустарности взаимоотношений и превращением Штаба РККА в аполитичный орган»[3].

В контексте этого доклада и требований М. Тухачевского, в нем изложенных, обнаруживается невольное обострение отношений между начальником Штаба РККА и Заместителем Председателя РВС СССР, между М. Тухачевским и И. Уншлихтом. Эти отношения еще с 1920 г. были вовсе не дружественными. И. Уншлихт, член РВС фронта и куратор фронтовой разведки еще при вступлении М. Тухачевского в должность командующего фронтом, не скрывал к нему своей подозрительности. Теперь он не мог не реагировать на стремление «красного Бонапарта» изъять из-под его контроля если не полностью, то, во всяком случае, частично полномочия по руководству разведкой. Несмотря на столь жесткий конфликт по поводу Разведупра и достигнутый определенный компромисс по данному вопросу, функциональные возможности

---

[1] РГВА. Маршал М.Н. Тухачевский... Комплект документов из фондов РГВА. Л. 3—4.

[2] Там же. Л. 2—4.

[3] Там же. Л. 4.

Штаба РККА и его начальника, равно как и масштабы его должностной компетенции, продолжали уменьшаться.

18 февраля 1926 г. из Штаба РККА была изъята мобилизационная работа и передана в ГУРККА в связи с определенными «реорганизационными мероприятиями».

22 июля 1926 г. из Штаба РККА был изъят и передан в ГУРККА Военно-топографический отдел.

Сужение функциональных возможностей Штаба РККА, осуществленное в результате указанного выше перераспределения функций Штаба РККА и ГУРККА, вполне естественно привело к конфликту между этими двумя структурами и между лицами, их возглавлявшими, — М. Тухачевским и С. Каменевым. В результате всего этого, как считал М. Тухачевский, Штаб РККА утратил возможность планировать и направлять деятельность всех центральных управлений наркомата по военным и морским делам. Кроме того, претензии и требования, изложенные М. Тухачевским в его докладной от 31 января 1926 г. по вопросу взаимодействия и подчиненности Разведупра Штабу РККА и начальнику штаба были проигнорированы. По-прежнему Штаб РККА и его начальник были лишены прямого доступа к материалам военной разведки. Обо всем этом М. Тухачевский написал в письме наркому К. Ворошилову 8 мая 1927 г. М. Тухачевский считал, что в результате сложилась ненормальная обстановка, полагая, что Штаб РККА фактически отстранен от участия в подготовке страны к обороне, а вместо него сложилась определенная группа лиц внутри секретариата наркомата, которая, по существу, и выполняла функции Штаба. Теперь, 8 мая 1927 г., М. Тухачевский делал вывод еще более определенный, чем в его январском письме 1926 г. «Мое дальнейшее пребывание на этом посту (начальника Штаба РККА. — *С.М.*), — заключал он, — неизбежно приведет к ухудшению и дальнейшему обострению сложившейся ситуации»[1]. Таким образом, М. Тухачевскому, фактически лишенному реальной власти, было оставлено лишь «почетное» наименование — «начальник Штаба РККА». В таковых обстоятельствах и в это же время был проведен ряд кадровых перестановок и увольнений из Красной Армии, коснувшихся друзей, соратников и «креа-

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 155. Л. 19—21.

тур» М. Тухачевского в войсках. В 1926 г. был переведен на преподавательскую работу в Военно-политическую академию с должности помощника начальника ВВС РККА Н. Соллогуб. 2 февраля 1926 г. с должности помощника командующего Западным военным округом на ту же должность в Приволжский военный округ был переведен А. Павлов. Это было явное понижение. В июне 1926 г. с должности командира 16-го стрелкового корпуса был перемещен начальником одного из управлений в Штаб РККА И. Блажевич. В сентябре 1926 г. из РККА неожиданно был уволен инспектор кавалерии Украинского военного округа Г. Армадеров. В то же время был уволен из РККА и переведен военруком в гражданский институт близкий приятель М. Тухачевского, начальник штаба 29-й стрелковой дивизии А. Колесинский. Другой приятель М. Тухачевского и Н. Какурина, Ф. Никонов, в сентябре 1926 г. был переведен адъюнктом в Военную академию РККА. Все эти люди так или иначе были связаны с М. Тухачевским и с военно-политическими процессами 1923—1924 гг. Меры, принятые в их отношении в завуалированной форме, означали «мягкие репрессии». Возникает вопрос: почему же политическое руководство, почти не скрывая своего недоверия, не отправило в отставку и М. Тухачевского уже в 1926 г.?

Свою роль сыграли в совокупности прежде всего три обстоятельства: продолжавшаяся с обострением внутрипартийная борьба, сложная социально-политическая обстановка внутри страны и, наконец, так называемая «военная тревога» 1926—1927 гг.

2

Революционная геополитика, стратегия и «военная тревога» 1926—1927 гг.

1923 год являлся своеобразным рубежом, которым фактически завершался период некой эйфории в ожидании грядущей Мировой Революции и начиналась длительная эпоха, наполненная драматизмом поисков и частых смен новых парадигм внешней политики СССР.

«Неудача германской революции ударила по «индустриалистам», — вспоминал эту ситуацию находившийся в гуще проблем

и персон советского внешнеполитического ведомства Г. Беседовский. — Снова начались разговоры о том, что правильным путем социальной революции в Европе является путь через аграрные Балканы в Италию и что надо революционизировать крестьянские массы. Появилась идея организации и расширения «крестинтерна», то есть крестьянского Интернационала, как вспомогательного орудия Коминтерна. Но это «аграрное» направление продолжалось недолго. Оно было отодвинуто на задний план открытием нового слабого пункта в европейской капиталистической системе — Англии... Коминтерн срочно разрабатывал новые маршруты революции. Англии отводилась в них центральная роль. Основное направление удара намечалось по английским колониям и Китаю»[1].

Крупнейший специалист по истории и географии Востока генерал-лейтенант Андрей Евгеньевич Снесарев[2] на своих лекциях в Военной академии РККА еще в 1920—1922 гг. объяснял будущим «красным генштабистам» жизненно важнейшие, по его мнению, геополитические и геостратегические задачи России: «...Со времен Петра Великого Россия неуклонно продвигалась к теплым морям и Индийскому океану. На пути у русских всегда стояли англичане... В 19-м веке путь к Персидскому заливу и теплым морям, имеющий для нас большое значение, снова постоянно преграждали англичане. Чтобы открыть этот путь, мы вели несколько войн в Персии и Центральной Азии, но за нашими противниками всегда стояла Британская империя. Точно так же Британия старалась лишить нас плодов наших побед на Балканах.

Вы спросите меня, почему я говорю вам все это, когда советская революция отбросила идею империализма. Это верно, что Советская республика не имеет империалистических целей. Цель советской революции в мировом масштабе — освободить угнетенные народы от империалистической эксплуатации, и особенно принести свободу народам Востока. Самым серьезным препятствием на этом пути остается британский империализм. Если мы хотим принести свободу народам Азии, мы должны подорвать власть британского империализма. Он по-прежнему остается смертель-

---

[1] *Беседовский Г.* На путях к Термидору. С. 100.

[2] См. подробнее: Андрей Евгеньевич Снесарев (Жизнь и научная деятельность). М., 1973.

ным врагом этих народов, так же как и нашим врагом. В этом заключается ваша задача...»[1]

Совершенно очевидно, что высказанные А. Снесаревым соображения перекликаются с рассуждениями пленного гвардейского офицера М. Тухачевского, его идеями «революционной войны» и четко выраженными им (о чем далее в тексте) геостратегическими представлениями. Они перекликаются и с мыслями полковника Генштаба Н. Какурина. Все эти офицеры старой русской армии так или иначе видели в идее «мировой социальной революции» мощное оружие, с помощью которого России (не имеет значения, какой России) удастся наконец разрешить давние русско-британские геополитические и геостратегические противоречия в свою пользу.

Международная ситуация, характеризовавшаяся крушением надежд на скорую революцию в Германии и Европе; геостратегическая обстановка, обусловленная необходимостью развития тесных и всесторонних связей СССР с Германией; неизбежность в этих целях победоносной войны против Польши; напряженная настороженность в отношении «главного врага» «мировой революции» — Великобритании — все это требовало от советской военной элиты выработки общей геостратегической и геополитической концепции, военной доктрины, учитывавшей все вышеуказанные и иные факторы.

С 1923 по 1924 г. фактически официальной стратегической доктриной Красной Армии являлись геостратегические и оперативно-стратегические взгляды и позиции М. Тухачевского. Это его теория «революции извне» и «стратегия сокрушения», а также теория «таранной стратегии» на основе «последовательных операций» (на опыте германского наступления на Париж в 1914 г. и советского наступления М. Тухачевского на Варшаву в 1920 г.). Однако крушение надежд на германскую революцию 1923 г. и обнаружившаяся небоеспособность Красной Армии, требовавшая серьезных ее реформ, вынуждали политическое и военное руководство СССР оставить надежды на ближайший революционный кризис на Западе и разработать общую геостратегическую концепцию. М. Тухачевский и его сторонники следующим образом определяли основные очертания этой концепции.

В основу ее была заложена определенная М. Тухачевским уже

---

[1] *Бармин А.* Соколы Троцкого. М., 1997. С. 105.

в 1924 г. «стратегия организации». Она разрабатывалась им на основе итогов Первой мировой войны, с учетом тех выводов, которые делались в зарубежной (в частности, немецкой) военной мысли, и переносила акцент в решении оборонных и геостратегических проблем на так называемую «маневренную» организацию использования военного потенциала страны. При этом предполагалось исходить из тех геостратегических целей, которые последовательно вставали перед государством. Обращалось внимание на органическую связь геополитического положения государства и страны (в данном случае СССР) и геостратегических задач и целей, которые должны и могут из этого положения вытекать.

Анализируя причины поражения России в Первой мировой войне, как и поражения Германии, М. Тухачевский ссылался и на исследования генерала Гренера. Он считал, что если «Англия, несмотря на весь блеск германской сухопутной стратегии, показала себя более дальновидной в военном отношении», определив, исходя из своего островного положения, свои главные усилия на «создании мощной морской организации». Она приняла, таким образом, такую стратегию организации, которая «вполне соответствовала тем задачам, которые перед Англией вставали и которые она, в конечном счете, блестяще разрешила»[1]. Германия же и Россия допустили в этом отношении фундаментальный просчет. Их геополитическое положение порождало стратегические цели континентального, а не «морского» характера. Для их достижения и Германии, и России нужна была мощная армия, а не флот, выполнявший второстепенную, вспомогательную роль.

Ссылаясь на мнение германского военного министра Гренера, М. Тухачевский считал, что «Вильгельм сделал крупную ошибку, что такие громадные средства истратил на морской флот, а не на сухопутную армию»[2]. Если бы эта ошибка не была допущена, «если бы мощь сухопутной германской армии была подготовлена в большем масштабе, а это было вполне возможно, то исход осенней

---

[1] *Тухачевский М.Н.* Стратегия организации // Военный вестник, 1924, № 28, с. 27.

[2] На борьбу с лимитрофами: Стенограмма заседания РВС СССР с командующими войсками МВО, УВО и БВО и начальниками морских сил Балтийского и Черного морей от 8 мая 1928 г. // Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 56.

кампании 1914 года во Франции мог бы окончиться для последней полным крахом, что предрешило бы и исход войны»[1].

По мнению М. Тухачевского, «царская Россия шла по пути Германии... Империалистические мечтания заставили ее строить непомерно сильный флот, в то время как армия, которой предстояло решать основные задачи войны, была недостаточно вооружена и совершенно не обеспечена промышленностью в военном отношении»[2]. Исходя из этого опыта, М. Тухачевский считал, что и для СССР, как континентальной державы, следует определить в качестве основополагающей «континентальную» геостратегическую концепцию.

«Мы находимся в положении прямо противоположном Японии и Англии. Морскими операциями даже самых мощных мировых империалистов нельзя нарушить ни нашей экономической, ни политической целостности. У нас нет такой внутренней коммуникации, которой могли бы угрожать морские флоты противника... Морской флот (для СССР) играет чисто вспомогательную роль при выполнении наших операций. Сухопутная армия и Воздушный Флот — вот основные киты, на которых фактически зиждится наша оборона страны»[3]. Вот концепция М. Тухачевского. В сущности, это был радикальный поворот в геостратегической ориентации: со времен Петра Великого Россия была определена «морской державой» и безуспешно пыталась бороться с Британией за «владение морем», обрести выход на морские просторы Средиземноморья и Атлантики.

Геостратегическая «континентальная» концепция М. Тухачевского определяла и иерархию «партнеров» и «противников» СССР и Красной Армии: во-первых, это «лимитрофы», — Польша, Румыния, страны Балтии, Финляндия и уже постольку, во-вторых, более серьезные противники, обеспечивающие поддержку «лимитрофам», — Великобритания и Франция. В качестве же потенциальных «друзей» и «союзников» М. Тухачевский видел Германию, с которой у СССР были общие антипольские интересы, Италию и Венгрию.

---

[1] *Тухачевский М.Н.* Стратегия организации. С. 27.

[2] Там же.

[3] На борьбу с лимитрофами... С. 55—56.

В дискуссии, продолжавшейся с 1924 по 1928 г., в качестве оппонирующей была выдвинута, в сущности, традиционная геостратегическая концепция (против которой выступал М. Тухачевский), являвшаяся частным проявлением концепции «владения морем». Она была разработана и выдвинута представителями русского морского Генерального штаба, оставшимися в рядах РККФ, — М. Петровым, Жерве, Н. Игнатьевым, Н. Власьевым, А. Тошаковым. Они получили определенную поддержку у командующего ВМС РККА Р. Муклевича. Эти видные представители морских сил Красной Армии выдвигали свои аргументы, также ссылаясь на военно-исторический опыт дореволюционной России, отстаивая концепцию, что СССР, как и раньше, это прежде всего морская держава, и делая из этого соответствующие выводы.

В частности, М. Петров справедливо указывал на фундаментальные стратегические просчеты российского политического и военного руководства, начиная еще с первой половины XIX в., недооценивавшего стратегическую значимость «проливов» и Константинополя, в частности в период Первой мировой войны. М. Петров и его единомышленники утверждали, и не без основания, что главным противником в геостратегическом плане для России и СССР являлась и является Великобритания. «Задача утвердить влияние Англии на Балтике была для нее постоянной задачей», — считал М. Петров[1].

В контексте геостратегических идей так называемой «старой школы», к которой принадлежали вышеперечисленные военно-морские специалисты, оставшиеся в Красном Флоте во главе с уже упомянутым выше профессором М. Петровым, задачи флота определялись стремлением на «океанский простор», «на широкие морские пути». А так как всеми выходами из русских вод владели другие государства, то нужно было эти выходы захватить.

Один из молодых военно-морских начальников Красного Флота, оппонент этих взглядов, назвал эту линию «активно-проливной»[2]. Поясняя взгляды сторонников «старой школы» — «вла-

---

[1] На борьбу с лимитрофами... С. 58—59.

[2] *Душенов К.И.* К истории вопроса о «малой войне» на море // Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах 1917—1940. М., 1965. С. 697.

дения морем», бывший военно-морской летчик А. Якимычев в 1928 г. констатировал, что «царская Россия, состоявшая в известных договорных отношениях с Францией и Англией, готовилась к войне на море против турецкого флота и части германского флота»[1]. Оппоненты сторонников «владения морем» из числа молодых флотских командиров, аргументируя свою позицию и потерей СССР большей части военно-морских портов на Балтике, и возросшей ролью военно-морской авиации и подводного флота, и скудостью экономических возможностей, но главное — «коренным изменением политики Советского государства»[2], поддерживали точку зрения М. Тухачевского и Штаба РККА. Они считали, что, в отличие от положения царской России, «Советское правительство вынуждено иметь военно-морскую силу исключительно для защиты завоеваний Октября, а не с целью агрессивных намерений, а также в числе своих вероятных противников имеет коалицию, возглавляемую государством, обладающим первоклассным надводным флотом...»[3]. Расставляя все точки над «i», сторонники «континентальной» геостратегической концепции (М. Тухачевский, из моряков — И. Лудри, К. Душенов, Кожанов и др.) считали, что «Советское государство переживает период «мирной передышки». Антисоветский блок, возглавляемый Англией, принимает все более и более отчетливые формы. В случае войны судьба Советского государства, а значит, и пролетарской революции, будет решаться на сухопутном фронте войны, следовательно, морское направление по отношению к сухопутному явится лишь вспомогательным»[4].

Впрочем, дискуссия по проблеме геостратегической концепции — «континентальной» или «владения морем» — продолжалась с 1924 по 1928 г., поскольку в указанный промежуток времени Советское правительство и военное руководство не исключали возможности придерживаться перспектив (хотя бы отчасти) «вла-

---

[1] *Якимычев А.М.* Война «малым (слабым) флотом» и «малая война» в эпоху парового флота // Там же. С. 700.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 701.

дения морем». Имел место расчет на возвращение Францией большого надводного флота, уведенного врангелевскими адмиралами в 1920 г. в Бизерту. С этой целью туда был направлен Е. Беренс, однако несмотря на достигнутое в принципе соглашение, в конце концов пришли к выводу, что приобретение «готового» «линейного флота» устраняло бы необходимость затрат на его строительство, но было невыгодно в силу «старости» и в основном уже боевой непригодности этих кораблей бывшего императорского военно-морского флота России.

Таким образом, в мае 1928 г., после вышеупомянутой дискуссии в Штабе РККА, была принята за основу геостратегическая «континентальная» концепция М. Тухачевского.

Итак, указанная выше дискуссия выявила: военная элита СССР во второй половине 20-х годов, признавая своим главным потенциальным противником Великобританию, непосредственных своих противников видела в лимитрофах — Польше, Румынии, странах Балтии, Финляндии.

Однако в среде самих сторонников «континентальной» геостратегической концепции не было единства, и весьма острые стратегические расхождения обнаружились уже в 1926—1927 гг., вылившись особенно наглядно в идейное и политическое противоборство М. Тухачевского и профессора А. Свечина.

В изучаемый период времени, особенно с 1924—1925 гг., он был солидарен с М. Тухачевским и придерживался, как и последний, «континентальной» стратегической концепции. Он также отталкивался от опыта Первой мировой войны. Он мотивировал свою точку зрения также и теми соображениями, что наши флоты не имеют прямого выхода к крупным водным пространствам, что флот — оружие дорогое. Подобно М. Тухачевскому, но с более пространными экскурсом в историю недавней Первой мировой войны, А. Свечин считал, что русская армия «могла бы сравниться по технике с германской только в случае нашего отказа от постройки линейного флота; последний в условиях чрезвычайно невыгодного расположения русских портов в глубине оперативных задворок морей, лишенный надлежащего базирования, был обречен на бездействие. Однако после Цусимы и первой революции мы вновь начали строить кораблики, что отвлекло крупную часть

сумм, ассигнуемых на оборону, и еще более существенную часть нашей еще более слабой промышленности»[1].

Рассматривая очертания будущей войны, А. Свечин считал, что сложившаяся «версальская система» нестабильна, что она была создана в интересах прежде всего Франции, всегда стремившейся к созданию неустойчивых образований на своих границах и в целом в Европе. «Мышление французской внешней политики веками, со времен Ришелье, воспитывалось на создании в Европе таких условий раздробленности, чересполосицы и необороноспособности. В результате работы французской политики, идеи которой вылились в Версальском мирном договоре, вся серединная Европа — Германия — Польша, Чехо-Словакия и т. д. — поставлена в условия, исключающие оборону и позиционность...»[2] А. Свечин делал вывод о том, что Европа чревата войной. Таким образом, истоком грядущей, как, впрочем, и существующей, геостратегической ситуации в Европе, что коренным образом затрагивает положение и СССР, является геостратегическая «версальская система», созданная Францией. Франция, таким образом, как это вытекает из высказываний А. Свечина, является определяющей геостратегической «фигурой» международных отношений, провоцирующей грядущую войну, в которой активнейшую роль должна будет сыграть Германия.

Учитывая всю совокупность геостратегических обстоятельств, в которых оказалась Россия — СССР, и ее внутреннее слабое экономическое состояние, техническую отсталость, требуется, по мнению А. Свечина, придерживаться «оборонительной доктрины» для Красной Армии, отказа от «стратегии сокрушения», отдать предпочтение выработке навыков оборонительной боевой подготовки.

Исходя из материально-технических возможностей РККА в 20-е годы, А. Свечин спасение СССР видел в его пространственно-климатических условиях, позволяющих «истощать» возможности противника, втягивая в глубь территории страны[3]. На этой почве

---

[1] Цит. по ст.: *Кокошина А.А., Лобова В.Н.* Предвидение (генерал Свечин об эволюции военного искусства) // Знамя. 1990. № 2. С. 175.

[2] Там же. С. 173.

[3] *Свечин А.* Стратегия. М., 1926. С. 41—43, 173—182.

и обострились идейные противоречия между А. Свечиным и М. Тухачевским. Впрочем, не только с М. Тухачевским, но и с покойным единомышленником «красного Наполеона» А. Зайончковским и той частью старых генштабистов, которые придерживались концепции «стратегии сокрушения»[1].

Таким образом, обострившаяся дискуссия по принципиальным стратегическим вопросам своими корнями уходила в дореволюционный период. Однако оказавшийся на «вершине» одного из полюсов дискуссии М. Тухачевский придавал академическому спору явно политический смысл. Особенно с 1926 г., когда была впервые издана книга А. Свечина «Стратегия». В ней неоднократно прямо и косвенно подвергалась критике «стратегия сокрушения», в частности, и на примерах германского наступления на Париж в 1914 г., и наступления М. Тухачевского на Варшаву в 1920 г.[2].

Однако был еще один важный фактор, внутренне органично взаимосвязанный с вышесказанным, один из основополагающих всей геостратегической ориентации советской военной элиты — польский.

Варшавская катастрофа была сильнейшим ударом для М. Тухачевского. Понятно, что М. Тухачевский был человеком, не только глубже других «революционных генералов» осмыслившим свой драматичный боевой опыт сражения под Варшавой, но и острее других ощущавшим потребность боевого реванша. И ситуации для него подходящие возникали, начиная с 1922 г., не раз: летом — осенью 1923 г., в конце 1924 г. Именно тогда, в связи с встречным стремлением главнокомандующего рейхсвером генерал-полковника Г. фон Секта, сначала на уровне внешнеполитических ведомств в Германии и СССР, а затем ведомств военных была предпринята попытка подготовки совместной войны против Польши. И действительно, уже весной повсеместно на западных рубежах СССР, на съездах Советов, прошедших в мае 1925 г. в

---

[1] Еще с дореволюционных времен среди военных теоретиков и военачальников произошло размежевание на сторонников «стратегии сокрушения» и «стратегии измора». К сторонникам «стратегии сокрушения» принадлежали практически все крупные русские военачальники периода Первой мировой войны — А. Брусилов, Н. Рузский, М. Алексеев и др. Все они придерживались взглядов ведущего русского стратега и военного ученого Г.А. Леера.

[2] *Свечин А.* Стратегия. С. 29, 41—43, 53.

Белоруссии, на Украине, в Молдавии, господствовало торжественно-агрессивное настроение и звучали недвусмысленные, вызывающие лозунги и призывы.

«Мы не требуем, — говорил председатель молдавского ЦИК Старый на 9-м Всеукраинском съезде Советов в мае 1925 г., — маневров корпуса Котовского на левом берегу Днестра, но мы выражали непременное желание, чтобы правительство заявило румынским насильникам, что Бессарабия является неотъемлемой частью Советской республики. Мы должны сказать этим держимордам, что за все свои насилия над молдавским населением они получат воздаяния. Тов. Котовский, командир кавалерийского корпуса, говорит о готовности Красной Армии в любой момент прийти по призыву рабочих и крестьян на помощь братскому населению Бессарабии от насилий румынских бояр»[1].

На прошедшем незадолго до 9-го Всеукраинского съезда Советов Первом съезде Общества бессарабцев в апреле 1925 г. Г. Котовский говорил: «Вопрос об освобождении Бессарабии, вопрос о том, чтобы сделать Бессарабию красной, мог бы быть разрешен хорошим ударом нашего корпуса, куда входит и Бессарабская кавалерийская дивизия, или, в крайнем случае, еще парой наших корпусов... Если рабоче-крестьянское правительство, руководимое коммунистической партией, скажет, что довольно дипломатических переговоров, прикажет нашей Красной Армии броситься к границам Румынии, Бессарабии, на помощь восставшим рабочим и крестьянам, наш кавалерийский корпус будет впереди! Мы уверены, что, если этот исторический момент настанет, наша красная конница перемахнет одним прыжком через Днестр...»[2]

М. Тухачевский, в то время командующий Западным военным округом, специально приехавший в Минск, в своем выступлении на 7-м Всебелорусском съезде Советов в мае 1925 г. говорил: «Крестьяне Белоруссии, угнетенные польскими помещиками, волнуются, и, конечно, придет тот час, когда они этих помещиков сбросят. Красная Армия понимает, что эта задача является для нас самой желанной, многожданной... Мы уверены, и вся Красная Армия уверена в том, что наш Советский Союз, и в первую

---

[1] Красная звезда. 1925. 7 мая, № 102.

[2] *Котовский Г.И.* Документы и материалы. Кишинев, 1956. С. 502—504.

очередь Советская Белоруссия послужит тем оплотом, от которого пойдут волны революции по всей Европе... Красная Армия с оружием в руках сумеет не только отразить, но и повалить капиталистические страны... Да здравствует Советская зарубежная Белоруссия! Да здравствует мировая революция!»[1]

Обозначив общий военно-политический курс и настроения армии, М. Тухачевский затем обосновал ее боевую готовность. «...В техническом отношении мы в значительной мере сравнялись и достигли западноевропейских государств... — заявлял он. — Успехи в области пехоты, в области артиллерий... определяют возможность ее участия в самых жестоких и самых сильных столкновениях с нашими западными соседями... Танки мы имеем хорошие и в этом отношении можем состязаться с нашими соседями. Конница наша является сейчас лучшей конницей в мире... Наша авиация является одним из самых блестящих родов войск... Ни у одного из наших соседей нет такой подготовленной, блестящей, смелой и боеспособной авиации»[2]. И, заключая, М. Тухачевский прямо требовал: «Нам нужно только, чтобы советское правительство Белоруссии поставило в порядок своего дня вопрос о войне(!)»[3]

В связи с вышецитированным следует также заметить, что все делегаты съезда с бурным восторгом встретили появление М. Тухачевского на трибуне, награждали его неоднократно аплодисментами, а председательствующий Червяков прямо заявил: «Будем работать над тем, чтобы наш Советский Союз расширился далеко за теперешние пределы, чтобы там, где теперь неустойчивые правительства, были устойчивые советские правительства... Даешь Советскую Европу! Да здравствует Союз Советских Республик всего Света!»[4] Здесь, как говорится, комментарии излишни.

В 1926 г. в одной из своих военно-теоретических статей М. Тухачевский писал: «Наша промышленность дорастает до довоенного уровня, а мы знаем, что промышленность наша после ее мо-

---

[1] 7-й Всебелорусский съезд Советов, май 1925 г.: Стенографический отчет. Минск, 1925. С. 24—25.

[2] Там же. С. 211, 230—231.

[3] Там же. С. 231.

[4] Там же. С. 312.

билизации в 1916 г. в значительной мере удовлетворяла потребности царской армии. Уже одно это говорит о том, что мы дорастаем до уровня способности вести крупную войну массовых армий»[1].

Как бы отвечая на сомнения своих оппонентов относительно способности СССР вести войну по причинам экономической слабости, М. Тухачевский считал: «Развитие производительных сил нашего Союза далеко не достигает тех размеров, которые мы видим на Западе. Но зато мы имеем то преимущество, что вся крупная промышленность объединена в руках государства и направлена по общему плану развития социалистического хозяйства»[2].

На 1 января 1926 г. в РККА было 610 тысяч человек в составе:

1. 70 стрелковых дивизий;

а) 13 кадровых дивизий усиленного состава;

б) 22 кадровых дивизий сокращенного состава;

в) 35 территориальных дивизий;

г) 7 территориальных резервных стрелковых полков.

2. 11 кавалерийских дивизий;

3. 8 кавалерийских бригад;

4. 6987 орудий всех калибров;

5. 30 162 пулемета;

6. 60 танков;

7. 99 бронеавтомобилей;

8. 42 бронепоезда;

9. 694 самолета;

10. 3 линкора, 2 крейсера, 8 эсминцев, 9 подводных лодок, 12 сторожевых катеров (на Балтийском море);

11. 2 крейсера, 4 эсминца, 6 подводных лодок, 21 сторожевой катер (на Черном море)[3].

Когда внешнеполитическая ситуация для СССР начала складываться крайне неблагоприятно и возникла «военная тревога» на его западных границах, Народный комиссариат по военным и морским делам составил заявку на первый год боевых действий. Стало ясно, что для этого потребуется 32 млн. снарядов и

---

[1] *Тухачевский М.Н.* К вопросу о современной стратегии // Война и военное искусство в свете исторического материализма. М., 1927. С. 135.

[2] *Тухачевский М.Н.* К вопросу о современной стратегии. С. 126—127.

[3] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 16. Д. 3. Л. 434.

3,25 млрд. винтовочных патронов. Однако обнаружилось, что военная промышленность не в состоянии удовлетворить эти потребности. Реально Красная Армия могла получить только 29% потребности в патронах и 8,2% — в снарядах[1]. Следует иметь в виду, что заявка составлялась из расчета ведения боевых действий не более 6 месяцев в году и расход боеприпасов будет на уровне последнего года Гражданской войны[2].

В связи с нарастающей «военной тревогой» на западных рубежах СССР по требованию правительства начальник Штаба РККА М. Тухачевский 26 декабря 1926 г. представил доклад «Оборона Союза Советских Социалистических республик». В нем он дал анализ геостратегического и геополитического положения страны и армии и сделал весьма жесткие выводы. Основные положения этого доклада сводились М. Тухачевским к следующему:

«1. Наиболее вероятные противники на западной границе имеют крупные вооруженные силы, людские ресурсы, высокую пропускную способность железных дорог. Они могут рассчитывать на материальную помощь крупных капиталистических держав.

2. Слабым местом блока является громадная протяженность его восточных границ и сравнительно ничтожная глубина территории.

3. В случае благоприятного для блока развития боевых действий первого периода войны его силы могут значительно возрасти, что в связи с «западноевропейским тылом» может создать для нас непреодолимую угрозу.

4. В случае разгрома нами в первый же период войны хотя бы одного из звеньев блока, угроза поражения будет ослаблена.

5. Наши вооруженные силы, уступая по численности неприятельским, все же могут рассчитывать на нанесение контрударов.

6. Наших скудных материальных боевых мобилизационных запасов едва хватит на первый период войны. В дальнейшем наше положение будет ухудшаться (особенно в условиях блокады).

7. Задачи обороны СССР РККА выполнит лишь при условии

---

[1] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 16. Д. 3. Л. 432.

[2] Там же. Д. 13. Л. 71.

высокой мобилизационной готовности вооруженных сил, железнодорожного транспорта и промышленности.

8. Ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы»[1].

Ввиду надвигающейся угрозы войны руководство Красной Армии в январе—августе 1927 г. осуществило ряд кадровых перестановок в высшем комсоставе, обращая особое внимание на западные приграничные военные округа. «Военная тревога» вынудила высшее политическое и военное руководство вновь обратиться к услугам тех лиц, которые имели репутацию результативных военачальников и опытных генштабистов. Именно бывших кадровых офицеров, в том числе генштабистов, вновь привлекли к командованию «фронтовыми» округами. А. Егоров был возвращен в номенклатуру военной элиты и назначен командующим Белорусским военным округом. Начальником штаба к нему перевели из Ленинграда Е. Сергеева. В 1920 г. он с успехом командовал 4-й армией Западного фронта. Прекрасно знавших Прибалтийский театр военных действий А. Корка и А. Кука назначили руководить Ленинградским военным округом. Якиру, еще недостаточно опытному в руководстве самым большим из округов во «фронтовой» ситуации — Украинским, дали лучшего «генштабиста» — П. Лебедева. В кризисной ситуации приходилось отдавать приоритеты профессионалам перед политически благонадежными.

Опасность войны возросла в течение лета 1927 г. В конце июня 1927 г. Ранцау передавал информацию, что Красная Армия заняла боевые позиции вдоль западной границы. В начале июля 1927 г. германское посольство сообщило дополнительные детали, указывающие на концентрацию войск к Гомелю, на движение людей и снаряжения изнутри страны на запад, о сооружении новых военных аэродромов и ускорении работ на военных заводах. «Военная тревога» достигла своей высшей напряженности в сентябре. Согласно краткому сообщению «ведущего члена» Наркоминдела, сложилась угрожающая ситуация, когда Британия хотела бы блокировать СССР на море и побудить Польшу к нападению на суше,

---

[1] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 16. Д. 3. Л. 334—335. См. также: *Симонов Н.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996. С. 65.

к которому присоединилась бы Румыния на юге и Финляндия на севере[1].

Стремясь использовать все возможные средства для решения военных проблем, если ситуация перерастет в открытые военные действия на советско-польской границе, М. Тухачевский намечает привлечь к ним «специальные» боевые ресурсы. 28 марта 1927 г. в своем письме советскому военному атташе в Германии С. Петренко-Луневу начальник Штаба РККА М. Тухачевский дает специальное задание. Он считает необходимым изменить план формирования «красных вооруженных сил» в треугольнике Киль — Бреслау — Штольп, которые должны будут не только соединиться с наступающими войсками РККА в Польше, но в первый период также отвлекать внимание Польши к ее западной границе. М. Тухачевский в связи с этим считал, что «при известных условиях, возможно, будет необходимо даже открытое наступление красных немецких формирований на польскую границу со стороны коридора с целью вызвать общие политические осложнения в Западной Европе»[2]. А 9 июля 1927 г., в период нарастающего обострения военно-политической обстановки на советско-польской границе, уже военный атташе С. Петренко-Лунев сообщал М. Тухачевскому, что поставленные им задачи выполняются[3].

Особенного напряжения и обострения военно-политическая ситуация достигла к сентябрю 1927 г. Командование Красной Армии решило провести «большие маневры» в районе Одессы, мобилизуя боевые соединения Украинского военного округа и Черноморского флота. Маневры продолжались достаточно долго: с 17 по 28 сентября. Главным руководителем маневров был начальник Штаба РККА М. Тухачевский, а в качестве начальника штаба у него — В. Триандофиллов. На маневрах присутствовали А. Рыков, К. Ворошилов, А. Бубнов, С. Буденный, А. Егоров, И. Уборевич, И. Якир, Р. Муклевич, Р. Эйдеман, П. Дыбенко и др. Иными словами, и глава правительства, и наркомвоенмор, и вся военная элита. Одновременно проводились маневры в Ленинградском, Бе-

---

[1] *Dyck H.L.* Weimar Republic and Soviet Russia 1926—1933. London, 1966. P. 97—98.

[2] Излагается и цит. по: *Прокопенко А.С.* Чего хотел Тухачевский // Военно-исторический журнал. 1990. № 8. С. 60.

[3] Там же.

лорусском и Северо-Кавказском военном округах. Проведена была мобилизация и проверка боеспособности Осоавиахима. Итак, шла боевая проверка готовности Советских Вооруженных Сил по всей линии западной границы. Одесские маневры, как главные, обрели благодаря присутствию на них Председателя Совнаркома СССР А. Рыкова общегосударственную значимость.

Официальная оценка итогов одесских маневров и уровня боеспособности Красной Армии была сделана самим М. Тухачевским 5 октября 1927 г. в беседе с корреспондентом «Красной звезды».

«Маневры этого года, — отвечал на вопросы М. Тухачевский, — имели целью проверить умение нашей армии вести общевойсковой бой. До последних лет мы все свое внимание фиксировали на действиях отдельных родов войск. В качестве очередной большой задачи перед нами ставится вопрос о еще большем развитии смелости, решимости и инициативы в бою. Осуществление этой задачи поставит нашу армию по своей выучке и способности вести бой в один ряд с лучшими современными европейскими армиями»[1]. «Между строк» цитированного выше отзыва М. Тухачевского, за «парадными высказываниями», можно вычитать:

1. Соединения и части Красной Армии обнаружили отсутствие умения взаимодействия родов войск. Для этого и понадобилось попытаться провести совместные маневры войск УВО и Черноморского флота.

2. Командирам соединений и частей недоставало смелости, решимости и инициативы в бою.

Красная Армия обнаружила на одесских маневрах неготовность к войне. Германский консул в Киеве писал 17 сентября, о теплом приеме, оказанном офицерам, давая краткое изложение немецких впечатлений. «Русская армия еще не готова, — писал он. — Высшее командование полагает, в чем наше командование никогда не сомневалось, что армия будет боеготова через три года»[2]. По мнению германских специалистов от 6 июля 1928 г., Красная Армия могла бы ответить на нападение Польши, но вряд ли она была бы в состоянии предпринять наступательные опера-

---

[1] Красная звезда. 1927. 5 октября, № 227.

[2] *Erickson J.* The Soviet High Command. L.; N.Y., 1962. P. 260.

ции в каком-либо масштабе в настоящий момент[1]. Полковник Миттельбергер, посетивший с визитом Москву в марте 1928 г., отметил в качестве серьезного недостатка Красной Армии отсутствие достаточно подготовленного комсостава, «несмотря на то что значительную роль еще играли офицеры бывшей императорской армии»[2].

Так называемая «военная тревога» 1926—1927 гг., едва не прорвавшаяся новой войной на советско-польской границе, обнаружила неготовность Красной Армии к серьезному военному конфликту. Об этом уже говорилось ранее достаточно подробно. Перед политическим и военным руководством СССР к октябрю — ноябрю 1927 г. встал один главный вопрос — во что бы то ни стало не допустить войны (а ситуация была чревата ею не только на польской границе, но и на Дальнем Востоке, и с Великобританией). Мне представляется, что именно с этой целью решено было использовать старые офицерские связи М. Тухачевского и его «гвардейское» прошлое.

В военных кругах русской белой эмиграции в связи с «делом Тухачевского» и развернувшимися в СССР с 1937 г. массовыми репрессиями высшего и старшего комсостава Красной Армии выдвинута была своя версия причин и смысла этого «дела». По свидетельству И. Гессена, «на юбилейном вечере Корниловского полка (19 сентября 1937 г. — *С.М.*) генерал Деникин в приветственной речи, между прочим, сказал, что «теперь (то есть после раскрытия заговора и расстрела военачальников) нет больше оснований скрывать, что Тухачевский встречался в Париже с Кутеповым»[3]. Эта информация была подтверждена в газете «Возрождение»[4]. «Деникин на собрании корниловцев 19 сентября 1937 г. сказал, — сообщалось в газете, — что теперь уже об этом можно говорить, что генерал Кутепов находился в сношениях с Тухачевским и со служащим у большевиков генералом Потаповым. Когда генерал Потапов приезжал в Париж, генерал Кутепов виделся с ним и даже представил его великому князю Николаю Николаевичу. Генерал Деникин, однако, добавил, что, как выяснилось впоследствии, и

---

[1] Erickson J. The Soviet High Command. L.; N.Y., 1962. P. 260.

[2] Ibid. P. 261, 262.

[3] *Гессен И.* Годы изгнания. Жизненный отчет // Русская идея. М., 1994. Т. 1. С. 358—359.

[4] Возрождение. 1937. 5 ноября. С. 5.

Тухачевский, и Потапов действовали с ведома большевиков и, таким образом, были лишь представителями очередного треста. Как бы то ни было, сомневаться в том, что некоторые красные генералы имели тенденцию войти в общение с белыми, не приходится»[1].

Встреча эта имела место, скорее всего, не позднее декабря 1927 г. Косвенными доводами в пользу таковой ориентировочной датировки можно считать и неожиданное оживление всевозможных слухов вокруг фигуры М. Тухачевского и особое к ней внимание. Так, в январе 1928 г. в Париже вышла небольшая книга П. Фервака «Михаил Тухачевский — вождь Красной Армии»[2]. Она по своему содержанию совершенно очевидно выполняла главную задачу — дать ответ заинтересованным политическим и военным кругам, прежде всего французским, равно как и французской общественности, на вопрос: кто такой и что такое М. Тухачевский? Тогда же начали распространяться слухи о намерении М. Тухачевского совершить военный переворот[3], а 21 марта 1928 года в газете «Возрождение» в Париже появились получившие широкую известность в эмиграции деникинские «письма» к анонимному «Красному командиру»[4]. Они, как мне кажется, позволяют получить некоторые представления о содержании переговоров М. Тухачевского с А. Кутеповым.

Вступая в переговоры с «Красным командиром», А. Деникин

---

[1] Возрождение. 1937. 5 ноября. С. 5. Два обстоятельства усиливали ощущение достоверности: генерал А. Деникин в последние годы жизни и деятельности А. Кутепова являлся одним из ближайших друзей и конфидентов последнего. Он был активным соучастником его конспиративных дел и замыслов. Второе обстоятельство: А. Деникин вплоть до Второй мировой войны оставался под впечатлением конспирации «белого» и «красного» вождей, внушившей ему убеждение, что Красная Армия пропитана национально-государственным русским духом антибольшевизма и выполняет двойную миссию — оборону России, а затем свержения большевиков.

[2] *Fervacque P.* Le chef de l'armee Rouge — Mikail Toukatchevski. Paris, 1928.

[3] 30 января 1928 г. в Москву поступило сообщение советского военного атташе в Великобритании Клочко. Он писал: «29 и 30 января вся польская пресса полна самыми фантастическими сообщениями о восстании Красной Армии; говорится о восстании 4 дивизий во главе с т. Тухачевским, наступающим будто бы на Москву; за два дня сообщения польской прессы перелетели в английскую, а оттуда они вновь перепечатывались польской прессой; характерно, что основную кампанию ведет официоз «Голос правды»...» (Военно-исторический архив. М., 1997. Вып. 2. С. 34.)

[4] Возрождение. 1928. 21 марта.

писал: «Я совершенно согласен с вами, что над Россией нависли грозовые тучи со всех сторон... Теперь уже открыто говорят о разделе России»[1]. Генерал оправдывал службу военспецов старой армии в Красной Армии их патриотическими мотивами. Шокируя многих своих читателей и прежних соратников, он при этом утверждал, что необходимо в случае войны поддержать Красную Армию, которая должна выступить на защиту родных очагов. Совершенно необычным и новым в предлагавшейся генералом политической тактике антибольшевистских сил русской эмиграции был призыв использовать в дальнейшем эту армию для свержения «коммунистической власти»[2].

Возможно, никаких «писем» «Красного командира» не было. Это был публицистический прием, позволяющий выразить собственную политическую позицию в отношении определенных политических сил. Таковую позицию выражал пользовавшийся достаточно большим авторитетом в эмиграции генерал А. Деникин. Это была его политическая позиция по отношению к Красной Армии, которую генерал представил как вооруженную силу, возглавляемую бывшими офицерами старой русской армии и как (возможно, именно в силу этого) воплощение «национально-патриотических сил» в СССР. Это вполне мог быть ответ «анонимному» для подавляющего большинства эмигрантов, но вполне определенному для А. Деникина «Красному командиру» — М. Тухачевскому. Это был ответ генерала А. Кутепова, председателя РОВС, «вождя» бывшей белой армии, «вождю» Красной Армии М. Тухачевскому. Это могло быть неведомо большинству читателей «Возрождения», но он был понятен М. Тухачевскому, тем, кто его направил, и это был своего рода призыв к бывшим белым офицерам, призыв их бывшего главнокомандующего генерала А. Деникина. Из всего сказанного можно в общих чертах представить предмет переговоров между А. Кутеповым и М. Тухачевским.

М. Тухачевский должен был «разыграть» «национально-патриотическую карту» в контексте уже сложившегося за рубежом

---

[1] Возрождение. 1928. 21 марта.

[2] Там же. См. также: *Мейснер Д.* Миражи и действительность: Записки эмигранта. М., 1966. С. 233—234; *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 202.

мнения о «националистическом» настрое комсостава РККА. Все это должно было выглядеть как действия военной элиты во главе с М. Тухачевским, рядом с которой «национально-настроенные» высокопоставленные большевики, готовые поддержать военный переворот. Этот переворот должен будет привести к «национальной диктатуре» в России во главе с М. Тухачевским. Именно тогда и появилась политическая «формула Деникина» о «двойной задаче Красной Армии», которой он придерживался и в 1938 г.: сначала Красная Армия разгромит внешнего врага, а затем свергнет большевистскую власть. Логика убеждений, обращенная к руководству РОВС, была такова: как русские патриоты, помогите Красной Армии. Не принимайте участия в интервенции против СССР, уговорите французское, английское, польское руководство воздержаться от вооруженного конфликта с СССР. В случае же войны, с оружием руках выступите против врагов России. Одолев врага, М. Тухачевский, при поддержке «национал-большевиков», совершит переворот, свергнет коммунистический режим и установит «национально-военную диктатуру» в стране[1]. Доводы М. Тухачевского казались простыми, разумными, естественными в его устах: настоящие «белые» — патриоты. Если это так, то «белые» за рубежом и «патриоты» в Красной Армии вполне могут объединить свои усилия на «политической платформе» — защита России от внешнего врага и установление в ней «национально-военной диктатуры»[2].

Однако позиция А. Деникина и А. Кутепова была категорически отвергнута Председателем РОВС и Главнокомандующим Рус-

---

[1] Отставка М. Тухачевского в мае 1928 г. с должности начальника Штаба РККА должна была лишь укрепить доверие к нему. ...Видимо, к лету 1928 г. генерал А. Кутепов был уже убежден в целесообразности поддержать М. Тухачевского и будущую его «военную диктатуру» в России. См.: Военные архивы России. Вып. 1. С. 99.

[2] А. Кутепов вполне искренне выдвигал М. Тухачевского в диктаторы. Это косвенным образом подтверждается пожеланием французского Генштаба «пропаганды в войсках идей бонапартизма путем выдвижения Тухачевского». Оно появилось при активном содействии А. Кутепова. Это пожелание было выдвинуто в декабре 1928 г. А. Кутепов и РОВС были тесно связаны с французским Генштабом, и таковые настроения Генштаба Французской армии, несомненно, были результатом определенного обмена мнениями с А. Кутеповым. См.: Военные архивы России. Вып. 1. С. 99.

ской армией генералом П. Врангелем. «В печати в последнее время появилась переписка между Красным Офицером и генералом Деникиным и ряд статей, вызванных этой перепиской, — заявлял в своем приказе по армии 7 апреля 1928 г. генерал П. Врангель. — Главнокомандующий относится самым несочувственным образом к опубликованию этой переписки. ...Генерал Врангель находит, что сношения с представителями Армии, верно служащей власти, поработившей нашу Родину и удушающей Русский Народ, недопустимо и напоминает «братание» на фронте, которое наблюдалось в ужасные дни 1917 года. Опубликование упомянутой переписки вредно еще и потому, что в конечном результате она может посеять в умах сомнение в значении и смысле «белой борьбы»[1]. Таким образом, учитывая готовность вести переговоры и склонность оказать содействие М. Тухачевскому со стороны А. Кутепова[2] и А. Деникина по воле П. Врангеля, как старшего начальника Русской армии, «белые», РОВС вынуждены были отказать Красной Армии в своей поддержке.

На первый взгляд «миссия Тухачевского» окончилась неудачей, и главным препятствием ее успеху оказался Главком Русской армии и Председатель РОВС генерал П. Врангель. Не исключено, что само появление «ответа» генерала А. Деникина на «письма «Красного командира» (или «Красного офицера»)» в газете «Воз-

---

[1] Приказ № 86 от 7 апреля 1928 г. См. Приложение к кн.: *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. СПб, 1996. С. 146.

[2] В контексте приведенных выше фактов, так или иначе указывающих на ориентировочное время встречи А. Кутепова с М. Тухачевским, следует отметить еще одно своеобразное свидетельство. 15 июня 1928 г. датируется рукопись В. Посторонкина, бывшего офицера белой армии, которая представляла собой его личные воспоминания о М. Тухачевском. В этих воспоминаниях автор дает характеристику М. Тухачевскому, которая свидетельствует о честолюбии, выдающихся способностях, решимости, жесткости этого человека еще с училищных времен, когда с ним познакомился В. Посторонкин. Мне представляется, что появление этой рукописи именно в июне 1928 г. с характеристикой М. Тухачевского как человека, вполне способного на осуществление «военной диктатуры» и способного переметнуться из соображений карьеры от «красных» к «белым», как когда-то он перешел к большевикам, было не случайно. Кажется, свои воспоминания не для публикации В. Посторонкин сделал тоже как ответ на служебный заказ вышестоящего начальства. Несомненно, многое мог рассказать и А. Зайцов, поручиком служивший вместе с подпоручиком М. Тухачевским в лейб-гвардии Семеновского полка в 1914—1915 гг.

рождение» 21 марта 1928 г. было уже следствием отказа П. Врангеля поддержать позицию А. Кутепова. Это был способ выражения «белого» мнения, оппозиционного врангелевскому. А. Кутепов, в силу дисциплинарного порядка, сделать это не мог. А. Деникин, официально не являвшийся членом РОВС, в этом плане был вполне свободен.

Примечательно, что кампания по подготовке отставки М. Тухачевского с должности начальника Штаба РККА обозначилась в СССР после выявления позиции П. Врангеля и «ответов» А. Деникина в «Возрождении» в конце марта 1928 г. Тем не менее впечатление о неудаче «миссии Тухачевского» было ложным. На самом деле ее организаторы достигли тройной цели: во-первых, в руководство РОВС был внесен раскол и боевая решимость белого военного зарубежья была нейтрализована; во-вторых, была создана почва для «оперативной игры» ОГПУ с «легендой о заговоре Тухачевского»; наконец, в-третьих, сложились благоприятные условия для отставки М. Тухачевского и обозначилась перспектива радикальной «чистки» советской военной элиты.

Неготовность страны и армии к обороне, обнаруженная «военной тревогой», обострила конфликт в руководстве РККА. Следовало ответить на вопрос: кто виноват в небоеспособности Красной Армии?

Один из давних и достаточно близких сотрудников М. Тухачевского, в том числе и в Штабе РККА, Г. Иссерсон вспоминал: «Узкому кругу работников Штаба РККА было известно, что в 1928 г. он (М. Тухачевский) написал докладную записку о необходимости перевооружения нашей армии и развития военно-воздушных и бронетанковых сил. В записке Тухачевский говорил, что наша армия в техническом оснащении и развитии авиации отстает от европейских армий. Необходимо, писал он, немедленно приступить к ее полному техническому перевооружению, создать сильную авиацию с большим радиусом действий и бронетанковые силы из быстроходных танков, вооруженных пушкой, и перевооружить пехоту и артиллерию, дать армии новые средства связи (главным образом радиосредства) и новые переправочные имущества. Для решения этих задач нужно развивать нашу военную промышленность и построить ряд новых заводов. Далее давался расчет количества новых средств вооружения всех видов. Для того времени

предлагаемые цифры были действительно грандиозными. В заключение Тухачевский указывал, что для осуществления этой программы потребуются большие ассигнования из государственного бюджета»[1].

Действительно, 20 декабря 1927 г. М. Тухачевский направил на имя народного комиссара по военным и морским делам докладную записку «О радикальном перевооружений РККА». В этой докладной записке он изложил свое видение перспектив и необходимых основных направлений и масштабов развития Советских Вооруженных Сил. М. Тухачевский не указывал «виновных» в неподготовленности Красной Армии к войне. Правда, ничего «грандиозного» в цифрах, предлагавшихся М. Тухачевским, в частности по развитию бронетанковых сил, в записке не было. Важно другое: сам факт появления этой записки. Заостряя внимание на тех или иных аспектах армейских и оборонных проблем, он косвенно обращал внимание именно на виновников неподготовленности Красной Армии к войне.

«Численность Вооруженных Сил и их техническое снабжение составляют основу боевой мощи страны, — определял исходные проблемы и концептуальные позиции своих предложений М. Тухачевский, — что должно соответствовать промышленным, транспортным и прочим экономическим возможностям государства»[2]. Автор докладной считал, что «наши ресурсы... позволяют: развить массовые размеры армии, увеличить ее подвижность, повысить ее наступательные возможности»[3].

«...Наша армия в техническом оснащении и развитии отстает от европейских армий. Следует немедленно приступить к ее полному перевооружению, — писал начальник Штаба РККА наркому. — ...Необходимо совершенно по-новому подойти к задаче развития и реконструкции РККА. Поправками и надбавками в тех или иных участках строительства армии ограничиваться невозможно. Необходимо подойти к структуре РККА реконструктивно, в полном соответствии с нашими хозяйственными успехами...

---

[1] *Иссерсон Г.* Воспоминания современника о Тухачевском // Военно-исторический журнал. 1963. № 2. С. 66.

[2] РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 170. Л. 12.

[3] Там же. Л. 13.

Рост авиационных и танковых сил правильнее всего можно определить, если исходить из производственных возможностей, а не из увеличения существующих авиа- и бронесил РККА на столько-то и столько-то процентов»[1].

М. Тухачевский предлагал координировать пятилетний план строительства вооруженных сил и военных заказов с перспективой развития отраслей экономики. Этот план, по предложению начальника Штаба РККА, включал выполнение всех мероприятий по техническому оснащению Красной Армии, насыщению ее недостающими техническими средствами, накоплению мобзапасов, обеспечивающих развитие вооруженных сил[2]. В связи со всем вышесказанным в своей записке начальник Штаба РККА приводил конкретные соображения о развитии технических родов войск, развитии оборонной промышленности, строительства новых заводов и дополнительного финансирования этих программ[3].

Акцентируя внимание на проблеме общего и технического обеспечения Красной Армии, а именно в этом виделась главная причина неготовности армии к войне, М. Тухачевский «задевал» репутацию А. Егорова и П. Дыбенко. Ведь именно А. Егоров с мая 1926 по май 1927 г. являлся заместителем Председателя Военно-промышленного управления ВСНХ и членом коллегии ВСНХ. Именно он, как представитель высшего командования и боевой генерал, должен был нести значительную долю ответственности за плачевное состояние дел в техническом обеспечении РККА. П. Дыбенко с 25 мая 1925 г. по 16 ноября 1926 г. являлся начальником Артиллерийского управления РККА, а с ноября 1926 по октябрь 1928 г. занимал должность начальника Управления снабжения Красной Армии. Но ведь именно сфера снабжения армии всем боевым снаряжением и находилась в зоне его должностной ответственности. Косвенным образом основную долю ответственности начальник Штаба возлагал на наркома. Однако самое главное: М. Тухачевский предлагал альтернативный правительственному оборонный проект. Он предлагал программу, которая смещала военно-экономическую доминанту в оборонную сферу. Это

[1] РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 170. Л. 17.

[2] Там же.

[3] Там же.

уже была особая концепция развития страны и государства. Сам же М. Тухачевский, желая того или нет, но этой концепцией обозначил себя в качестве военно-политического «лидера» в реализации этой концепции.

Как симптомы нарастающего конфликта в высших эшелонах политической и военной власти вновь начали распространяться слухи о «бонапартистах» в Красной Армии. В обстановке предельно обострившейся внутрипартийной борьбы обе стороны указывали на угрозу «бонапартизма» со стороны высшего комсостава РККА. Правда, ни та, ни другая сторона не называла имен, но лишь пыталась связать своих оппонентов с «бонапартистами».

Еще в декабре 1925 г. один из сторонников Г. Зиновьева в Ленинградской губернской парторганизации, К. Шелавин предупреждал: «В армии все явственнее проскальзывает намерение подчинить политорганы командованию... Надо обратить внимание, что с этими уклонами борьба ведется нерешительно...»[1] В 1926 и 1927 гг. представители «группы Сапронова — Смирнова» официально заявляли высшему партийному руководству: «Особо опасное положение создается в Красной Армии. Командный состав ее... в значительной степени сформирован из старых офицеров и кулацких элементов крестьянства. Органичение участия в армии нетрудовых элементов все более отменяется. В терчастях, особенно конных, преобладает зажиточное крестьянство, на низших командных должностях главным образом кулачество. Что касается партийцев-краскомов, то на них не может не отражаться бюрократизация партии и ослабление ее связи с рабочими. Влияние пролетариата в армии ослабевает. При таких условиях Красная Армия грозит превратиться в удобное орудие для авантюр бонапартистского пошиба»[2]. Г. Зиновьев на октябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) утверждал: «Не может быть сомнения в том, что в период НЭПа в связи с ростом кулака и новой буржуазии вообще, среди военспецов «подросли и вырастают» люди, мечтающие о роли русского Чан Кай-ши. Рабочий класс СССР должен реально обеспечить такую постановку дела Красной Армии, которая автоматиче-

---

[1] *Геронимус А.* Партия и Красная Армия. М.; Л., 1928. С. 184.

[2] Там же.

ски уничтожила бы всякого Чан Кай-ши раньше, чем он поднял бы руку против нашей революции»[1].

1 мая 1927 г. центральная партийная газета «Правда» поместила статью А. Свечина «Военное искусство в будущей войне», в которой автор, вновь касаясь варшавской операции М. Тухачевского и Красной Армии в 1920 г., оценил ее как «злоупотребление революционными лозунгами»[2]. Статья эта появилась как своего рода реакция военного специалиста на переворот Чан Кай-ши (апрель 1927 г.).

Следует заметить, что военная помощь китайской гоминьдановской революции многочисленными военными советниками с В. Блюхером (Галиным) во главе — они фактически и осуществляли оперативно-стратегическое руководство китайскими «революционными армиями» — представляла собой не что иное, как реализацию на практике идей М. Тухачевского, его доктрины «революции извне», ее лозунга — «движение на выстрелы». В перевороте Чан Кай-ши усматривалось полное крушение этой доктрины: оказание помощи «революционной армии» Китая, доведение этой армии до победы советским «генералом» В. Блюхером и его товарищами обернулось не торжеством «социальной революции», а ее крушением — «бонапартизмом». Так в самой идеологии «революции извне», в идеологии «революционной войны», главным пропагандистом и теоретиком которой был М. Тухачевский, будто и впрямь в соответствии с мнением Л. Троцкого проявились очертания «бонапартизма», и не только китайского, но и маячившего в глазах советского политического руководства «бонапартизма» в Красной Армии. Блюхер считал, что Чан Кай-ши готов был продолжить сотрудничество с военными советниками из Красной Армии при условии удаления из Китая политического советника РКП(б) М. Бородина, и В. Блюхер считал, что на это следовало идти[3]. Таким образом, В. Блюхер, характеризуя политическую ситуацию в Китае, констатировал переход доминирующей роли в ней от «революционной партии» к «революционной армии». Нет необходимости в пространных комментариях, чтобы сделать вывод, особенно в идейно-политической атмосфере тех лет: это было

---

[1] Цит. по кн.: *Ворошилов К.Е.* Статьи и речи. М., 1936. С. 149.

[2] Правда. 1927. 1 мая.

[3] Цит по кн.: *Ворошилов К.Е...* С. 63.

провозглашение «бонапартизма». Хотя, быть может, сам В. Блюхер и не имел намерения мыслить столь категорично и определенно. В сущности, это означало, что в Китае возникал политический вариант, в котором доминирующая роль от российской компартии должна была перейти к Красной Армии, от политиков-коммунистов к «генералам». В этом, видимо, многие в СССР усматривали обстоятельства, благоприятствовавшие «бонапартизации» советской военной элиты. Обстановка, с одной стороны, обозначала крушение одного из основополагающих положений «революции извне» — роль классовой борьбы и трудящихся классов, — зато усиливала чисто военный фактор — роль Красной Армии. Пример китайской революционной армии и военно-политической судьбы Чан Кай-ши демонстрировал политический итог «революционной войны», ее идеологов и «вождей». Одних он пугал, другим мог послужить соблазном. Ментальную почву для такого рода мнений и настроений создавали и высказывания зарубежных политических деятелей. В начале 1927 г. в «Социалистическом вестнике» была помещена статья известного меньшевика Гарви под названием: «Красная Армия под знаком бонапартизации». Автор статьи писал: «Постепенная эволюция Красной Армии есть лишь производная от общей эволюции, проделываемой Советским государством, образующими его общественными классами, наконец, правящей коммунистической партией. Эта эволюция в сторону буржуазно-бонапартистского перерождения подходит, по-видимому, к той черте, за которой Красная Армия из безвластного орудия диктатуры начинает постепенно превращаться в субъекта политического действия, в политический фактор, претендующий на самостоятельную роль».

Весьма примечательно, что такого рода обширные цитаты перепечатывались и публиковались центральной армейской газетой «Красная звезда» и именно в декабре 1927 г.[1]. Будто бы кто-то преднамеренно формировал определенный настрой общественного мнения в стране, приучал общественность Красной Армии к мысли о наличии в ее высшем комсоставе «бонапартистов». Оставалось сделать последний шаг: назвать их поименно.

---

[1] *Подсотский К.* Меньшевизм и троцкизм о Красной Армии // Красная звезда. 1927. 1 декабря. № 274.

Выше уже излагались обстоятельства обострения отношений между М. Тухачевским, как начальником Штаба РККА, и К. Ворошиловым, как наркомом, равно как и должностные трения М. Тухачевского с С. Каменевым, А. Егоровым, П. Дыбенко и др. Уже в мае 1927 г. М. Тухачевский, по существу, ставил вопрос о своей отставке. Первые же внешние признаки грядущей «опалы» и отставки начальника Штаба РККА М. Тухачевского обозначились в январе 1928 г. Этому предшествовал ряд событий «подготовительного характера».

В ноябре—декабре 1927 г. в Женеву в составе советской делегации в подготовительную комиссию по сокращению и ограничению вооружений был командирован заместитель начальника Штаба РККА С. Пугачев. И это было сделано не случайно. Не только потому, что С. Пугачев занимал указанную должность, но и потому, что, «политически контрастируя» с М. Тухачевским, он воспринимался как представитель «умеренной» части советской военной элиты, как «сторонник мира», а не «революционной войны». В марте—апреле 1928 г. С. Пугачев в этом качестве вторично ездил с делегацией в Женеву.

В конце 1927 г., демонстрируя «миролюбивые намерения», советская сторона направила в Польшу нового военного атташе, Клочко И.Г., а 28 января 1928 г. прислали и нового помощника военного атташе — Богового В.Г. Эти кадровые замены могут быть косвенным указанием на неудачу «миссии Тухачевского» к А. Кутепову. Какие-то смутные слухи об оппозиционности и политической нелояльности М. Тухачевского уже муссировались на Западе и в Москве. В этом смысле весьма примечательно объяснение мотивов отставки М. Тухачевского, изложенных полковником В. фон Бломбергом, побывавшим в Москве в августе 1928 г. «Существует две версии отставки Тухачевского, — информировал он свое начальство в Берлине, — согласно первой, он был сторонником превентивной войны против Польши, что не могло удовлетворять правительство; согласно второй — его политическая благонадежность была поставлена под сомнение, и в военном вожде кое-кто увидел тень вождя возможного мятежного движения»[1].

---

[1] *Erickson J.* The Soviet High Command. L.; N.Y., 1962. P. 266.

Косвенным образом информация В. фон Бломберга о причинах отставки М. Тухачевского, в частности в той части, что касается его склонности к «превентивной войне против Польши», что противоречило правительственному курсу, подтверждается тем, что в марте 1928 г. с должности советского военного атташе в Германии был смещен С. Лунев (Петренко). Тот самый, с которым М. Тухачевский летом 1927 г. переписывался по вопросу об использовании в случае войны немецких военизированных формирований «Рот-фронта». В этом же плане следует обратить внимание и на смещение с должности начальника 3-го отдела (военных сношений, которому непосредственно подчинялись все военные атташе) Разведуправления Штаба РККА С. Будкевича (август 1928 г.), другого давнего соратника и единомышленника М. Тухачевского.

В контексте вышесказанного, как своего рода пояснение к информации В. фон Бломберга по поводу причин отставки М. Тухачевского (во второй ее части, касательно его политической неблагонадежности), видимо, следует рассматривать и характеристику начальника Штаба РККА, которую довел до сведения своего руководства полковник Х. фон Миттельбергер (начальник отдела штаба сухопутных войск рейхсвера), посетивший СССР в мае 1928 г. «Тухачевский, гвардии подпоручик старой армии, чрезвычайно умен и честолюбив, — сообщал полковник рейхсвера, — один из выдающихся талантов Красной Армии. Однако общеизвестно, что он является коммунистом лишь исключительно по карьерным причинам. Он может переходить с одной стороны на другую, если это будет отвечать его интересам. Здесь отдают должное и его личному мужеству, и решимости отойти от коммунизма[1], если в ходе последующего развития событий ему это покажется целесообразным».

Советский военный атташе в Польше И.Г. Клочко 30 января

[1] Таким образом, представлялась возможность неофициального объяснения причин его отставки для зарубежья. Одновременно демонстрировалось отмежевание советских властей от «агрессивного генерала», как свидетельство миролюбия СССР. Наконец, «бонапартист» М. Тухачевский оказывался, сам того не ведая, важным и убедительным фактором «дезинформационной игры» советских спецслужб с «активистами» РОВС для нейтрализации их агрессивности.

1928 г. сообщал в Москву: «29 и 30 января вся польская пресса полна самыми фантастическими сообщениями о восстании в Красной Армии; говорится о восстании 4 дивизий во главе с т. Тухачевским, наступающим будто бы на Москву; через два дня до сообщения польской прессы они перелетели в английскую, а оттуда они вновь перепечатывались польской прессой; характерно, что основную кампанию ведет официоз «Голос Правды»; сегодня на совещании у полпреда я предложил немедленно опубликовать опровержение полпредства, назвав всю эту провокационную кампанию «сплошной ложью от начала до конца», что и сделано. Я рассматриваю эту клевету как одно из средств поддержания общественного мнения против нас, как «моральную мобилизацию»...»[1]

Информация о «восстании 4 дивизий во главе с т. Тухачевским, наступающим будто бы на Москву», появившаяся в польской и английской прессе 29 и 30 января 1928 г., даже не будучи достоверной, несомненно, способствовала формированию нужного идеологического фона будто бы «бонапартистских» намерений М. Тухачевского. Не исключено, что она могла быть инспирирована из Москвы. Примечательно, что сам М. Тухачевский в своей юбилейной статье в «Правде» 23 февраля 1928 г. «Буржуазия об армии пролетариата» волей-неволей проинформировал советского читателя, незнакомого с книгой П. Фервака[2] и с зарубежной прессой, о «бонапартистских слухах» вокруг его фамилии[3]. Он опровергал — значит, оправдывался. Это исподволь готовило ментальную почву для принятия в последующем в качестве достоверного косвенным образом формируемое мнение о действительно «бонапартистских» намерениях М. Тухачевского.

«Мятеж Тухачевского» должен был восприниматься и в Польше, и в Англии, и в целом на Западе как вполне логичный «ответ» «красного Бонапарта» на нежелание политического руководства в Москве начать войну против Польши. В интерпретации П. Фер-

---

[1] Справка о проверке обвинений... Военно-исторический архив. М., 1997. Вып. 2. С. 34.

[2] *Fervacque P.* Le chef de l'armee Rouge — Mikail Toukhatchevski. Paris, 1928.

[3] *Тухачевский М.Н.* Буржуазия об армии пролетариата // Правда, 1928, № 46, 23 февраля.

вака, М. Тухачевский — ярко выраженный «антизападник», антисемит, антихристианин, антидемократ, поклонник самодержавного деспотизма Петра Великого, Екатерины II, Наполеона. Он близок к Л. Троцкому — символу «мировой революции». Он готов завоевать всю Европу под лозунгом «мировой революции» и восстановить Византийскую империю, подчинив ее России и уничтожая западную культуру. В то же время М. Тухачевский, по мнению автора книги, скорее политический фантазер и мечтатель. Он лишь внешне очень похож на Наполеона, но совершенно не обладает характером «великого корсиканца».

Вряд ли эта книга появилась случайно именно в это время. П. Фервак — журналист праволиберальной ориентации — предлагал ее преимущественно читателям, владеющим французским языком. Она предназначалась, несомненно, прежде всего французской политической общественности, а также той части русской эмиграции, которая владела французским языком. Это определенно русская интеллигенция, преимущественно либеральных или либерально-демократических настроений, но не офицерство РОВСа. Большинство бывших офицеров — бойцов белой армии плохо владели французским либо вообще им не владели. «Портрет» М. Тухачевского, нарисованный П. Ферваком, должен был произвести отрицательное впечатление на французскую общественность и либерально-демократическую часть русской эмиграции. Книга достигла своей политической цели. Это красноречиво выразил А. Керенский спустя десять лет. «Его (М. Тухачевского) наделили, кстати, уже всякими пороками, — писал А. Керенский, — ненавистник французского народного фронта, антидемократ, антисемит, поклонник Муссолини и т. д.»[1]. Независимо от степени соответствия этого «образа» реальному политическому лицу М. Тухачевского ясно, что книга П. Фервака, несомненно, сделала свое дело. Вновь М. Тухачевский представал перед западным, французским, английским, общественным мнением как символ «мировой революции», «революции извне», «революции на штыках», которую он жаждет внести в Европу. Несколько поблекший и забытый «образ» «красного Бонапарта-Аттилы» ярко вспыхнул на востоке Европы, гальванизируя успокоившиеся было страхи.

---

[1] Новая Россия. Париж, 1937. 27 июня, № 30. С. 14.

В ситуации неготовности к войне и осложнившейся социальной и внутриполитической обстановки И. Сталин и советское руководство стремились не допустить военного столкновения с Польшей, Великобританией и Западом в целом. Одним из важных, символических во внешней политике шагов, сделанных советским руководством в демонстрации миролюбивых намерений, было бы «устранение» М. Тухачевского с «фронта» внешней политики, как символа «войны», как политического «ястреба».

31 марта 1928 г. в центральном печатном органе Красной Армии, газете «Красная звезда», была помещена развернутая информация о защите диссертации В. Меликова в Военной академии им. М.В. Фрунзе «Марна — Висла — Смирна»[1]. В ней резкой критике подверглась оперативно-стратегическая деятельность М. Тухачевского во время «похода за Вислу». В газете приводились развернутые цитаты из выступлений участников обсуждения диссертации и самого диссертанта. Публикация материалов защиты данной диссертации в центральной армейской газете создавала необходимый контекст для неофициального, но публичного обсуждения проблемы войны с Польшей. Речь шла о советско-польской войне 1920 г., однако имелась в виду не начавшаяся в 1927 г. новая война СССР против Польши и западного мира. Данная публикация позволяла публично продемонстрировать военно-политические позиции начальника Штаба РККА М. Тухачевского и его оппонентов. Она позволяла открыто критиковать и опровергать стратегическую «доктрину Тухачевского». Таким образом, в центральной армейской печати ненавязчиво, но вполне определенно предлагалось поставить под сомнение авторитет М. Тухачевского как главного стратега Красной Армии и показать всем, в том числе и западной общественности, несогласие советского военного и политического руководства с точкой зрения своего начальника Штаба РККА.

Примечательно, что В. фон Бломберг, встречавшийся в Москве с уже новым начальником Штаба РККА Б. Шапошниковым, передал свои впечатления о нем: «Выхоленный, причесанный на пробор офицер английского типа... сдержанный, представляет ту часть Красной Армии, которая стремилась избежать войны с

[1] Красная звезда. 1928. 31 марта, № 78.

Польшей. Он считает своей задачей и целью всего советского высшего командования мирное и систематическое строительство Красной Армии»[1]. В.фон Бломберг усмотрел в новом начальнике Штаба РККА олицетворение изменения того направления, которое отождествлялось с М. Тухачевским, предшественником Б. Шапошникова на посту начальника Штаба РККА[2].

Итак, устранение М. Тухачевского с должности начальника Штаба РККА для успокоения и умиротворения политических кругов на Западе было удобным и благоприятным условием и фактором в разрешении уже давно обострившихся военно-политических проблем, связанных с личностью начальника Штаба Красной Армии. В этом заключалась лишь одна из причин отставки М. Тухачевского.

В. Меликов, оценивая действия М. Тухачевского в «походе на Варшаву», позволил себе, а центральная армейская газета опубликовала, весьма резкие обвинения в адрес начальника Штаба РККА в авантюризме и сомнения в наличии у него полководческих способностей[3]. Это была откровенная дискредитация, на которую В. Меликов вряд ли осмелился бы без санкции или даже побуждения «сверху». Примечательно, однако, и выступление самого М. Тухачевского на этой защите. Оппонируя В. Меликову, М. Тухачевский утверждал: «Нельзя считать ошибкой нашей политики военную задачу в 1920 г. Несмотря на то что наши силы были на исходе, при рациональном их использовании, пожалуй, они могли бы дать необходимую победу. В кампанию 1920 г. мы наделали много ошибок. Мы не провели аграрной политики. Если бы польский ревком роздал крестьянам землю, то неизвестно, как бы сложилась обстановка»[4].

Оставим в стороне вопрос о степени убедительности и доказательности приведенной точки зрения М. Тухачевского. Она, судя по всему, принципиально не изменилась по сравнению с 1922—1923 гг. Важно другое. Во-первых, в марте 1928 г. начальник Штаба РККА М. Тухачевский утверждает возможность победоносного исхода «польской кампании» 1920 г. Надо полагать, он и

---

[1] *Erickson J.* The Soviet High Command. C. 266.

[2] Ibid.

[3] Там же.

[4] Красная звезда. 1928. 31 марта, № 78.

в начале 1928 г. считал, что даже при «малых силах» («наши силы были на исходе»), но при «рациональном их использовании» в совокупности с верными социально-экономическими и социально-политическими мероприятиями можно добиться успеха в войне с противником более сильным в военном отношении. Таким образом, он как бы указывал на возможность победоносной перспективы вероятного военного столкновения с Польшей в 1927 г. при «рациональном использовании» имеющихся сил и соответствующих социально-политических и экономических мероприятий. Иными словами, нельзя исключать его готовность и решимость к войне в 1927 г. Это обстоятельство, видимо, также создавало почву для слухов, о которых сообщал своему начальству В. фон Бломберг в 1928 г.

Во-вторых, преднамеренно или нет, но М. Тухачевский указал на существенные ошибки, допущенные польским ревкомом в 1920 г. В его составе находился и И. Уншлихт, занимавший к 1928 г. должность 1-го заместителя Председателя РВС СССР. При обсуждении диссертации В. Меликова М. Тухачевский изложил свою позицию и косвенным образом обратил внимание и на И. Уншлихта как одного из «виновников» неудачи «польской кампании 1920 г.». Это можно было понять и как «недоверие» к И. Уншлихту в условиях едва не начавшейся новой советско-польской войны. Во всяком случае, эта акция с публикацией материалов защиты диссертации В. Меликова на злободневную тему в конце марта 1928 г. была, несомненно, преднамеренной со стороны политического и военного руководства. Она шла в русле создания соответствующей военно-политической почвы для отставки М. Тухачевского. Это был первый в СССР «знак» грядущей «опалы» для «красного Бонапарта». Но В. Меликов не был единственным критиком оперативно-стратегических взглядов М. Тухачевского.

С критикой стратегических взглядов М. Тухачевского во «внешней войне», в войне с Польшей выступил и давний соратник начальника Штаба РККА и единомышленник по оперативным вопросам Н. Варфоломеев[1]. Мнение Н. Варфоломеева было тем бо-

[1] *Варфоломеев Н.* Стратегическое нарастание и истощение в Гражданской войне // Гражданская война в СССР, 1918—1922 гг. М., 1928. Т. 2. С. 280. Привлечение его «пера» к кампании критики М. Тухачевского в 1928 г. было, кажется, обусловлено имевшимся на него «компроматом» «дела Варфоломеева» 1922—1923 гг.

лее значимо, что он являлся с 1925 г. заместителем М. Тухачевского как Главного руководителя по стратегии в Военной академии РККА.

В число критиков М. Тухачевского вольно или невольно оказался вовлечен и другой его соратник по Гражданской войне и «польскому походу», В. Путна. На его книгу «К Висле и обратно» ссылались и ее цитировали в 1928 г. «Мы пытались методы и шаблоны внутренней гражданской войны, — писал В. Путна, — механически применить и в войне, хотя и классовой, революционной, но все же, по существу, внешней и притом — в условиях недостаточного классового расслоения во вражеской стране»[1]. В этом же направлении шла критика «стратегии Тухачевского» в «польской кампании» и со стороны А. Вольпе[2].

Таким образом, в центральной военной прессе и литературе официальной пропагандой подготавливалась почва для отставки М. Тухачевского с должности начальника Штаба РККА. Грядущая отставка объяснялась несостоятельностью «военной доктрины Тухачевского» — его концепции «революционной войны», а главным виновником неподготовленности РККА к войне определялся М. Тухачевский и его штаб. М. Тухачевский, в свою очередь, пытался вновь выдвигать и отстаивать свою точку зрения на причины и виновников неготовности Красной Армии к войне. Он видел ее, в конечном счете, в ошибочном определении места и роли Штаба РККА. Новая вспышка дискуссии по этому вопросу лишь ускоряла отставку М. Тухачевского.

В двух докладных записках на имя наркома еще в феврале и марте 1927 г., обеспокоенный низким уровнем боевой подготовки командных кадров, М. Тухачевский вновь возвращается к проблеме, вызывавшей острые дискуссии еще в 1924 г. Он был обеспокоен, в частности, неподготовленностью штабных работников к боевой обстановке и предлагал передать функции их подготовки из ГУРККА в Штаб РККА. «В противном случае, — писал он, — считаю неизбежным снять со Штаба РККА ответственность за состав и подготовку штабов, переложить ее за подготовку войско-

---

[1] *Варфоломеев И.* Стратегическое нарастание и истощение в гражданской войне. С. 279.

[2] *Вольпе А.* Преследование в гражданской войне // Гражданская война в СССР, 1918—1922 гг.. Т. 2. С. 233—253.

вых штабов на командующих округами, а армейских — на Главное управление РККА, но это пагубно отразится на подготовке и боеспособности Красной Армии»[1].

На заседаниях РВС СССР и в своих докладных на имя наркома М. Тухачевский предлагал провести реорганизацию Штаба РККА, которая фактически предусматривала превращение его в Генеральный штаб. Он считал, что Штаб РККА должен стать единым планирующим и организующим центром. Однако предложение не было принято. Мотивировали это опасением, что «будет один докладчик, который и планирует, и проводит, и инспектирует, следовательно, имеет все критерии в своих руках. В руках же руководства почти ничего: соглашайся и иди на поводу у Штаба»[2].

5 апреля 1928 г. в письме К. Ворошилову начальник Штаба РККА М. Тухачевский писал: «В дополнение к тем соображениям, которые я высказывал Вам после заседания РВС, считаю необходимым доложить два основных момента, делающих работу Штаба РККА совершенно ненормальной... Прежде всего и в текущей, и в плановой работе создается такое положение, что зачастую может казаться, будто Вы, как нарком, работаете сами по себе, а Штаб РККА сам по себе, что совершенно противоестественно, так как по существу штаб должен быть рабочим аппаратом в Ваших руках по объединению всех сторон и работ по подготовке войны. Если он таким аппаратом не является, то, значит, дело не в порядке»[3].

16 апреля 1928 г. командующий Белорусским военным округом А. Егоров, инспектор кавалерии РККА С. Буденный и начальник снабжения РККА П. Дыбенко направили К. Ворошилову письмо, в котором обвиняли начальника Штаба РККА в стремлении захватить всю власть в армии. «Штаб РККА, — писали они, — имеет внутри себя тенденции, если не сказать хуже, целевую установку, заменить собой, или, вернее, взять в свои руки руководящую роль по всем вопросам строительства и оперативного руководства РККА». Авторы письма предлагали заменить начальника Штаба РККА лицом с «более высокими организаторскими

---

[1] РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 229. Л. 97.

[2] *Захаров М.В.* Ученый и воин. М., 1974. С. 67.

[3] Справка по проверке обвинений... // Военные архивы России. Вып. 1. С. 78.

способностями, а равно и с большим опытом боевой практической работы»[1]. Их позиция была поддержана 1-м заместителем Председателя РВС СССР и наркома И. Уншлихтом[2]. Эта позиция разделялась и начальником ГУРККА М. Левандовским и заместителем начальника УВУЗ РККА Н. Кузьминым[3]. То, что именно эти три «генерала» написали коллективное послание К. Ворошилову с требованием отставки М. Тухачевского, объясняется, как выше мне пришлось отмечать, отчасти тем, что начальник Штаба РККА «задел» их репутацию, косвенно указывая на ведомства, несущие ответственность за неготовность Красной Армии.

Вскоре К. Ворошилов пригласил М. Тухачевского для разговора по этому поводу. Разговора не получилось. «Он сам подал рапорт о своем уходе, — вспоминал Г. Иссерсон, — в котором писал наркому: «После нашего последнего разговора вынужден оставить свой пост»[4]. Он писал, что старался сделать Штаб Красной Армии инициативным, но помимо его воли Штаб превратился в простой технический аппарат[5]. 3 мая 1928 г. К. Ворошилов подписал приказ о перемещении М. Тухачевского с должности начальника Штаба РККА на должность командующего Ленинградским военным округом[6].

Примечательно, что почти одновременно с письмом А. Егорова, С. Буденного, П. Дыбенко, 17 апреля 1928 г., был подписан план поездки агента ОГПУ А. Попова в Париж к А. Кутепову, которому следовало представить М. Тухачевского честолюбивым

---

[1] *Захаров М.В.* Ученый и воин. С. 66—67.

[2] Там же.

[3] *Коротков И.А.* История советской военной мысли. М., 1980. С. 82; *Данилов В.* От Штаба РККА к Генштабу РККА (1924—1935) // Военно-исторический журнал. 1978. № 8. С. 104.

[4] *Иссерсон Г.* Воспоминания современника о М. Тухачевском // Военно-исторический журнал. 1963. № 2. С. 66.

[5] *Никулин Л.* Тухачевский. М., 1964. С. 167.

[6] Красная звезда. 1928. 5 мая, № 104. Приказ вступал в силу с 5 мая 1928 г. Однако еще 8 мая М. Тухачевский продолжал фактически возглавлять Штаб РККА. Нарком явно не планировал именно в это время отправить в отставку начальника Штаба РККА. Он стремился замаскировать конфликтную подоплеку ухода М. Тухачевского, «сгладить» нежелательные пока впечатления от данной политически значимой кадровой перестановки.

властолюбцем, готовым к захвату власти[1]. Очевидно, предполагалось, что ко времени встречи А. Попова с А. Кутеповым в Париже М. Тухачевский уже будет смещен с поста начальника Штаба РККА и это будет красноречивым доказательством его «бонапартизма», слухи о котором как бы подтвердились отставкой[2]. Следовательно, надо полагать, вопрос о его отставке был решен 16—17 апреля 1928 г.[3].

Одновременно с отставкой М. Тухачевского и вслед за ней был проведен ряд кадровых перестановок и отставок, с ней связанных.

Обращает на себя внимание, что из 16 «отставленных» «генералов» некоторые являлись старыми соратниками М. Тухачевского[4], в том числе ветеранами 27-й стрелковой дивизии (К. Нейман, Р. Сокк, Н. Уваров), а некоторые входили в круг его друзей и близких приятелей. Примечательно, что «чистке» подверглось руководство и ответственные сотрудники Штаба РККА (М. Тухачевский, С. Пугачев, С. Будкевич, С. Петренко-Лунев), ГУРККА (Я. Алкснис, М. Вольпе), командование «фронтовых» военных округов: Ленинградского (А. Корк, А. Кук, Ф. Кауфельдт) и Бе-

---

[1] Напомню, что А. Попов должен инсценировать наличие в СССР крупной антисоветской организации, которая готовит восстание и планирует после свержения Советской власти назначить диктатора.

[2] На отсутствие действительной криминально-политической подоплеки в обстоятельствах отставки М. Тухачевского косвенно указывают его показания на следствии 1 июня 1937 г. В связи с отставкой с должности начальника Штаба РККА в мае 1928 г. М. Тухачевский в своих показаниях ограничился одной сугубо протокольной фразой: «В 1928 г. я был освобожден от должности начальника Штаба РККА и назначен командующим войсками ЛВО». Правда, далее он отметил, что был «недоволен своим положением и отношением ко мне со стороны руководства армии». Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 г. // Кровавый маршал. Михаил Тухачевский, 1893—1937. СПб, 1997. С. 83.

[3] Письмо А. Егорова, С. Буденного и П. Дыбенко, датированное 16 апреля, вряд ли стало само по себе поводом для отставки М. Тухачевского, которая решена была уже к 17 апреля. Это решение, очевидно, было принято до 16—17 апреля. Письмо же «генералов» могло появиться, возможно, уже в связи с кулуарно принятым решением.

[4] К. Нейман, Н. Уваров, Р. Сокк были ветеранами 27-й стрелковой дивизии, М. Вольпе — 26-й стрелковой дивизии. Все они были участниками победоносной кампании 5-й армии на Востоке в 1919 г. Некоторые принимали участие в «польской кампании» и в подавлении «мятежного Кронштадта».

лорусского (М. Германович, Е. Сергеев), а также командиры соединений Украинского военного округа (К. Нейман, Р. Сокк). Нельзя не заметить, что пять «генералов» фактически были отправлены во временную «отставку» (С. Пугачев, Е. Сергеев, Н. Петин, А. Корк, С. Будкевич), пять были переведены с командной на преподавательскую работу (Я. Алкснис, М. Вольпе, К. Нейман, Н. Уваров, И. Широкий), что всегда расценивалось как явное понижение в должности и «опалу». Это особенно заметно, учитывая, что все отправленные в Военную академию РККА в качестве преподавателей были молодыми и перспективными строевыми командирами, совершенно не подготовленными для преподавания в военной академии. Два боевых командира (Р. Сокк и И. Ландин) были уволены из РККА.

М. Тухачевский, как начальник Штаба РККА, и его заместитель С. Пугачев фактически были признаны ответственными за «стратегическую доктрину», обусловившую внешний военно-политический курс, оказавшийся несостоятельным перед лицом войны и расходившийся с правительственным внешнеполитическим курсом. С. Будкевич[1], как глава военных внешнеполитических отношений, и С. Петренко-Лунев[2], советский военный атташе в Берлине, несли ответственность за проведение «линии Тухачевского» в Германии. Все они, особенно М. Тухачевский, С. Будкевич, С. Петренко-Лунев, рассматривались как «партия войны», а точнее, «революционной войны». Остальные «генералы» были отставлены как явные или скрытые сторонники М. Тухачевского во «фронтовом командовании» и среди командиров соединений. Однако были и другие причины отставки М. Тухачевского, «чистки» советской военной элиты и кадровых перемещений в ее составе в 1928 г.

---

[1] С. Будкевич и в 1929 г. продолжал, подобно М. Тухачевскому, считать, что в 1920 г. «проиграла не политика, а стратегия». Он считал, что если бы командование 4-й Красной Армии не допустило бы ряд серьезных оперативных ошибок, то «маневр Тухачевского вокруг Варшавы» мог бы увенчаться успехом и Варшавская битва была бы выиграна Красной Армией. Во всяком случае, неуспех М. Тухачевского не был бы таким масштабным. *Будкевич С.Р.* Операции польских армий на Висле в 1920 г. // Записки Коммунистической академии. М., 1931. С. 60, 77.

[2] Выше я упоминал о его переписке с М. Тухачевским по поводу оперативного предназначения отрядов «Рот-фронта» в 1927 г.

Выше уже излагались различные слухи, распространившиеся в Москве и за рубежом о причинах отставки М. Тухачевского и его «политической неблагонадежности», а также сенсационное сообщение польских и английских газет в конце января 1928 г. о «восстании 4 дивизий во главе с т. Тухачевским, наступающим будто бы на Москву». Выше отмечалось, что действительно в августе 1928 г. был уволен из РККА командир 79-й стрелковой дивизии Р. Сокк, один из героев 27-й стрелковой дивизии. Такая мера в отношении орденоносца, перспективного 32-летнего командира дивизии должна была мотивироваться вескими основаниями. Кроме того, неожиданно были переведены на преподавательскую работу командир 57-й стрелковой дивизии Н. Уваров, командир 6-й Орловской стрелковой дивизии И. Широкий. Примечательно, что в 1928 г. был уволен из РККА «по болезни» офицер Г. Лимаренко, состоявший «для особо важных поручений при начальнике Штаба РККА». До этого он занимал должность для особых поручений при командующем Московским военным округом и состоял в этой должности с июля 1927 г. Был переведен на эту должность из штаба Ленинградского военного округа, где служил помощником начальника отдела штаба округа. Служебные перемещения этого офицера почти совпадают по времени со служебными перемещениями Б. Шапошникова: по май 1927 г. он являлся командующим Ленинградским военным округом; с мая 1927 до мая 1928 г. — командующим Московским военным округом; с мая 1928 г. — начальником Штаба РККА. Совершенно ясно, что Б. Шапошников, переходя с одной должности на другую, начиная с 1927 г. брал Г. Лимаренко с собой. Это был его адъютант. Увольнение Г. Лимаренко, даже с уважительной формулировкой «по болезни», не может не вызывать подозрений. Известно также, что в том же 1928 г. по непонятной причине застрелился Г. Хвощинский, бывший ближайший сотрудник П. Лебедева по руководству Штабом РККА, уволенный из Красной Армии 14 марта 1924 г.[1]. Возможно, его самоубийство было связано с причинами увольнения из РККА: он и его непосредственный начальник П. Лебедев, по одной из версий, были уволены за связь с предста-

[1] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания // Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 39.

вителями белой военной эмиграции[1]. Впрочем, приведенная выше информация может служить лишь поводом для различных предположений о наличии каких-то «заговорщических организаций» в Красной Армии в 1928 г. Указанных выше сведений и степени их достоверности явно недостаточно для каких-либо определенных выводов на этот счет. Но их было вполне достаточно для слухов и подозрений, тревоживших бдительность ОГПУ и правительства. Достаточно для того, чтобы предпринимать на всякий случай превентивные меры в отношении наиболее амбициозных «генералов», имевших соответствующую политическую репутацию. Среди таковых на первом месте, несомненно, находился М. Тухачевский, если учесть его «наполеоновскую репутацию» в кругах бывших офицеров старой армии. Указанные выше обстоятельства также, очевидно, являлись одной из причин отставки М. Тухачевского, слухов о его политической неблагонадежности и кадровых перемещений в 1928 г. Во всяком случае, всего этого ОГПУ было достаточно для далекоидущих выводов.

3

Советско-германское военное сотрудничество и «новые лидеры»: И. Уборевич

Каждая новая война, и тем более поражение в войне, как правило, влечет за собой смену военной элиты, а эта ситуация, в свою очередь, рождает драматизм столкновения «старой» и «новой» элит. Этот процесс сам по себе неизбежный и в определенном смысле — естественный. В обществе же, само существование которого, в силу господства геополитических факторов его возникновения и развития, обусловлено не проблемой «образа жизни», а проблемой «выживания»; где «оборонный фактор» оказывается «естественно-доминирующим», смена военных элит оказывается одним из немногих способов удержания власти в руках «политиков» и нейтрализации политических и геополитических амбиций «генералов».

---

[1] «По поводу их увольнения рассказывали, — вспоминал А. Брусилов, — будто бы за их поручительством был устроен какой-то гродненский гусар, который оказался шпионом белых». — *Брусилов А.А.* Мои воспоминания // Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 39.

Осенью 1927 г. на учебу в Германию на тринадцать месяцев направили И. Уборевича. Видимо, уже тогда И. Сталин наметил именно его для прорыва в модернизации РККА, превратив И. Уборевича в нового, «своего вождя» Красной Армии, сделав его собственной «креатурой» в полном смысле этого слова. Следует иметь в виду, что перед отъездом в Германию И. Уборевича 4 ноября 1927 г. принял И. Сталин. Сам по себе этот факт указывает на особую заинтересованность И. Сталина в «миссии Уборевича» в Германии. Ведь поездки советских «генералов» в Германию в 1925—1933 гг. были явлением вполне рутинным и исключительно в сфере ведения К. Ворошилова, Разведуправления Штаба РККА (И. Уншлихта и Я. Берзина) и ОГПУ (Г. Ягоды). Со всеми другими высшими офицерами в связи с этим И. Сталин не встречался.

И ранее с большим вниманием относившийся к опыту германской армии (отчасти благодаря свойствам своего характера и темперамента), после интенсивного и разностороннего обучения И. Уборевич превратился в самого «любимого» и последовательного «ученика» немецких генералов «старой» кайзеровской школы. «Товарищам, особенно Уборевичу, в рейхсвере были открыты почти все двери, за исключением лишь абсолютно секретных вещей... Уборевичу, к которому немцы относились с особой симпатией, они показали... больше, чем другим, и он, несомненно, может считаться сейчас одним из самых лучших иностранных (а не только русских) знатоков современной германской армии... В дальнейшем общении с ним немцы убедились, что Уборевич очень талантливый и многообещающий полководец, и это усилило их симпатии к нему»[1]. Немцы считали И. Уборевича «прямолинейным и симпатичным человеком... открыто выступавшим в пользу германской ориентации...»[2]. Все это, конечно же, было известно И. Сталину.

Выводы и настроения И. Уборевича, сформированные его «германским опытом», в начале 1929 г. акцентировались на ис-

---

[1] Цит. по: *Ахтамзян А.А.* Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920—1933 гг. // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 17—18.

[2] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 70. Л. 269. Документ опубликован в кн.: *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР: М., 1992. С. 121.

пользовании «германской модели» развития вооруженных сил[1]. Итоги пребывания И. Уборевича на учебе в Германии и выводы, им из этого сделанные, стали основой того направления в модернизации Красной Армии, которое было определено в качестве официального с 1929 г. В них И. Уборевич в целом выражал господствовавшие тогда в германских высших военных кругах взгляды на модернизацию и развитие вооруженных сил.

И. Уборевич, подводя в своем отчете итоги пребывания в Германии, сделал (скорее всего, непредумышленно) и далекоидущие политические выводы, возможно, и не подозревая об их именно политическиопасных последствиях. «Немецкие специалисты, в том числе и военного дела, стоят неизмеримо выше нас, — писал И. Уборевич. — Мне кажется, что мы должны покупать этих специалистов, привлекая умело к себе... Я не думаю, что немецкие специалисты оказались бы хуже политически и более опасными, чем наши русские специалисты»[2]. Иными словами, И. Уборевич считал военспецов-генштабистов из старой русской армии «политически опасными». Мнение и выводы И. Уборевича в отношении

---

[1] Старая «германская школа» — в лице генералов К. фон Хаммерштейна, В. фон Фрича, Л. фон Бека, В. Адама и др., отчетливо выражавшая свои взгляды на перспективы развития вооруженных сил по-прежнему «обернувшись назад», к «германскому опыту» Первой мировой войны, главным фактором этого развития считала профессиональную подготовку офицеров и солдат и традиционных видов вооруженных сил: пехоты, кавалерии, артиллерии, авиации и, в последнюю очередь, танков. Вернувшись из своей немецкой командировки, М. Тухачевский высказался по этому поводу четко и вполне определенно: «Руководящий состав рейхсвера мыслит себе войну примерно в формах последнего маневренного периода империалистической войны. Он не способен представить себе новые формы боя, вытекающие из нового вооружения: авиации, танков, автоматической винтовки и пр. ...Хаммерштейн мне прямо заявил, что он не признает механизированных соединений, а допускает лишь частичную моторизацию. Да и к этой последней он относится подозрительно. Не признает он и автоматической винтовки. Таких же взглядов придерживается и большинство руководящих генералов и офицеров рейхсвера». Подытоживая свои впечатления, М. Тухачевский отметил: «В общем, я считаю, что руководство рейхсвера не стоит на высоте с точки зрения использования новейших технических средств... Над всеми этими генералами довлеет опыт империалистической войны и слава былой организации и тактики германской армии...» РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 235. Л. 44—45. Документ опубликован: Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 37.

[2] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 295. Л. 183. Документ опубликован в кн.: *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Указ. соч. С. 258.

«старой русской школы» не были случайными. Они были логичными, последовательными и устойчивыми. Не только в военном, но и, пожалуй, в военно-политическом смысле.

Не столь прямолинейно, но с более фундаментальным обоснованием, по существу, той же позиции выступил на Пленуме РВС СССР осенью 1930 г. и М. Тухачевский. «Наши недостатки, — сказал он, — в организации управления и в тактической подготовке настолько велики, что на это нужно обратить внимание и организационно обеспечить те установки, которые будут даны Реввоенсоветом Союза»[1]. М. Тухачевский обратил внимание на то, что указанные «недостатки сказались и на маневрах, они сказались и в действиях ОКДВА»[2]. Это была критика В. Блюхера. Причины такого положения, по мнению М. Тухачевского, коренились в том, что «новая методика в Военной Академии по-настоящему не проводится и основные уставы ПУ-29 и БУП-27 по-настоящему не усвоены»[3]. Он считал, что одной из причин этой ситуации является то, что «наши штабы, состоя по своему составу далеко не из лучших строевых элементов и получая подготовку отвлеченную, теоретическую, академическим порядком, а не практическую, которую требовал Реввоенсовет в своих приказах, являются не совсем работоспособными»[4].

М. Тухачевский подверг критике систему и содержание военного образования. «У нас до сего времени, — продолжал он, — программы Военной академии и учебная деятельность УВУЗа оторваны от Штаба РККА»[5]. М. Тухачевский требовал «подчинить Штабу РККА деятельность Военной академии и УВУЗа»[6]. Он делал весьма серьезный вывод и предупреждение: «Если новая методика обучения не будет заложена во всей системе, мы не будем иметь подготовленный штаб и подготовленный высший комсостав»[7]. Этой же позиции придерживались В. Триандофиллов и

---

[1] РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 195-сс. Л. 30.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 29.

[4] Там же. Л. 29—30.

[5] Там же. Л. 30.

[6] Там же.

[7] Там же.

И. Якир. «Найди такого, который учил бы по-настоящему», — бросил он реплику на том же Пленуме РВС СССР[1]. Все это вполне совпадало с мнением ОГПУ и И. Сталина и означало переориентацию в военном строительстве с военспецов-генштабистов старой русской армии на немецких военных специалистов из старой кайзеровской армии.

В обстановке обострившегося социально-политического кризиса выводы и рекомендации И. Уборевича можно было расценить тоже как сигнал к началу «чистки» Красной Армии и ее элиты от этого весьма опасного и подозрительного военно-политического слоя, утратившего свою полезность для Советской власти. «В РККА, преимущественно в высших учреждениях, на службе состоит значительное количество бывшего кадрового офицерства, — сообщалось в справке ОГПУ. — Эта категория военспецов является по своему бывшему и социальному положению наиболее чуждой Советской власти... Все они ждут падения Советской власти»[2].

«Германская модель» модернизации РККА И. Уборевича, учитывая вышеизложенное, не представляла собой смену парадигмы в развитии Советских Вооруженных Сил. Это было совершенствование внутри старой парадигмы, основанной, как и у «военспецов-генштабистов» старой русской армии, на опыте Первой мировой войны. Это, в сущности, была все равно «консервативная модель» модернизации Красной Армии. Во всяком случае, теперь главной военно-теоретической, военно-технической и военно-политической опорой объективно становился рейхсвер и его «представитель» в СССР, самое доверенное лицо среди советских «генералов» И. Уборевич. В этом, а не только в симпатиях и доверии к ним И. Сталина, вероятно, также следует искать одну из причин кратковременного военно-политического взлета И. Уборевича.

15 июля 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О состоянии обороны СССР», которое подвело итоги предшествующего начального периода реконструкции вооруженных сил и модернизации оборонной системы СССР и признало этот процесс неудовлетворительным. В соответствии с заданиями Политбюро к концу пятилетки отмобилизованная РККА должна была

---

[1] РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 195-сс. Л. 70.

[2] Военные архивы России. Вып. 1. С. 102.

насчитывать не менее 3 млн. человек, иметь 3 тыс. танков, 3759 легких пушек, 798 тяжелых пушек, 1218 зенитных орудий среднего калибра, 712 зенитных орудий малого калибра, 120 орудий большой мощности, а также предполагалось к концу пятилетки иметь не менее 150—180 тыс. автомобилей и нужное количество тракторов. На основании принятых партийных постановлений и правительственных решений в июле же 1929 г. была учреждена должность начальника вооружений РККА, а 19 ноября 1929 г. на эту должность был назначен И. Уборевич.

«Программа модернизации Уборевича» концептуально опиралась на точку зрения штаба рейхсвера, начальник которого генерал В. Адам выразил ее вполне определенно: «Я категорически придерживаюсь того мнения, что танки в будущей войне будут играть вспомогательную роль и что нам надо обратить особое внимание на противотанковые средства: при хороших противотанковых средствах танки не будут иметь большого значения... Большие битвы никогда не будут решены танками, а людьми»[1]. В своем докладе о реконструкции Красной Армии 28 октября 1929 г. на заседании РВС СССР И. Уборевич также утверждал, что, во-первых, нужна «модернизация старых систем, старых запасов снарядов, ...старых танков путем перестволения». Решающую роль в будущих сражениях И. Уборевич отводил тяжелой артиллерии. Возможно, в этом вопросе сказывались и его профессиональные пристрастия. Впрочем, вряд ли стоит видеть в этих размышлениях (И. Уборевича, В. Адама) лишь консерватизм немецких генералов «старой школы». Сами они, как и их «любимый ученик» И. Уборевич, обоснованно отводили большую роль боевой профессиональной подготовке личного состава. Именно высокое качество подготовки солдат и офицеров рейхсвера произвело наибольшее впечатление на М. Тухачевского во время его пребывания на маневрах в Германии в 1925 г.[2].

Вслед за немецкими генералами И. Уборевич считал «самым страшным — неумение войск пользоваться этой техникой. Танки

---

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 375. Л. 22—40. Документ фрагментарно опубликован в кн.: *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.* С. Указ. соч. С. 126,127.

[2] РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 243. Л. 62—64. Документ опубликован в издании: Рейхсвер и Красная Армия: Документы из военных архивов Германии и России, 1925—1931. Кобленц, 1995. С. 82—90.

выпускаются быстрее, чем командиры-специалисты. Подготовка квалифицированных бойцов требует большого времени. Положение должно быть таково, чтобы подготовка в армии людских ресурсов и оснащение армии техническими средствами шли параллельно»[1]. Это было весьма справедливое опасение. Этими соображениями И. Уборевич мотивировал необходимость постепенности насыщения армии новейшими средствами войны, в том числе танками. Именно танковый вопрос, пожалуй, и оказался принципиальным в расхождении взглядов на модернизацию РККА генералов рейхсвера, И. Уборевича и М. Тухачевского (их оппонента). Программа И. Уборевича была принята, а сам он, как выше отмечалось, 19 ноября 1929 г. был назначен на только что учрежденную должность начальника вооружений РККА. Материальной базой перевооружения армии, ее модернизации, должно было стать тесное и всестороннее сотрудничество с германской фирмой «Рейнметалл».

Прежняя парадигма советско-германского военного сотрудничества, в сущности, себя исчерпала, обнаружив малую эффективность. 2 июня 1930 г. с должности первого заместителя Председателя РВС СССР и наркома был смещен И. Уншлихт, фактически руководивший этим направлением в РВС СССР. Вместо него заместителями Председателя РВС СССР и наркома были назначены И. Уборевич, исполнявший обязанности первого заместителя, и начальник ПУР РККА Я. Гамарник. 13 июня РВС СССР утвердил уточненный план строительства РККА на 1929—1932 гг.

4

Оборонная модернизация по «программе Тухачевского»

После отставки с должности начальника Штаба РККА в мае 1928 г. М. Тухачевский признавался, что был «недоволен своим положением и отношением к нему со стороны руководства ар-

[1] Эту точку зрения в рейхсвере особенно твердо отстаивал генерал Л. Бек, впоследствии начальник штаба рейхсвера. Именно эта позиция по проблеме реконструкции немецких сухопутных сил стала одной из главных принципиальных причин его конфликта с А. Гитлером в 1937—1938 гг.

мии»[1]. Это действительно так и имело целый комплекс причин, о которых уже достаточно подробно говорилось.

«Опала» М. Тухачевского открыла «свободу» критики стратегической концепции М. Тухачевского и его полководческого опыта в период советско-польской войны. 31 марта 1928 г. в центральном печатном органе Красной Армии газете «Красная звезда», как уже отмечалось выше, резкой критике подверглась оперативно-стратегическая деятельность М. Тухачевского во время «похода за Вислу»[2]. Вполне определенно ставился под сомнение авторитет М. Тухачевского как главного стратега Красной Армии. Он обвинялся в авантюризме, а его полководческие способности ставились под сомнение. Это была откровенная дискредитация М. Тухачевского как одного из «вождей» Красной Армии. Волна критики была подхвачена и другими военными изданиями[3] и длилась, то «поднимаясь», то «опускаясь», вплоть до начала 1932 г.[4]. В 1929 г. появилась еще одна фундаментальная работа, в которой критиковались действия М. Тухачевского в «польской кампании», а виновниками поражения Красной Армии в советско-польской войне определялись М. Тухачевский и С. Каменев. Это книга А. Егорова «Львов — Варшава. 1920 г. Взаимодействие фронтов». В военной печати возникла полемика по книге А. Егорова. С. Буденный целиком был солидарен с выводами автора книги. Н. Какурин весьма квалифицированно опровергал основополагающие звенья концепции А. Егорова.

Впрочем, в контексте проводимого мной исследования не столь важно вновь обращаться к вопросу о причинах поражения и виновниках его во время советско-польской войны. Важно, что этот вопрос, как и в начале 20-х годов, расчленял советскую воен-

---

[1] Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года // Кровавый маршал... С. 83.

[2] Красная звезда. 1928. 31 марта, № 78.

[3] *Варфоломеев Н.* Стратегическое нарастание и истощение в гражданской войне // Гражданская война в СССР, 1918—1922 гг. М., 1928. Т. 2. С. 280; *Путна В.* К Висле и обратно // Там же. С. 279; *Вольпе А.* Преследование в гражданской войне // Там же. С. 233—253.

[4] *Егоров А.И.* Львов — Варшава. 1920 год. Взаимодействие фронтов. М., 1929; *Меликов В.* Сражение на Висле в свете опыта майско-августовской кампании 1920 г. // Война и Революция. 1930. № 10.

ную элиту на «группировки». Это были группировки по частным аспектам одной стратегической концепции, которую, в сущности, поддерживали в принципе дискутировавшие стороны: и сторонники А. Егорова, и сторонники М. Тухачевского. Обострение дискуссии вело к ожесточению взаимоотношений «генералов», ослабляло их. В этом отношении гальванизация проблемы в 1929 г. совершенно очевидно оказалась инспирирована в политических целях.

С одной стороны, явно просматривалось стремление пересмотреть сложившееся мнение и «свалить» всю ответственность за поражение под Варшавой на М. Тухачевского. Так можно было «развенчать» его полководческий авторитет и размыть популярность. Сделать его политически безопасным. С другой стороны, новым обсуждением проблемы легко можно было окончательно рассорить «генералов» между собой, превращая исподволь политическую власть в арбитра их неразрешимых споров. Кроме того, таким образом можно было спровоцировать взаимную дискредитацию всех дискутирующих сторон, подготавливая идеологическую почву для смены элиты армии. Наконец, все это целенаправленно работало на усиление и рост авторитета политической власти и окончательное подчинение «революционной армии» политической «номенклатуре» во главе с ее вождем.

Решено было обсудить проблему на заседании Военно-научного общества при Военной академии РККА. Дискуссия на этом заседании, в котором принял участие М. Тухачевский, приобрела очень острый характер. Дело дошло до открытого столкновения М. Тухачевского с «наступавшим» на него В. Меликовым. Заседание пришлось прервать. Отзвуки этой дискуссии прорвались и на страницы «Красной звезды»[1]. В контексте всего вышесказанного обращает на себя внимание, можно сказать, «программное» выступление М. Тухачевского на заседании военной секции при Коммунистической академии 16 декабря 1929 г.

---

[1] Проблема «виновников» и причин поражения в сражении под Варшавой и в советско-польской войне «перетекла» в 1930 г. Она всплывала даже при обсуждении иных, новых армейских и военно-научных проблем. При этом стало совершенно очевидным, что внимание методично акцентировалось на «виновности» М. Тухачевского.

В своем докладе «О характере современных войн в свете решений 6-го Конгресса Коминтерна» М. Тухачевский в русле концепции «революции извне» по-прежнему «постулировал», что «грандиозные войны, пока большая часть света не станет социалистической, являются неизбежными» и поэтому, считал он, «задачей компартии является настойчивая, повседневная пропаганда борьбы против пацифизма»[1].

Утверждая, что «масштаб нашего военно-теоретического мышления ниже довоенного уровня», и опровергая заявления своих оппонентов, что, «...мол, Красной Армии и в будущих войнах придется воевать на пониженном технически-экономическом базисе», М. Тухачевский убеждал, что «такое представление идет вразрез с достижениями нашей промышленности сегодняшнего дня». По мнению М. Тухачевского, это «не отвечает, и даже тем более противоречит пятилетнему плану развития нашего хозяйства и всей генеральной линии нашей партии»[2].

Ссылаясь на решения 6-го Конгресса Коминтерна, М. Тухачевский отстаивал правомочность ведения «войн» социализма против империализма» и «оборону национальных революций и государств с пролетарской диктатурой...». По мнению М. Тухачевского, решение вопроса о немедленном ведении революционной войны зависит исключительно от «материальных условий осуществимости этого и интересов социалистической революции, которая уже началась...»[3]. Как считал М. Тухачевский, «действительно революционной войной в настоящий момент была бы война социалистической республики... с одобренной со стороны социалистической армии целью — свержение буржуазии в других странах»[4].

Но в этом докладе М. Тухачевского просматривалось и нечто концептуально новое — синтез идей «революции извне» и концепции «войны моторов». Эта концепция оперативно-тактических ме-

---

[1] *Тухачевский М.Н.* О характере современных войн в свете решений 6-го Конгресса Коминтерна. (Доклад на заседании военной секции при Комакадемии 16.12.1929 г.) Записки Коммунистической академии. М., 1930. Т. 1. С. 8.

[2] Там же. С. 21.

[3] Там же. С. 24—25.

[4] Там же.

тодов, так называемой «глубокой операции», генетически выраставшей из боевого опыта и теоретических установок «последовательных операций» и «таранной стратегии» М. Тухачевского, была научно разработана В. Триандофилловым. Неудивительно, что критике со стороны А. Свечина и В. Меликова в 1929 г. подверглись взгляды не только М. Тухачевского, но и как единомышленника последнего, такого же сторонника «стратегии сокрушения» В. Триандофиллова[1].

Книга В. Триандофиллова «Характер операций современных армий», изданная в 1929 г.[2], оказалась первым фундаментальным военно-научным трудом, целостно обозначившим новые перспективы развития военного искусства. Собственно говоря, она явилась военно-теоретической предпосылкой принятия радикальных решений для принципиальной модернизации Советских Вооруженных Сил. В контексте этой книги В. Триандофиллова, по сути дела, почти весь боевой опыт старой русской армии в период Первой мировой войны и Красной Армии в период Гражданской войны, если выражаться «мягко», сдвигался в «историю». Актуальность и ценность сохранял преимущественно боевой опыт германской армии 1914 г., отчасти русский «брусиловский» опыт 1916 г. и «польский поход» М. Тухачевского. Речь шла о совершенно иных по размаху, глубине и технической насыщенности боевых операциях грядущей войны. Важнейшим основанием для такого вывода оказывалось быстрое и разностороннее развитие военной техники, с появлением принципиально новых ее видов, прежде всего танков, неизвестных прежним войнам.

Военно-теоретический смысл книги В. Триандофиллова обнаруживал синтез прежней «стратегии сокрушения», «революции извне» М. Тухачевского с технической модернизацией вооруженных сил. Концепция В. Триандофиллова, таким образом, пока на теоретическом уровне преодолевала «бессилие» наступления перед «силой» обороны, казалось бы доказанное итогами Первой мировой войны. На этом, в сущности, строилась концепция А. Свечина. Можно сказать, это и становилось военно-теоретической основой крушения авторитета специалистов «старой школы», и не

---

[1] *Тухачевский М.Н.* Указ. соч. С. 30—31.

[2] *Триандофиллов В.К.* Характер операций современных армий. М., 1929.

только «русской», но, пожалуй, и «германской». Принятие или неприятие этой книги в качестве основополагающего теоретического опыта затрагивало очень многие военные судьбы.

Заявляя о «войне моторов» как о «войне будущего», даже в мягкой и некатегоричной форме, В. Триандофиллов, желая того или нет, поставил вопрос о судьбе кавалерии, артиллерии, пехоты и вообще традиционных военных и боевых ценностях. Образно выражаясь, «отставка» стала угрожать «кавалеристам», «героям Гражданской войны», «генштабистам старой армии». Книга В. Триандофиллова «взорвала» образованную военную общественность и советскую военную элиту.

М. Тухачевский, пристально следивший за происходившими процессами, 11 января 1930 года направил на имя К. Ворошилова докладную записку, в которой на основе предшествующей докладной записки, от 20 декабря 1927 г., изложил развернутую программу и план модернизации РККА с учетом геостратегических целей и геополитического положения СССР. М. Тухачевский, в частности, считал, что «необходимо совершенно по-новому подойти к задаче развития и реконструкции РККА. Поправками или надбавками в тех или иных участках строительства армии ограничиться невозможно. Необходимо подойти к структуре РККА реконструктивно, в полном соответствии с хозяйственными успехами»[1]. В докладной записке М. Тухачевский делал определенные выводы, прогнозы, намечал концепции оперативно-стратегического характера, в которых ясно просматривались новые, нигде дотоле не очерченные аспекты будущей «войны моторов»[2]. М. Тухачевский считал необходимым к концу пятилетки иметь Красную

---

[1] РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 170. Л. 17—19.

[2] «...На основе учета всех новейших факторов техники и возможностей массового военно-технического производства, а также сдвигов, происшедших в деревне, количественного роста различных родов войск, — по мнению М. Тухачевского, — появятся новые пропорции, новые структурные изменения... Реконструированная армия вызовет новые формы оперативного искусства... Увеличение количества танков и авиации позволяет завязать генеральное сражение одновременно ударом 150 стрелковых дивизий на фронте в 450 км и в глубину на 100—200 км, что может повлечь полное уничтожение армии противника (Там же. Л. 18—20). Это углубленное сражение может быть достигнуто высадкой массовых десантов в тыловой полосе противника путем применения танково-десантных прорывных отрядов и авиадесантов». РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 170. Л. 18—20.

Армию в составе 260 стрелковых и кавалерийских дивизий, 50 дивизий артиллерии большой мощности и минометов, а также обеспечить войска к указанному времени 40 тыс. самолетов и 50 тыс. танков[1].

Однако существо концепции модернизации М. Тухачевского заключалось, как он предлагал, в необходимости «ассимиляции производства, которая должна представлять из себя двусторонний процесс: военные производственные мощности, частично занимающиеся выпуском мирной продукции, и гражданские производства, которые путем дополнительных затрат приспосабливаются к быстрому переходу на военные рельсы»[2]. М. Тухачевский считал, что «мобилизация промышленности, во-первых, в эти короткие сроки начнет выпускать во много раз больше военной продукции, чем в прошлую войну. Способность страны к быстрой мобилизации своих промышленно-экономических ресурсов является одним из крупнейших показателей ее военной мощи»[3]. Однако его программа была воспринята высшей политической и военной властью как «сверхрадикальная».

5 марта 1930 г. К. Ворошилов писал И. Сталину: «...Направляю для ознакомления копию письма Тухачевского и справку штаба по этому поводу. Тухачевский хочет быть оригинальным и радикальным. Плохо, что в КА есть порода людей, которая этот радикализм принимает за чистую монету. Очень прошу прочесть оба документа и сказать свое мнение»[4]. И. Сталин, судя по весьма быстрой реакции, проявил большой интерес к сообщению К. Ворошилова и отнесся к предложениям М. Тухачевского резко отрицательно. Уже 23 марта 1930 г. в ответном письме К. Ворошилову он сообщал: «...Я думаю, что «план» т. Тухачевского является результатом увлечения «левой» фразой, результатом увлечения бумажным, канцелярским максимализмом. Поэтому-то анализ заменен в нем «игрой в цифири», а марксистская перспектива роста Красной Армии — фантастикой. «Осуществить» такой «план» —

---

[1] РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 170. Л. 19.

[2] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1107. Л. 62.

[3] Там же.

[4] Военные архивы России. Вып. 1. С. 78.

значит наверняка загубить и хозяйство страны, и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции...»[1].

Опираясь на оценку И. Сталина, нарком сразу же сообщил о ней М. Тухачевскому. «Она не очень лестна, — писал К. Ворошилов, — ...но, по моему глубокому убеждению, совершенно Вами заслужена. Я полностью присоединяюсь к мнению т. Сталина, что принятие и выполнение Вашей программы было бы хуже всякой контрреволюции, потому что оно неминуемо повело бы к полной ликвидации социалистического строительства и к замене его какой-то своеобразной и, во всяком случае, враждебной пролетариату системой «красного милитаризма»[2].

Письмо И. Сталина по поводу предложений М. Тухачевского вместе с нижеприведенными «квалификациями» К. Ворошилова было оглашено на расширенном Пленуме РВС СССР 13 апреля 1930 г.

Возмущенный фальсификацией своих предложений в интерпретации Штаба РККА, М. Тухачевский 19 июня 1930 г. отправил письмо лично И. Сталину. «...Я не собираюсь подозревать т. Шапошникова в каких-либо личных интригах, но должен заявить, что Вы были введены в заблуждение, что мои расчеты от Вас были скрыты, а под ширмой моих предложений Вам были представлены ложные, нелепые, сумасшедшие цифры»[3], — писал М. Тухачевский. Опровергая «шапошниковскую» интерпретацию своей докладной записки, М. Тухачевский утверждал, что имел в виду отмобилизованную для ведения войны армию с учетом потерь и потенциальных резервов мобилизационных возможностей военной и гражданской промышленности. «По моим расчетам, — пояснял М. Тухачевский, — для организации нового типа глубокого сражения необходимо по мобилизации развернуть 8—

---

[1] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 58. И.В. Сталин — К.Е. Ворошилову, 23 марта 1930 г. Документ опубликован: Исторический архив. 1998. № 5/6. С. 147—152; Советское руководство. Переписка 1928—1941. М., 1999. С. 113.

[2] Военные архивы России. Вып. 1. С. 79.

[3] РГВА. П.Б. ЦК ВКП(б) т. Сталину, копия т. Ворошилову. М. Тухачевский. Ленинград, 19 июня 1930 г. Документ опубликован в сборнике документов: РГВА. Отдел научного использования документов архивного фонда России. Маршал М.Н. Тухачевский (1893—1937) (Комплект документов из фондов РГВА). Составитель: *П.А. Аптекарь, И.В. Успенский.* Под редакцией к.и.н. *Н.Е. Елисеевой.* Ксерокопия. М., 1994. Л. 1 (88).

12 тысяч танков, о чем я заявлял на РВС еще не зная Вашего письма...[1] Необходимо иметь в виду, что в танковом вопросе у нас до сего времени подходят очень консервативно к конструкции танка, требуя, чтобы все танки были специально военного образца... Танки, идущие обычно во 2-м и 3-м эшелонах, могут быть несколько меньшей быстроходности и большего габарита... А это значит, что такой танк может являться бронированным трактором...»[2]. В этом же направлении рассуждал М. Тухачевский и об авиации. Он отмечал далее, что «Штаб РККА указывает на необходимость постройки многих крупнейших заводов, что я считаю совершенно неправильным. Военное производство может в основном базироваться на гражданской промышленности... Я исхожу из стремления минимальных затрат в мирное время, — продолжал М. Тухачевский, — путем изыскания способов приспособления мирной продукции и органов хозяйственно-культурного строительства для целей войны»[3]. Таким образом, в принципиальных вопросах развития военно-промышленного комплекса и технической модернизации Вооруженных Сил М. Тухачевский остро полемизировал с начальником Штаба РККА Б. Шапошниковым и начальником вооружений РККА И. Уборевичем. М. Тухачевский, по существу, ставил вопрос о кардинальной перестройке принципиальных основ советского ВПК, о новых принципах структурирования ВПК. Однако возникшая полемика содержала для М. Тухачевского не только аспекты профессионального характера: принципы и пути технической модернизации РККА, оборонной системы СССР, кардинальной реконструкции основ ВПК. Весьма

---

[1] Если верить извинениям И. Сталина перед М. Тухачевским за критику его концепции и программы модернизации РККА, изложенным Генсеком в письме к М. Тухачевскому от 7 мая 1932 г., то существо неприятия предложений будущего маршала сводилось к вопросу о численности армии. М. Тухачевский фактически предлагал увеличение армии до 8 млн. человек. Штаб РККА представил это как 11 млн. человек. И. Сталин извинялся перед М. Тухачевским за резкость и необоснованность своей критики и соглашался на увеличение армии до 6 млн. человек. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 56—57. И.В. Сталин — М.Н. Тухачевскому 7 мая 1932 г. Опубликовано: Исторический архив. 1998. № 5/6. С. 147—152; Советское руководство. Переписка, 1928—1941. М., 1999. С. 169—170.

[2] Там же. Л. 6—8 (90—91).

[3] РГВА. Маршал М.Н. Тухачевский... Л. 10 (92).

опасными представлялись аспекты политического порядка. И. Сталин и К. Ворошилов квалифицировали «программу Тухачевского» как план, намерения, цели «хуже всякой контрреволюции» и, по существу, обвиняли М. Тухачевского в стремлении заменить социализм «системой красного милитаризма». Понятие «красный милитаризм» в контексте фразеологии и идеологии тех лет являлось смысловым синонимом понятия «революционная война», из которой, как в свое время выразился Л. Троцкий, «вырос бонапартизм». Следовательно, И. Сталин и К. Ворошилов усмотрели в «программе Тухачевского» программу «бонапартизации» СССР. Таким образом, полемика по проблеме технической модернизации Красной Армии совершено определенно смещалась из военно-профессиональной и военно-технической, в случае с М. Тухачевским, в сферу острой политической борьбы.

Проблема модернизации Красной Армии, вышедшая на уровень межперсонального конфликта трех видных представителей военной элиты — М. Тухачевского, И. Уборевича и Б. Шапошникова, — обозначила в их лице острое противостояние трех групп высшего комсостава и военной элиты: «бонапартистов» М. Тухачевского (сторонников «революционной войны»), представителей «германской школы» И. Уборевича («новой школы») и военспецов-генштабистов («старой школы») в лице Б. Шапошникова.

5

«Весенняя чистка» 1930 года и «дело полковника Какурина»

Общий социальный кризис, охвативший СССР с 1927 г. и особенно в 1929—1931 гг., усугубленный коллективизацией, обострил во властных структурах опасение за лояльность определенных социальных слоев. Особую опасность, согласно выводам ОГПУ, представляли не только широкие слои крестьянства, из которых комплектовался так называемый «переменный состав» РККА, но особенно бывшие кадровые офицеры, служившие в Красной Армии, а также «обиженные» представители военной элиты. Так называемая операция «Весна», проведенная ОГПУ в начале 1930 г., в результате которой были арестованы свыше 3 тыс. бывших во-

енспецов, была своеобразным ответом на социальную ситуацию и логическим завершением агентурного дела «Генштабисты». В 1930—1931 гг. репрессиям, выразившимся в арестах, заключении на более или менее длительный срок в тюрьмы и концлагеря, в расстрелах, подверглись многие достаточно известные, весьма авторитетные в годы Гражданской войны и в 20-е годы «военспецы-генштабисты». В их числе были А. Снесарев, А. Свечин, В. Ольдерогге, П. Сытин, Ф. Новицкий, А. Верховский, Н. Раттель, Н. Соллогуб, А. Малевский, А. Балтийский, Г. Потапов, Д. Зуев, Ю. Гравицкий, Н. Морозов, А. Гутор, А. Базаревский.

Слухи о возможном «дворцовом перевороте», дошедшие до И. Сталина, усугубленные и преувеличенные чрезвычайной подозрительностью и его всегдашней политической настороженностью, стали, мне думается, по крайней мере, одной из причин, побудившей И. Сталина, Г. Орджоникидзе и К. Ворошилова уехать из Москвы. И. Сталин отправился почти в трехмесячный отпуск — с 20 июля по 14 октября 1930 г., и почти на двухмесячные отпуска Г. Орджоникидзе и К. Ворошилов — с 15 июля и до середины сентября 1930 г. Это чем-то напоминало «бегство» из столицы. Бегство «на всякий случай», из страха перед возможным «дворцовым» или «военным переворотом». В связи с возникшими опасениями государственного переворота и был проведен ряд мероприятий по укреплению власти.

Еще 2 июня 1930 г. на должность заместителей Председателя РВС СССР и наркомвоенмора вместо отставленного И. Уншлихта были назначены И. Уборевич (начальник вооружений РККА) и Я. Гамарник (начальник ПУРККА), в состав РВС СССР был введен командующий УВО И. Якир. Все они пользовались полнейшим доверием И. Сталина[1]. Это были меры по укреплению его позиций в Красной Армии перед XIV съездом партии. Следующая серия мер еще более определенного назначения была принята вскоре после окончания партийного съезда. 20 июля 1930 г. Л. Каганович был назначен секретарем Московского обкома ВКП(б), а 21 июля — членом РВС МВО. 1 августа 1930 г. и.о. Председателя РВС СССР и наркома был официально назначен

[1] Телеграмма К.Е. Ворошилова — И.В. Сталину от 16.9.1929 г.; Телеграмма И.В. Сталина — К.Е. Ворошилову. Публ. в журн. Источник. 1994. № 6. С. 89.

И. Уборевич[1]. 28 июля 1930 г. Г. Векличев был назначен членом РВС и начальником ПУ МВО, а бывший начальник Политотдела спецвойск г. Москвы А. Ярцев был назначен помощником начальника ПУ МВО. Все указанные назначения (кроме Л. Кагановича) официально вступали в силу с 1 августа 1930 г.

В силу сложившейся политической ситуации особую роль начал играть И. Уборевич. Избранный на XVI съезде ВКП(б) кандидатом в члены ЦК ВКП(б), начиная с 5 августа по 5 октября 1930 г. И. Уборевич постоянно присутствует на заседаниях Политбюро ЦК. Усиление его роли вызывало глухой ропот и опасения в средних и высших слоях партийной элиты. «...Тов. Ворошилов отшит от работы, его заменили Уборевичем, человеком беспринципным, дьявольски самолюбивым, явным термидорианцем» — рассуждали в кулуарах партийного аппарата[2]. — Т. Ворошилов, по сути дела, в Наркомвоене не работает — всеми военными делами занимается главным образом тов. Уборевич, который, как известно, при выборах в ЦК получил несколько сот голосов против. Это в случае интервенции представляет особую опасность в смысле возможности проявления бонапартизма»[3].

Итак, в партийных кругах И. Уборевича не любили, ему не доверяли, его боялись, считая потенциальным «Бонапартом». Но именно эта нелюбовь и недоверие усиливали его зависимость от И. Сталина. И. Уборевич был его «креатурой», «его человеком», «его шпагой», управляемым им «генералом».

Таким образом, 1 августа 1930 г. мероприятия по предотвращению возможного государственного переворота были проведены. Позиции И. Сталина и его сторонников укреплены на уровне политической власти (Л. Каганович), высшей военной власти (И. Уборевич) и Московского военного округа (Г. Векличев и А. Ярцев). Теперь можно было приступить к выявлению «неблагонадежных» и политически «подозрительных».

---

[1] Фактически назначение его состоялось, очевидно, тоже 20 или 21 июля, до отъезда К. Ворошилова из Москвы.

[2] Из сообщения Б. Резникова в ЦК ВКП(б) о совещании группы С.И. Сырцова 22 октября 1930 г. Документ опубликован в кн.: Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сборник документов. М., 1995. Документ № 89. С. 97.

[3] Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 99.

Уже в конце 1929 г. политическая настороженность стала проявляться и в отношении М. Тухачевского. Это, несомненно, было связано и с особой позицией, или точнее, оппозицией М. Тухачевского, выраженной им осенью этого года по перспективам военного строительства. От главного «поставщика» информации «по Тухачевскому» секретного агента О. Зайончковской потребовали сводную «справку», которая была ею представлена в декабре 1929 г.[1]. И. Сталина должны были настораживать адресованные ему весьма решительные и резкие строчки письма М. Тухачевского от 19 июня 1930 г., возмущенного несправедливой и, как он полагал, лишенной профессиональной объективности, безграмотной и предвзятой критикой его предложений по реконструкции армии. У отличавшегося повышенной бдительностью в отношении окружавших его людей И. Сталина не могло не вызывать опасений то, что обладавший холодным умом, осторожный М. Тухачевский позволил себе продемонстрировать «эмоции» и решительность своих позиций, противопоставив их «сталинским». Что придавало, или кто придавал поведению М. Тухачевского политическую смелость и даже агрессивность?

Во время работы XVI съезда партии в кулуарной беседе с М. Тухачевским И. Сталин явно имел намерение разрядить возникшую между ними напряженность и пообещал «генералу» внимательно разобраться в его предложениях. И вроде бы ему удалось этого добиться. Однако когда, находясь вдали от Москвы в отпуске, он считал, что политическая ситуация наконец находится полностью под его контролем, чрезвычайное секретное донесение руководителя ОГПУ В. Менжинского от 10 сентября 1930 г. весьма его обеспокоило. Самые тревожные, самые худшие подозрения обретали очертания чрезвычайно опасной реальности.

18 августа 1930 г. был арестован давний соратник и близкий друг М. Тухачевского, многократно уже упоминавшийся выше Н. Какурин. Трудно сказать, соответствовала ли реальная причина его ареста официальной или, правильнее сказать, слухам и мнениям, распространенным по этому случаю среди его сослуживцев по Военной академии РККА. Когда Н. Какурин был аресто-

[1] Там же. С. 109.

ван, то все они считали, что это произошло из-за его любовницы, красивой цыганки Мелиховой-Морозовой, которую все (и, возможно, не без оснований) подозревали в связях с иностранными разведслужбами. Кроме того, Н. Какурин имел какие-то знакомства с американскими журналистами и исследователями, что также у Особого отдела ОГПУ вызывало серьезные подозрения. Сослуживцы Н. Какурина поговаривали, что обо всем этом ОГПУ получило информацию от ревнивой жены, хотя данная версия, скорее всего, служила хорошим прикрытием для действительного информатора, ранее упоминавшейся «секретной сотрудницы» ОГПУ О. Зайончковской, двоюродной сестры и конфидентки Н. Какурина[1]. Во всяком случае, «дело Какурина» возникло как одно из часто тогда появлявшихся «шпионских дел». Так его первоначально официально квалифицировал и В. Менжинский[2].

Что касается «подозрительных связей» Н. Какурина с американцами, то в этом вопросе ему удалось все убедительно объяснить и снять обвинения в «шпионском» их характере. А вот его отношения с «цыганкой» весьма заинтересовали следователей ОГПУ. Именно по этой линии далее и пошло следствие. Н. Какурин признавался в том, что у «цыганки» часто организовывались вечеринки, на которых присутствовали его друзья. Правда, он заявлял, что никаких антисоветских разговоров не велось. В то же время, излагая свои политические взгляды на уровне симпатий и антипатий, Н. Какурин заявлял о своих «антитроцкистских позициях», при этом признавался, что его «антитроцкистские позиции были не столько защитой официальной линии ЦК, сколько явным несогласием с тем нажимом на крестьянство, который лежал в основе этой платформы»[3]. Несомненно, в этом «пассаже» уже просматривается давление следствия, которое стремилось усмотреть в позиции Н. Какурина явные и осознанные симпатии к «правому уклону». Внимание следствия привлек и другой аспект политических взглядов Н. Какурина. Он «признался», что «отчетливо совершенно... ощущал, что формы диктатуры начинали не удовле-

---

[1] *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930—1931 годы. М., 2000. С. 116.

[2] Военные архивы России. Вып. 1. С. 103.

[3] *Тинченко Я.* Указ. соч. С. 118.

творять» его. Наконец, подследственный совершенно четко и определенно «признался»: «Симпатии мои... склонялись теоретически к правому уклону... Я понимал тогда, что в случае успеха правого течения видоизменятся некоторые формы существа Советского Союза, а в связи с этим и диктатуры при сохранении ее основной установки в целом»[1]. Это было сказано Н. Какуриным на следствии 23 августа 1930 г. В последующие дни в его показаниях появилась фамилия М. Тухачевского как одного из участников вечеринок, проводившихся у «цыганки». Этот факт не мог не заинтриговать следователей. И вот 26 августа появились признания, так обеспокоившие Председателя ОГПУ, а через него и И. Сталина.

«В Москве временами собирались у Тухачевского, временами у Гая, временами у цыганки (Мелеховой-Морозовой), — вспоминал некоторые подробности Н. Какурин. — В Ленинграде собирались у Тухачевского, лидером всех этих собраний являлся Тухачевский, участники: я, Колесинский, Эстрейхер-Егоров, Гай, Никонов, Чусов, Ветлин, Кауфельдт. В момент и после 16-го съезда было уточнено решение сидеть и выжидать, организуясь в кадрах в течение времени наивысшего напряжения борьбы между правыми и ЦК. Но тогда же Тухачевский выдвинул вопрос о политической акции как цели развязывания правого уклона и перехода на новую, высшую ступень, каковая мыслилась как военная диктатура, приходящая к власти через правый уклон. В дни 7—8 июля у Тухачевского последовали встречи и беседы вышеупомянутых лиц и сделаны были последние решающие установки, то есть ждать, организуясь»[2].

Итак, хронологические рамки событий, изложенных в показаниях Н. Какурина, — «в момент и после 16-го съезда», то есть с 26 июня и после 13 июля. Возможно, М. Тухачевский задержался в Москве до 15—16 июля 1930 г., поскольку 15 июля прошло первое заседание Политбюро ЦК, избранного на Пленуме 13 июля. 15 июля в отпуск уехали К. Ворошилов и Г. Орджоникидзе, а 20 июля И. Сталин, поэтому оставаться в Москве позже этого срока для М. Тухачевского было нецелесообразно. Именно в это время

[1] Там же.

[2] Военные архивы России. Вып. 1. С. 103.

«наивысшего напряжения борьбы между правыми и ЦК» М. Тухачевский предлагал «сидеть и выжидать, организуясь в кадрах». Но именно в это время, именно М. Тухачевский «выдвинул вопрос о политической акции». Имелось в виду установление «военной диктатуры, приходящей к власти через правый уклон» в партии. Правда, Н. Какурин говорит об установлении «военной диктатуры» лишь как о цели, обусловленной результатами борьбы между И. Сталиным и «правым уклоном», как о «цели развязывания правого уклона» (так говорится в показаниях), то есть как способ прихода к власти «правых». Я полагаю, что именно так можно расшифровать выражение «развязать правый уклон», который, надо думать, в это время находился в «связанном», политически скованном, состоянии. В ходе «домашних бесед» М. Тухачевский объяснял своим друзьям и приятелям, в какой примерно ситуации может открыться путь к установлению военной диктатуры. При этом, судя по контексту показаний Н. Какурина, собеседники, оценивая политическую ситуацию, считали, что борьба между И. Сталиным и «правым уклоном» утрачивает свою остроту, «затухает» и, следовательно, перспективы для установления военной диктатуры «закрываются». М. Тухачевский же придерживался противоположной оценки. «...Михаил Николаевич говорил, что, наоборот, можно рассчитывать на дальнейшее обострение внутрипартийной борьбы». Он пояснял наиболее вероятные варианты развития политического процесса, из которых может «вырастать» необходимость установления военной диктатуры. «Я не исключаю возможности, — говорил М. Тухачевский, — в качестве одной из перспектив, что в пылу и ожесточении этой борьбы страсти и политические и личные разгораются настолько, что будут забыты и перейдены все рамки и границы». Иными словами, он предполагал переход противостояния «правых» и И. Сталина от идейно-политической полемики внутри партийных границ к открытому «внепартийному» противоборству с использованием всего арсенала средств политической борьбы, вплоть до вооруженных и насильственных. М. Тухачевский выделял и другой «перспективный вариант» развития событий. «Возможна и такая перспектива, — говорил он, — что рука фанатика для развязывания правого уклона не остановится и перед покушением на жизнь самого тов. Сталина». Рассуждения М. Тухачевского о «такой перспективе» в его представлениях, видимо, были не беспочвенны. Известно, что еще

в 1928 г. один из «лидеров» «правого уклона», М. Томский в пылу ссоры грозил И. Сталину застрелить его. Вероятнее всего, именно слухи или сведения об этом инциденте дошли и до М. Тухачевского (возможно, через А. Енукидзе) и провоцировали его на подобные размышления вслух среди близких друзей. В связи с вышеизложенным Н. Какурин высказал мысль, политически наиболее опасную для судьбы М. Тухачевского: «Сейчас, когда я имел время глубоко продумать все случившееся, я не исключу и того, что, говоря в качестве прогноза о фанатике, стреляющем в Сталина, Тухачевский просто вуалировал ту перспективу, над которой он сам размышлял в действительности».

То, что именно эта «перспектива развязывания правого уклона», приводящая к установлению военной диктатуры, действительно привлекала внимание М. Тухачевского и его друзей, по-своему подтверждается признанием одного из тех лиц, которые собирались у М. Тухачевского в период работы XVI съезда, у Г. Гая, арестованного в июле 1935 г. И хотя поступок Г. Гая относится к 1935 г., однако ни его общественное и служебное положение, ни его окружение с 1930 г. практически не изменились. Вряд ли его настроения также претерпели серьезные изменения. Некогда левый эсер, затем человек, симпатизировавший Л. Троцкому, с «падением» которого фактически прервалась и его военная карьера, Г. Гай вряд ли когда-либо испытывал симпатии к И. Сталину. Его мнение «надо убрать Сталина», видимо, было давним и достаточно устойчивым, с годами оно становилось лишь острее. Поэтому не исключено, что в приватных разговорах с М. Тухачевским в те дни темпераментный Г. Гай вполне мог, понуждая своего близкого приятеля и авторитетного начальника, настойчиво твердить: «надо убрать Сталина». Возможно, он выражал собственную готовность реализовать эту политическую необходимость.

Из приведенных показаний трудно понять: мыслилось ли установление военного положения как способа поддержания порядка в условиях неспособности властных структур справиться с ситуацией анархии по решению лидеров «правого уклона» или как самостоятельная инициатива М. Тухачевского в условиях безвластия. Рассуждая об установках М. Тухачевского на военную диктатуру, «приходящую к власти через правый уклон», Н. Какурин считал, что «у Михаила Николаевича, возможно, есть какие-то связи с Уграновым и, возможно, с целым рядом других партийных или око-

лопартийных лиц, которые рассматривают Тухачевского как возможного военного вождя на случай борьбы с анархией и агрессией».

Имелись ли у М. Тухачевского «какие-то связи с Углановым и, возможно, с целым рядом других партийных или околопартийных лиц» из среды «правых»? Велись ли какие-либо переговоры между лидерами «правых» и М. Тухачевским по поводу возможного его использования? «Резкая критика, которой подверглась моя записка со стороны армейского руководства, меня крайне возмутила, — признавался он в своих показаниях 1 июня 1937 г., — и потому, когда на 16-м партийном съезде Енукидзе имел со мной второй разговор, я весьма охотно принимал его установки. Енукидзе, подозвав меня во время перерыва, говорил о том, что правые хотя и побеждены, но не сложили оружия, перенося свою деятельность в подполье. Поэтому, говорил Енукидзе, надо и мне законспирированно перейти от прощупывания командно-политических кадров к их подпольной организации на платформе борьбы с генеральной линией партии за установки правых. Енукидзе сказал, что он связан с руководящей верхушкой правых и что я буду от него получать дальнейшие директивы. Я принял эту установку...»[1] Что касается других лидеров «правого уклона», то, по собственному признанию М. Тухачевского 1937 г., «в 1933 году у меня был первый разговор с Бухариным». В своих показаниях на процессе в 1938 г. Н. Бухарин также заявлял, что о «группе заговорщиков в Красной Армии» во главе с М. Тухачевским «слышал от Томского, который непосредственно был информирован об этом Енукидзе»[2]. А. Рыков также признавался, что в 1932 или 1933 г. «знал о военной группе Тухачевского», однако ссылался на информацию, полученную им от М. Томского, который, в свою очередь, узнал об этом от А. Енукидзе[3]. Что же касается Угланова, то ни в каких следственных документах 1930—1938 гг. эта фамилия в связи с М. Тухачевским не фигурировала. Приведенные показания Н. Бухарина и А. Рыкова, относящиеся к 1938 г., в данном случае интересны не в плане исследования степени их «достоверности» в судебных «сюжетах» 1932—1938 гг. Важно, что даже в годы «Великой чистки», когда, казалось

---

[1] Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 г. // Кровавый маршал... С. 86.

[2] Судебный отчет... М., 1997. С. 341.

[3] Там же. С. 78.

бы, можно было добиться от подследственного любых признаний, касающихся его предшествующей «контрреволюционной деятельности», среди лиц, с которыми был или мог быть связан М. Тухачевский, не обнаруживается ни одного видного деятеля «правого уклона». Таким образом, если даже в 1937 г. во время следствия и на судебном процессе М. Тухачевский не смог «вспомнить» ни одного «лидера правых», кроме А. Енукидзе (который в 1930 г. не квалифицировался как представитель «правого уклона», хотя, наверное, определенные позиции «правых» им разделялись, как и многими другими в партийной верхушке), с которыми он «вел переговоры» в 1930 г., то, очевидно, этим и ограничивалась его политическая связь с «правым уклоном». Поэтому надо полагать, что рассуждения о перспективах установления военной диктатуры с М. Тухачевским во главе, которые велись в кругу друзей и приятелей, собиравшихся у него дома летом 1930 г., вряд ли были обусловлены личными (не говоря уж об организационных) связями кого-либо из них, в том числе и прежде всего М. Тухачевского с руководителями «правого уклона». Скорее всего, это был обмен мнениями, касавшимися оценки политической ситуации, с «угадыванием» вероятных перспектив ее развития. Оно, по мнению М. Тухачевского, вероятнее всего должно было привести к необходимости установления военной диктатуры, поскольку, в случае поражения или внезапной смерти И. Сталина, руководство «правого уклона», в чем не было сомнений у собеседников, с социально-политической ситуацией справиться будет не в состоянии. Н. Какурин уточняет, что последние решения были приняты «в дни 7—8 июля», когда «у Тухачевского последовали встречи и беседы» с приятелями «и сделаны были последние решающие установки», а именно, повторяет он, «ждать, организуясь»[1]. Спустя семь лет М. Тухачевский подтверждал, что «ничего конкретного предпринять не успел, т. к. осенью 1930 г. Какурин выдвинул

[1] «В 1928 и 1929 гг., — показывал М. Тухачевский 1 июня 1937 г., — я много работал над боевой подготовкой округа и, изучая проблемы пятилетнего плана, пришел к выводу, что в случае осуществления этого плана характер Красной Армии должен резко измениться. Я написал записку о реконструкции РККА, где доказывал необходимость развития металлургии, автотракторостроения и общего машиностроения для подготовки ко времени войны реконструированной армии в составе 260 дивизий, до 50 000 танков и до 40 000 самолетов». (Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года. // Кровавый маршал Михаил Тухачевский. 1893—1937. С. 85—86.)

против меня обвинение в организации военного заговора, и это обстоятельство настолько меня встревожило, что я временно прекратил всякую работу и избегал поддерживать установившиеся связи»[1].

Достоверно известно, со слов самого М. Тухачевского, что во время работы съезда у него была встреча и беседа с И. Сталиным по проблеме реконструкции вооруженных сил, собственное видение которой М. Тухачевский изложил в докладных записках от 11 января и 19 июня 1930 г. По свидетельству самого М. Тухачевского, И. Сталин во время этого разговора обещал внимательно рассмотреть этот вопрос. Эта информация позволяет полагать, что даже если у М. Тухачевского и были какие-то обиды и расчет на какие-либо «криминально-политические перспективы», то после этого разговора, очевидно, его настроения несколько «смягчились». Судя по предмету его беседы с И. Сталиным, М. Тухачевского заботили не общегосударственные или партийные проблемы, а именно «его вопрос» — «о реконструкции Красной Армии». И если в этом вопросе появлялась возможность достижения «мягкого» решения, а в данном контексте наметились «уступки» со стороны И. Сталина, то они были предпочтительнее рискованных радикальных мер. Последние все-таки (в политической сфере) были не в характере осторожного М. Тухачевского, к тому же имевшего неудачный опыт 1924 г. Учитывая все вышесказанное по этому поводу, можно полагать, что этот разговор М. Тухачевского с И. Сталиным имел место после 8 июля 1930 г. Поэтому после 8 июля никакие новые решения М. Тухачевским не принимались, и о них ничего не знал Н. Какурин.

Показания, прямо политически компрометировавшие М. Тухачевского, арестованный Н. Какурин впервые дал 25 августа 1930 г. В начале сентября информации по этому вопросу было уже вполне достаточно, чтобы вызывать тревогу. Показания Н. Какурина были доложены В. Менжинскому, который, успев поставить в известность о «деле Тухачевского» В. Молотова, 10 сентября письменно сообщил И. Сталину, находившемуся в отпуске, следующее: «Я доложил это дело т. Молотову и просил разрешения до получения ваших указаний держаться версии, что Каку-

[1] Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года. // Кровавый маршал Михаил Тухачевский. 1893—1937. С. 86.

рин и Троицкий арестованы по шпионскому делу. Арестовывать участников группировки поодиночке — рискованно. Выходов может быть два: или немедленно арестовать наиболее активных участников группировки, или дождаться вашего приезда, принимая пока агентурные меры, чтобы не быть застигнутым врасплох. Считаю нужным отметить, что сейчас все повстанческие группировки созревают очень быстро и последнее решение представляет известный риск»[1]. Иными словами, председатель ОГПУ склонен был немедленно арестовать М. Тухачевского и «его товарищей».

И. Сталин не сразу принял решение и ответил на письмо. После ознакомления с протоколами допросов Н. Какурина и И. Троицкого, приложенными В. Менжинским к письму, 24 сентября 1930 г. И. Сталин в письме к Г. Орджоникидзе, который в это время являлся Председателем ЦКК, писал следующее: «Прочтика поскорее показания Какурина — Троицкого и подумай о мерах ликвидации этого неприятного дела. Материал этот, как видишь, сугубо секретный: о нем знает Молотов, а теперь будешь знать и ты. Не знаю, известно ли Климу (т. е. Ворошилову) об этом. Стало быть, Тухачевский оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже антисоветскими элементами из рядов правых. Так выходит по материалам. Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено. Видимо, правые готовы идти даже на военную диктатуру, лишь бы избавиться от ЦК, от колхозов и совхозов, от большевистских темпов развития индустрии. Как видишь, показания Орлова и Смирнова (об аресте Политбюро) и показания Какурина и Троицкого (о планах и «концепциях» Тухачевского) имеют своим источником одну и ту же питательную среду — лагерь правых. Эти господа хотели, очевидно, поставить военных людей Кондратьевым — Громенам — Сухановым. Кондратьевско — сухановско — бухаринская партия — таков баланс. Ну и дела... Покончить с этим делом обычным порядком (немедленный арест) нельзя. Нужно хорошенько обдумать это дело. Лучше было бы отложить решение вопроса, поставленного в записке Менжинского, до середины октября, когда мы все будем в сборе. Поговори обо всем этом с Молотовым, когда будешь в Москве»[2].

---

[1] Военные архивы России. Вып. 1. С. 103.

[2] Там же. С. 104.

Беспокойство и определенную нерешительность, или, правильнее сказать, выжидательную позицию, занятую И. Сталиным, можно понять, если учесть, что муссировали всевозможные слухи о конспиративных замыслах и других лидеров военной элиты, о попытках оппозиционных внутрипартийных группировок втянуть их в политическую борьбу. Называли В. Блюхера и даже С. Буденного.

Между тем «тучи над головой» М. Тухачевского продолжали сгущаться. 8 октября 1930 г. приказом РВС СССР № 779 членом Реввоенсовета Ленинградского военного округа назначается секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Киров. Этот приказ фактически ставил командующего округом М. Тухачевского под контроль С. Кирова, как высшего партийного руководителя в области и члена Политбюро ЦК. В октябре же 1930 г. поднялась новая волна «разоблачений» и дискредитации оперативно-стратегического авторитета М. Тухачевского. Высказывания В. Меликова, без каких-либо ограничений в определениях и сравнениях, резкие и оскорбительные в отношении М. Тухачевского, появились в октябрьском номере за 1930 г. журнала «Война и революция».

К середине октября 1930 г. И. Сталин вернулся в Москву. В первую очередь у себя в Кремле 14 октября он принял Председателя ОГПУ В. Менжинского и начальника Особого отдела ОГПУ К. Ольского. В их распоряжении уже находились дополнительные «признания», полученные от Н. Какурина о «заговорщических, а затем и о террористических настроениях Тухачевского». В частности, 5 октября Н. Какурин рассказал по поводу рассуждений М. Тухачевского относительно возможности «покушения на жизнь самого тов. Сталина» и высказал свои предположения, что над этой «перспективой» М. Тухачевский, возможно, сам размышлял в действительности»[1]. Мнение В. Менжинского по поводу «дела Тухачевского» выше уже было выражено в его письме И. Сталину. Однако В. Менжинский часто болел, поэтому вряд ли мог постоянно вести и курировать это «дело». Непосредственное наблюдение за ним, хотя бы в силу должностного положения, осуществлял К. Ольский. Его отношение к показаниям многих арестованных генштабистов, в том числе и Н. Какурина, как показа-

[1] Военные архивы России. Вып. 1. С. 103.

ли последующие события, было достаточно критичным. Он высказывал сомнения в достоверности многого из того, что на следствии «показывали» арестованные. В августе 1931 г. К. Ольский, вместе с группой других высокопоставленных работников ОГПУ, был снят с должности и уволен из ОГПУ «на том основании, что... они распространяли среди работников ОГПУ совершенно не соответствующие действительности разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым делом»[1]. Разумеется, речь вовсе не шла именно о «деле Тухачевского», но это было отношение Особого отдела ОГПУ к такого рода «делам». Поэтому можно предполагать, что не без «подсказок» руководителей ОГПУ (В. Менжинского и К. Ольского) решено было проверить показания Н. Какурина и И. Троицкого через их очную ставку с М. Тухачевским, тем более что слишком уж серьезные обвинения против него были выдвинуты. С 22 по 26 октября 1930 г. в Москве проводился плановый Пленум РВС СССР по итогам боевой учебы за прошедший год, и М. Тухачевский должен был приехать в столицу по крайней мере 21 октября, чтобы принять участие в работе пленума. Приехав в Москву, «генерал» и узнал о показаниях Н. Какурина против себя[2]. На очной ставке, проведенной между Н. Какуриным, И. Троицким и М. Тухачевским 22 или 23 октября 1930 г., в присутствии И. Сталина, К. Ворошилова и Г. Орджоникидзе, оба подследственных подтвердили свои показания. Протоколы очной ставки не сохранились, поэтому трудно сказать, каково было в этой ситуации М. Тухачевскому, какова была его реакция на показания Н. Какурина и И. Троицкого. «Мы очную ставку сделали, — вспоминал сам И. Сталин в июне 1937 г., — и решили это дело зачеркнуть»[3]. Судя по данной реплике, именно после очной ставки было решено «это дело зачеркнуть». Однако можно полагать, что сама по себе очная ставка, на которой М. Тухачевский и его «обличители» не сошлись в едином мнении, видимо, не давала достаточных оснований для за-

---

[1] Военные архивы России. Вып. 1. С. 106.

[2] Как позднее вспоминал сам М. Тухачевский, именно «осенью 1930 г. Какурин выдвинул против меня обвинение в организации военного заговора». Показания М.Н. Тухачевского от 1 июня 1937 года // Кровавый маршал... С. 86.

[3] Военные архивы России. Вып. 1. С. 105.

крытия «дела». Иначе не совсем понятно, зачем в связи с этим «опрошены были также видные военные деятели Гамарник, Якир и Дубовой...»[1]. Все они в это время находились в Москве и принимали участие в работе Пленума РВС СССР. Поэтому И. Сталин и К. Ворошилов и «обратились к тт. Дубовому, Якиру и Гамарнику: правильно ли, что надо было арестовать Тухачевского как врага. Все трое сказали: нет, это, должно быть, какое-нибудь недоразумение, неправильно...»[2]. С достаточной долей оснований можно считать, что именно позиция Украины, руководства УВО, а именно И. Якира, И. Дубового и начальника ПУ РККА Я. Гамарника, сыграла решающую роль в снятии обвинений с М. Тухачевского. 23 октября 1930 г. И. Сталин писал В. Молотову: «Что касается Тухачевского, то он оказался чист на все 100%. Это очень хорошо»[3].

Однако, несмотря на все это, ни И. Сталин, ни руководство ОГПУ, видимо, не утратило сомнений в политической благонадежности М. Тухачевского. Иначе как ее «зондированием» трудно объяснить действия Н. Кузьмина, старого приятеля М. Тухачевского, с которым у него к 1930 г. личные отношения приобрели весьма сложный характер. В своих показаниях 1937 г. (уже после расстрела маршала) он вносит достаточно примечательные штрихи к характеристике сложившейся ситуации и политического поведения М. Тухачевского осенью 1930 г.

Возвратившийся в октябре 1930 г. из Парижа Н. Кузьмин 1 ноября 1930 г. был в Ленинграде на квартире М. Тухачевского, который только что вернулся из Москвы, и обедал у него. «Эту дату, — вспоминал Н. Кузьмин, — я помню хорошо, потому что это день рождения моей дочери, жившей с моей прежней женой у Тухачевского. Тухачевский женат на моей бывшей жене и очень внимательно относился к моей дочери. Поэтому товарищеские отношения с ним после ухода моей жены не испортились. Беседуя с ним, я информировал его о встречах с Суварином в Париже. Я прямо сказал ему, что Суварин в беседах со мной просил передать ему привет от Троцкого и его личный, что он проинформиро-

---

[1] Военные архивы России. Вып. 1. С. 104.

[2] Там же.

[3] Письма И.В. Сталина В.М. Молотову, 1925—1936 гг.: Сборник документов. М., 1995. С. 231—232.

ван о том, что группа наиболее талантливых военных во главе с ним находится в опале, что пора перейти к активной борьбе, что провал сталинской политики ведет страну к гибели, что кризис переживает не только партия в СССР, но и компартии за границей. Тухачевский на это мне ответил, что те методы и формы борьбы, которые применяли троцкисты, ничего реального, кроме разгона по тюрьмам, дать не могут»[1]. Трудно отделаться от мысли, воспринимая данную информацию, что со стороны Н. Кузьмина разговор носил явно провокационный характер (скорее всего, по инициативе ОГПУ[2]), особенно учитывая военно-политический контекст тогдашнего положения М. Тухачевского. Впрочем, примечательна, тем не менее, реплика М. Тухачевского: «те методы и формы борьбы, которые применяли троцкисты, ничего реального, кроме разгона по тюрьмам, дать не могут». Следовательно, М. Тухачевский вовсе не отвергал борьбу против «сталинского режима», а значит, признавал ее целесообразность. Он ставил вопрос о «формах и методах» этой борьбы, полагая, что те, которые использовали «троцкисты», уже неприменимы. Однако М. Тухачевский явно выжидал, проявляя осторожность, не желая рисковать своей политической репутацией и отказываясь брать на себя инициативу в каких-либо конспиративно-политических действиях.

Не исключено, что и так называемое «семеновское дело» в октябре 1930 г., помимо иных целей, предусматривало «зондирование» политической лояльности М. Тухачевского. 25 октября 1930 г. в Ленинграде[3] были арестованы 22 бывших офицера лейб-гвардии Семеновского полка, однополчан М. Тухачевского[4]. Члены семей некоторых из арестованных обращались за по-

---

[1] Цит. по: *Бобренев В.* Большевик Николай Кузьмин // Расправа. Прокурорские судьбы. Возвращение к правде. М., 1990. Вып. 4. С. 137.

[2] Известно, что Н. Кузьмин вообще сыграл в 1929—1930 гг. в Париже, будучи советским консулом, весьма подозрительную, кажется, провокационную роль в «деле генерала А. Кутепова», организованном спецслужбами ОГПУ.

[3] Следует помнить, что М. Тухачевский был в то время командующим Ленинградским военным округом.

[4] Выше об этом уже весьма подробно было написано. *Поливанов А.* Пока не потеряно знамя // Родина. 1999. № 1. С. 46; *Поливанов А.И.* Воители из рода Поливановых // Военно-исторический журнал. 1994. № 2. С. 58. См. также: *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930—1931 годы.

мощью к М. Тухачевскому, но они не знали, что он сам в это время оказался под угрозой ареста. Мне неизвестно, насколько «семеновское дело» во время следствия соприкасалось с «делом Тухачевского» и соприкасалось ли. Однако сам факт раскручивания этого дела именно в данный период времени и именно в Ленинграде, учитывая, что среди арестованных были не только сослуживцы, но и когда-то близкие к М. Тухачевскому люди[1], симптоматичен.

Информация, полученная следствием у Н. Какурина и И. Троицкого о «заговоре Тухачевского», продолжала беспокоить И. Сталина. Тревога его была усилена не только той поддержкой, которую И. Якир оказал М. Тухачевскому, отвергнув предъявленные ему обвинения в «заговоре»; не только единством позиций М. Тухачевского и И. Якира по основным военным вопросам на Пленуме РВС СССР[2], но новым письмом М. Тухачевского в адрес Генерального секретаря, написанным и отправленным 30 декабря 1930 г. В этом письме М. Тухачевский напоминал И. Сталину об их разговоре во время работы XVI съезда партии и просил в соответствии с этим разговором поручить проверку его предложений ЦКК. Письмо было весьма резким и, можно сказать, агрессивным по тону, с возмущением в адрес начальника Штаба РККА Б. Шапошникова, и выражало тревогу по поводу ситуации, складывающейся вокруг собственной личности. М. Тухачевский, в частности, писал: «...Формулировка Вашего письма, оглашенного тов.

---

[1] Например, полковник П. Брок, капитан Д. Комаров, П. Ермолин, А. Типольт, М. Мейендорф. Они служили рядом с М. Тухачевским уже в Красной Армии, в его штабе или в войсках. М. Мейендорф, в частности, в июле 1929 г. завершивший учебу в высшей офицерской школе «Выстрел» и, казалось бы, подготовленный к дальнейшей строевой службе и карьере, 15 октября 1930 г. переводится на преподавательскую работу (он не был офицером Генерального штаба и не имел ни склонности, ни навыков к такого рода деятельности). При этом он переводился преподавателем не в военное училище и не в Военную академию РККА, а в Военно-политическую академию, которая, как известно, находилась в Ленинграде. Мне представляется очевидной связь этого поворота в его карьере с «семеновским делом». Дальнейшая судьба М. Мейендорфа мне неизвестна. В 30-е годы его фамилия среди личного состава РККА не встречается. Нет его и среди репрессированных военных в 1936—1938 гг. Не исключено, что он был уволен из РККА, возможно, уже в 1931 г. и вскоре репрессирован.

[2] Пленум РВС СССР 22—26 октября 1930 г. Стенограмма. РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 195-сс.

Ворошиловым на расширенном заседании РВС СССР, совершенно исключает для меня возможность вынесения на широкое обсуждение ряда вопросов, касающихся проблем развития нашей обороноспособности, например, я исключен как руководитель по стратегии из Военной академии РККА, где вел этот предмет в течение шести лет. Между тем я столь же решительно, как и раньше, утверждаю, что Штаб РККА беспринципно исказил предложения моей записки... И вообще положение мое в этих вопросах стало крайне ложным...»[1] Таким образом, в своем письме М. Тухачевский акцентировал внимание на двух аспектах: своей программе модернизации армии и своем руководстве стратегической подготовкой РККА. Непосредственного виновника в сложившейся ситуации он видел в начальнике Штаба РККА Б. Шапошникове.

Как своеобразное выражение результата расследования «дела о заговоре Тухачевского», в значительной мере рожденного докладными его записками по поводу реконструкции РККА, была встреча М. Тухачевского с И. Сталиным в Кремле 9 января 1931 г., на которой И. Сталин, успевший в значительной части разобраться с предложениями М. Тухачевского, принял их и поручил К. Ворошилову и Г. Орджоникидзе вынести на заседание Политбюро 10 января 1931 г., предложение «О танкостроении». Было решено создать специальную комиссию в составе И. Уборевича, Павлуновского, Мартиновича, М. Тухачевского и И. Халепского[2]. Вскоре, в феврале 1931 г., Б. Шапошников, как главный виновник «ложной трактовки» предложений М. Тухачевского, был смещен с должности начальника Штаба РККА и отправлен командующим Приволжским военным округом в Самару. Такое назначение могло быть расценено только как победа М. Тухачевского и поражение Б. Шапошникова, сопровождавшееся «опалой» и «мягкой» формой наказания.

Судя по записям в журнале посетителей Генерального секре-

---

[1] Письмо М.Н. Тухачевского И.В. Сталину, 30 декабря 1930 г. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 400. Л. 74. См. также: предисловие Маршала Советского Союза С. Бирюзова «М.Н. Тухачевский» к изд.: *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 12.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 810. Протокол № 23; Там же. Оп. 162. Д. 9. Л. 119.

таря ЦК, И. Сталин встречался с И. Якиром, И. Дубовым и Г. Хаханьяном 1 января 1931 г. Все трое составляли руководство Украинского военного округа, то есть осуществляли военную власть на Украине. И. Якир был в это время командующим этим военным округом, И. Дубовой — помощником командующего, Г. Хаханьян — начальником Политуправления округа[1]. Так что по «делу Какурина — Тухачевского» они были «опрошены» именно в этот день. В тот же день, 1 января 1931 г., И. Сталин совещается в Кремле с В. Менжинским, Е. Евдокимовым, В. Балицким, а также с В. Молотовым. Трое названных высших руководителей ОГПУ были прямо связаны с «делом генштабистов», операцией «Весна» и арестами сотрудников штаба УВО.

Выше уже говорилось, что срочный выезд И. Якира и его помощников в Москву 29 или 30 декабря 1930 г. вместе с начальником ГПУ Украины В. Балицким был обусловлен арестом группы генштабистов из числа сотрудников штаба УВО. Среди них были

---

[1] И. Якир выехал в Москву вместе с И. Дубовым 29 или 30 декабря 1930 г. Это объясняли информацией, полученной И. Якиром об аресте группы высших штабных офицеров Украинского военного округа, проведенном по распоряжению начальника ГПУ Украины В. Балицкого. По свидетельству родственников И. Якира, он сам об этом им сказал и решил срочно, несмотря на грядущий праздник, выехать в Москву. К этому времени был арестован начальник Оперативного управления штаба округа В. Попов. В. Попов, бывший офицер лейб-гвардии Литовского полка, был давним соратником И. Якира еще по его знаменитому рейду 45-й стрелковой дивизии в 1919 г. Помимо чисто человеческих, приятельских отношений, в контексте которых арест В. Попова не мог не взволновать И. Якира, арест этого близкого к нему человека не без оснований мог восприниматься И. Якиром и как угроза ему самому. Этим обстоятельством, скорее всего, во многом предопределялась позиция И. Якира в «деле Тухачевского». И. Дубовой был давним соратником и другом И. Якира и приятелем арестованного В. Попова. Эти факторы были достаточны для мотивировки позиции И. Дубового, поддержавшего своего командующего и друга. Г. Хаханьян, — ветеран 27-й стрелковой дивизии, прошедший под командованием М. Тухачевского поход в Сибирь в 1919-м и поход на Польшу — в 1920-м. Во главе одной из бригад 27-й стрелковой дивизии Г. Хаханьян штурмовал Кронштадт в 1921-м, опять же под командованием М. Тухачевского. С 1922 до начала 1923 г. он, назначенный М. Тухачевским командиром своей 27-й стрелковой дивизии, вновь служил под командованием своего старого командующего на Западном фронте. Их отношения нельзя было назвать дружескими, но вполне близкими, приятельскими. Позиция Г. Хаханьяна в пользу М. Тухачевского также была предопределена.

начальник штаба УВО С. Пугачев и начальник Оперативного отдела штаба округа В. Попов[1]. Их арест явился следствием показаний ранее арестованного, бывшего помощника начальника штаба УВО С. Бежанова-Сакварелидзе, который к 1930 г. являлся преподавателем Военной академии РККА[2]. От С. Бежанова-Сакварелидзе «добились» показаний против С. Пугачева и Б. Шапошникова о том, что эти офицеры якобы входили в состав «Московского контрреволюционного центра». Будучи с декабря 1928 г. начальником штаба Украинского военного округа, С. Пугачев в течение двух лет являлся одним из самых близких сотрудников И. Якира. Таким образом, его арест, как и арест В. Попова, как и арест С. Бежанова-Сакварелидзе, создавал и определенную угрозу командующему УВО. Тень подозрения неизбежно ложилась и на него, и он не мог оставаться спокойным в такой ситуации. И хотя на очной ставке 13 марта 1931 г. арестованный С. Пугачев и неарестованный Б. Шапошников доказали ложность показаний С. Бежанова-Сакварелидзе (С. Пугачев тогда же был освобожден из-под ареста), их новые назначения[3] вполне можно расценить как «почетные ссылки».

Несколько ранее мне приходилось цитировать и «признания» А. Свечина, отражавшие настроения «военспецов-генштабистов». Они сходны по политическим симпатиям с настроениями и склонностями лидеров советской военной элиты 20-х годов — М. Тухачевского, В. Блюхера, С. Буденного. Как известно, в 1928—1929 гг. даже К. Ворошилов симпатизировал политическим взглядам «правого крыла» в ВКП(б). В какой бы мере ни соответствовали истине слухи о «правых» политических симпатиях лидеров РККА, их склонностях и намерениях сыг-

---

[1] Командарм Якир: Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, С. 112.

[2] Поскольку в должности помощника начальника штаба УВО он оставался до конца 1925 г., свидетелем «контрреволюционной» деятельности С. Пугачева в штабе УВО он быть не мог, хотя у него могли «вытянуть» показания против начальника Оперативного управления штаба УВО В. Попова.

[3] Как отмечалось выше, Б. Шапошников был назначен командующим ПриВО, а С. Пугачев — начальником штаба Среднеазиатского военного округа. Несомненно, перемещение в Среднюю Азию после руководства штабом УВО, равно как и перемещение с должности начальника Штаба РККА на округ в Самару, было понижением и опалой.

рать активную политическую роль во внутрипартийной и внутриполитической борьбе, их поведение внушало сомнения в их политической лояльности.

6

«Новая Красная Армия» Михаила Тухачевского

Причин для отставки И. Уборевича и принятия «модели Тухачевского» было несколько. Привлеку внимание лишь к двум основным: обострение внешнеполитической ситуации на западных границах и особенно на Дальнем Востоке и неудачи модернизации на основе «германской модели». Сам И. Уборевич позднее в письме к Г. Орджоникидзе, оправдываясь, признавался: «Будучи начальником вооружения, я работал, как никогда в жизни, без выходных дней, ночами, очищая невероятную заваль и запущенность. Будучи начальником вооружения, я знаю... что много было сделано, очень много ошибок. Оправданием мне служит одно — я чертовски боялся войны в 1930 и 1931 годах, видя нашу неготовность. Я торопился. Когда торопишься, делаешь ошибки чаще»[1].

Поставив во главу угла технической модернизации РККА «германскую модель», И. Уборевич делал упор на артиллерийское перевооружение. В частности, предусматривалось введение новых (германских «по происхождению») систем тяжелой, полевой (армейской), противотанковой, зенитной артиллерии и минометных систем, он заключил в апреле 1930 г. соответствующий договор с германской фирмой «Рейнметалл». Однако, как отмечал М. Тухачевский, «...Уборевич и Ефимов провели заключение договора с фирмой «Рейнметалл» на продажу нам и постановку у нас на производство целого ряда артиллерийских систем. При испытании этих систем, производившихся одновременно с постановкой на производство, выяснилось, что они недоработаны...»[2].

---

[1] Письма 1936-го. И.П. Уборевич — Г.К. Орджоникидзе (Предисловие и публикация *А.П. Непирокова и Н.В. Орловой-Чернышевой*). Факел-90. М., 1990. С. 237.

[2] Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года // Кровавый маршал... С. 89; *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР. Неизвестные документы. С. 121.

Действительно, проблема деловых взаимоотношений с «Рейнметаллом» по договору, заключенному с этой фирмой И. Уборевичем (несомненно, опиравшимся на мнение Н. Ефимова) еще в апреле 1930 г., нашла свое отражение и в других документах. Очевидно, эта проблема и оказалась одной из главных причин, вызвавших приезд в Москву 10 октября 1931 г. миссии во главе с начальником штаба рейхсвера генералом В. Адамом.

Активизация профранцузских политических действий со стороны германского правительства также начала вызывать серьезное беспокойство советского высшего политического и военного руководства. В частности, К. Ворошилов (очевидно, вслед за И. Сталиным) выражал по этому поводу особое беспокойство, полагая, что германское политическое и военное руководство уже взяло курс на свертывание советско-германского военного сотрудничества. Советский военный атташе в Германии В. Путна, наоборот, считал, что повода для беспокойства нет. «Взяв для оценки всю сумму (все виды) нашего сотрудничества с «друзьями», — писал он первому заместителю Председателя РВС СССР и наркома И. Уборевичу 23 января 1931 г., — нельзя найти сколько-нибудь убедительных симптомов и доказательств, чтобы приходить к заключению о наличии со стороны «друзей» тенденции к свертыванию отношений в целом. Периодические поклоны в сторону французов бывают, но у нас, и в частности Старик, слишком чувствительны к этим эпизодам... Немцы вели и будут вести двойную политику. Она отражается и на поведении руководства рейхсвера. Но нас, как крупнейшую карту, они никогда окончательно на стол не положат... Наше положение по сравнению с 1929 годом сильно улучшилось и окрепло тем, что мы имеем в отношениях такие элементы заинтересованности германской военной промышленности, каких раньше не было, и они страхуют нас от неожиданностей»[1]. Однако и В. Путна вынужден был признать, что «в частном деле предприятий положение совершенно иное. Предприятия были созданы «друзьями» в то время, когда нигде в другом месте в Европе им нельзя было прикорнуть. Свои предприятия они создали с ограниченными задачами, главным образом учебными. Мы долго

[1] РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 204. Л. 42; Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 35.

по своей вине в этом деле не могли разобраться и уяснить себе, что характер предприятий нас не устраивает, и разобрались лишь тогда, когда «друзья» свои учебные задачи почти выполнили и для дальнейшего их осуществления имеют в других местах возможности значительно более дешевого осуществления»[1].

Далее В. Путна указывает на существо проблемы. Он признает, что у «друзей» отчетливый курс на свертывание» потому, что их военные предприятия в СССР «пожирают у них сравнительно много денег»[2]. «Судя по Вашим и Старика письмам, — заключает советский военный атташе, — мы или не усвоили, или просто не хотели усвоить происходящего. Вопрос же ясен. Если мы не пойдем на уменьшение расходов «друзей», они предприятия ликвидируют, не рассматривая это как полный разрыв»[3]. Однако уже в мае 1930 г. появились первые симптомы неблагополучия в этой сфере. Побывавшие в Германии высшие авиационные начальники Я. Алкснис и С. Меженинов достаточно красноречиво и ясно выразили свои впечатления о немецких «друзьях»: «Общее впечатление такое, что внешне немцы с нами исключительно любезны, предупредительны и внимательны, по существу же они лишь терпят нас, стремятся получить от нас как можно больше и дать нам возможно меньше из своих достижений в области тактики и особенно техники.

Мы полагаем, что в беседе с Миттельбергером при предстоящем посещении им Москвы и Липецка в мае с.г. еще раз нам следует подчеркнуть ему, что Липецкая организация как школьно-тренировочный центр на устаревшей материальной части нас очень мало интересует и удовлетворяет и что уже в ближайшее время мы хотели бы видеть в Липецке те новые объекты техники воздушного флота, которые перечислены в январском списке генерала Миттельбергера...»[4]

Итак, уже в январе 1931 г. возникла угроза ликвидации воен-

---

[1] РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 204. Л. 42; Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 35.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] РГВА. Ф. 29. Оп. 23. Д. 276. Л. 136; Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 34.

ных предприятий и экспериментальных баз испытания авиа- и бронетехники и подготовки соответствующих специалистов по ее обслуживанию. Устранение этой угрозы зависело от увеличения советских капиталовложений в указанные предприятия. Возникли разногласия между военным атташе в Германии В. Путной и руководством наркомата в лице К. Ворошилова и И. Уборевича. Вскоре последовал отзыв В. Путны из Германии. Курс наркомата оставался прежним. Это не способствовало улучшению процесса модернизации армии.

В результате указанных и иных им подобных существенных неудач И. Уборевича в деле модернизации РККА общие показатели этого процесса к 1931 г. были плохие. Запланированные показатели в среднем были выполнены лишь на две трети. По танкам же и по самолетам, по артсистемам выполнение достигало к 1931 г. лишь 42—53%[1]. Плохо работала военная промышленность, в которой производство новых видов вооружения (танки) или новых типов его (самолеты) зависело от импортных образцов[2]. Они в значительной мере поступали из Германии. Об этом выше уже говорилось. В этом усматривалась и вина непосредственно самого И. Уборевича. Известно, что причину активно искали и во «вредительстве» старых «спецов», в их числе и «военспецов». Целая серия дел о «вредительстве», сопровождавшаяся арестами и репрессиями «буржуазных специалистов» (в том числе и в военной промышленности, в авиастроении), не могла не затрагивать и служебную репутацию И. Уборевича. В этом же контексте следует рассматривать, и об этом выше говорилось, и отставку Б. Шапошникова с должности начальника Штаба РККА и его «ссылку» в Самару. В сущности, они являлись главными оппонентами «программы Тухачевского». Это были знаковые перестановки. Обусловлены они были и той, совершенно определенной поддержкой, которую оказала М. Тухачевскому в начале 1931 г. «украинская группировка генералов» во главе с И. Якиром, Я. Гамарником, И. Дубовым, Г. Хаханьяном.

---

[1] *Симонов Н.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 84.

[2] Там же. С. 74—78, 81—87.

Думается, что именно их позиция оказалась решающей в снятии обвинений с М. Тухачевского и в его возвращении в центральный аппарат на должность, от которой освободили И. Уборевича, — заместителя председателя РВС СССР и наркома и начальника вооружений РККА. Это был не столько акт предпочтения «программе модернизации Тухачевского», сколько неудовлетворительная оценка работы И. Уборевича.

Завершение военно-политической борьбы и дискуссий по поводу модернизации Красной Армии приходится на лето 1931 г. Оно ознаменовалось возвращением М. Тухачевского в центральное руководство РККА и назначением его вместо И. Уборевича 11 июня 1931 г. заместителем Председателя РВС СССР и наркомвоенмора и начальником вооружений РККА. Знаменательно это было тем, что с приходом на эту должность М. Тухачевского произошло действительное и радикальное изменение парадигмы развития Советских Вооруженных Сил. «Германская модель» была отвергнута. Была принята модель модернизации, предложенной М. Тухачевским. Она предполагала два существенных условия: ускоренность и «автаркийность».

На встрече с генералом В. Адамом и сопровождавшими его Кестрингом, Гофмейстером и Манштейном 10 ноября 1931 г. «Тухачевский указал, что, несмотря на некоторые достижения и успехи, темпы работы совместных предприятий все же чрезвычайно медленны, а техническая база их настолько узка, что эффект от совместного сотрудничества крайне неудовлетворительный и не оправдывается ни со стороны материальных затрат, ни с политической»[1]. Отчасти позиция М. Тухачевского проясняется и в его собственных комментариях. «...Уборевич и Ефимов провели заключение договора с фирмой «Рейнметалл» на продажу нам и постановку у нас на производство целого ряда артиллерийских систем, — вспоминал несколько лет спустя сам М. Тухачевский. — При испытании этих систем, производившемся одновременно с постановкой на производство, выяснилось, что они недоработаны. В связи со всем этим я стал на точку зрения ликвидации договора

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 375. Л. 162. — Документ опубликован: *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР... С. 122.

с фирмой «Рейнметалл». В полученных нами перехватах германский посол Дирксен высказывал недовольство мной. Благодаря моей критике заключенного с фирмой «Рейнметалл» договора, в дальнейшем благодаря проведенному расторжению договора с этой фирмой, я испортил отношения как с Уборевичем, так и с Ефимовым»[1].

В официальных и неофициальных обстоятельствах переговоры с высшим военным и дипломатическим представительством вел также германский посол в Москве фон Дирксен. «Я беседовал особенно много с Тухачевским, который имеет решающее значение в деле сотрудничества с «Рейнметаллом»... Он далеко не является тем прямолинейным и симпатичным человеком, столь открыто выступавшим в пользу германской ориентации, каковым являлся Уборевич, — писал фон Дирксен в Берлин 17 октября 1931г. — Он скорее замкнут, умен, сдержан. Надеюсь, что и он будет сотрудничать лояльно, когда он убедится в необходимости и выгодности этого сотрудничества»[2].

Некоторую конкретизацию содержания бесед фон Дирксена с М. Тухачевским содержит информация, переданная германским послом в Берлин 13 ноября 1931 г. «Меня интересовал в особенности вопрос о сотрудничестве в области специальной индустрии, — писал фон Дирксен. — Для меня является сомнительным, сможет ли быть выполнен строительный план, относительно которого состоялось соглашение, на что указано в договоре и выполнение которого ожидает Советское правительство»[3]. Посол, указывая, правда, на объективные, как он считает, причины, тем не менее признавал, что «не развертывается производство всех трех предусмотренных в договоре различных типов, а производится только 10-сантиметровый тип»[4]. Фон Дирксен прямо отмечает,

---

[1] Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года // Кровавый маршал... С. 89; *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР... С. 121.

[2] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 70. Л. 269. Документ опубликован: *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР... С. 121.

[3] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 70. Л. 259; Там же. С. 123.

[4] Там же. Имеется в виду договор с «Рейнметаллом», заключенный И. Уборевичем в апреле 1930 г. Содержание этого договора изложено в записке В. Куйбышева в Политбюро ЦК ВКП(б) от 22 апреля 1930 г. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3.

что «Тухачевский высказал затем еще ряд различных жалоб, которые все сводились к тому, что мы снабжаем Советское правительство материалами неудовлетворительно и что оно информируется по многим вопросам более полно со стороны Англии либо Италии»[1].

Судя по контексту цитированного выше фрагмента из письма германского посла, на договор с «Рейнметаллом» было обращено особое внимание, и позиция М. Тухачевского оказалась «решающей» в продолжении или прекращении действия указанного договора. Кроме того, со слов фон Дирксена ясно, что с М. Тухачевским ему пришлось встретиться и познакомиться впервые, и последний произвел впечатление отнюдь не активного сторонника тесного советско-германского сотрудничества. Иными словами, М. Тухачевский произвел впечатление выразителя военно-политического курса, отличного от того, олицетворением которого являлся И. Уборевич. Однако о качестве поставок и характере взаимоотношений с фирмой «Рейнметалл» М. Тухачевский смог судить уже после того, как возглавил Управление вооружений РККА. Следовательно, эти обстоятельства были не причиной, а следствием назначения М. Тухачевского.

Несомненно, что приход М. Тухачевского в руководство Управления вооружений РККА знаменовал принципиальное изменение всей «концепции модернизации» РККА. На это указывает и принятие правительством СССР в начале августа 1931 г. уточненного плана строительства РККА на 1931—1933 гг., и принятие постановлением СТО от 1 августа 1931 г. так называемой «большой танковой программы». В постановлении, в частности, указывалось, что технические достижения в области танкостроения «создали прочные предпосылки к коренному изменению общей оперативно-тактической доктрины по применению танков и потребовали решительных организационных изменений автобронетанковых войск в сторону создания высших механизированных соединений, способных самостоятельно решать задчи как на поле

Д. 112. Л. 74—77. (Документ опубликован в указанном сборнике, составленном Ю.Л. Дьяковым и Т.С. Бушуевой. С. 111—114.)

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 70. Л. 262; Там же. С. 124.

сражения, так и на всей оперативной глубине современного боевого фронта. Эта новая быстроходная материальная часть создавала предпосылки к разработке теории глубокого боя и операции»[1].

Как отмечал в докладной записке на имя К. Ворошилова сам М. Тухачевский 2 ноября 1931 г., «к концу 31-го года мы будем иметь около 1000 танков. К концу 32-го года — около 4000... К концу 33-го года будем иметь в армии до 8500 танков... Учитывая постановление К.О. о подготовке мобилизационной мощности промышленности к концу 1932 года в 40 000 танков...»[2]. Все это вполне соответствовало тем предложениям и расчетам, которые представил М. Тухачевский в своей докладной записке от 11 января 1930 г.

Почему же высшее политическое руководство, скажем прямо, И. Сталин, решило пойти на радикальную смену «парадигмы» военно-технической модернизации, приняв концепцию М. Тухачевского, которую всего год назад, столь жестко критикуя, оно отвергло? И было ли это обстоятельство основной или единственной определяющей причиной отставки И. Уборевича и «возвращения» М. Тухачевского?

Обращают на себя внимание некоторые сведения, преимущественно косвенного характера, позволяющие усомниться в том, что проблема технической модернизации являлась единственной причиной возвращения М. Тухачевского в центральный аппарат на указанную выше должность. Примечательно, что и первый заместитель начальника вооружений РККА Н. Ефимов, и второй его заместитель В. Гарф остались на своих должностях. Сохранилось в прежнем составе и Управление по механизации и моторизации РККА. Лишь в июле 1931 г. появился новый заместитель начальника этого управления — И. Грязнов. Однако это было связано с трагической гибелью в авиакатастрофе 12 июля 1931 г. его предшественника К. Калиновского. А ведь Н. Ефимов фактиче-

---

[1] Цит. по: *Рыжаков А.* К вопросу о строительстве бронетанковых войск Красной Армии в 30-е годы // Военно-исторический журнал. 1968. № 8. С. 107.

[2] РГВА. М. Тухачевский — Народному комиссару по военным и морским делам К.Е. Ворошилову, 2 ноября 1931 г. Документ опубликован в виде ксерокопии в подборке документов: Маршал М.Н. Тухачевский... С. 1.

ски определял политику технической модернизации Красной Армии, так сказать «концепцию модернизации», и являлся наиболее квалифицированным организатором и исполнителем ее. При этом следует также иметь в виду, что если И. Уборевич по специальности был «технарь», артиллерист и, как таковой, разбирался в существе и тонкостях артиллерийского оружия и его модернизации, то М. Тухачевский не имел таковой технической подготовки. Он был, как известно, офицер гвардейской пехоты, «гуманитарий» по ментальному настрою, хотя еще с первой половины 20-х годов проявлял вполне профессиональный интерес к вопросам войскового использования артиллерии. Он, несомненно, прекрасно владел навыками оперативно-тактического применения артиллерии и иной техники, однако не обладал достаточной глубиной инженерно-технических представлений и навыков в этих вопросах. Роль оставшегося при нем в качестве первого заместителя Н. Ефимова не только сохраняла прежнюю значимость, но в известном смысле должна была возрасти.

Конфликт с «Рейнметаллом» и изменение общей «концепции модернизации» с упором на «автаркийность» в этих вопросах, и определенный сдвиг «германской помощи» на второй план естественно рождали конфликт М. Тухачевского с Н. Ефимовым. Об этом выше уже говорилось. Это проявлялось и в «жалобах» самого Н. Ефимова. «У меня здесь пару дней сидит Ефимов, приехавший из Кисловодска, — писал К. Ворошилов 6 декабря 1931 г. Я. Гамарнику из Сочи. — Он горько жалуется на положение с Управлением вооружений и говорит, что М.Н. (Тухачевский) всем занимается, кроме своего Управления. Он очень встревожен и просит принимать какие-либо радикальные меры, или, как он говорит, будет поздно. Что тут поделаешь? Пока что нажмите на него, указав, что Сталин может в любой момент заинтересоваться всяким вопросом из круга его деятельности, поэтому он обязан вплотную заниматься делом и все знать, а главное, обязан почаще и регулярно принимать подчиненных ему начальников управлений. Было бы не худо, если бы на РВС или просто один раз заслушали краткие доклады о положении дела в управлениях — связи, химии, инженерном и, если будет время, то и артиллерийском. Можно это сде-

лать в присутствии М.Н. (Тухачевского), можно и без него. М.Н. (Тухачевскому) пока, до моего приезда, ничего не говорите. ...Наш Георгиев, много лет работающий над механической трубкой, как будто бы добился каких-то результатов, Тухачевский утверждает, что вполне удовлетворительных. Ефимов категорически заявляет, что Георгиевская трубка недоработана, а на валовое производство может быть поставлена не ранее 3—4 лет. Ефимов настаивает на немедленной закупке техпомощи у немцев, давно нам ее предлагающих...»[1]

Судя по данному фрагменту, отношения между М. Тухачевским и его заместителем Н. Ефимовым в это время были действительно плохими. Но трения между ними порождены были не только отношениями с «Рейнметаллом». Из текста письма следует, что М. Тухачевский фактически не занимался в 1931 г. проблемами вооружения Красной Армии, свалив все на своего заместителя. Даже если учесть в жалобах Н. Ефимова преувеличения обиженного человека, вряд ли эти жалобы были совершенно лишены оснований. В чем же было дело? Подобное отношение к порученному делу непохоже на М. Тухачевского. Что его отвлекало?

Судя по контексту и эмоциональному настрою К. Ворошилова, назначение М. Тухачевского на должность его заместителя не вызывало у него большого удовлетворения, хотя М. Тухачевский в этом качестве был гораздо предпочтительней для наркома, чем И. Уборевич, отношения с которым у него стали откровенно враждебными. Однако важнее другое: такое, не очень благожелательное отношение к М. Тухачевскому руководящих лиц наркомата позволяет сделать вывод, что его назначение на должность замнаркома было всецело результатом желания И. Сталина, обусловленного в заметной мере позицией, занятой «украинской военной группировкой» в отношении М. Тухачевского. Фактически «проталкивание» М. Тухачевского в руководство военным ведомством со стороны И. Сталина началось уже в январе 1931 г., когда он был введен в комиссию по танкостроению. Этот факт

---

[1] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 44. Л. 41—51; К.Е. Ворошилов — Я.Б. Гамарнику, 6 декабря 1931 г. Сочи // Советское руководство. Переписка 1928—1941. С. 164—165.

уже тогда можно было расценить как принципиальное принятие И. Сталиным «программы Тухачевского» как основы для смены парадигмы модернизации РККА. Это своеобразное «протежирование» М. Тухачевскому со стороны И. Сталина, учитывая ранее описанные обстоятельства военно-политической борьбы 1930 г., было не только следствием изменения позиции Генерального секретаря по отношению к технической модернизации армии, но и способом нейтрализации политической активности и оппозиционности М. Тухачевского. Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, бегло упомянутое И. Уборевичем: «...я чертовски боялся войны в 1930—1931 гг.(!), видя нашу неготовность(!)».

Э. Волленберг считал, что «понадобились захват японцами Маньчжурии и резкое ухудшение военного положения, чтобы Тухачевский стал замнаркома»[1]. Однако это не совсем так. Причиной возвращения М. Тухачевского, принятия его «концепции модернизации» и кадровых перестановок в военной элите не было обострение военно-политической обстановки на Дальнем Востоке. Японские войска захватили Мукден и начали оккупацию Маньчжурии только 18 сентября 1931 г. При этом «боевая тревога» в ОКДВА еще не объявлялась. Численность войск, находившихся под командованием В. Блюхера, оставалась неизменной вплоть до 1932 г.[2]. Японская армия летом 1931 г. технически была слабой. Лишь в июле 1931 г. было принято решение о ее технической модернизации, поэтому она не могла в 1931 г. внушать серьезных опасений советскому политическому и военному руководству[3]. Легкое беспокойство в высших военно-политических кругах начало проявляться только в июле 1931 г.[4], то есть уже после проведенных кадровых перестановок и возвращения в центральное руководство М. Тухачевского. Только 5 июля 1931 г. Политбюро ЦК приняло решение о поездке К. Ворошилова на Дальний Вос-

---

[1] *Wollenberg E.* The Red Army. Излагается по фрагментам, опубликованным в журнале «Новая жизнь» под заголовком «За кулисами Красной Армии» (1938. № 51. С. 8).

[2] *Горбунов Е.* 20 августа 1939. М., 1986. С. 68.

[3] Там же. С. 39.

[4] Там же.

Генерал от инфантерии
Зайончковский А.М.

Генерал-майор А.А. фон
Лампе. Берлинский
резидент РОВС.

Комкор Меженинов С.А.

Егоров А.И. 1926 г.

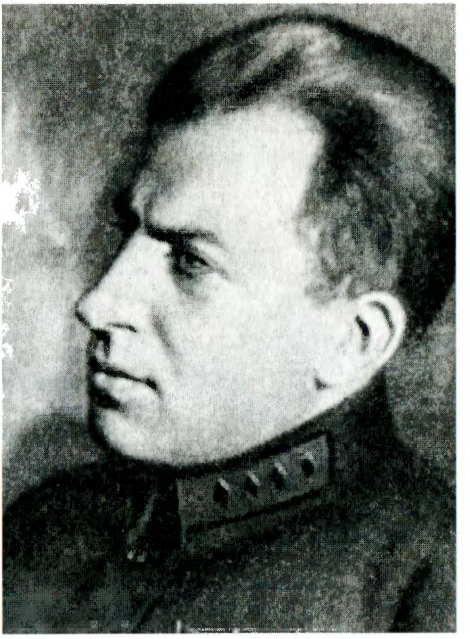

Подполковник Генштаба Какурин Н.Е. 1916 г.

Фрунзе М.В.

Комкор Путна В.К.

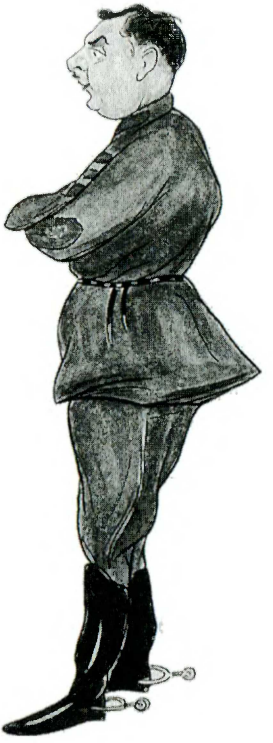
Начальник штаба
Красной Армии
Лебедев П.П. (стоит).
Главком Красной Армии
Каменев С.С. (сидит).
1921 г.

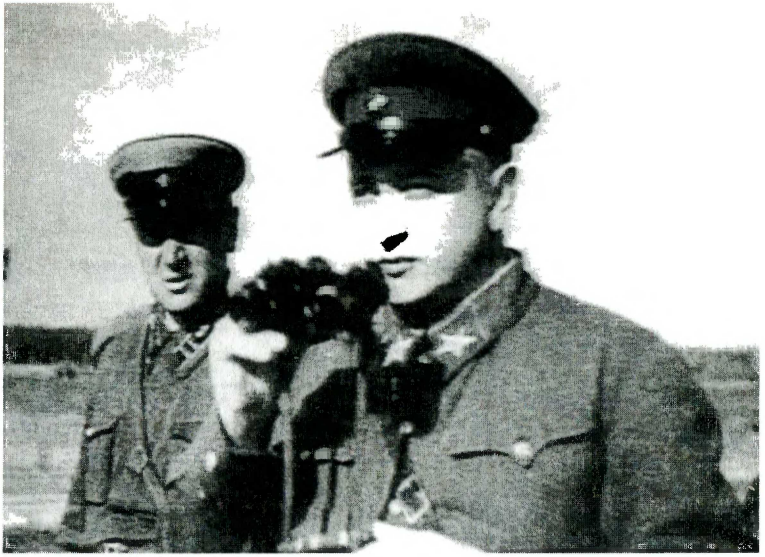
Ворошилов К.Е.

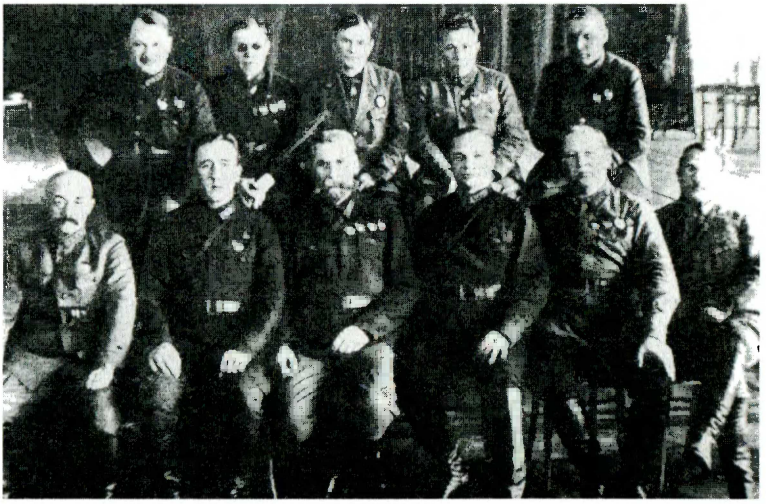
Орджоникидзе Г.К.
Дружеский шарж. 1924 г.

Ворошилов К.Е. Дружеский шарж.
1926 г.

Тухачевский М.Н. на осенних маневрах 1936 года Красной Армии в Белоруссии.

Командование Белорусского военного округа. 1928 г. В первом ряду третий справа командующий Егоров А.И., четвертый – Фабрициус Я.Ф. Первый слева во втором ряду – начальник штаба округа Сергеев Е.Н.

Троцкий Л.Д. Дружеский шарж. 1924 г.

Генерал Алексеев А.А. с офицерами своего штаба (справа за спиной полковник Генштаба Лебедев П.П.). 1915 г.

Баторский М.А. (пятый слева в первом ряду) среди выпускников Высших кавалерийских курсов. 1926 г.

Буденный С.М.

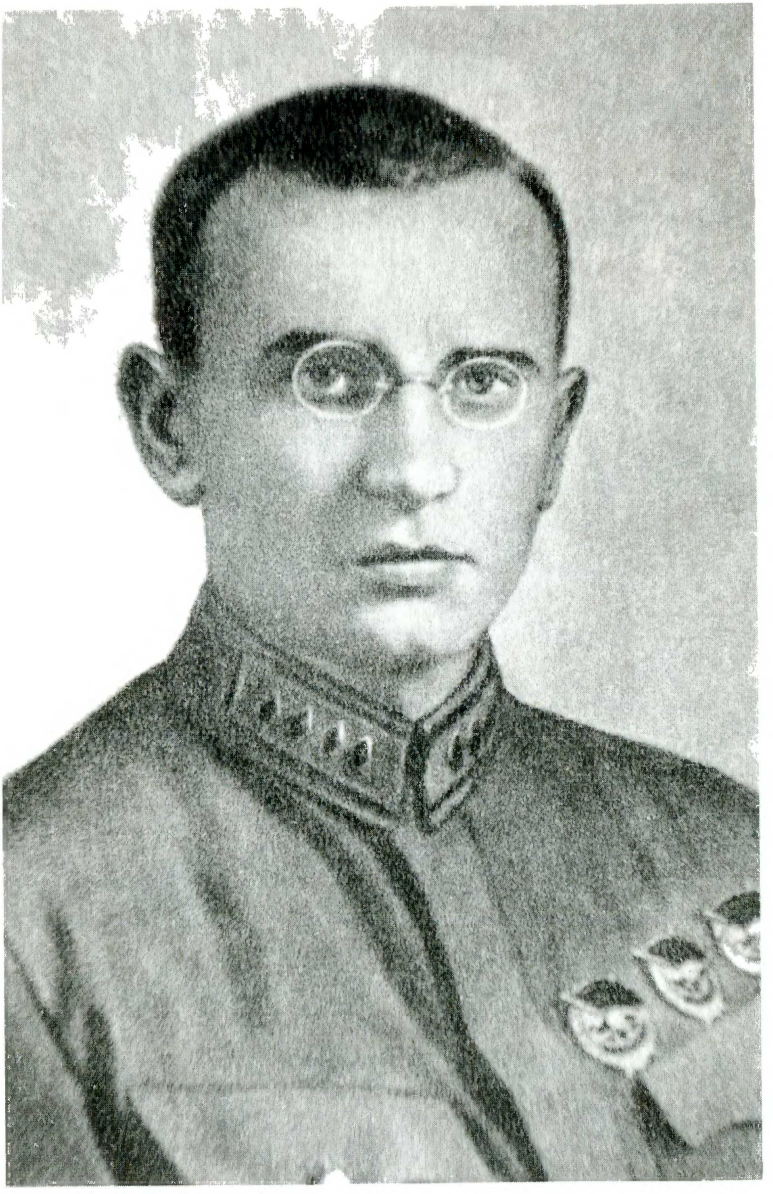
Тухачевский М.Н. Дружеский шарж. 1925 г.

Петин Н.Н. 1923 г.

Зайончковский А.М.
1922 г.

Уборевич И.П.

Высшие командиры Первого корпуса Русской армии генерала Врангеля. В первом ряду четвертый слева Кутепов А.П., над ним Скоблин Н.В.

Сталин И.В., Ворошилов К.Е., Молотов В.М. и Егоров А.И. на Слете жен командного состава Красной Армии. 1936 г.

Генерал от кавалерии Брусилов А.А. 1917 г.

ток. Лишь 14 ноября 1931 г. М. Литвинов беседовал с польским посланником в СССР Патеком, а неделю спустя предложил последнему начать переговоры о заключении «пакта о ненападении» ввиду осложнения ситуации на Дальнем Востоке. При этом примечательно, что Политбюро 20 ноября 1931 г. предложило Литвинову «сегодня же или, в крайнем случае, завтра начать формальные (!) переговоры с Патеком...» по этому вопросу[1]. Следовательно, в это время советское руководство еще не решилось менять внешнеполитическую концепцию: западное направление продолжало оставаться приоритетным. Лишь 27 ноября 1931 г. И. Сталин в письме К. Ворошилову поставил задачу заняться «сейчас же организацией ряда серьезных предупредительных мер военного и невоенного характера...» на Дальнем Востоке[2]. «Главное теперь — в подготовке обороны на Дальвосте», — совершенно ясно определил внешнеполитические приоритеты И. Сталин 27 ноября 1931 г.[3].

Кроме того, смещение «военной тревоги» с Запада на Дальний Восток вряд ли могло вынудить политическое и военное руководство к радикальному изменению концепции модернизации, к превращению в доминирующую установку — решение «танкового вопроса». Характер дальневосточного театра военных действий, сам противник указывали на нецелесообразность применения танков в качестве приоритетного и решающего средства оперативно-тактических решений и уж тем более формирования для этого крупных мотомеханизированных соединений. На это вполне обоснованно указывали высшие офицеры РККА, хорошо знакомые с дальневосточным театром военных действий. Танки и мотомеханизированные соединения целесообразно было использовать именно на западном театре военных действий. Однако все это было уже после возвращения М. Тухачевского в центральный аппарат и после принятия его «программы модернизации» и в ее рамках «большой танковой программы».

---

[1] *Горбунов Е.* 20 августа 1939. М., 1986. С. 163.

[2] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 49; Советское руководство. Переписка 1928—1941. С. 162.

[3] Советское руководство. Переписка 1928—1941. С. 163.

7

Советско-германские отношения 1931—1933 гг. и «военная партия» в СССР

Итак, обострение советско-польских и германо-польских отношений, а также симптомы охлаждения советско-германских отношений отчасти были вызваны стремлением влиятельной группы германского политического руководства к сближению с Францией на антисоветской основе, вплоть до войны против СССР. Отчасти ситуация была обусловлена и переговорами, а затем заключением в начале 1931 г. советско-французского пакта о ненападении, а также начавшимися переговорами с польским правительством о заключении аналогичного пакта.

В стремлении сохранить и улучшить дружеские отношения с Германией советское руководство на встречах с германскими официальными лицами стремилось всячески затушевать значимость указанных договоров. «Ворошилов самым категорическим образом подчеркивает неизменное чувство дружбы, питаемое здесь к Германии, — сообщал в своем письме фон Бюлову 17 октября 1931 г. германский посол в Москве фон Дирксен. — По его словам, как переговоры с Францией, так и переговоры с Польшей представляют собой явления чисто политического и тактического характера, которые диктуются разумом. В особенности же ясно отдают себе здесь отчет в отсутствии внутренней ценности договора о ненападении с Польшей... Границы с Польшей Ворошилов считает, как это он подчеркивал в разговоре с Адамом, неокончательными»[1].

Мне представляется, что возвращение М. Тухачевского в центральный аппарат и назначение его на должность заместителя наркома было обусловлено именно новой «военной тревогой» на западных границах СССР. Эта «тревога» носила более сложный и опасный характер, поскольку таила в себе возможность разрыва прежних дружеских отношений с Германией. В связи с усложнившейся военно-политической ситуацией на «западном направлении» советской внешней политики, чреватой возможной изоляцией СССР в условиях «ненадежности» «германского фактора» его

---

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 70. Л. 269; См. также: *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Указ. соч. С. 121.

международного положения, согласно аналитической записке французских спецслужб от 24 июня 1931 г., «в русских кругах Парижа стало известно о предполагаемом назначении генерала Тухачевского генералиссимусом (то есть главнокомандующим. — *С.М.*) советских армий в случае войны. Это назначение, однако, будет держаться в секрете до дня начала открытого конфликта. Генерал Тухачевский в настоящее время будет находиться в Москве, где станет главным сотрудником Народного комиссара Ворошилова. Известно, что этот генерал, называемый «русским Наполеоном», принимал активное участие в русско-польской войне»[1]. Назначение М. Тухачевского могло носить, кроме всего прочего, и знаковый характер: демонстрация антипольской настроенности СССР, ввиду общераспространенного мнения о «полонофобии» М. Тухачевского в связи с начавшимися советско-французскими и советско-польскими переговорами, которые весьма обеспокоили руководство рейхсвера. В контексте этих мер можно рассматривать также спровоцированные дезинформацией ОГПУ сведения о наличии в СССР группы политиков и генералов, настроенных антикоммунистически и националистически[2]. На этом сюжете имеет смысл остановиться детальнее.

В декабре 1932 г. от агента А-270 из берлинской резидентуры ИНО ОГПУ получил информацию о том, что его агент по кличке «Сюрприз» узнал от доверенного лица абвера Г. фон Берга, что советский военный атташе Зюзь-Яковенко в беседе с ним говорил «о работе «военной партии» в СССР и что эта партия развивает в настоящее время большую активность». Г. фон Берг объяснил «Сюрпризу», что атташе тоже состоит членом этой партии. Он пояснил, что «эта партия стоит на антикапиталистической платформе, но в то же время национальна и хочет отстранить евреев от руководства государством». Правда, по словам «Сюрприза», Г. фон Берг объяснил, что на самом деле «военной партии» как организационно оформленной структуры не существует. Речь идет об опреде-

---

[1] Цит. по: *Медушевский А.Н.* Русский бонапартизм // Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы. М., 2001. Вып. 9. С. 34.

[2] Очерки истории Российской внешней разведки. М., 1996. Т. 2. С. 196—201; Военно-исторический архив. 1997. Вып. 2. С. 8—10.

ленных националистических настроениях, охвативших широкие круги руководства Красной Армии. Со слов «Сюрприза», Г. фон Берг говорил ему: «Красная Армия чувствует себя очень сильной и перед лицом больших внутренних трудностей, переживаемых СССР, ее ожидает в будущем большая историческая задача — взять на себя в нужный момент роль спасителя отечества в форме сильной и авторитетной военной диктатуры»[1].

Примечательно, что еще 23 июня 1932 г. ИНО ОГПУ от того же «Сюрприза» получил следующее сообщение из Берлина: «Генерал Шляйхер и командование рейхсвера считают момент для интервенции против России назревшим. Генерал Шляйхер стоит за то, что интервенция должна быть начата еще в этом году. Внутренние трудности Советского Союза настолько велики, что уже факт объявления войны может привести к антикоммунистическому перевороту. Но даже в том случае, если советские войска победят, коммунизм будет уничтожен, так как коммунистическая партия не выдержит победоносную Красную Армию. В стране установится военная диктатура, которая свергнет Сталина»[2]. Таким образом, суть информации о «военной партии» в общем была известна в ОГПУ уже в июне 1932 г. от агента «Сюрприза». Примечательно, что в литературе утверждается, что этого агента завербовал А-270 в конце 1932 г., уточняется, что это произошло в сентябре 1932 г. Однако приведенный выше документ свидетельствует, что работа с ним шла уже в июне 1932 г., помимо А-270.

Возвращаясь к информации советского военного атташе Я. Зюзь-Яковенко о «военной партии», следует обратить внимание на то обстоятельство, что он не сообщил ничего о руководителе этой «военной партии». О нем «Сюрприз» сообщал, уже ссылаясь только на Г. фон Берга: «Идеологическим головой этого течения Берг называет «генерала Турдеева». Турдеев якобы бывший царский офицер, около 46 лет, в этом году (1932) приезжал в Германию на маневры. Турдеев в штабе Ворошилова является одним из наиболее ответственных организаторов Красной Армии. Турдеев в большой дружбе с Нидермайером, с которым он на «ты». Берг го-

[1] Военно-исторический архив. 1997. Вып. 2. С. 7.

[2] Цит. по кн.: *Пещерский В.* «Красная капелла». Советская разведка против абвера и гестапо. М., 2000. С. 33.

ворит, что Турдеев произвел на него впечатление определенного националиста»[1]. Последняя фраза Берга свидетельствует о том, что ему приходилось непосредственно наблюдать поведение «Турдеева» и слышать его рассуждения, очевидно, во время маневров, следовательно, он знал точно, кто скрывается за псевдонимом «Турдеев». Таким образом, Г. фон Берг знал о «военной партии» и ее руководителе не только от советского военного атташе, но получил о ней информацию еще раньше. Учитывая цитированный выше документ от 23 июня 1932 г., сообщавший о намерениях и надеждах генерала К. фон Шляйхера, абвер и высшее руководство рейхсвера имели информацию о так называемой «военной партии» уже к июню 1932 г.

Резидент советской разведки в Берлине был озадачен вопросом: кто такой «генерал Турганов». После разговора с агентом «А-270» по этому поводу он сообщил в «центр»: «Когда я переспросил «Наха» (А-270), идет ли речь о советском работнике под этим именем или о старом генерале, он ответил, что речь идет о старом генерале». Однако это соображение А-270 можно сразу же поставить под сомнение: в составе советской военной делегации на осенних маневрах 1932 г. в Германии не было ни одного бывшего царского генерала. Видимо, это были собственные предположения агента, выдававшего их за факт.

Отвечая на запрос «центра» относительно «Турдеева» (в документах встречаются варианты этого «псевдонима» — Тургулов, Турганов, Тургуев, Тургалов), агент А-270 доносил 26 января 1933 г.:

«1. Тургуев — в штабе Ворошилова. Ранее был офицером царской армии. Во время германских маневров осенью 1932 г. был в Германии. Один из главных лидеров так называемой военной партии.

2. Другой «генерал» в Красной Армии, работающий совместно с Тургуевым (политический)...»[2].

Примечательно, однако, что никто в ИНО ОГПУ, включая начальника этого отдела А. Артузова и заведующего германским направлением О. Штейнбрюкка, не знал и не мог определить, ка-

---

[1] Военно-исторический архив. Вып. 2. С. 7.

[2] Там же. С. 8.

кой советский «генерал» скрывается за псевдонимом «Турдеев» или «Тургуев». Однако согласно «Справке...» «в напечатанном на машинке переводе (агента «А-270» на стр. 219) над фамилией Тургуев синим карандашом от руки написана фамилия Тухачевский. Кто учинил эту надпись и когда она была сделана — установить из дела нельзя»[1]. Арестованный в апреле 1937 г. начальник 3-го отделения ИНО ОГПУ О. Штейнбрюкк, ведавший советской разведкой в Германии, по поводу идентификации личности «генерала Тургуева-Турдеева» на допросе сообщил о том, что этот «генерал» был расшифрован в ОГПУ как Тухачевский. Кто же дал эту расшифровку?

В своих показаниях на допросе 25 апреля 1937 г. Г. Прокофьев, заместитель наркома Г. Ягоды, сообщил по этому поводу: «Примерно в 1933 году в НКВД стало известно из агентурных источников НКВД в немецкой разведке, что какой-то красный генерал (по фамилии, начинающейся на букву «Т», дальше фамилия была прервана) установил связи с германским рейхсвером. Ягоде это сообщение было доложено, и он сразу заявил: «Это Тухачевский». Ягода взял к себе сводку и никакого движения этому материалу не дал»[2].

Из этих показаний следует, что сам Г. Прокофьев текст этой информации не видел и узнал о ней, скорее всего, от Г. Ягоды, поскольку утверждает, что вместо фамилии в документе была лишь одна буква «Т». Как мы уже знаем, это не так. Что касается реакции Г. Ягоды, то на этот счет имеются показания лиц, непосредственно связанных с материалами на «генерала Тургуева — Турдеева», — А. Артузова и О. Штейнбрюкка. Как видно из материала «Справки...», О. Штейнбрюкк дал по этому поводу следующие уточнения: «Эти материалы были доложены Артузову, а последним — Ягоде, причем Ягода, ознакомившись с ними, начал ругаться и заявил, что агент, давший их, является двойником и передал их нам по заданию германской разведки с целью дезинформации. Артузов также согласился с мнением Ягоды и приказал мне и Берману больше этим вопросом не заниматься»[3].

---

[1] Военно-исторический архив. Вып. 2. С. 8.

[2] Цит. по сборнику документов: Нарком Ягода. С. 522.

[3] Там же. С. 10.

А. Артузов, арестованный 13 мая 1937 г., на допросе 27 мая по этому поводу сказал следующее: «Одним из ценнейших работников был агент № 270 — он выдавал нам информацию о работе в СССР целой военной организации, которая ориентируется на немцев и связана с оппозиционными элементами внутри компартии. ...Ведь еще в 1932 году из его донесений мы узнали о существующей в СССР широкой военной организации, связанной с рейхсвером и работающей на немцев. Одним из представителей этой организации, по сообщению 270-го, был советский генерал Тургуев — под этой фамилией ездил в Германию Тухачевский»[1]. Военный прокурор Б.А. Викторов, знакомившийся с материалами по «делу Тухачевского» и протоколами допросов А. Артузова, сообщает некоторые дополнительные сведения. Он отмечает, что А. Артузов на допросе дал пояснения по «делу генерала Тургуева»: «Да, такая информация из заграницы поступала. Из нее следовало: готовится заговор и возглавляет его генерал Тургуев». Далее Б.А. Викторов, не цитируя, пишет: «Проведенной тогда проверкой было выяснено — под фамилией Тургуев в 1931 году в Германию ездил Тухачевский. Информация была доложена Ягоде. Тот заявил: «Это несерьезный материал. Сдайте его в архив»[2].

Приведенные выше сведения, в том числе содержащиеся в «Справке...», не подтверждают указание Б.А. Викторова на то, что М. Тухачевский в 1931 г. ездил в Германию под фамилией «Тургуев, Турдеев, Тургулов, Тургалов». В 1931 г. М. Тухачевский вообще в Германию не ездил. Он был там, как известно, в том числе и из сведений «Справки...», осенью 1932 г. Однако на осенние маневры в Германию М. Тухачевский приезжал во главе группы высших офицеров под собственной фамилией, а не инкогнито, скрываясь под псевдонимом «Тургуев». На этот счет имеется соответствующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б) № 115 от 3 сентября 1932 г. Текст его невелик, и потому уместно привести протокольную запись полностью.

«Слушали:

П. 19/3. Вопрос РВС (т. Гамарник).

---

[1] Цит. по изд.: Родина. 1995. № 2. С. 85.

[2] *Викторов Б.А.* Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора. М., 1990. С. 220—221.

Постановили:

а) Утвердить поездку на маневры в Германию следующих товарищей: **Тухачевский**, Фельдман, Седякин, Фесенко, Гарькавый, Вайнер, Клейн-Бурзи, Хорошилов, Трифонов, Петкевич.

б) Согласиться на допущение на учения РККА 6 германских и 3 итальянских офицеров.

в) Не возражать против присутствия на учениях РККА предложенных РВС иностранных военных атташе.

Выписки посланы: тт. Ворошилову, Литвинову — все; Горб (ОГПУ) — «а», «б»[1].

Таким образом, ни о каких зашифрованных фамилиях ничего не говорится. Да и смысла в этом не было, поскольку визит носил официальный, даже, можно сказать, вызывающе демонстративный, военно-дипломатический характер. Появление М. Тухачевского осенью 1932 г. в Германии демонстративно и нарочито афишировалось перед международной общественностью и германским, и советским руководством. Во Франции и в Польше прекрасно были осведомлены уже тогда о присутствии М. Тухачевского на маневрах, на которых были представители французской армии. Информируя об итогах поездки на маневры в Германию наркома К. Ворошилова, один из членов советской военной делегации, Б. Фельдман писал: «По известным политическим причинам немцы особо подчеркивали присутствие на маневрах командиров Красной Армии во главе с Тухачевским и представителя Итальянской армии — помощника начальника Генштаба Монти». По свидетельству Б. Фельдмана, «Тухачевский был в центре внимания, везде — и в машине, и в поле, и за столом ему предоставлялось первое и почетное место». Немцы были весьма недовольны и расстроены тем обстоятельством, что к началу маневров советские «генералы» не могли присутствовать на них в своей военной форме из-за задержки прибытия багажа[2]. Сведения, сообщаемые Б.А. Викторовым относительно засекреченности поездки М. Тухачевского в Германию на маневры, видимо, относятся не к 1932 г., а к 1925 г.

Именно тогда, в сентябре 1925 г., М. Тухачевский ездил на

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 90; Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки» 1923—1939. М., 2001. С. 287.

[2] *Горлов С.* Совершенно секретно. Альянс Москва —. Берлин 1920—1933 гг. Военно-политические отношения СССР — Германия. М., 2001. С. 252—253.

маневры рейхсвера в Германию «инкогнито». «Наших будут выдавать за болгар, — писал в Москву по этому поводу перед приездом группы Тухачевского советский военный атташе в Германии Н. Лунев 10 августа 1925 г. — Желательно поэтому, чтобы и наши паспорта сразу были изготовлены с болгароподобными фамилиями»[1]. Именно тогда сотрудничество РККА и рейхсвера было глубоко засекречено перед международным сообществом. Поэтому один из лидеров Красной Армии, М. Тухачевский и прибыл в Германию под «болгароподобной» фамилией «Тургуев или Турдеев». В связи с этим обстоятельством есть основание полагать, что происхождение информации о «военной партии» следует искать не в ИНО ОГПУ и не в Особом отделе ОГПУ, не у Г. Ягоды, а в Разведывательном управлении Штаба РККА, у Я. Берзина.

Возвращаясь к источнику информации о «военной партии» и «генерале Тургуеве — Турдееве», Г. фон Бергу, получившему ее от советского военного атташе Я. Зюзь-Яковенко, следует указать, что, будучи по происхождению «русским немцем», часто наезжавшим по торгово-промышленным делам в СССР, он являлся консультантом абвера по русским делам. Следовательно, именно он мог стать информатором абвера и руководства рейхсвера о «военной партии». В то же время в абвере знали, что под фамилией «Тургуев — Турдеев» в Германию в 1925 г. приезжал М. Тухачевский. Судя по тому, что уже на сентябрьских маневрах 1932 г. он приглядывался к М. Тухачевскому, сведения о «генерале Турдееве — Тургуеве» от Я. Зюзь-Яковенко он получил до сентября 1932 г. Учитывая приведенное выше сообщение «Сюрприза» от 23 июня 1932 г., Г. фон Берг эту информацию получил уже к июню 1932 г.

Примечательно, однако, что, хотя А. Артузов сообщил Н. Ежову о «военной партии» и «Тургуеве — Тухачевском» в личном письме еще в январе 1937 г., хотя О. Штейнбрюкк был арестован еще в апреле 1937 г., хотя Г. Прокофьев давал по этому поводу показания тоже в апреле 1937 г., а А. Артузов — в мае 1937 г., комдив Я. Зюзь-Яковенко был арестован лишь 6 июня 1937 г. Столь «пренебрежительное» отношение к такому «важному» свидетелю по «делу Тухачевского» может указывать лишь на то, что информация о

---

[1] *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР, с. 246.

«военной партии» и «Тургуеве — Тухачевском» не представляла интереса для следствия. Кстати сказать, ничего по поводу «военной партии» не говорит в своих показаниях и М. Тухачевский. Он ни разу не упомянул Я. Зюзь-Яковенко среди «заговорщиков», тем более среди тех, кого он «завербовал». Сам Я. Зюзь-Яковенко пробыл в качестве советского военного атташе в Германии не более года — с конца 1931 до декабря 1932 г. Несмотря на полученную «компрометирующую» его информацию, он в 1935 г. был назначен начальником штаба Ленинградского военного округа и получил звание комдива. Возникает подозрение, что его военно-дипломатическая миссия вообще преследовала главным образом одну цель: проинформировать германское военное руководство о якобы существующей национально-социалистически настроенной «военной партии» в СССР, во главе которой стоит М. Тухачевский.

С учетом всего сказанного выше есть основания считать, что сведения о «военной партии» и «Тургуеве — Тухачевском» были «легендой» и «игрой», затеянной по инициативе И. Сталина с участием М. Тухачевского и Я. Берзина, о которой был поставлен в известность Г. Ягода. В основу «игры» была заложена информация, уже известная в абвере из русских эмигрантских кругов, от того же генерала А. фон Лампе, о националистически и антисемитски настроенной «группе-организации Тухачевского», существовавшей в 1923—1924 гг. Это обстоятельство должно было устранить возможные сомнения в достоверности сведений о национально и антисемитски настроенной «военной партии» «Турдеева — Тухачевского» в 1932 г.

Эти сведения были рассчитаны на набиравших быстрыми темпами политическое влияние нацистов. Известно, что на выборах в рейхстаг 20 мая 1928 г. нацисты получили лишь 12 мест. На выборах в рейхстаг 14 сентября 1930 г. они получили уже 107 мест из 577, став второй по величине парламентской фракцией. Эта тенденция сохранялась и в дальнейшем. 13 марта 1932 г. на выборах президента А. Гитлер получает 13,7 млн. голосов, а 31 июля 1932 г. на выборах в рейхстаг нацисты получили уже 230 мест из 608 и становятся первой по величине парламентской фракцией. Было ясно, что за нацистами и их сторонниками ближайшее политическое будущее Германии. Следовало нейтрализовать их антисоветизм информацией о наличии в СССР родственной им по по-

литическим и идеологическим настроениям тайной силы, которая вот-вот захватит власть. В ноябре 1932 г. в военных кругах Германии, приближенных к генералу К. фон Шлейхеру, пронацистски настроенному, была распространена информация о существовании в СССР националистически и антисемитски настроенной «военной партии» во главе с М. Тухачевским[1].

Очевидно, в целях распространения этой информации (или, скорее, дезинформации) в высшем руководстве ОГПУ воспользовались имевшимися еще с начала 1924 г. сведениями об антисемитских, антитроцкистских националистических настроениях комсостава Западного фронта, который уже видел своего «вождя-единомышленника» в М. Тухачевском. Это знал резидент РОВС генерал А. фон Лампе, который в состоянии был подтвердить достоверность информации в контактах с генералами рейхсвера. Возможно, должны были сыграть благоприятную в этом направлении роль и давние контакты М. Тухачевского (еще с 1923 г.) с «черным рейхсвером» через К. фон Шлейхера. Многие члены «черного рейхсвера» к 1932 г. стали нацистами. Еще ранее, тоже в 1932 г., в Берлине вышла книга Р. Гуля «Тухачевский. Красный маршал», переведенная на немецкий язык, в которой М. Тухачевский был представлен как выдающийся, самый авторитетный советский военачальник, который, однако, является аристократом по происхождению, бывшим офицером императорской гвардии, антидемократом, сторонником диктатуры, националистом и антисемитом, потенциальным «русским Бонапартом».

Слухи и разговоры о «военной партии» в СССР в 30-е годы активно муссировались в русском зарубежье, при этом вплоть до своей гибели в 1937 г. М. Тухачевский среди эмигрантов и в европейских общественно-политических кругах имел репутацию германофила, антидемократа, антисемита. Говорили о его ненависти к французскому народному фронту, о его восхищении Муссолини и профашистских симпатиях[2].

«...Наши наблюдения и наши выводы, — рассуждал в своем докладе лидер Союза младороссов А. Казем-Бек в октябре 1933 г. «Две тенденции в советских верхах», — позволяют нам усматри-

---

[1] *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР... С. 246.

[2] Новая Россия. 1937. № 30. С. 14.

вать на советских верхах две тенденции. Одну для нас неприемлемую — антинациональную и интернационалистическую, выраженную старой гвардией коммунизма, партийным аппаратом, инородческими и семитскими элементами Москвы, группирующимися вокруг ГПУ, полиции режима. Эту тенденцию мы называем полицейской партией. И ее мы противопоставляем другой тенденции — тенденции националистической, уже воскресившей основы патриотизма, пусть и самого рассоветского толка. Эта тенденция представлена людьми, близкими к жизни страны, к государственному аппарату, и в первую голову к армии. Эта тенденция, возрастающая в своем идейном содержании и политическом влиянии, уже группирует своих последователей. Это военная партия. Борьба между военной партией и партией полицейской была неизбежна с момента окончания гражданской войны. В этой борьбе решится судьба Русской революции»[1].

В контексте цитируемых высказываний А. Казем-Бека интересно сообщение Б. Стомонякова, одного из заместителей наркома по иностранным делам, советскому полпреду в Париже В. Довгалевскому в апреле 1933 г. Б. Стомоняков информировал полпреда об агентурных сообщениях из Германии, в которых говорится о расчетах руководящих кругов Германии на организацию переворота в СССР с помощью русских национал-социалистов (кирилловцев и младороссов) при всесторонней поддержке правительства Гитлера[2]. Разумеется, речь шла не о перевороте, который непосредственно должны были осуществить в СССР указанные «национал-социалисты». Речь могла идти именно о так называемой «военной партии Тухачевского», о «национал-социалистах Тухачевского» в Красной Армии, в которых А. Казем-Бек усматривал своих идейных «собратьев».

В контексте всего вышесказанного можно полагать, что причины кажущегося «небрежения» заместителя наркома делами Управления вооружений, очевидно, коренились в том, что М. Тухачевский был занят разработкой плана операции по разгрому

---

[1] Бодрость! 1937. № 123. 25 апреля; Политическая история русской эмиграции 1920—1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999. С. 452.

[2] *Белоусова З.С.* Советский Союз и европейские проблемы: 1933—1934 годы // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 59.

Польши, предусматривая нанесение «ударов тяжелой авиацией по району Варшавы»[1]. 21 января 1932 г. план был готов. В письме И. Сталину и К. Ворошилову по поводу этого плана М. Тухачевский отмечал: «В связи с новой программой танкостроения мы имеем полную возможность к концу 1932 г. превратить стрелковые дивизии, расположенные в прифронтовой полосе БВО (Белорусского военного округа) и УВО (Украинского военного округа), в механизированные корпуса». Комментируя далее свой план и расчеты, М. Тухачевский указывал: «В настоящей записке я не касался ни Румынии, ни Латвии. Между прочим, операцию подобного рода очень легко подготовить против Бессарабии»[2]. В связи с вышесказанным, видимо, было высказано 12 марта 1932 г. согласие К. Ворошилова в записке советскому полпреду в Берлине Хинчуку на совместную с Германией разведку против Польши[3]. Об этом запрашивал у наркома полпред Хинчук в письме 1 марта 1932 г.[4].

4 мая 1932 г. М. Тухачевский написал И. Сталину новое большое письмо. В нем содержалось предложение относительно небольших вложений в машиностроение, которые могут иметь большой импортовозмещающий эффект[5]. Однако это письмо было использовано И. Сталиным как повод для того, чтобы вернуться к полемике 1930 г. и принести извинения М. Тухачевскому. Это должно было улучшить личные отношения И. Сталина и М. Тухачевского, в частности и ввиду предстоящей ему миссии: выступить в качестве «главы» «военной партии» во время осенних маневров рейхсвера 1932 г. М. Тухачевский должен был провести неофициальные переговоры с генералом К. фон Шлейхером, президентом фельдмаршалом К. фон Гинденбургом и руководством рейхсвера.

Скорее всего, именно в обстановке резкого обострения военно-политической ситуации не только на Дальнем Востоке, но и на западной границе СССР, И. Сталин и написал свое «письмо-изви-

---

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 400. Л. 14—29.

[2] Там же.

[3] Там же. Д. 342. Л. 179—180.

[4] Там же. Л. 180.

[5] *Самуэльсон Л.* Красный колосс. Становление советского военно-промышленного комплекса, 1921—1941. М., 2001. С. 163.

нение» М. Тухачевскому 7 мая 1932 г., заявив по поводу собственной критики «модернизации Тухачевского»: «Я должен признать, что моя оценка была слишком резкой, а выводы моего письма — не во всем правильными»[1].

Примечательно, что И. Сталин свел предложения М. Тухачевского 1930 г. к увеличению количества дивизий до 246 или 248 и численности армии до 11 млн. Он признал, что М. Тухачевский на самом деле предлагал увеличить армию до 8 млн. и соглашался довести ее до 6 млн.[2]. Несомненно, это было следствием резко изменившейся геостратегической обстановки. Она диктовала и резкое, радикальное ускорение технической модернизации, увеличение численности войск и количества боевых соединений, она обусловила возвращение М. Тухачевского в центральное военное руководство на «первые роли» в ожидании вероятной войны на Западе и для ее предотвращения.

Наконец, не следует игнорировать и третий фактор-причину назначения М. Тухачевского заместителем наркома: опасения, что честолюбивые настроения и обиды «генерала» перерастут в военный переворот при благоприятных ему политических, особенно внешнеполитических, условиях. В сложившейся ситуации И. Сталин счел целесообразным отдать М. Тухачевскому тот «кусочек» власти, на который «генерал» пока претендовал и который мог «переварить», нейтрализуя тем самым его возможные поползновения на большее.

Итак, мне представляется, что назначение М. Тухачевского заместителем Председателя РВС СССР и наркома по военным и морским делам, а также главнокомандующим Советскими Вооруженными Силами на западном театре военных действий в случае войны, а также начальником Вооружений РККА, прежде всего было обусловлено угрозой войны на Западе. Остальное было следствием этого обстоятельства и этого назначения. Этими же соображениями в первую очередь было обусловлено и назначение И. Уборевича командующим одним из важнейших прифронтовых округов — Белорусским. Не во всем успешное руководство А. Его-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 56; Исторический архив. 1998. № 5/6; См. также в сборнике документов: Советское руководство. Переписка 1928—1941. С. 171.

[2] Советское руководство. Переписка 1928—1941. С. 172.

ровым Белорусским военным округом во многом обусловило его перемещение в центр. Он был назначен на одну из самых главных в руководстве РККА должностей — начальника Штаба РККА. Однако это означало прежде всего стремление иметь на этой ключевой должности «своего человека». Фактически разработкой оперативных планов продолжал ведать В. Триандофиллов, первый заместитель начальника Штаба РККА. Вторым заместителем А. Егорова в июле 1931 г. был назначен В. Левичев, имевший большой опыт организационно-административной работы в качестве заместителя и начальника ГУРККА с 1924 г. Попытаемся понять смысл и других кадровых изменений в номенклатуре советской военной элиты летом 1931 г.

Опасениями грядущей близкой войны на Западе было обусловлено и назначение на должности начальников штабов прифронтовых военных округов — Белорусского и Украинского — соответственно давнего соратника И. Уборевича С. Венцова-Кранца и Д. Кучинского, только что получивших «высшее» образование в «германской академии». Этими же соображениями руководствовались правительство и РВС СССР при назначении в июле 1931 г. командиром дислоцированного в киевском, приграничном, районе 14-го стрелкового корпуса только что вернувшегося из Германии В. Путны. Один из самых близких друзей, боевых соратников И. Якира, его родственник И. Гарькавый был назначен помощником командующего Ленинградским военным округом. Борис Миронович Фельдман, назначенный начальником ГУРККА и ВУЗ РККА, в силу своего нового должностного положения получивший контроль над кадровыми перемещениями, к этому времени стал уже близким другом М. Тухачевского. Б. Фельдман с 1927 г. занимал должность начальника штаба ЛВО. Будучи человеком незаурядным и способным начальником штаба округа, он сумел завоевать доверие и дружбу М. Тухачевского. «Я не знаю, как будет работать Фельдман, — писал К. Ворошилов Я. Гамарнику 12 июля 1931 г. из вагона поезда, направляясь на Дальний Восток, — но его хвалят (не только М.Н. (Тухачевский), и общее мнение, что справится. Вы его ориентируйте на кадры и школы. Он свежий человек, может и улучшить работу»[1]. Судя по цитированному

[1] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 44. Л. 44; Советское руководство. Переписка 1928—1941. С. 155.

замечанию К. Ворошилова, Б. Фельдман не был его «креатурой», скорее, его выдвинул М. Тухачевский. Однако указание на то, что «его хвалят (не только М. Н.)», позволяет полагать, что Б. Фельдман был назначен не только как «выдвиженец» М. Тухачевского, но и благодаря поддержке других «генералов». Имеется информация, что Б. Фельдман был дружен с И. Якиром, И. Уборевичем, Э. Аппогой, С. Урицким, С. Кутяковым. По совместной службе его хорошо знал В. Блюхер. Наконец, сам Б. Фельдман называет своим «воспитателем» К. Ворошилова. Поэтому нет оснований считать, что он получил это высокое назначение как «креатура» М. Тухачевского.

Анализируя персональный состав высшего военного руководства в СССР к июлю 1931 г., нельзя не заметить, что доминирующее положение в нем заняла «группа Якира—Гамарника».

Я. Гамарник оказался первым заместителем Председателя РВС СССР и наркома; сам И. Якир возглавлял самый крупный и политически влиятельный Украинский военный округ, взяв к себе в заместители своего близкого и давнего друга И. Дубового. Близкий друг и родственник И. Якира И. Гарькавый оказался в руководстве Ленинградского военного округа. Взяв под свою защиту М. Тухачевского, И. Якир превратил его в одного из близких и в определенном смысле «зависимых» людей. С назначением М. Тухачевского на должность второго заместителя наркома И. Якир фактически получил возможность весьма сильно влиять на деятельность военного ведомства в целом. Передача в распоряжение Б. Фельдмана ГУРККА и вместе с ним Управления по начальствующему составу РККА обеспечила «группе Якира — Гамарника» контроль над кадровой политикой в Красной Армии.

Итак, кадровые перемещения в высшей военной номенклатуре СССР, проведенные к июлю 1931 г. с завершением «чистки» от генштабистов «старой школы» и насыщением генштабистами «новой школы» (германской), были обусловлены новой «военной тревогой» на Западе, а затем и на Дальнем Востоке и необходимостью, в связи с этими обстоятельствами, радикального улучшения в процессе технической модернизации РККА. Этот процесс не был обусловлен изменением геостратегической ситуации СССР. Обострение военно-политических отношений с Японией в Маньчжурии произошло в конце 1931 г. Однако эти обстоятельства не вызвали заметных кадровых перестановок в составе военной элиты.

Глава V

«ВОЕННАЯ ТРЕВОГА» 1935—1936 гг. «ЗАГОВОР ТУХАЧЕВСКОГО»

1

Смена военно-политического курса и «генералы»

В 1932 г., после почти пятилетней «опалы», вновь на официальном уровне началась популяризация М. Тухачевского. В феврале 1933 г. за выдающиеся успехи в перевооружении Красной Армии его наградили орденом Ленина. В 1934 г. он наряду с К. Ворошиловым делал доклад на XVII съезде партии и был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). А летом 1934 г. был упразднен РВС СССР, и руководство Красной Армией оказалось у номенклатурной «тройки». Она включала: К. Ворошилова (наркома обороны СССР), Я. Гамарника (начальника ПУ РККА и первого заместителя наркома), М. Тухачевского (второго заместителя наркома). 24 ноября 1934 г. при наркоме обороны был учрежден Военный совет, в состав которого, кроме указанных выше наркома и его двух заместителей, были введены (опуская фамилии политкомиссаров): Я. Алкснис, И. Апанасенко, Э. Аппога, И. Белов, В. Блюхер, С. Буденный, М. Василенко, М. Великанов, М. Викторов, М. Галлер, И. Гарькавый, Я. Гайлит, М. Германович, О. Городовиков, С. Грибов, И. Грязнов, И. Дубовой, П. Дыбенко, А. Егоров, Н. Ефимов, Ф. Ингаунис, Е. Казанский, С. Каменев, И. Кожанов, А. Корк, Г. Кулик, Д. Кучинский, А. Лапин, М. Левандовский, В. Левичев, С. Меженинов, К. Мерецков, С. Обысов, В. Орлов, Н. Петин, Е. Роговский, М. Сангурский, А. Седякин, С. Тимошенко, И. Ткачев, А. Тодорский, С. Туровский, И. Уборевич, И. Федько, Б. Фельдман, И. Халепский, В. Хрипин, А. Хрулев, Б. Шапошников, Р. Эйдеман, И. Якир. Таким образом, перечисленные 54 «генерала» (включая номенклатурную «тройку») и оказались введенными в официальную «но-

менклатурную» элиту Красной Армии. Разумеется, популярность их в общественном мнении была совсем не равнозначна. Некоторые из них были широко известны еще с 20-х годов, другие получили эту известность в конце 20-х и начале 30-х годов. Фамилии третьих практически ничего не говорили никому, кроме сравнительно узкого круга военных профессионалов.

В передовой статье газеты «Правда» от 1 февраля 1935 г. была дана сложившаяся тогда в общественном мнении страны иерархия «вождей и героев» Красной Армии. «Мы оказались победителями потому, — было написано в этой статье, — что наша армия была подлинной армией рабочих и крестьян, завоевавших свою свободу и защищавших свои законные права... Потому что наша армия имела своих талантливых полководцев: своего Фрунзе, своего Ворошилова, Буденного, Тухачевского, Блюхера, Егорова, Гая, Якира, Кутякова, Чапаева, Федько...»[1] Итак, для «общественности» М. Тухачевский был поставлен на четвертое место, после М. Фрунзе, К. Ворошилова и С. Буденного. Правда, при этом только о двух первых было сказано: «своего Фрунзе, своего Ворошилова». Остальные же, в том числе и М. Тухачевский, перечислялись и включались в ряд как бы не совсем «своих». Этот незначительный штрих все-таки выделял из «вождей и героев» М. Фрунзе и К. Ворошилова. Тем не менее особенно часто о М. Тухачевском стали писать и помещать его фотографии в центральных газетах, прежде всего в «Красной звезде», с января 1935 г.

В 1936 г. в глазах широкой советской общественности военная элита СССР и ее «номенклатурная иерархия», отражая ситуацию 1935 г. (до введения и присвоения персональных воинских званий), весьма красноречиво были представлены плакатом, на котором помещался фотомонтаж из портретов наиболее известных и популярных советских военачальников. Для массы советских граждан Красная Армия была представлена 14 «вождями», расположенными в соответствии с явно неслучайной и непроизвольной иерархией: 1. Ворошилов К.Е., 2. Гамарник Я.Б., 3. Тухачевский М.Н., 4. Егоров А.И., 5. Халепский И.А., 6. Орлов В.М., 7. Якир И.Э., 8. Каменев С.С., 9. Орджоникидзе Г.К., 10.

---

[1] Правда. 1935. 1 февраля.

Буденный С.М., 11. Алкснис Я.И., 12. Муклевич Р.А., 13. Эйдеман Р.П., 14. Уборевич И.П.

Осенью 1935 г. по результатам введения «персональных званий» в РККА и их присвоения советским военачальникам отечественной и зарубежной общественности был представлен официально определенный номенклатурный состав и иерархия советской военной элиты. Примечательно, что в решении Политбюро ЦК от 14 ноября 1935 г. лишь применительно к «пяти избранным» говорилось о «присвоении воинского звания Маршала Советского Союза»[1]. Иными словами, они получали повышение в воинском звании и тем самым выделялись из прочих. Это были, в порядке перечисления, зафиксированном в документах Политбюро, К. Ворошилов, М. Тухачевский, А. Егоров, С. Буденный, В. Блюхер. Таким образом, в принятой «номенклатурной иерархии» даже среди «избранной пятерки», конечно же, с «благословения» И. Сталина, М. Тухачевскому было отведено место № 2 среди «вождей РККА». В общем, это соответствовало должностной номенклатуре, хотя в этом отношении спорным представляется размещение под №№ 4 и 5 С. Буденного и В. Блюхера.

Примечательно и то, что, касаясь присвоения персональных воинских званий другим «генералам», в решении Политбюро ЦК говорится лишь «об утверждении в военном звании». Таким образом, все остальные «генералы» оставались и утверждались в том звании, которое они уже имели к ноябрю 1935 г. Из их среды выделялись пять «генералов» второго ряда, «командармы 1-го ранга» (при этом также обращает на себя внимание «номенклатурная иерархия», не соответствующая ни должностному, ни алфавитному принципу в последовательности перечисляемых фамилий): С. Каменев, И. Якир, И. Уборевич, И. Белов, Б. Шапошников[2].

В состав «генералов» третьего ряда были включены (также согласно «номенклатурной иерархии», определенной Политбюро ЦК и выраженной в порядке перечисления фамилий): П. Дыбенко, М. Левандовский, И. Дубовой, И. Федько, А. Корк, Н. Каширин, А. Седякин, Я. Алкснис, И. Халепский, И. Вацетис[3].

---

[1] Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 2. С. 713.

[2] Там же.

[3] Там же.

Согласно тексту решения Политбюро ЦК, в состав высшего командного состава официально включались лица в званиях от «маршала» и до «комдива». При этом персонального перечисления оказались удостоенными лишь «маршалы», «командармы 1-го ранга» и «командармы 2-го ранга». Таким образом, можно полагать, что именно перечисленные выше 20 «генералов», удостоенные указанных «персональных воинских званий», и вошли официально в состав советской военной элиты к концу 1935 г. «Новая» военная элита, сложившаяся к лету 1931 г., вплоть до конца 1935 — начала 1936 гг. не претерпела сколько-нибудь заметных и значительных структурных и персональных изменений.

В мае 1933 г. генерал Боккельберг приехал в СССР и был очень хорошо принят советским высшим командованием, в частности самим М. Тухачевским. Во время завтрака, организованного в честь гостя в узком кругу, М. Тухачевский «неоднократно подчеркивал, что для того, чтобы Германия могла выйти из затруднительной политической ситуации, он желает ей как можно скорее иметь воздушный флот в составе 2000 бомбовозов»[1]. Это высказывание М. Тухачевского стало известно К. Ворошилову через агентурную информацию и вызвало его беспокойство[2]. Генерал Боккельберг, однако, остался очень доволен своим визитом, приемом, который ему оказали по инициативе М. Тухачевского с 17 по 24 мая 1933 г. Немецкому генералу и его группе организовали большую поездку на Украину, в Харьков, Севастополь с показом военных заводов, советских военно-технических достижений. Его хорошо принял командующий Черноморским флотом И. Кожанов. Боккельберг выражал, не скрывая, надежды на ближайший вооруженный конфликт между Германией, с одной стороны, и Францией, Польшей — с другой[3].

Встречи немецких гостей с советскими офицерами проходили в исключительно дружеской обстановке (германский военный атташе полковник Гартман в своих донесениях в Берлин выражал недовольство «свинским» пьянством Боккельберга, Кребса и других немецких офицеров на банкетах, организованных М. Туха-

---

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 505. Л. 135.

[2] *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР... С. 315.

[3] Там же. С. 318—319.

чевским и его подчиненными). По результатам визита была выражена заинтересованность обеих сторон в продолжении военно-технического сотрудничества персональными заверениями в этом направлении самого М. Тухачевского. Поэтому заявления официальных советских лиц о полном прекращении всякого сотрудничества с немцами, мотивированное недостатком средств, вызвало удивление германской стороны. «Вопреки заверению Тухачевского, — отмечали немцы, — вопреки совместным переговорам и вопреки неоднократно подчеркивавшимся во время недавнего пребывания начальника вооружений сведениям о сотрудничестве производство опытов в ТО за последнее время отменено»[1]. Это произошло вскоре после возвращения генерала Боккельберга в Германию 1 июня 1933 г. И произошло все это, думается, вопреки настроениям и ожиданиям М. Тухачевского и других советских «генералов». Для немцев это объяснялось началом набиравшего темп сближения СССР с Францией. Косвенным свидетельством отсутствия в этом направлении инициативы со стороны М. Тухачевского, более того, нежелания осуществлять эту новую военно-политическую линию, может служить информация прибывшего в СССР французского военного атташе полковника Мендра.

В своем рапорте начальству во Франции от 8—20 апреля 1933 г. он сообщал: «13 апреля — представление вице-комиссару обороны Тухачевскому. Прием корректный, но холодный. По истечении нескольких минут Тухачевский перестал поддерживать беседу»[2]. Полковник Мендра простился. Обращает на себя внимание ремарка полковника, как бы мотивировавшая поведение М. Тухачевского с точки зрения французского военного атташе: «Тухачевский бывший лейтенант царской армии, долгое время пленный в Германии, представлял Красную Армию на маневрах рейхсвера, известен также как одно из орудий германо-русского соглашения... известен и своими крайне антипольскими настроениями»[3].

Примечательно, что в то время как М. Тухачевский был весьма холоден в отношении французского военного атташе, то есть к

---

[1] *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР... С. 294—295.

[2] *Castellan G.* Reichswehr et Armee Rouge, 1920—1939 // Les relations germano-sovietiques de 1933 a 1939. Paris, 1954. P. 231—232.

[3] Ibid.

французской армии, к Франции, другие представители советской военной элиты, в частности нарком обороны К. Ворошилов, С. Буденный, начальник Штаба РККА демонстрировали иные чувства. В записях полковника Мендра значится: «22 апреля 1933 г. — представление народному комиссару военных и морских дел Ворошилову. Манеры мелкого рабочего, веселый, решительный, откровенный, в целом очень симпатичный. Впрочем, это самая популярная личность (единственная, быть может) в современной России. Весьма сердечная беседа в течение получаса, которая по существу резюмировалась в следующей фразе, произнесенной Ворошиловым, значившей буквально следующее: «Мы очень счастливы восстановить нормальные отношения с вами; мы очень надеемся, что будем добрыми соседями, быть может, даже позднее и друзьями»[1]. 20 апреля 1933 г. в этом же ключе был организован ужин в честь французского военного атташе начальником Штаба РККА А. Егоровым. На ответном ужине 4 мая 1933 г., организованном французским послом, которому, по свидетельству французской стороны, «удалось придать... дружеский характер и живость, которые весьма тронули русских... Буденный, размягченный напитками, неоднократно обнимал полковника Мендра и доверялся ему так эмоционально, что делало его достаточно симпатичным и вместе с тем — вполне откровенным»[2]. Французский посол добавляет примечательную подробность: Буденный должен был в этот вечер, по распоряжению К. Ворошилова, отправиться на встречу с рабочими делегатами, однако он так расположился к французам, что не хотел уходить. «Позвонив Сталину, — свидетельствует французский посол, — чтобы узнать, как ему быть, он получил следующий ответ: «Оставайся с французами»[3].

Такого рода дружеские отношения продолжались. 31 июля К. Ворошилов присутствовал на обеде во французском посольстве, и вновь у него была сердечная беседа с полковником Мендра. Нарком пообещал французскому военному атташе предоставить возможность поближе познакомиться с Красной Армией, как интер-

---

[1] *Castellan G.* Reichswehr et Armee Rouge, 1920—1939 // Les relations germano-sovietiques de 1933 a 1939. Paris, 1954. P. 490.

[2] Ibid.

[3] Ibid.

претировал полковник, «потихонечку, по мере того, как наши отношения станут более дружественными...»[1]. К. Ворошилов выразил сожаление о недостаточно активно развивавшихся военно-технических связях французской и Красной Армий. «Почему вы не посылаете к нам технических специалистов, которые помогли бы нам строить подводные лодки, миноносцы, быть может, даже крейсеры? — задал он вопрос французскому послу. — Наш флот в этом очень нуждается, мы бы многое дали, чтобы его возродить, а ваши специалисты были бы хорошо приняты и щедро оплачены»[2].

В связи с вышеприведенными прямыми и косвенными свидетельствами дружеской, сердечной расположенности главы советского военного ведомства к французской стороне, явно продемонстрированной практической заинтересованностью в сотрудничестве, пельзя не вспомнить о замечании К. Ворошилова, брошенном им в секретном письме полпреду в Берлине Хинчуку в марте 1932 г.: «...Мы никогда не забывали, что рейхсвер с нами «дружит» (в душе ненавидя нас) лишь в силу создавшихся условий, в силу необходимости иметь «отдушину» на востоке, иметь хоть какой-нибудь козырь, чем пугать Европу. Вся «дружба» и сотрудничество рейхсвера шли по линии стремления дать нам поменьше и похуже, но использовать нас возможно полнее...»[3]

Все приведенные выше свидетельства позволяют усомниться в часто мелькающем в зарубежных исследованиях мнении, что К. Ворошилов, А. Егоров, И. Уборевич и др. являлись упорными «германофилами», а М. Тухачевский, И. Якир и др. — ярыми «франкофилами». Весьма характерно, что на фоне вышеотмеченной сердечности, дружелюбия и расположенности к сотрудничеству с Францией К. Ворошилова, С. Буденного, А. Егорова сдержанность, холодность и незаинтересованность в этом М. Тухачевского весьма диссонировали. Потому он дважды пытался несколько сгладить то негативное впечатление, которое получил от общения с ним французский военный атташе на апрельской встрече 1933 г. В июле 1933 г. М. Тухачевский дважды давал

---

[1] *Castellan G.* Reichswehr et Armee Rouge, 1920—1939 // Les relations germano-sovietiques de 1933 a 1939. Paris, 1954.

[2] Ibid.

[3] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 342. Л. 180.

знать полковнику Мендра о намерении поговорить с ним серьезно. Такой разговор состоялся 2 августа 1933 г. Полковник следующим образом охарактеризовал эту встречу: «Вежливая беседа, однако лишенная сердечности, длилась около часа. Г-н Тухачевский, который ведал вопросами вооружения, проявил живой интерес достичь возможности завязать переговоры с фирмой Н. и просил меня выступить в Париже в весьма настойчивой форме, подчеркивая символическое значение, которое имело бы возобновление соглашения между русской армией и французской индустрией, касавшегося отношений, бывших столь тесными перед войной»[1]. Судя по впечатлениям полковника, сердечности не прибавилось, и заинтересованность М. Тухачевского ограничилась проблемами военной техники. Никаких проблем политического характера или военно-оперативного сотрудничества с французской армией не обсуждалось. Лишь 25 сентября 1933 г., во время пребывания в Москве французского министра авиации П. Кота, М. Тухачевский проявил заметное гостеприимство, заинтересованность и расположение. «Тухачевский, технический заместитель народного комиссара по военным делам, организовал грандиозный прием с участием русских военных, в числе которых, как это подчеркивалось также и в прессе, был и наш друг Уборевич», — сообщал советник германского посольства в Москве фон Твардовски советнику германского МИДа фон Типпельскирху[2]. Об этом же он проинформировал и германского посла в СССР фон Дирксена, обратив внимание последнего на то, что «Пьера Кота чествовали здесь очень широко... Тухачевский организовал грандиозный вечерний прием», что все это — открытое проявление господства политического курса М. Литвинова и поражение позиции «германофилов» Н. Крестинского и Л. Карахана[3]. Высокопоставленный французский гость был доволен оказанным приемом и лично М. Тухачевским.

Обращает на себя внимание специально выделенная информация о присутствии на приеме в честь П. Кота и И. Уборевича, как, впрочем, и об организации приема самим М. Тухачевским.

---

[1] *Castellan G.* Le rearmement clandestine du Reich. 1930—1935. P. 490.

[2] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 505. Л. 157—158.

[3] Там же. Л. 165—166.

Это было явное стремление показать поддержку нового внешнеполитического курса главными авторитетами Красной Армии с репутацией протагонистов советско-германского военного сотрудничества и эмоционально некогда наиболее близких рейхсверу. Особенно это касалось И. Уборевича. Ясно и другое: «поворот» М. Тухачевского и И. Уборевича в сторону Франции был осуществлен, несомненно, под давлением политического руководства, принявшего, по крайней мере на данном этапе, точку зрения и курс М. Литвинова.

В октябре 1933 г. в СССР с визитом прибыл Эррио. Воспоминания Ж. Табуи красноречиво свидетельствуют о настроениях в советских высших политических и военных кругах в связи с этим визитом. «16 октября 1933 г., — записала она, — Московский Совет устраивает большой завтрак. Когда мэр Москвы провозглашает тост, все офицеры Красной Армии, расположившись за маленьким столиком, поднимаются как один. По восточному обычаю они бросают украшающие их стол большие красные розы на почетный стол, где сидит Эррио.

— Да здравствует Франция, да здравствует французская армия! — трижды кричат они.

— Мы не мыслим нового сближения с вами, — говорит Литвинов, — без нового политического или военного пакта. Действительно, маршал Тухачевский предлагает военный пакт, имеющий более серьезный характер, чем договор о военном союзе, который Франция некогда имела с царской Россией»[1].

8 февраля 1935 г. в «Красной звезде» была помещена перепечатка высказывания французского министра авиации П. Кота, опубликованного во французской газете «Эвр» по поводу франко-советских отношений. Эти высказывания касались М. Тухачевского. «Я знаю Тухачевского, — утверждал П. Кот. — Я имел возможность часто и долго беседовать с ним в Москве. Это человек высокого достоинства, который не только глубоко знает, но и превосходно владеет проблемой военной организации»[2]. Данная характеристика М. Тухачевского со стороны одного из авторитет-

---

[1] *Табуи Ж.* Двадцать лет дипломатической борьбы: Воспоминания. М., 1962. С. 66.

[2] Красная звезда. 1935. 20 февраля, № 42.

ных представителей правительства Франции должна была продемонстрировать отношение Франции к Красной Армии и предназначена была, в частности, и для той части советской военной и политической элиты, которая скептически относилась к перспективности и продуктивности советско-французского сближения, не в последнюю очередь и для самого М. Тухачевского.

Сама фразеология высказывания П. Кота имела характер опровержения имевших хождение слухов и мнений, внушавших недоверие к М. Тухачевскому — Красной Армии во Франции. П. Кот как бы заявлял, что французское правительство всецело доверяет М. Тухачевскому и весьма высоко оценивает его профессиональные качества, а в его лице, следовало читать между строк «дипломатической стилистики», и боевые качества Красной Армии. По воспоминаниям Ж. Табуи о визите Лаваля в СССР в мае 1935 г., «Лаваль, возвратившийся из Кремля в радостном настроении после своего визита к Сталину, беседует с генералами Ворошиловым и Тухачевским и с дипломатами Уманским и Потемкиным. Все ликуют»[1].

Однако существуют косвенные свидетельства, указывающие на то, что советские высшие военные круги не шли на окончательный разрыв своих связей с рейхсвером и немецкими генералами. В «Красной звезде» с января по март 1935 г. публиковались материалы о разногласиях между руководством рейхсвера (генералами В. фон Фричем, К. фон Хаммерштейном, Г. фон Рундштедтом и др.) и А. Гитлером и его окружением, о преобладающей роли рейхсвера, о его стремлении восстановить прежнюю дружбу с СССР и Красной Армией[2]. Возможно, почвой для такого рода публикаций служили результаты засекреченных контактов между руководством Красной Армии и рейхсвера, имевшие место в 1934—январе 1935 гг. в Берлине через советских высших офицеров Коленковского, военного атташе Н. Орлова и Проворотова. Не исключено, что именно на этой почве могла возникнуть глухая конфликтная ситуация между политическим и военным руководством СССР, разрешившаяся на определенном этапе с появлением зна-

[1] Красная звезда. 1935. 20 февраля, № 42.

[2] Красная звезда. 1935, 11 января, 6 февраля, 17 февраля.

менитой статьи М. Тухачевского «Военные планы нынешней Германии».

В изменившейся геостратегической ситуации, поставившей СССР перед опасностью войны «на два фронта», оперативно-стратегические вопросы приобретали первостепенную значимость. Впервые наиболее заметно противоречия в высшем комсоставе по стратегическим вопросам обозначились в начале 1935 г.

Критикуя оперативный план, разработанный под руководством начальника Генштаба Красной Армии А. Егорова и принятый в качестве официального, М. Тухачевский в письме на имя К. Ворошилова от 25 февраля 1935 г. изложил свое, новое видение геостратегической ситуации. Причиной этому послужило изменение геополитической обстановки, вызванное сближением и даже договором о ненападении между Германией и Польшей, заключенным в 1934 г. М. Тухачевский усматривал в этом скрытый военный союз, направленный против СССР.

«Действовавший до сих пор стратегический план войны на Западе, — писал М. Тухачевский наркому обороны, — основной своей задачей ставил разгром польского государства при предположении, что:

1. Финляндия, Эстония и Латвия, по всей вероятности, сохранят нейтралитет, по крайней мере на первый период войны.

2. Германия временно благожелательна к СССР и резко враждебна Польше и если не выступит против последней, то будет оттягивать ее силы на охрану Данцигского коридора и расположением границ Восточной Пруссии создаст угрозу тылу польской армии, при наступлении нашего Западного фронта.

3. Польша не успеет оккупировать Литву до развития наступления нашего Западного фронта.

4. Румыния выступает против нас совместно с Польшей.

5. Румыния не может оказать Польше поддержку на подступах к Варшаве ввиду разбросанности географического положения. Эти страны можно было бить порознь.

К настоящему времени обстановка коренным образом изменилась.

1. Эстония и Латвия, вероятно, будут занимать прежнюю позицию, но Финляндия, в случае реальной помощи ей со стороны Германии, может выступить.

2. Германия, в союзе с Польшей, **основной организатор антисоветской интервенции.**

3. Бить порознь Польшу и Германию невозможно ввиду их тесного географического расположения.

4. Литва легко может быть оккупирована германо-польскими силами в первые же дни войны.

5. Из Литвы (со стороны Шавли) Германия, угрозой Риге, может оказать давление на позицию Латвии и получает авиационный плацдарм для систематических налетов на Ленинград и Кронштадт (500 км).

6. Румыния, по всей вероятности, не выступит совместно с Польшей.

7. Отношения Польши и Чехо-Словакии сильно натянуты.

Таким образом, — заключал М. Тухачевский, — задача разгрома Польского государства выдвигает для Красной Армии необходимость борьбы с польской и германской армиями»[1]. Далее М. Тухачевский давал расчет необходимого количества дивизий, техники. Он обращал при этом внимание на то обстоятельство, что СССР придется вести войну на два фронта. Характерна сама стилистика этих рассуждений.

Оценивая польско-германские силы, М. Тухачевский указывал, что необходимо учитывать, что вряд ли Германия и Польша выступят против нас без участия в войне Японии. Иными словами, М. Тухачевский мыслил именно войну Германии и Польши против СССР, в которой примет участие Япония, а не наоборот. **Япония, в контексте его рассуждений, не инициирует войну, а принимает участие, «присоединяется» к Германии и Польше.** При этом из контекста рассуждений М. Тухачевского следовало, что он полагал Германию и Польшу стороной, инициирующей нападение на СССР в геостратегических условиях, невыгодных для Советского Союза. Отсюда напрашивался вывод, который не проговаривался М. Тухачевским: подготовка «превентивного удара» со стороны Красной Армии. Весь смысл рассуждений М. Туха-

---

[1] РГВА. Докладная записка М.Н. Тухачевского Народному комиссару Обороны Союза ССР от 25 февраля 1935 г. // Маршал М.Н. Тухачевский (1893—1937). Ксерокопия комплекта документов из фондов РГВА / Составители: П.А. Аптекарь, И.В. Успенский. М., 1994, л. 57.

чевского, таким образом, сводился к тому, что «на повестке дня» стоит вопрос о войне Германии и Польши против СССР. Следовательно, он видел, что, в отличие от предшествующего периода, оперативно-стратегическим направлением № 1 становится «Западное направление», западные границы СССР. При этом потенциальными противниками № 1 М. Тухачевский считал Германию и Польшу, а не Японию.

Эти оперативно-стратегические расчеты М. Тухачевского не встретили понимания как достаточное основание для пересмотра оперативного плана Красной Армии. Судя по всему, одним из главных аргументов политическое и военное руководство считало возможность удержать Германию (а значит, и Польшу) от агрессии, опираясь на военно-политический союз СССР с Францией.

8 марта 1935 г. на совещание к И. Сталину в Кремль с 17.20 до 20.45 были одновременно приглашены К. Ворошилов, Я. Гамарник и М. Тухачевский. Именно на этом совещании М. Тухачевский мог изложить вышецитированные оперативно-стратегические соображения и предложения по поводу нового оперативного плана (об угрозе войны со стороны Германии) и получить поручение И. Сталина подготовить статью, появившуюся в конце марта 1935 г. на страницах центральных советских газет под названием: «Военные планы нынешней Германии».

Примечательно, что, прежде чем статья была напечатана, в рукописи ее просмотрел И. Сталин. Кое-где он исправил формулировки, кое-где убрал целые абзацы. Это редактирование не было стилистическим, оно было политическим. Сопоставление первоначального варианта статьи, представленного М. Тухачевским И. Сталину, и окончательного, после ее правки Генсеком, позволяет достаточно четко определить расхождение геостратегического видения М. Тухачевского и И. Сталина.

М. Тухачевский назвал свою статью «Военные планы Гитлера», подчеркивая самим названием, что ведет речь о военно-политических установках именно А. Гитлера, а не Германии и рейхсвера. И. Сталин исправил название — «Военные планы нынешней Германии», то есть он хотел показать, что не отделяет Германию от А. Гитлера, как бы снимая с него персональные обвинения в агрессивном курсе.

Итоговые выводы статьи у М. Тухачевского по смыслу пред-

ставляют собой геостратегический диагноз: «правящие круги Германии основную стрелу своих операций направляют против СССР». При этом Гитлер, по мнению М. Тухачевского, рассчитывает на то, что Франция и Великобритания сохранят нейтралитет. Здесь же М. Тухачевский говорит о факте антисоветского союза Германии и Польши, и, наконец, ссылаясь на опыт Германии в Первой мировой войне, когда ее стратегический план предполагал нанесение первого удара по Франции, а потом по России, М. Тухачевский убеждал, что эту ошибку А. Гитлер уже не повторит. Первый удар, судя по мнению автора, выраженному в первоначальном варианте статьи, Гитлер нанесет по СССР. «В случае осуществления своей безнадежной мечты о разгроме СССР, — продолжал М. Тухачевский, — конечно, германский империализм обрушился бы всеми силами на Францию». И только после сокрушения Франции и овладения ее экономическими и сырьевыми ресурсами Германия, по мысли М. Тухачевского, начала бы войну против Великобритании. «Без прочного обладания Бельгией и северными портами Франции морское соперничество с Великобританским империализмом Германии не по плечу»[1]. Таким образом, М. Тухачевский излагал тот геостратегический расчет и то видение ситуации, какими он его и ее себе представлял и в чем был убежден. И это вполне соответствовало его предложениям по оперативному плану, изложенным в феврале 1935 г.

Правка И. Сталина фактически вычеркивала все только что приведенные расчеты М. Тухачевского, составлявшие суть его геополитических и геостратегических воззрений, его концепцию «большой войны» в Европе. В «Правде» и в «Красной звезде» вместо этого в тексте статьи М. Тухачевского напечатаны были строчки, написанные И. Сталиным, из которых следовало, что антисоветское «острие является удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов на Западе (Бельгия, Франция) и на юге (Познань, Чехословакия, аншлюс)»[2]. Если можно спорить о том, являлись ли эти слова выражением сути геостратегических прогнозов И. Сталина, то, во всяком случае, они имели откровенно

[1] Рукопись статьи М.Н. Тухачевского «Военные планы Гитлера» с правкой И.В. Сталина. 29 марта 1935 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 168—169.

[2] Там же. С. 169.

выраженный политический смысл: испугать Францию и другие страны Европы от имени лучшего знатока германской армии и настроений нацистов М. Тухачевского. Только что проведенный подробный анализ «междустрочного содержания» статьи М. Тухачевского позволяет обнаружить принципиальные «разночтения» в прогнозировании геостратегических процессов в Европе и на западных границах СССР И. Сталина, выражавшего официальный и господствующий внешнеполитический курс, и М. Тухачевского.

2

Февраль 1936 г.
Миссия Тухачевского в Париже

В своем докладе 15 января 1936 г. на Второй сессии ЦИК Союза ССР 7-го созыва М. Тухачевский, отметив серьезность вероятной войны на двух фронтах (на Западе и Дальнем Востоке), обозначил основные, весьма трудные проблемы обороноспособности, которые предстоит решать в короткие сроки. В этом же выступлении он впервые прямо заявил о Германии как потенциальном противнике СССР в близкой войне. В это время М. Тухачевский считал, что война вероятнее всего начнется уже в 1937 г. Конечно, в этом публичном выступлении, предназначенном для широких масс советского населения, содержалась, как обычно, изрядная доля «пропагандистского оптимизма» и угрожающей «бравады» в адрес потенциальных врагов СССР. Однако сам М. Тухачевский прекрасно знал, что утверждение «от тайги до Британских морей Красная Армия всех сильней» — в значительной мере блеф. На заседании военного совета при наркоме обороны в декабре 1935 г. маршал называл вещи своими именами и обозначил перечень и остроту стоявших перед армией и страной проблем. Коротко и емко ситуацию определил принимавший участие в этом совещании комкор И. Кутяков, записав в своем дневнике 9 января 1936 г.: «Конечно, к ведению войны СССР не готов ни политически, ни экономически, нам нужно выиграть хотя бы 3—5 лет»[1]. Примечательно, что лучше других знавший действи-

[1] Цит. по кн.: *Викторов Б.А.* Без грифа «секретно». С. 259.

тельную ситуацию внутри СССР и невидимые процессы и тенденции, угрожавшие ему в мире, Г. Ягода считал внешнеполитическую обстановку для СССР неблагоприятной. Он полагал, что «в случае войны с Германией Красная Армия потерпит поражение». Он считал, что немецкая армия технически оснащена лучше. «...Что Германия в союзе с Японией безусловно победят СССР». Глава НКВД допускал, что «возможны отдельные успехи Красной Армии в предстоящей войне, но все же Советский Союз со своей Красной Армией не выдержит общего фронта ряда западноевропейских стран, так как соотношение армии и технической базы не в пользу Советского Союза»[1]. Это был диагноз человека, получавшего самую сокровенную информацию со всего мира от своих многочисленных агентов.

В сложившейся новой геостратегической ситуации, в соответствии со своими оперативно-стратегическими соображениями, в стремлении доказать их правильность и убедить в необходимости их принятия «Тухачевский предложил зимой (в декабре. — *С.М.*) 1935 г. провести в Генеральном штабе большую стратегическую военную игру. Игра ставила своей задачей проработать меры и способы активного отражения нападения фашистской Германии на Советский Союз. Мысль эта не сразу встретила поддержку, и только в начале 1936 г. последовало решение о проведении такой игры на базе наших реальных оперативных предположений»[2].

Предложения М. Тухачевского, видимо, не сразу получили поддержку потому, что было решено добиться заключения советско-французской военной конвенции, которая превратила бы отношения СССР с Францией в полноценный и надежный военно-политический союз, в новую «Антанту». С этой целью, под предлогом похорон английского короля Георга V, в долговременную поездку в Европу был направлен сам М. Тухачевский. Однако задача его миссии была неоднозначной, а поведение — загадочным и интригующим исследователей по сей день.

Судя по маршруту и поведению М. Тухачевского, его официальным и неофициальным, явным и тайным контактам, ему было

---

[1] Г. Ягода. Нарком внутренних дел...: Сборник документов. С. 522—523.

[2] *Иссерсон Г.* Записки современника о М.Н. Тухачевском // Военно-исторический журнал. 1963. № 4. С. 74.

поручено «зондировать» и, при благоприятном настрое возможных политических и военных партнеров, вести «работу» по двум внешнеполитическим направлениям: достижение полноценного военно-политического союза с Францией и Великобританией; восстановление дружеских отношений с Германией. При этом совершенно очевидно, и той, и другой стороне это следовало показать, чтобы внушить беспокойство и тем самым сделать более сговорчивой из опасения, что, в случае отказа от соглашений с СССР, она рискует «толкнуть» его в «объятия» своего политического противника.

Западные партнеры СССР должны были обеспокоиться вопросом: не являются ли все эти прозрачные намеки с газетными материалами, беседами с высокопоставленными западными политическими деятелями, кажущиеся противоречия во внешнеполитическом курсе между И. Сталиным и советской военной элитой свидетельством о наличии в правительственных и военных кругах СССР сил, способных развернуть политический курс СССР на 180 градусов. Желаемый результат — нейтрализация опасной военной активности, недоверие друг к другу европейских держав (еще лучше — военный конфликт) и, таким образом, своеобразное «умиротворение» Европы и покой на западных границах СССР перед грядущей войной на Дальнем Востоке. Ряд фактов позволяет с достаточной долей уверенности считать такое понимание вопроса весьма вероятным.

В связи с этим заслуживает внимания информация, исходившая от известной журналистки Ж. Табуи, которая вспоминала: «В последний раз я видела Тухачевского на следующий день после похорон короля Георга V (то есть 28 января 1936 г.). На обеде в советском посольстве русский маршал много разговаривал с Политисом, Титулеску, Эррио и Бонкуром... Он только что побывал в Германии и рассыпался в пламенных похвалах нацистам. Сидя справа от меня и говоря о воздушном пакте между великими державами и Гитлером, он, не переставая, повторял: «Они уже непобедимы, мадам Табуи!»... Так или иначе, в тот вечер не я одна была встревожена его откровенным энтузиазмом. Один из гостей, крупный дипломат, проворчал мне на ухо, когда мы покидали посольство: «Надеюсь, что не все русские думают так»[1]. Странности

[1] *Tabouis G.* They called me Cassandra. N.Y., 1942. P. 257.

и противоречивость поведения советского маршала продолжались и в Париже. В разговоре с румынским министром иностранных дел Н. Титулеску уже в Париже в феврале 1936 г. М. Тухачевский заметил: «Напрасно вы, господин министр, связываете свою карьеру и судьбу своей страны с судьбами таких старых, конченых государств, как Великобритания и Франция. Мы должны ориентироваться на новую Германию. Германии, по крайней мере в течение некоторого времени, будет принадлежать гегемония на Европейском континенте. Я уверен, что Гитлер означает спасение для нас всех». Нечто подобное отметил в поведении М. Тухачевского во время встречи с ним и генерал М. Гамелен. Маршал, по словам генерала, «не скрыл от меня, что поддерживает отношения с руководящими личностями немецкой армии»[1]. Однако — обо всем по порядку.

...М. Тухачевский прибыл в Париж утром 10 февраля 1936 г. и покинул его 16 февраля того же года. Его пребывание в Париже было насыщено разнообразными официальными и неофициальными встречами.

«27 января (1936), — вспоминал об этом визите генерал М. Гамелен, — мне было предложено вернуться в Лондон, ввиду того что я был назначен вместе с двумя другими начальниками Генерального штаба сопровождать Президента Республики и министра иностранных дел на похороны Его Величества Георга V. Именно этот случай предоставил мне возможность познакомиться с маршалом Тухачевским, назначенным главнокомандующим русской армией и которого я пригласил остановиться во Франции на обратном его пути на родину. Тогда у нас с ним состоялось несколько весьма интересных бесед. Известно, что он был бывшим офицером императорской гвардии, присоединившимся к большевизму, и что он блестяще участвовал в русском наступлении против Польши в 1920 г. Он хорошо говорил по-французски. Будучи во время войны военнопленным в Германии, он наладил там отношения с некоторыми французскими офицерами. Впрочем, я пригласил некоторых из них на обед — это обеспечило очень непринужденную атмосферу. Он соглашался с тем, чтобы мы развивали отношения между нашими двумя армиями. Он не скрыл от меня,

[1] *Gamelin M.* Servir. Le prologue du drame (1930—aout 1939). Paris, 1946. P. 195.

что поддерживает отношения с руководителями (личностями) немецкой армии, но он убеждал меня, что его цель — действовать в интересах прогресса. Впрочем, он также полагал близкую реоккупацию Рейнланда. Его особенно интересовало оборудование новейших танков, и я считал весьма необходимым показать их ему в надежде, что это произведет на него хорошее впечатление, ибо это касалось наших усилий в перевооружении. Он заявил мне: «Это очень хорошо! Нужно, чтобы вы заказывали их быстро и много». И когда я ответил ему, смеясь: «Я заказываю их столько, сколько могу, то есть в той степени, в которой мне позволяют кредиты, так как, к сожалению, тесемки кошелька находятся не в моих руках», — он мне ответил на это: «В этом преимущества большевистского режима. Я получаю все, что я потребую». Он казался уверенным в себе и собственном влиянии»[1].

Зная весь контекст политической биографии М. Тухачевского, особую подозрительность, которую он, как «красный Наполеон» или «потенциальный Наполеон» (мнение, распространенное в высших партийных кругах), вызывал в политической элите СССР; учитывая особый контроль и бдительность по отношению к нему со стороны НКВД, о чем по опыту он уже хорошо знал, трудно поверить в то, что М. Тухачевский столь откровенно и демонстративно в присутствии многих людей мог заявлять о своей любви к нацистской Германии. Кроме того, никто из лиц, уполномоченных сообщать о подобных выходках советских ответственных представителей, не проявил беспокойства по поводу «откровений» М. Тухачевского. Все это позволяет принять в качестве, по крайней мере, возможной версию о действиях М. Тухачевского с ведома политической верхушки СССР (быть может, одних только И. Сталина и Г. Ягоды) и о преднамеренном их характере, не обязательно отражающем подлинные взгляды и позиции М. Тухачевского. Главная цель такой внешнеполитической мистификации или «инсценировки» — обострить отношения между Францией и Германией, подтолкнуть Францию к сближению, к союзу с СССР и стимулировать интерес и активность Франции в создании системы коллективной безопасности. Во всяком случае, стабилизировать ситуацию на западных границах СССР в ожидании близкой войны на Дальнем Востоке.

---

[1] *Gamelin M.* Servir. Le prologue du drame (1930—aout 1939). P. 195—196.

Данная «мистификация» предназначена была и для Германии, и для Польши. Ее успешная реализация позволяла спровоцировать взаимное недоверие между указанными странами и подорвать союзнические отношения. Даже слухи о том, что М. Тухачевский «поддерживает отношения с руководящими личностями немецкой армии» и представителями германской политической верхушки, порождали «нервозность» у польского руководства. В августе 1936 г., во время визита в Польшу, Г. Герингу пришлось оправдываться по поводу остановки М. Тухачевского в Берлине на пути из Москвы в Лондон и слухов о его встрече с А. Гитлером и В. фон Бломбергом[1].

Во время своей миссии в Лондон — Париж в январе — феврале 1936 г. маршал М. Тухачевский дважды останавливался в Берлине: по пути в Лондон и на обратном пути из Парижа в Москву. По свидетельству Г. Геринга, 26 января 1936 г., во время кратковременной остановки в Берлине, М. Тухачевский пытался встретиться с А. Гитлером и военным министром Германии генерал-фельдмаршалом В. фон Бломбергом, который еще в 1928 г. симпатизировал М. Тухачевскому. Однако, по словам Г. Геринга, «Гитлер не только не принял его (то есть М. Тухачевского. — *С.М.*) лично, но не позволил кому-либо из военных кругов установить хоть какой-нибудь с ним контакт»[2]. Реакция А. Гитлера была вполне понятна после ярко выраженной антигерманской статьи М. Тухачевского в конце марта 1935 г. Она вызвала крайнее недовольство и обиду в руководящих кругах вермахта[3]. Это отношение только усугубилось его откровенно антигерманской речью на сессии ЦИК Союза ССР 15 января 1936 г. В официальных правительственных и военных кругах Германии М. Тухачевский уже обрел репутацию главного «недруга» Германии, стремящегося к скорой и превентивной войне против нее. Однако, давая объяснения польскому руководству по поводу кратковременной остановки М. Тухачевского в Берлине в январе 1936 г., Г. Геринг ничего не сказал о пребывании маршала в столице рейха в феврале, на обратном пути в Москву. Нет, однако, никаких сведений о том,

---

[1] *Erickson J.* The Soviet High Command: L.; N.Y., 1962. P. 411.

[2] Ibid. P. 411.

[3] Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 170—172.

что он встречался с А. Гитлером, хотя в июле 1936 г. появились зарубежные агентурные сообщения о том, что М. Тухачевскому удалось наладить контакты с А. Розенбергом[1].

В ситуации возникших сложностей для контакта с германскими политическими и военными кругами М. Тухачевский воспользовался помощью посредников. Согласно информации, исходившей от шефа абвера адмирала В. Канариса, сделав остановку в Берлине на пути из Парижа в Москву (18—19 февраля 1936 г.), М. Тухачевский тайно встретился с представителями РОВС, рассчитывая использовать их связи для установления контактов с германским политическим и военным руководством[2]. Точно неизвестно, с кем из представителей РОВС встречался М. Тухачевский. Им мог быть начальник 2-го отдела РОВС генерал А. фон Лампе, однополчанин маршала по лейб-гвардии Семеновскому полку. Мог быть его заместитель, другой однополчанин М. Тухачевского, полковник А. Зайцов. Однако весьма вероятно, что таковым являлся генерал В.В. Бискупский (1878—1945), бывший офицер лейб-гвардии Кавалергардского полка, весьма близкий к нацистской верхушке еще с первых лет существования НСДАП. В 20-е годы он находился в приятельских отношениях с А. Розенбергом и одним из основателей нацистской партии, близким другом А. Гитлера, В. Шойбнером-Рихтером, погибшим 9 ноября 1923 г. во время «пивного путча». В. Бискупский был хорошо знаком и с самим А. Гитлером. Дело в том, что после провала «пивного путча» и смерти В. Шойбнера-Рихтера, легко раненный А. Гитлер, спасаясь от преследования полиции, некоторое время прятался в квартире генерала В. Бискупского. Не исключено, что именно А. фон Лампе и А. Зайцов могли быть теми, кто вывел М. Тухачевского на В. Бискупского.

3

Маршал Тухачевский и генерал Скоблин

В. Александров в своей книге «Дело Тухачевского» сообщает, что во время пребывания маршала в Лондоне «двое белых русских» неоднократно предпринимали попытки с ним встретиться.

---

[1] *Erickson J.* Op. cit. P. 464.

[2] Ibid. P. 413.

«В эмигрантских кругах утверждали, что один из этих двух людей был старым военным приятелем Тухачевского во время Первой мировой войны. Оба являлись членами РОВС»[1]. В книге В. Александрова, который сам принадлежал к семейству русских эмигрантов и во многом отражал такого рода слухи, много интересных сведений, но они часто не во всем точны. Близкими приятелями М. Тухачевского в период Первой мировой войны были, насколько это известно, его однополчане из лейб-гвардии Семеновского полка. Из бывших офицеров полка в эмиграции в Лондоне был капитан А.А. Рагозин. Однако он был значительно старше М. Тухачевского и не был в составе полка во время Первой мировой войны. Поэтому вряд ли он мог быть одним из этих офицеров. Тем более что А.А. Рагозин нигде не упоминается в качестве приятеля М. Тухачевского. Большинство «семеновцев» — фронтовых приятелей маршала, эмигрировавших из России, — осели во Франции, преимущественно в Париже. Поэтому, если история о двух однополчанах М. Тухачевского, искавших с ним встречи, соответствует реальности, то это, скорее всего, должно было иметь место в Париже. На этот счет имеются и, можно сказать, официальные сведения, сообщенные газетой «Возрождение» уже после гибели маршала.

«Когда Тухачевский был в Париже, в эмигрантских кругах передавали, будто он виделся с одним из русских военных, — сообщалось в газете «Возрождение» в ноябре 1937 г., — и говорил ему, что власти Сталина скоро наступит конец, что вожди Красной Армии сговорились между собой и следует ожидать в недалеком уже будущем установки в России национальной диктатуры. Мы не беремся утверждать, что военный, видевшийся с Тухачевским, был именно Скоблин, хотя наш информатор на этом настаивает...»[2]. Однако этим «русским военным», во всяком случае, прежде других, мог быть и, скорее всего, был другой офицер.

Спустя много-много лет, на склоне дней своих эмигрантский русский писатель Р. Гуль вспоминал «...о приезде Тухачевского в Париж. В Париже, как эмигрант, жил его друг-однополчанин по гвардии Семеновскому полку Сергей Ганецкий. Ганецкий был ма-

---

[1] *Alexandrov V.* L...affaire Toukhatchevsky. Paris, 1962. P. 97.

[2] Возрождение. 1937. 5 ноября.

териально хорошо устроен, он был директор хорошего отеля «Коммодор». И зная его, Тухачевский встретился с ним. Может быть, один. А может быть, в сопровождении военного атташе (энкаведиста) Венцова, как тень везде бывавшего с Тухачевским. Этот Сергей Ганецкий раньше рассказывал друзьям интересную деталь биографии Тухачевского. Когда в Советской России, после побега из немецкого плена, Тухачевский пошел в формировавшуюся Красную Армию, Ганецкий с удивлением спросил его: «Как ты можешь идти туда?» На что Тухачевский ответил: «Я ставлю на сволочь...»[1]. Действительно, у М. Тухачевского был приятель-сослуживец по лейб-гвардии Семеновскому полку с такой фамилией. Его, правда, звали не Сергей, а Николай. Впрочем, Р. Гуль писал свои воспоминания в 80-е годы и вполне мог спутать имя этого офицера. Именно Н. Ганецкому и его информации мог вполне довериться генерал А. фон Лампе, после гибели маршала столь уверенно резюмировавший его жизненный и политический финал с указанием причин трагедии. «Тухачевский, — писал генерал в 1937 г., — был типичный карьерист революционного времени. Большевиком он, вероятно, не был, но и национальная Россия ему была совершенно безразлична. Ему нужна была власть, и за пять минут до ее достижения он закончил свое существование»[2].

Если вышеприведенные «откровения» М. Тухачевский делал в разговоре именно с Н. Ганецким, а это вероятнее всего, учитывая их старые доверительные дружеские отношения, то этим «откровениям» маршала может быть лишь два варианта объяснений. Либо М. Тухачевский разговорился со старым другом и просто поделился с ним в приливе старых приятельских чувств самым сокровенным. Либо маршалу необходимо было воспользоваться прежним дружеским доверием Н. Ганецкого и через него установить контакты с кем-либо из высших чинов РОВС. М. Тухачевский мог привлечь к себе внимание руководства РОВС и заинтересовать белую эмиграцию, соблазняя их своей готовностью совершить «антисоветский государственный переворот». Во всяком

---

[1] *Гуль Р.* Я унес Россию. Т. II. Россия во Франции. М., 2001. С. 228.

[2] Цит. по кн.: *Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Красный маршал: исторический портрет. М., 1990. С. 5.

случае, появился и второй белый офицер (В. Александров говорит о двух офицерах, один из которых был старым приятелем М. Тухачевского). Им и должен был оказаться Н. Скоблин, ибо «слухи» и воспоминания называли лишь двух офицеров, с которыми встречался маршал: Н. Ганецкого и Н. Скоблина.

Надо отметить, что еще в конце 1927 г., выполняя секретную миссию в Париже, М. Тухачевский встречался с генералом А. Кутеповым. Как ранее об этом говорилось[1], эта встреча была организована, скорее всего, через сослуживца М. Тухачевского по лейб-гвардии Семеновскому полку полковника А. Зайцова, являвшегося тогда ближайшим доверенным лицом А. Кутепова (А. Зайцов был начальником личной контрразведки генерала). Встречу же М. Тухачевского с А. Зайцовым, возможно, обеспечил М. Тухачевскому все тот же его старый приятель капитан Н. Ганецкий. Если это так, то данный «канал» связи М. Тухачевского с руководством РОВС действовал еще с конца 20-х годов. Найти Н. Ганецкого, являвшегося директором отеля «Коммодор» в Париже, не составляло труда. Впрочем, М. Тухачевский для встречи с Н. Скоблиным мог воспользоваться и своими близкими отношениями с Шурочкой Скоблиной, оставшейся в СССР сестрой генерала, к примеру, получив от нее рекомендательное письмо к брату-генералу.

Далее в «Возрождении» утверждалось, что «во время состоявшихся якобы свиданий Тухачевского со Скоблиным в Париже обсуждался вопрос о выработке такой программы-минимум, какую можно было бы выставить на первых порах. Программа эта и была составлена одним из лиц, близких к Керенскому... Программа «От СССР — к России». На первых порах должна была быть установлена диктатура Тухачевского... Причем Скоблин был знаком с текстом и одобрил его». В связи с этим утверждали, что Н. Скоблин был связан с группой «Крестьянская Россия»[2].

О конспиративной и строго конфиденциальной встрече М. Тухачевского с Н. Скоблиным в одном доме на улице Сегюр в Париже тогда же в феврале 1936 г. сообщил родной брат генерала, С. Скоблин, узнавший об этом из случайно подслушанного им раз-

---

[1] См.: Рюрик. № 2.

[2] Возрождение. 1937. 22 октября.

говора Н. Скоблина с женой, Н. Плевицкой[1]. При рассмотрении этого факта следует иметь в виду, что существуют свидетельства, указывающие на знакомство М. Тухачевского и Н. Скоблина еще с октября 1917 г.[2]. Это вероятно, учитывая, что в то время гвардейский Семеновский полк был дислоцирован в районе Подволочиска (под Киевом), где с ним по соседству располагался и Корниловский ударный полк, заместителем командира которого являлся капитан Н. Скоблин[3]. После побега из плена и возвращения в Россию подпоручик М. Тухачевский в конце октября 1917 г. некоторое время находился в своем полку, в Подволочиске. Это обстоятельство давнего знакомства могло облегчить встречу М. Тухачевского с Н. Скоблиным. Полагали, что устроить это конспиративное свидание мог и бывший русский военный агент генерал А. Игнатьев. Гвардейский офицер познакомился с М. Тухачевским еще в сентябре 1917 г., когда, после успешного побега, гвардейский подпоручик оказался в Париже[4]. У графа А. Игнатьева были разнообразные и обширнейшие связи в Париже и во Франции. После гибели М. Тухачевского в белоэмигрантской среде активно распространялись слухи о причастности графа к судьбе маршала[5]. Во всяком случае, похоже, что именно эта информация о тайной встрече М. Тухачевского с Н. Скоблиным на улице Сегюр в конечном счете послужила основой для материала, помещенного в газете «Возрождение» в ноябре 1937 г. Имеется еще одно, правда, косвенное, указание если не на встречу, то, во всяком случае, на интерес, проявленный к генералу Н. Скоблину советским маршалом М. Тухачевским.

Полковник Робьен, один из ответственных сотрудников контрразведки Генерального штаба французской армии, волей судьбы в 1916 г. оказавшийся в лагере для военнопленных в Ингольштадте вместе с подпоручиком лейб-гвардии Семеновского полка М. Ту-

---

[1] *Костиков В.* Не надо проклинать изгнание. М., 19... С. 375.

[2] *Сергеев Ф.* История одного политического подлога. О «деле» Тухачевского // Политическое образование. 1990. № 5. С. 46.

[3] Подробнее о Н. Скоблине см.: *Минаков С.Т.* За отворотом маршальской шинели. Орел, 1999. С. 238—246.

[4] *Тодорский А.И.* Маршал Тухачевский. М., 1964. С. 23.

[5] Возрождение. 1937. 22 октября.

хачевским, вновь встретился со своим товарищем по несчастью, теперь уже советским маршалом, в феврале 1936 г. в Париже. Как уже говорилось выше, тогдашний военный министр Франции генерал М. Гамелен вспоминал, что он «дал обед» в честь советского военачальника и «пригласил некоторых» из тех офицеров, которые были некогда с М. Тухачевским в Ингольштадте, «что создало более свободную атмосферу» для общения. Согласно официальной информации о пребывании М. Тухачевского в Париже, генерал М. Гамелен действительно устроил в честь советского гостя завтрак на одиннадцать персон в отеле «Ритц» 10 февраля 1936 г., на который вместе с высшими французскими офицерами были приглашены и несколько старых приятелей маршала. На этой встрече М. Тухачевский разговорился с полковником Робьеном, зная о том, что последний является сотрудником контрразведки. По воспоминаниям полковника, «в разговоре было упомянуто и имя генерала Скоблина в связи с его контактами с германской разведкой»[1]. Из контекста этого лаконичного свидетельства следует, что разговор о Н. Скоблине, вероятнее всего, инициировал М. Тухачевский, а не полковник Робьен. Это значит, что маршал уже откуда-то получил определенные, заинтересовавшие его сведения о Н. Скоблине: От Н. Ганецкого? Это были сведения именно о связях белого генерала с германскими спецслужбами. Если Н. Скоблин интересовал маршала именно в этом качестве, тогда «подкупающие» доверие «откровения» М. Тухачевского в разговоре со старым приятелем Н. Ганецким имели смысл для него лишь как средство встретиться с Н. Скоблиным именно как с человеком, связанным с германской разведкой. Н. Скоблин нужен ему был тоже как посредник, как и представители германских спецслужб, как «путь» к встрече с немецкими генералами и А. Гитлером. Однако кто такой Н. Скоблин?

...Замело тебя снегом, Россия,
Запуржило седою пургой,
И холодные ветры степные
Панихиды поют над тобой... —

[1] *Костиков В.* Не будем проклинать изгнанье... Пути и судьбы русской эмиграции. — М., 1990, с. 375.

пела на эмигрантских концертах знаменитая Надежда Плевицкая — «курский соловей», как ее в свое время назвал последний российский император, со слезами на глазах слушавший задушевное исполнение ею, курской крестьянкой Дежкой Винниковой, русских народных песен.

«На концерты каждый вечер ее привозил и увозил на маленькой машине генерал Н. Скоблин, — вспоминал парижско-эмигрантский быт А. Вертинский. — Ничем особенным он не отличался. Довольно скромный, даже застенчивый, он скорее выглядел «забытым» мужем такой энергичной и волевой женщины, как Плевицкая. Некоторые остряки-завистники порой отпускали злые шуточки по адресу «генерала Плевицкого»[1]. «Я знаю его с 1917 г., — информировал руководство ОГПУ давний приятель Н. Скоблина по Добровольческой армии бывший штабс-капитан П. Ковальский, ставший сотрудником ИНО ОГПУ. — Я считаю Скоблина человеком безвольным и «подкаблучником». Истеричная и изнеженная Плевицкая полностью его себе подчинила»[2].

В пору галлиполийской тоски, обреченности и унижений в сентябре 1921 г. он стал шестым и последним мужем Надежды Плевицкой. Она — уже увядавшая, но еще яркая 37-летняя женщина, обожавшая и ревновавшая ко всем своего «Коленьку». Он — почти на десять лет ее моложе — безусловно, искренне нежный и привязанный к «Надюше», своей блистательной, достаточно состоятельной, даже в эмиграции, супруге и матери-командирше.

«Последние дни в Галлиполи прошли в лихорадочном ожидании отъезда в новые страны... — вспоминал один из врангелевцев. — Когда мы погрузились, корниловцы еще не подошли. Вскоре показалась их колонна. Впереди полка шел их командир — генерал Скоблин, рядом со своей женой певицей Плевицкой. Кто тогда мог подумать о них что-либо плохое. Скоблин был прославленным молодым генералом, под началом которого корниловцы взяли Курск и Орел. Плевицкая хорошо исполняла русские народные песни. И мы любили ее концерты...»

Вспоминая о давнем первом Кубанском «ледяном» легендар-

---

[1] *Вертинский А.* Дорогой длинною. М., 1991, с. 208.

[2] *Млечин Л.* Сеть Москва — ОГПУ — Париж. М., 1991, с. 57.

ном походе Добровольческой армии, его героическом, но неудачном финале — безуспешных кровопролитных попытках взять Екатеринодар, генерал А. Богаевский рассказывал: «Большевики открыли бешеный пулеметный огонь, пришлось спешиться и выждать темноты. Ощупью, ориентируясь по стонам раненых, добрался я до холмика с громким названием «штаб Корниловского полка» почти на линии окопов. Крошечный «форт» с отважным гарнизоном, среди которого только трое было... живых, остальные бойцы лежали мертвые. Один из живых — временно командующий полком, измученный до потери сознания, спокойно отрапортовал мне о смерти командира, подполковника Неженцева...»[1] Это был 24-летний капитан Корниловского ударного полка Николай Владимирович Скоблин (1894—1938).

Он родился в Нежине в семье отставного полковника (по другим сведениям — коллежского асессора). С началом «германской войны» в конце 1914 г. был досрочно выпущен из Чугуевского пехотного училища прапорщиком в 126-й Рыльский пехотный полк. «Прибывшего 14 сего (1915 г.) марта с 43 и 44 маршевыми ротами 66-го запасного батальона прапорщика Скоблина зачислить в списки вверенного мне полка», — писал в своем приказе его командир. Воевал молодой офицер отважно. Уже в августе прапорщик Скоблин за проявленную храбрость был награжден Георгиевским оружием, а затем и орденом Св. Георгия Победоносца 4-й степени и отпуском. Вскоре Н. Скоблин назначается командиром 14-й роты, производится в подпоручики. Большая убыль офицеров обеспечивала быстрое продвижение в чинах оставшимся в живых, особенно храбрым ветеранам. К весне 1917 г. Н. Скоблин был уже штабс-капитаном. Когда Генерального штаба капитан М. Неженцев приступил к формированию 1-го ударного гренадерского Корниловского полка, исходатайствовав у высокого армейского начальства (у самого генерала Л. Корнилова) разрешение пригласить на командные должности шесть добровольцев из наиболее отличившихся опытных офицеров-фронтовиков, в их составе оказался и Н. Скоблин. С мая 1917 г. он связал свою военную судьбу с Корниловским ударным полком, будущим ядром, «серд-

[1] *Богаевский А.* Первый Кубанский поход. — В кн.: Первый Кубанский «Ледяной» поход. — М., 2001, с. 668.

цем», как говорили белые добровольцы, Добровольческой белой армии и белого движения.

Последующая боевая карьера штабс-капитана Н. Скоблина была стремительна и неординарна: командир батальона корниловцев (июль 1917), помощник командира полка (август 1917), «первопоходник», начавший Гражданскую войну в корниловских ротах под Таганрогом, а затем под Екатеринодаром. В ноябре 1918 г. Н. Скоблин уже полковник и командир Корниловского ударного полка. В июле 1919 г. он был назначен командиром только что сформированной бригады из трех корниловских полков, а в октябре того же года становится первым и практически бессменным командиром развернутой из бригады Корниловской ударной пехотной дивизии в составе Добровольческой армии.

В героических легендах Добровольческой армии и белого движения имя Н. Скоблина было неразрывно связано со славными страницами ее боевой истории: обороной Донбасса осенью — зимой 1918—1919 гг.; взятием Курска и Орла осенью 1919 г.; обороной Ростова и Батайска в феврале 1920 г.; разгромом группы Д. Жлобы летом того же года в Северной Таврии. Произведенный без выслуги, но за особые отличия, новым главнокомандующим П. Врангелем в генерал-майоры, командуя ударной группой, в августе — сентябре 1920 г. Н. Скоблин в боях под Каховкой сумел добиться определенного успеха, но сбить войска И. Уборевича с каховского плацдарма и развить наступление на днепровское правобережье ему не удалось.

В этих боях он был тяжело ранен, а Корниловская дивизия почти вся полегла на поле сражения. Изобретательный тактик, несравненный мастер ведения самых трудных в военном искусстве оборонительных боев, виртуозно умевший выводить корниловцев из, казалось бы, совершенно безнадежных и обреченных ситуаций, с несомненными многообещающими задатками оперативно-стратегического таланта — таков облик Н. Скоблина-военачальника. Кто знает, быть может, в ином раскладе российской истории из него мог бы вырасти еще один русский полководец.

Генерал А. Деникин, не любивший Н. Скоблина, ошибался, утверждая, будто тот еще с 1927 г. начал свое сотрудничество с большевиками. Несомненно, подобным подозрениям способствовали весьма темные обстоятельства временного отстранения

Н. Скоблина от должности командира Корниловского полка в 1923 г. по приказу генерала П. Врангеля. Считали, что основанием для такого отстранения послужило якобы участие Н. Скоблина в концертных поездках своей супруги в качестве антрепренера, небрежение обязанностями командира Корниловского полка и, в частности, причастность к благотворительному концерту в пользу детей Советской России, который был дан Н. Плевицкой во время концертной поездки по США. Вероятно, сыграла роль и близкая дружба Н. Скоблина с генералом А. Кутеповым, связывавшая их еще с начала 1918 г. (А. Кутепов в 1921 г. был посаженым отцом на свадьбе Н. Скоблина и Н. Плевицкой). В сентябре 1927 г. П. Врангель восстановил Н. Скоблина в прежней должности.

В 1933 г. бывший лидер октябристов, известный политический деятель, член Временного правительства А. Гучков с другим бывшим министром Временного правительства, С. Масловым, и своим давним другом журналистом А. Ксюниным организовали разведывательный центр, получивший условное название «кружок Гучкова», или «группа Ксюнина — Маслова», который занимался сбором разведданных о политических событиях и жизни в СССР. «Кружок Гучкова» был тесным образом связан с абвером, сначала с генералом фон Бредовым (близким соратником генерала К. фон Шлейхера), а с 1935 г. — с адмиралом Канарисом. В составе указанной группы были также бывший деятель украинских националистов С. Маркотун, журналист В. Татаринов, профессор, сын царского министра Н. Тимашев, некий М. Шранге и др. Почти все указанные лица до Февральской революции состояли членами различных масонско-политических образований и лож, таким образом, были связаны с зарубежными, французскими в частности, масонскими организациями. Справедливости ради следует отметить, что революционные события в России привели к разнообразным метаморфозам в политическом облике и настроениях многих политиков. А. Гучков и его друг А. Ксюнин, в частности, со скандалом вышли (или были исключены) из масонских лож, стали членами Высшего Монархического Совета (в Белграде), резко поправели в политических симпатиях. Они проявляли нескрываемое восхищение итальянским фашизмом и германскими нацистами, завязали тесные отношения с правыми, профашистскими организациями во Франции.

В силу этих обстоятельств Н. Скоблин имел тесные контакты с абвером, а затем и со службой безопасности гестапо. Циркулировали слухи, что Н. Скоблин являлся «двойным агентом» (НКВД и гестапо). Достоверно известно только то, что он действительно с конца 1930 г. был завербован советской разведкой НКВД, о чем вряд ли мог знать М. Тухачевский.

Слухи о встрече М. Тухачевского с Н. Скоблиным широко распространялись в русской эмигрантской среде. По свидетельству И. Опишни, «в национальных эмигрантских кругах утверждали, что советский маршал искал поддержки у белой эмиграции... Известно, что на похоронах английского короля Георга V в 1936 году Советское правительство представлял маршал Тухачевский. В то же время в Лондоне был проездом и Скоблин, и будто бы именно тогда и произошла их встреча, имевшая для красного маршала роковые последствия»[1].

Вероятно, сведения, изложенные в одном из ноябрьских номеров газеты «Возрождение» за 1937 г., несколько конкретизируют и уточняют события, указанные в свидетельстве И. Опишни. В нем сообщалось о том, что якобы Н. Скоблин встретился в Лондоне с советским военным атташе В. Путной. В связи с этим утверждалось, что В. Путна по заданию М. Тухачевского якобы искал выход на руководящие круги русской антисоветской эмиграции. 12 июля 1936 г. Н. Скоблин прибыл в Лондон. Его поездку «прикрывала» гастролировавшая в Англии Н. Плевицкая. В доме некой титулованной особы Н. Скоблин вел переговоры с В. Путной. Утверждали, что В. Путна, как старый сподвижник М. Тухачевского, действовал от имени последнего и был полностью откровенен. Он поведал о том, что «власти Сталина скоро конец, что вожди Красной Армии сговорились между собой и в недалеком будущем в России установится военная диктатура». Как считала газета «Возрождение», «Путна был весьма близок к Тухачевскому и первый, очевидно, вошел в сношение со Скоблиным с его ведома и согласия... Путну, как известно, арестовали значительно раньше Тухачевского. Легко предположить, что чекисты, осведомленные Скоблиным о его встрече с Путной и о переговорах, которые

[1] *Опишня И.* Тухачевский и Скоблин. Из истории одного предательства // Возрождение. 1955. Тетрадь № 39. С. 109.

он вел с ними, добились от Путны признания... Затем произошли расправы с Путной, Тухачевским и всеми другими генералами, которые действовали с ним заодно. Путна выдал Тухачевского»[1].

По этому поводу оставил весьма любопытный комментарий человек, вполне заслуживающий доверия. Это бывший посол России в Великобритании Е. Саблин. «В интересах истины», как он заметил, комментируя заметку в «Возрождении» о встрече Н. Скоблина с В. Путной, Е. Саблин писал следующее: «В номере «Возрождения» от пятницы 5 ноября сего года (1937) на странице пятой имеется абзац под названием «Свидание Путны со Скоблиным». Там говорится, что летом 1936 года Скоблин был в Лондоне и русский эмигрант (о котором было сказано раньше, читай: Байкалов. — Е. Саблин) устроил ему (Скоблину) в доме титулованной английской политической деятельницы свидание с Путной (читай: в доме герцогини Аттольской. — Е. Саблин). На самом деле вот как было дело. Как я уже Вам писал, в июле прошлого года здесь появилась Плевицкая для участия в двух концертах в нашем здешнем обществе северян, секретарем которого является Байкалов. Естественно, что Байкалову пришлось познакомиться как с Плевицкой, так и со Скоблиным. Байкалов и Скоблин разговорились на отечественные темы, и Байкалов предложил Скоблину свои услуги, чтобы осведомлять Скоблина и через него РОВС о движении русской проблемы здесь. Обменялись даже шифрами, на всякий случай. Тогда же Байкалову, человеку тщеславному и, с позволения сказать, обожающему всех титулованных особ и находящему какое-то удовлетворение называть то или иное лицо «ваше сиятельство, ваше превосходительство, ваше высочество» и т. д., пришла мысль представить Скоблина ее светлости герцогине Аттольской. Все это «звучало» приятно: с одной стороны — генерал, с другой — герцогиня, встреча предполагалась и осуществилась на террасе палаты лордов, чего же больше, что могло бы быть слаще для бывшего члена всероссийской партии большевиков. Свидание состоялось. Самое банальное свидание, тем более что Скоблин языками не владеет. Посмотрели друг на друга и разошлись, как в Темзе корабли. Ныне герцогиня Аттольская, справедливо недовольная «дезинформацией» «Возрождения», катего-

[1] Возрождение. 1937. 22 октября.

рически заявляет, что никаких свиданий в своем доме между Скоблиным и Путной она не устраивала. Самого Скоблина она совершенно не помнит и выразилась, между прочим, так: «Мало ли кого приводил ко мне Байкалов, всех я не припомню»[1]. Таким образом, сведения о встрече Н. Скоблина с В. Путной в доме герцогине Аттольской, помещенные в «Возрождении», вроде бы являлись слухами. Однако пребывание Н. Скоблина в доме герцогини Аттольской в июле 1936 г. все-таки имело место, а реакция самой герцогини, естественно, не желавшей оказаться вовлеченной в скандальную историю, вполне естественна. Тот же Е. Саблин сообщает, что В. Путна встречался с представителями белой эмиграции в кафе «Ройяль» в Лондоне. «В свое время, — заметил бывший посол, — тут бывали такие свидания с генералом Путна...»[2] Приведенная «Возрождением» информация о встрече Н. Скоблина с В. Путной в Лондоне, таким образом, имела под собой какие-то основания. Это же можно сказать и о слухах, касавшихся встречи М. Тухачевского с Н. Скоблиным в Париже.

В связи с таинственными слухами, окутавшими визит М. Тухачевского в Лондон и Париж, в русском зарубежье вновь оживился интерес к «военной партии» в СССР. 11 апреля 1936 г. о «военно-революционной организации в России и ее программе» было сообщено в журнале «Знамя России» — органе Трудовой крестьянской партии (в Праге)[3]. Как позднее сообщала газета «Возрождение», руководство Трудовой крестьянской партии (группа «Крестьянская Россия») знало о ней уже в первой декаде апреля 1936 г.[4].

19 апреля 1936 г. о «программе красных маршалов» писали в журнале «Новая Россия», издававшемся А. Керенским. Там была помещена статья под названием «Красные маршалы и реформы». В ней утверждалось, что «курс Сталина на демократию... начал

---

[1] Е.В. Саблин — В.А. Маклакову. Лондон, 16 ноября 1937 года // Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934—1940: Сборник документов в двух книгах. Книга первая: 1934—1937. М., 1998. С. 548—549.

[2] Е.В. Саблин — В.А. Маклакову. Лондон, 7 августа 1937 года // Там же. С. 489.

[3] Возрождение. 1936. 13 апреля.

[4] Там же.

проводиться по настоянию армии и встречает в армии поддержку». Далее, со ссылкой на «знающих людей в Москве», отмечалось, что «в настоящее время эти настояния... значительно усилились». «Некоторые весьма влиятельные маршалы», как отмечалось в статье, «считают, что политические реформы должны проводиться гораздо решительнее и с наименьшей потерей времени». Поведение и настроения маршалов объяснялось сложившейся международной обстановкой и опасностью войны для СССР. Как утверждал автор публикации, маршалы считали, что «в случае военных испытаний на границах Красная Армия, во всяком случае, должна опираться на дружественный тыл, а для этого необходимы коренные перемены отношений между властью и страной». Отмечался и другой мотив в «демократизации» настроений «красных маршалов». «По мнению советских военных кругов, — отмечал автор статьи, — искреннее сочувствие Англии, Франции совершенно необходимо СССР на случай военных осложнений и это сочувствие не может быть полностью обеспечено при сохранении нынешних внутренних порядков и прямой связи диктатуры с международным коммунистическим движением»[1]. Таким образом, «программа красных маршалов» предполагала демократизацию внутренних порядков в СССР и отказ от международного коммунистического движения. Спустя год, 9 мая 1937 г., пристально следя за внутриполитической обстановкой в СССР, еще до официальной отставки М. Тухачевского, в своей статье «Программа красных маршалов», помещенной на страницах «Новой России», А. Керенский более конкретно систематизировал эту «программу». Он выделял в ней следующие положения: «Восстановление в России элементарного правопорядка — ...есть предварительное условие, без выполнения которого обороноспособность СССР не может быть обеспечена». Как утверждает А. Керенский, «в программу красных маршалов должно войти прежде всего требование восстановления: строгой закономерности в управлении, равного для всех и независимого суда, независимой, хотя бы и подцензурной, как до 1905 года, печати». А. Керенский видел в появлении «программы красных маршалов» борьбу «между защитниками антинационального октября и поборниками восстановления государст-

[1] Новая Россия. 1936. 19 апреля, № 4. С. 4.

венно-национального бытия России»[1]. Именно «красные маршалы» и были носителями «национально-государственной» идеологии. А. Керенский не назвал ни одной фамилии из этих «красных маршалов», однако, отмечая, что «такие новые в правящих кругах настроения связывают с Красной Армией, с так называемой группой маршалов», считал, что возглавляет ее не К. Ворошилов. Несколько позже, уже после расстрела М. Тухачевского, А. Керенский, утверждая, что «заговор Тухачевского был», вновь обратился к содержанию «программы красных маршалов». Он перечислил следующие ее положения: «демократическая конституция, восстановление понятия Родина, почтительное отношение к русской истории, смягчение отношения к религии, восстановление в армии чинов, некоторый намек на раскрепощение крестьянства (в приусадебных участках) и т. д.» А. Керенский считал, что главной побудительной причиной, породившей оппозиционность М. Тухачевского и «красных маршалов», было стремление разрешить проблему повышения обороноспособности Красной Армии, что оказывалось невозможным осуществить при режиме Сталина. Цитируя последнюю статью М. Тухачевского о новом Полевом уставе РККА, А. Керенский утверждал: «Вот вам весь Тухачевский. Это — ключ к драме. Упорная работа над поднятием боеспособности армии оказалась несовместимой ни с состоянием хозяйства, ни с гражданско-политической обстановкой, в которой армия должна совершенствовать свою боеспособность»[2]. При этом политическое «кредо» самого М. Тухачевского 23 мая 1937 г. А. Керенский охарактеризовал следующим образом: «...Прежде всего сам Тухачевский отнюдь не герой для какого бы то ни было народолюбческого демократического романа. Его настроения во время германского плена (представленные в воспоминаниях П. Фервака. — *С.М.*), его практика по беспощадному расстрелу кронштадтских матросов и тамбовских крестьян, его высказывания во время заграничных поездок — все это свидетельствует о том, что его путь — путь всяческого завинчивания диктаторских гаек...»[3]

---

[1] Новая Россия. 1937. 9 мая, № 27. С. 1—3.

[2] Там же. 27 июня, № 30. С. 14—16.

[3] Там же. 23 мая, № 28. С. 3.

В обстановке обострения международной ситуации и нарастающей угрозы войны для СССР в своей речи «Россия, военная опасность и сталинская власть» на собрании в Париже 23 апреля 1936 г. А. Казем-Бек вновь вернулся к вопросу о политической роли «военной партии» в Советском Союзе, однако в более откровенном подстрекательском тоне. «...Несостоятельность и беспомощность советской внешней политики, — говорил он, — ее несоответствие нуждам обороны создают почву, на которой недовольство патриотических элементов может быть оформлено и углублено. Задачи младоросской пропаганды с каждым годом становятся все более четкими. Младоросская формула-лозунг «Забивать клин между властью и нацией» уточняется в настоящее время: «Забивать клин между властью и армией». В иностранной печати приводились недавно сообщения московских корреспондентов, в которых указывалось на популярность мысли о переходе власти в руки армии. Лозунг «Вся власть армии» цитировался буквально. Между тем этот лозунг впервые был выброшен на младоросских собраниях в прошлом году (то есть в 1935 г. — *С.М.*). В эмигрантской печати нам приходилось читать возражения с указанием на то, что неизвестно, стремится ли армия взять в руки власть. Но известно, что нынешняя кадровая армия и ее командование стремятся к повышению обороноспособности страны. Этому стремлению младороссы сочувствуют. Оппозиция младороссов по отношению к власти обосновывается в настоящий момент именно теми свойствами и слабостями этой власти, которые не позволяют ей ни в дипломатическом, ни в военном, ни в социальном отношении быть властью, организующей и возглавляющей оборону... Подготовка перехода власти в руки военной партии облегчается событиями в международной жизни»[1]. В феврале 1937 г., касаясь советско-германских отношений, А. Казем-Бек рассуждал: «...Слухи о трениях между Сталиным и военными кругами получили в немецких газетах значительный отклик и были поданы читателям как вероятное и логически понятное явление. Роль военной партии и той группы, которую мы назвали «младобольшевиками», была освещена под сенсационными заголовками. За последнее

[1] Бодрость! 1936. 3 мая, № 79; Политическая история русской эмиграции. С. 467—468.

время и международная печать указывала... на новые настроения, благоприятные для дальнейшего развития русско-германских отношений. Советской военной партии, «младобольшевикам», ощупью выходящим на путь Русской исторической традиции, уже приписывают намерение договориться с национал-социализмом. Такие намерения не могут не встретить отклика в германских руководящих кругах»[1].

Последний раз информация о националистически и антисемитски настроенной группе офицеров в Красной Армии прошла в сообщении корреспондента «Правды» в Берлине А. Климова 16 января 1937 г. Со ссылкой на высшие офицерские круги в Германии, «в верхушке командного состава Красной Армии в Москве»... существуют «кружки, объединяющие антисемитски и религиозно настроенных людей. В этой связи называлось даже имя Тухачевского. Агитация идет по линии освобождения русского народа от «еврейского ига». А. Климов пояснял, что его информатор назвал в качестве источника полковника воздушного министерства Линднера. «Он монархически настроенный человек, не симпатизирует национал-социалистам, был близок к Секту и принадлежит к тем кругам военных, которые стояли и стоят за соглашение с СССР»[2].

Выше уже говорилось о том, что в начале апреля 1936 г. в журнале «Знамя России», органе Трудовой крестьянской партии, издававшемся в Праге, действительно появились сведения о военно-революционной организации в России и ее программе. 13 апреля 1936 г. об этом была помещена заметка в «Возрождении», а 19 апреля 1936 г. об этом же в статье «Красные маршалы и реформы» было напечатано и в журнале «Новая Россия», издававшемся А. Керенским. Разумеется, не было упомянуто ни одной фамилии «красных маршалов». Только после расстрела М. Тухачевского, в 1937 г. А. Керенский на страницах своего журнала назвал его в качестве лидера этой «военно-революционной организации «красных маршалов» и автора их программы[3]. В апреле

---

[1] Бодрость! 1937. 21 февраля, № 120; Политическая история русской эмиграции. С. 475.

[2] Военно-исторический архив. Вып. 2. С. 15.

[3] Новая Россия. 1937. 27 июня, № 30.

1936 г. из белоэмигрантских кругов в Чехословакии сообщение о «заговоре красных маршалов» получило чехословацкое руководство[1]. Следовательно, уже в апреле 1936 г. в политических кругах Западной и Центральной Европы были распространены слухи об антисоветском «военном заговоре» в СССР.

В беседе со своим старым приятелем полковником Робьеном во время завтрака в отеле «Ритц» 10 февраля 1936 г. М. Тухачевский не из праздного любопытства интересовался связями Н. Скоблина с германскими спецслужбами. Получив необходимые разъяснения от своего собеседника и после встречи с Н. Скоблиным, маршал с достаточным основанием рассчитывал, что информация о «заговоре Тухачевского» будет не только у руководства Трудовой крестьянской партии, но и у Р. Гейдриха, а через последнего и у А. Гитлера.

По воспоминаниям бывшего руководителя разведки Службы Безопасности (СД) В. Шелленберга, «Гейдрих получил от проживавшего в Париже белогвардейского генерала, некоего Скоблина, сообщение о том, что советский генерал Тухачевский во взаимодействии с германским генеральным штабом планирует свержение Сталина». Р. Гейдрих склонен был считать информацию вполне достоверной[2]. Имеются сведения, со ссылкой на того же В. Шелленберга, уточняющие обстоятельства поступления Р. Гейдриху сообщения генерала Н. Скоблина. Они свидетельствуют том, что от Н. Скоблина было два донесения: в первом сообщалось о том, что «командование Красной Армии готовит против И.В. Сталина заговор, во главе которого стоит маршал М. Тухачевский»; во втором — «что М. Тухачевский и его ближайшие сторонники, обучавшиеся в свое время в Германии в Академии Генерального штаба, поддерживают связи с представителями вермахта и немецкой разведывательной службы»[3]. Видимо, в своих воспоминаниях, предназначенных для широкого круга читателей, В. Шелленберг объединил оба сообщения. Поступление второго сообщения Н. Скоблина датируется 16 декабря

---

[1] *Сергеев Ф.* История одного политического подлога. О «деле Тухачевского» // Политическое образование. 1990. № 5. С. 53.

[2] *Шелленберг В.* Мемуары. Минск, 1998. С. 59.

[3] *Сергеев Ф.* История одного политического подлога. О «деле Тухачевского» // Политическое образование. № 5. С. 48.

1936 г.[1]. Что касается времени поступления первого, то некоторые косвенные указания об этом содержатся в воспоминаниях Г. Мюллера. По его свидетельству, «бывший царский офицер, Скоблин... поставлял СД, Гейдриху и другим интересную информацию о его бывшей стране... Он был человеком Гейдриха... В середине 1936 года Гейдрих говорил со мной об этом человеке и его информации. ...Русские сообщали, что часть советских генералов недовольна Сталиным и их необходимо поддержать в желании убрать его»[2]. Таким образом, судя по показаниям Г. Мюллера, генерал Н. Скоблин передал Р. Гейдриху информацию о «заговоре Тухачевского» уже к середине 1936 г. (то есть в июне—июле). Однако, учитывая приведенные выше сообщения в русской эмигрантской прессе об антисталинском «заговоре красных маршалов», появившиеся в апреле 1936 г., надо полагать, что Р. Гейдрих получил первое сообщение Н. Скоблина не позднее марта 1936 г. Тогда же, по свидетельству В. Шелленберга, «информация Скоблина была передана Гитлеру. Он стал теперь перед трудной проблемой, которую необходимо было решить. Если бы он высказался в пользу Тухачевского, Советской власти, может быть, пришел бы конец, однако неудача вовлекла бы Германию в преждевременную войну. С другой стороны, разоблачение Тухачевского только укрепило бы власть Сталина»[3]. Ближайший помощник Р. Гейдриха, генерал Беренс, «человек более умный, тонкий и проницательный, считал, что было бы лучше поддержать Тухачевского и уничтожить большевизм»[4].

Вплоть до октября 1936 г. германская сторона молчала о «заговоре Тухачевского». Это значит, что она проявляла заинтересованность в его успехе. В октябре—ноябре 1936 г. некоторые представители германского политического руководства лишь в самой

---

[1] *Карелл П.* Заговор против Тухачевского // За рубежом. 1988. № 22. С. 17.

[2] *Дуглас Г.* Шеф Гестапо Генрих Мюллер. Вербовочные беседы. Из секретных досье ЦРУ. М., 2000. С. 321. См. также: *Хеттль В.* Секретный фронт. М., 2003. С. 95—105.

[3] *Шелленберг В.* Мемуары. С. 60.

[4] *Опишня И.* Тухачевский и Скоблин. Из истории одного предательства // Возрождение. Париж, 1955. Тетрадь № 39. С. 108.

осторожной форме, ссылаясь на «предстоящие перемены в руководстве России», начинают зондировать внешнеполитическую почву по дипломатическим каналам и через прессу в расчете на грядущее изменение системы международных отношений.

Сведения о контактах М. Тухачевского с Н. Скоблиным и их содержании были рассчитаны на то, что генерал поставит германские спецслужбы в известность об антибольшевистском заговоре «военной партии» в СССР, знаменем которой является национализм. Эта информация должна была создать, по предположениям М. Тухачевского (и тех, кто его уполномочил), не только благоприятный настрой германского политического и военного руководства на встречу с ним в Берлине на обратном пути из Парижа в Москву. Она должна была внушить А. Гитлеру уверенность в том, что в СССР действительно существует законспирированная «военная партия» во главе с М. Тухачевским, готовящая военный переворот для установления «национально-государственной диктатуры». Это должно было нейтрализовать антисоветскую агрессивность Германии и на определенное время удержать ее от нападения на СССР (в случае советско-японской войны) в ожидании «военного переворота Тухачевского». Возникают естественные вопросы: делал ли все это маршал по собственной инициативе? Если ему было поручено через РОВС выйти на переговоры с А. Гитлером, то кем? Делалось ли это по согласованию с И. Сталиным? Если М. Тухачевский устанавливал указанные выше контакты без ведома высшего политического руководства, в частности И. Сталина, то почему он, человек весьма осторожный, действовал так смело? Ведь маршал не мог не предполагать (если не был уверен), что его поведение и поступки за границей контролируются НКВД. На встрече М. Тухачевского с представителями РОВС действительно присутствовал советский агент, немецкий коммунист, некто Блимель[1]. Разумеется, Блимель присутствовал на встрече не в качестве германского коммуниста или агента НКВД. Вероятнее всего, в качестве старого члена НСДАП, прорусски настроенного, на что косвенно указывает его приятельская связь с Э. Никишем[2], в 20-е годы одним из лидеров так называе-

[1] *Erickson J.* Op. cit. P. 464.

[2] Поскольку сведения о присутствии Блимеля на этой встрече поступили от него. Ibid. P. 456.

мых «национал-большевиков», близких по воззрениям к «левым нацистам». Э. Никиш был давним приятелем и конфидентом генерала Г. фон Секта[1]. Очевидно, именно это обстоятельство и обусловило поступление информации о встрече М. Тухачевского с представителями РОВС в Берлине в ведомство адмирала В. Канариса. Блимель тотчас же сообщил о «конспиративных» контактах маршала в советское посольство, резиденту советской разведки[2]. Следовательно, советское политическое руководство и советские спецслужбы получили эту информацию уже тогда, в феврале 1936 г. Однако никакой репрессивной реакции в отношении М. Тухачевского не последовало. Наоборот, по возвращении из поездки в первой половине 1936 г. военно-политический авторитет М. Тухачевского значительно возрос. Примечательно также и то, что этот «берлинский эпизод» никак не проявился ни на следствии, ни на судебном «процессе Тухачевского»: связь М. Тухачевского с РОВС не инкриминировалась ему, хотя она имела место. Однако в одном из своих выступлений, в 1938 г., ставший начальником ПУ РККА Л. Мехлис обвинил уже репрессированных М. Тухачевского и И. Уборевича в конспиративном сотрудничестве с РОВС. Из контекста выступления начальника ПУ РККА следовало, что это обстоятельство и явилось якобы основной причиной «дела Тухачевского».

4

М. Тухачевский и «дело РОВС»

Действительно, «дело РОВС» имело место в ходе массовой чистки офицерского корпуса РККА в 1937—1938 гг. Еще 30 октября 1937 г. Н. Ежов в записке И. Сталину сообщал о ликвидации на Урале конспиративной группировки РОВС. В числе «заговорщиков» упоминались уже расстрелянный бывший заместитель командующего Уральским военным округом комкор М. Василенко (арестованный еще в марте 1937 г.), бывший начальник штаба Приморской группы ОКДВА комдив А. Балакирев (арестованный 11 июня 1937 г.), начальник артиллерии 18-го стрелкового кор-

[1] *Erickson J.* Op. cit. P. 464.

[2] Ibid.

пуса (ОКДВА) полковник РККА В. Миончинский (родной брат одного из героев «белого дела», полковника Д. Миончинского, «первопоходника», погибшего в 1918 г. на Кубани) и бывший генерал-лейтенант колчаковской армии А. Пепеляев[1]. В связях с РОВС обвинялся и генерал А. Свечин и ряд других бывших «генштабистов» старой армии, арестованных в 1937 и расстрелянных в 1938 г.[2].

В связи с вышесказанным интересны воспоминания Л. Норд. Она сообщала: «...Я знаю другой факт: основным пунктом обвинения военачальников, арестованным вместе с ним (М. Тухачевским), была принадлежность к РОВСу... Насколько я могла понять из того запутанного следственного материала, который следователи в течение моего сидения в тюрьме «по делу моего мужа» частично давали мне читать, то М.Н. Тухачевский обвинялся в том, что он являлся «правой рукой генерала Миллера» и возглавлял подпольную организацию РОВСа в Красной Армии. Все остальные севшие с ним маршалы, командармы, комкоры, комдивы, комбриги, полковники и т. д. были начальниками отделов РОВСа, групп и звеньев»[3]. Поясняя далее эти обстоятельства, Л. Норд вспоминала: «...Мне следователи пояснили, что Миллер... является звеном между иностранными разведками и Тухачевским и другими заговорщиками. Кроме Миллера, я слышала еще от следователя имя генерала Абрамова, и в протоколах фигурировал еще белый генерал «Х», который давал показания против Тухачевского, Путны, мужа и других, но фамилию этого генерала следователи не расшифровывали»[4]. Далее Л. Норд, однако, приводит факт, который, по ее мнению, позволяет сделать некоторые предположения или догадки. «Но у двух советских генералов, — сообщает она, — была очная ставка в 1938 году, в ноябре или декабре, с генералом «Х». Следователь обращался к «Иксу», называя его

---

[1] «Актив — кадровые офицеры. О ликвидации на Урале «Российского Общевоинского Союза» // Источник. 1994. № 1.

[2] Следственное дело А. Свечина // Постижение военного искусства. Идейное наследие А. Свечина. М., 1999. С. 678—678, 680.

[3] *Норд Л.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском // Возрождение. Париж, 1957. Тетрадь № 68. С. 95—96.

[4] Там же. С. 96.

«генерал» или «свидетель». Этот генерал был немного выше среднего роста, светлый шатен или даже блондин. Он был худощавый и имел хорошую выправку. Других особых примет у него не было. Давал он показания, видимо, без давления и держался очень спокойно и уверенно»[1]. Контекст этого фрагмента воспоминаний Л. Норд пронизан ее явным стремлением подтолкнуть читателя к мысли, что этим «генералом-свидетелем» был Н. Скоблин. Однако прежде чем сделать определенные умозаключения по данному сообщению Л. Норд, имеет смысл обратиться к косвенным свидетельствам еще одного действующего лица, так или иначе причастного к вышеотмеченным событиям.

...Известно, какой шум наделало скандальное похищение Председателя РОВС генерала Е. Миллера в Париже советскими агентами с помощью его приятеля и заместителя генерала Н. Скоблина 26 сентября 1937 г. Уже тогда у многих возникал вопрос: зачем нужно было похищать этого старого генерала? Если целью похищения было его устранение с поста председателя РОВС, чтобы освободить его для Н. Скоблина, как выяснилось потом, советского агента (к чему он весьма стремился), то проще было организовать физическое устранение Е. Миллера. Это, по крайней мере, избавило бы от вероятного скандала. Если физическое устранение Е. Миллера предполагалось сделать в ходе похищения или после него, то почему это не было сделано? Как известно, генерал Е. Миллер был похищен и вывезен в СССР, где в заключении, зашифрованный под фамилией «Иванов», в строгой секретности, давал показания и был расстрелян в 1939 г. Следовательно, Е. Миллер нужен был не в качестве «кающегося вождя антисоветского движения», как это имело место в первой половине 20-х годов в случаях с генералом Я. Слащовым, Б. Савинковым и им подобными. У Е. Миллера действительно стремились выяснить обстоятельства деятельности в СССР подпольных антисоветских групп, связанных с РОВС. В этом, видимо, и заключалась цель столь сложного, чреватого скандалом, но столь необходимого похищения Председателя РОВС. И действительно, по требованию следствия генерал Е. Миллер в начале октября 1937 г. представил

---

[1] *Норд Л.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском // Возрождение. Париж, 1957. Тетрадь № 68. С. 95—96.

развернутую записку «Повстанческая работа в Советской России»[1]. Из ее опубликованных фрагментов явствует, что у Е. Миллера были контакты с представителями «Крестьянской России» начиная с 1930 г. и, в частности, с Харбинским отделом этой организации (в 1933—1934 гг.). Генерал упоминал также ранее отмеченного Байкалова, представителя «Крестьянской России», который вел переговоры с герцогиней Аттольской в Лондоне. Он сообщил также о сведениях, имевшихся в его распоряжении, относительно подготовки повстанческого движения в Приморской области, Приамурском крае, Забайкалье в 1930—1931 гг. Е. Миллер сообщил также и об отношениях РОВС с «Братством Русской правды» и «Национально-трудовым союзом» в 1933—1936 гг. Однако никаких сведений о связях между «генералами» РККА и РОВС, во всяком случае в тех фрагментах его «записки», которые рассекречены (архивом ФСБ), не имеется. Думается, однако, что существо вопроса не в том, знал или не знал генерал Е. Миллер что-либо о связях РОВС и Красной Армии (если таковые имелись). Существо вопроса в том, что советские спецслужбы искренне были уверены, что такие связи были и они были установлены и реализовывались без их ведома.

Несмотря на то что воспоминания Л. Норд сбивчивы, с явной путаницей в хронологии, их контекст позволяет отнестись к ним с доверием, как к воспоминаниям жены одного из командиров Красной Армии, учитывая при этом, что написаны они были более двух десятилетий спустя после описываемых событий. Автор книги о М. Тухачевском Б. Соколов предпринял попытку идентифицировать мужа мемуаристки. Он считает, что таковым являлся близкий к М. Тухачевскому с 1928 г. Б. Фельдман[2]. Думаю, что он ошибается: их приятельские отношения возникли не ранее 1928 г., в бытность М. Тухачевского командующим Ленинградским военным округом. Во всяком случае, в войсках Западного фронта в 1922—1924 гг. Б. Фельдман не служил. С другой стороны, ведь сама мемуаристка проговаривается, называя мужа по

---

[1] *Миллер Е.К.* «Повстанческая работа в Советской России». Начало октября 1937 г. // Политическая история русской эмиграции 1920—1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999. С. 50—54.

[2] *Соколов Б.* Михаил Тухачевский. Жизнь и смерть красного маршала. Смоленск, 1999. С. 236.

имени: «мой Николай»[1]. Л. Норд упоминает известных советских военачальников той эпохи, чаще всего не помня занимаемые ими должности. Однако что примечательно: она часто называет фамилии малоизвестных военачальников-артиллеристов, их должности (не ошибаясь), обстоятельства, связанные со служебной деятельностью артиллеристов. В качестве ближайшего приятеля М. Тухачевского она постоянно называет начальника артиллерии Западного фронта в 1921—1924 гг. В. Садлуцкого, а также малознакомые и забытые имена высших офицеров-артиллеристов: Внукова, Л. Андрияшева, В. Городисского, Н. Роговского, его жену. Она знает, что Л. Андрияшев являлся заместителем Н. Роговского. Леонид Прокофьевич Андрияшев (1891—1938), сын врача-ветеринара, штабс-капитан артиллерии, так и оставшийся беспартийным, находился в близких приятельских отношениях с Н. Роговским. Он являлся его заместителем, когда Н. Роговский был начальником артиллерии 5-го стрелкового корпуса на Западном фронте в 1923—1924 гг. Он вновь оказался его заместителем, когда Н. Роговский занял должность начальника артиллерии РККА в 1932 г. Городисский Виктор Андреевич (1887—1938), бывший подполковник артиллерии, беспартийный, также в 30-е годы служил в управлении начальника артиллерии РККА, то есть у Н. Роговского. Эти мелкие факты хотя и косвенно, но достаточно убедительно указывают на то, что мужа мемуаристки следует искать среди артиллеристов, окружавших М. Тухачевского и В. Садлуцкого в 1922—1924 гг. на Западном фронте.

Среди артиллерийских командиров Западного фронта, по своему служебному положению находившихся рядом с указанными лицами и в приятельских с ними отношениях, в штатном расписании фронта этих лет встречаются лишь три человека с именем Николай: упоминавшийся выше Николай Михайлович Роговский, Николай Матвеевич Трущенко и Николай Германович Эссен[2]. Н. Роговский отпадает потому, что мемуаристка упоминает его жену Зинаиду Павловну, следовательно, он не мог быть мужем Л. Норд. Н. Трущенко (1893—?), из крестьян, прапорщик воен-

---

[1] *Норд Л.А.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском // Возрождение. Тетрадь № 66. С. 111.

[2] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192. Л. 35, 40.

ного времени, с 1922 г. занимал должность начальника отделения складов и мастерских Управления начальника артиллерии Западного фронта. Он был к этому времени женат[1]. Однако по своему должностному положению, происхождению и профессиональной квалификации он вряд ли мог входить в ближайшее окружение высших начальников Западного фронта — М. Тухачевского и В. Садлуцкого.

Другой «Николай» — Н. Эссен (1886—?), русский, из дворян, выпускник Александровского военного училища, подполковник артиллерии, с 1922 г. занимал должность начальника отдела материальной части артиллерийского Управления начальника артиллерии Западного фронта. Эта должность была выше должности его тезки. Как начальник отдела он непосредственно подчинялся В. Садлуцкому. Их сближало и давнее знакомство: и Н. Эссен, и В. Садлуцкий в одно и то же время учились в Александровском военном училище. Следует вспомнить, что и М. Тухачевский тоже был «александроном». Это обстоятельство, несомненно, должно было весьма способствовать их близким приятельским отношениям. Н. Эссен также был женат, и у него была дочь 1916 г. рождения[2]. Можно предполагать, исходя из данного факта, что женился он в 1914 или 1915 г. Следовательно, его жене в 1922—1923 гг. было 25—26 лет. Таков, судя по всему, был и возраст Л. Норд в указанные годы. Это соответствует обстоятельствам ее знакомства и близкого общения с М. Тухачевским.

Само «дело РОВС» начало раскручиваться с июля 1937 г., а суды и расстрелы по этому делу датируются январем—маем 1938 г. Вряд ли в составе РОВС мог быть Б. Фельдман, солдат по служебному положению в старой армии и еврей по национальности. А вот Н. Эссен, бывший подполковник, кадровый офицер, как и В. Садлуцкий, и Л. Андрияшев, М. Тухачевский, И. Уборевич, вполне вписывался в эту «компанию».

Примечательно в связи с вышесказанным еще одно обстоятельство. 10 мая 1937 г., еще до ареста комкора Б. Фельдмана (показания которого от 19 мая 1937 г. послужили основанием для

[1] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192. Л. 35.

[2] Там же. Л. 40.

ареста маршала), следствие пыталось «выйти» на М. Тухачевского для его ареста через комкоров М. Василенко и И. Смолина. Дело в том, что комбриг Е. Медведев, арестованный 6 мая 1937 г., подписал 10 мая протокол допроса, из которого следовало, что он, комбриг, узнал о заговорщической деятельности М. Тухачевского, И. Якира и др. в рамках так называемой «военно-троцкистской организации» от комкора М. Василенко[1]. Как известно, комкор М. Василенко был арестован еще 11 марта 1937 г. и находился под следствием. Однако, несмотря на все усилия следствия, оба «генерала» не подтвердили показания Е. Медведева.

В контексте приведенной выше информации интересен сам факт «поиска» следствием «выхода» на М. Тухачевского через М. Василенко и И. Смолина. Обвинить комкора М. Василенко в приверженности «троцкизму» было трудно, поскольку он стал кандидатом в члены ВКП(б) лишь в 1932 г. и, следовательно, вряд ли мог иметь какие-либо «троцкистские грехи» в своей биографии на отрезке 1923—1927 гг. Правда, он был «скомпрометирован» долгой службой и приятельскими отношениями с комкором И. Гарькавым, «троцкистом 1923 г.» и близким родственником И. Якира. Этот фактор, видимо, и послужил поводом для его ареста. Комкор М. Василенко никогда не служил под непосредственным начальством М. Тухачевского. Разумеется, они были хорошо знакомы по служебным обстоятельствам, но никто из мемуаристов не упоминает об их приятельских, а не то что дружеских, отношениях. Компрометирующим пятном в биографии бывшего полковника Генштаба М. Василенко было то, что в 1918 — начале 1919 г. он служил в белой армии адмирала А. Колчака. Этот факт давал основания следствию «прощупать» М. Василенко на предмет его причастности к контактам М. Тухачевского с РОВС. Следствие, несмотря на сильное давление, оказанное им на М. Василенко, так и не смогло от него добиться показаний, компрометирующих М. Тухачевского как заговорщика. И то, что оно скоро отказалось от таковых попыток, может указывать на подлинную заинтересованность следствия в поиске неизвестных ему связей между М. Тухачевским, РОВС и возможной причастности к этому самого М. Василенко именно как бывшего белого офицера.

---

[1] Военные архивы России. Вып. 1. С. 35—36.

Аналогичные основания были у следствия и в его попытках выйти на связи между М. Тухачевским и РОВС через комкора И. Смолина, который был арестован 14 мая 1937 г. Он был другим высшим офицером, который вероятнее остальных советских «генералов» мог оказаться вовлеченным в конспиративные связи с РОВС. Более того, его могли подозревать в посредничестве между М. Тухачевским и русской военной эмиграцией. Процитирую следственный документ, приводимый в книге Н.С. Черушева. «Имеющимися у нас следственными материалами установлено, что начальник-комиссар Военно-инженерной академии РККА им. Куйбышева — комкор Смолин Иван Иванович, б. офицер, 1891 г. рождения, в декабре 1917 года из Москвы бежал на Дон, где вступил рядовым в Георгиевский полк деникинской армии. Через непродолжительное время из белой армии Смолин был командирован в Москву для сбора средств с буржуазии в пользу Добровольческой армии. По прибытии в Москву Смолин вступает в группу московских анархистов под фамилией «Лошкарев» и ведет контрреволюционную работу. В начале 1918 года он под этой фамилией арестовывается. По освобождении из тюрьмы Смолин, скрыв свое контрреволюционное прошлое, вступает в РККА, где в 1921 году его принимают в ВКП(б), а в 1922 г. по рекомендации террориста Муралова он свой партстаж оформляет с февраля 1919 года»[1].

Все вышесказанное, разумеется, не дает достаточных оснований утверждать наличие «заговора Тухачевского совместно с РОВС». Однако следует признать и констатировать строго засекреченные контакты М. Тухачевского, В. Путны, может быть, И. Уборевича с представителями руководства РОВС (с генералом Н. Скоблиным) с ведома и, возможно, по поручению некоторых высших представителей советского руководства (И. Сталина) под прикрытием НКВД. Остается открытым вопрос: вышли ли переговоры М. Тухачевского, В. Путны с Н. Скоблиным и РОВС за пределы означенного и допущенного советским политическим руководством? Сколь далеко за пределы дозволенного властью они вышли, спровоцировав подозрения И. Сталина о превращении инсценировки «заговора Тухачевского» в подлинную угрозу его

[1] *Черушев Н.С.* Удар по своим. Красная Армия 1938—1941. М., 2003. С. 222—223.

власти со стороны «генералов», которые, «увлекшись», начали вести свою политическую игру. В связи с этим вернемся к сообщению газеты «Возрождение» о встрече М. Тухачевского «с одним из русских военных».

Как уже говорилось выше, прямо свидетельствовал о свидании М. Тухачевского с Н. Скоблиным брат генерала, С. Скоблин. После революции и Гражданской войны он, в отличие от генерала Н. Скоблина, оставался в СССР и в 1930 г., в связи с предстоявшей вербовкой генерала советскими спецслужбами, был вынужден стать секретным сотрудником ОГПУ. В 1936 г. он уже находился во Франции и жил у своего брата-генерала и его знаменитой жены. Надо думать, что он, несомненно, проинформировал НКВД о встрече М. Тухачевского с Н. Скоблиным на ул. Сегюр в Париже. Об этой встрече, впрочем, уже находясь в заключении в тюрьме, вспоминала и Н. Плевицкая. У Н. Скоблина были также еще две сестры. Одна из них в 1936 г. являлась женой полковника Воробьева, другая, Александра Скоблина, оставалась в СССР. По свидетельству Л. Норд, о чем только что было сказано, хорошо осведомленной о личной жизни маршала М. Тухачевского, красавица Александра (как ее постоянно именует близко знавшая ее мемуаристка Шурочка) Скоблина была его любовницей и... секретным сотрудником ОГПУ[1]. Контекст воспоминаний Л. Норд позволяет считать, что любовницей маршала А. Скоблина стала не без содействия НКВД. Весьма вероятно, отправлявшийся в Лондон и Париж М. Тухачевский получил от нее рекомендательное письмо для брата-генерала Н. Скоблина. Оно могло служить достаточно безобидным предлогом для встречи М. Тухачевского с генералом. Словом, маршал располагал разнообразными возможностями для осуществления этой конспиративной встречи. Однако важным представляется не сам факт этой встречи. Пожалуй, учитывая все вышесказанное, вряд ли остаются серьезные сомнения в реальности этого события. Важно другое: были ли эти встречи и контакты М. Тухачевского запланированы еще в Москве и согласованы с представителями высшего политического руководства (с И. Сталиным?) и высшим руководством НКВД (Г. Ягодой?). Во

[1] *Норд Л.А.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском // Возрождение. Париж, 1957. Тетрадь № 65. С. 91.

всяком случае, в «Журнале посещений И. Сталина в Кремле» зафиксировано, что 23 января 1936 г., то есть непосредственно перед отъездом в Лондон и Париж, М. Тухачевский был на приеме у И. Сталина, на котором присутствовали также К. Ворошилов, В. Молотов, Г. Ягода и начальник Иностранного отдела ГУГБ НКВД А. Слуцкий. Вполне вероятно, что именно на этом совещании узкого круга доверенных лиц и могли быть решены все вопросы, касавшиеся официальной и конспиративной сторон «миссии Тухачевского». Однако в свете указанных обстоятельств, странным оказывается появление в газете «Возрождение» 13 февраля 1936 г. заметки некого Н. Алексеева, на которую весьма бурно отреагировал Р. Гуль.

«...А через несколько дней, — вспоминал много позже об этом событии сам Р. Гуль, — вышеупомянутый советский стукач Н.Н. Алексеев напечатал в газете «Возрождение» статью о маршале Тухачевском, тогда приехавшем в Париж из Лондона, куда был послан присутствовать на похоронах английского короля. Статья, подписанная буквой «А», была подкинута НКВД — чисто стукаческая, полная лжи о М.Н. Тухачевском и обо мне. Н.Н. Алексеев писал, что еще со времен своего плена Тухачевский был немецким агентом и из плена он не бежал, а был послан в Россию немцами. Мне посвящался такой абзац: «Наиболее обстоятельная книга о Тухачевском была написана несколько лет тому назад бывшим участником первого похода, затем перекинувшимся к большевикам и от них уехавшим в Берлин и Париж романистом Романом Гулем. К ней нельзя относиться с большим доверием потому, что как раз в эти дни Р. Гуль выступал в Париже в одной из масонских лож с докладом о «масонстве в СССР», а М. Тухачевский сам принадлежал к масонству со времен пребывания в германском плену»[1].

Прочтя эту «работу» стукача, я пришел в ярость. Написал письмо в редакцию и сам поехал в «Возрождение». Первым, на кого я там наткнулся, был как раз Н. Алексеев. Он, конечно, понял, зачем я приехал, и с саркастической улыбкой вышел в соседнюю комнату. А меня принял секретарь редакции. Я дал ему письмо, сказав, что, если оно полностью, без изменений, не будет напеча-

---

[1] *Гуль Р.* Я унес Россию. Т. II. Россия во Франции. С.227.

тано в «Возрождении», я привлеку редакцию к суду за клевету. И попросил дать мне ответ сразу. Секретарь с письмом куда-то ушел. Через несколько минут ко мне вышел редактор Ю. Семенов (несчастная бездарность!) с моим письмом в руках и сухо сказал, что письмо будет напечатано.

16 февраля 1936 года мое опровержение было полностью напечатано. А в 1937 году в Париже резидент НКВД Кривицкий бежал из полпредства, «выбрав свободу». И свои разоблачения стал печатать в меньшевистском «Социалистическом вестнике», сообщая, что статья о Тухачевском была подкинута НКВД, и добавлял, что в «Возрождении» он, резидент НКВД, мог напечатать все, что хотел»[1]. Конечно, нельзя исключить и того, что В. Кривицкий, как «перебежчик», выполняя, хотя бы отчасти, политический заказ антисоветской и антисталинской эмиграции, утверждал это безосновательно. Но попытаемся разобраться в этом вопросе.

Действительно, такая статья появилась на страницах «Возрождения» 13 февраля 1936 г. В этой статье, в частности, писалось о происхождении Тухачевского от «графов Фландрских, принимавших участие в крестовых походах и затем обосновавшихся в Скифии на берегах Черного моря» (во французских газетах). (Впрочем, существует версия, будто роды Толстых, Тухачевских, Дурново происходят от потомка графов Фландрских, поступивших на службу к Господину Великому Новгороду.) Указывалось также, что «Тухачевский в близком родстве с дворянской семьей Шеншиных и поэт Фет приходится Тухачевскому дядей».

Главным же образом автор статьи постарался дать М. Тухачевскому крайне отрицательную нравственную и политическую характеристику. Он писал: «Отличаясь завидными физическими данными, привлекательной наружностью и необычайным честолюбием и тщеславием, он был в корпусе и в училище настоящим карьеристом. Будучи незаурядных способностей и умея схватывать полезное для себя на лету, Тухачевский учился хорошо и окончил училище с записью на доску. ...И он при участии немецкого командования симулировал удавшийся побег лишь в 1917 г. Фактически он тогда сделался немецким агентом и, как таковой, был отправлен в Россию для революционной работы под надзором

[1] *Гуль Р.* Я унес Россию. Т. II. Россия во Франции. С. 227—228.

и руководством бывшего главы Коминтерна Г. Зиновьева. С последним Тухачевский свел, по желанию немецкого коменданта форта Ингольштадт, знакомство, когда Зиновьев находился в лагере для гражданских военнопленных в Кюстрине. В Россию Тухачевский, по требованию немецкого командования, был направлен после большевистского переворота в штаб Красной Гвардии в Сызрань, где якобы по своей инициативе, но на самом деле по указанию Троцкого впервые вовлек в ряды Красной Гвардии офицеров императорской армии. Как военачальник, — подчеркивал автор статьи, — на фронтах гражданской войны Тухачевский ни разу и нигде не показал себя победителем. Он был связан с Троцким... Тухачевский — представитель капитулировавшего перед ним (то есть Троцким) дворянского офицерства. Карьеризм и оппортунизм Тухачевского, по словам людей, сидевших вместе с ним в германских лагерях и спавших с ним на соседних койках, — чудовищны... Тухачевский называл себя убежденным монархистом. Получая подарки от Красного Креста... Тухачевский от имени всех произнес верноподданническую речь и благодарности. Речь его отличалась исключительной льстивостью по отношению к Государыне и Государю. Февральская революция... Тухачевский был первым, сорвавшим с себя погоны и нацепившим красный бант. Затем он обратился к германскому командованию с предложением своих услуг, каковые были приняты». Исходя из этого, автор статьи утверждал, что М. Тухачевский, «главный агент связи с рейхсвером», осуществлял свою агентурную деятельность во время пребывания в Москве (в 1929 г.) главнокомандующего рейхсвером генерал-полковника Гаммерштейна»[1].

По существу, весь набор обвинений, обрушившихся на М. Тухачевского в мае—июне 1937 г., уже присутствовал в этой статье более чем за год до гибели маршала. Эта информация в основном была недостоверной и не выдерживала критики. Во-первых, потому, что подпоручик М. Тухачевский к моменту своего побега (в августе 1917 г.) вряд ли представлял какую-либо ценность для германской разведки. Во-вторых, каковы могли быть гарантии для германской разведки, что подпоручик, «сбежав», выполнит

---

[1] *А. (Алексеев Н.Н.)*. Красный маршал. К пребыванию Тухачевского в Париже // Возрождение. № 3907. 1936. 13. 2. С. 1—5.

свои обещания? В-третьих, учитывая, что М. Тухачевский бежал из плена в августе 1917 г., странно, что германская разведка делала ставку на его связь с большевиками. Еще ничто не предвещало их будущую победу. В-четвертых, были географические препятствия для контактов подпоручика М. Тухачевского, находившегося в Баварии с 1916 г., где располагался Ингольштадт, и Г. Зиновьева, якобы пребывавшего в Кюстрине, в Пруссии, неподалеку от Берлина. Наконец, самое главное. Общеизвестно, что Февральская революция застала Г. Зиновьева рядом с В. Лениным в Швейцарии, в Берне. Вместе же с В. Лениным и Г. Зиновьев в «бронированном вагоне» в апреле 1917 г. появляется в Петрограде. Г. Зиновьев сопровождает скрывающегося в Разливе В. Ленина после июльских событий и никуда не отлучается из России вплоть до Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Поэтому, при всем желании, подпоручик М. Тухачевский был не в состоянии встретиться с Г. Зиновьевым в Германии в 1917 г. Согласно некоторым сведениям, побег из крепости Ингольштадт в 1917 г. был для него неудачным. М. Тухачевскому удалось бежать лишь из следующего, солдатского лагеря, в который он попал, выдав себя за солдата. Во всяком случае, в сентябре — начале октября 1917 г. он был в Париже, куда прибыл из Швейцарии. Таким образом, ни один из приведенных фактов не имел под собой реальной почвы. Тогда, в феврале 1936 г., никаких признаков внимания к этой информации со стороны советских спецслужб и И. Сталина обнаружено не было, хотя появилась она в открытой прессе и тогда было трудно сделать из нее тайну. Тем не менее возникает вопрос: кому выгодна была такая, пусть даже малоправдоподобная, компрометация маршала в разгар его блестящего пребывания в Париже? Прежде всего стоит по возможности выяснить: кто такой Н. Алексеев, являвшийся автором этой публикации? Ответ на этот вопрос позволит лучше разобраться в смутных обстоятельствах и слухах, окутавших пребывание М. Тухачевского в Париже.

Николай Николаевич Алексеев в 1917 г. окончил школу прапорщиков флота, мичман военного времени Гвардейского Экипажа. В Добровольческой армии с момента формирования. В январе — феврале 1918 г. увел из Минвод бронепоезд, остался в этом районе, в феврале 1918 г. был в составе белогвардейской органи-

зации в Кисловодске. Н. Алексеев был приятелем Н. Скоблина еще с зарождения Добровольческой армии. Подозрения в отношении Н. Алексеева, что он является секретным сотрудником ОГПУ, появились в белоэмигрантской среде еще в 20-е годы.

«Из сотрудников «Возрождения» особого внимания достоин Николай Алексеев, — отмечалось в донесении сотрудника французских спецслужб 14 октября 1930 г., — бывший офицер русского военно-морского флота. Он прибыл во Францию 1 февраля 1925 г., а 1 сентября 1927 г. стал редактором вышеназванной газеты. Имеются подозрения, что Алексеев работает на советское посольство и при случае может выступить в роли провокатора»[1]. К этому времени немецким спецслужбам было уже известно, что Н. Алексеев является сотрудником французских спецслужб, в частности агентом некоего Фо-Па Биде. Об этом сообщалось в агентурном донесении от 30 мая 1930 г. «Между Завадским-Краснопольским и сотрудником газеты «Возрождение» Алексеевым существует какая-то странная и непонятная связь, — говорилось в этом документе. — Она продолжается уже два года. Алексеев все это время является агентом г-на Фо-Па Биде. В какой-то момент между Завадским и Алексеевым наметился разрыв. Как раз тогда же у Алексеева начались неприятности с Префектурой полиции. Но вскоре они снова тесно сошлись, и с этого времени, как представляется, Алексеев попал в зависимость от Завадского и в силу тех или иных причин стал вынужден покорно исполнять все, что тот от него потребует. Так, некоторое время назад Завадский получил от великого князя Андрея сумму в 2000 франков для оплаты новых удостоверений личности всех членов великокняжеской семьи. Завадский растратил эти деньги и новые удостоверения получать не стал. Когда великий князь получил из полиции напоминание о необходимости получить новые удостоверения личности, он очень удивился и потребовал от Завадского объяснений. Тот же вызвал к себе Алексеева и потребовал за два часа достать необходимую сумму»[2]. Однако похоже, что Н. Алексеев начал свое сотрудничество со спецслужбами, во всяком случае с советскими,

[1] *Бон Д.* Преступление без наказания // Наш современник. С. 69.

[2] Там же. С. 58.

еще в начале 20-х годов. Такое мнение возникает при анализе одной из дневниковых записей генерала А. фон Лампе.

«В тот же день у меня был некто Н.Н. Алексеев, который только что бежал из Совдепии, — отметил генерал 27 сентября 1922 г.[1]. — ...В Москве он видел Слащева, которому предлагали назначение Главнокомандующим на Дальнем Востоке, но тот, боясь выступлений против себя, не едет! По словам Алексеева, Слащев, а с ним Гильбих (не Генерального штаба) и Мильковский живут так же, как прибывший Лазарев, припеваючи, а Слащев также и бросил пить! Все они не коммунисты и жаждут работы на воссоздание армии и в этом видят спасение России!! Не знаю, кто прав!! Но их правыми, после всего их участия в гражданской войне, не считаю! Интересно заявление Буденного, который познакомился со Слащевым, а остальных белых вождей не ругает, а считает себе равными, что «мы не получили бы Крыма, если бы его не продали!!». В этом Алексеев видит связь с Симинским и якобы виденными им расписками Коновалова в получении от Симинского советских денег»[2].

Все сообщенное Н. Алексеевым генералу А. фон Лампе не соответствовало действительности. Эта информация была явно инспирирована ГПУ, как одна из пропагандистских акций, направленных на разложение «Русской армии» генерала Врангеля. Такого рода акции должны были стимулировать репатриацию «чинов белой армии» в Советскую Россию. Такой вывод позволяет считать, что Н. Алексеев был направлен за границу, в «белое зарубежье», советскими спецслужбами, уже к этому времени являясь агентом ГПУ. На основании этих, пусть и фрагментарных, сведений о Н. Алексееве можно заключить, что он являлся агентом НКВД. Сам же «компромат» на М. Тухачевского в «Возрождении» был инспирирован НКВД. На это, как мне кажется, указывает и ряд косвенных признаков, которые обнаруживают себя в упомянутой статье.

Во-первых, в статье М. Тухачевский представлен как «человек Троцкого и Зиновьева», с которыми он был тесно связан еще с

---

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3285.

[2] Там же. Л. 3286—3287.

1917—1918 гг. и которым был обязан своей карьерой. Примечательно, что, упоминая о Г. Зиновьеве, якобы находившемся в 1917 г. в Германии, автор статьи нигде не упомянул В. Ленина. Если бы эта публикация была инспирирована белоэмигрантскими кругами, то традиционная тема о «немецком золоте» В. Ленина и «пломбированном вагоне» не могла бы остаться без упоминания. В данном же случае имя Ленина «обошли» вниманием, по непонятным причинам «пощадили». Зато «изменниками» оказались Г. Зиновьев и Л. Троцкий. Зная, что именно в это время в СССР начался новый, роковой виток в «раскручивании» «троцкистско-зиновьевского заговора», такое звучание имен главных «вождей заговора» было естественным и необходимым. Это было выгодно только тем, кто разрабатывал это «дело» в СССР.

Во-вторых, свидетельствуя о давних связях М. Тухачевского с Г. Зиновьевым, автор статьи обвиняет обоих в сотрудничестве с немецкой военной разведкой еще с 1917 г., то есть в «измене родине». Эта тема оказывается, пожалуй, главной применительно к М. Тухачевскому в данной публикации. Маршала прямо обвиняют в том, что с лета 1917 г. он является агентом германского Генштаба. Но следует заметить, его не обвиняют в сотрудничестве с нацистами, с гестапо. В этом явно прослеживается стремление автора статьи не портить отношения с нацистами и гитлеровским режимом, зато он бросает подозрения на германский генералитет. В определенной мере это было и в интересах СД и не в интересах абвера, то есть генералов вермахта. Этим же целям служило обвинение М. Тухачевского в его принадлежности к «масонам», что превращало маршала в фигуру, неприемлемую для А. Гитлера в качестве политического партнера.

В-третьих, публикация должна была скомпрометировать М. Тухачевского в глазах русской белой эмиграции на основании вышеотмеченных его связей и свидетельств о его поведении в плену.

В-четвертых, маршала дискредитировали в глазах французской политической общественности, обвиняя в работе на германскую военную разведку.

На основании всего вышесказанного и с учетом того, что, по сути дела, именно эти обвинения были предъявлены М. Тухачевскому в декабре 1936 г., кампания по дискредитации маршала и

его «низвержению» была начата советскими спецслужбами еще в феврале 1936 г., скорее всего, по инициативе, исходившей с самой политической вершины СССР. Ведь неспроста в кулуарах НКВД активно циркулировали слухи о том, что М. Тухачевский был репрессирован на основе именно этих сведений — о его работе на германскую военную разведку еще с 1917 г. Однако публикация в «Возрождении» от 13 февраля 1936 г., компрометировавшая М. Тухачевского, в общем, должна была подтвердить «слухи» о его конспиративных попытках наладить контакты с германским генералитетом.

Так или иначе, М. Тухачевский представал перед общественностью как «заговорщик» и «изменник». В то же время он политически дискредитировался в глазах политической общественности Западной Европы, в том числе Франции, Великобритании, Германии. М. Тухачевского следовало лишить ореола политической альтернативы И. Сталину в СССР, каковая давно уже представлялась в белой эмиграции и западноевропейских военных и политических кругах. Публикация и почти афишируемые конспиративные действия М. Тухачевского должны были развенчать «миф о Тухачевском». Следовало политически уничтожить М. Тухачевского в глазах западной и русской эмигрантской общественности и доказать, что И. Сталину в СССР альтернативы нет и договариваться в СССР, кроме него, больше не с кем. Следовало «взорвать» эту информационную бомбу, дискредитирующую политическую репутацию маршала.

Но в таком случае выглядит совершенно абсурдным предположение, что М. Тухачевский вступал в контакт с руководством РОВС для выхода на переговоры с А. Гитлером с ведома высшего советского политического руководства, с ведома И. Сталина. Зачем было поручать маршалу столь тонкое и засекреченное дело, использовать его старые приятельские связи и, когда у него что-то начало получаться, его же, своего «политического агента», дискредитировать и дезавуировать перед искомыми партнерами? Напрашивается один ответ: в контакты с руководством РОВС М. Тухачевский вступил по собственной инициативе, без предварительной договоренности с высшим советским политическим руководством. Возникшее в результате маршальских «инициатив» опасение у

И. Сталина и его окружения должно было усилиться, когда в распоряжении спецслужб появились, пусть фрагментарные, пусть на уровне слухов, сведения о содержании переговоров М. Тухачевского с руководством РОВС. Речь идет о его «замыслах совершить антисоветский переворот». И уже не столь важно, «мистифицировал» ли маршал своих приятелей и партнеров из РОВС, или признавался им в серьезности своих намерений совершить государственный переворот в СССР. Ведь это предстояло выяснить. Может быть, маршал думал об этом всерьез. Во всяком случае, это свое намерение вступить с переговоры с РОВС, заверить его руководство в намерении совершить переворот (даже если он блефовал) он скрыл от высшего политического руководства СССР. А это уже конспирация, «заговор», «военный заговор».

Косвенным намеком на самостоятельную инициативу (чем бы она ни была им мотивирована) установить контакты с РОВС, чтобы выйти на высшее германское политическое и военное руководство, может служить факт неудачи М. Тухачевского в достижении этой цели без «белогвардейских» посредников во время его первой остановки в Берлине 26 января 1936 г. по пути в Лондон. Поэтому, едва оказавшись в Париже, утром 10 февраля 1936 г., М. Тухачевский, очевидно, начал искать возможность наладить контакты с руководством РОВС. Если 13 февраля статья Н. Алексеева была уже опубликована в «Возрождении», то поступила она в редакцию газеты не позднее 12 февраля. Информацию о встрече с М. Тухачевским и распоряжение о его газетной компрометации Н. Алексеев должен был получить не позднее того же 12 февраля. Встреча же М. Тухачевского с генералом Н. Скоблиным, который, видимо, и проинформировал ответственных представителей НКВД в Париже о встрече с маршалом, состоялась, скорее всего, 11 февраля. Ведь прежде, 10 февраля (не ранее), М. Тухачевский должен был встретиться со своим приятелем Н. Ганецким. Он мог это сделать не ранее второй половины дня или даже вечера, поскольку утром 10 февраля М. Тухачевский должен был присутствовать на завтраке, который в его честь давал военный министр Франции М. Гамелен. Я представил, на мой взгляд, наиболее вероятную реконструкцию рассматриваемых событий во времени.

5

«Военная тревога» 1936 г.

М. Тухачевский вернулся из своей длительной заграничной поездки 21 февраля 1936 г. Январь—февраль 1936 г. был «моментом» самого прекрасного «номенклатурного» и «рейтингового самочувствия» М. Тухачевского. На это обратил внимание еще принимавший маршала в Париже военный министр Франции генерал М. Гамелен. По впечатлению французского генерала, М. Тухачевский «казался уверенным в себе и собственном влиянии...»[1]. М. Гамелен запомнил весьма красноречивую реакцию М. Тухачевского в связи с сожалениями, выраженными французом по поводу их возможностей в решении оборонных проблем. «Я получаю все, что я потребую, — заявил с удовлетворением советский маршал. — В этом преимущества большевистского режима»[2]. Иными словами, М. Тухачевский в начале 1936 г. свидетельствовал своим поведением, высказываниями, ощущением своего определяющего влияния на власть отсутствие у него каких-либо к ней претензий. Однако, несмотря на это, а также на то, что французский посол в Москве Ш. Альфан, демонстрируя свое уважение к советскому военачальнику, 22 февраля, в связи с предстоящим Днем Красной Армии, в честь М. Тухачевского устроил прием, маршал вряд ли испытывал полное удовлетворение от своей миссии в Западную Европу. Военная конвенция с Францией заключена не была, а переговоры с германским руководством не получились. В то же время ситуация на границах СССР осложнялась. В феврале 1936 г. произошло первое крупное боевое столкновение советских войск с японскими: в боевых действиях приняли участие несколько батальонов, а также авиация.

28 февраля 1936 г. М. Тухачевский был на приеме у И. Сталина, где сообщил об итогах поездки и выразил свое беспокойство и идеи по ряду проблем обороноспособности Красной Армии и СССР. Его идеи по многим аспектам расходились с общепринятыми установками, которых придерживалось руководство военного ведомства во главе с К. Ворошиловым. Обозначились и расхожде-

---

[1] *General Gamelin.* Servir... P. 196.

[2] Ibid.

ния в понимании военно-политической и оперативно-стратегической ситуации и с видными войсковыми руководителями Красной Армии.

Проблемой первостепенной важности для М. Тухачевского, учитывая сферу его особых интересов, увлечений и свойств личности, была крайне опасная для СССР новая геостратегическая ситуация с перспективой войны на два фронта, сложившаяся, как он считал, уже к началу 1935.г. Миссия М. Тухачевского в Лондоне, Париже и Берлине, основной целью которой было либо добиться заключения военного союза с Францией и Великобританией (подобного прежней Антанте) для сдерживания и нейтрализации военно-политической активности Германии на советских западных границах в случае, как казалось, близкой войны СССР с Японией; либо достичь соглашения с Гитлером о восстановлении прежней военно-политической дружбы СССР — Германии, что было бы предпочтительнее опять же в целях избавления СССР от войны на два фронта, окончилась неудачей. Это обстоятельство заставило М. Тухачевского сразу же по возвращении из Парижа поставить перед советским руководством, то есть перед И. Сталиным, как ему представлялось, неизбежность и близость войны СССР против Германии и Польши, которая может спровоцировать и нападение Японии на Дальнем Востоке. Это он сделал, очевидно, на приеме у И. Сталина в Кремле 28 февраля 1936 г.

6

«Заговор» против К. Ворошилова

Выступая на печально известном заседании Высшего Военного совета при наркоме обороны 1 июня 1937 г., К. Ворошилов сказал: «В прошлом году (то есть 1936 г.), в мае месяце, у меня на квартире Тухачевский бросил обвинения мне и Буденному, в присутствии тт. Сталина, Молотова и многих других, в том, что я якобы группирую вокруг себя небольшую кучку людей, с ними веду, направляю всю политику и т. д. Потом, на второй день, Тухачевский отказался от всего сказанного... Тов. Сталин тогда же сказал, что надо перестать препираться частным образом, нужно устроить заседание П.Б. (Политбюро) и на заседании подробно

разобрать, в чем тут дело. И вот, на этом заседании мы разбирали все эти вопросы и, опять-таки, пришли к прежнему результату». И. Сталин во время этих воспоминаний К. Ворошилова уточнил, прерывая выступление последнего: «Он (т. е. Тухачевский) отказался от своих обвинений». Продолжая свое выступление вслед за репликой И. Сталина, К. Ворошилов повторил: «Да, отказался, хотя группа Якира и Уборевича на заседании вела себя в отношении меня довольно агрессивно. Уборевич еще молчал, а Гамарник и Якир вели себя в отношении меня очень скверно»[1].

В связи с вышеизложенным рассказом наркома на следствии «Тухачевский, Уборевич, Корк, Путна признавали, что разговоры об отстранении Ворошилова между ними велись. Уборевич уточнил: когда решили поставить в правительстве вопрос о Ворошилове, то «нападать на него по существу уговорились с Гамарником, который сказал, что крепко выступит против Ворошилова»[2]. Похоже, что и К. Ворошилов, и подследственные «генералы» рассказывали об одних и тех же событиях.

В свою очередь, и комкор И. Кутяков признал, что у него был «разговор с комкором Фельдманом, от которого... он узнал о наличии в РККА группы лиц высшего начсостава, недовольных Ворошиловым и борющихся за смену руководства Наркомата. Фельдман сказал, что в эту группу входят Тухачевский, Гамарник и другие»[3]. Этот разговор состоялся, скорее всего, 2 или 3 марта 1936 г.[4].

В этом смысле интересен и еще один факт. Как свидетельствовал Зюзь-Яковенко, «...после ареста Гарькавого... Гамарник и Левичев ругали Гарькавого за то, что **он всех выдает**»[5]. Обращает на себя внимание и выражение: «он всех выдает». Оно позволяет полагать, что И. Гарькавому было кого и в чем-то «выдавать», то есть рассказывать о каких-то действиях «генералов», которые они

---

[1] Военные архивы России. Вып. 1. С. 47.

[2] *Викторов Б.А.* Заговор в Красной Армии // *Викторов Б.А.* Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора. М., 1990. С. 232.

[3] *Викторов Б.А.* Организации без членов не бывает // Там же. С. 259—260.

[4] Когда И. Кутяков еще находился в Москве, ибо вскоре он уехал в ПриВО, где в начале марта проводил полевые занятия с войсками.

[5] Цит. по кн.: *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА. 1937—1938. М., 1998. С. 103.

совершали, преднамеренно не ставя об этом в известность руководство армии, партии и правительства.

Как своего рода дополнение к сказанному можно рассматривать и штрихи воспоминаний Л. Брик, бывшей замужем за В. Примаковым. «Весь тридцать шестой год я прожила в Ленинграде, — вспоминала она. — ...И все это время я, чем дальше, тем больше, замечала, что по вечерам к Примакову приходили военные, запирались в его кабинете и сидели допоздна. Может быть, они действительно хотели свалить тирана?»[1] По свидетельству близких к ней людей, Л. Брик как-то вспомнила: «Ужасно то, что я одно время верила, что заговор действительно был, что была какая-то высокая интрига и Виталий к этому причастен. Ведь я постоянно слышала: «Этот безграмотный Ворошилов» или «этот дурак Буденный ничего не понимает!» До меня доходили разговоры о Сталине и Кирове, о том, насколько Киров выше, и я подумала, вдруг и вправду что-то затевается, но в разговор не вмешивалась»[2]. Чтобы продолжить рассуждения по данному вопросу, следует только скорректировать датировку описанных выше событий.

В вышеприведенных воспоминаниях К. Ворошилова, скорее всего, случайно или преднамеренно оказались совмещенными два похожих события. Одно из них действительно имело место, очевидно, на традиционном праздничном первомайском банкете у наркома обороны после «большой стратегической игры» в Генштабе 19—25 апреля 1936 г. И этот конфликт между К. Ворошиловым и М. Тухачевским, видимо, был спровоцирован обстановкой, в которой эта игра проходила, и ее итогами. На квартире у К. Ворошилова его заместитель М. Тухачевский бросил обвинение наркому и С. Буденному в том, что они «группируют вокруг себя небольшую кучку людей, с ними ведут, направляют всю политику» в военных вопросах. Примечательно, что К. Ворошилов не назвал больше ни одной фамилии из тех, кто поддержал бы тогда М. Тухачевского.

«На второй день, — по свидетельству К. Ворошилова, — Тухачевский отказался от всего сказанного». М. Тухачевский «отказался от своих слов» 2 мая, а 4 мая было принято решение о его отпуске. Не исключено, что маршал мог заявить о своей отставке.

---

[1] *Роговин В.* 1937. М., 1996. С. 423.

[2] *Катанян В.В.* Лиля Брик. Жизнь. М., 2002. С. 107.

Поэтому в качестве средства «смягчения» ситуации и «умиротворения» маршала ему был предложен отпуск.

Другие, сходные по характеру события имели место в марте того же 1936 г. Об этих событиях оставил записи в своем дневнике комкор И. Кутяков. «2 марта 1936 г. маршал Тухачевский вел почти 100% решительную атаку по Ворошилову + Егоров + Якир + Уборевич», — записал И. Кутяков в своем дневнике. Обычно эту краткую, явно не для публики, дневниковую запись расшифровывают так: «маршал Тухачевский вел почти 100% решительную атаку по Ворошилову, против которого также выступили Егоров, Якир, Уборевич». Несколько странным в такой расшифровке оказывается то, что выступавшего против К. Ворошилова М. Тухачевского поддержал А. Егоров, его соперник и оппонент. Однако в контексте «показаний Тухачевского» (в части его оперативно-стратегических рассуждений), а также в свете информации о стратегической игре 19—25 апреля 1936 г. расшифровка может быть и иной. «Маршал Тухачевский вел почти 100% решительную атаку по Ворошилову, а также по Егорову, Якиру, Уборевичу». Основания для серьезных разногласий между М. Тухачевским, с одной стороны, и К. Ворошиловым, А. Егоровым, И. Якиром и И. Уборевичем — с другой, были. Они носили оперативно-стратегической характер и касались казавшейся близкой войны на западных границах СССР. К. Ворошилов, И. Якир, И. Уборевич поддерживали старый оперативный план маршала А. Егорова. М. Тухачевский с февраля 1936 г. выступал с его критикой, предлагая совершенно иную геостратегическую и оперативно-стратегическую концепцию. Как цитировалось выше, И. Сталин предложил перенести спор на более деловую основу в Кремль, на особое совещание. Об этом совещании, в котором он сам принимал участие, сделал запись в своем дневнике И. Кутяков.

На совещании в Кремле у И. Сталина 29 марта 1936 г.[1], со-

[1] Заседания Политбюро, на котором могло происходить обсуждение военных вопросов при участии перечисленных К. Ворошиловым высших чинов Красной Армии, в мае 1936 г. не было. Записи «Журнала посещений И. Сталина в Кремле» свидетельствуют, что лишь однажды, 29 марта 1936 г., у И. Сталина было заседание, на котором присутствовали одновременно (с 17.30 до 23.50) К. Ворошилов, М. Тухачевский, И. Якир, Я. Гамарник, И. Уборевич, А. Егоров и И. Кутяков (единственный раз). Поэтому с достаточным основанием можно полагать, что «за-

званном в связи с возникшим острым разговором между наркомом и его заместителем, М. Тухачевский молчал. Он отказался от своих обвинений в адрес К. Ворошилова. «Да, отказался, — отметил этот факт нарком, — хотя группа Якира и Уборевича на заседании вела себя в отношении меня довольно агрессивно. Уборевич еще молчал, а Гамарник и Якир вели себя в отношении меня очень скверно»[1]. Свои впечатления об этом совещании весьма эмоционально выразил комкор И. Кутяков: «Чего хотел вождь, не ясно... Но как они лгали, льстили, рисовались, доказывали, что если бы их не было, то в армии никакого прогресса не было... Но, конечно, не случайно хозяин (Сталин) подчеркнул, что ведет со мной переписку»[2]. В дневниковой записи он датировал это совещание 24 марта. Это обычная ошибка, поскольку запись он сделал десять дней спустя, 7 апреля 1936 г. Действие в ее составе М. Тухачевского, как это традиционно представляется, в то время внешне никак не обозначилось. Почему же он отказался от своих слов, от своей критики К. Ворошилова на следующий день?

Дело было не в том, что М. Тухачевский вдруг неожиданно изменил свое мнение о К. Ворошилове. Однако М. Тухачевский был человеком осторожным, особенно после военно-политических казусов 1924 и 1930 гг., обозначивших его «бонапартистскую» репутацию. Представляется сомнительной абсолютная спонтанность его натиска на К. Ворошилова 2 марта 1936 г. Скорее всего «решительность» М. Тухачевского была в значительной мере стимулирована и спровоцирована скрытой поддержкой, которую он чувствовал со стороны И. Сталина. По свидетельству П. Судоплатова, сложившемуся на основе, очевидно, слухов, циркулировавших в кулуарах власти, «во время частых встреч со Сталиным Тухачевский критиковал Ворошилова, Сталин поощрял эту критику, называя ее «конструктивной», и любил обсуждать варианты но-

---

седание Политбюро», о котором вспоминал К. Ворошилов, состоялось 29 марта 1936 г. Надо полагать, что предшествовавшая этому совещанию перепалка между «генералами» имела место не в мае, а не позднее марта 1936 г.

[1] Военные архивы России. Вып. 1. С. 47.

[2] *Викторов Б.А.* Организация без членов не бывает. — В кн.: Без грифа «секретно». Записки военного прокурора. С. 259. Очевидно, И. Кутяков, единственный раз оказавшийся на совещании в Кремле у И. Сталина 29 марта 1936 г., ошибочно пометил его в своем дневнике 24-м.

вых назначений и смещений. Нравилось ему и рассматривать различные подходы к военным доктринам. Тухачевский позволял себе не только свободно обсуждать все это за закрытыми дверями, но и распространять слухи о якобы предстоящих изменениях и перестановках в руководстве Наркомата обороны»[1]. Действительно, в 1935—1936 гг. встречи М. Тухачевского с И. Сталиным в Кремле были весьма частыми. В 1936 г. И. Сталин совещался с М. Тухачевским чаще, чем с кем-либо еще из «генералов», не считая, конечно, К. Ворошилова (и начальника ПУ РККА Я. Гамарника). В контексте приведенной информации И. Сталин, скорее всего, предложил М. Тухачевскому отмежеваться от позиции И. Якира, Я. Гамарника, И. Уборевича.

Весьма вероятно, М. Тухачевский узнал и о том, что, по мнению «мятежных генералов», «Якир наиболее подходит на пост народного комиссара вместо Ворошилова»[2]. На встрече с И. Сталиным в Кремле 21 марта 1936 г. ему, очевидно, уже пообещали должности первого замнаркома и начальника Управления боевой подготовки РККА, которое выводилось из структуры Генштаба. Таким образом, в скором времени М. Тухачевский должен был стать «вторым (а в той политической ситуации, по существу, «первым») лицом» в руководстве Красной Армии после К. Ворошилова, политическое падение которого, казалось, было предрешено. В складывающейся обстановке невозможно было не вспомнить «модель» продвижения в наркомы М. Фрунзе. Впрочем, в гораздо большей мере, чем личные амбиции или обиды, позиция «неприсоединения» М. Тухачевского была обусловлена фундаментальными оборонными проблемами, составлявшими уже давно существо военной деятельности маршала, решению которых он посвятил свою жизнь.

На основании изложенной выше информации можно считать, что в разговорах и обсуждениях вопроса об отставке К. Ворошилова, то есть в «заговоре», так или иначе принимали участие: М. Тухачевский, Я. Гамарник, И. Якир, И. Уборевич, А. Корк, В. Путна, В. Примаков, С. Каменев, В. Левичев, Б. Фельдман, И. Кутяков, Я. Зюзь-Яковенко, И. Гарькавый, возможно, М. Васи-

---

[1] *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. М., 1996. С. 102—103.

[2] Военные архивы России. Вып. 1. С. 37.

ленко, С. Савицкий и И. Смолин. Инициативу в его организации, то есть объединении всех указанных выше лиц проявлял Б. Фельдман. От участия в «заговоре» отказался М. Тухачевский, возможно, А. Корк и С. Каменев, а И. Кутяков, судя по всему, лишь принял обращение к сведению.

В категориях «политической ментальности» тех лет поведение «оппозиционных генералов» можно было квалифицировать как «заговор». Именно так определял подобное поведение И. Сталин, выступая на одном из закрытых заседаний в конце 1937 г. (после расстрела М. Тухачевского и «его товарищей»). «Главное заключается в том, — говорил он, — что... продолжают существовать отдельные группировки, которые могут перерасти при определенных условиях в антипартийные, антисоветские группировки»[1]. Рассуждая далее о «группе недовольных» в составе А. Егорова, С. Буденного и П. Дыбенко, И. Сталин сказал: «Это... группировка политических единомышленников, недовольных существующим положением в армии, а может быть, и политикой партии... Само по себе недовольство отдельными моментами отношений к ним вполне законно. Мы не против того, чтобы товарищи были недовольны теми или иными фактами. Не в этом дело. *Важно, чтобы они пришли и вовремя сказали Центральному Комитету, что тем-то и тем-то мы недовольны*»[2].

Мы убеждаемся в этом, внимательно вчитываясь в письмо маршала А. Егорова в адрес К. Ворошилова от 3 марта 1938 г. Обеспокоенный сложившимся вокруг него напряженным положением, опасаясь за свою судьбу, маршал пытался убедить своих прежних соратников в собственной невиновности и приводил следующие весьма примечательные доводы. Они позволяют понять упомянутые выше аспекты «заговорщической деятельности», как они определились ко второй половине 30-х годов. «...Чем объяснить эту сложившуюся вокруг меня чудовищную обстановку, — писал маршал А. Егоров, — когда для нее нет никакой политической базы и никогда не было такого случая, чтобы *меня или в моем присутствии кто-либо призывал к выступлению против*

---

[1] «Правильная политика правительства решает успех армии». Кто достоин быть маршалом. (Выступление И. Сталина) // Источник. 2002. № 3. С. 73.

[2] Там же.

руководства партии, Советской власти и Красной Армии, т. е. вербовал как заговорщика, врага и предателя. За все мои 20 лет работы никогда, нигде и ни от кого подобных призывов и предложений я не слыхал. Заявляю, что всякий, кто осмелился бы предложить мне акт такого предательства, *был бы немедленно мной передан в руки наших органов НКВД и об этом было бы мной в первую голову и прежде всего доложено Вам.* Об этом отношении знал каждый из шайки врагов и предателей народа, и никто из них не осмелился сделать мне ни одного раза и ни одного подобного предложения в продолжение всего моего 20-летнего периода работы...»[1]. Следовательно, *«заговорщиком» мог считаться политический или военный деятель, которого «кто-либо* **призывал** к выступлению против руководства партии, Советской власти и Красной Армии» (**«вербовал как заговорщика»**), или присутствовавший при обращении указанного «призыва» к кому-либо другому и **не сообщивший** об этом в НКВД или партийные органы.

7
Проблема профессиональной и боевой подготовки Красной Армии

Выше уже отмечалось, что в гораздо большей мере, чем личные амбиции или обиды, позиция «неприсоединения» М. Тухачевского к «группе Якира — Гамарника» была обусловлена фундаментальными оборонными проблемами, уже давно составлявшими существо военной деятельности маршала, решению которых он посвятил свою жизнь.

Как показали последовавшие вскоре организационные, реорганизационные и кадровые мероприятия в Красной Армии, на совещании в Кремле 29 марта 1936 г. обсуждались следующие вопросы: 1) низкий профессиональный уровень подготовки высшего комсостава, что было обусловлено отсутствием соответствующего образования. Для решения этой проблемы прежде всего необходи-

[1] Письмо А.И. Егорова — К.Е. Ворошилову 3 марта 1938 г. // *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР... С. 361—362.

мо было создать Академию Генерального штаба и службу Генштаба в войсках; 2) в связи с этим вопросом крайне необходимо было провести стратегическую игру по проблеме «начального периода войны», чтобы проверить варианты разворачивания боевых действий и оперативно-стратегические возможности армии; 3) низкий уровень боевой подготовки войск, ответственность за которую в центральном военном аппарате нес Генеральный штаб, в частности Управление боевой подготовки; 4) состояние Военно-Воздушных Сил РККА, которые не отвечали по многим аспектам требованиям современной войны; 5) наконец, необходимость кадровых перестановок. В рамках этого вопроса самый главный: замена К. Ворошилова другим, более компетентным человеком на посту наркома.

Уже 31 марта на заседании Политбюро ЦК было принято решение о создании Академии Генерального штаба[1]. Это решение должно было обеспечить базу для повышения образовательного и профессионального уровня высшего комсостава.

После совещания, проведенного И. Сталиным в Кремле с К. Ворошиловым и М. Тухачевским (3 апреля), 7 апреля на заседании Политбюро ЦК было принято решение «Об организационных изменениях в Наркомате обороны и о создании в РККА службы Генерального штаба». На основании этого решения отдел боевой подготовки выводился из Генштаба РККА и превращался в самостоятельное структурное подразделение Наркомата обороны — Управление боевой подготовки. М. Тухачевский назначался первым замнаркома обороны и начальником Управления боевой подготовки РККА (официально с 9 апреля). Статус Управления боевой подготовки, судя по тому, что его начальником являлся первый замнаркома, оказывался выше статуса Генерального штаба. Фактически ответственным за низкий уровень боевой подготовки был признан Генеральный штаб РККА (А. Егоров и А. Седякин).

Важнейшая проблема, волновавшая маршала, всегда стоявшая для него на одном из первых мест, — боевая подготовка Красной Армии. М. Тухачевский давно хотел взять ее решение в свои руки. Он стремился к этому еще с 1924 г. Об этом он дискутировал с А. Егоровым в ноябре 1924 г. и с С. Каменевым — в

---

[1] Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 2. С. 753.

1926—1927 гг. По сути дела, расхождение и конфликт с наркомом К. Ворошиловым, а затем отставка М. Тухачевского с поста начальника Штаба РККА в 1928 г. были обусловлены именно этой проблемой.

Еще в феврале 1933 г., когда можно было уже считать в основном завершенной техническую модернизацию Красной Армии и гордиться достигнутыми успехами, германская разведка так оценивала состояние Советских Вооруженных Сил: «...Она в состоянии вести оборонительную войну против любого противника, — информировала немецкая военная разведка свое высшее руководство рейхсвера. — При нападении на Красную Армию современных европейских армий великих держав возможная победа их на сегодня может быть поставлена под вопросом. При своем численном превосходстве Красная Армия в состоянии вести победоносную наступательную войну против своих непосредственных соседей на Западе (Польша, Румыния)... В основном строительство вооруженных сил закончено. Теперь очевидно настало время по созданию инициативного и волевого командира всех степеней. Однако... налицо опасность, что это не удастся своевременно провести и что средний командный состав застынет на схеме и букве устава. До сих пор армия страдает тем, что, начиная от командира взвода и кончая командиром полка, командир не является еще полноценным. В своей массе они способны решать задачи унтерофицера. Несмотря на все мероприятия, проблема командиров Красной Армии еще не разрешена. Но общая ценность армии поднялась, она сейчас способна хорошо вести оборонительную войну против любого из противников. Ее численное превосходство дает полную возможность вести наступательную войну против непосредственных соседей Советского Союза — Польши и Румынии»[1]. Таким образом, по мнению германских (одних из лучших) экспертов, средний и старший комсостав РККА профессионально практически не был подготовлен к началу 1933 г.

Достаточно веским мотивом и поводом для выдвижения этой проблемы на первое место служили весьма существенные недостатки в этом плане, обнаруженные на маневрах 1935 г. в КВО и

---

[1] *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР. С. 299—300.

БВО[1]. На низкий уровень профессиональной подготовки Красной Армии обратили внимание и представители французской военной делегации, приглашенные на маневры, хотя глава делегации генерал Луазо и был восхищен техническим оснащением РККА и количеством боевой техники. Это мнение стало одним из главных доводов руководства французской армии против заключения с СССР военного союза. А это означало гораздо большее, чем низкая боевая подготовка войск КВО и БВО. Это грозило крушением всего внешнеполитического курса М. Литвинова, который активно поддерживался, в частности, И. Якиром, рассчитанного на возрождение «Антанты». Кто-то должен был ответить за низкую профессиональную и боевую подготовку РККА. В данном случае непосредственная ответственность за боевую подготовку войск в приграничных округах лежала на их командующих И. Якире и И. Уборевиче, хотя, несомненно, причины сложившейся ситуации были глубже и принципиальнее. Ответственность за общие методы, организацию, контроль боевой подготовки Красной Армии несло Управление боевой подготовки Генштаба РККА, начальником которого являлся А. Седякин, и, конечно же, сам начальник Генштаба А. Егоров. Несомненно, главную ответственность за состояние вооруженных сил, в том числе и их боевой подготовки, нес К. Ворошилов. Во всяком случае, вопрос «кто виноват» — И. Якир, И. Уборевич, или А. Егоров, А. Седякин, или К. Ворошилов — в этом деле резко обострялся, приобретая политический смысл. Эта проблема, очевидно, и оказалась предпосылкой мартовского конфликта и специального обсуждения на совещании в Кремле 29 марта. М. Тухачевский возлагал определенную долю ответственности за низкую боевую подготовку Красной Армии на каждого из названных выше «генералов». И в решении этого вопроса не могло возникнуть единства подходов у М. Тухачевского, с одной стороны, и И. Якира, И. Уборевича, А. Егорова — с другой. Другой важнейшей, насущной и первостепенной проблемой, по мнению М. Тухачевского возникшей в СССР и в Красной Армии, была проблема нарастающей военной угрозы для страны на ее западных границах. В связи с этим вопросом, как отмечалось выше, М. Тухачевский еще в феврале 1935 г. поставил перед ру-

[1] *Смирнов А.* Большие маневры // Родина. 2000. № 4. С. 88—89.

ководством РККА вопрос об отмене старого и разработке нового оперативного плана. Это была уже фундаментальная геостратегическая и оперативно-стратегическая проблема. Встретивший в этом вопросе устойчивые возражения со стороны почти всех высших чинов Красной Армии, М. Тухачевский рассчитывал доказать свою правоту в большой штабной стратегической игре.

8

Большая стратегическая игра в апреле 1936 г.

М. Тухачевский был убежден, что уже в 1937 г. следует ожидать возможного начала войны на советских западных границах. В складывающейся ситуации угроза с Запада представлялась маршалу главной, и он вновь обратился с предложением провести оперативно-стратегическую игру для проверки вариантов начального периода войны. На этой игре он надеялся убедить высшее военное и политическое руководство в правильности своих оперативно-стратегических предложений, выдвинутых еще в феврале 1935 г. Поэтому решение провести большую стратегическую игру в Генштабе было очевидной уступкой М. Тухачевскому со стороны И. Сталина и К. Ворошилова. Это была своеобразная форма реакции наркома на «нападавших» на него И. Якира, И. Уборевича и А. Егорова, занимавших, как о том свидетельствуют нижеследующие факты и рассуждения, принципиально единые позиции по оперативно-стратегическим вопросам. Это был и скрытый политический ход, направленный на раскол оппозиционной «антиворошиловской» (читай, в перспективе и по существу, «антисталинской») группировки «генералов».

Большая стратегическая игра в Генеральном штабе РККА состоялась с 19 по 25 апреля 1936 г. Согласно проекту задания по игре, составленному полковником Г. Иссерсоном и утвержденному начальником Генштаба РККА маршалом А. Егоровым, советским Западным фронтом командовал И. Уборевич, «германской стороной» М. Тухачевский, а «армией буржуазной Польши» И. Якир. Однако в самом начале этой игры возникла достаточно острая дискуссия между М. Тухачевским и А. Егоровым.

Анализируя возможные стратегические и оперативно-страте-

гические варианты развертывания военных действий на западных границах в начальный период войны и стратегические цели Гитлера, М. Тухачевский приходил к выводу: «...Территорией, за которую Германия, вероятнее всего, будет драться, является Украина. Следовательно, на этом театре войны наиболее вероятно появление главных сил германских армий... Главные интересы гитлеровской Германии направлены в сторону Украины. Из этого должен исходить, это должен учитывать наш оперативный план. Однако наш оперативный план этого не учитывает. Он построен все так же, как если бы война ожидалась с одной только Польшей». Это была прямая критика руководства Генерального штаба РККА в лице его начальника маршала А. Егорова и его ближайших сотрудников и заместителей — С. Меженинова, В. Левичева, А. Седякина, С. Обысова и др.

Принципиальные расхождения в оперативно-стратегических предположениях М. Тухачевского и Генштаба выразились и в спорах по условиям проводимой игры. По сценарию М. Тухачевский должен был «командовать» войсками противника (германской армией,) и он «возразил против расчета сил германской армии, полагая его приуменьшенным. Он сказал, что если немцы в начале Первой мировой войны выставили 92 дивизии, то теперь они смогут выставить вдвое больше, то есть примерно 200 дивизий, и что, не обеспечив себе таких превосходящих сил, они никогда не ввяжутся в большую войну, которая так или иначе перерастет для них в войну на два фронта. Поэтому он считал, что к северу от Полесья может появиться одних немецких 80 дивизий». Кроме того, М. Тухачевский «выразил пожелание, чтобы еще до начала оперативного времени по игре он мог эти силы (германские) развернуть соответственно принятому им оперативному плану, дабы опередить «красную сторону» в сосредоточении и первым открыть военные действия. Он добивался, следовательно, такой обстановки, которая обеспечила бы противной стороне внезапность выступления». Но, как свидетельствует составитель проекта заданий по игре полковник Г. Иссерсон, «маршал Егоров, который как начальник Штаба должен был руководить игрой, придерживался другой стратегической концепции, рассчитывая на возможность предварительного сосредоточения наших сил к границе. Он не со-

гласился поэтому с соображениями Тухачевского... Он выразил свое явное неудовольствие по поводу этих соображений и категорически отверг какое-либо преимущество немцев как в численности сил в начале войны, так и в сроках сосредоточения у нашей границы. Выходило даже, что они появятся у нашей границы позже, чем развернутся наши главные силы. Соображения Тухачевского встретили, таким образом, сильную оппозицию и были отвергнуты»[1].

Некоторые весьма существенные в политическом плане подробности сообщают В. Раппопорт и Ю. Геллер, судя по контексту их изложения полученные в форме устных свидетельств от Г. Иссерсона. «Перед началом игры, — пишут указанные выше авторы, — Тухачевский выехал в приграничные округа» (это могло иметь место между 10 и 19 апреля 1936 г. — *С.М.*). «Тем временем в Москву съехались участники игры: все командующие округами, начальники окружных штабов или их заместители, командиры корпусов, многие командиры дивизий. За день до начала (то есть 18 апреля 1936 г. — *С.М.*) все собрались во 2-м доме НКО. Вечером поступило важное сообщение: игра переносится в Кремль, в ней пожелали принять участие члены Политбюро. Наутро все были в Кремле. Тухачевский запаздывал. Несколько часов прошло в ожидании. Сталин спросил, чем вызвана задержка. Ему ответили, что из-за отсутствия Тухачевского нет полных сведений о «синих» — противнике. Сталин резонно заметил, что у нас как-никак имеется Генштаб — пусть он представит недостающую информацию. Егоров со своими сотрудниками работал всю ночь. Наутро снова собрались участники игры. Егоров огласил свои данные... Появился наконец Тухачевский. Снова собрали всех участников игры. Сталин предложил Тухачевскому ознакомиться с установкой Егорова и высказать свое мнение. Тухачевский ответил, что у него другие данные». Все эти данные были изложены. «Сталин реагировал немногословно: «Вы что, Советскую власть запугать хотите?» Игра пошла по плану Егорова»[2].

---

[1] *Иссерсон Г.* Записки современника о М.Н. Тухачевском // Военно-исторический журнал. 1963. № 4. С. 74.

[2] *Раппопорт В., Геллер Ю.* Измена Родине. С. 29—30.

Приведенная информация, как мне представляется, содержит некоторые «апокрифические» сведения и требует проверки. Странно, что М. Тухачевский выезжал за сведениями о возможностях германской армии в «приграничные округа». В этом не было необходимости, учитывая, что командующий БВО И. Уборевич со своим штабом принимал участие в «игре». Поэтому М. Тухачевскому незачем было ездить в БВО, как и в КВО, командующий которого, И. Якир, также принимал участие в этой «игре». Вызывает также сомнение присутствие на «игре» И. Сталина. Этот факт не прослеживается в опубликованных воспоминаниях участников этого события. Странно также и то, что М. Тухачевский «впопыхах» бросился собирать сведения о боевых и наступательных возможностях германской армии. Это можно было сделать заблаговременно. Непонятно, в связи с этим, и то, что А. Егоров и Генштаб тоже вдруг за одну ночь начали составлять задание по «игре», хотя известно, что задание было заранее подготовлено. Задание готовил сам Г. Иссерсон, в то время сотрудник Оперативного управления Генштаба. Решение о проведении «игры» было принято еще зимой 1936 г., после возвращения М. Тухачевского из Франции. Поэтому и у него, и у Генштаба было время получить информацию о потенциальном противнике. М. Тухачевскому не было причин опаздывать к началу «игры». Маловероятным представляется, что маршал заставил И. Сталина ждать себя, не явившись в назначенный срок, опоздав более чем на сутки. Кроме того, странно, что «игру» решили провести в Кремле. Во-первых, для этого там не было соответствующих условий. Во-вторых, в журнале посещений И. Сталина в Кремле нет никакой информации об этом. Похоже на то, что в приведенных выше «устных свидетельствах» Г. Иссерсона нашли отражение, возможно, некоторые обстоятельства мартовского совещания 1936 г., которые выше подробно анализировались. Несколько раздраженная реплика И. Сталина в адрес М. Тухачевского, аргументы оппонентов, собираемые наспех, в большей мере соответствовали обстановке мартовских совещаний высших офицеров, которые действительно происходили в Кремле и с участием И. Сталина. Вообще, надо заметить, воспоминания Г. Иссерсона неточны в целом ряде сообщаемых им

весьма важных фактов[1]. Однако вернемся к апрельской военной «игре» 1936 г.

Исследуя варианты развертывания боевых действий на западных границах СССР, ситуацию войны против Германии и Польши (как ее союзника) в сложившейся стратегической обстановке, М. Тухачевский приходил к твердому убеждению, настойчиво стремясь внушить своим оппонентам: «Стратегически наиболее выгодным путем (для Красной Армии) является быстрый разгром армиями вторжения вооруженных сил Эстонии, Латвии и Литвы с тем, чтобы выход наших главных сил, действующих севернее Полесья, на линию Кенигсберг — Брест-Литовск произошел в условиях, когда эти главные силы будут иметь за собой широкий охватывающий тыл». М. Тухачевский считал целесообразным ради осуществления этого оперативно-стратегического варианта — развертывания советских войск в Прибалтике — (в случае несогласия Прибалтийских стран по договоренности пропустить на их территорию советские войска) «повторить Бельгию». Имелось в виду сделать то же, что в 1914 г. предприняли германские войска при наступлении на Францию: нарушили нейтралитет Бельгии и Голландии. М. Тухачевский предлагал сделать это и в отношении Эстонии, Латвии и Литвы. Ради кардинального улучшения стратегического положения советских войск в противостоянии с германскими армиями — так же нарушить нейтралитет стран Балтии. Иными словами, совершить вооруженное вторжение и оккупацию Прибалтики для создания нависающего советского фланга над германскими войсками, которые могли бы наносить свой удар по силам Красной Армии, наступающим из Белоруссии.

---

[1] В частности, Г. Иссерсон вводит в заблуждение читателя содержанием докладной записки М. Тухачевского 1928 г., в которой якобы содержались предложения о радикальной технической реконструкции Красной Армии. Выше уже отмечалось, что действительно была записка М. Тухачевского от 27 декабря 1927 г., но в ней ни о чем подобном не говорилось. Указанные предложения М. Тухачевский внес в другой своей записке, от 11 января 1931 г. Вряд ли такого рода неточности являлись результатом преднамеренного обмана со стороны мемуариста. Скорее всего, это следствие естественного смещения и совмещения каких-то событий в памяти, учитывая, что эти воспоминания Г. Иссерсон опубликовал спустя несколько десятилетий после упоминаемых обстоятельств. Проверить же по архивам возможности не было: эта информация до 1994 г. была засекречена. Во всяком случае, «сбои в памяти» возможны были и в воспоминаниях о других фактах.

Отказ от этого варианта, по мнению М. Тухачевского, и развертывание боевых действий войск БВО и КВО в соответствии с существующим оперативным планом повлекут за собой неизбежное поражение советских армий. «Допустив предположение, что главные германские силы будут брошены на украинское направление, — отмечал М. Тухачевский, вспоминая об этой «игре», — я пришел к выводу, что если в наш оперативный план не будут внесены поправки, то сначала Украинскому, а потом и Белорусскому фронтам угрожает весьма возможное поражение». Более детально анализируя оперативно-тактические расчеты и действия И. Уборевича на этой апрельской стратегической игре, М. Тухачевский сделал вывод о весьма серьезных, принципиальных ошибках общего и «фронтового» оперативного планирования. «В этой игре Уборевич, — отмечал М. Тухачевский, — увлекся наступлением в виленско-ковенском направлении, сосредоточив на нем свои главные силы, и получил удар главными польско-германскими силами в свой левый фланг, в минском направлении. Это вполне возможный вариант, но не основной. Дело в том, что Генеральный штаб РККА в порядке руководства игрой предложил германскому командованию нарушить нейтралитет Литвы, что вряд ли будет иметь место на самом деле, и потому Уборевич, ошибочно полагая, что немцы двинут в Литву основную массу своих войск, и сам двинул на Вильно — Ковно свои главные силы и за эту ошибку получил удар во фланг основной группы польско-германских армий»[1]. Тот же вывод был им сделан и в отношении оперативного плана и вероятных действий И. Якира.

Убежденный в неизбежности для СССР войны на два фронта, М. Тухачевский настаивал на срочном и значительном увеличении армии и количества ее соединений. Он считал, что самое малое «общее число потребных для РККА стрелковых дивизий поднимется до 207. На самом деле эта потребность значительно выше». М. Тухачевский полагал, что количество стрелковых дивизий в РККА должно быть доведено примерно до 250, «мы же разворачиваем всего только 150 стрелковых дивизий». В связи с изменившейся геостратегической ситуацией СССР маршал обращал вни-

[1] 1937. Показания маршала Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С. 56.

мание на «исключительно слабое развитие артиллерийского и танкового резерва Главного Командования». Он вообще считал необходимым срочно наращивать число механизированных соединений, предостерегая оптимистов ссылками на быстрое развитие бронетанковых сил у немцев, выражая при этом свое скептическое отношение к боевым возможностям красной конницы. То же самое говорилось им и по поводу авиации. Принятие предложений М. Тухачевского означало новый рывок в модернизации оборонной системы РККА и СССР и, следовательно, резкое увеличение бюджетных расходов на оборону.

Вопреки убеждениям и предостережениям М. Тухачевского, И. Уборевич и И. Якир не считали Германию противником № 1, а западный театр военных действий — первостепенным. Наоборот, все внимание И. Якира и И. Уборевича было обращено на Дальний Восток. Они, особенно второй, и в 1936 г. считали, что стратегически наиболее важным является дальневосточный театр военных действий. И. Уборевич имел большой и положительный опыт командования войсками на Дальнем Востоке в 1922—1924 гг. и хорошо знал этот театр военных действий и ситуацию, там сложившуюся. На это указывает контекст его выступления в марте 1936 г. Повторяя тезис И. Сталина о «двух очагах военной опасности на сегодняшний день: Японии и Германии», И. Уборевич считал, что «острее сегодня является Япония... Мы с вами, товарищи, должны на Дальнем Востоке ждать войны в любой момент». Что же касается угрозы войны со стороны Германии, то, хотя, по мнению И. Уборевича, ее можно ждать «неизбежно в этом году или следующем», он допускал при этом столкновение и «через 2—3 года»[1].

И. Уборевич и И. Якир, судя по контексту имеющихся документов, поддерживали существующий оперативный план Генштаба и тот проект заданий и условий по игре, который был утвержден начальником Генштаба А. Егоровым. Они полагали, что все это вполне соответствует сложившейся геостратегической обстановке и пока не нуждается в изменениях. Предположения и рас-

---

[1] *Уборевич И.П.* Два очага опасности. (Выступление командующего Белорусским военным округом командарма 1 ранга на совещании в Западном обкоме ВЛКСМ весной 1936 г.) // Военно-исторический журнал. 1988. № 10. С. 38—43.

четы М. Тухачевского в принципе разделял А. Корк, считавший вероятным фланговый удар германских войск из Прибалтики. Поэтому предположительный ход военных действий в случае войны, разыгранный во время апрельской стратегической игры, привел к фронтальному столкновению в форме традиционных пограничных сражений в стиле Первой мировой войны.

И. Уборевич продолжал придерживаться этой концепции и в сентябре 1936 г., реализуя проект маневров БВО. «Главной целью маневров являлась отработка встречного сражения, прорыва сильных оборонительных линий и контрманевра... Маневры получили отличную оценку у наркома и Штаба РККА»[1]. Обратим внимание на последнее замечание: «отличную оценку у наркома и Штаба РККА», но не у М. Тухачевского!

Оперативно-стратегические противоречия М. Тухачевского и И. Уборевича, по существу, имели фундаментальный характер. И. Уборевич придерживался наступательной концепции грядущей войны. М. Тухачевский же, предлагая план «Бельгии», придерживался, по сути дела, оборонительной концепции, призывая не к наступлению против основных противников, но лишь к улучшению стратегических оборонительных позиций на случай начала войны со стороны Германии и Польши.

В конце декабря 1936—начале января 1937 гг. в соответствии со своими предположениями и оперативно-стратегическими расчетами И. Уборевич провел показную игру на картах в Академии Генерального штаба на тему: «Ведение фронтовой наступательной операции на Западном театре военных действий. Прорыв подготовленной обороны противника»[2]. Правда, командарм в ходе «игры» «осложнил оперативную обстановку и вынудил войска Западного фронта отражать контрудар мощной группировки немецких войск из Восточной Пруссии»[3]. Но, во всяком случае, И. Уборевич

---

[1] Командарм Уборевич: Воспоминания друзей и соратников. М., 1964. С. 214—215.

[2] Маршал М. Захаров указывает другое название темы, в разработке задания по которой он принимал участие: «Армейская наступательная операция в начальный период войны». — *Захаров М.* О теории глубокой операции // Военно-исторический журнал. 1970. № 10. С. 19.

[3] *Казаков М.И.* Над картой былых сражений. М., 1965. С. 43—44; Академия Генерального штаба. М., 1976. С. 53.

стремился опровергнуть оперативно-стратегическую концепцию М. Тухачевского, доказывая, что советские войска, наступающие на территорию Польши, сумеют успешно отразить фланговый удар немецких войск из Прибалтики и одержать победу.

«Останавливаясь на 1-м и 2-м оперативных вариантах... Уборевича, — выразил свое мнение М. Тухачевский, — необходимо заметить, что они отличаются один от другого лишь тем рубежом, на котором польско-германские силы переходят в решительное наступление на Лида — Барановичи с целью захвата Минска и Слуцка... Второй оперативный вариант Уборевича предусматривает отход польско-германских сил на Белосток — Пружаны и удар главных германских сил из Восточной Пруссии в общем направлении на Гродно. Этот вариант весьма вероятный... В стратегической военной игре в январе текущего года (1937) Уборевич, увлекшись наступлением в брест-литовском направлении, подставил свой фланг и тыл в районе Гродно под удар немцев из Восточной Пруссии. Положение было выправлено вмешательством главного руководителя военной игры»[1]. Таким образом, оперативные расчеты И. Уборевича и во втором варианте М. Тухачевского не убедили, и он продолжал придерживаться своей точки зрения и в июне 1937 г.

Несмотря на то что военная «игра» прошла по сценарию Генштаба, Советское правительство и И. Сталин приняли «план» М. Тухачевского[2]. Это вытекает из контекста его показаний от 1 июня 1937 г. М. Тухачевский предлагал ввести на территорию Прибалтики части Красной Армии по договоренности с правительствами Эстонии, Латвии и Литвы. В случае же их отказа осуществить это силой, мотивировав «агрессивными намерениями «прибалтов». «Так как повторение «Бельгии» признается недопустимым, — объяснял ситуацию М. Тухачевский, — то от этого плана пришлось отказаться»[3]. «Нейтралитет прибалтов сорвал применение наиболее решительного плана, — напоминал М. Тухачев-

---

[1] Академия Генерального штаба. С. 53.

[2] Это следует из контекста показаний М. Тухачевского 1 июня 1937 г. См.: 1937. Показания маршала Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 48.

[3] Там же.

ский, — и отмена последовала не ведомственным военным решением, а *решением правительства*»[1]. Исходя из сказанного маршалом, его план первоначально был принят правительством, а затем решением правительства же был отменен. Но когда Советское правительство приняло этот «план Бельгии», предложенный М. Тухачевским, — после «военной игры» или до нее?

Предпринимая попытку реализации этого «плана», было решено пригласить в Москву начальников генеральных штабов Прибалтийских стран для обсуждения вопроса о военных договорах, которые позволили бы разместить на территории этих стран воинские контингенты РККА. Эти вопросы обсуждались на заседаниях Политбюро ЦК. В конце апреля 1936 г. маршал А. Егоров принимал начальника Генштаба эстонской армии, а в начале мая — начальников генштабов литовской и латвийской армий. Однако весьма знаменательно, что М. Тухачевский в этих переговорах участия не принимал. Переговоры с «прибалтами» вел главный оппонент М. Тухачевского маршал А. Егоров. Отчасти это объясняется давним личным знакомством А. Егорова с высшим военным руководством этих стран еще с дореволюционных времен, благодаря совместной службе. Однако политическое и военное руководство Прибалтийских стран заявило о своем нейтралитете и отказе допустить советские войска на свою территорию. Добиться соответствующих договоренностей с ним не удалось. 4 мая 1936 г. на заседании Политбюро ЦК обсуждался вопрос о предоставлении отпуска маршалу М. Тухачевскому. Это было косвенное свидетельство об отмене правительственного решения, на которое ссылался М. Тухачевский: отказ правительства от его «плана Бельгии». В известном смысле это была «временная отставка»: М. Тухачевский был не нужен. В соответствии с правительственным решением (по свидетельству зарубежной разведки) с 15 мая по 15 июля 1936 г. войска Белорусского военного округа были приведены и находились в состоянии повышенной боевой готовности[2]. Это и был отказ от «плана Тухачевского», от «плана Бельгии» и сохранение действия «плана Генштаба». Из всего, что известно

---

[1] 1937. Показания маршала Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 48.

[2] *Erickson J.* Op. cit. P. 422.

об этой стратегической игре и что выше было изложено, складывается впечатление, что отказ от «плана Тухачевского» был предопределен на правительственном уровне еще до самой игры. Как это видно, игра завершилась 25 апреля, а М. Тухачевского отправили в отпуск 4 мая. Переговоры с эстонской, латвийской и литовской военными делегациями состоялись 29 апреля — 1 мая 1936 г. От «плана» отказались, скорее всего, до 4 мая, сразу же после завершения переговоров с «прибалтами». Думается, однако, что это произошло не только из-за нейтралитета «прибалтов». Это могло быть следствием недоверия к самому М. Тухачевскому, возникшего после получения информации о его контактах с руководством РОВС, не санкционированных высшим политическим руководством.

Представленный выше анализ причин и основных аспектов военно-политической борьбы в первой половине 1936 г. позволяет считать, что сущность ее определялась противостоянием двух оперативно-стратегических концепций: «старой», которую отстаивал Генштаб в лице А. Егорова и поддерживала «группа Якира — Гамарника — Уборевича», и «новой», выдвинутой М. Тухачевским. Борьба же этой «группы» против К. Ворошилова имела преимущественно политический характер. Она была порождена явной тенденцией к утрате этой «группой» своего военно-политического влияния, в значительной мере подорванного возложением на нее ответственности за низкий уровень боевой подготовки войск.

9

«Броня крепка, и танки наши быстры...»

Осенние маневры 1935 г. и стратегическая игра в апреле 1936 г. обозначили две взаимосвязанные важнейшие проблемы Красной Армии: профессиональной и боевой подготовки военно-воздушных сил и бронетанковых войск.

Проблема бронетанковых войск оказалась в сфере внимания правительства в мае—июне и обострилась к июлю 1936 г. 7 мая 1936 г. была расформирована Инспекция Автобронетанковых войск РККА и на должность начальника Автобронетанкового Управления РККА был назначен Г. Бокис. Однако состояние профессиональной и боевой подготовки бронетанковых войск тем не

менее весьма беспокоило М. Тухачевского, вернувшегося из отпуска. Поэтому 9 июля 1936 г. М. Тухачевский обратился к И. Сталину с соответствующим письмом. «Ознакомившись с делом боевой подготовки механизированных войск, — писал М. Тухачевский, — считаю своим долгом доложить Вам о том, что состояние этой подготовки чрезвычайно тяжелое»[1]. Этот вывод маршал сделал на основе батальонных учений 13-й и 14-й мехбригад, входивших в состав лучшего в РККА механизированного корпуса им. К.Б. Калиновского (МВО). Сам факт обращения М. Тухачевского непосредственно к И. Сталину свидетельствует о том, что подобное обращение к наркому оказалось безрезультатным. Следует учесть при этом, что непосредственное обращение к И. Сталину по этому вопросу поднимало значимость проблемы на уровень вопросов реконструкции армии, которые М. Тухачевский обсуждал непосредственно с И. Сталиным в 1930—1932 гг. Он считал, что состояние боевой подготовки механизированных войск «чрезвычайно тяжелое». Он констатировал фактическое отсутствие тактической подготовки механизированных войск. Маршал видел основную причину сложившейся ситуации в двух факторах: в недостатках организации ремонтного дела и отсутствии запасных машин. Кроме того, М. Тухачевский считал, что из-за неудовлетворительного состояния ремонтного дела на подготовку механизированных войск отпускается всего 15 часов «моторесурсов» в год. После этого танки следует отправлять в ремонт. В силу этого возникал вопрос о замене ремонтируемых танков. М. Тухачевский полагал, что для поддержания боевой готовности механизированных войск требуется не менее 65 часов «моторесурсов». Чтобы обеспечить это и боеготовность армии, «для РККА требуется резервных машин: БТ — 400 штук, Т-26 — 900 штук, Т-38 — 500 штук»[2]. Как полагал маршал, «помимо этого, необходимо полностью укомплектовать положенные по штатам батальонов военного времени восстановительные роты, что требует: БТ — 800 штук, Т-26 — 1800 штук, Т-38 — 1100

[1] РГВА. Письмо М.Н. Тухачевского И.В. Сталину о боевой подготовке механизированных войск. 9 июля 1936 г. Маршал М.Н. Тухачевский (1893—1937). Комплект документов из фондов РГВА.

[2] Там же, л. 70.

штук»[1]. М. Тухачевский считал желательным большую часть этих потребностей в танках удовлетворить уже в первой половине 1937 г. Это означало, что к ежегодно выпускаемым 3 тыс. танков и танкеток в 1937—1938 гг. добавить выпуск еще по 2—3 тыс. танков в год. Это должно было составить по крайней мере на два ближайших года ежегодный выпуск бронетехники по 5—6 тыс. танков, то есть увеличение его почти вдвое. М. Тухачевский предупреждал И. Сталина, что «положение, создавшееся в мехвойсках, является угрожающим» и отказ от принятия его предложений грозит тем, что в случае войны танковые войска «выйдут из строя после первой же операции»[2]. Учитывая, что в ожидаемой «войне моторов» механизированные войска являются основой боевой мощи армии, их неподготовленность и фактическое исчезновение после первой же операции означают неготовность всей армии. В письме М. Тухачевского весьма резко прозвучали фразы, касавшиеся участия механизированных войск в московских парадах. «Для корпуса им. Калиновского на парады отводится около 20 часов в год, — писал маршал. — Эти часы для парадов окончательно дезорганизуют тактическую подготовку». Такая критика вряд ли могла понравиться И. Сталину, учитывая, что он самолично контролировал этот вопрос. По воспоминаниям К. Мерецкова, «Сталин интересовался процедурой проведения парада до мельчайших деталей»[3]. Таким образом, М. Тухачевский критиковал действия самого «Вождя». 11 июля 1936 г., очевидно, как реакция на это письмо, в Кремле у И. Сталина состоялось совещание с участием М. Тухачевского, Я. Гамарника, И. Халепского, на котором обсуждалось положение с бронетанковыми силами.

Поэтому проблема со всей остротой обозначилась во время августовско-сентябрьских маневров 1936 г., в ходе которых войска основных округов обнаружили низкий уровень профессиональной и боевой подготовки, особенно бронетанковых войск и авиации. На заседании Военного совета при наркоме обороны СССР 13—19

---

[1] РГВА. Письмо М.Н. Тухачевского И.В. Сталину о боевой подготовке механизированных войск. 9 июля 1936 г. Маршал М.Н. Тухачевский (1893—1937). Комплект документов из фондов РГВА., л. 71.

[2] Там же, л. 72.

[3] *Мерецков К.А.* На службе народной. М., 1968. С. 109.

октября 1936 г. были подведены итоги этих маневров. Знаменательно было заключительное выступление К. Ворошилова 19 октября, в котором он, явно адресуя свою критику М. Тухачевскому, как начальнику Управления боевой подготовки РККА, сказал: «...У меня создается такое впечатление, что мы (обращаясь к т. Тухачевскому), Михаил Николаевич, прячемся от решения большого и серьезного вопроса: как применять танки и танковые части в бою. А применять их мы не умеем»[1]. Учитывая, что, говоря это, К. Ворошилов обращался к М. Тухачевскому, смысл наркомовского высказывания следует понимать так: «Вы, Михаил Николаевич, не научили войска применять танки в бою и не решаете этот большой и серьезный вопрос о боевом применении танков». Судя по этому обращению, К. Ворошилов ответственность за низкую профессиональную и боевую подготовку бронетанковых войск возлагал на М. Тухачевского. Он считал именно его главным виновником этих недостатков. Такое публичное, хотя и завуалированное обвинение К. Ворошилов, очевидно, мог себе позволить с санкции И. Сталина.

10

«Все выше, и выше, и выше...»

Одной из самых серьезных проблем обороноспособности страны и боеспособности Красной Армии оказывались Военно-Воздушные Силы. Она обозначилась уже в 1933 г. с такой остротой, однако решения ее фактически не просматривалось. Это обстоятельство вынудило М. Тухачевского и И. Уборевича (командующего БВО) обратиться к наркому К. Ворошилову со специальной докладной запиской 14 февраля 1934 г. В ней оба военачальника указали на 1933 г. как переломный в роли авиации в грядущей войне, судя по тем процессам, которые происходили в вооруженных силах Великобритании, Франции, Германии, Польши, Японии. М. Тухачевский и И. Уборевич считали, что в надвигающейся войне СССР обязательно подвергнется нападению громадных по численности военно-воздушных сил потенциального противника. Одержать же победу в грядущей войне Красная Армия сможет, только имея во-

[1] РГВА. Ф. 4. Оп. 796-сс. Д. 71. Л. 716.

енно-воздушные силы, превосходящие по качеству и количеству ВВС противника. Оба генерала делали вывод, который звучал как насущные требования: «Опыт показывает... Та сторона, которая не будет готова к разгрому авиационных баз противника, к дезорганизации систематическими воздушными нападениями его железнодорожного транспорта, к нарушению его мобилизации и сосредоточения многочисленными авиадесантами, к уничтожению его складов горючего и боеприпасов, к разгрому неприятельских гарнизонов и эшелонов быстрыми действиями мехсоединений... сама рискует подвергнуться поражению»[1]. М. Тухачевский считал, что для победоносного противостояния своим потенциальным противникам Советские Вооруженные Силы должны располагать минимум 15 000 самолетов[2]. В своих статьях он, опираясь на идеи, выдвинутые начальником штаба ВВС В. Хрипиным, представил «доктрину боевого применения авиации». Она предусматривала в «начальный период войны», еще до ее объявления, в период концентрации и мобилизации «сил вторжения», нанесение военно-воздушными силами «превентивных ударов» по базам (в том числе авиационным) противника[3].

Накануне «большой чистки» высшего комсостава РККА, разгромного «дела Тухачевского» достаточно ясную оценку боевому состоянию Красной Армии дал германский военный атташе генерал Кестринг. В беседе с Дж. Дэвисом 19 февраля 1937 г. он сказал, что «русская армия, оценивая ее в целом, хорошая армия; ...человеческий материал — отличный, физически сильный, храбрый, отличные солдаты; механизированные силы хорошие, не столь хорошие, как в германской армии, но хорошие; воздушные силы сильны количественно; их самолеты-разведчики хорошие, но их бомбардировщики тяжелы и плохие. В целом же... превосходя в количестве, они не могут сравниться с германскими воздушными силами... Их парашютные части отличные...»[4]. Таким образом, к зиме 1937 г. по-прежнему слабым местом Красной Армии оказывались механизированные войска и авиация.

---

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 400. Л. 123—124.

[2] Там же. Л. 126.

[3] *Тухачевский М.* Характер пограничных операций // *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 2, с. 216—218.

[4] *Davies J.E.* Mission to Moscou. C. 56.

Проблема ВВС РККА неоднократно обсуждалась у И. Сталина в Кремле и в первые месяцы 1936 г., в частности: 3 апреля (участвовали К. Ворошилов, М. Тухачевский, Я. Алкснис, В. Хрипин); 13 апреля (участники: К. Ворошилов, Я. Алкснис, В. Хрипин); 25 апреля (К. Ворошилов, Я. Алкснис); 28 мая (с участием К. Ворошилова, М. Тухачевского, Я. Алксниса, И. Халепского). Она включала много аспектов: и техническое оснащение ВВС, качество которого оставляло желать лучшего; и профессиональная подготовка летчиков; и систематическое невыполнение производственными структурами заказов ВВС РККА.

Вне всякого сомнения, любому военному профессионалу уже к лету 1936 г. стало ясно, что роль ВВС в приближающейся войне становится столь значима, что целесообразно объединить решение всех авиационных проблем в руках самостоятельного заместителя наркома по авиации. И. Сталин и К. Ворошилов решили назначить на эту должность И. Уборевича. 7 августа 1936 г. К. Ворошилов сообщил об этом командарму. Однако представлялось совершенно нецелесообразным, с точки зрения укрепления обороноспособности СССР и повышения боеготовности РККА, «генерала» с репутацией лучшего знатока одного из главных театров военных действий в грядущей войне отрывать от подготовленных им войск и предлагать ему должность, совершенно не соответствующую его компетентности. Это можно было расценить только как политический ход. Категорически протестуя против этого намерения, при поддержке Г. Орджоникидзе, к которому он обратился за помощью, И. Уборевич отказался от нового назначения, оставшись в прежней должности. Разумеется, такая позиция командарма могла быть воспринята как неповиновение, предполагающее какие-то скрытые политические цели с опорой на войска БВО. Это обстоятельство, несомненно, сыграло свою роль в судьбе И. Уборевича.

Принять на себя руководство ВВС РККА на уровне заместителя наркома предлагалось и И. Якиру еще в сентябре 1935 г. Он, сославшись на плохое состояние здоровья, отказался. Об этом упомянул сам И. Сталин в своем письме Л. Кагановичу[1]. Теперь это предложение было сделано И. Якиру по возвращении его из

[1] Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. М., 2001. С. 591.

поездки во Францию, куда он был отправлен во главе советской военной делегации и пробыл там с 19 августа по 2 сентября 1936 г. Состав делегации, характер встреч и вопросы, доминировавшие во время переговоров, свидетельствовали о том, что одной из основных целей поездки И. Якира и сопровождавшего его В. Хрипина (начальника штаба ВВС РККА) было достижение определенных соглашений по авиационным вопросам. В этом смысле поездка командарма была достаточно результативна. Эти обстоятельства и давали повод предложить И. Якиру взять на себя руководство вопросами ВВС на уровне Наркомата в качестве замнаркома по авиации. И. Сталин и К. Ворошилов сделали это предложение, когда И. Якир вернулся в Москву, 5 или 6 сентября 1936 г.[1]. Предложение было активно поддержано и М. Тухачевским. «Я указал Якиру, — вспоминал маршал, — что было бы очень важно... чтобы Якир перевелся в Москву, тем более что ему делалось предложение занять должность начальника ВВС и заместителя наркома. Однако Якир при поддержке Уборевича с этим не согласился и категорически, как перед Ворошиловым, так и перед Сталиным, поставил вопрос о своем несогласии, и предложение было взято обратно»[2]. Возможно, кандидатура И. Якира для этой должности была более подходящей, чем кандидатура И. Уборевича. Разделяя общее мнение о И. Якире, прежде всего как о политической фигуре, М. Тухачевский, видимо, полагал, что КВО не проиграет от перевода командарма в центральное ведомство, как это могло бы быть с судьбой БВО, если бы состоялся перевод И. Уборевича, а Управление ВВС выиграет. М. Тухачевский активно поддержал это предложение. Не исключено, что сама инициатива в этом вопросе могла исходить от М. Тухачевского. Его трения с начальником ВВС РККА Я. Алкснисом по боевому применению авиации, по воздушно-десантным войскам были давними и общеизвестными[3]. М. Тухачевский руководствовался оборонной целесообразностью, а И. Сталин и К. Ворошилов не забывали и о политической.

---

[1] Поскольку через день или два командарм уехал в Киев, где 12 сентября должны были начаться маневры КВО.

[2] Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 г... С. ...

[3] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 195-сс. Л. 137.

Слишком явным и настойчивым было намерение Москвы убрать И. Якира с Украины, а И. Уборевича из Белоруссии. Как в ситуации с М. Тухачевским в 1923 — начале 1924 г., И. Сталин хотел оторвать этих слишком «самостоятельных» генералов от войск и поставить во главе КВО и БВО «новых людей», вполне послушных, «благодарных» и надежных.

11

Испанский вопрос

18 июля началась Гражданская война в Испании. Вероятность участия Германии, в скором времени направившей свои военно-воздушные части на Пиренеи, в возможной войне с Польшей почти исчезла. Возможная война на западных границах СССР отодвигалась на неопределенный срок. По мнению И. Уборевича, в 1937 г. она исключалась. Возобновление же военной угрозы не ожидалось ранее 1939 г. «Военную опасность» от западных границ СССР, несомненно, отодвинула новая геостратегическая ситуация в Европе. Отмена «плана Тухачевского» правительственным решением обусловила падение его военно-политического престижа и доминирования. Фигура М. Тухачевского по своей значимости становилась второстепенной в новой геополитической конструкции. М. Тухачевский оказывался «невостребованным» (впрочем, как и командующий «западным фронтом» на случай войны И. Уборевич). «Единственная возможная ситуация, которая могла спасти его (М. Тухачевского), — это международный кризис, — приципиально верно определял В. Кривицкий. — Даже Сталин едва ли решился бы оставить фронт открытым перед лицом военной опасности»[1].

М. Тухачевский и И. Уборевич прекрасно осознавали политическую суть новой геостратегической и военно-политической обстановки, возникшей в результате начала Гражданской войны в Испании. Вопрос об отношении к военным событиям в Испании впервые обсуждался на совещании высшего военного руководства с участием И. Сталина 24 июля 1936 г. По свидетельству Л. Норд

[1] *Кривицкий В.* Я был агентом Сталина. М., 1996, с. 197.

(в вольном пересказе по памяти со слов мужа), И. Сталин предложил направить в Испанию регулярные части Красной Армии. К. Ворошилов поддержал это предложение. М. Тухачевский, наоборот, в категорической форме заявил, что считает это нецелесообразным, учитывая, что в Красной Армии еще слишком мало квалифицированных офицерских кадров. Их потери в Испании только снизят боевую подготовленность армии, особенно в авиации, артиллерии, бронетанковых силах. М. Тухачевский считал, что низкую боевую подготовку армии не следует демонстрировать перед Западной Европой. «Пропаганда — одно, а реальность — другое. С ней надо считаться». Далее, по воспоминаниям Л. Норд, между М. Тухачевским и И. Сталиным якобы разгорелась дискуссия о причинах и виновниках низкого уровня профессиональной подготовки Красной Армии. В итоге М. Тухачевский, по словам мемуаристки, предложил помочь добровольцами и техникой[1]. М. Тухачевского поддержали другие «генералы». О таком совещании вспоминал и И. Сталин. По его свидетельству, «Тухачевский и Уборевич просили отпустить их в Испанию... «Пошлите, — говорят, — нас, людей с именами, в Испанию»... Мы говорим: «Нет, нам имен не надо. В Испанию мы пошлем людей мало известных»[2]. Так что это совещание действительно имело место, хотя воспоминания Л. Норд грешат некоторыми сомнительными сведениями. В частности, с 6 июня по 24 июля К. Ворошилов находился в отпуске в Сочи и потому вряд ли мог принять участие, хотя мемуаристка называет его в числе участников совещания. Однако Л. Норд, обычно избегающая точных дат, в данном случае нарочито подчеркивает, что очень хорошо помнит число — именно 24 июля 1936 г. Да и по существу вопроса ее информация подтверждается и другими свидетельствами. Правда, 24 июля 1936 г. еще не было оснований для беспокойства за судьбу Испанской республики. В это время и далее, в начале августа, СССР заявлял о своей готовности присоединиться к позиции «невмешательства» извне в дела Испании. К концу июля фашистский мятеж в Испа-

---

[1] *Норд Л.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском // Возрождение. Париж, 1957. Тетрадь № 68. С. 88—91.

[2] Стенограмма выступления И.В. Сталина... 2 июня 1937 г. // Кривицкий В. Я был агентом Сталина, с. 296.

нии был почти подавлен. Однако после 30 июля 1936 г. ситуация в Испании резко ухудшилась для правительства Народного фронта: Германия и Италия направили в Испанию для поддержки мятежников регулярные части, авиа- и бронетехнику. Уже в начале августа республиканские военные отряды начали терпеть поражения и отступать. У испанского правительства фактически не было армии.

Можно полагать, что первоначально, встретив сопротивление генералитета, И. Сталин не смог настоять на отправке многочисленных военных советников, а также танкистов и летчиков с боевой техникой. Однако после вмешательства Германии и Италии и возникшей угрозы гибели Испанской республики «генералам» трудно было аргументировать свою позицию прежними доводами. Намерения И. Сталина получили весомую мотивацию для масштабного вмешательства в «испанские дела».

В контексте изменившейся политической ситуации в Испании И. Сталин вполне мог заподозрить «генералов» в преднамеренном нежелании помогать республиканской Испании и входить в непосредственную вооруженную борьбу с немцами.

Война в Испании резко и кардинально изменила геостратегическую ситуацию в Европе, в западной части Евразии. Для М. Тухачевского «испанская война», во-первых, являлась доминантой новой геостратегической ситуации, неожиданно активизировавшей угасшие геополитические перспективы: установление стратегического присутствия России в Испании означало бы вытеснение из Средиземноморья Британии, являвшейся не только стратегическим соперником России, но и одним из главных геополитических соперников Евразии — континентальной цивилизации. Геостратегическое доминирование России в Испании вполне могло привести к установлению полного господства России на всем пространстве Евразии, сняв, таким образом, в своей основе проблему соперничества на этом пространстве между Германией, Францией и Россией. Что и говорить — перспективы были опьяняющие и ситуация уникальная.

В этих условиях М. Тухачевский считал важным не только появление в Испании «известных имен», но и определяющим фактором считал стратегическое и оперативно-стратегическое руководство испанскими вооруженными силами, работу по организации и подготовке которых он и рассчитывал возглавить совместно с И. Уборевичем. Трудно сказать, как бы разворачивались события в

Испании и Европе в случае принятия варианта этих двух генералов — М. Тухачевского и И. Уборевича.

Испанская политика И. Сталина на протяжении 1936—1939 гг. менялась, однако, что важно при рассмотрении настоящего вопроса, тогда, летом 1936 г., столкнулись два различных подхода, по существу своему — политических. Многие в оппозиционных И. Сталину кругах и в СССР, и за его пределами возлагали большие надежды на «испанские события», рассматривая их как детонатор взрыва и крушения «сталинского режима». Большие надежды на «испанский вопрос» возлагал Л. Троцкий, рассчитывая благодаря ему, на новую вспышку своего политического авторитета. Появление М. Тухачевского, «демона гражданской войны», среди воинственных испанцев, с высоким уровнем эмоциональной возбудимости, в Испании, где нравственно-эмоциональный фактор играл гораздо большую роль, чем в России (в период Гражданской войны), несомненно, оказало бы влияние на военно-политические процессы и резко подняло бы авторитет М. Тухачевского в мировой политике. Это действительно была бы та ситуация, которая, по мнению В. Кривицкого, «могла спасти» маршала. Она грозила смещением международных политических акцентов, последствия чего трудно было четко просчитать или предсказать. Она могла снизить авторитет и влияние И. Сталина. И. Сталин не мог исключить, зная и Л. Троцкого, и М. Тухачевского, их политического сближения в условиях «испанской революции». Эта возможная перспектива также не могла не беспокоить его. Таким образом, «испанские события» обозначили два фактора, которые могли побудить И. Сталина к «превентивному» разгрому зреющего, как он полагал, «генеральского заговора: неподготовленность армии к войне и острые разногласия по «испанскому вопросу».

12

Начало «большой чистки» высшего командного состава Красной Армии

6 июля 1936 г. был арестован комдив Д. Шмидт как участник антисоветского «заговора» по обвинению в подготовке покушения на К. Ворошилова. Его арестовали в Киеве, в кабинете командую-

щего военным округом И. Якира, находившегося в отпуске. Арест Д. Шмидта был своеобразным, неофициальным сигналом, ознаменовавшим начало репрессий против высшего комсостава Красной Армии. Он был первым арестованным «генералом», притом достаточно известным. Затем последовали аресты прославленного командира Червонных казаков, заместителя командующего Ленинградским военным округом комкора В. Примакова (14 августа), комбрига М. Зюка (15 августа), комкора В. Путны (20 августа), заместителя командующего Харьковским военным округом комдива С. Туровского (2 сентября), начальника Летичевского укрепрайона в КВО комдива Ю. Саблина (25 сентября) и др. Все эти «генералы» были из числа близких приятелей и подчиненных И. Якира. При этом аресты, как правило, проводились, когда И. Якир по каким-то служебным причинам отсутствовал: либо находился в отпуске, на лечении за рубежом, либо в заграничной служебной поездке. Если при этом учесть и серию арестов его давних друзей — высоких партийных функционеров Украины, прокатившихся в то же время, то всякий мало-мальски посвященный в технологию политических «игр» поймет: готовилась почва для удаления И. Якира с Украины. Это означало ликвидацию его как политической фигуры. Без находившихся в его руках украинских войск И. Якир ничего не значил на политическом поле. Это был один из способов реализации кадровой политики в военном ведомстве.

Другой представлял собой прямое «выдавливание» командарма с занимаемой должности «в интересах повышения обороны» с переводом на другой, более «высокий», но политически ничтожный, пост в центральном военном ведомстве. Модель, которую в свое время, в 1923—1924 гг., использовали для политической нейтрализации М. Тухачевского и С. Буденного. Однако И. Якир, «политический генерал», тесно связанный, в том числе и узами личной дружбы, с украинским партийным руководством и руководством НКВД Украины, представлялся слишком сильной и весьма устойчивой политической фигурой. Для того чтобы подобраться к нему, требовалось хорошенько «вычистить» политическое пространство, в котором он находился и на которое опирался. Отмеченные выше репрессивные действия против его «генералов» и партийных друзей в значительной мере на это и были направлены. Необходимо было ослабить его положение и в военной элите. «Чи-

стка» высших военных чинов на Украине, в том числе лиц, лично близких к командарму И. Якиру, должна была внушить ему опасения за собственную судьбу. Цель была достигнута. И. Якир был сломлен и стал покорным. Ни И. Уборевич, ни М. Тухачевский не проявили сколько-нибудь заметного сопротивления начавшимся репрессиям среди высших офицеров на Украине. После этого И. Сталин решил нанести удар по М. Тухачевскому, В. Блюхеру и И. Уборевичу. Эти намерения просматриваются в выступлении И. Сталина на заседании военного совета 2 июня 1937 г.

Сведения о «пошатнувшихся позициях» М. Тухачевского и даже возможном его аресте, появившиеся в «Возрождении» в начале сентября 1936 г., отражали начало его «падения» в августе 1936 г. Косвенным указанием на складывающуюся тревожную для «генералов» ситуацию может служить скоропостижная смерть от инфаркта С. Каменева 25 августа 1936 г. Примечателен настрой И. Кутякова, узнавшего о смерти бывшего Главкома, выразившийся в сделанной им дневниковой записи. «27 августа 1936 г., — записал он. — Умер Главком С. С. Каменев. Старик сделал свое дело и незаметно ушел восвояси. Вопрос времени, все там будем. Наступает время, когда все ветераны гражданской войны уйдут из жизни: одних расстреляют, другие, как Томский, сами покончат с собой, третьи, как Каменев, уйдут в могилу»[1]. В этой записи важно то, что И. Кутяков рассматривает смерть С. Каменева в контексте начинающейся «чистки» Красной Армии. Он чувствует, что смерть бывшего Главкома является одним из ее проявлений, что С. Каменев так или иначе одна из жертв начавшейся «чистки» комсостава.

Оперативно-стратегические противоречия М. Тухачевского и И. Уборевича, по существу, имели фундаментальный характер. И. Уборевич придерживался в сущности наступательной концепции грядущей войны. М. Тухачевский же, предлагая план «Бельгии», придерживался, по сути дела, оборонительной концепции, призывая не к наступлению против основных противников, но лишь к улучшению стратегических оборонительных позиций на случай начала войны со стороны Германии и Польши. Кроме того, давний «друг» немецких генералов, их воспитанник, И. Уборевич

[1] Цит. по кн.: *Викторов Б.А.* Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора. М., 1990. С. 259.

явно не хотел столкновения между Красной Армией и вермахтом. Это уже была не стратегия. Это была политика. Учитывая это обстоятельство, И. Сталин и К. Ворошилов попытались предпринять новое «наступление» против И. Уборевича, полагая, что он не получит поддержки со стороны М. Тухачевского. Неудавшееся в августе 1936 г. удаление командарма И. Уборевича с Белорусского военного округа на почетную, но маловлиятельную в политическом отношении должность заместителя наркома по ВВС решено было осуществить теперь, осенью 1936 г. Изъятие войск Белорусского военного округа из рук оппозиционных генералов было крайне желательно.

В сентябре—октябре 1936 г. по приглашению генерал-полковника В. фон Фрича командарм И. Уборевич присутствовал на маневрах в Германии. Радушный прием, оказанный ему немцами, демонстрировавшими свои дружественные настроения, несомненно, сыграл свою роль в укреплении «миролюбивых» позиций И. Уборевича по отношению к Германии. Однако он по-прежнему считал возможным нанесение «превентивного удара» по Польше, полагая при этом вмешательство германских сил как возможное, даже вероятное, но не обязательное. Он считал, что для этого немцам пришлось бы нарушить суверенитет Литвы, а это являлось сдерживающим обстоятельством. После возвращения из Германии, с маневров, И. Уборевич отчасти учел критические замечания М. Тухачевского в адрес Генерального штаба и по некоторым аспектам оперативно-стратегического характера, в том числе и по увеличению количества дивизий. В докладной записке на имя К. Ворошилова 8 ноября 1936 г. И. Уборевич выражал неудовлетворенность действиями Генерального штаба РККА под руководством А. Егорова по подготовке к войне. Он считал, что резкое изменение ситуации на Западном театре вероятных военных действий требует «больших перемен». Специальное внимание он обратил на слишком медленный процесс моторизации артиллерии, темпы которого отставали от германских. То же самое, по его мнению, относилось и к темпам танкового строительства и росту количества дивизий. И. Уборевич разделял мнение М. Тухачевского о первостепенной роли «Западного фронта» и «превентивном» со стороны Красной Армии начале войны. Однако в отличие от М. Тухачевского, он по-прежнему считал возможным добиться

успеха, не нарушая нейтралитета Прибалтийских стран (то есть без варианта «Бельгии»), если самим атаковать Польшу в начальный период войны. И. Уборевич полагал, что для этого необходимы два основных условия: во-первых, победу можно одержать, если разбить армии противников поодиночке; во-вторых, если добиться двукратного или троекратного превосходства СССР в авиации. Этот фактор он считал ключом к победе[1]. Позиция командующего БВО становилась все более угрожающей. Трудно было поручиться за то, что при малейшем осложнении обстановки на советско-польской границе (которое можно было спровоцировать), не могла начаться война. Через два дня после получения докладной записки И. Уборевича нарком подготовил для утверждения на заседании Политбюро ЦК нижеследующий проект приказа.

10 ноября 1936 г. К.Е. Ворошилов: «В Политбюро ЦК ВКП(б), товарищу Сталину. Прошу утвердить:

1) Назначение командарма 1-го ранга т. Уборевича И.П. моим заместителем и начальником ВВС РККА, освободив его от должности командующего войсками Белорусского военного округа. 2) 3) Назначение командарма 2-го ранга т. Алксниса Я.И. заместителем начальника ВВС РККА и главным инспектором ВВС РККА, освободив его от должности начальника ВВС РККА. 4) 5) Назначение командарма 2-го ранга Левандовского М.К. командующим войсками Белорусского военного округа, освободив его от должности командующего войсками Закавказского военного округа. 6) 7) Назначение командарма 2-го ранга т. Седякина А.И. командующим войсками Закавказского военного округа, освободив его от должности начальника Управления боевой подготовки РККА. 8) 9) Назначение комкора т. Горбачева Б.С. заместителем командующего войсками Белорусского военного округа (вместо Т. Мулина), освободив его от должности заместителя командующего войсками Московского военного округа. 10) 11) Освобождение комкора т. Мулина В.М. от должности заместителя командующего войсками Белорусского военного округа. К. Ворошилов»[2]. В тот же день К. Ворошилов направил в Политбюро ЦК еще одно предложение:

---

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 274. Л. 159—163; Д. 279. Л. 129—130.

[2] Там же. Л. 179.

«В Политбюро ЦК ВКП(б), товарищу Сталину. В связи с необходимостью возглавить ПВО РККА после смерти С. С. Каменева крупным авторитетным начальником прошу утвердить назначение на вакантную должность начальника Управления ПВО РККА комкора Эйдемана Р.П., освободив его от обязанностей Председателя ЦС Осоавиахима СССР»[1].

«Разгон» командования БВО, удаление из центрального руководства на периферию А.И. Седякина, одного из недовольных наркомом и уже находившегося под подозрением Б. Горбачева из МВО, с одновременным назначением близкого наркому М. Левандовского командующим БВО значительно укрепляли позиции И. Сталина и К. Ворошилова. Но этот проект не был утвержден на заседании Политбюро 11 ноября 1936 г. Очевидно, И. Сталин не хотел ссориться с «генералами» накануне и на время важного внутриполитического события — Чрезвычайного восьмого Съезда Советов СССР (с 25 ноября по 10 декабря 1936 г.). Более того, И. Сталин как бы демонстрировал свое уважение к М. Тухачевскому. Косвенно об этом свидетельствует групповой снимок, на котором в первом ряду, вместе с И. Сталиным, кроме К. Ворошилова, сидит также М. Тухачевский. Внешне это выглядело как знак включения маршала в «первую восьмерку» политических лидеров страны. М. Тухачевский сидел третьим слева от И. Сталина, после В. Молотова и М. Калинина. Справа от И. Сталина в том же «ранге» находился А. Жданов. Казалось, что политическое положение М. Тухачевского благополучно. Действительно, верный древнему принципу укрепления власти — «разделяй и властвуй», И. Сталин продолжал «ссорить» между собой «генералов».

13

М. Тухачевский и В. Блюхер

И. Сталин в августе 1936 г. уже имел серьезное намерение и решение отправить маршала в отставку и заменить его на Дальнем Востоке другим «генералом». Это, очевидно, было связано с «зиновьевским процессом» и появившимися обвинениями в адрес

[1] РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 18. Л. 177.

«правых» (Н. Бухарина, А. Рыкова). «И вот начинается кампания, очень серьезная кампания, — возмущался И. Сталин, защищая В. Блюхера на заседании военного совета 2 июня 1937 г. — Хотят Блюхера снять. И там же есть кандидатура. Ну уж, конечно, Тухачевский. Если не он, так кого же. Почему снять? Агитацию ведет Гамарник, ведет Аронштам. Так они ловко ведут, что подняли почти все окружение Блюхера против него. Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять. Почему, спрашивается, объясните, в чем дело? Вот он выпивает. Ну, хорошо. Ну, еще что? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов работы не понимает... Посмотрите, ЦК встает перед фактом всякой гадости, которую говорят о Блюхере. Путна бомбардирует. Аронштам бомбардирует нас в Москве, бомбардирует Гамарник. Наконец, созываем совещание. Когда он приезжает, видимся с ним. Мужик как мужик, неплохой. Мы его не знаем, в чем тут дело. Даем ему произнести речь — великолепно. Проверяем его и таким порядком. Люди с мест сигнализировали, созываем совещание в зале ЦК... Мы тогда Гамарника ругали, а Тухачевский его поддерживал. Это единственный (очевидно, «вождь» хотел сказать «один из») случай сговоренности»[1].

Анализ приведенного фрагмента речи И. Сталина приводит к интересным наблюдениям и выводам. «Агитацию ведет Гамарник, ведет Аронштам... Они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять (Блюхера)». Л. Аронштам в это время был начальником Политуправления ОКДВА. Он и Я. Гамарник «убедили» К. Ворошилова в необходимости отставки В. Блюхера. Судя по контексту цитированного выше фрагмента, решение высшего военного руководства о смещении В. Блюхера было принято до приезда маршала в Москву. Он появился в столице в конце ноября 1936 г. и принял участие в совещании в Кремле 10 декабря. Я. Гамарник уехал на Дальний Восток в первых числах сентября 1936 г. С И. Сталиным, до его отъезда в отпуск, он виделся на совещании в Кремле 17 июля и 19 июля на заседании Политбюро. Решение о снятии В. Блюхера, конечно же, принималось не

[1] Стенограмма выступления И.В. Сталина... 2 июня 1937 г. С. 285.

К. Ворошиловым, а И. Сталиным, однако вряд ли он решал этот вопрос без наркома, лишь с Я. Гамарником.

Из приведенного в свидетельстве вдовы маршала разговора В. Блюхера с Я. Гамарником в Чите ясно одно — отставка маршала готовилась[1]. Судя по контексту воспоминания и готовности маршала к отставке, Я. Гамарник, очевидно, получил на это полномочия. Вряд ли в качестве причин намечавшейся отставки можно рассматривать поступившее в сентябре 1936 г. в НКВД агентурное сообщение из Германии об участии В. Блюхера в заговоре, о том, что он симпатизирует Германии и намерен отделить Дальний Восток от СССР[2]. Сомнительно, чтобы эту роль сыграло новое агентурное сообщение о маршале, 21 сентября 1936 г. направленное Н. Ежову для ЦК ВКП(б) и И. Сталина[3]. Я. Гамарник уехал из Москвы в начале сентября 1936 г.[4].

Из вышецитированного фрагмента выступления И. Сталина следует, что «они (то есть Я. Гамарник и Л. Аронштам) убедили руководящий состав военного центра (то есть К. Ворошилова, М. Тухачевского и А. Егорова) в том, что его (то есть В. Блюхера) надо снять». Следовательно, решение принимал К. Ворошилов, поручивший Я. Гамарнику подготовить этот акт во время поездки по Дальнему Востоку. Вероятнее всего, этот вопрос И. Сталин решал с К. Ворошиловым после возвращения последнего из отпуска (не ранее 25 июля 1936 г., когда они встречались в Кремле, и не позднее 14 августа, когда И. Сталин уехал в отпуск).

Поскольку сохранял свою силу старый «генштабовский» оперативный план, предусматривавший доминантное положение дальневосточного театра военных действий, его состояние вызывало особую обеспокоенность у высшего военного руководства. Прежде всего у Я. Гамарника, первого заместителя Наркома обороны, который курировал оборонные вопросы Дальнего Востока,

---

[1] *Блюхер Г.* С Василием Константиновичем Блюхером — шесть лет // Военно-исторический журнал. 1990. № 1. С. 79.

[2] Военно-исторический архив. Вып. 2. С. 10.

[3] Там же.

[4] Вопреки воспоминаниям вдовы маршала Я. Гамарник не мог появиться в Хабаровске летом 1936 г., поскольку еще 1 сентября он принимал участие в заседании Политбюро ЦК.

равно как и у Я. Аронштама, начальника ПУ ОКДВА. Они резко критиковали В. Блюхера, настаивая на его замене. Еще на пленуме РВС СССР в октябре 1930 г. М. Тухачевский, рассуждая о боевой подготовке войск, вопреки пропагандистским клише о «победоносной Дальневосточной армии т. Блюхера», как бы «мимоходом» отметил, что «наши недостатки в организации управления и в тактической подготовке настолько велики, что на это нужно обратить решительное внимание... Они сказались и в действиях ОКДВА»[1]. В те годы и за рубежом расценивали боевые действия ОКДВА В. Блюхера на КВЖД в 1929 г. как неудачные, даже как поражение Красной Армии.

В качестве замены маршалу в должности командующего, как указывалось выше, Я. Гамарник предлагал М. Тухачевского. «Хотят Блюхера снять, — процитирую еще раз отрывок из речи И. Сталина. — И там же есть кандидатура. Ну, уж, конечно, Тухачевский. Если не он, так кого же». На этот счет имеются весьма путанные свидетельства Л. Норд. Она вспоминала, что М. Тухачевскому «предложили заняться Дальним Востоком... отправиться в секретную командировку в Китай, а потом пост командующего Дальневосточной армией», утверждая, что это была «инициатива Сталина». Судя по контексту рассуждений автора воспоминаний, М. Тухачевский отправляться на Дальний Восток не хотел. По ее словам, против этого предложения были С. Каменев, И. Федько, Я. Фабрициус, которые «считали, что это явная попытка отдалить Тухачевского от центра армии и именно в тот момент, когда уже составлены планы реорганизации ее управления». Впрочем, этот вопрос, как поясняет Л. Норд, «довольно долго оставался открытым... Наконец благодаря энергичному вмешательству В.В. Куйбышева, настоявшего на том, что Тухачевского гораздо целесообразнее использовать для реорганизации и развития армии, а также как военного представителя на Западе, ибо он владел языками, — вопрос о его назначении на Восток отпал. Тогда Тухачевский был вызван в Реввоенсовет в Москву — после этого его пожелал видеть Сталин. Он был очень любезен, выразил возмущение по поводу «нелепого назначения»; намекнул, что Михаилу Николаевичу предстоит поездка за границу, и «выразил уверен-

[1] РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 195-сс. Л. 30.

ность», что эту миссию Михаил Николаевич выполнит блестяще. Действительно, Тухачевский вскоре получил командировку во Францию»[1].

Хронология в воспоминаниях Л. Норд сбивчива. Как жена военного она, видимо, сохранила в памяти обрывки застольных разговоров, в содержание которых тогда не особенно вдумывалась, а профессионально, разумеется, в них не разбиралась. Поэтому, судя по фамилиям, фигурирующим в ее воспоминаниях об указанных обстоятельствах, в ее памяти происходило вполне естественное наложение друг на друга информации и слухов, относившихся к разновременным ситуациям.

Очевидно, еще при организации ОКДВА летом 1929 г. обсуждался вопрос о назначении на должность ее командующего М. Тухачевского. В. Куйбышев, по словам Л. Норд, сыгравший решающую роль в судьбе М. Тухачевского, умер 25 января 1935 г. Поэтому его «энергичное вмешательство», скорее всего (следуя контексту воспоминания), могло иметь место при назначении М. Тухачевского на должность замнаркома в 1931 г., возможно, и при обсуждении «дальневосточного вопроса» в 1933—1934 гг. Упоминание о поездке М. Тухачевского во Францию (что имело место, как известно, в январе—феврале 1936 г.) вскоре после его разговора с И. Сталиным и отказа от намерения отправить его на Дальний Восток, указывает на то, что этот вопрос вновь поднимался в конце 1935 г. Возможно, 21 июля 1935 г., когда М. Тухачевский последний раз в 1935 г. виделся с И. Сталиным в Кремле. Видимо, к нему возвратились в июле—августе 1936 г. Может быть, косвенно об этом свидетельствует сообщение, что 22 июля 1936 г. на обеде в честь японского министра иностранных дел Ота от Наркомата обороны присутствовал М. Тухачевский[2].

М. Тухачевский неоднократно оговаривался, что он Дальневосточным театром не занимался, поскольку им «специально занимался Гамарник». Он поддерживал критику командования ОКДВА, но лишь в оперативно-тактических аспектах. При этом объектом критики оказывался не только В. Блюхер, но и куратор дальнево-

---

[1] *Норд Л.А.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском // Возрождение. Тетрадь № 65. С. 87—91.

[2] Документы внешней политики. М., 1973. Т. 19. С. 377.

сточного направления Я. Гамарник. «Дальневосточный театр войны, — как считал М. Тухачевский, — крайне слабо обеспечен от воздействия японцев через КНР в направлении Читы и кругобайкальской железной дороги. В этом отношении ни ОКДВА, ни Гамарник не ставили вопросов о необходимости прокладки железнодорожного пути от Байкала до Улан-Батора. В случае нападения на нас японцев наше положение в направлении КНР будет чрезвычайно тяжелым». М. Тухачевский считал ошибочным решение Я. Гамарника «о расформировании строительных частей после объявления мобилизации для целей пополнения кадровых частей». М. Тухачевский считал, что строительные части выгоднее развернуть как второочередные дивизии, а кадровые части содержать в штатах, более близких к военному времени, чтобы до минимума сократить потребность в подвозе пополнений. Наши силы на Дальнем Востоке крайне слабы, и надо использовать всякую дополнительную возможность к увеличению числа войсковых соединений»[1]. Учитывая критические замечания М. Тухачевского, вряд ли можно согласиться со столь однозначным выводом И. Сталина, что «Тухачевский поддерживал» Я. Гамарника. Он поддерживал требование начальника ПУ РККА о замене В. Блюхера. Что касается выдвижения собственной кандидатуры на должность командующего ОКДВА, то этот вариант не мог устраивать М. Тухачевского. Во-первых, потому, что при таком решении из фактического руководителя всей Красной Армии и Главкома Западного направления он становился командующим одной из ее частей, подчиненным Я. Гамарнику. Он, занимавший второе место в группе высших руководителей РККА и претендовавший на первое, при назначении на Дальний Восток перемещался на четвертое или даже на пятое. Такое решение можно было бы рассматривать как скрытую форму «опалы» и «ссылки». Во-вторых, дальневосточный театр он практически не знал. В-третьих, он был давно и глубоко убежден, что первостепенные оперативно-стратегические проблемы существуют на Западном театре военных действий, которые придется решать уже в 1937 г. и решать их нужно будет «превентивным наступательным» ударом в направлении Прибалтики.

---

[1] 1937. Показания маршала Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С. 63.

Начальник ПУ ОКДВА (с 1933 г.) Я. Ароштам предлагал заменить В. Блюхера И. Уборевичем. Делалось ли такое предложение И. Уборевичу и как он к нему отнесся, сказать трудно. Во всяком случае, этот перевод не состоялся. У И. Сталина и К. Ворошилова насчет И. Уборевича, как мы уже знаем, были иные намерения, о которых будет сказано ниже.

Я. Ароштам называл и кандидатуру И. Якира. Косвенно все эти кандидатуры упоминались И. Сталиным, защищавшим В. Блюхера: «Он, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который является паникером, и чем любой Якир, который в военном деле ничем не отличается»[1].

Сложившаяся ситуация, несомненно, вызвавшая беспокойство И. Сталина, видимо, вынудила его временно примириться с В. Блюхером, представив себя его защитником и покровителем, и всю ответственность свалить на Я. Гамарника, М. Тухачевского и др. Поэтому основной удар был перенесен на М. Тухачевского, «свалить» которого казалось легче, чем В. Блюхера. В распоряжении первого замнаркома не было значительных войск, он не являлся «хозяином» отдаленного региона, как В. Блюхер, способный, как опасались в центре, в крайней ситуации на сепаратизм. Однако ситуация для И. Сталина осложнилась и представлялась угрожающей в связи с тем, что И. Якир и И. Уборевич отказались сдать командование войсками своих округов. Вот почему в декабре 1936 г. И. Сталин резко изменил свои намерения и высказался за сохранение В. Блюхера в должности командующего ОКДВА.

14

Провокация К. Радека

«В первую неделю декабря 1936 года, — вспоминал В. Кривицкий, — специальный курьер, прибывший самолетом в Гаагу, передал мне срочное донесение от Слуцкого — начальника Иностранного отдела ОГПУ, который только что прибыл в Париж из Барселоны». В послании А. Слуцкого было передано следующее распоряжение: «Выбрать из наших сотрудников двух человек,

---

[1] 1937. Показания маршала Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С. 63.

способных исполнить роль германских офицеров. Они должны иметь достаточно выразительную внешность, чтобы походить на военных атташе, должны иметь привычку разговаривать как истинно военные люди, а также должны внушать доверие и быть смелыми. Подберите их незамедлительно. Это чрезвычайно важно...» В. Кривицкий «вызвал из Германии двух подходящих агентов». На встрече с А. Слуцким в Париже два дня спустя В. Кривицкий обратился к нему по этому поводу. «...Это не обычное дело. Оно настолько важно, — пояснял А. Слуцкий, — что мне пришлось оставить всю остальную работу и прибыть сюда, чтобы ускорить его... Это приказ самого Ежова. Мы должны подготовить двух агентов, которые могут сыграть роль чистокровных германских офицеров. Они нам нужны немедленно. Это дело настолько важное, что все остальное не имеет никакого значения. Я сказал ему, что уже вызвал двух лучших агентов из Германии и что они вот-вот прибудут в Париж»[1]. В. Кривицкий в своих воспоминаниях вновь возвратился к сюжету о «двух агентах» при изложении событий, наблюдавшихся им в Москве с марта по 22 мая 1937 г. Отставка М. Тухачевского с поста первого замнаркома 11 мая 1937 г., аресты высших офицеров встревожили его. «Я пошел прямо к Михаилу Фриновскому, — рассказывал В. Кривицкий, — заместителю наркома НКВД... «Скажите, что происходит в стране?» — добивался я от Фриновского. «Это заговор, — ответил Фриновский. — Мы как раз раскрыли гигантский заговор в армии, такого заговора история еще никогда не знала. Но мы все возьмем под свой контроль, мы их всех возьмем».

Фриновский не привел доказательства существования заговора, так «неожиданно» раскрытого ОГПУ. Но в коридорах Лубянки я столкнулся с Фурмановым, начальником отдела контрразведки, действующего за границей среди белоэмигрантов.

— Скажи, тех двоих первоклассных людей это ты послал к нам? — спросил он.

Я не понял, о чем речь, и спросил:

— Каких людей?

— Ты знаешь, немецких офицеров, — ответил он и начал шуткой укорять меня за упорство, с которым я не желал отпус-

---

[1] *Кривицкий В.* Я был агентом Сталина. С. 187—189.

кать моих агентов в его распоряжение. Это дело полностью выскользнуло у меня из памяти. Я спросил у Фурманова, как ему удалось узнать обо всем этом.

— Так это было наше дело, — с гордостью ответил Фурманов.

Я знал, что Фурманов в ОГПУ отвечал за антисоветские организации за рубежом, такие, как Международная федерация ветеранов царской армии (РОВС), во главе которой стоял живший в Париже генерал Миллер. Из его слов я понял, что двое моих агентов были направлены на связь с русскими белоэмигрантскими группами во Франции. Я вспомнил, что Слуцкий назвал это дело величайшей важности. Фурманов теперь дал мне понять, что существовал реальный заговор, послуживший мотивом чистки Красной Армии»[1].

Отталкиваясь от информации, сообщенной В. Кривицким о «двух агентах», которые должны были в контексте «дела Тухачевского» сыграть роль германских военных представителей для РОВС в первой декаде декабря 1936 г., можно определить лишь одну, наиболее убедительную связь: Н. Скоблин. Напомню, что генерал Н. Скоблин, единственный представитель РОВС, так или иначе фигурировавший в 1936 г. в «деле Тухачевского», представил Р. Гейдриху два сообщения: первое, весной 1936 г., о заговоре маршала М. Тухачевского против И. Сталина; второе — 16 декабря 1936 г. о том, что это «двойной заговор» М. Тухачевского против И. Сталина и германских генералов против А. Гитлера.

Можно полагать, что «два агента», затребованные А. Слуцким у В. Кривицкого, должны были сыграть роль представителей германского генералитета, направленных для встречи с генералом Н. Скоблиным (учитывая имевшиеся у него давние связи с абвером как с посредником между руководством вермахта и М. Тухачевским. Они и должны были довести до сведения Н. Скоблина информацию о «двойном заговоре» в расчете на то, что она попадет к Р. Гейдриху и А. Гитлеру. Вполне понятно, что Н. Скоблин 16 декабря сообщил об этом Р. Гейдриху, а последний поставил обо всем в известность фюрера. Цель этой операции НКВД заключалась в том, чтобы дискредитировать М. Тухачевского в глазах Р. Гейдриха и А. Гитлера, представив его как политическую фигу-

[1] *Кривицкий В.* Я был агентом Сталина. С. 202—203.

ру, враждебную «новой Германии» и лично ее «вождю». Чтобы усилить негативное отношение к М. Тухачевскому, который прежде был представлен как «лидер национальной военной партии» в СССР, Н. Скоблин (в соответствии с полученной им «информацией») передал ложное сообщение о том, что бабка маршала еврейка, его предки по отцу являлись членами масонской ложи, а сам он масон 33-й степени. В информации сообщалось также, что М. Тухачевский вовсе не лидер «национальной партии», а организовал антисталинский заговор вместе с К. Радеком, лидером «троцкистов»; что цель заговора — свергнуть И. Сталина и установить власть Л. Троцкого[1].

Для подтверждения этой «секретной информации» решено было провести «демонстрацию» намеков на связь М. Тухачевского с «троцкистским заговором» специально для зарубежной политической элиты и прессы через показания К. Радека на судебном процессе 24 января 1937 г. Дело в том, что в стенограмме процесса, изданной в СССР, для советского читателя нижеследующий фрагмент показаний К. Радека не публиковался.

На утреннем судебном заседании 24 января 1937 г. К. Радек, в частности, сказал: «В 1935 году Виталий Путна встречался со мной, передав одну просьбу Тухачевского». Эта фраза осталась без какой-либо реакции со стороны государственного обвинителя, зловеще повиснув без комментариев. А. Вышинский стал спрашивать К. Радека о чем-то другом. В контексте судебного разбирательства, когда и К. Радек, и В. Путна представлены были как «троцкистские заговорщики», М. Тухачевский, оказавшийся «в их компании», воспринимался публикой, сидевшей в зале, тоже как участник «заговора». А. Вышинский возвратил К. Радека к утренним показаниям, в которых был упомянут М. Тухачевский, вечером 24 января. Он спросил обвиняемого, зачем к нему обращался маршал. К. Радек ответил: «Тухачевский имел правительственное задание, для которого не мог найти необходимого материала. Таким материалом располагал только я. Он позвонил мне и спросил, имеется ли у меня этот материал. Я его имел, и Тухачевский послал Путну, с которым работал над заданием, чтобы получить ма-

[1] *Alexandrov V.* Op. cit. P. 141.

териал от меня. Тухачевский понятия не имел ни о роли Путны, ни о моей преступной роли».

«А Путна?» — спросил А. Вышинский.

На это К. Радек ответил: «Он был членом организации, он пришел не по делам организации, но я воспользовался его визитом для нужного разговора».

«А Тухачевский?» — продолжал А. Вышинский, демонстративно заостряя вопрос.

«Тухачевский, — отвечал К. Радек, не менее демонстративно реабилитируя маршала, будто «заговорщик», скрывающий еще не разоблаченного сообщника, — никогда не имел отношения к нашим делам... Я заявляю, что я никогда не имел и не мог иметь никаких связей с Тухачевским по линии контрреволюционной деятельности, потому что я знал, что Тухачевский — человек, абсолютно преданный партии и правительству»[1].

Одновременно с дискредитацией М. Тухачевского перед западноевропейскими политическими и военными кругами, в первую очередь в глазах германского руководства, началась работа по подготовке его отставки с поста первого замнаркома. Распространялась дезинформация о том, что якобы М. Тухачевский еще с 1917 г. является агентом германской военной разведки, которая помогла ему бежать из плена[2]. И. Сталин представлял ее в качестве основного обвинения, адресованного М. Тухачевскому, даже своему ближайшему окружению, насколько об этом можно судить по воспоминаниям Л. Кагановича[3]. В качестве специальной и секретной эта информация оказалась у И. Сталина 26 декабря 1936 г. Она была получена из Германии от «источника», зашифрованного под именем «Сократ»[4]. В настоящее время известно, что под этим псевдонимом скрывался «тогдашний наш агент в Германии — жена высокопоставленного чиновника германского МИДа». Она «была расшифрована как наш агент, и через нее подбрасывалась эта чудовищная «деза» о Тухачевском»[5]. В этом сообще-

---

[1] Цит. по кн.: *Раппопорт В., Геллер Ю.* Измена Родине. С. 244—245.

[2] *Воскресенская З.* Под псевдонимом Ирина. М., 1997. С. 177.

[3] *Чуев Ф.* Каганович. Шепилов. М., 2001. С. 52.

[4] *Жухрай В.М.* Роковой просчет Гитлера. Крах блицкрига. М., 2000. С. 62—63.

[5] *Воскресенская З.* Под псевдонимом Ирина. С. 178.

нии, в частности, говорилось: «Находясь в немецком плену в годы Первой мировой войны в заключении в Крепости Ангольштадт, Тухачевский предпринял 4 попытки к побегу из плена. Во время четвертой попытки был убит немецкий часовой. Пойманным участникам побега грозила смертная казнь через повешение. Чтобы спасти свою жизнь, Тухачевский согласился на сотрудничество с немецкой разведкой. Был инсценирован пятый побег, и Тухачевский оказался в России. Тухачевский получил задание от немецкой разведки в случае победы большевиков вступить в Ленинскую партию, как военный специалист занять какую-нибудь из командных должностей и всеми силами продвигаться по служебной лестнице. Помимо чисто разведывательной деятельности, ему предстояло сколотить группу военных, недовольных по тем или иным причинам Советской властью, и подготовить контрреволюционный переворот. В ходе Гражданской войны связь Тухачевского с германской разведкой на какое-то время оказалась утраченной и была вновь восстановлена в 1925 году, во время пребывания его на маневрах в Германии. Связь спецслужб Германии с Тухачевским восстановила сотрудница немецкой разведки, работающая под псевдонимом «Жозефина Генза». Она же в свое время принимала участие в вербовке немецкой разведкой Енукидзе и Карахана. На связи у нее находится Рудзутак.

По данным немецкой разведки, существует широкомасштабный заговор с целью свержения Советской власти и реставрации капитализма в СССР, превращения его в сырьевой придаток капиталистического Запада. Политическими руководителями этого заговора являются Троцкий, Бухарин, Рыков, Рудзутак, Ягода, Енукидзе. Военных заговорщиков возглавляют Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман и Гамарник. Все в прошлом ставленники Троцкого. Тухачевский передал немецкой разведке копию оперативного плана СССР. Систематически разведку о важных военных секретах СССР информирует и Якир». Справка: Доложено т. Иванову (псевдоним И. Сталина). Все указанные в донесении лица активно разрабатываются органами НКВД. А. Лавров». Документ приводится полностью, чтобы можно было лучше проанализировать степень его достоверности. Что касается начальной его части о вербовке М. Тухачевского в немецком плену, то необходимо дать некоторые пояснения на этот счет.

После второй попытки побега из плена М. Тухачевский был переведен в офицерский лагерь для офицеров-штрафников, то есть уже предпринимавших попытки бежать из плена, в Бад-Штуер (Мекленбург — Шверин). После третьей неудачной попытки бежать из этого лагеря М. Тухачевский был переведен в Ингольштадт (Бавария). Четвертый побег был предпринят из Ингольштадта, однако ни русские, ни французские товарищи по плену в Ингольштадте, вспоминая о его побеге из этой крепости, не помнят, чтобы при этом был убит часовой, как сообщается в агентурном донесении. М. Тухачевскому удалось бежать достаточно легко. По свидетельству офицеров-французов, сидевших в лагере вместе с русским офицером-гвардейцем, под честное слово пленным разрешалось выходить из крепости, и М. Тухачевский просто ушел с прогулки, договорившись, что один из военнопленных офицеров на перекличке выдаст себя за него. Поэтому не было необходимости убивать часового. Однако недалеко от швейцарской границы М. Тухачевский был задержан. Он выдал себя за солдата, был водворен в солдатский лагерь, из которого ему удалось уже успешно бежать в пятый раз вместе с солдатом А. Зайцевым[1]. Таким образом, никаких оснований для вербовки русского офицера просто не было. В силу этого все обвинения в предательстве и в шпионаже повисали в воздухе. Во всяком случае, какие-либо отечественные или немецкие документы, подтверждающие факт обязательства гвардии подпоручика М. Тухачевского оказывать содействие германской армии, на сегодняшний день отсутствуют. Думается, что в течение нескольких десятилетий, пока фамилия маршала «склонялась» и его врагами, и его почитателями, такой документ, существуй он и в самом деле, наверняка всплыл бы на страницах книг, статей или публикаций документов.

Похоже, что «документ 26 декабря», полученный И. Сталиным, должен был лишь подкрепить уже принятое им еще в феврале — марте 1936 г. решение об «отставке» М. Тухачевского. И. Сталин ждал этот «документ» и как только получил его, сразу же провел решение в Политбюро. Известно, что аналогичная оперативность была продемонстрирована и в апреле 1937 г., в связи с отменой поездки М. Тухачевского в Великобританию. Получен-

[1] *Никулин Л.* Тухачевский. С. 36.

ная от Н. Ежова информация от 21 апреля уже на следующий день была заложена в основу решения Политбюро. Как это следует из выступления И. Сталина на заседании Военного совета при наркоме обороны 2 июня 1937 г. по «делу Тухачевского», именно содержание «документа от 26 декабря» было положено в основу обвинений. Следовательно, надо полагать, этот «документ» был «заказан» для обоснования отставки М. Тухачевского и др. и последующей «чистки». Поэтому, разумеется, не информация, содержавшаяся в «документе 26 декабря», сама по себе стала причиной «дела Тухачевского», — она стала публичной еще в феврале 1936 г., — а иные обстоятельства. Какие?

15

«Отставка» маршала и попытка самоубийства

На следующий день после поступления информации от А. Лаврова, 27 декабря 1936 г., на заседании Политбюро ЦК было принято решение о предоставлении М. Тухачевскому отпуска, в котором маршал оставался до начала апреля 1937 г. Удивляет не только длительность этого отпуска — три месяца. Дело в том, что М. Тухачевский уже был в отпуске в 1936 г., с 31 мая по начало июля. Его уход во второй и столь длительный отпуск был явлением чрезвычайным, а отпуск не обычным отпуском, а вызванным чрезвычайными обстоятельствами. Таковыми, думаю, были именно эти компрометирующие маршала документы. Косвенным подтверждением данного предположения могут служить воспоминания Л. Кагановича. Спустя десятилетия, на склоне лет своих он так объяснял причину «дела Тухачевского»: «И все-таки какая-то группировка командного состава была. Не могла не быть. Она была. Вся эта верхушка в Германии проходила учебу, была связана с немцами. Мы получили сведения, у Сталина были данные, что у нас есть связанная с фашистами группа. Называли Тухачевского и Якира. Тухачевский когда-то был в плену в Германии и бежал из плена. Есть какая-то группировка»[1]. Л. Каганович присутство-

[1] *Чуев Ф.* Каганович. Шепилов. С. 52.

вал на беседе И. Сталина с М. Тухачевским (вместе с К. Ворошиловым, В. Молотовым, Н. Ежовым) в Кремле 31 декабря 1936 г. Вероятно, этот прием М. Тухачевского нужен был для объяснения маршалу причин его «отпуска» и изложения ему содержания «донесения из Берлина». Именно из этого обсуждения Л. Каганович и вынес сохранившееся на многие десятилетия в его памяти объяснение причин «дела Тухачевского». Надо полагать, что, во всяком случае, лицам из близкого окружения, таким как Л. Каганович, И. Сталин внушал мысль, что М. Тухачевский начал «работать на немцев» еще с 1917 г., будучи завербованным в лагере для военнопленных, из которого немцы устроили ему побег. Именно в этом, получается, заключалась главная вина маршала. Именно это послужило основанием отстранить его от должности и обвинить в «измене». Именно об этом публично заявил в феврале 1936 г. Н. Алексеев в «Возрождении» и докладывал из Германии «Сократ» в декабре 1936 г. Примечательно, однако, что ни в показаниях М. Тухачевского от 1 июня 1937 г., ни на процессе 11 июня 1937 г. об этом не было сказано ни слова. М. Тухачевского обвиняли и он «признавался в измене» начиная только с 1925 г.

Вероятно, для объяснения решения об «отпуске» (отставке?) и доведения до его сведения «компромата» из Германии 31 декабря 1936 г. М. Тухачевский был на приеме у И. Сталина в Кремле в присутствии К. Ворошилова, В. Молотова и наркома внутренних дел Н. Ежова. Трудно сказать, по чьей инициативе состоялся этот прием — И. Сталина или М. Тухачевского. Во всяком случае, ввиду предстоящего «процесса Пятакова — Радека» и последовавшего за ним известного Февральского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. маршала следовало, хотя бы временно, «отстранить» от руководства войсками. Думаю, это тоже являлось одной из причин его «внеочередного отпуска», похожего на замаскированную отставку.

В начале января 1937 г. М. Тухачевский еще выступал перед слушателями Академии Генерального штаба с разъяснениями основных положений нового Полевого устава 1936 г.[1], но после это-

[1] *Иссерсон Г.* Развитие теории советского оперативного искусства в 30-е годы // Военно-исторический журнал. 1965. № 3. С. 50.

го и до начала апреля 1937 г. он делами не занимался. Он находился «в отпуске», на лечении — так официально объясняли его отсутствие. Во всяком случае, 24 января 1937 г. французский посол Р. Кулондр, именно в этот день направивший приглашение М. Тухачевскому на прием в посольстве, назначенный на 30 января, получил официальный отказ со ссылкой на то, что маршал находится в отпуске[1]. Р. Кулондр уточнял, что М. Тухачевский находился, по официальному уведомлению советской стороны, в отпуске в Сочи[2]. На вопросы иностранных дипломатов и журналистов по поводу отсутствия маршала отвечали (начиная с конца января — начала февраля), что он проводит отпуск в Сочи, где он оставался до возвращения в Москву в конце марта[3]. Такие лаконичные ответы в весьма тревожной обстановке разворачивающихся «чисток» и репрессий, в том числе и в армии, неизбежно порождали всевозможные слухи.

Примерно с 5 по 27 мая 1936 г. М. Тухачевский находился в отпуске. 6 июня в отпуск отправился нарком. Он пробыл в Сочи до 24 июля 1936 г. 14 августа в отпуск в Сочи отправился И. Сталин. Примечательно, что в номере «Возрождения» от 29 августа 1936 г. М. Тухачевский был представлен в зените своего политического авторитета рядом с К. Ворошиловым и И. Сталиным. «Сталин сказал по радио воинственную речь армии, совместно с Ворошиловым и Тухачевским, — сообщала газета. — Прибывшие из Москвы лица подтвердили рост влияния Ворошилова, который, по преобладающему мнению, в ближайшем будущем заменит Ста-

---

[1] В связи с этим сообщением Д.К. Уотт в своей статье ссылается на донесение французского посла в СССР Р. Кулондра от 10 февраля 1937 г. (Documentes Diplomatiques Francaises — DDF — 1932—1939, ser. 2, vol. 4, № 420); *Уотт Д.К.* Кто против кого устроил заговор? // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 56—57. Сведения о присутствии М. Тухачевского на январском процессе, где он якобы слышал показания К. Радека, упомянувшего его фамилию, таким образом, не находят подтверждения. Как, следовательно, не подтверждается информация о том, будто бы в тот же вечер он бросился за разъяснениями к Ворошилову и Сталину, после чего на следующий день, 25 января, К. Радек «формально обелил маршала». (*Раппопорт Г., Геллер Ю.* Измена родине. М., 1995. С. 245.) В 1937 г. известно лишь об одной встрече М. Тухачевского с И. Сталиным — 13 мая 1937 г., после отставки маршала (10 мая т. г.).

[2] *Уотт Д.К.* Кто против кого устроил заговор? С. 52.

[3] *Уотт Д.К.* Там же. С. 57.

лина»[1]. Политическое положение М. Тухачевского изменилось в промежутке между 25 июля и 14 августа.

Самые ранние слухи о надвигающейся «опале» М. Тухачевского, отражавшие ситуацию конца августа, появились в белогвардейской прессе 6 сентября 1936 г. со ссылкой на гитлеровский официоз «Фелькише беобахтер»: «...Положение Тухачевского становится с каждым днем все труднее и... якобы его арест неминуем...»[2]. 3 октября 1936 г. в «Возрождении» предпринимается попытка (опирающаяся на сведения, не лишенные достоверности) объяснить ситуацию. «Подтверждается, — сообщает газета, — что Тухачевский под подозрением. По-видимому, происходит какое-то соревнование между ним и Ворошиловым. Ворошилов будто бы требует от Сталина его устранения. Блюхер, несколько лет тому назад подозревавшийся в сочувствии Сырцову, тоже, по-видимому, вызывает своей позицией какие-то опасения. Ягода настаивал на том, что Блюхера надо сместить. Но ныне смещен сам Ягода. Передают, что Каганович всячески борется с усилением влияния маршалов»[3]. Уже 6 февраля 1937 г. в «Возрождении» сообщалось об аресте адъютанта маршала, «ходят слухи об аресте самого Тухачевского» [4]. Сведения об аресте «одного из сотрудников аппарата Тухачевского» поступили во Францию и от посла Р. Кулондра в донесении от 10 февраля 1937 г.[5]. Скорее всего, он имел в виду как раз адъютанта М. Тухачевского, Я. Смутного.

Яков Смутный (1895—1937), с репутацией бывшего сторонника Л. Троцкого (в 1923—1927 гг.), близкий по службе к И. Якиру, стал адъютантом М. Тухачевского с конца 1936 г. Очень похоже на то, что Я. Смутного специально «подсунули» М. Тухачевскому в конце 1936 г., зная, что адъютант — бывший троцкист. Арестовав затем Я. Смутного как «троцкиста», легче было обвинить и М. Тухачевского в связях с Л. Троцким. Именно

---

[1] Возрождение. 1936. 29 августа.

[2] 5 сентября. За рубежом, в редакции «Возрождения» достаточно хорошо были осведомлены о том, что происходило в Красной Армии. Надо полагать, что и информация о М. Тухачевском тоже опиралась на достоверные сведения.

[3] Возрождение. 1936. 3 октября.

[4] Возрождение. 1937. 6 февраля.

[5] *Уотт Д.К.* Кто против кого устроил заговор? С. 57.

это завуалированное обвинение М. Тухачевского впервые прозвучало из уст К. Радека 24 января 1937 г. на судебном процессе. Так можно было связать с Л. Троцким и друг с другом, через бывшего «троцкиста», М. Тухачевского и И. Якира, включив их всех в один «военно-троцкистский заговорщический блок». Таким образом, «дело Тухачевского» уже «конструировалось» в конце 1936 г.

Об аресте свыше 200 командиров Красной Армии сообщал в своем донесении от 2 февраля 1937 г. британский посол А. Чилстон[1]. Видимо, в их числе был и упомянутый Я. Смутный. Поэтому есть основания полагать, что адъютант маршала был арестован в конце января 1937 г., вскоре после окончания судебного процесса над «группой Радека — Пятакова» (23—30 января 1937 г.). Сведения об аресте М. Тухачевского сообщил в первой декаде февраля 1937 г. и начальник штаба эстонской армии генерал Й. Лайдонер, находившийся в это время в Москве[2]. Следовательно, слухи об аресте адъютанта маршала и самого М. Тухачевского появились в самом начале февраля 1937 г., отражая, видимо, какие-то события, происшедшие в конце января. 13 февраля 1937 г. «Возрождение» вновь упомянуло об аресте маршала: «...о Тухачевском циркулируют всевозможные слухи. По одним сведениям, он чуть ли не арестован, по другим — не только не арестован, но и не в опале и будет представлять СССР на коронации короля Георга VI. Большинство сведений, однако, утверждает факт опалы Тухачевского. Опала эта, по тем же сведениям, вызывает все более острые протесты красных командиров. Ворошилов действует с Тухачевским заодно. Сталин будто бы имеет намерение на место Ворошилова назначить Блюхера, который обещал Сталину расправиться как с Ворошиловым, так и с Тухачевским»[3]. Спустя две недели, 27 февраля 1937 г., в той же газете вновь возвращаются к загадочному исчезновению М. Тухачевского с общественно-политической «сцены» СССР. «Судьба маршала Тухачевского, — информирует своих читателей газета, — до сих пор остается неясной. Как известно, его давно подозревали в «бонапартистских за-

[1] *Уотт Д.К.* Кто против кого устроил заговор? С. 57.

[2] Там же.

[3] Возрождение. 1937. 13 февраля.

мыслах». Московские корреспонденты иностранных газет сообщают, что Тухачевский перестал появляться на официальных приемах и обедах. По одной версии, Тухачевский лечится в Сочи (так оно и было. — *С.М.*), по другой — находится в какой-то больнице. Сообщают, что Тухачевский пытался застрелиться после продолжительной беседы с политкомом Красной Армии Гамарником. По третьей версии, Тухачевский давно сослан в Сибирь за то, что пытался защищать арестованных красных командиров»[1]. Почти все приведенные выше «слухи» из «Возрождения» находят подтверждение в достоверных источниках (за исключением сообщений об аресте маршала и предпринятой им попытке самоубийства в конце января—феврале 1937 г.). Это свидетельствует о весьма надежных источниках информации о М. Тухачевском и Красной Армии, имевшихся в распоряжении редакции «Возрождения». Поэтому есть основание считать, что и «слухи» о попытке маршала покончить самоубийством в январе 1937 г. не были беспочвенными, а отражали реальный факт. К тому же, хотя эти сведения никогда и никем официально не подтверждались, но они никогда и никем официально и не опровергались.

Вообще говоря, столь длительное пребывание «в отпуске» (три месяца) весьма необычно, особенно для М. Тухачевского и в такой насыщенной политической динамикой обстановке, тем более что в мае 1936 г. он уже побывал в отпуске. Похоже на то, что «длительный отпуск» М. Тухачевского, с 27 декабря 1936 г. до начала апреля 1937 г., фактически, как отмечалось выше, уже являлся замаскированной от советской и зарубежной общественности его отставкой[2]. Косвенным указанием на это может служить учреждение, в отсутствие маршала, должностей еще двух заместителей наркома обороны (по авиации и флоту). На них были назначены Я. Алкснис и В. Орлов. По существу, это означало резкое сужение полномочий М. Тухачевского как первого заместителя наркома. Тем более что на должность замнаркома по авиации был назначен Я. Алкснис, с которым у М. Тухачевского еще с начала

---

[1] Возрождение. 1937. 27 февраля.

[2] Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 2. С. 809. Примерно с такой же формулировкой, отправить «в отпуск», в конце сентября 1936 г. решением Политбюро ЦК был смещен со своей должности Г. Ягода.

30-х годов часто возникали трения. Как известно, у М. Тухачевского была другая кандидатура. Еще одним косвенным указанием на уже фактическую отставку М. Тухачевского может служить вроде бы мимоходом брошенная, но весьма многозначительная фраза К. Ворошилова в его выступлении на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 г. Объясняя политическую обстановку в комсоставе Красной Армии, К. Ворошилов сказал: «...Я лично, например, и мои ближайшие помощники тт. Гамарник и Егоров, командующие войсками, мы не особенно считаем такой метод чистки правильным»[1]. Обращает на себя внимание тот факт, что своими «ближайшими помощниками» К. Ворошилов демонстративно назвал первого замнаркома, Я. Гамарника и начальника Генштаба РККА А. Егорова, но не счел нужным упомянуть другого первого замнаркома М. Тухачевского. Это был «знаковый» жест, «знаковая» фраза. М. Тухачевского нарком обороны официально уже не считал своим «ближайшим помощником», своим первым заместителем! В этом же ключе прозвучала реплика Л. Кагановича, брошенная в адрес К. Ворошилова со скрытым намеком на нежелательную зависимость наркома от М. Тухачевского. На Пленуме ЦК 28 февраля 1937 г., рассказывая о предпринятой им проверке возможных действий вредителей на железнодорожном транспорте, Л. Каганович «поймал» несколько ироничную реплику К. Ворошилова: «Получилось?» — «Получилось, — жестко отреагировал Л. Каганович, — так же, как у тебя получается, если Тухачевский командует против Якира на военной игре и побивает Тухачевский. И так бывает»[2]. Известно, по собственному признанию Л. Кагановича, что он находился с И. Якиром в близких приятельских отношениях. Его реплика была и как бы упреком К. Ворошилову в том, что из-за влияния М. Тухачевского на наркома страдает И. Якир. Это могло быть косвенным отражением отголосков разговоров между Л. Кагановичем и И. Якиром, выражавшим свое недовольство М. Тухачевским в ходе апрельской штабной игры 1936 г. Это могло быть и уже сложившееся от-

---

[1] Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 12.

[2] Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 10.

рицательное мнение в политической элите о стратегических планах М. Тухачевского, о его «Бельгии». Аналогичные впечатления отразились и в журнале «Часовой» в конце февраля 1937 г. «Гамарник — это фактический руководитель Красной Армии... Ворошилов совершенно подчинен влиянию Гамарника... Он просто теряется в разрешении ряда вопросов. Этим объясняется то, что он всецело под влиянием Гамарника и своего начальника штаба Егорова... Тухачевский в данное время особой роли не играет... Сейчас он не в чести. Кое-какие круги продолжают возлагать на него некоторые надежды, но общее мнение, что это совершенно второстепенная величина»[1].

Во всех отмеченных выше обстоятельствах обращает на себя внимание одна из версий длительного отсутствия М. Тухачевского, уже цитированная выше: «Сообщают, что Тухачевский пытался застрелиться после продолжительной беседы с политкомом Красной Армии Гамарником». То же самое, по сути дела, сообщает и В. Шелленберг, утверждая, что М. Тухачевский был арестован «после неудачной попытки самоубийства»[2]. Это сообщение подтверждается еще одним свидетельством о попытке М. Тухачевского осуществить самоубийство. Она датируется 22 мая 1937 г. и имела место в г. Куйбышеве во время ареста маршала.

«...Получив ордер, начальник Куйбышевского управления НКВД майор Попашенко стал обсуждать ситуацию со своими заместителями, Деткиным и Михайловым. Все очень хорошо знали дипломатию своего ведомства и склонность Ежова к разным «трюкам». Знали и другое: Тухачевский очень силен, метко стреляет, свою храбрость он доказал в период Гражданской войны. Поэтому можно было ожидать вооруженного сопротивления и перестрелки. Он вполне может успеть сделать три выстрела, что тогда? Один или двое из них будут убиты. А тот, кто уцелеет, попадет в лагерь — «за самоуправство и превышение власти». Сцену ареста в горкоме партии отрепетировали заранее, все, казалось, предусмотрели. И все же все трое трусили. Когда они вошли в приемную первого секретаря горкома, Тухачевский сидел на стуле у стены, дожидаясь, когда его вызовет Постышев. Попашенко шел

[1] Часовой. 1937. 20 февраля, № 185. С. 13—14.

[2] *Шелленберг В.* Мемуары. Минск, 1998. С. 61.

впереди, выставляя бумажку ордера, точно щит, пистолеты со спущенным предохранителем. Подойдя к Тухачевскому на расстояние нескольких шагов, Попашенко поднял правую руку с ордером вверх.

— Михаил Николаевич?

— Да, в чем дело?

— Вот ордер товарища Ежова! Вы арестованы!

Тухачевский вскочил, вырвал правую руку из кармана, где тоже держал пистолет со спущенным предохранителем. Попашенко завизжал от страха (маршала еще не приходилось арестовывать!), бросился на пол и завопил: «Стреляйте! Стреляйте же!»

Замы вырвали пистолеты из карманов и дрожащими руками (советских маршалов им тоже не приходилось арестовывать!) сделали два выстрела. Пули просвистели мимо головы и ударили в стену, так что посыпалась штукатурка. Каждый из них с ужасом ждал, что в следующий миг сам получит пулю. Но произошло невероятное: Тухачевский поднес пистолет к своему виску и выстрелил. Пуля царапнула голову, вырвала клок кожи, полилась кровь. Доблестные сотрудники Ежова бросились на маршала и, действуя рукоятями пистолетов, словно кастетами, свалили его на пол, отняли пистолет и надели наручники. Затем выволокли в соседнюю комнату, осмотрели голову, заклеили пластырем поверхностную рану, велели снять форму, переодели в хороший серый костюм и ботинки. Все документы рассовали по своим карманам, форму спрятали в сумку. После этого, не теряя времени понапрасну, вывели арестованного во двор и усадили в машину, на которой ему предстояло вернуться в Москву. Постышеву в двух словах Попашенко поведал о случившемся: «Порядок, мы арестовали его! Он хотел оказать нам сопротивление, а потом застрелиться». Потрясенный Постышев не стал углубляться в детали, но лишь сказал: «Скорее везите его и охраняйте как следует в пути. Чтобы чего-нибудь дурного не случилось»[1]. Впрочем, автор книги, в которой столь подробно описывается эпизод с попыткой М. Тухачевского покончить жизнь самоубийством 22 мая 1937 г., не указывает на источник своей информации. Из контекста книги возникает подозрение, что весь этот рассказ — домысел. Это попытка реконст-

[1] *Лесков В.* Сталин и заговор Тухачевского. М., 2003. С. 31—32.

руировать предполагаемую автором ситуацию на основе ранее указанных немецких и эмигрантских сведений. В нашем распоряжении нет иных подтверждений этому факту.

По свидетельству лечащего врача М. Тухачевского доктора Л. Капуловского, который знал его с 1925 г. и долгое время обеспечивал его медицинское обслуживание, «единственный член семьи, которому не приходилось пользоваться моими услугами, был сам Михаил Николаевич. За все время, что я считался его лечащим врачом, мне не пришлось прописать ему ни одного рецепта»[1]. Поэтому неожиданное ухудшение здоровья у маршала и столь длительное лечение, обусловившее его исчезновение на три месяца из военной и политической жизни в период крайней остроты происходивших в ней процессов, можно объяснить лишь какими-то чрезвычайными обстоятельствами, повлиявшими на его здоровье. Каким же должно было быть состояние его здоровья, чтобы никоим образом не обнаружить его реакцию на «показания» К. Радека и не принять участия в чрезвычайно важном Пленуме ЦК 23 февраля — 5 марта 1937 г. Все остальные военачальники — члены и кандидаты в члены ЦК, включая И. Якира, И. Уборевича, В. Блюхера, С. Буденного, А. Егорова, там были. Отсутствие М. Тухачевского, кандидата в члены ЦК ВКП(б), среди делегатов указанного Пленума вызывает подозрение, что он к этому времени фактически оказался уже исключенным из партийной элиты. В контексте данных рассуждений сведения о попытке самоубийства с последующим лечением лучше всего объясняют сложившуюся ситуацию. Что же могло толкнуть М. Тухачевского на самоубийство, если маршал действительно предпринял такую попытку?

По свидетельству сестер маршала М. Тухачевского, «зимой 1937 года, чувствуя недоброе, он сказал одной из нас: «Как я в детстве просил купить мне скрипку, а папа из-за вечного безденежья не смог сделать этого. Может быть, вышел бы из меня профессиональный скрипач...»[2] Этот эмоциональный всплеск, ставивший под сомнение всю его предшествующую деятельность, вполне мог быть реакцией на нечто чрезвычайное и угрожающее

---

[1] *Кагаловский Л.И.* Душевная щедрость // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 222—223.

[2] Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 18.

его судьбе. По свидетельству сестры маршала, он, долго и профессионально занимавшийся изготовлением скрипок, именно зимой 1937 г. (скорее всего, в январе или начале февраля) свою рукопись «Справки о грунтах и лаках» передал на хранение виолончелисту Н. Смельскому[1], неуверенный в том, что ему самому удастся гарантировать ее сохранность. Как отмечалось выше, уже к 24 января 1937 г. М. Тухачевский находился либо «на лечении», либо за пределами Москвы (тоже «на лечении»). Следовательно, разговор с сестрами зимой 1937 г. мог иметь место в первой половине января 1937 г.

Оснований для такого нравственного состояния было предостаточно. Выше уже приводилась агентурная информация, доведенная до сведения маршала и ставшая поводом для его «отпуска», равно как и компрометирующие М. Тухачевского «показания» К. Радека. Наконец, арест его адъютанта в конце января или начале февраля 1937 г., возможно, одновременно с которым была арестована и его «гражданская жена» Ю. Кузьмина, проживавшая с приемной дочерью маршала в Ленинграде. Эти факты подтверждаются свидетельством давнего его приятеля, Н. Кулябко, со слов самого маршала. Узнав из газет об отставке М. Тухачевского, Н. Кулябко посетил его на квартире. «Тухачевский объяснил Кулябко, что причиной его перевода в Куйбышев, как об этом сообщили в ЦК партии, является то обстоятельство, что его знакомая Кузьмина и бывший порученец оказались шпионами и арестованы»[2]. Этот разговор обычно датируют 13 мая 1937 г., когда М. Тухачевский побывал в Кремле на приеме у И. Сталина, представляя, таким образом, предполагаемое содержание их беседы. Однако, во-первых, М. Тухачевский ссылается на объяснения, данные ему не И. Сталиным, а в ЦК партии. Во-вторых, информация о его отставке появилась в газетах 11 мая. Странным поэтому представляется, что старый приятель, удивленный ею, навестил маршала только через 2—3 дня, а не сразу, в тот же день. Наконец, в-третьих, как отмечалось выше, его адъютант был арестован еще в январе — начале февраля 1937 г., и маршал не мог не поинтересоваться причиной его ареста уже тогда. Учитывая все это, уместно

---

[1] *Тухачевская Е. И.* В тени монумента // Огонек. 1991. С. 21.

[2] Военные архивы России. Вып. 1. С. 41.

полагать, что разъяснения в ЦК М. Тухачевский мог получить гораздо раньше разговора с Н. Кулябко. Не исключено, что эти объяснения М. Тухачевский мог получить еще 31 декабря 1936 г., когда он в предпоследний раз был на приеме у И. Сталина в Кремле[1].

Все это могло служить весьма сильным толчком к самоубийству. Неудачной попыткой самоубийства можно вполне логично объяснить, почему отличавшийся завидным здоровьем маршал уже в конце января оказался на излечении в госпитале, в первых числах февраля был отправлен в Сочи, в военный санаторий «Волна», а затем столь «пассивно» вел себя вплоть до ареста и гибели. Каковы же были причины, побудившие политическое руководство и спецслужбы в Москве в срочном порядке, в декабре 1936 г., начать действия по дискредитации и политической компрометации М. Тухачевского?

Учитывая все приведенные выше сведения об аресте адъютанта маршала, аресте и попытке самоубийства самого М. Тухачевского в январе—феврале 1937 г., можно реконструировать предположительную последовательность событий. 27 декабря 1936 г. решением Политбюро М. Тухачевского отправляют в отпуск. 31 декабря в Кремле И. Сталин со своим ближайшим окружением объясняет М. Тухачевскому причину его «временного» отстранения от должности в форме «отпуска» со ссылкой на компрометирующие маршала документы. 24 января 1937 г. К. Радек фактически свидетельствует о связях М. Тухачевского с Л. Троцким и «троцкистами-заговорщиками» (К. Радеком) через В. Путну, после чего маршал предпринимает попытку самоубийства. В ответ на это 25 января 1937 г. К. Радек официально опровергает причастность М. Тухачевского к «троцкистскому заговору». После 24 января на все запросы о М. Тухачевском сообщается, что он находится в отпуске на лечении, в Сочи. После завершения «процесса Пятакова — Радека», 30 или 31 января 1937 г., подвергаются аресту адъютант маршала Я. Смутный и еще около 200 офицеров (бывших «троцкистов»).

Однако сама попытка самоубийства (если она действительно имела место) в январе—феврале 1937 г. могла иметь для самого М. Тухачевского веские основания лишь в одном из двух случаев.

---

[1] Исторический архив. 1998. № 4. С. 175.

Если бы уже были осуществлены аресты высших офицеров РККА, которые под «силовым» или «психологическим» воздействием вынуждены были пойти на «самооговор» и дачу «признательных» показаний против себя. В таком случае М. Тухачевский мог решиться на самоубийство, чтобы избежать физических или психологических пыток, которые могли принудить его к ложным «самообвинениям». Однако к февралю 1937 г. еще не был арестован или смещен со своей должности кто-либо из высших чинов Красной Армии. Еще никто из арестованных офицеров, включая Д. Шмидта, не дал каких-либо «признательных» показаний. Еще ни один из арестованных «генералов» не испытал воздействия силовых методов на себе, которые могли привести его к «самооговору». Таким образом, если М. Тухачевский был абсолютно «чист», то он, скорее всего, должен был выразить возмущение в той или иной форме против выдвигаемых косвенных или прямых против него обвинений. В такой ситуации самоубийство было равноценно признанию собственной вины. Если же арестованные близкие к нему люди (адъютант) могли рассказать (и уже рассказали) о каких-либо действиях или разговорах маршала, которые можно было рассматривать как «заговор», «подготовку к перевороту», о чем ему было уже сообщено, то этот факт мог толкнуть М. Тухачевского на самоубийство как единственный выход из ситуации. Однако в газете «Возрождение» утверждалось, что М. Тухачевский предпринял попытку самоубийства после разговора с Я. Гамарником.

Однако вряд ли указанный разговор М. Тухачевского с Я. Гамарником мог иметь место в конце декабря 1936 г. Обычно принимавший участие в заседаниях Политбюро ЦК, как начальник ПУРККА, Я. Гамарник отсутствовал на заседании ПБ 27 декабря 1936 г. Именно на этом заседании и принималось решение об отпуске М. Тухачевского. Я. Гамарник не принимал участия и в беседе И. Сталина с М. Тухачевским 31 декабря, хотя она проходила в присутствии К. Ворошилова, В. Молотова, Н. Ежова, Л. Кагановича. Очевидно, в газету «Возрождение» информация попала в несколько искаженном (случайно ли?) виде: разговор был не с Я. Гамарником, а с И. Сталиным.

Вообще, анализируя всю информацию о М. Тухачевском в «Возрождении» за 1936—1937 гг., следует отметить весьма высокий уровень осведомленности этой газеты. Учитывая же факт пер-

воначального появления «компромата» на М. Тухачевского сначала именно в «Возрождении» 13 февраля 1936 г., а затем в форме агентурной информации на столе И. Сталина 26 декабря 1936 г., возникает настойчивая мысль, что эта газета активно использовалась сотрудниками НКВД как канал для «утечки» секретной информации, которую необходимо было сделать достоянием зарубежного общественного мнения в форме «слухов». Газета как бы готовила зарубежное общественное мнение к внутриполитическим процессам, начинавшимся в СССР, давала желаемые советскому руководству объяснения этим процессам. Поэтому можно полагать, что слухи о надвигающейся «опале» М. Тухачевского, отражавшие ситуацию конца августа, появившиеся в «Возрождении» 6 сентября 1936 г., утверждавшие, что «положение Тухачевского становится с каждым днем все труднее и... якобы его арест неминуем...»[1], также являлись преднамеренной «утечкой информации», санкционированной высшим политическим руководством СССР. Это значило, что «делу о заговоре Тухачевского», возникшему еще в феврале 1936 г., во второй половине августа 1936 г. был дан ход.

16

«Заговор против Сталина»: версия А. Орлова

Согласно версии, принадлежащей известному советскому разведчику и «невозвращенцу» с 1937 г. А. Орлову (Л. Фельдбину) (1895—1973), действительно имел место «заговор Тухачевского». В достоверности этого он был убежден до конца своих дней. Информационным источником этой версии он называет своего близкого родственника (кузена), давнего друга, заместителя начальника УГБ НКВД УССР Зиновия Борисовича Кацнельсона (1892—1938). З. Кацнельсон, занимавший одну из высших должностей в элите НКВД, располагал весьма широкими информационными возможностями, которых были лишены большинство даже сотрудников НКВД старшего и высшего уровней.

---

[1] Возрождение. 1936. 5 сентября. За рубежом, в редакции «Возрождения», достаточно хорошо были осведомлены о том, что происходило в Красной Армии. Надо полагать, что и информация о М. Тухачевском тоже опиралась на достоверные сведения.

Со слов А. Орлова, его высокопоставленный родственник и близкий друг получил информацию от ответственного работника НКВД и своего друга Штейна, доведенную также до сведения наркома внутренних дел УССР В. Балицкого, о документах жандармского управления МВД Российской империи, найденных им в архивах НКВД. Они свидетельствовали о И.В. Сталине как агенте «охранки». В. Балицкий и З. Кацнельсон рассказали об этом «открытии» своим друзьям: командарму И. Якиру, командующему Киевским военным округом, и С. Косиору, члену Политбюро ЦК ВКП(б) и первому секретарю КП Украины. После этого И. Якир вылетел в Москву и довел информацию до сведения первого заместителя наркома обороны маршала М. Тухачевского, который, «в свою очередь, сообщил обо всем начальнику Политуправления РККА Я. Гамарнику». Обо всем этом был поставлен в известность и генерал А. Корк. Как свидетельствует А. Орлов со слов своего высокопоставленного родственника, «таким образом сложилась конспиративная группа, возглавлявшаяся Тухачевским, целью которой было покончить с правлением И. Сталина». А. Орлов говорит о том, что всю эту информацию он получил от З. Кацнельсона в Париже 15 или 16 февраля 1937 г. Согласно этой информации, «Тухачевский склонялся к следующему плану. По какому-нибудь правдоподобному поводу он убедит комиссара обороны Ворошилова попросить Сталина собрать конференцию на высшем уровне в связи с военными проблемами Украины, Московского военного округа и некоторых других округов, командование которых было посвящено в конспиративный план. Тухачевский и другие конспираторы придут со своими помощниками, которым они абсолютно доверяют. В определенный час или по сигналу два отборных подразделения Красной Армии преградят основные подходы к Кремлю, чтобы блокировать возможные подходы войск НКВД. В этот самый момент заговорщики объявят Сталину, что он арестован. Тухачевский был уверен, что переворот можно будет совершить внутри Кремля без волнений в стране. Зиновий объяснил мне, что было два мнения относительно того, как поступить со Сталиным после переворота. Тухачевский и другие генералы считали, что Сталина надо убить немедленно, после чего надо собрать ЦК партии и предъявить папку полиции. Косиор, Балицкий, Зиновий и другие, по-видимому, нево-

енные члены группы, хотели арестовать Сталина на пленуме ЦК Партии и предъявить ему обвинения в его полицейском прошлом»[1].

Появление «папки Виссарионова» с «компроматом» на И. Сталина в сообщении А. Орлова объясняется следующими обстоятельствами. «Когда Сталин подготовлял с тогдашним руководителем НКВД Генрихом Ягодой постановку первых московских процессов, он высказал одну мысль, которую Ягода воспринял как приказ». И. Сталин якобы хотел, чтобы кто-нибудь из «жертв» будущего процесса (августовского 1936 г.) предстал перед судом как «агент охранки»[2]. Поиск этого материала по архивам дорево-

---

[1] *Орлов А.* Сенсационная подоплека осуждения Сталина // Был ли Сталин агентом охранки. М., 1999. С. 37—38. Не буду отвлекаться на рассуждения о «провокаторской тайне» дореволюционного И. Сталина. Об этом достаточно сказано и написано. При всем различии мнений на этот счет ясно одно — на сегодняшний день достоверных улик, безусловно подтверждающих провокаторскую деятельность И. Сталина до 1917 г., его сотрудничество с царской «охранкой», нет. Возможно, их никогда и не было в природе. Но даже если принять в качестве рабочей гипотезу о том, что И. Сталин все-таки был агентом «охранки», существовавшие документы были заблаговременно уничтожены по распоряжению самого И. Сталина преданными ему людьми в ВЧК—ГПУ—НКВД. Впрочем, суждения о «провокаторстве» революционеров, о «сотрудничестве» их с «охранкой» требуют большой осторожности. Отношения между конспиративными революционными группами, партиями в России и тайной полицией были настолько многоплановыми, что подчас в «провокаторах» можно было числить людей, специально направленных узкой группой революционных лидеров в качестве «агентов» в охранное отделение преднамеренно, в интересах партии. Поэтому, как мне представляется, обвинение И. Сталина в провокаторстве могло быть рассчитано на профанов, но не на «зубров» НКВД или высокопоставленных партийных функционеров. Это обвинение могло служить скорее в качестве объяснения для масс в случае свержения И. Сталина. Именно такого рода аргументы-обвинения известных партийных и военных деятелей в «шпионаже», «провокаторстве», «связях с фашистами» и пр. использовал и И. Сталин, репрессируя своих бывших соратников.

[2] Там же. С. 33—34. Учитывая политическую конъюнктуру тех месяцев, положение Г. Ягоды и отношение к нему И. Сталина, очень сомнительно, чтобы Генсек поручил бы это дело ему. Скорее, его заместителю Я. Агранову. Г. Ягода совершенно очевидно «саботировал» подготовку августовского процесса 1936 г. Разумеется, не по принципиальным идейным соображениям. Он, старый чекист, прекрасно понимал, что если прежде с помощью ОГПУ—НКВД расправлялись с внепартийной контрреволюцией, то ныне И. Сталин намерен лишить «неприкосновенности» партийно-политическую элиту, ветеранов партии, революции и Гражданской войны, снять «табу» со «своих». В их числе находился и он, Г. Ягода.

люционного МВД был поручен уже упоминавшемуся сотруднику НКВД Штейну.

Если следовать хронологическим ориентирам, имеющимся в сообщении А. Орлова, «компромат» на И. Сталина был обнаружен Штейном и доведен до сведения В. Балицкого до начала первого «московского процесса Зиновьева — Каменева», то есть до 16 августа 1936 г. В это время сам А. Орлов находился в Москве, из которой он уехал только в сентябре 1936 г. Что помешало З. Кацнельсону сообщить ему о «папке Виссарионова» тогда, в июле—августе 1936 г? Если он не хотел широкой огласки, то почему решился на это в феврале 1937 г., когда практической необходимости сообщать о «заговоре» А. Орлову не было? Разведчик ничем не мог реально содействовать успеху «заговора». Следовательно, исходя из текста сообщения А. Орлова, «компромат» на И. Сталина был обнаружен (или «установлен») после отъезда А. Орлова в Испанию, не ранее второй половины сентября — октября 1936 г.

Расчеты перемещений и контактов высших офицеров РККА, отмеченных А. Орловым в качестве «заговорщиков», посвященных в тайну «папки Виссарионова», позволяют отвергнуть технику передачи информации о «папке», описанную разведчиком как недостоверную. Если бы И. Якир «вылетел в Москву», чтобы проинформировать о «папке Виссарионова» М. Тухачевского летом 1936 г., то он, скорее всего, сам бы рассказал о ней Я. Гамарнику, с которым у него были давние близкие дружеские отношения, каковые не связывали с начальником ПУ РККА М. Тухачевского. Он мог это сделать примерно до 15 августа, когда отбыл в Париж. Выше было выяснено, что до второй половины сентября в распоряжении В. Балицкого, З. Кацнельсона и И. Якира «компромата» на И. Сталина не было. Следовательно, в июле — первой половине августа Я. Гамарник указанную информацию еще не получил. Однако З. Кацнельсон утверждал, что не И. Якир, а именно М. Тухачевский передал эту информацию Я. Гамарнику. И. Якир вернулся в Москву из Франции 5 или 6 сентября и, вполне естественно, в это время ничего не мог знать о «папке Виссарионова». Он мог узнать о ней, только вернувшись в Киев к началу маневров КВО, проводившихся 12—15 сентября. На них присутствовал М. Тухачевский. Если И. Якир уже имел эту информацию, то ему незачем было лететь специально в Москву. Следовательно, и в это время он не располагал никакой информацией о «папке». Среди присут-

ствовавших на маневрах Московского военного округа с 20 сентября по 25 сентября И. Якира не было. Следовательно, и во второй половине сентября в его распоряжении никакой информации не было и в Москву он не «прилетал». И. Якир приехал в Москву к 13 октября для участия в заседании Военного совета при наркоме обороны, которое продолжалось с 13 по 19 октября. Я. Гамарник все это время, с начала сентября (после 1 сентября) и до начала ноября, находился в поездке по Дальнему Востоку. В это время, в середине октября 1936 г., И. Якир мог передать полученную информацию о «папке» М. Тухачевскому в отсутствие Я. Гамарника. Но к этому времени «первый московский процесс», состоявшийся в августе 1936 г., давно уже прошел. Г. Ягода был отправлен в отставку еще 26 сентября 1936 г. А ведь в сведениях, сообщаемых А. Орловым, речь идет о появлении «компромата» на И. Сталина еще при подготовке именно Г. Ягодой «августовского процесса» примерно в июне — июле 1936 г. Таким образом, если все происходило именно так, как об этом сообщает А. Орлов, «компромат» на И. Сталина и зарождение «заговора Тухачевского» относятся к середине — второй половине октября 1936 г. Однако возникают еще некоторые обстоятельства, нуждающиеся в уточнении и объяснении.

З. Кацнельсон встретился с А. Орловым в Париже и сообщил ему о «заговоре Тухачевского» 15 или 16 февраля 1937 г., когда, по словам З. Кацнельсона, «генералы Красной Армии находились в состоянии «сбора сил». Странно, однако, что З. Кацнельсон ничего не сообщил А. Орлову о показаниях К. Радека на процессе 24 января 1937 г., компрометирующих М. Тухачевского в связях с «троцкистами» (В. Путной, К. Радеком). Да и сам А. Орлов не мог не знать о такого рода слухах, распространявшихся зарубежной, в том числе белогвардейской, прессой (газетой «Возрождение», например). Сообщение З. Кацнельсона могло быть воспринято им скорее как ответ на вопросы, уже возникшие за рубежом в связи со слухами о «заговоре Тухачевского» и других «генералов». Весьма вероятно, З. Кацнельсон получил информацию о «заговоре Тухачевского» в январе 1937 г. в результате преднамеренной «утечки» сведений из НКВД для распространения за рубежом. В его сообщении, возможно, было соединение двух блоков информации: о «компромате» на И. Сталина, с которым его познакомил В. Балицкий, и о «заговоре Тухачевского», которую ему «предоставили» в НКВД. Следует иметь в виду, что с ноября 1936 г. на-

чальником Особого отдела ГУГБ НКВД был Леплевский, давний сотрудник ОГПУ — НКВД Украины, давно знакомый и В. Балицкому, и З. Кацнельсону. Исключить то обстоятельство, что В. Балицкий поставил в известность о «компромате» И. Якира, нельзя. Возможно, что И. Якир сообщил об этом М. Тухачевскому, а маршал рассказал Я. Гамарнику. Однако эту часть информации о зарождении «заговора» сам З. Кацнельсон получил уже из «вторых рук», скорее всего, от В. Балицкого. Поэтому достоверность ее нуждается в проверке. Если сведения о «компромате» на И. Сталина и сами компрометирующие документы были В. Балицким представлены И. Якиру, то это совсем не означает, что они побудили его, а через него и М. Тухачевского начать организацию «заговора» и «переворота». Нет информации о чрезвычайных «полетах» И. Якира в Москву для встречи с М. Тухачевским в октябре 1936 г. Его приезд в Москву 13 октября 1936 г. был плановым, предусмотренным заседанием Военного совета при наркоме обороны, где должны были проанализировать и подвести итоги боевой подготовки за 1936 г. Сам характер, тон выступлений и М. Тухачевского, и И. Якира, и других «генералов» на этом заседании никак не обнаруживали их беспокойство информацией, содержавшейся в «компромате», если они ее действительно получили. Скорее всего, З. Кацнельсон к январю или в январе 1937 г. получил из НКВД по личным каналам сведения о «заговоре Тухачевского», возникновение которого уже он сам связал с «компроматом» на И. Сталина, представленным В. Балицким и им самим И. Якиру. Все приведенные рассуждения и предлагаемый вывод по поводу сообщения А. Орлова о «заговоре Тухачевского», на мой взгляд, интересны тем, что уже в январе 1937 г. в НКВД была сформулирована эта версия «заговора Тухачевского» и модели «переворота», якобы им замысленного. Это значит, что уже тогда шло «раскручивание» «дела Тухачевского».

Впрочем, нельзя исключить, что эту «информацию» или «дезинформацию» о И. Сталине организовал сам Г. Ягода. Сознавая свое скорое «падение», возможно, он рассчитывал спровоцировать «генералов» и высшую партийную элиту на государственный переворот. Однако, учитывая все сказанное выше о личности М. Тухачевского, вряд ли можно предполагать, что этот «компромат» на И. Сталина, даже если в «папке Виссарионова» все соответствовало истине, мог побудить маршала на военный пере-

ворот. Все сказанное вовсе не означает уличение А. Орлова в преднамеренной лжи. Скорее всего, он принял в качестве вполне достоверных сведения, сообщенные З. Кацнельсоном, который сам мог оказаться в плену версии, составленной в аппарате НКВД Украины, когда за рубежом уже вовсю муссировались слухи об «опале», близком аресте и попытке самоубийства М. Тухачевского. А на ней, собственно говоря, строится вся мотивация и механизм организации «заговора Тухачевского». Остается под вопросом: что побудило И. Сталина временно отказаться от «расправы» с маршалом В. Блюхером, смещение которого, совершенно очевидно, планировалось с сентября 1936 г., и приступить к ликвидации «заговора Тухачевского»?

Весьма вероятно, что появление на столе у И. Сталина «компромата» на М. Тухачевского 27 декабря 1936 г., последовавшее за этим решение Политбюро ЦК об «отпуске» маршала, а 31 декабря того же года беседа с ним И. Сталина в Кремле могли быть ответом на «компромат» против И. Сталина. Узнав о «папке» с материалами, компрометирующими его как осведомителя «царской охранки», которую решили использовать против него «генералы», в том числе М. Тухачевский, И. Сталин решил использовать против маршала «документы», указывавшие на него как на давнего агента германского Генштаба. «Если я, Сталин, провокатор, — как бы оборонялся Генсек, — то тогда ты, Тухачевский, изменник Родины». Теперь, разумеется, за каждым шагом маршала и «генералов» И. Сталин пристально следил. Противостояние, независимо от первоначальных причин и обстоятельств, породивших трения между «генералами» и И. Сталиным, усиливалось, приобретая нервозность в поведении «заговорщиков».

17

«Свидание в Сочи»

«Нам было известно, что Тухачевский настроен оппозиционно к Ворошилову, что он имеет группу своих людей и что эта группа разделяет настроение Тухачевского», — вспоминал замнаркома внутренних дел Г. Прокофьев[1]. «К числу лиц, окружавших Туха-

[1] ЦА ФСБ. Д. 11472. Л. 55—67. Сборник: Генрих Ягода... С. 522—523.

чевского, — по свидетельству Н. Кузьмина, отражающего ситуацию до 1934 г., — относились Дыбенко, Уборевич, Корк, Путна, Примаков. Нужно отметить исключительно дружественность взаимоотношений между Тухачевским, Уборевичем и временами приезжавшим в Москву Якиром. Обычно мы встречались в домашней обстановке. Говорили на разные темы, в том числе и о вопросах военного строительства. Все эти разговоры носили доброжелательный характер, обычно сводились к обсуждению политики партии. При этом правильность линии ЦК бралась под сомнение. По мнению Тухачевского, из числа военных в Реввоенсовете было только два человека — он и С. С. Каменев, а все остальные, в том числе и нарком, — только политическими работниками. Военных работников Белова, Шапошникова, Егорова и других, близких к наркому, Тухачевский считал «рутинерами», недостаточно понимающими современное военное дело. Тухачевский, как он мне тогда говорил, своей основной задачей ставил добиться назначения нескольких ориентирующихся на него командующих войсками членами Реввоенсовета в целях усиления влияния чисто военных на деятельность Реввоенсовета»[1].

Впрочем, не только военные и политические вопросы обсуждались во время встреч этих людей, особенно в праздничные дни. Их поведение красноречиво обнаруживает характер взаимоотношений между ними. «В доме на Арбате к старым друзьям прибавились новые, приятели Примакова — Якир, Тухачевский, Уборевич, Егоров... — сохраняла в своей памяти эти дни Л. Брик (жена В. Примакова). — Под новый злосчастный 1936 год Лиля устроила маскарад, она любила подобные затеи. Все были одеты неузнаваемо: Тухачевский — бродячим музыкантом со скрипкой, на которой он играл, Якир — королем треф, ЛЮ была русалкой — в длинной ночной рубашке цвета морской волны... Это была веселая ночь. Я помню фотографии, вскоре исчезнувшие в недрах НКВД, — все радостно улыбаются с бокалами шампанского, встречая Новый год, который для многих из них окажется последним»[2].

Думается, однако, что объединение всех перечисленных выше «генералов» в «группу Тухачевского» возможно лишь с большими

---

[1] *Викторов Б.А.* Указ соч. С. 139—140. Информация Н. Кузьмина, изложенная им в заявлении, относится, очевидно, ко всему периоду с 1926 по 1932 г.

[2] *Катанян В.В.* Лиля Брик. Жизнь. С. 106.

оговорками. Напомню свидетельство Г. Иссерсона, достаточно хорошо знавшего М. Тухачевского и имевшего возможность наблюдать его с 1923 г.: «Тухачевский не имел никакого своего окружения и не группировал вокруг себя так называемых «любимчиков»... Тухачевский не имел среды, на которую мог бы опираться...»[1] Судя по всему, М. Тухачевский, как и другие реальные «военные вожди», также превратился в «номенклатурную» фигуру. Во всяком случае, в официальной пропаганде. Номенклатурное положение М. Тухачевского и его покорность власти красноречиво передал в своих впечатлениях А. Бармин, после долгого перерыва, вернувшись из-за границы, посетивший его в 1934 г. «Моя первая встреча с Тухачевским после долгой разлуки прочно осталась в моей памяти, — вспоминал А. Бармин. — Маршал вышел из-за стола мне навстречу с непринужденной вежливостью, с какой он всегда обращался с младшими. Он пополнел, виски его были тронуты сединой. Но лицо его было по-прежнему молодым и оживленным. Он был так же уверен в себе, так же внимателен к собеседнику. Во время беседы зазвонил телефон. Маршал спокойно взял трубку, но вдруг неожиданно вскочил на ноги и заговорил совсем другим голосом: «Доброе утро, Климентий Ефремович... Так точно, как вы скажете, Клетментий Ефремович... Будет выполнено, Климентий Ефремович...» Так он говорил с Ворошиловым. Этот случай произвел на меня тяжелое впечатление. Глядя, как этот замечательный военачальник получает и реагирует на приказы, я стал понимать, почему на то, чтобы дать ответ на мой вопрос, требуется несколько дней. Даже Тухачевский уже не мог принимать решения, он просто выполнял приказы... В ходе последующих контактов с ним я сделал вывод, что его воля была сломлена; в огромной бюрократической машине он стал простым винтиком. Из лидера он превратился в простого служащего»[2].

Нравственное самочувствие М. Тухачевского в 1935—1936 гг. весьма красноречиво обозначилось в одном эпизоде, о котором вспоминала Г. Серебрякова. По ее свидетельству, «как-то зимним вечером зайдя к нам, он встретил несколько критиков, поэтов и литераторов. Прозвучали стихи Маяковско-

---

[1] Военные архивы России. Вып. 1. С. 58.

[2] *Бармин А.* Соколы Троцкого. М., 1997. С. 259—260.

го и Багрицкого, нравившиеся Михаилу Николаевичу. Выслушав их, он начал декламировать сам, низким, хорошо поставленным голосом:

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего
Мы, дети страшных лет России,
Забыть не в силах ничего.
Испепеляющие годы:
Безумье ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы
Кровавый отсвет в лицах есть.
Есть немота —
То гул набата заставил заградить уста.
В сердцах восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.
И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье.
Те, кто достойней. Боже, Боже,
Да узрят Царствие Твое.

Даже учитывая бросавшееся, особенно в эти годы, некоторое позерство М. Тухачевского, принимая во внимание свойства его личности (о них было сказано уже достаточно), трудно усомниться в том, что эти строчки в его устах являлись скрытым выражением его устойчивых и давних личных настроений.

В силу личностных свойств М. Тухачевский не «группировал» вокруг себя людей, не инициировал «группировок» и «организаций», однако как весьма авторитетная военно-политическая, как правило, оппозиционная, альтернативная К. Ворошилову, фигура, «притягивал» к себе всех реально или мнимо «обиженных», «ущемленных» по службе или несогласных с официальным курсом военного строительства. Вспомним еще раз группировавшихся вокруг М. Тухачевского офицеров на Западном фронте в 1923—1924 гг., так называемую «организацию Тухачевского», даже — «заговор Тухачевского». Ситуация повторялась неоднократно и в последующие годы. В частности, как вспоминал сам М. Тухачевский, «в августе того же года (1932 г.) я поехал в отпуск на Кавказ. На станции Беслан меня встретил командарм ККА Смолин. Он жаловался на плохое отношение к нему наркома. В дальнейших наших разговорах выяснилось несогласие Смолина с гене-

ральной линией партии...» Его начальник штаба «Алафузо охотно участвовал в разговоре, еще более сгущал краски...»[1]. Впрочем, справедливости ради следует заметить, что М. Тухачевский порой сам провоцировал привлечение к себе недовольных и «обиженных». Однажды в 1936 г. комдив Д. Шмидт, поругавшийся с К. Ворошиловым, столкнулся в коридоре наркомата с М. Тухачевским. «Что, Митя, не любит вас нарком? — спросил его маршал. — Не горюйте, он и меня не терпит»[2]. Поэтому, скажем, отношение П. Дыбенко, включенного Н. Кузьминым в «группу», к М. Тухачевскому было крайне неровным: от восхищения до озлобленности и зависти. В 1931 г. в одном письме из Берлина (где он учился на курсах Генштаба) К. Ворошилову он жаловался, утверждая, что «Уборевич и Тухачевский травят его, называют консерватором и призывают бороться против таких, хотя сами до революции имели возможность учиться, владеть иностранными языками, ездят в заграничные командировки, изучают опыт и иностранную литературу, а он был лишен таких возможностей...»[3]. А в 1936 г. И. Кутяков упрекал П. Дыбенко за то, что тот «восхваляет Тухачевского и Уборевича, влюблен в эту сволочь»[4]. Конечно же, П. Дыбенко вряд ли безусловно принадлежал к «группе Тухачевского».

Хроническая неприязнь по-прежнему оставалась между М. Тухачевским, с одной стороны, и А. Егоровым, С. Буденным — с другой. Она обусловлена была возникшими еще в 1920 г. соперничеством и роковыми событиями советско-польской войны. Не столь ярко выраженной, но устойчивой, особенно после острого конфликта по проблеме модернизации армии, была несовместимость М. Тухачевского и Б. Шапошникова, который, следует отметить, не был определенно инкорпорирован в какую-либо «генеральскую группировку».

Даже И. Якира и И. Уборевича нельзя безоговорочно объединять с М. Тухачевским в одну «группу». Я бы сказал, что в 30-е годы более или менее устойчивой «группы Тухачевского» внутри во-

---

[1] *Бармин А.* Соколы Троцкого. М., 1997. С. 87—88.

[2] Особый отчет. М., 1989. С. 102.

[3] *Якупов И.* Трагедия полководцев. М., 1992. С. 92.

[4] Там же. С. 96.

енной элиты фактически не было. Относительно устойчивая «группировка Тухачевского», так называемые «бонапартисты», была разгромлена в 1930 г. После этого, в 30-е годы, М. Тухачевский в военно-политическом и внутрикорпоративном поле скорее может быть определен как «аристократ-одиночка».

Известен лишь один факт, из которого следует, что «генералы» обращались к М. Тухачевскому с предложением возглавить военный переворот. «Разве ты не видишь, куда идет дело? — спросил М. Тухачевского его близкий приятель комкор Б. Фельдман. — Он (имелся в виду И. Сталин) всех нас передушит, как цыплят. Необходимо действовать». Маршал М. Тухачевский ответил: «То, что ты предлагаешь, — это государственный переворот. Я на него не пойду». С аналогичным предложением Б. Фельдман вскоре обратился к командующему Киевским военным округом командарму И. Якиру, поехав с этой целью в Киев. В беседе с И. Якиром комкор изложил содержание разговора с маршалом М. Тухачевским. И. Якир также отказался поддержать предложение Б. Фельдмана. Полагают, что эти разговоры состоялись в конце 1936 или в начале 1937 г.[1]. Однако следует обратить внимание на одно примечательное обстоятельство. Когда Б. Фельдман приехал в Киев, то, согласно свидетельству мемуариста, их разговор

---

[1] *Раппопорт В., Геллер Ю.* Измена Родине. С. 295. Из содержания разговора следует, что «инициатива» комкора Б. Фельдмана была вызвана началом арестов лиц высшего комсостава, так или иначе связанных с Б. Фельдманом и М. Тухачевским. Первые аресты представителей высшего комсостава произошли в августе 1936 г., когда были арестованы В. Примаков и В. Путна, а затем в сентябре 1936 г. С. Туровский. Потом новая волна арестов представителей высшего комсостава началась с ареста командующего УрВО И. Гарькавого, близкого друга и родственника И. Якира, и его заместителя М. Василенко. Во время ареста В. Примакова, В. Путны и С. Туровского командарма И. Якира не было в СССР. Он находился в командировке во Франции, откуда вернулся в Москву 5 или 6 сентября. Б. Фельдману не было нужды ездить к нему в Киев. Он мог поговорить об этом с И. Якиром в столице. Он имел возможность поговорить об этом с И. Якиром и в октябре, в период работы заседания Военного совета при наркоме, и в ноябре—декабре, в период заседания 8-го Чрезвычайного Съезда Советов и Пленума ЦК. Он мог поговорить об этом с И. Якиром и в конце декабря — начале января 1937 г., когда тот проводил занятия в Академии Генерального штаба, и во второй половине января, когда И. Якир присутствовал на «процессе Пятакова — Радека», и в феврале—марте 1937 г., во время Пленума ЦК. Таким образом, начиная с августа и по начало марта 1937 г. для того, чтобы поговорить с И. Якиром, у Б. Фельдмана не было необходимости ездить в Киев, рискуя вызвать своей поездкой подозрения.

состоялся на даче командарма. «На даче командарма были гости, — сообщал свидетель, — среди них украинский генсек С. Косиор. Пили, произносили тосты. Кто-то предложил: «Давайте выпьем за Сталина, за которым мы пойдем до конца — с закрытыми глазами!» Хозяин возразил: «Зачем же с закрытыми? Мы пойдем за Сталиным, но с открытыми глазами». Когда гости разъехались, Фельдман передал Якиру содержание своей беседы с Тухачевским. Реакция была такая же. Якир продолжал верить в Сталина»[1]. Поведение И. Якира на февральско-мартовском Пленуме ЦК, демонстрация им «преданности» И. Сталину и отношение к нему политического руководства свидетельствуют об определенной стабилизации его политического положения, которое должно было внушать И. Якиру оптимизм. В контексте стенограммы Пленума не прослеживаются «репрессивные намерения» в отношении И. Якира, хотя ряд его старых друзей (Голубенко, Лившиц) уже были арестованы. В ответ на это И. Якир скорее стремился доказать свою лояльность и преданность И. Сталину и его «линии», нежели обнаружить симптомы какого-либо сопротивления последнему. На этом Пленуме И. Якир занял весьма жесткую позицию по отношению к Н. Бухарину, А. Рыкову и «правым», выступая за применение к ним крайней меры наказания — «за расстрел». Примечательно, что 13 марта 1937 г. на заседании Политбюро ЦК было принято решение «О присвоении Городищенскому сахарному заводу имени Якира И.Э.»[2]. По тем временам это было событие «знаковое», свидетельствовавшее о «номенклатурном благополучии» И. Якира. Поэтому обстановка веселого застолья, которую нашел на даче И. Якира прибывший к нему Б. Фельдман в это время, возможно, была связана как раз с этим «присвоением». Но в таком случае это застолье и этот визит, скорее всего, должны были состояться до получения И. Якиром тревожного известия об аресте И. Гарькавого.

Комкор И. Гарькавый был арестован 11 марта 1937 г. Вместе с ним арестовали и его заместителя, комкора М. Василенко. Это «дело» обсуждали на заседании Политбюро ЦК 14 марта, а окружная парткомиссия Уральского военного округа исключила

---

[1] *Раппопорт В., Геллер Ю.* Измена Родине. С. 295.

[2] Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 2. С. 844.

И. Гарькавого из партии (по сигналу свыше) 17 марта. Сын командарма вспоминал, что именно К. Ворошилов позвонил И. Якиру в Киев и сообщил об аресте его родственника и друга И. Гарькавого. Это должно было случиться не позднее 17—18 марта. В материалах «дела Тухачевского» имеются определенные указания на то, что Б. Фельдман склонял М. Василенко принять участие в борьбе за смещение К. Ворошилова. Недаром именно у М. Василенко добивались показаний против маршала еще до ареста последнего. Именно в это время (что не противоречит хронологии В. Александрова), судя по всему, и начал проявлять свою активность Б. Фельдман. Для уточнения описанных выше событий следует обратить внимание на еще одно свидетельство.

Когда М. Тухачевский вместе с семьей отдыхал в Сочи, в санатории Наркомата обороны «Волна» (в феврале—марте 1937 г.), к нему приехал Б. Фельдман — это было между 10 и 20 марта — и в разговоре с глазу на глаз призвал маршала к активным действиям — к перевороту. М. Тухачевский отказался[1]. Этот сюжет, приведенный в книге В. Александрова, подтверждает ранее изложенную информацию по существу вопроса: визит Б. Фельдмана к М. Тухачевскому. На сам факт «свидания в Сочи» указывает еще одно свидетельство.

На заседании Военного совета при наркоме обороны 2 июня 1937 г., посвященном «делу Тухачевского», рассуждая о еще не раскрытых, затаившихся «заговорщиках», призывая их к добровольному признанию, К. Ворошилов упомянул К. Мерецкова. «Это ложь, — поторопился К. Мерецков отвергнуть опасные подозрения, — тем более что я никогда с Уборевичем не работал и в Сочи не виделся»[2]. Из контекста цитированного диалога следует, что поводом для обвинения в «заговоре» служил, в частности, и визит «генералов» к М. Тухачевскому в Сочи. К. Мерецков, находясь в возбужденном состоянии, видимо, оговорился (на этом заседании многие, в том числе сам И. Сталин, оговаривались, путали фамилии): он имел в виду не И. Уборевича, одним из «учеников» и сослуживцев которого являлся, что было общеизвестно, а М. Тухачевского. С ним К. Мерецков действительно никогда не

---

[1] *Alexandrov V.* Op. cit. P. 206—207.

[2] Стенограмма выступления И.В. Сталина... 2 июня 1937 г. С. 299.

служил. Во всяком случае, о свидании «генералов» с М. Тухачевским знали, и тем, кто ездил и с ним «виделся в Сочи», это инкриминировалось как участие в «заговоре». Знаменательно и другое: И. Сталину, как это следует из контекста его выступления, видимо, не хотелось обнаруживать подлинную причину своей обеспокоенности поведением «генералов». К. Мерецков же простодушно проговорился, назвав ее.

Кто же из «генералов» приезжал в Сочи к М. Тухачевскому? Вопрос этот обусловлен неточностями, часто встречающимися в книге В. Александрова. Автор называет И. Якира, И. Уборевича, В. Примакова, Б. Фельдмана. В. Примаков не мог быть в числе «визитеров»: его арестовали еще в августе 1936 г. Вряд ли в их числе был И. Якир. В это время, как выше отмечалось, он демонстративно доказывал свою преданность И. Сталину и вряд ли решился бы в сложившейся ситуации столь вызывающе проявлять свое единение с уже опальным маршалом. К тому же, согласно вышецитированному свидетельству, Б. Фельдман встречался с И. Якиром в Киеве, а И. Якир с М. Тухачевским — в Москве в первой декаде апреля 1937 г. В. Александров, видимо, соединил в одно два разных события. Вопреки информации В. Александрова о «группе визитеров», к М. Тухачевскому приезжал Б. Фельдман и, может быть, И. Уборевич. Какие обстоятельства толкали Б. Фельдмана на столь неосторожные действия, ведь он не мог не понимать, что за «генералами» уже пристально следили?

Как свидетельствовал Я. Зюзь-Яковенко, «...после ареста Гарькавого... Гамарник и Левичев ругали Гарькавого за то, что **он всех выдает**»[1]. Похоже, что именно арест И. Гарькавого и опасение, что «он начнет всех выдавать», могли послужить сигналом для особого беспокойства Б. Фельдмана. Ведь он, насколько можно об этом судить по ряду прямых и косвенных данных (выше они уже приводились), и являлся наиболее активным, инициативным организатором единой «группы» недовольных и обиженных К. Ворошиловым «генералов».

Арестованного И. Гарькавого могли доставить в Москву не ранее 14 марта 1937 г. Поэтому следственные допросы комкора, на которых он начал «всех выдавать», начались тоже не ранее 14—

[1] Цит. по кн.: *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА. 1937—1938. С. 103.

15 марта. Обеспокоенный сложившейся ситуацией, Б. Фельдман, выехавший в Сочи к М. Тухачевскому, вряд ли мог с ним встретиться ранее 16—17 марта. С И. Якиром комкор Б. Фельдман мог встретиться в Киеве не ранее 18 марта. Как известно, комкор Б. Горбачев, заместитель командующего МВО, был переведен с повышением на должность командующего Уральским военным округом 22 марта 1937 г. Повышение в должности являлось лишь прикрытием стремления политического руководства удалить из Москвы подозрительного «генерала». Как начальник Управления по начальствующему составу РККА Б. Фельдман принимал участие в подготовке этого перевода и знал об отставке и аресте И. Гарькавого.

18

Совещание у А. Розенгольца

Некоторые события, похоже, имевшие связь с «сочинским свиданием» (если не порожденные им), в центре которых оказался М. Тухачевский по возвращении из Сочи, стали основанием для непосредственной подготовки арестов и казни М. Тухачевского «со товарищи». Они нашли отражение в следственных и судебных материалах «бухаринского процесса» 1938 г., на которые, кстати сказать, В. Молотов ссылается как на основной источник по «делу Тухачевского»[1]. Прежде всего имеется в виду единственная встреча М. Тухачевского и Н. Крестинского на квартире А. Розенгольца. А. Розенгольц с заметной настойчивостью утверждал, что она состоялась в конце марта 1937 г. Н. Крестинский с не меньшим упорством настаивал на том, что «это было в начале апреля. Мы на этом совещании говорили уже об аресте Ягоды и исходили из этого ареста, как из факта. Об аресте Ягоды я узнал 2—3 апреля. Значит, это было в апреле месяце»[2].

Примечательно, что на вечернем заседании суда 3 марта 1938 г. А. Вышинский задал вопрос А. Розенгольцу: «Вам приходилось разговаривать с Тухачевским и Крестинским?» А. Розен-

---

[1] *Чуев Ф.* Молотов. Полудержавный властелин. С. 500, 501.

[2] Судебный отчет. М., 1997. С. 223.

гольц ответил: «У меня был в конце марта 1937 года разговор с Крестинским по вопросу об ускорении организации переворота». Таким образом, обвиняемый упомянул в качестве собеседника на этой мартовской встрече лишь одного Н. Крестинского. И А. Вышинский, очевидно, пресекая нежелательное направление показаний А. Розенгольца, тут же «свернул» свой же вопрос: «Подробно вы будете об этом говорить тогда, когда вас будут допрашивать. Больше у меня к вам вопросов нет»[1]. На следующий день он уже «уточнил», что «совещание» «в конце марта 1937 года» было «с Тухачевским и Крестинским» «у меня на квартире»[2]. При этом А. Вышинский долго и детально «уточнял» и «переспрашивал» обвиняемого, касаясь именно факта участия в этом совещании М. Тухачевского, нарочито убеждая в этом присутствовавших на процессе. Следовательно, есть основания считать, что в конце марта 1937 г. у себя на квартире А. Розенгольц встречался только с Н. Крестинским. «Уточнение», вероятно, было сделано «по подсказке» обвинителя.

Н. Крестинский же, утверждая, что он встречался с М. Тухачевским и А. Розенгольцем на квартире последнего в начале апреля 1937 г., как отмечалось выше, мотивировал это тем, что только 2—3 апреля узнал об аресте Г. Ягоды. В своих показаниях Н. Крестинский, по существу, объясняет и сам повод и «предмет» обсуждения и «совещания» — арест Г. Ягоды. Процитирую еще раз Н. Крестинского: «Мы... исходили из этого ареста, как из факта». Кроме того, по словам Н. Крестинского, разговор шел также о поездке М. Тухачевского в Лондон: «Тухачевский предполагал поехать в Лондон, на коронацию английского короля...»[3] Решение об этом на правительственном уровне было принято 7 апреля 1937 г. Что касается ареста Г. Ягоды, то его дата требует некоторого уточнения. В официальных справочных изданиях он датируется 28 марта 1937 г.[4], однако существуют два ордера на арест и обыск у Г. Ягоды — 28 и 29 марта 1937 г.[5]. Официальное сообще-

---

[1] Судебный отчет. М., 1997. С. 223. С. 175.

[2] Там же. С. 222.

[3] Судебный отчет. С. 225.

[4] Кто руководил НКВД, 1934—1941: Справочник. М., 1999. С. 459.

[5] *Ильинский М.* Нарком Ягода. М., 2002. С. 13.

ние об отставке его с должности наркома связи СССР и передаче «дела» следственным органам было дано 3 апреля. В газетах эта информация об аресте Г. Ягоды появилась только 4 апреля 1937 г. Поэтому Н. Крестинский вряд ли мог узнать об этом ранее 4 апреля. Учитывая же, что официальное решение о поездке М. Тухачевского в Лондон было принято 7 апреля, надо полагать, что встреча М. Тухачевского, Н. Крестинского и А. Розенгольца на квартире последнего состоялась не ранее 8 апреля 1937 г.

Итак, согласно показаниям Н. Крестинского, они собрались в связи с арестом Г. Ягоды и обсуждали это событие и предстоящую поездку М. Тухачевского в Лондон, на коронацию короля Георга VI. Никакие иные сюжеты этого разговора в памяти Н. Крестинского «не всплывали».

А. Розенгольц в своих показаниях «вспоминал», что М. Тухачевский затронул еще один вопрос — о «кремлевском перевороте». «Тут у Тухачевского был ряд вариантов, — отметил А. Розенгольц. — Один из вариантов, на который он наиболее сильно рассчитывал, — это возможность для группы военных, его сторонников, собраться у него на квартире под каким-нибудь предлогом, проникнуть в Кремль, захватить кремлевскую телефонную станцию и убить руководителей партии и правительства»[1]. Однако сравнительный анализ показаний А. Розенгольца и Н. Крестинского не позволяет считать, что второй из обвиняемых подтвердил сообщение первого.

Из показаний А. Розенгольца следовало одно: содержанием беседы было изложение М. Тухачевским плана «кремлевского переворота». Н. Крестинского же просто не спрашивали. От него лишь потребовали подтверждения показания А. Розенгольца. На это он кратко ответил: «Да, подтверждаю». При этом, касаясь встречи с М. Тухачевским у А. Розенгольца в конце марта 1937 г. (по словам последнего, единственной его встречи с маршалом), Н. Крестинский весьма красноречиво возлагает ответственность за эту информацию на А. Розенгольца. «...Поскольку Розенгольц в дальнейшем на очной ставке и здесь говорил о том, что он с Тухачевским столкнулся и говорил впервые в 1937 г., — сообщал

---

[1] *Ильинский М.* Нарком Ягода. М., 2002. С. 223.

Н. Крестинский, — а я говорил со слов Розенгольца, то, очевидно, так это и было»[1].

Ко всему сказанному следует добавить, что показания А. Розенгольца и Н. Крестинского о «планах» М. Тухачевского на «кремлевский переворот» в связи с «мартовской встречей» оказываются весьма сбивчивыми. Настаивая на том, что встреча состоялась именно в конце марта 1937 г., и рассуждая о «сроках осуществления переворота», А. Розенгольц указывает на время «до 15 мая, в первой половине мая». Н. Крестинский же на том же заседании суда говорил, что «был намечен срок выступления — вторая половина мая» в связи с поездкой М. Тухачевского в Лондон[2]. Это не означает, что «мотив» «кремлевского переворота» не мог «прозвучать» во время разговоров. Однако вне конкретного контекста, который нам неизвестен, трудно судить о смысловой сути этого «речевого пассажа» М. Тухачевского, который вполне мог иметь абстрактно-предположительный смысл. В данном случае уместно вспомнить рассуждения М. Тухачевского о возможном покушении на И. Сталина в показаниях Н. Какурина 1930 г., которые пытались трактовать как его собственные намерения. Сам М. Тухачевский в показаниях 1 июня 1937 г. ни разу не упоминал ни Н. Крестинского (хотя тот с 20 мая уже находился под арестом), ни А. Розенгольца в связи с «планом кремлевского переворота», ни «план кремлевского переворота». Ничего не сказал по этому поводу и И. Сталин в своем в выступлении на известном заседании Военного совета при наркоме обороны 2 июня 1937 г. Не исключено, что А. Розенгольц, которому в это время И. Сталин вполне доверял и который достаточно часто виделся с Генсеком, мог пригласить Н. Крестинского и М. Тухачевского к себе домой и завести определенные разговоры с провокационной целью: по поручению И. Сталина «прощупать» настроения М. Тухачевского после его «сочинских встреч» с Б. Фельдманом. Как в 1930 г. то же самое было сделано Н. Кузьминым.

Из всех вышеприведенных «показаний» и рассуждений напрашивается один вывод: не ранее 8 апреля 1937 г. состоялась встреча Н. Крестинского, М. Тухачевского и А. Розенгольца на квартире

---

[1] *Ильинский М.* Нарком Ягода. С. 245.

[2] Там же. С. 245, 175, 222—225, 246—248.

последнего в связи с арестом Г. Ягоды и поездкой М. Тухачевского в Лондон. На этой встрече «прощупывались» настроения М. Тухачевского, однако вопрос о «кремлевском перевороте» не обсуждался. И. Сталин «успокоил» маршала назначением в состав делегации в Великобританию на коронацию, демонстрируя тем самым свое к нему «лояльное» отношение. При такой перспективе осторожный М. Тухачевский, конечно же, отрицательно должен был отнестись ко всяким попыткам вовлечь его в противоправительственные действия. Арест же Г. Ягоды сам по себе не мог вызвать обеспокоенности маршала за свою судьбу. Непосредственных политических связей с бывшим наркомом у него не было.

На допросе арестованный Г. Ягода заявлял то же самое: «Лично я связи с военными не имел»[1]. Вся информация об оппозиционных генералах, по его признанию, поступала к нему от А. Енукидзе. «Я знал о Корке и Горбачеве; я знал, что были и другие военные, участники заговора...»[2]. Относительно М. Тухачевского бывший нарком сказал только следующее: «В конце 1933 года Енукидзе в одной из бесед говорил мне о Тухачевском... как о человеке, на которого они ориентируются... Но это был единственный разговор о Тухачевском... На вопрос, завербован ли Тухачевский, Енукидзе ответил, что это не так просто, но вся военная группа ориентируется на Тухачевского как на будущего руководителя в армии, а может быть, и выше...»[3] Судя по цитированным признаниям Г. Ягоды, он знал о военных со слов А. Енукидзе, а А. Енукидзе всю информацию получил от военных. Однако они лишь ориентировались на М. Тухачевского, предполагали привлечь маршала в качестве «вождя». Все это напоминает ситуации с «заговорами Тухачевского» 1923—1924 гг., 1928 г., 1930 г. Более обстоятельно о связях с представителями военной элиты и характере этих связей у высших чинов НКВД рассказал арестованный заместитель Г. Ягоды Г. Прокофьев. Он признал, что «лицом, на которого больше всего обращал внимание Ягода и делал попытки сблизиться с ним, был Тухачевский М.Н.»[4]. Однако этими «по-

---

[1] Цит. по кн.: *Ильинский М.* Нарком Ягода. С. 160.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 160—161.

[4] Протокол допроса Прокофьева Г.Е. от 25 апреля 1937 г., с. 521—522.

пытками сближения» и ограничилась вся связь Г. Ягоды с М. Тухачевским. Руководству НКВД было известно лишь то, что «Тухачевский настроен оппозиционно к Ворошилову, что он имеет группу своих людей и что эта группа разделяет настроения Тухачевского»[1]. Эта информация была получена главным образом благодаря начальнику Особого отдела ГУГБ НКВД М. Гаю, который по заданию Г. Ягоды завел с М. Тухачевским личное знакомство, бывал у маршала в гостях[2]. Таким образом, арест Г. Ягоды в политическом отношении не мог беспокоить М. Тухачевского. Бывший нарком ничем не мог скомпрометировать маршала. Вскоре после совещания у А. Розенгольца или, возможно, за день до него, в тот же день, на следующий день, произошло похожее событие, которое могло только усилить подозрения И. Сталина и НКВД в отношении М. Тухачевского и других «генералов».

19

Апрельский визит командарма А. Корка к М. Тухачевскому

Арестованный командарм И. Якир признавался: «...В апреле этого года (то есть 1937-го) у Тухачевского на квартире мы действительно вместе были» с А. Корком. Правда, он тут же объяснял, что все они «ни о чем не говорили»[3]. Когда могла состояться эта встреча? 9 апреля 1937 г. И. Якир был в Москве на приеме у И. Сталина в Кремле. Каковы были причины этого визита? По инициативе ли И. Якира или И. Сталина? Я попытаюсь восстановить хронологию некоторых событий, так или иначе касающихся И. Якира.

Начну с события, которое непосредственно касалось не И. Якира по его служебной линии, но являлось уже явно опасным для его семейного благополучия, для него самого: с ареста его свояка комкора И. Гарькавого, командующего Уральским военным округом. Напомню, что И. Гарькавого арестовали 11 марта

---

[1] Протокол допроса Прокофьева Г.Е. от 25 апреля 1937 г. С. 523.

[2] Там же.

[3] Военные архивы России. Вып. 1., с. 45—46.

1937 г. Этот факт официально обсуждался на заседании Политбюро ЦК 14 марта. Сын И. Якира вспоминает, что его отец узнал эту тревожную новость по телефону, дома в Киеве. «В этом же разговоре Ворошилов сообщил, что арестован комкор Гарькавый, — вспоминал П. Якир. — Отец опустился в кресло и схватился за голову руками»[1]. Далее в воспоминаниях сообщалось, что И. Якир выехал в Москву. Вряд ли И. Якир, несомненно, обеспокоенный и удручённый арестом И. Гарькавого, тотчас же выехал в Москву. Эта поездка имела смысл лишь для того, чтобы встретиться с И. Сталиным, но таковая встреча состоялась только 9 апреля. Надо полагать, что И. Якир выехал в Москву не по собственной инициативе, а по вызову. 9 апреля 1937 г. И. Якир был на приеме у И. Сталина. 10 апреля на Политбюро опросным порядком решался вопрос о новом начальнике штаба КВО. Видимо, по этому поводу И. Сталин и пригласил И. Якира в Москву для предварительного обсуждения кандидатуры, потому что на заседание Политбюро командарма не пригласили. Очевидно, встреча И. Якира и А. Корка у М. Тухачевского на квартире состоялась тоже 9 или 10 апреля 1937 г.

Вряд ли М. Тухачевский, зная о неприязненных отношениях между И. Якиром и А. Корком, преднамеренно устроил их встречу у себя на квартире. Появление на квартире у М. Тухачевского командарма И. Якира не могло быть неожиданностью, учитывая, что командарм поддерживал дружеские отношения с маршалом и, как правило, посещал его на квартире во время московских командировок. Непривычным могло быть посещение маршала А. Корком. Они не были близкими друзьями, хотя и являлись давними сослуживцами. А. Корк не разделял в 20-е годы военно-теоретических увлечений М. Тухачевского, как и его действий в 1920 г. М. Тухачевский критиковал А. Корка как командующего МВО в 1933 г. С апреля 1936 г. начальник Военной академии им. М.В. Фрунзе А. Корк был непосредственно подчинен М. Тухачевскому как начальнику Управления Боевой подготовки РККА. В обстановке подозрений, окутавших маршала с осени 1936 г., вряд ли он решился бы вызывать к себе своего подчиненного, с которым имел возможность общаться в служебном порядке на рабочем

[1] Командарм Якир: Воспоминания друзей и соратников. М., 1965., с. 115.

месте. Тем более что политическая репутация А. Корка к этому времени была уже заметно «подмочена». Поэтому появление А. Корка на квартире М. Тухачевского, очевидно, было следствием инициативы командарма, а не маршала. Было известно, что А. Корк, как бывший командующий Московским военным округом (до сентября 1935 г.), смещенный с этой должности в связи с весьма смутным «кремлевским делом», был достаточно тесно связан с начальником Отдела охраны ГУГБ НКВД К. Паукером[1]. В силу этих обстоятельств А. Корк должен был чувствовать себя более уязвимым, как и Б. Фельдман, и более обеспокоенным арестом Г. Ягоды и его ближайших соратников. Примечательно, что именно Б. Фельдман и А. Корк, в отличие от других подсудимых из «группы Тухачевского», больше всего чувствовали себя «виновными» и раньше других пошли на сотрудничество со следствием, опасаясь для себя более сурового наказания. Таким образом, А. Корк, видимо, также предпринимал попытку склонить М. Тухачевского возглавить сопротивление «генералов». Однако, судя по его показаниям на следствии, А. Корку, очевидно, не удалось сделать это в присутствии И. Якира. Поэтому он и сказал на следствии, что на квартире М. Тухачевского в апреле 1937 г. они ни о чем не говорили.

Обо всех этих встречах и свиданиях ни М. Тухачевский, ни И. Якир, ни А. Корк не поставили в известность правительство и НКВД. Независимо от того, о чем шел разговор на этих встречах, сам факт «сокрытия» его содержания от официальных партийных и правительственных властей в контексте «политической ментальности» и неписаных законов того времени (о чем говорилось выше со ссылкой на письмо маршала А. Егорова), мог расцениваться и квалифицироваться как «антиправительственный заговор», направленный на свершение «военного переворота» (поскольку совещались высшие военные чины). В то же время встреча с участием А. Розенгольца, Н. Крестинского и М. Тухачевского 8 апреля 1937 г. на квартире А. Розенгольца и встреча М. Тухачевского, И. Якира, А. Корка 9 апреля 1937 г. на квартире М. Тухачевского вызвали предположение о «совещании заговорщиков», готовящих военный переворот под руководством М. Тухачевского.

---

[1] Протокол допроса Прокофьева Георгия Евгеньевича... С. 523.

20

Встреча с М. Фриновским. Финал трагедии

15 апреля комкор Б. Фельдман был смещен со своей должности и назначен помощником командующего МВО. Для человека, прослужившего долгое время на административно-штабных должностях, самостоятельным начальником, в центральном аппарате военного ведомства, новая должность была не совсем привычной. Это было несомненное понижение, и, судя по процедуре такого рода кадровых перемещений, решение о его отставке было принято уже 11—12 апреля. 12 апреля датируется и таинственный «японский документ», обнаруженный «случайно» сотрудниками НКВД в дипломатической почте из Польши в Японию, из которого следует о якобы существующих «связях» М. Тухачевского с японским Генштабом[1]. Уже 19 апреля сотрудники НКВД, обнаружившие этот документ, были награждены за это знаком «Почетного чекиста»[2], а 20 апреля спецсообщение с русским переводом «японского документа» было направлено Н. Ежовым наркому К. Ворошилову. 21 апреля К. Ворошилов наложил свою резолюцию на «спецсообщении»: «Доложено. Решения приняты, проследить. К.В.»[3].

Зная политический контекст того времени, трудно усомниться в том, что это хорошо организованная дезинформация НКВД для того, чтобы получить веские основания отменить ранее запланированную лондонскую поездку М. Тухачевского. На это косвенно указывает то обстоятельство, что, хотя на суде был затронут вопрос о «работе Тухачевского на японскую разведку», однако тема эта так и повисла. Вопрос был уже неактуален. «Японский след» сделал свое дело, и не было смысла далее развивать эту линию.

Уже 20 апреля Н. Ежов представил И. Сталину необходимые документы для отмены лондонского визита. В «спецсообщении» Н. Ежова утверждалось, что по имеющейся в НКВД информации на пути в Лондон на М. Тухачевского готовится покушение. 22 апре-

---

[1] Военно-исторический архив. М., 1997. Вып. 2. С. 30.

[2] Там же, с. 30.

[3] Там же. С. 29.

ля Политбюро ЦК приняло по этому вопросу постановление о замене М. Тухачевского на адмирала В. Орлова. 23 апреля на этом «спецсообщении» оставил свою резолюцию К. Ворошилов: «Показать М.Н. (так он обычно помечал в документах и письмах М.Н. Тухачевского. — *С.М.*). 23.IV.37 г. К.В.»[1]. На этом же документе стоит роспись и М. Тухачевского. Когда он ее поставил, когда прочитал «спецсообщение», сказать трудно. Почти одновременно с появлением указанных документов, с 22 апреля, впервые начались пристрастные допросы арестованных руководителей НКВД Г. Ягоды, Прокофьева, М. Гая, Я. Воловича по «делу Тухачевского». 27 апреля 1937 г. от арестованного Я. Воловича были получены «показания» на М. Тухачевского как участника заговора. Следует заметить, что все они были арестованы раньше: Г. Ягода — 28 марта 1937 г.; Г. Прокофьев — 11 апреля; М. Гай — 1 апреля. Однако до 22 апреля с них не снимали показаний на М. Тухачевского. Это служит лишь дополнительным доводом в пользу того, что случилось нечто, уже после их ареста, что побудило И. Сталина и руководство НКВД добиваться от них показаний против маршала. Если учитывать тот факт, что «японский документ» датирован 12 апреля 1937 г. и он был изготовлен в НКВД в качестве «крючка», на который можно было бы «зацепить» М. Тухачевского, чтобы оставить его в СССР, то, следовательно, «готовить» его начали до 12 апреля. В таком случае имеет смысл предполагать, что беспокойство у Кремля по поводу поведения М. Тухачевского, очевидно, было обусловлено визитом к нему А. Корка, а также информацией о «сочинском визите» к маршалу Б. Фельдмана. Следует заметить, что и А. Корк, и Б. Фельдман, не являясь в прошлом «троцкистами», были арестованы раньше других «генералов» (не считая В. Путну и В. Примакова, арестованных как бывшие «троцкисты»), соответственно 8 и 15 мая 1937 г. Именно они и на следствии, и на суде больше других и, пожалуй, вполне искренне чувствовали себя виноватыми. Фельдман же, как известно, оказался основным «каналом» следствия, по которому и были добыты обвинения против М. Тухачевского, позволившие арестовать маршала. Видимо, именно визит А. Корка 9 или 10 апреля 1937 г. на квартиру к М. Тухачевскому и побудил

[1] Военные архивы России. Вып. 1. С. 32—33.

НКВД прибегнуть к «японскому документу» и непосредственной «добыче» показаний на маршала.

В апреле (по некоторым сведениям, 4 апреля) 1937 г. было официально объявлено о том, что М. Тухачевский назначен одним из официальных представителей СССР на коронации в Лондоне английского короля Георга[1]. После долгого перерыва, впервые (на балу в Кремле) М. Тухачевский появился в обществе 25 апреля 1937 г. По свидетельству американского посла Дж. Дэвиса, «вместе с Ворошиловым, генералом Егоровым и другими... Тухачевский в апреле (1937 г.) приехал в посольство на обед, который я давал офицерам Красной Армии. Особых признаков напряженности между этими людьми не было. Тухачевский имел репутацию очень способного человека... У него была несколько дерзкая и мальчишеская внешность, он казался слишком самоуверенным и был похож на человека, упивающегося собственным благополучием»[2]. Известно, что этот прием в посольстве США был организован 28 апреля 1937 г. Несомненно, М. Тухачевский был воодушевлен своим назначением в состав лондонской делегации. Это был знак его политической «реабилитации». Следовательно, к 28 апреля 1937 г. М. Тухачевский не испытывал серьезного беспокойства за свою судьбу. Он был «слишком самоуверен» и «упивался собственным благополучием». Даже если в его сознании и могли возникать мысли о «перевороте», то теперь им места не было. И И. Сталин, и руководство НКВД, продолжая испытывать беспокойство по поводу возможного поведения маршала, не исключая с его стороны и крайне радикальных акций, попытки военного переворота, стремились таким образом его «успокоить» и нейтрализовать подобные намерения. Однако через два дня, на первомайском параде, маршал производил совершенно противоположное впечатление.

По воспоминаниям В. Кривицкого, «со стороны Исторического музея увидел я Тухачевского, он шел совсем один, руки небрежно в карманах... Вдруг Тухачевский остановился и обвел взглядом всю Красную площадь, скользнул по трибунам, неторопливо, спокойно и собранно пошел к Мавзолею Ленина и стал под

---

[1] *Devies J.* Mission to Moscou. New York, 1943. P. 121.

[2] Ibid.

ним... Он был в числе первых из прибывших сюда. Заняв место, он продолжал стоять, держа руки в карманах. Несколько минут спустя подошел маршал Егоров. Он не отдал чести маршалу Тухачевскому и не взглянул на него, но занял место за ним, как если бы он был один. Еще через некоторое время подошел заместитель наркома Гамарник. Он также не отдал чести ни одному из командиров, но занял место в ряду, как будто бы он никого не видит... Обычно генералы оставались на своих местах во время демонстрации трудящихся, которая следовала за военным парадом. Но на этот раз Тухачевский не остался. В перерыве между двумя парадами маршал вышел из ряда. Он все еще держал руки в карманах, шагая по опустевшему проезду прочь с Красной площади, и скоро скрылся из виду»[1]. Что произошло между 28 апреля и 1 мая, что могло бы породить нескрываемое отчуждение между генералами, которые за два дня до этого непринужденно общались между собой на приеме в посольстве США? В показаниях Н. Крестинского на «бухаринском процессе» 1938 г. указывается, что «в самом начале мая выяснилось, что Тухачевский не едет в Лондон»[2]. Несомненно, и к показаниям Н. Крестинского и других подсудимых на процессе следует относиться крайне осторожно. Правда и ложь в их речах переплетаются нерасторжимо. Однако в такого рода информации вряд ли стоит сомневаться. Тем более что отмена лондонской поездки маршала произошла во второй половине апреля 1937 г. Однако в контексте настоящего исследования важны детали. Выше говорилось о «спецсообщении» Н. Ежова, на основе которого поездка М. Тухачевского в Лондон была отменена. Указывалось также на роспись маршала на этом документе, означавшую, что он с ним ознакомился. Однако если К. Ворошилов поставил свою резолюцию 23 апреля, то дата знакомства с документом М. Тухачевского не зафиксирована. Не исключено, что он с этим «спецсообщением» ознакомился после 28 апреля, может быть, даже 1 мая 1937 г. Эти обстоятельства вполне могут объяснить столь резкую перемену настроения у маршала с 28 апреля к 1 мая.

Весьма интригующими являются показания арестованной в

---

[1] *Кривицкий В.* Я был агентом Сталина. М., 1966, с. 201.

[2] Судебный отчет. С. 248.

начале 1937 г. О. Зайончковской 4 апреля 1939 г. в связи с арестом бывшего первого заместителя наркома НКВД М. Фриновского. «Округляя сведения о Фриновском, — говорила она, — мне бы хотелось сообщить и такой факт, как встреча Тухачевского с Фриновским на квартире Протас Амалии Яковлевны, квартира которой для Тухачевского являлась более удобной, т. к. он не хотел, чтобы знали, что он встречается в ее квартире с такими людьми, как Фриновский, о которых она мне не упоминала»[1].

Эту информацию О. Зайончковская «выудила» от Е. Жуковской-Шатуновской. Известно, что ее муж, С.Б. Жуковский, высокопоставленный сотрудник НКВД, был связан с М. Фриновским не только по службе. М. Фриновский был вхож в дом Жуковских. С. Жуковский, его жена Е. Жуковская-Шатуновская и М. Фриновский являлись близкими друзьями. Вопреки сложившемуся мнению, еще в те годы, в силу того, что именно он непосредственно руководил следствием по «делу Тухачевского», Е. Жуковская-Шатуновская была высокого мнения о человеческих качествах М. Фриновского. «Отношение ее к Фриновскому было очень лестное, — сообщается в агентурной информации. — Она Фриновского характеризует как идеального человека... Фриновский в разговоре... указывал, что он сам понимает, что аресты проходят незаконно и что он ничего не может сделать, так как боится, чтобы его самого не сместили с работы»[2]. В то же время Е. Жуковская-Шатуновская находилась в хороших, доверительных приятельских отношениях с М. Тухачевским, знакомство которого с М. Фриновским было ограничено служебной необходимостью. Из контекста сообщения следует, что вопрос о встрече с М. Фриновским возник в разговоре М. Тухачевского и Е. Шатуновской. Они между собой обсуждали место встречи с М. Фриновским. Из текста сообщения не следует, что сам М. Фриновский проявлял интерес к маршалу, обращался к своей знакомой организовать эту встречу, что этот вопрос обсуждался с ним. В противном случае это отразилось бы в сообщении О. Зайончковской. Поэтому предположение о М. Фриновском как инициативной сторо-

---

[1] Цит. по кн.: *Жуковский В.С.* Лубянская империя НКВД, 1937—1939. М., 2001. С. 286.

[2] Там же. С. 285.

не следует исключить. У него могли быть и иные варианты установления контактов с М. Тухачевским, если бы это он желал встречи с маршалом, не привлекая к участию Е. Шатуновскую. Учитывая эти обстоятельства, надо думать, что в обстановке развернувшихся арестов уже высших чинов Красной Армии именно М. Тухачевский обратился к Е. Шатуновской, чтобы она устроила ему встречу с М. Фриновским. Именно он был инициативной стороной. Просьба исходила от самого маршала, а не от его знакомой.

Вряд ли эта встреча могла произойти ранее 15 апреля 1937 г., когда М. Фриновский стал первым заместителем наркома НКВД и начальником ГУГБ НКВД СССР. Раньше указанной даты обращаться к М. Фриновскому не имело смысла: хотя он являлся одним из заместителей Н. Ежова, но по линии Управления пограничных войск, которые он возглавлял.

Очевидно, Е. Жуковская-Шатуновская предложила маршалу встретиться с М. Фриновским у себя на квартире, куда он часто заходил в гости. Видимо, речь шла о том, чтобы встреча состоялась незаметно во время одной из «вечеринок» у Жуковских, где будут и «другие». Однако, как было отмечено выше, М. Тухачевский «не хотел, чтобы знали, что он встречается в ее квартире с такими людьми, как Фриновский». Поэтому маршал предложил М. Фриновскому встречу не в своей квартире. Обоснованно или нет, но маршал, очевидно, был уверен, что она контролируется спецслужбами. Кроме того, М. Фриновский занимал в своем ведомстве должность того же уровня, что и М. Тухачевский в наркомате обороны. Поэтому, будучи инициатором встречи, «просителем», вряд ли маршал мог рассчитывать на то, что первый заместитель наркома внутренних дел приедет к нему. Это, помимо всего прочего, являлось нарушением неписаного бюрократического этикета. Поэтому М. Тухачевский предложил встретиться на «нейтральной», но в то же время «надежной» для него, да и для М. Фриновского, квартире своей бывшей «жены» А.Я. Протас. Маршал расстался с ней еще в 1923 г. и потому имел основания надеяться, что ее квартира еще не находилась под наблюдением. Если бы инициатива о встрече с М. Тухачевским исходила от М. Фриновского, то для него удобнее была бы квартира Жуковских. Внешне случайная встреча в доме друзей с маршалом среди других гостей вызывала гораздо меньше подозрений.

Почему же М. Тухачевский «не хотел, чтобы знали» другие лица о его встрече с М. Фриновским? Может быть, потому, что фигура М. Фриновского представлялась одиозной: он руководил арестами «генералов», следствием над ними, он «раскручивал» «генеральский заговор». М. Тухачевский не хотел компрометировать себя перед «генералитетом». О его встрече мог, к примеру, узнать маршал А. Егоров, чья жена, Цешковская, часто бывала у Е. Шатуновской. Но, скорее всего, не хотел огласки, слухов, наученный горьким опытом встреч с А. Розенгольцем, А. Корком, И. Якиром и др., которые лишь усиливали подозрения в его конспиративной деятельности.

Что хотел от этой встречи М. Тухачевский? Вряд ли он намерен был выяснить у М. Фриновского, что показывали против него на следствии арестованные «генералы» и политики. Во-первых, это была тайна следствия, и вряд ли недавно назначенный на столь высокий пост в НКВД М. Фриновский пошел бы на грубейшее (если не сказать преступное!) нарушение своих служебных обязанностей. Он, скорее всего, не решился бы это сделать, даже если бы М. Тухачевский являлся его близким другом. Во-вторых, любой ответ М. Фриновского (тогда можно было полагать, что он дает его с ведома вышестоящего начальника и в интересах следствия) можно было поставить под сомнение. Скорее всего, М. Тухачевский уже слышал о показаниях, которые дают против него бывшие высокопоставленные руководители НКВД. Он надеялся хотя бы что-нибудь более или менее достоверное об этом услышать от одного из высших руководителей НКВД, который руководил указанными «дознаниями». Кроме того, и в связи с этим он намерен был отмежеваться от действий других взятых под подозрение (А. Корк, Б. Фельдман) или уже арестованных «генералов».

М. Фриновский начал активно «подталкивать» следователей по делу о «военном заговоре» после ареста бывшего комбрига Е. Медведева, которого считают исходной фигурой следствия для выхода непосредственно на арест М. Тухачевского. «Я работал в УНКВД Московской области, — показывал на следствии арестованный следователь НКВД А. Радзивиловский. — Меня вызвал Фриновский и поинтересовался: проходят ли у меня по делам какие-либо крупные военные? Я ответил, что веду дело на бывшего комбрига Медведева, занимавшего большую должность в Генштабе, уволенного из армии и исключенного из партии за принадлеж-

ность к троцкистской оппозиции. Фриновский дал мне задание: «Надо развернуть картину о большом и глубоком заговоре в Красной Армии, раскрытие которого выявило бы огромную роль и заслугу Ежова перед ЦК». Я принял задание к исполнению»[1]. Е. Медведев был арестован 5 мая 1937 г., видимо, как бывший «троцкист». Поручение Н. Ежова его первый заместитель М. Фриновский должен был исполнить, видимо, после соответствующего распоряжения, полученного Н. Ежовым от И. Сталина. Н. Ежов был на приеме у И. Сталина в Кремле 3—5 мая и 7—8 мая 1937 г. Хотя на одном из допросов Радзивиловский утверждает, что Е. Медведев был арестован по указанию Н. Ежова, вряд ли это было так. Во-первых, Е. Медведев, как отмечалось, с 1934 г. был вне рядов РККА. Во-вторых, он не был непосредственно связан с кем-либо из видных военных деятелей и потому малопродуктивен с точки зрения следствия. Кроме того, судя по контексту цитированного выше фрагмента показаний Радзивиловского, М. Фриновский именно у следователя выяснил, что ведется дело на Е. Медведева, бывшего комбрига и «троцкиста». Следовательно, комбриг не был арестован специально, но оказался, так сказать, кстати, «под рукой». «Не сразу, конечно, но добился от Медведева требуемых показаний о наличии в РККА заговора и о его руководителях. О полученных показаниях было доложено Ежову. Он лично вызвал Медведева на допрос. Медведев заявил Ежову и Фриновскому, что показания его вымышленные. Тогда Ежов приказал вернуть Медведева любыми способами к прежним показаниям, что и было сделано, а его заявление об отказе не фиксировать. Протокол же с показаниями Медведева, добытыми под физическим воздействием, был доложен Ежовым в ЦК»[2].

На допросе 16 апреля 1939 г. Радзивиловский вновь вернулся к этим сюжетам, внося некоторые уточнения. «Поручение, данное мне Ежовым, — показывал он, — сводилось к тому, чтобы немедля приступить к допросу арестованного Медведева, бывшего начальника ПВО РККА, и добиться от него показаний с самым широким кругом участников о существовании военного заговора в

---

[1] *Викторов Б.А.* «Заговор» в Красной Армии // Под грифом «секретно». С. 222.

[2] Там же. С. 222—223.

РККА. При этом Ежов дал мне прямое указание применить к Медведеву методы физического воздействия, не стесняясь в их выборе. Ежов подчеркнул особо, что в процессе допроса Медведева я должен добиться, чтобы он назвал возможно большее количество руководящих военных работников. Приступив к допросу Медведева, я из его показаний установил, что он свыше трех-четырех лет до ареста, как уволен из РККА, и являлся перед арестом зам. начальника строительства какой-то больницы. Медведев отрицал какую бы то ни было антисоветскую работу и вообще связи с военными кругами в РККА, ссылаясь на то, что после демобилизации он этих связей больше не поддерживал. Однако, выполняя указания Ежова и Фриновского, я добился от него показаний о существовании военного заговора, о его активном участии в нем, и в ходе последующих допросов, в особенности после избиения его Фриновским в присутствии Ежова, Медведев назвал значительное количество крупных руководящих военных работников. По ходу дела я видел и знал, что связи, которые называл Медведев, были им вымышлены и он все время заявлял мне, затем Ежову и Фриновскому о том, что его показания ложны и не соответствуют действительности. Однако, несмотря на это, Ежов этот протокол доложил в ЦК...»[1].

Показания свои Е. Медведев дал через два дня после начала допросов, 8 мая 1937 г. Следовательно, М. Фриновский отдал распоряжение Радзивиловскому 6—7 мая. Значит, на совещании у И. Сталина в Кремле 5 мая Ежов получил от «вождя» соответствующие указания. Однако судя по тому, что Е. Медведев 8 мая подписал свои «показания» лишь о «троцкистской организации» Московского военного округа, возглавляемой Б. Фельдманом, прямого задания на показания о заговорщической деятельности М. Тухачевского, И. Якира и др. 5 мая 1937 г. Н. Ежов еще не получал. Во всяком случае, их не получил ни М. Фриновский, ни Радзивиловский. Зато у М. Фриновского могли быть в распоряжении какие-то сведения, позволявшие добиваться от Е. Медведева компрометирующих показаний против Б. Фельдмана. Ведь комкор Б. Фельдман не был «троцкистом», он пользовался в течение многих лет доверием К. Ворошилова. Обвиняемый бывший ком-

[1] Военные архивы России. Вып. 1. С. 36.

бриг Е. Медведев был, пожалуй, первым, кто в своих показаниях назвал в качестве «заговорщика», даже организатора «заговора» Б. Фельдмана. Кроме того, М. Фриновский приступил к подготовке ареста Б. Фельдмана без всяких опасений, уверенный в своих намерениях. Тогда же, 8 мая, начали добиваться «признаний» и от арестованного еще в августе 1936 г. В. Примакова. В тот же день, 8 мая, был арестован А. Корк. На него, бывшего командующего МВО, как и на бывшего (его) заместителя командующего МВО комкора Б. Горбачева, арестовашого еще 2 мая (в качестве командующего Уральским военным округом), уже давали с 22 апреля показания бывшие высшие руководители НКВД во главе с арестованным Г. Ягодой[1]. Именно командарма 2-го ранга А. Корка к этому времени, согласно показаниям арестованных высших чинов НКВД, считали лидером «военных» среди «заговорщиков»[2]. Думаю, что уверенность, с которой действовал М. Фриновский, была обусловлена в значительной мере содержанием и результатами его встречи с М. Тухачевским. Однако официальное «добро» на указанные действия М. Фриновский получил от Н. Ежова, которому соответствующие указания дал И. Сталин на совещании в Кремле 8 мая.

Только через два дня, 10 мая, были получены от Е. Медведева «показания» о том, что руководителем центра «контрреволюционного заговора» в Красной Армии является не А. Корк, а М. Тухачевский (кандидат в диктаторы), а в состав центра входят И. Якир, В. Путна, В. Примаков, А. Корк и др.[3]. Однако решение о подготовке ареста М. Тухачевского и И. Якира — наиболее значительных фигур среди «генералитета» — было принято И. Сталиным, очевидно, тогда же, 8 мая, одновременно с решением об аресте А. Корка. Косвенно это подтверждается тем фактом, что К. Ворошилов уже 9 мая подготовил для утверждения приказ о смещении М. Тухачевского с должности первого замнаркома, а И. Якира — с должности командующего КВО. Первоначально, до 8 мая, видимо, И. Якир не должен был еще фигурировать среди заговорщиков. Его фамилия не упоминалась в показаниях быв-

---

[1] *Ильинский М.* Нарком Ягода. С. 160.

[2] Там же. С. 162.

[3] *Викторов Б.А.* «Заговор» в Красной Армии... С. 223.

ших руководителей НКВД в апреле 1937 г. В записной книжке Н. Ежова есть запись: «Напасть на Медведева по Якиру»[1]. Значит, прежде не нападали. Это распоряжение явно появилось после 8 мая 1937 г. Очевидно, судьба И. Якира определилась после его встречи в Кремле с И. Сталиным также 8 мая 1937 г. Примечательны в этом отношении воспоминания Л. Кагановича, который был близким другом И. Якира. «...Я с Якиром дружил, — вспоминал Л. Каганович. — Он был моим другом. Я к нему очень хорошо относился в последние годы... В тридцать седьмом году, когда было дело Тухачевского и Якира, меня вызвали в ЦК. Там Ворошилов, Калинин, Молотов. Сталин меня спрашивает: «Как вы относитесь к Якиру?» Я говорю: «Я — хорошо» — «Что же это — хорошо?» — «Я знаю его как крепкого командира». Я говорю: «Вы, товарищ Сталин, хорошо помните, что я возражал против Якира в двадцать пятом году, и вы мне писали письмо, в котором просили принять Якира командующим и что Фрунзе за него ручается. Вы знаете, как я отношусь к вашему слову. Я ему поверил, бывал у него на военном совете, он бывал у меня. Я ему доверял». Сталин так посмотрел: «Верно, верно. Я писал письмо. Вопрос исчерпан»[2]. Этот рассказ, помимо информации, лежащей «на поверхности», позволяет утверждать, что своим ответом Л. Каганович решение участи своего друга И. Якира оставлял на усмотрение И. Сталина («вы же знаете, как я отношусь к вашему слову»).

Если Л. Каганович точно называет присутствовавших на встрече у И. Сталина, то это событие можно датировать 28 апреля 1937 г. Только в этот день М. Калинин оказался на данном совещании у И. Сталина вместе с В. Молотовым, К. Ворошиловым и Л. Кагановичем. Вероятно, именно в этот день И. Сталин решал вопрос о И. Якире. Однако для более полного суждения относительно поведения Л. Кагановича и его отношения к И. Якиру следует обратить внимание на продолжение его воспоминаний. «Молотов считал, что по их репрессиям все было правильно, — рассуждал Л. Каганович. — Я тоже того мнения, что не все, но часть из них была агентами правых. Возможно, что были двойники — и нашим, и вашим. Я думаю, что Якир был одним из двойников. Ес-

---

[1] Военные архивы России. Вып. 1. С. 35.

[2] *Чуев Ф.* Каганович. Шепилов. С. 53—54.

ли был военный заговор, то он приспособился»[1]. Учитывая все цитированное выше, можно полагать, что И. Сталин хотел выявить позицию Л. Кагановича в отношении И. Якира: будет ли он защищать командарма? Оставит ли его судьбу на усмотрение И. Сталина? Имеется ли у И. Якира чья-либо политическая поддержка? Л. Каганович всецело передал судьбу И. Якира на усмотрение «вождя». Позиция же И. Сталина в отношении И. Якира, очевидно, выражена мнением Л. Кагановича, что И. Якир был «двойником», то есть «и нашим, и вашим». Видимо, И. Сталин репрессировал И. Якира из-за того, что он не занял позицию решительного сторонника И. Сталина, оказался ненадежным: «если был военный заговор, то он приспособился» к заговорщикам, к М. Тухачевскому. Это, очевидно, обнаружилось и при обсуждении участи М. Тухачевского на совещании у И. Сталина 8 мая 1937 г., в котором принимали участие К. Ворошилов, В. Молотов, Н. Ежов и И. Якир. По некоторым сведениям, уже после ареста М. Тухачевского, 28 мая 1937 г., И. Якир получил официальный запрос по «делу Тухачевского». Он ответил, «что ни секунды не сомневается в невиновности Тухачевского, но против суда не возражает, рассматривая его как наилучшее средство для выяснения всех обстоятельств»[2]. Далее автор указывает, что И. Якир был арестован 31 мая 1937 г.[3]. Хронология этих событий явно нарушена: точно известно, что И. Якир был арестован 28 мая. Поэтому вряд ли он мог получить в день ареста указанный запрос. Да и выяснение мнения столь ответственного лица по столь важному вопросу было целесообразнее сделать в Кремле, а не по переписке. В выяснении позиции И. Якира на расстоянии таилась и другая опасность: в его распоряжении находились преданные ему войска КВО. А если вдруг командарм выразит несогласие с мнением руководства об участи М. Тухачевского и пригрозит использованием вооруженной силы? Лучше было бы на это время, на время принятия решения и выяснения мнения И. Якира, удалить его из Киева и иметь рядом, в Москве. Поэтому, скорее всего, И. Якира вызвали в Москву. Точно известно, что 8 мая он был на приеме у И. Сталина и

---

[1] *Чуев Ф.* Каганович. Шепилов. С. 54.

[2] Тайны кремлевского двора. Минск, 1993. С. 27.

[3] Там же.

принимал участие в обсуждении вопроса об отставке М. Тухачевского с должности первого замнаркома. Вероятно, именно тогда ему и был задан указанный выше вопрос. Тогда-то и был от него получен этот ответ. Он не продемонстрировал решительную поддержку И. Сталину, но и не отстаивал интересы М. Тухачевского. И. Сталин понял, что в случае какой-либо формы сопротивления со стороны М. Тухачевского (что не исключалось) И. Якир не окажет ему поддержку. Однако И. Сталин понял и другое — И. Якир не является безусловно преданным ему человеком. Он ненадежен, и если бы М. Тухачевскому «улыбнулось» счастье, И. Якир оказался бы на стороне маршала, «предав» его, И. Сталина. Поэтому 8 мая 1937 г. было решено добиваться от Е. Медведева «показаний» не только против М. Тухачевского, а также и против И. Якира, что не входило в первоначальный план И. Сталина и Н. Ежова.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на арест А. Корка 8 мая и открывшуюся возможность арестовать Б. Фельдмана, чтобы через них выйти на обвинение М. Тухачевского, этого сделано не было. Похоже, что А. Корк в этом плане особенно и не принимался во внимание следствием. Показаний, компрометирующих М. Тухачевского как участника «заговора», от А. Корка стали добиваться и добились лишь 16 мая. Б. Фельдман же был арестован только 15 мая, а показания против М. Тухачевского дал лишь 19 мая. Следовательно, этих «генералов», видимо, первоначально не рассматривали как «каналы» следствия, через которые целесообразно выходить на обвинение маршала.

От комбрига Е. Медведева начали добиваться показаний против арестованного еще 11 марта 1937 г. комкора М. Василенко и еще не арестованного комкора И. Смолина. Цель следствия заключалась не в самих этих фигурах. Один из «генералов», как отмечено, уже был арестован. Целью был М. Тухачевский. 10 мая 1937 г. от Е. Медведева добились этих показаний: он сказал, что «от комкоров Василенко и Смолина ему было известно о Тухачевском, Якире, Путне, Туровском и Примакове как о руководителях военно-троцкистской организации»[1]. Примечательно, что показаний против И. Смолина добивались, и тоже с 8 мая, и от

[1] Военные архивы России. Вып. 1. С. 35—36.

В. Примакова. И он их дал 9 мая 1937 г. Напомню, что оба комкора какое-то время, до вступления в Красную Армию, служили в белых армиях Колчака и Деникина и шли по «делу РОВС». Ранее, касаясь этого «дела» и причастности к нему М. Тухачевского, уже отмечалось, что первый компромат на маршала появился еще в «Возрождении» в феврале 1936 г., после его встречи с одним из руководителей РОВС, генералом Н. Скоблиным. Похоже, что недалека от истины, несмотря на всю свою путаницу в воспоминаниях о М. Тухачевском, Л. Норд, утверждавшая, что маршал и многие высшие офицеры обвинялись в 1937 г. в подготовке антисоветского переворота совместно с РОВС. Видимо, и в мае 1937 г. по-прежнему эта версия «заговора Тухачевского», восходящего к февралю 1936 г., продолжала рассматриваться как основная. Похоже, что независимо от подлинных целей, которые преследовались «большой чисткой» высших офицеров, как в высшем звене власти (И. Сталин), так и в руководстве НКВД были убеждены: в феврале 1936 г. в Париже М. Тухачевский в конфиденциальных разговорах с лидерами РОВС обнаружил, возможно (если не очевидно), готовность предпринять антисоветский военный переворот. И этот вопрос так и остался без ответа: был ли маршал искренним перед своим старым товарищем-однополчанином Н. Ганецким и перед генералом Н. Скоблиным, когда сообщал им о своем намерении совершить военный переворот? Если нет, если он блефовал, то почему же не поставил в известность об этом партийно-государственное руководство, почему не сообщил ему об этом?

По свидетельству А. Орлова, «в октябре 1937 года один из высших чинов НКВД, Шпигельглас, прибыл навестить меня в Испанию... Говоря о часах, которые предшествовали аресту и казни Тухачевского, Шпигельглас поведал мне: «На самой верхушке царила паника. Все пропуска в Кремль были внезапно объявлены недействительными. Наши войска НКВД находились в состоянии боевой готовности. Это должен был быть целый заговор!»[1] Это подтверждает и В. Молотов: «...Нам даже была известна дата переворота...»[2]. Однако ни в следственных документах, ни в «Стенограмме» бухаринского процесса 1938 г., ни в документах реабили-

[1] *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. М., 1991. С. 233.

[2] *Чуев Ф.* Молотов. С. 516.

тационных, ни в мемуарной литературе не дается эта дата якобы планировавшегося переворота. В показаниях М. Тухачевского от 1 июня 1937 г. даже намека нет на военный переворот. «В связи с зиновьевским делом начались аресты участников антисоветского военно-троцкистского заговора, — показывал арестованный маршал. — Участники заговора расценивали положение как очень серьезное. Можно было ожидать дальнейших арестов, тем более что Примаков, Путна и Туровский отлично знали многих участников заговора, вплоть до его центра»[1]. Учитывая, что М. Тухачевский говорит о С. Туровском как уже арестованном, речь ведется о времени после сентября 1936 г. Далее маршал продолжал: «Поэтому, собравшись у меня в кабинете и обсудив создавшееся положение, центр принял решение о временном свертывании всякой активной деятельности в целях максимальной маскировки проделанной работы. Решено было прекратить между участниками заговора всякие встречи, не связанные непосредственно со служебной работой»[2]. М. Тухачевский ничего не говорит об осенних маневрах 1936 г., об очень важном заседании Военного совета при наркоме обороны 13—19 октября 1936 г. Ничего не говорится о «процессе Пятакова— Радека» в январе 1937 г., о февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 г. и т. д. Ни намека на «признание» подготовки военного переворота в мае 1937 г. Ни слова, ни намека на подготовку и планирование именно «военного переворота» под руководством М. Тухачевского ни в 1936, ни в 1937 годах не обнаруживается в стенограмме выступления И. Сталина на заседании Военного Совета 2 июня 1937 г. Максимум, что именно в этом отношении можно было инкриминировать М. Тухачевскому в контексте выступления И. Сталина, так это то, что он поддерживал готовящийся «кремлевский переворот». Из контекста выступления И. Сталина следовало, что речь могла идти о планировавшемся якобы перевороте до октября 1935 г., когда Московским округом командовал А. Корк, комендантом Кремля был Р. Петерсон, начальником школы ВЦИК, размещавшейся в Кремле, был Н. Егоров, наркомом внутренних дел — Г. Ягода. Поэтому вряд ли соответст-

---

[1] Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года // Кровавый маршал... С. 103.

[2] Там же. С. 103—104.

вуют истине в этом отношении воспоминания В. Молотова о том, что известна была дата «переворота», равно как и эмоциональная реакция С. Шпигельгласа (со слов В. Кривицкого). Поэтому «генералов» можно было обвинить в поддержке предполагаемого «кремлевского переворота». Однако уместно вспомнить о том, что можно было инкриминировать самому М. Тухачевскому.

В своих ключевых показаниях от 26 апреля 1937 г. Г. Ягода утверждал: «Лично я связи с военными не имел. Моя осведомленность о них шла от Енукидзе. Я знал о Корке и Горбачеве; я знал, что были и другие военные, участники заговора (Примаков, Путна, Шмидт и др.). В конце 1933 года Енукидзе в одной из бесед говорил мне о Тухачевском. Говорил как о человеке, на которого они ориентируются и который будет с правыми в случае переворота. Это был единственный разговор о Тухачевском, и разговор очень неопределенный». Г. Ягода обратил внимание Енукидзе на то, что Корк не такая крупная и авторитетная в военной сфере фигура, вокруг которой можно собрать все оппозиционные в армии группы. Следовало бы подобрать и вовлечь в дело более авторитетного деятеля. Никого конкретно Ягода не называл, но имел в виду Тухачевского. И вот тогда-то Енукидзе и заявил: это Тухачевский. «На вопрос, завербован ли Тухачевский, — продолжал показывать Г. Ягода, — Енукидзе ответил, что это не так просто, но вся военная группа ориентируется на Тухачевского как на будущего руководителя в армии, а может быть, и выше...»[1]. В целом показания Г. Ягоды подтверждаются и показаниями самого М. Тухачевского от 1 июня 1937 г. «В 1935 г., поднимаясь по лестнице на заседание Пленума ЦК, на котором рассматривался вопрос Енукидзе, — вспоминал маршал, — я встретил последнего, и он мне сказал, что в связи с его делом, конечно, весьма осложняется подготовка «дворцового переворота», но что в связи с тем, что в этом деле участвует верхушка НКВД, он, Енукидзе, надеется, что дело замрет. Между прочим, Енукидзе сказал, что он рекомендует мне связаться с Караханом, доверенным человеком, т. е. Карахан хорошо информирован в вопросах международной политики»[2]. Далее М. Тухачевский сказал: «Я стал следить за разговора-

[1] Цит. по кн.: *Ильинский М.* Нарком Ягода. С. 160—161.

[2] Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 г. // Кровавый маршал... С. 97.

ми Ягоды, но ни одного прямого разговора с ним не имел. Две реплики Ягоды, как мне показалось, намекали на то, что он знает о моей роли в военном заговоре»[1]. Что же это за реплики? «На банкете по случаю 60-летия Калинина (в ноябре 1935 г. — *С.М.*) Ягода спросил меня: «Ну, как дела, главный из борцов?» — вспоминал М. Тухачевский, — а в 1936 г., во время парада на Красной площади (очевидно, 1 мая. — *С.М.*), сказал: «В случае надобности военные должны уметь подбросить силы к Москве», в чем я понял намек на поддержку «дворцового переворота»[2]. Оба случая толковать так, как это делает М. Тухачевский, можно лишь в заведомом контексте рассуждений о не вызывающем сомнений «политическом заговоре». Но едва мы отвлечемся, усомнимся в существовании «заговора», как сразу же «криминально-политический» смысл реплик исчезает. Что же касается разговора М. Тухачевского с А. Енукидзе, то вряд ли можно усомниться в большой вероятности такой встречи этих давно знавших друг друга людей, но кто может проверить, о чем между ними шла речь? Разве что исходить из предпосылки: раз встречаются два заведомых «заговорщика», то, разумеется, им более не о чем говорить, как только о «заговоре».

Конечно, в контексте политических привычек, представлений тех лет, все ранее отмеченные и рассмотренные кулуарные встречи и предполагаемые в ходе этих встреч разговоры с критикой политического курса, армейских порядков, внешней политики, конкретных политических «вождей», в которых, пусть даже молча, принимал участие М. Тухачевский, но не сообщил о них ни правительству, ни в ЦК, ни в НКВД, можно и следует квалифицировать как участие в «заговоре» против существующей власти. Эта же власть, присвоившая себе монопольное право на политическую и идеологическую истину, олицетворяла Советскую власть, социализм, коммунистические идеалы и т. д. Следовательно, этот «заговор» являлся «заговором против Советской власти». Единственный вопрос, так и оставшийся без ответа и тогда (для И. Сталина, Н. Ежова и др.) и на который и ныне нельзя ответить однозначно и безапелляционно, это вопрос: был ли М. Тухачевский искренен

---

[1] Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 г. // Кровавый маршал... С. 98.

[2] Там же.

в разговорах со своим старым приятелем Н. Ганецким, генералом Н. Скоблиным и другими представителями белой военной эмиграции в феврале 1936 г., или он блефовал, мистифицировал их? Но почему же он не уведомил об этом заранее московские власти?

Что же касается обвинений маршала в «измене Родине», то я не буду останавливаться на этом вопросе. Он весьма детально и убедительно, на основе архивных материалов исследован и в книге О.Ф. Сувенирова[1], и в недавно изданных двух книгах Н.С. Черушева[2]. За подробностями, и не только касающимися маршала М. Тухачевского, но и связанными с судьбами многих других высших и старших офицеров Красной Армии, репрессированных в 1936—1941 гг., я отсылаю к этим изданиям. Кроме того, по-прежнему важнейшим источником (хотя и далеко не полным и не лишенным известной тенденциозности) по этому вопросу остается «Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу...»[3]. Думаю, обвинения в «измене Родине», предъявленные М. Тухачевскому и другим и ставшие основанием для их расстрела, вряд ли выдерживают ныне серьезную критику. Основополагающей причиной, побудившей И. Сталина пойти на уничтожение маршала, была выраженная неоднократно В. Молотовым: «был ненадежен» в случае внутриполитических или внешнеполитических осложнений для СССР и лично И. Сталина.

Однако следует все-таки сказать: М. Тухачевский неоднократно ходил по грани, отделявшей лояльного «генерала» от «генерала Бонапарта», готового на «18 Брюмера». Конечно, во всем его политическом поведении всегда ощущалась доля «игры», своеобразного и даже не «маскарада», когда прикрываются «масками», но «карнавала», когда играют роль, вживаясь в нее и искренне переживая чувства «изображаемого Героя». М. Тухачевский оказывался на этой «грани» и в этой игре и в 1923—1924 гг., и в 1930 г., и

---

[1] *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА, 1937—1938. М., 1998.

[2] *Черушев Н.С.* 1937 год: элита Красной Армии на Голгофе. М., 2003; *Его же.* Удар по своим. Красная Армия 1938—1941. М., 2003.

[3] Военные архивы России. М., 1993. Вып. 1; Военно-исторический архив. М., 1997—1998. Вып. 1, 2, 3 и далее.

в 1936—1937 гг. Да, он не готовил военный переворот весной 1937 г. Он отказывался от предложений своего друга Б. Фельдмана, от своего бывшего соратника А. Корка, может быть, от предложений А. Розенгольца или Н. Крестинского (допустить это хотя бы на 1% можно) в марте—апреле 1937 г. Он ведь и не ставил в известность об этом ни ЦК, ни НКВД. Он обсуждал эти вопросы с указанными лицами как перспективу возможного, пусть даже вынужденного, взятия власти и установления военной диктатуры в СССР в 1930 г. с Н. Какуриным и И. Троицким. Думается, он не исключал окончательно такой вариант для себя. Не тогда, в марте—мае 1937 г. Но нельзя было бы поручиться за то, что М. Тухачевский в изменившейся ситуации, которую он оценил бы иначе, не сделал того, от чего отказался весной 1937 г. В политико-ментальной обстановке тех лет и при той политической и идеологической системе И. Сталин не мог отправить «ненадежного», но авторитетного военного вождя в отставку или в тюрьму. В таковом состоянии маршал оставался для любой оппозиции и знаменем, и потенциальным вождем альтернативного Сталину политического режима. Конфликт между М. Тухачевским и И. Сталиным зашел настолько далеко, что даже полная реабилитация маршала тогда же, в 1937 г., даже возведение его на высшую ступеньку в должностной воинской иерархии — на пост наркома обороны — не избавляли ни И. Сталина, ни М. Тухачевского от взаимного недоверия и подозрительности. И сражение, прекращенное в 1937-м, могло возобновиться в любой кризисной ситуации для страны и для «вождей». Сражение не на жизнь, а на смерть.

«Тухачевский был и всегда, в любой ситуации, оставался профессиональным военным, — вспоминал о своем друге молодости Дмитрий Шостакович. — Его мысли вертелись исключительно вокруг военных вопросов. В такие моменты он был мне одновременно симпатичен и несимпатичен. Я с большей охотой слушаю специалистов, чем дилетантов. Но он был специалистом в ужасной профессии. Его профессия заключалась в том, чтобы шагать через трупы, и как можно успешнее».

В далеком, славном и драматичном для него 1920-м он, бывший Императорской лейб-гвардии Семеновского полка подпоручик Михаил Тухачевский, командующий советским Западным

фронтом, вознамерившийся завоевать Европу, почти в поэтическом вдохновении взывал в своем знаменитом приказе:

«Солдаты!.. Путь мирового пожара проходит через труп белой Польши...» Он готов был шагать через трупы и... вдохновлялся этим.

...Испепеляющие годы:
Безумье ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы
Кровавый отсвет в лицах есть.
Есть немота —
То гул набата заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.
И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье.
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят Царствие Твое, —

писал А. Блок. Михаил Тухачевский читал его на одном из вечеров, в 1935 или 1936 г. Он рассказывал себя, уже подводя итоги своей еще совсем недолгой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Архивные материалы

1. ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 1—24 (11 300 листов).

2. ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 25. Д. 14.

3. РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 15а, 60, 195-сс, 1070, 1107.

4. РГВА. Ф. 4 Оп. 796-сс. Д. 71.

5. РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 762.

6. РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 170 (20 листов).

7. РГВА. Ф. 104 (Управления армиями Западного фронта). Оп. 3. Д. 19, 21, 26, 29, 168, 174, 195.

8. РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192, 1194.

9. РГВА. Ф. 37605. Оп. 2. Д. 1, 2.

10. РГВА. Маршал М.Н. Тухачевский (Комплект документов из фондов РГВА, копии). М., РГВА, 1994.

11. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 72, 87, 151, 295, 400, 505, 1028, 1049, 1080, 1295.

12. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 687.

13. РГВИА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 40—47.

14. РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д. 195, 198, 228.

15. РГВИА. Ф. 2577. Оп. 2. Д. 353, 356, 371.

16. РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 865.

17. РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2595, 2756, 2822, 2973, 3104.

18. РГВИА. Ф. 2740. Оп. 1. Д. 154, 282, 283, 284, 286.

19. РГВИА. Ф. 3547. Оп. 1. Д. 126, 128, 139.

20. ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 25, 55, 56, 57, 62, 63, 64.

21. ГАОО. Ф. 580. Оп. 3. Д. 14.

22. ГАОО. Ф. 672. Оп. 3. Д. 14.

24. РГВИА. Послужные списки.

25. РГВА. Послужные списки.

Опубликованные архивные документы

26. *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество, 1922—1933. Неизвестные документы (Сборник документов). М., 1992.

27. Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям в измене Родине, терроре и военном заговоре // Военные архивы России. М., 1993. Вып. 1; Военно-исторический архив. М., 1997. Вып. 1, 2, 3; 1998. Вып. 4.

28. Рейхсвер и Красная Армия: Документы из военных архивов Германии и России. 1925—29. И.А. Ильин и П.Н. Врангель: 1923—1928 гг. Переписка // Русское прошлое. СПб, 1996. № 6.

30. Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в РККА (к 1 марта 1923 г.). М., 1923.

31.1937. Показания маршала Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1991. № 8, 9.

32. Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года. // Кровавый маршал. Михаил Тухачевский, 1893—1937. СПб, 1997.

33. Русская военная эмиграция 20—40-х годов: Документы и материалы. М., 1998. Т. 1, кн. 1—2.

34. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов: Сборник документов в двух книгах. М., 1998.

35. На борьбу с лимитрофами...: Стенограмма заседания РВС СССР с командующими войсками МВО, УВО и БВО и начальниками морских сил Балтийского и Черного морей от 8 мая 1928 г. // Военно-исторический журнал. 1993. № 4.

36. 7-й Всебелорусский съезд Советов. Май 1925 г.: Стенографический отчет. Минск, 1925.

37. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1992. № 2—12; 1993. № 1—12; 1994. № 1—12; 1995. № 1—12.

38. Судебный отчет по делу антисоветского право-троцкистского блока 2—12 марта 1938 г. М., 1997.

39. Советское руководство. Переписка, 1928—1941: Сборник архивных документов. М., 1999.

40. Генрих Ягода. Нарком внутренних дел, Генеральный комиссар госбезопасности: Сборник документов (из архива ФСБ). Казань, 1997.

41. Политическая история русской эмиграции 1920—1940: Документы и материалы. М., 1999.

Мемуары, статьи военных теоретиков

42. Александр Тодорский: Воспоминания друзей и соратников. М., 1986.

43. *Бенуа Г.* Воспоминания // Простор. 1967. № 9.

44. *Бармин А.* Соколы Троцкого. М., 1997.

45. *Беседовский Г.* На путях к Термидору. М., 1997.

46. *Блюхер Г.И.* С Василием Константиновичем Блюхером — шесть лет // Военно-исторический журнал. 1989. № 3, 4, 5; 1990. № 1.

47. *Иссерсон Г.С.* Воспоминания современника о М. Тухачевском // Военно-исторический журнал. 1963. № 2.

48. *Иссерсон Г.С.* Судьба полководца // Дружба народов. 1988. № 5.

49. *Касаткин-Ростовский Ф.Н., князь.* О Тухачевском // Семеновский бюллетень. 1935. № 15; Часовой. 1936. 15 января, № 162.

50. Командарм Уборевич: Воспоминания друзей и соратников. М., 1964.

51. Командарм Якир: Воспоминания друзей и соратников. М., 1965.

52. *Кривицкий В.* Я был агентом Сталина. М., 1996.

53. Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. М., 1965.

54. *Норд (Загорская) Л.А.* Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском // Возрождение. Париж, 1957. Тетради № 63—68.

55. *Орлов В.* Двойной агент. М., 1998.

56. *Посторонкин В.Н.* Тухачевский // Военно-исторический журнал. 1990. № 12.

57. *Савинков В.* «Красные» (Записки) // Родина. 1999. № 7.

58. *Серебрякова Г.* О других и о себе // *Серебрякова Г.* Собрание сочинений. М., 1979. Т. 5.

59. *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М., 1988.

60. *Шелленберг В.* Мемуары. Минск, 1998.

61. *Шпальке К.* Источники истории о Михаиле Тухачевском // Гутен Таг. 1988.

Мемуарные источники на иностранных языках

62. *Gamelin M.* Servir. Le prologue du drame (1930-aout 1939). Paris, 1946. T. 2.

63. *Fervacque P.* Le chef de l...armee Rouge — Mikail Touratchevski. Paris, 1928.

64. *Tabouis G.* They Called me Cassandra. New York, 1942.

Статьи, исследования, выступления М. Тухачевского

65. *Тухачевский М.Н.* Война и военное искусство в свете исторического материализма // К вопросу о современной стратегии. М., 1927.

66. *Тухачевский М.Н.* Война классов: Статьи 1919—1920 гг. Смоленск, 1921.

67. *Тухачевский М.Н.* Война и милиционная армия // Правда. 1921. 26 февраля, № 43.

68. *Тухачевский М.Н.* Вопросы высшего командования. М., 1924.

69. *Тухачевский М.Н.* Вопросы современной стратегии. М., 1926.

70. *Тухачевский М.Н.* К съезду ВНО // Военная мысль и революция. 1924. № 6; Красная звезда. 1924. 18 августа.

71. *Тухачевский М.Н.* Красная Армия и милиция. Смоленск, 1921.

72. *Тухачевский М.Н.* Красная Армия на 6-м году революции // Красная присяга. 1923. № 18.

73. *Тухачевский М.Н.* Новые вопросы войны // Военно-исторический журнал. 1962. № 2.

74. *Тухачевский М.Н.* О новом Полевом уставе РККА // Красная звезда. 1937. 6 мая, № 103.

75. *Тухачевский М.Н.* О социалистической армии: Тезисы // Правда. 1921. 12 марта, № 55.

76. *Тухачевский М.Н.* О характере современных войн в свете решений 6-го Конгресса Коминтерна: Доклад на заседании военной секции при Комакадемии 16 декабря 1929 г. // Записки Коммунистической академии. М., 1930. Т. 1.

77. *Тухачевский М.Н.* О стратегических взглядах профессора Свечина // Против реакционных теорий на военно-научном фронте. М., 1931.

78. *Тухачевский М.Н.* Политика и стратегия в гражданской войне // Революционный фронт. 1920. 18 января, № 2.

79. *Тухачевский М.Н.* Поход за Вислу. *Пилсудский Ю.* 1920 год. М., 1992.

80. *Тухачевский М.Н.* Революция извне // Революция и война. 1920. № 3.

81. *Тухачевский М.Н.* Рецензия на книгу Е.Н. Сергеева «От Двины к Висле» // Военный вестник. 1922. № 17/18.

82. *Тухачевский М.Н.* Стратегия национальная и классовая. Лекция, читанная в Академии Красного Генерального штаба 24 декабря 1919 года. Ростов н/Дону, 1920.

83. *Тухачевский М.Н.* Стратегия организации // Военный вестник. 1924. № 28.

Работы военачальников и военных теоретиков 20—30-х годов

84. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. Ч. 2 // Военно-исторический журнал. 1989. № 10, 12; 1990. № 1, 2.

85. Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции // Российский военный сборник. М., 1999.

86. Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах, 1917—1940. М., 1965.

87. Вопросы тактики в советских военных трудах, 1917—1940. М., 1970.

88. *Ворошилов К.Е.* Статьи и речи. М., 1936.

89. *Егоров А.И.* Львов — Варшава. 1920 // Взаимодействие фронтов. М., 1929.

90. *Какурин Н.Е.* На пути к Варшаве // Революция и война. 1921. № 4/5.

91. *Какурин Н.Е.* Стратегия пролетарского государства. М., 1921.

92. *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1—2.

93. *Липке С.Р.* Нужны ли сейчас Красной Армии военные комиссары // Революция и война. 1922. № 14/15.

94. *Меликов В.А.* Марна 1914. Висла 1920. Смирна 1922. М.; Л., 1928.

95. *Меликов В.А.* Сражение на Висле в свете опыта майско-августовской кампании 1920 г. // Война и революция. 1930. № 10.

96. *Мерецков К.А.* На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1968.

97. Постижение военного искусства. Идейное наследие А. Свечина: Российский военный сборник. М., 1999.

98. *Свечин А.А.* Стратегия. М., 1926.

99. *Сергеев Е.Н.* От Двины к Висле. Смоленск, 1923.

100. *Софронов Г.П.* Неподвластное времени. М., 1976.

101. *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. М., 1996.

102. *Триандофиллов В.К.* Характер операций современных армий. М., 1929.

103. *Троцкий Л.Д.* Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство // Военная наука и революция. М., 1921.

104. *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М., 1990. Т. 1—2.

105. *Троцкий Л.Д.* Сталин. М., 1990. Т. 1—2.

106. *Фрунзе М.В.* Избранные произведения. М., 1957. Т. 1—2.

Монографии, статьи, популярные издания

107. *Айрапетян Г.А.* Железный Гай. М., 1980.

108. *Айрапетян Г.А.* Комкор Хаханьян. Ереван, 1970.

109. Андрей Евгеньевич Снесарев (Жизнь и научная деятельность). М., 1973.

110. *Антонов-Овсеенко А.В.* Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 9.

111. *Ахтамзян А.А.* Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920—1933 гг. // Новая и новейшая история. 1990. № 5.

112. *Бурин С.* Григорий Котовский. Легенда и быль. Смоленск, 1999.

113. *Викторов Б.* «Заговор» в Красной Армии // *Викторов Б.А.* Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора. М., 1990.

114. *Гессен И.* Годы изгнания. Жизненный отчет // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М., 1994. Т. 1.

115. *Горелик Я.М.* Август Корк // Вопросы истории. 1987. № 7.

116. *Горелик Я.М.* Красный командарм // Военно-исторический журнал. 1980. № 10.

117. *Горелик Я.Р.* Маршал М.Н. Тухачевский. Пенза, 1986.

118. *Горлов С.А.* Совершенно секретно. Альянс Москва — Берлин 1920—1933 гг. Военно-политические отношения СССР — Германия. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

119. *Гуль Р.* Тухачевский // *Гуль Р.* Красные маршалы. М., 1990.

120. *Дайнес В.О.* Михаил Николаевич Тухачевский // Вопросы истории. 1989. № 10.

121. *Захаров М.В.* Ученый и воин. (О Маршале Советского Союза Б.М. Шапошникове.) М., 1974.

122. *Иванов В.М.* Маршал М.Н. Тухачевский. М., 1990.

123. *Иссерсон Г.* Развитие теории советского оперативного искусства в 30-е годы // Военно-исторический журнал. 1965. № 1, 3.

124. *Колпакиди А., Прохоров Д.* Империя ГРУ. М., 2000. Т. 1—2.

125. *Коротков И.А.* История советской военной мысли. М., 1980.

126. *М.В. Фрунзе.* Военная и политическая деятельность. М., 1984.

127. *Минаков С.Т.* За отворотом маршальской шинели. Орел, 1999.

128. *Минаков С.Т.* Советская военная элита 1920—1930-х годов и Запад // Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998.

129. *Минаков С.Т.* Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000.

130. *Млечин Л.* «Фермер» сообщает из Парижа. М., 1992.

131. *Млечин Л.* Алиби для великой певицы. М., 1997.

132. *Ненароков А.П.* Верность долгу. М., 1989.

133. *Ненароков А.П.* Историк гражданской войны // Военно-исторический журнал. 1965. № 11.

134. *Ненароков А.П.* Штабс-капитан, маршал, враг народа // Родина. 1989. № 10.

135. О Михаиле Фрунзе: Воспоминания, очерки, статьи современников. М., 1985.

136. *Орлов Б.М.* В поисках союзников: командование Красной Армии и проблемы внешней политики СССР в 30-е годы // Вопросы истории. 1990. № 4.

137. *Парнов Е.* Заговор против маршалов. М., 1997. Кн. 1—2.

138. *Плимак Е.Г., Антонов В.С.* Тайна «заговора Тухачевского». (Невостребованное сообщение советского разведчика.) // Отечественная история. 1998. № 4.

139. *Прокопенко А.С.* Чего хотел Тухачевский // Военно-исторический журнал. 1990. № 8.

140. *Пфафф И.* Прага и дело о военном заговоре // Военно-исторический журнал. 1988. № 10/12.

141. *Раппопорт В.Н., Геллер Ю.А.* Измена Родине. М., 1995.

142. *Роговин В.* 1937. М., 1996.

143. *Рыжаков А.* К вопросу о строительстве бронетанковых войск Красной Армии в 30-е годы // Военно-исторический журнал. 1968. № 8.

144. *Самуэльсон Л.* Красный колосс. Становление советского военно-промышленного комплекса, 1921—1941. Пер. с англ. М., 2001.

145. *Селиванов П.* А.И. Кук // Военно-исторический журнал. 1976. № 1.

146. *Симонов Н.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.

147. *Соколов Б.* Михаил Тухачевский. Жизнь и смерть красного маршала. Смоленск, 1999.

148. *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА, 1937—1938. М., 1998.

149. *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930—1931 годы. М., 2000.

150. *Тополянский В.* Вожди в законе: Очерки физиологии власти. М., 1996.

151. *Уотт Д.К.* Кто против кого устроил заговор // Вопросы истории. 1989. № 6.

152. *Черушев Н.С.* 1937 год: элита Красной Армии на Голгофе. М., 2003.

153. *Черушев Н.С.* Удар по своим. Красная Армия 1938—1941. М., 2003.

154. *Чуев Ф.* Каганович. Шепилов. Исповедь сталинского апостола. М., 2001.

155. *Чуев Ф.* Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999.

156. *Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Красный маршал. М., 1990.

157. *Юнг К.Г.* Психологические типы. М.; СПб, 1995.

158. *Якупов Н.М.* Сталин и Красная Армия (Архивные находки) // История СССР. 1991. № 5.

Иностранные издания

159. *Alexandrov V.* L...affaire Toukhatchevsky. Paris, 1962.

160. *Butson T.G.* The tsar...s leutenant, the soviet marshal. New York, 1984.

161. *Castellan G.* Reichswehr et Armee Rouge 1920—1939 // Les relations germano-sovietiques de 1933 a 1939. Paris, 1954.

162. *Erickson J.* The Soviet High Command: A Military-Political history 1918—1941. London; New York, 1962.

163. *Glantz D.V.* Stumbling Colossus. The Red Army on the eve of World War. Lawrence (Kansas), 1998.

164. *Strobinger R.* Stalin enthauptet die Rote Armee. Stuttgart, 1990.

165. *Wieczorkiewiecz P.P.* Sprawa Tuchaczewskiego. Warsawa, 1994.

Справочные издания

166. Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь «Гранат». М., 1989 (Репринтное издание).

167. *Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: Материалы к истории Белого движения. М., 1997.

168. Кто руководил НКВД, 1934—1941: Справочник. М., 1999.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава I
«Вождь Красной Армии» — Михаил Тухачевский 10

Глава II
Лейб-гвардии Семеновского полка подпоручик
Михаил Николаевич Тухачевский 50

Глава III
«Организация Тухачевского» и «дело Варфоломеева» 202

Глава IV
М. Тухачевский и модернизация армии. 331

Глава V
«Военная тревога» 1935—1936 гг.
«Заговор Тухачевского» 465

Литература 629

ЛУЧШЕЕ ИЗДАНИЕ

ИГОРЯ БУНИЧА

В РОССИИ!

В серии "Морская библиотека" выходят известные во всем мире книги И. Бунича о военно-морском флоте, содержащие уникальные фотодокументы.

Также в серии:

"В огне государственного катаклизма", "Долгая дорога на Голгофу", "Второй Перл-Харбор", "Порт-Артурская ловушка", "Таллинский переход",

Юрий Мухин

Книги известного публициста и главного редактора газеты «Дуэль» Юрия Мухина публикуются в двух сериях – «Война и мы» и «Путь России».

В своих работах автор анализирует причины поражения Рабоче-Крестьянской Красной Армии в начальный период войны 1941-1945 г.г. и открывает факты предательства генералитета Красной Армии с последующим искажением истории Великой Отечественной войны.

Читайте книги Юрия Мухина

«Асы и пропаганда», «Жертвы Второй Мировой», «Россия. Еще не вечер»

Сергей Минаков

СТАЛИН И ЕГО МАРШАЛ

Редактор *А. Мартынова*
Художественный редактор *А. Козаченко*
Компьютерная верстка *А. Колесников*
Корректор *Н. Самойлова*
Ответственный за выпуск *А. Светлова*

ЛР № 065715 от 05.03.1998. ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15
Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, 18, к.5.
Тел.: (095) 745-58-23.

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.08.2004
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Бодони». Печать офсетная. Бум. тип.
Усл. печ. л. 33,6. Тираж 5 000 экз. Заказ № 10229.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО "Тульская типография".
300600, г. Тула, пр. Ленина,109 .

РУССКИЕ ТАЙНЫ

По сей день "дело Тухачевского" рождает вопрос: было ли оно следствием безумного и болезненного деспотического своеволия сумасшедшего диктатора, самоубийственно уничтожившего своих генералов, невинных жертв "великой чистки", или И. Сталин действительно оказался жертвой честолюбивых замыслов "красного Бонапарта", вынудившего творца СССР провести столь болезненную "хирургическую" политическую операцию — единственный возможный способ защитить страну от внутреннего врага перед лицом грядущей агрессии с Запада?

ISBN 5-699-05916-4